

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2018

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 8 **Том 24**

2 0 1 8 **Volume 24**

№ 2
Апрель – Июнь

№ 2
April – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет. Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 10 Бутин А.Ю.**
О возникновении города Нерехты
- 15 Мещеряков Г.А.**
Создание Донской военной флотилии в 1733–1735 гг.
- 19 Бартов В.П.**
Критический взгляд на результаты религиозной деятельности графа А.П. Бобринского в Тульской губернии в конце XIX века
- 23 Джагарян Е.А.**
Московская периодическая печать как исторический источник по изучению образа Москвы в последней трети XIX – начале XX в.
- 28 Романовский В.К.**
О пребывании Н.В. Устрялова в Перми
- 33 Абовян Е.Н., Дзюбан В.В.**
Использование потенциала оккупированной территории Брянского региона в борьбе между советским и германским руководством в 1941–1943 гг.
- 37 Печерский В.А.**
Борьба с бандитизмом в Сибири в годы Великой Отечественной войны
- 42 Осмаев М.К.**
К вопросу о подготовке квалифицированных рабочих в Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны
- 46 Некрылова О.Г., Добровольский Е.С.**
Концепция христианского социализма в первых программных документах Христианско-демократического союза в Западной и Восточной Германии
- 50 Карпов А.В.**
Развитие жилищно-коммунального хозяйства Вологодской области в 1945–1953 гг.
- 55 Сазонов Д.И.**
Состояние духовенства и верующих в приходах Русской православной церкви в 1958–1988 гг. как показатель религиозности населения СССР (по материалам прессы Центральной России)
- 60 Горлова Н.И.**
Воспоминания общественных активистов как исторический источник сведений о формировании и развитии природоохранного волонтерского движения в 1960–1980 гг.
- 64 Кускова С.А.**
Освещение первого визита Н.С. Хрущёва в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды»)
- 69 Ионова Е.Н.**
Вопрос об образовании для испаноязычного населения США в контексте проблемы ассимиляции латинос (по материалам слушаний в конгрессе США в первой половине 1980-х годов)
- 74 Данюк Н.С., Семибратов Е.В.**
Подходы России и стран Запада к оценке событий Евромайдана на Украине (2013–2014 гг.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 80 Яценко М.В.**
Древнеанглийская поэма «Даниил»: особенности жанра христианского эпоса

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 10 A.Yu. Butin**
On founding of the town of Nerekhta
- 15 G.A. Meshcheryakov**
The creation of the Don military flotilla in 1733—1735
- 19 V.P. Bartov**
A critical overview of the results of religious activities of Count Aleksey Bobrinskiy in Tula Province in the late 19th century
- 23 Ye.A. Dzhagaryan**
Moscow periodicals as a historical source for the study of the image of Moscow in the last third of the 19th—the early 20th century
- 28 V.K. Romanovskiy**
On Nikolay Ustryalov's stay in Perm
- 33 Ye.N. Abovyan, V.V. Dzyuban**
Use of the potential of the occupied territory of Bryansk Region in the struggle between the Soviet and the German leadership in 1941—1943
- 37 V.A. Pecherskiy**
Fight against banditry in Siberia during the Great Patriotic War
- 42 M.K. Osmayev**
On the issue of the training of skilled workers in the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War
- 46 O.N. Nekrylova, Ye.S. Dobrovolskiy**
The concept of "Christian socialism" in the first programme documents of the Christian Democratic Union in West and East Germany
- 50 A.V. Karpov**
Development of housing and communal services of Vologda Region in 1945—1953
- 55 D.I. Sazonov**
The state of clergy and the believers in the parishes of the Russian Orthodox Church in 1958—1988 as an indicator of religiosity of the USSR population (based on press materials of Central Russia)
- 60 N.I. Gorlova**
Memoirs of public activists as a historical source of formation and development of natural volunteer movement in 1960s—1980s
- 64 S.A. Kuskova**
Press-coverage of Nikita Khrushchev's first trip to the USA by American and Soviet newspapers (on the example of "The New York Times" and "Pravda")
- 69 Ye.N. Ionova**
The Issue of Latin-Americans' education in the context of their assimilation (on the base of hearings in the US Congress in the early 1980s)
- 74 N.S. Danyuk, Ye.V. Semibratov**
Approaches of Russia and the Western nations to appraisal of the Ukraine crisis events (2013—2014)

SCIENCE OF LITERATURE

- 80 M.V. Yatsenko**
Old English poem "Daniel": peculiarities of the genre of Christian epic

- 86 Софронова И.В.**
Чувашский героический эпос «Улып»: история создания и поэтика
- 90 Жилияков С.В.**
Архетипический образ поединка в древнерусской литературе: на примере «Сказания о Мамаевом побоище»
- 95 Чекалов К.А.**
«Бессмертные у нас» романы Ксавье де Монтепена и их русские переводы
- 101 Патронникова Ю.С.**
Каролина Инверницио: некоторые особенности поэтики (на примере романа «Поцелуй покойницы» (1896))
- 108 Токарев Г.В.**
Представления Л.Н. Толстого о религии-вере
- 111 Дмитриев А.П.**
Н.С. Лесков и Н.П. Гиляров-Платонов: моменты единомыслия и разногласий в публицистике современников
- 116 Кунильский А.Е.**
Тема жизни в русской литературе второй половины XIX века
- 122 Белопухова О.В.**
Тургенев и музыка (по материалам статьи Хорста-Юргена Герика о И.С. Тургеневе)
- 126 Муртузалиева Е.А.**
Западноевропейский неоромантизм и его оценка в работе Д.С. Мережковского «Неоромантизм в драме»
- 130 Королева В.В.**
Стилизация гофмановской традиции в рассказе А.К. Толстого «Упырь» (к вопросу о рецепции Гофмана в русской литературе XIX – начала XX веков)
- 136 Лукин Д.С.**
Повесть Леонида Андреева «Иго войны» в контексте его творчества
- 139 Мишин А.В.**
Путешественник как политик и аналитик. Западные авторы о России 1920–1950-х гг.
- 144 Кузнецов С.А.**
Тело и лицо: телесность как фактор самоидентификации человека в прозе Герты Мюллер
- 149 Аврутина А.С.**
Трилогия Ахмеда Хамди Танпынара «Махур Бесте» как художественное единство
- 153 Страшнов С.Л.**
Стихи в системе массовой культуры (к постановке проблемы)
- 158 Сафарчиева Ф.Ф.**
Жанрово-терминологический аспект теории современного отечественного травелога
- 163 Раскин А.А.**
Методика анализа ведущих немецких газет, поднимающих проблему иммиграции в Германии, на примере публикаций о русских иммигрантах Интернет-версии газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»
- 86 I.V. Sofronova**
Chuvash heroic epic "Ulyp": history and poetics
- 90 S.V. Zhilyakov**
Archetype of the single combat image of in Old Rus' literature: the example of "The Tale of the Battle of Kulikovo"
- 95 K.A. Chekalov**
"Immortals in our country" Novels by Xavier de Montépin and their Russian Translations
- 101 Yu.S. Patronnikova**
Carolina Invernizio: some features of artistic manner (on the example of the novel "Dead Woman's Kiss" (1896))
- 108 G.V. Tokarev**
Leo Tolstoy's ideas about religion vs faith
- 111 A.P. Dmitriyev**
Nikolai Leskov and Nikita Gilyarov-Platonov: moments of unanimity and disagreement in the journalism of contemporaries
- 116 A.Ye. Kunil'skiy**
Theme of "life" in Russian literature of the second half of the 19th century
- 122 O.V. Belopukhova**
Ivan Turgenev and music. Horst-Jürgen Gerigk's article about Ivan Turgenev
- 126 Ye.A. Murtuzaliyeva**
The West European neo-romanticism and its assessment in Dmitry Merezhkovsky's work "Neo-Romanticism in the Drama"
- 130 V.V. Korolyova**
Stylisation of tradition of E. T. A. Hoffmann in Aleksey Konstantinovich Tolstoy's novella "The Vampire": (on the issue of E. T. A. Hoffmann's reception in the Russian literature of the 19th—the early 20th centuries)
- 136 D.S. Lukin**
"War's Burden" by Leonid Andreyev in the context of his oeuvre
- 139 A.V. Mishin**
A traveller as a politician and an analyst. Western authors about 1920s—1950s Russia
- 144 S.A. Kuznetsov**
Body and face: corporality as a factor of human identity in the prose of Herta Müller
- 149 A.S. Avrutina**
"Mahur Beste" trilogy by Ahmet Hamdi Tanpınar as an artistic unity
- 153 S.L. Strashnov**
Verses in the mass-culture system
- 158 F.F. Safarchiyeva**
Genre-terminological aspect of the theory of the modern Russian travelogue: travelogue vs "travel literature"
- 163 A.A. Raskin**
Technique of the analysis of the leading German newspapers raising an immigration issue in Germany, on the example of publications about the Russian immigrants of the Internet version of the newspaper "Frankfurter Allgemeine Zeitung"

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 167 Поспелова К.В.**
Древнефризские композиты и дериваты: синонимичные термины и их особенности
- 170 Лебединская В.Г.**
Лексика Архангельской платяной книги
Михаило-Архангельского монастыря
- 173 Ганцовская Н.С., Алексеев Д.И.**
Живопись Ефима Честнякова как видеоряд к его текстам: этнодиалектный аспект
- 178 Неганова Г.Д.**
Г.Г. Мельниченко и костромские тексты
- 181 Горлова Т.В.**
Топонимия малого провинциального города центра России как источник изучения процессов этно- и глоттогенеза (на примере топонимической системы города Нерехты Костромской области)
- 187 Виноградова П.П.**
Словарь хлебной лексики костромского края (проект)
- 190 Дмитрук Л.А.**
Фольклорно-обрядовая лексика в костромских говорах (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»)
- 194 Сенько Е.В., Чекоева А.С.**
Современная теория заимствования: терминологический аспект
- 198 Рябова М.Ю.**
Некоторые особенности функционала современной английской пунктуации
- 204 Никулина М.А.**
К вопросу об ассимиляции заимствованных терминологических единиц в современных условиях
- 208 Волкова Е.Б., Ременикова И.А., Вечеринина Е.А.**
Сравнительный анализ экспрессивности текстов математических произведений на русском и романо-германском языках
- 215 Григорьева Е.М.**
Основные направления развития современной новозеландской лексикографии
- 220 Захарова М.А., Исакович Е.А.**
Семантическая структура лексем *suit* и *costume*, обозначающих разновидности одежды: сопоставительный анализ
- 225 Гаталова М.А., Карташкова Ф.И.**
Специфика невежливого невербального поведения американского делового мужчины
- 231 Панкратова М.В.**
Грамматические и лексические ошибки в англоязычном письменном академическом дискурсе (в условиях интерференции)
- 235 Маник С.А., Шамова Н.А.**
К вопросу создания учебно-справочного пособия «Cinematography» (на материале английского языка)
- 240 Образцова О.А.**
О русских антропонимах в иноязычной аудитории
- 244 Зарубина Н.Е.**
Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ

SCIENCE OF LANGUAGE

- 167 K.V. Pospelova**
Compounding and derivation in Old Frisian: synonymous terms and their features
- 170 V.G. Lebedinskaya**
Vocabulary of the "Arkhangelsk Dress Book" of Archangel Michael Monastery
- 173 N.S. Gantsovskaya, D.I. Alekseyev**
Jefim Čestnjakov's painting as video sequence to his texts: ethnodialect aspect
- 178 G.D. Neganova**
Grigoriy Mel'nichenko and Kostroma texts
- 181 T.V. Gorlova**
Toponymics of a small provincial town of central Russia as a source of studying the processes of ethnogenesis and glottogenesis (by the example of the toponymic system of the town of Nerekhta, Kostroma Region)
- 187 P.P. Vinogradova**
Kostroma territory vocabulary of lexis describing home-made bread (a project)
- 190 L.A. Dmitruk**
Folklore and ritual vocabulary in Kostroma patois (based on Aleksandr Gromov's dictionary "Lexicon of flax growing, spinning and weaving in Kostroma patois along the River Unzha")
- 194 Ye.V. Sen'ko, A.S. Chekoyeva**
The modern theory of loanwords: a terminological aspect
- 198 M.Yu. Ryabova**
Some actual characteristics of English punctuation functions
- 204 M.A. Nikulina**
On the assimilation of terminological borrowings in modern conditions
- 208 Ye.B. Volkova, I.A. Remennikova, Ye.A. Vecherinina**
Comparative analysis of expressiveness of the texts of mathematical works in Russian and Romano-Germanic languages
- 215 Ye.M. Grigor'yeva**
Main development tendencies of modern New Zealand lexicography
- 220 M.A. Zakharova, Ye.A. Isakovich**
The semantic structure of the lexemes "suit" and "costume" denoting different types of clothes: a comparative analysis
- 225 M.A. Gatalova, F.I. Kartashkova**
Impolite non-verbal behavior of American businessmen
- 231 M.V. Pankratova**
Grammatical and lexical interference mistakes in English written academic discourse of Russian bilinguals
- 235 S.A. Manik, N.A. Shamova**
On creating learner's reference book "Cinematography" (case study of the English language)
- 240 O.A. Obratsova**
Russian anthroponyms within the foreign audience
- 244 N.Ye. Zarubina**
The role of evaluative vocabulary in creating the image of Russia in the Western mass media

- 248 Громова Н.С.**
«Вербальный экстремизм» и «язык ненависти»
в контексте юрлингвистического функционирования: опыт терминологогического анализа
- 253 Моспанова Н.Ю.**
Вербальное отражение чувств человека
в идиолекте А.К. Толстого
- 258 Леонов В.А.**
Дискурс ироничного детектива:
игровой аттракцион под маской иронии
- 263 Иванов Д.И.**
Специфика «инструментальных»
когнитивно-прагматических установок
синтетической языковой личности А. Башлачева
- 267 Сюй Минюань**
Эвфемизмы как средство создания комического
в шутках КВН
- 271 Москвичева С.А., Ли Сюэ**
Путунхуа и сычуаньский диалект:
взаимодействие в коммуникативном
и социальном пространствах провинции Сычуань
- 277 Попова Т.Г., Степанов С.А., Полубоярова М.В.**
Лексические проблемы перевода сложных слов
в современном английском языке
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 281 Саенко С.И.**
Нормотворчество в постсоветских государствах:
результаты игнорирования экспертных
и профессиональных основ развития
- 285 Алейникова А.Б.**
Собственность и право собственности:
социогуманитарные подходы к исследованию
- 289 Манукян Г.А.**
Опыт международной деятельности
субъектов федеративных государств
Северной Америки (на примере Канады)
- 295 Загидулин Р.А.**
Совершенствование организационно-правовых
основ образования в Российской Федерации
- 300 Матасова М.С.**
Малозначительность в российском
уголовном праве: оценка эффективности
на современном этапе
- 305 Курочкина Ю.С.**
Проблемы проведения судебных действий
следственного характера с использованием
видеоконференцсвязи
- 309 Стефанишина С.В.**
Статус третьих лиц при осуществлении ими
досудебной санации при банкротстве
- 315 Степкин С.П.**
Проблемы свободы договора
при авиаперевозке багажом животных
на примере ПАО «Аэрофлот»
- 319 Громова З.Е.**
Реализация административной ответственности
в сфере судебного администрирования
- 324 Сергеев П.В.**
Применение внутренних установлений
религиозных организаций
в гражданских правоотношениях
- 328 Прохорова М.В.**
Отдельные препятствия и ограничения
в предпринимательской деятельности
- 248 N.S. Gromova**
"Verbal extremism" and "hate speech"
in the context of juridical linguistics functioning:
the experience of the terminological analysis
- 253 N.Y. Mospanova**
Verbal reflection of human feelings
in the Aleksey Konstantinovich Tolstoy's idiolect
- 258 V.A. Leonov**
Discourse of ironic detective story:
wordplay attraction under a mask of irony
- 263 D.I. Ivanov**
The specificity of "instrumental"
cognitive-pragmatic attitudes of Alexander
Bashlachev's synthetic lingual personality
- 267 Xu Mingyuan**
Euphemisms as a means of creating comic in jokes
of the KVN ("Club of the Funny and the Inventive")
- 271 S.A. Moskvichyova, Li Xue**
Putonghua and Sichuan dialect:
interaction in communicative
and social media of Sichuan Province
- 277 T.G. Popova, S.A. Stepanov, M.V. Poluboyarova**
Lexical problems of translation in modern English,
connected with the translation of compound words
- JURAL SCIENCES**
- 281 S.I. Sayenko**
Rulemaking in the post-Soviet states:
the results of ignoring the expert
and professional foundations of development
- 285 A.B. Aleynikova**
Property and property right:
sociohumanitarian approaches to research
- 289 G.A. Manukyan**
Experience of international activity
of subjects of Federal States of North America
(by the example of Canada)
- 295 R.A. Zagidulin**
Improvement of organisational and legal bases
education in the Russian Federation
- 300 M.S. Matasova**
The insignificance in the Russian
Criminal Law: evaluation of the efficacy
at the contemporary stage
- 305 Yu.S. Kurochkina**
Problems of forensic investigative
procedures with the use
of video conferencing
- 309 S.V. Stefanishina**
Status of third-parties when
they perform pre-trial sanitation in bankruptcy
- 315 S.P. Styopkin**
Problems of freedom of the agreement at air
transportation of animal baggage by
the example of PJSC Aeroflot – Russian Airlines
- 319 Z.Ye. Gromova**
Realisation of administrative responsibility
in the field of judicial administration
- 324 P.V. Sergeev**
Application of internal statutes
of religious organisations
in civil legal relations
- 328 M.V. Prokhorova**
Stonewalling and certain ceilings
on entrepreneurial activity

- 333 Редков Н.А.**
Дискриминация в сфере труда
- 338 Коломникова Я.В., Моргунова Н.В.**
Трудовая миграция: основные проблемы и пути их решения
- 341 Мельников И.Н.**
Значение правовой пропаганды для целей реализации молодежной политики в России
- 344 Мельников И.Н., Кукушкина Л.А.**
Правовая культура современного российского общества и ее роль в формировании электоральной культуры
- 348 Иванова В.В., Кукушкина Л.А.**
Пути повышения уровня правосознания студентов неюридических направлений подготовки

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 351 Неганова Г.Д., Верба И.П.**
Региональная лексикография как средство презентации языка народной культуры: к 110-летию со дня рождения Г.Г. Мельниченко

354 SUMMARY

- 373 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

- 333 N.A. Redkov**
Discrimination in the working sphere
- 338 Ya.V. Kolomnikova, N.V. Morgunova**
Labour migration: main problems and ways of their decision
- 341 I.N. Mel'nikov**
The importance of legal propaganda for the implementation of youth policy in Russia
- 344 I.N. Mel'nikov, L.A. Kukushkina**
The legal culture of modern Russian society and its role in the formation of electoral culture
- 348 V.V. Ivanova, L.A. Kukushkina**
Ways to raise legal awareness among students of non-law departments

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 351 G.D. Neganova, I.P. Verba**
Regional lexicography as a means of presentation of the language of folkish culture: the 110th anniversary of the birth of Grigoriy Mel'nichenko

354 SUMMARY

- 373 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS**

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОРОДА НЕРЕХТЫ

В данной статье рассматривается проблема обоснованности общепринятой даты появления города Нерехты и причин ее возникновения. Автор, опираясь на известные факты и источники, дает новую их интерпретацию, анализируя топонимы, географические особенности окрестностей, влияние процесса освоения северо-восточных территорий Руси в XII–XIII вв. на возникновение и развитие этого малого города. Обращение к археологическим данным позволяет пересмотреть утвердившуюся версию о существовании на территории Нерехты мерянского поселения. Автор приходит к выводу, что Нерехта была заложена русскими дружинниками князя Юрия Долгорукого как ремесленное поселение, специализировавшееся на соляном промысле. В качестве причины возникновения поселения называется обнаружение соляных источников при прокладке дорог из столицы княжества к пограничным окраинам. Обоснованность данного вывода подтверждается данными археологической разведки 2015 г., которые впервые вводятся в научный оборот в отношении исследуемого вопроса.

Ключевые слова: Нерехта, Кострома, меряне, Солоница, Юрий Долгорукий, Суздаль, соляной промысел, горожанница.

Нерехта – один из многочисленных малых городов нашей страны, входящий в малое Золотое кольцо России. В августе 2014 г. он отметил свое 800-летие. В прошлом Нерехта – торгово-ремесленное поселение, знаменитое обилием соляных варниц.

О древности Нерехты свидетельствуют несколько известных исторических документов: она упоминается в духовных грамотах великих князей Василия I Дмитриевича, Василия II Васильевича, Иоанна III Васильевича и царя Иоанна IV Грозного [4, с. 56, 61, 196, 356]. Так, согласно источникам, в 1380 г. супруга великого князя Дмитрия Донского Евдокия пожаловала преподобному игумену Сергию Радонежскому «в Нерехте село свое Федоровское с приселками и деревнями в Костромском уезде» [11, с. 9]. Несколько раньше, во второй половине XIV в. (1362 г.), Нерехта упоминается в рукописном житии преподобного Пахомия, основавшего в трех верстах от города монастырь [11, с. 8].

Самое раннее упоминание Нерехты сохранилось в Летописце Переяславля Суздальского под 1213 г. в связи с междоусобицей детей великого князя Владимирского Всеволода III Большое Гнездо. В Летописце говорится: «Того же лета (6722) паки зача Константин рать, отъят у Гюргя Соль Великую, а Кострому пожъже, а у Ярослава отъя Нерохть...» [10, с. 111]. Как видим, в документе наряду с Нерехтой впервые упоминается Соль Великая, а также Кострома, для которой это самое раннее из известных письменных упоминаний. В Летописце не указывается статус данных поселений, но об их значимости свидетельствует то, что они стали предметами междоусобной борьбы. Отметим, что через полвека, в 1272–1274 гг., при князе Василии Ярославиче, Кострома становится столицей Северо-Восточной Руси.

Очевидно, что поставленные в один ряд с Костромой Соль Великая и Нерехта в начале XIII в. уже

имели немаловажное значение для Северо-Восточной Руси и были крупными поселениями с развитыми промыслами.

Автор первого капитального труда по русской истории В.Н. Татищев, ссылаясь на не дошедшие до нас источники, относит основание Костромы к 1152 г. Его заключение принимается многими бесспорно. В том же году, по современным общепринятым версиям, князь Юрий Долгорукий основал, кроме Костромы, Переславль-Залесский, Звенигород, Городец и Городец Мещерский (современный Касимов). Возможно, что в это же время по распоряжению великого князя его сподвижниками была построена и Нерехта, которую как древний город упоминают в своих трудах В.О. Ключевский, М.Н. Тихомиров и др.

Первое поселение на территории современной Нерехты возникло на берегу одноименной реки, которая и подарила ему свое название. «Нерехта» на языке мерян значит «река в низкой болотистой местности» [2, с. 3].

Меряне, или меря, – древнее финно-угорское племя, жившее на территории Ростово-Суздальского княжества. Из археологических исследований известно, что позднейшие находки с признаками мерянской народности относятся к XII веку. Раскопки графа Уварова в середине XIX в. показывают, что древние меряне со своей религией уже угасали и ассимилировались со славянами ко времени формирования Ростово-Суздальской Руси и образования великорусской народности [8, с. 41]. Н.И. Костомаров считал, что «народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах; от того он легко подчинился власти и влиянию русских» [9, с. 41].

На территорию Северо-Восточной Руси славянские поселенцы стали мигрировать в XI–XII вв.

В этот период установился климатический оптимум. Стабильная теплая температура позволяла собирать обильные урожаи, что способствовало росту миграции земледельческих народов и освоению ими новых территорий.

Более мощным миграционным потоком стало переселение в Ростово-Суздальскую землю южнорусского населения в XII–XIII вв. Причиной этой волны был упадок на территории Южной Руси из-за феодальных войн за великокняжеский престол, регулярных набегов степных кочевников и угасания торговли по Днепру вследствие опасности пути через половецкие земли и ослабления Константинополя [8, с. 249–250].

Серьезным дополнением документальным свидетельствам о минувших эпохах, при недостатке или отсутствии письменных источников, служат географические названия. Топонимика – язык земли, хранящей память о далеком прошлом. Среди названий рек, поселений и урочищ можно выделить топонимы неславянского происхождения, встречающиеся в южной части Нерехтского района: Нерехта, Ингорь, Тега, Корба, Емсна, Улошпань. Севернее Нерехты реки носят названия: Солоница, Бобровец, Милена, Подмакарье, Добрищевка, Даниловка, Кумачевка, Дриска, Дроздыха, Стрельня и т. п. Среди населенных пунктов неславянские названия не встречаются. В памятниках археологии Нерехтского региона следы мерянской культуры не выявлены. Следовательно, на территории Нерехтского района (в его современных границах) ко времени его освоения славянским пришлым населением мерянского этноса не существовало. Вероятно, меря образовывали локальные поселения в известных летописных центрах возле Ростова, Клещина и др.

В.О. Ключевский, описывая заселение славянами Волго-Окского междуречья, говорит о двух направлениях миграции, между которыми легче провести географическую, чем хронологическую разделительную черту. По Верхней Волге от Ржева до Нижнего Новгорода и по средней Оке от Калуги до Мурома вытянулись две густые цепи городов. По Волге шел поток переселенцев с новгородского северо-запада и смоленского запада, а по Оке – с днепровского юго-запада и с верхнеокского юга. Вслед за главными речными магистралями заселялись их внутренние притоки, прорезывающие междуречье, и появлялись новые села, починки и города. На освоение прибрежных территорий указывает географическое размещение внутренних городов междуречья: Волок Ламский, Вышгород, Боровск, Звенигород, Москва, Клин, Дмитров, Переяславль, Юрьев Польский, Владимир, Боголюбов, Стародуб, Гороховец, в том числе и Нерехта, разбросаны полосами. Их появление относится к XII–XIII вв. и было связано с необходимостью поселения в укрепленном пункте – городе [8, с. 333].

Свидетельство о заселении всех территорий Верхней Волги и, в частности, Нерехтской земли выходцами из Новгородских земель сохраняется в своеобразном «оканье» и интонационном рисунке в речи местного населения. К северу от Нерехты находится село Гзино, название которого, вероятно, происходит от новгородской речки Гзень, одного из древнейших новгородских топонимов, что может подтверждать версию о заселении нерехтской округи новгородцами.

Позиции Ростово-Суздальского княжества были заметно укреплены во время княжения в Суздале Юрия Долгорукого, с детских лет отправленного со своим братом Мстиславом княжить в Ростов. С 1117 г. Юрий стал княжить единолично, а в 1125 г. он перенес столицу в Суздаль.

Основным бичом благополучного проживания земледельческого населения Залесской Руси была Волжская Булгария. Набеги булгар разоряли русские селения, наносили ущерб торговле и хозяйственной жизни. В 1120 г. Князь Юрий Долгорукий организовал удачный поход против булгар [5, с. 93], а в 1152 г. отбил их попытку захватить Ярославль.

В средневековой Руси существовало три типа войск – пехота, конница и флот [12, с. 10]. В древнерусском войске лошадей использовали только как вьючных животных для ускорения передвижения обоза, а сражались пешими. Для отражения набегов кочевых всадников русской дружине потребовалась конница. В XI в. конница по значимости сравнивается с пехотой, а позднее и превосходит ее [7, с. 45].

Частые набеги булгар на Ростово-Суздальские земли вынуждают суздальского князя Юрия Долгорукого усмирить беспокойных соседей ответными походами и расширить границы своих владений на северо-востоке, укрепив их новыми городами-крепостями. Для более удобного сообщения между стольным Суздалем и новыми городами на присоединенных территориях княжеским повелением сквозь вековые дебри прорубают дороги, связывающие между собой древние и новые русские поселения.

Водное сообщение Суздаля, расположенного на берегу речки Каменки, притоке Нерли и Волги, с другими городами Северо-Востока было недостаточно удобно, особенно в осенне-весенние периоды. Контроль над пограничными северными городами требовал строительства дорог для конницы. Сухой путь из Суздаля в пограничную в то время Кострому пролегал вдоль небольших речушек через Нерехту, соединив между собой многие попутные села и деревни. По географическому положению Нерехта немного отклонилась на запад от прямой линии между Суздалем и Костромой. Появление здесь древней дороги по краткости пути свидетельствует о его рациональности и стратегической необходимости.

Церковный историк XIX в., специалист по агиографии граф М.В. Толстой так описывает личность князя Юрия Долгорукого: «...на северо-востоке, в земле Суздальской, княжил младший сын Мономаха Юрий (Георгий) Владимирович, прозванный Долгоруким. Властолюбивый, но беспечный, он знаменит в истории образованием восточного края Руси, в котором он провел цветущие лета своей жизни. Он заботился о распространении там христианской веры, строил церкви... оживил дикие мертвые пустыни знаменами человеческой деятельности, *открыл пути в лесах дремучих*; основал новые селения и города» [16, с. 57].

Чтобы среди вековых лесов проложить дорогу, требовались немалые усилия и достаточное время для вырубки просек, а также возникала необходимость в жилье, пусть даже временном, для мастеровых. Протоиерей Михаил Яковлевич Диев пишет: «...в древности вся долина, образуемая течением реки Солоницы, длиной верст на сороках (на половине сей долины при подошве юго-западной возвышенности находится Нерехта), была покрыта глубоким лесом, еще донныне из сей Солоницы вынимают весьма большие окрепые дубы. Когда преподобный Пахомий около 1365 г. поселился в одной версте от Нерехты и начал основывать Сыпанову пустынь, тогда вся долина была покрыта глубоким лесом» [13, с. 61]. Лес вплотную примыкал к границам Нерехтского поселения. С юга лес подходил к стенам Сретенского девичьего монастыря, с востока примыкал к Пахомиевской церкви [3, с. 17]. На северо-западе от Нерехты в середине XVII в. лес прилегал к церкви великомученицы Варвары [3, с. 23]. Нерехта представляла собой небольшой островок среди лесного моря.

В «Обозрении Нерехтской старины» о. М. Диев сообщает: «Ежели признать справедливым, что горожаница на Нерехте, упоминаемая в рукописях, называлась гора, ныне известная под именем Егорьевой, находящаяся в полуверсте от Нерехты, то весьма правдоподобно предание некоторых старожил, что Нерехта в старину находилась на сей горе, на ней еще донныне находят приметы немалого населения, как то ямы, покрытые кустарником. Может быть, тут и находились земляные укрепления, подавшие причину сие место назвать горожаницею... но рука земледельцев, ибо кустарник окружен пашнею, сравняла их с землею» [13, с. 61]. Гора эта расположена к югу от Нерехты, на древнем пути из Владимира в Кострому и Галич.

С большой долей вероятности можно утверждать, что на этой Егорьевой горе раскинули свои первые шатры землепроходцы из стольного Суздаля, и сам князь Юрий (Егорий) Долгорукий некогда останавливался здесь на отдых или для распоряжений. Вероятно, на этой горе облюбовали место для своего временного пристанища строители дорожной просеки, положившего начало «горожанице».

На горе была построена деревянная церковь вмч. Георгия Победоносца – патрона суздальского князя. Очевидно, этими дружинниками были найдены Нерехтские соляные источники, ими же было заложено основание будущего города.

Особенности ландшафта (заболоченность и обилие векового леса) ограничивали земледелие первых поселенцев на территории современной Нерехты. Кроме того, все свободные от леса и пригодные для пашни территории были заняты земледельцами окружающих сел и деревень. На севере нерехтские границы упирались в поля Тетеринской вотчины, а с востока, в конце Нагорной улицы, стояло сельцо Сокольниково. Южнее Сокольникова на краю леса стояла Пахомиева слобода, на юге были земли сельца Егорьевского, с запада за речкой земли принадлежали пахарям села Тужилково, на северо-западе образовалась деревня Климушина. Нерехтчанам свободной земли не оставалось. Для выгона скота использовались небольшие территории на северо-востоке от поселения за рекой Нерехтой [3, с. 44], либо приходилось пасти нерехтское стадо в лесах. Это обстоятельство, по всей видимости, способствовало развитию искусства нерехтских рожечников, своей игрою на рожках собиравших стадо среди лесной чащи.

Только в XVI–XVII вв. появились мирские приговоры об отводе нерехтчанам земли под овины для молотбы хлеба [3, с. 10]. В 1627 г. в описях Павла Волынского упоминаются только две городские пожни – Монино и Замостье, за городским кладбищем [3, с. 18]. В XVII веке в Нерехте было 20 дворов крестьян Троицкого Сергиева монастыря, из них 19 – бобыльских [14, л. 7].

Жителям поселения из-за недостатка пахотных земель оставалось только занятие ремеслом. Становится очевидным, что Нерехта могла появиться только как ремесленный и торговый центр, окруженный земледельческими селами и деревнями.

Центральная часть Нерехты, где находились собор, площадь, торг, варницы и соляные колодцы, называлась Борисоглебской стороной [11, с. 62]. Афанасьевская сторона с Мокрой слободкой и Нагорной улицей располагалась у церкви Афанасия и Кирилла Александрийских вниз по течению реки Нерехты в восточной части. Заречная Никольская сторона называлась Колотиха [3, с. 16]. Древнее обозначение Никольской стороны «заречная» свидетельствует, что главный подъезд к Нерехте был южный со стороны Суздаля, а не со стороны Костромы, как в настоящее время.

По всей видимости, возникновение Нерехты с самого начала было связано с соляным промыслом. Хотя первое письменное упоминание о развитии в Нерехте солеварения относится к 1423 г., соль могли добывать и намного раньше [1, с. 234].

Поваренная соль в средневековье являлась не только одной из немногих приправ к пище, но и ос-

новным консервантом. Без соли жители в этих су- ровых местах с многоснежными зимами не могли выжить, поэтому добыча и продажа соли стали одним из важнейших местных народных промыслов. Соль доставалась большим трудом, ценилась высоко и приносила огромный доход. Поваренную соль называют золотом раннего средневековья. В письменных источниках первые известия о солеварении в русских княжествах появились в XI–XII вв.

Упоминание в Переславской летописи Соли Великой в 1213 г. свидетельствует о развитии солеварения в этих местах в начале XIII в. [1, с. 234]. Сырьевым источником были грунтовые воды, богатые содержанием соли. В справочных писцовых книгах, составленных Василием Вельяминовым и Пантелеем Усовым в 1596 и 1597 гг. в Нерехте зафиксированы 25 «варнишных мест», в Соли Великой – 19 варниц, в Малой Соли – только шесть [3, с. 12]. Не случайно и река, на берегах которой образовались эти поселения, получила название Солоница.

В Нерехте сырье для всех варниц получали из двух колодцев [13, с. 68]. Все варницы и соляные источники находились на территории, ограниченной улицами Нижегородской (Красноармейской), Суворовской (Бебеля), Варнишной (Короткой) и Торговой площадью.

Развитие солеварения способствовало развитию торговли. Нерехта XVI в. стала узловым пунктом на пересечении торговых путей, связывающих ее с Ростовом, Ярославлем, Костромой, Нижним Новгородом и Владимиром.

Согласно концепции М.Н. Тихомирова [15, с. 32, 244], поселение, которое возникло в местах с развитыми ремеслами и торговлей, при появлении любых фортификационных сооружений (вал, тын) становилось городом, в котором сосредотачивалась административная, политическая, военная, религиозная жизнь, отвечающая различным потребностям окрестного феодального общества [6, с. 82]. Городом называет Нерехту царь Иван Грозный в своей духовной грамоте, составленной около 1572 г. [4, с. 442].

В письменных источниках не упоминается о фортификационных укреплениях в Нерехте. Наиболее удобное место, на котором могло расположиться Нерехтское городище – территория соборной церкви, на высоком мысу, ограниченном с севера и запада крутыми обрывами. У самого края этих обрывов и сейчас стоит каменная стена ограды бывшего Казанского собора. Для защиты от возможного неприятеля нерехтчанам достаточно было сделать полукругом ров и вал, отрезав высокий мыс от остальной территории. Принимая во внимание небольшие размеры древних городищ, на территории которых размещался двор градона- чальника, амбары, склад боеприпасов и церковь, можно говорить об удобном расположении города

именно на этом месте. Возможно, частые пожары и деятельность нерехтчан, городская переплани- ровка сравняли с землей остатки древнего города. Остатки древних рва и валов не сохранились, как не сохранились остатки вала XVII–XIX вв., окру- жавшего со всех сторон Нерехту.

Юрий Долгорукий в 1125 г. перенес свою сто- лицу в Суздаль и редко появлялся в древнем Росто- ве. В 1154 г. Юрий становится великим князем Ки- евским. Его сын и преемник великий князь Андрей Боголюбский, став в 1157 г., после смерти Юрия, «самовластцем Суздальской земли», перенес сто- лицу княжества во Владимир.

Главная нерехтская улица пересекает почти всю территорию правобережной части города, до настоящего времени сохранилась неизменной и носила название Суздальской. Скопление исто- рических памятников на этой улице говорит об ее исторической значимости. Суздальская улица су- ществовала с древнейших времен, как и дорога на Суздаль [11, с. 92]. Являясь частью главного трак- та из стольного города в Кострому и Галич, улица могла появиться только в то время, когда главным городом Залесской Руси был Суздаль.

В сентябре – октябре 2015 г. Костромским го- сударственным историко-архитектурным и ху- дожественным музеем-заповедником проводи- лись археологические работы под руководством В.Л. Щербакова. В результате шурфовки на терри- тории вблизи Казанского собора и ул. Суздальской (ныне ул. Ленина) «выявлен культурный слой XII– XIV вв.» [17, с. 44], что указывает на существова- ние здесь развитого селения в означенное время.

Из вышеизложенного становится очевидным, что Суздальская дорога, соединяющая Кострому со стольным Суздалем, проходящая через Нерехту, да и сама Нерехта с главной Суздальской улицей могли появиться в княжение Юрия Долгорукого, известного «в нашей истории гражданским обра- зованием восточного края древней России» [16, с. 167], в период его правления с 1125 по 1154 гг. Поэтому первое упоминание Нерехты под 1213 г. вызывает необходимость уточнения.

Библиографический список

1. Археология Костромского края / С.И. Алексеев, К.И. Комаров, А.Е. Леонтьев и др. – Костро- ма, 1997. – 276 с.
2. *Большаков И., Михеев Е., Бадин В.* Нерехта. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 112 с.
3. *Диев М.Я.* Протоиерей. История города Нерехты. – Кострома: Линия График Кострома, 2012. – 135 с.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л.В. Черепни- на. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 450 с.
5. *Карамзин Н.М.* История Государства Россий- ского. – М.: Наука, 1991. – Т. 1, 2. – 832 с.

6. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы городского образования. – М., 1980. – Вып. 3. – 210 с.

7. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – Л.: Наука, 1971. – Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств, IX–XIII вв. – 450 с. – (Археология СССР: Свод археологических источников).

8. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 572 с.

9. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Мысль, 1993. – 432 с.

10. Летописец Переяславля Суздальского. – М.: Университетская типография, 1851. – 214 с.

11. Памятники архитектуры Костромской области. – Кострома, 2009. – Вып. 11: Нерехта, Нерехтский район. – 396 с.

12. Перхавко В.Б., Сухарев Ю.В. Воители Руси IX–XIII вв. – М.: Вече, 2006. – 448 с.

13. Протоиерей Михаил Диев: материалы краеведческих чтений, 1989–2004 гг. – Нерехта, 2009. – 80 с.

14. Российская национальная библиотека (РНБ). – Ф. 775 (Собрание А.А. Титова). – Д. 3999. – Л. 7.

15. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – СПб.: Наука, 2008. – 350 с.

16. Толстой М.В. История русского православия. – М.: Эксмо, 2010. – 544 с.

17. Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории участка культурного слоя правобережного посада г. Нерехта XIII–XVIII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2015 г. – Кострома, 2016. – 64 с.

References

1. Arheologiya Kostromskogo kraja / S.I. Alekseev, K.I. Komarov, A.E. Leont'ev i dr. – Kostroma, 1997. – 276 s.

2. Bol'shakov I., Miheev E., Badin V. Nerekhta. – Yaroslavl': Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989. – 112 s.

3. Diev M.YA. Protoierej. Istoriya goroda Nerekhty. – Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, 2012. – 135 s.

4. Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. / podg. L.V. SHEREPNINA. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. – 450 s.

5. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossijskogo. – M.: Nauka, 1991. – Т. 1, 2. – 832 с.

6. Karlov V.V. K voprosu o ponyatii rannefeodal'nogo goroda i ego tipov v otechestvennoj istoriografii // Russkij gorod: Problemy gorodoobrazovaniya. – M., 1980. – Вып. 3. – 210 с.

7. Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. – L.: Nauka, 1971. – Вып. 3: Dospekh, kompleks boevyh sredstv, IX–XIII vv. – 450 s. – (Arheologiya SSSR: Svod arheologicheskikh istochnikov).

8. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya: Polnyj kurs lekcij: v 3 t. Т. 1. – М.: Mysl', 1993. – 572 с.

9. Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej. – М.: Mysl', 1993. – 432 с.

10. Letopisec Pereyaslavlya Suzdal'skogo. – М.: Universitetskaya tipografiya, 1851. – 214 с.

11. Pamyatniki arhitektury Kostromskoj oblasti. – Kostroma, 2009. – Вып. 11: Nerekhta, Nerekhtskij rajon. – 396 с.

12. Perhavko V.B., Suharev YU.V. Voiteli Rusi IX–XIII vv. – М.: Veche, 2006. – 448 с.

13. Protoierej Mihail Diev: materialy kraevedcheskih chtenij, 1989–2004 gg. – Nerekhta, 2009. – 80 с.

14. Rossijskaya nacional'naya biblioteka (RNB). – F. 775 (Sobranie A.A. Titova). – D. 3999. – L. 7.

15. Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda. – SPb.: Nauka, 2008. – 350 с.

16. Tolstoj M.V. Istoriya russkogo pravoslaviya. – М.: EHksmo, 2010. – 544 с.

17. SHCHerbakov V.L. Otchet ob arheologicheskoy razvedke na territorii uchastka kul'turnogo sloya pravoberezhnogo posada g. Nerekhta XIII–XVIII vv. v Nerekhtskom rajone Kostromskoj oblasti v 2015 g. – Kostroma, 2016. – 64 с.

СОЗДАНИЕ ДОНСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ В 1733–1735 ГГ.

В статье рассматриваются малоисследованные факты закладки новых боевых и транспортных судов на верфях Дона согласно указам Петра I в 1723 г. и Анны Иоанновны в 1733 г. Автор раскрывает причины неудач первой Донской экспедиции 1723/24 г. Значительное внимание уделяется исследованию совокупности причин, побудивших императрицу Анну воссоздать Донскую военную флотилию на Азовском оперативном направлении в 1733 г. Исследован двухлетний период закладки и строительства новых боевых судов и до оснащения ранее построенных судов на верфях Таврова в 1733–1735 гг., спуск их на воду и провод к Павловску вместе с бударами от верфей на Донских притоках. В заключение анализируется степень боевой готовности Донской военной флотилии к началу русско-турецкой войны в 1735 г.

Ключевые слова: Донская военная флотилия, Донская экспедиция, вице-адмирал М.Х. Змаевич, Адмиралтейств-коллегия, Тавровское адмиралтейство, Павловск, Кабинет министров.

1 февраля 1733 г. умер польский король Август Сильный (II), Европа разделилась на два лагеря. Отношения России с беспокойными соседями не ограничивались борьбой за «польское наследство». В начале февраля 1733 г. турецким вассалам – татарам Крыма – пришлось, по воле Стамбула, перекочевать из Малой Татарии (территория кочевий между Доном и Днепром) на Кавказ, под стены русской крепости Святого Креста. Султан Махмуд I (1696–1754) потребовал, чтобы все азиатские паши пробивались к персидским рубежам на соединение с турецкими войсками, дабы ослабить нажим иранской армии Тахмас-кули-хана (Надира) на османский Вавилон [2, ч. 6, с. 555–556]. У Стамбула и Крыма уже год как были развязаны руки Рештским договором (от 21 января 1732 г.), по которому Россия вернула Персии Прикаспийские провинции: Гилян, Мазандеран и Астрабад. Несмотря на неудачу февральского прорыва, 5 июня 1733 г. татары предпринимают атаку на русские войска принца Людвиг Гессен-Гомбургского, но со значительным уроном вынуждены отступить от укреплений Святого Креста. А вскоре, в конце июля, татарское войско численностью в 50 000, пополненное людьми из местных татарских князьков, в очередной раз не достигнув успеха, направляется в горы к западу. Имея дальнейшее намерение проложить для себя путь в Персию, татарский табор останавливается приблизительно в сорока английских милях от Дербента. Порта была крайне недовольна русским двором за недопущение крымских татар в Дагестан. Посланник в Константинополе (Стамбуле) И.И. Неплюев (1693–1773) своевременно протестовал против движения крымцев через Дагестан, заметив, что «Ея Величество пребывает в мире с Надиром (1688–1747) и не может дозволить, чтобы чьи бы то ни было войска прошли через русскую территорию для нападения на друга и союзника России» [2, ч. 7, с. 16].

В Польше профранцузский кандидат на трон, Станислав Лещинский (1677–1766), планировал получить помощь Франции и поддержку Швеции, Пруссии и Турции. При имеющемся раскладе сил

русский вице-канцлер А.И. Остерман (1686–1747) вынужден был 8 августа 1733 г. запрашивать у английского посланника возможность появления английской эскадры в Балтийском море и предложил именем Ея величества снабдить эскадру провиантом и обеспечить её прикрытие [2, ч. 6, с. 60]. Пока Польша пресмыкалась в подлости, а крымские татары непрестанно терзали набегами наши кавказские кордоны, приходилось ожидать вполне вероятного удара в спину и от самой Турции – в Северном Причерноморье. Обстановка обязывала, и в целях нейтрализации гипотетического турецкого выступления против России, в преддверии «войны за польское наследство», российская императрица Анна (1693–1740) в своём указе «Об укомплектовании всех полевых, гарнизонных и ландмилицких полков» [3, с. 194–196] 1 сентября 1733 г. повелела образовать Донскую военную флотилию. Цель стала очевидной – это формирование русского военно-морского флота для действий на основном оперативном направлении неизбежной войны с Высокой Портой – Азовском. Флотилия образовывалась в г. Таврове на реке Воронеж (близ устья при впадении в Дон) для поддержки сухопутных армий против набегов крымских татар и противоборства с турецкими кораблями в низовьях Дона и на Азовском море.

Дело постройки и формирования военной флотилии начиналось не на пустом месте. Ещё весной 1723 г. император Пётр I велел сделать на Воронеже 15 прамов (9 больших 44-пушечных и 6 малых 8-пушечных; прам – плоскодонная парусно-гребная батарея), 15 малых галер и 30 «новым маниром» малых судов, на случай, «если б случилась по причине персидских дел с турками война» [3, с. 43–44]. К первым числам марта 1724 г. работы планировалось завершить, но неожиданно в январе 1724 г. снег быстро сошёл, и началась распутица. Отлитые пушки невозможно было доставить по бездорожью на верфи к построенным судам, а те в свою очередь невозможно было спустить на воду и провести по мелководью от Таврова к Павловску. Полного хода вешней воды на Дону в апреле – мае 1724 г. ожидать не приходилось: началась

межень (мелководье). Подготовка Донской экспедиции окончилась непредвиденной неудачей.

Начальство над портом в Таврове с 1729 г. держал флагман Российского императорского флота вице-адмирал Матвей Христофорович Змаевич (1680–1735). К первой экспедиции (1723/24 г.) М.Х. Змаевич был назначен ещё Петром I. Императрица Анна Иоанновна не стала менять ответственного за постройку судов и формирование флотилии, несмотря на опалу адмирала при юном императоре Петре II в 1728 г., когда Змаевич был предан суду, разжалован в вице-адмиралы и выслан в Астрахань главным командиром. С июля 1729 г. Змаевич вновь в Таврове. Ныне от него требовалось спустить на воду ранее построенные суда, построить 20 новых галер, на которые уже был заготовлен лес, и несколько сотен провиантских судов-будар (грузовые одномачтовые лодки): для подвоза провианта, муки, круп и зерна к прибрежным магазинам и огнеприпасов к сухопутным войскам. Применялись будары и для перевоза личного состава (пополнение к штурмующим Азов войскам интенсивно перебрасывалось по Дону в марте – июне 1736 г. от крепости Святой Анны).

По именному указу Петра I в 1723 г. на реках Северский Донец, Усмань и Битюг было построено по сто будар, и ещё 100 на реке Воронеж – при Добром, или Сокольске; итого 400 единиц [3, с. 43–44]. За десятилетний период почти половина их, при употреблении для различных нужд, пришла в негодность. Теперь же надлежало построить 194 новые будары. В октябре 1733 г. адмиралтейств-коллегия приказала: для постройки новых 20 галер нарядить мастеров, подмастерий и учеников галерного дела, ботового и шлюпочного дела, блокового, такелажного, артиллерийского, купорного, кузнечного, весельного, парусного, конопатного и малярных дел. Все они поручались в команду галерного мастера Андрея Игнатьевича Алатченинова (1700–1766). Президент военной коллегии генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних (1683–1767) в докладе императрице 29 ноября 1733 г. определял зону ответственности для адмиралтейств-коллегии касаясь постройки будар, которой необходимо было отныне «о том ведать» [3, с. 237–239]. Ранее военно-морское ведомство отмежевывалось от постройки судов этого типа. Скрепя сердце адмирал и президент адмиралтейств-коллегии граф И.М. Головин (1680–1737) вынужден был зачесть в расход на адмиралтейство денежную казну 7 024 рубля, употреблённую Змаевичем на строение будар. От коллегии, из Москвы в Тавров, отправили полотно для парусов на галеры и жалкие 1 000 рублей на заготовление провианта, а вот конопатчиков вице-адмирал так и не дождался, хотя в начале марта 1734 г. некто комиссар Зиновьев заверял адмиралтейств-коллегию, что «повстречал их за Москвою» [4, д. 159, л. 44].

4 апреля 1734 г. Правительствующий сенат вынес определение, касающееся галер и прамов: готовые суда, вооружённые по расписаниям Адмиралтейств-коллегии, спустить на воду и сосредоточить в устье реки Осередь близ Павловска, попутно загрузив их провиантом из магазинов, где уже осуществлена его заготовка. Только для постройки новых 20 галер мастеру Алатченинову требовалось 600 человек плотников, но работу начали с постройки всего пяти галер. Неблаговидную роль в деле постройки судов играла позиция воронежского вице-губернатора Е.И. Пашкова (1684–1736): он постоянно ссорился с вице-адмиралом Змаевичем и не обеспечивал верфи требуемым количеством плотников в 1 000 человек, о чём адмиралтейств-коллегия узнавала из донесений Змаевича. Очевидно, что сжатые сроки весеннего половодья (ход воды на Среднем Дону составлял всего 2 месяца: апрель и май) уже не позволяли в 1734 г. спустить на воду суда и провести их от Таврова к Павловску. В подготовку экспедиции в июне 1734 г. вмешалась императрица, указав: суда, уже проведённые в Павловск, «не сплавливая вниз, содержать до указа при Павловске в надлежащем смотре» [4, д. 162, л. 58], а что касается неготовых к спуску будар, так «те до будущего году иметь в бережении на берегу» [4, д. 162, л. 59]. С 15 июля по 1 сентября 1734 г. вице-адмирал Змаевич вынужден был распустить мастеровых Воронежской губернии по домам, чтобы те смогли добыть себе пропитание. А 10 сентября 1734 г. императрица повелела: будущей весной 1735 г. все суда флотилии свести в Павловск – неукоснительно, «на те и провианта положить сколько возможно» [4, д. 165, л. 98], предварительно отгрузив провизию из тех магазинов, где уже осуществлена его заготовка.

По запросу вице-адмирала Змаевича в январе 1735 г. адмиралтейств-коллегия направила на содержание Тавровского адмиралтейства доходы с пяти провинций (Воронежской, Елецкой, Переяславль-Рязанской, Тамбовской и Шацкой) в размере почти 60 000 рублей – сумма не впечатляющая, учитывая, что расходная часть годового бюджета государства на содержание флота составляла 1 млн рублей поступлений от подушных сборов. Для сравнения: киевскому генерал-губернатору графу фон Вейсбаху генеральный кригс-комиссариат в августе 1735 г. ассигновал на содержание сухопутных полков 150 000 рублей [1, с. 295].

В начале июня 1735 г. крымский хан Каплан-Гирей I (1678–1738) во главе 80-тысячного табора своих разбойников, по приказу из Стамбула, начал движение к предгорьям Кавказа [1, с. 213]. На переходе через Кабарду татар сильно трепали своими набегами горцы, угоняя в горы лошадей. В конце ноября войско хана, из которых пеших и больных было больше половины, стало лагерем в 30 верстах от Дербента: потери кочевников были на-

столько внушительны, что Каплан-Гирей отказался от дальнейшего движения на Персию и в конце года повернул на Кубань. Де-факто началась четырехлетняя русско-турецкая война. Турки не лезли в «польские дела», но великолепным поводом для русских экспедиций на Крым и Азов служили разбойничьи походы крымских татар на Северный Кавказ, тем более что у русского двора руки были развязаны на западе победоносно завершающейся войной «за польское наследство». О походе крымцев на Кабарду и Дагестан в Санкт-Петербурге узнали в начале лета, и уже 27 июня 1735 г. императрица Анна Иоанновна высочайшим повелением приводит Донскую военную флотилию и войска экспедиции в полную боевую готовность [4, д. 174, л. 317]. На донские верфи из столицы направлялись команды морских и артиллерийских служителей. Галеры, прамы и прочие суда, построенные в Таврове и иных местах, требовалось немедленно провести к Павловску, предварительно укомплектовав их имеющимися при экспедиции служителями и членами команд, прибывающих из Санкт-Петербурга.

Секретный артикул Кабинета министров предписывал генералу Вейсбаху, «чтоб ещё в нынешней осени осаду азовскую...предвоспринять» [1, с. 230] – в случае неудачи задуманной сухопутной экспедиции в Крым. Для осады же крепости Азов употребить войска, стоящие заслоном против крымских татар на реке Молочная близ Перекопа. 10 июля 1735 г. вице-адмирал Змаевич рапортовал в адмиралтейств-коллегию о состоянии флотилии и готовности её к экспедиции. На Павловск базировались девять 44-пушечных прамов типа «Близко не подходи»: «Близко не подходи», «Гром и молния», «Дикий Бык», «Необязливый», «Разгневный», «Северный Медведь», «Сердитый», «Спящий Лев», «Страшный», вооружённых 24-х и 8-фунтовыми орудиями, а также 15 галер, из них 7 единиц 16-баночных типа «Вёдрая»: «Вёдрая», «Превосходительная», «Разумная», «Сиятельная», «Склонная», «Уборная» (т. е. «Украшенная»), «Хвальная» и 8 единиц 18-баночных типа «Добрая»: «Добрая», «Забавная», «Ззорная», «Ласковая», «Приятельная», «Терпеливая», «Учтивая», «Честная» [5], во-

оружённых парусами и артиллерийскими припасами для фальконетов (мелкокалиберное абордажное орудие). Морская провизия и порох для судов находились ещё в Таврове, так как в Павловске не было каменных погребов. Межень летнего периода не позволяла в Таврове спустить на воду построенные 20 галер, а малые 8-пушечные прамы и кайки Змаевич обязался немедленно конопатить, спустить их на воду и провести в Павловск. К 22 июля 1735 г. работы были завершены: 6 малых прамов типа «Блоха»: «Блоха», «Клоп», «Комар», «Овот» (так в оригинале), «Сверчок», «Таракан» [5] и 30 каек, в полной оснастке, загруженные упакованными припасами, под командой капитан-лейтенанта Холкиопола начали переход из Таврова в Павловск. По прибытии в Павловск команда капитан-лейтенанта Холкиопола, получив инструкции от капитана Андрея Росселиуса, направлялась выше по течению Дона на Нижний Икорец для конопачения и спуска на воду имеющихся там будар.

В середине лета 1735 г. на бударах под командой подполковника Маковецкого началась переброска провианта из украинских магазинов в магазины Нижнего Дона. 11 сентября Сенат донёс императрице, что крупы по пропорции и мука доставлены в Усть-Хопёрский магазин и в крепость Святой Анны сверх установленной нормы в 50 000 четвертей.

Высочайшим повелением от 23 августа 1735 г. главнокомандующим украинскими армиями назначен генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, направленный к Донской экспедиции в Павловск из Польши. В этот же день умер главный командир «тавровской препарации» вице-адмирал Матвей Христофорович Змаевич. Следует признать, что в целом задача по образованию Донской военной флотилии была им выполнена. Исключение составили построенные в Таврове, но так и не спущенные на воду 20 галер. Из них четыре 16-баночные галеры типа «Палюсос»: «Палюсос», «Телемакус», «Улиссес», «Янос», 13 единиц 20-баночных галер типа «Амур»: «Амур», «Аполо», «Венус», «Гектор», «Диана», «Елена», «Золотое яблоко», «Кавалер Святой Александр», «Минерва», «Мон Плезир»,

Таблица

**Ведомость о численности личного состава для комплектования судов
Донской военной флотилии в 1735 г.**

Ранги	Надежало по штату	Имелось в наличии	Надежало отправить к имеющимся	Отправлено по рассуждению коллегии для всех типов судов
Для 44-пушечных прамов: – из корабельных служителей;	606	845	105	177 (к имеющимся в наличии 1 925)
– из артиллерийских;	231	95	14	
– от солдат	963	613	350	
для галер: из галерного флота	415	189	227	
для малых прамов	204	6	108	
Итого на все суда	2 419	1 748	804	

«Морис», «Парис», «Плато» и 3 единицы 22-баночных галер типа «Кавалер Святой Андрей»: «Кавалер Святой Андрей», «Корона» и «Святая Анна» [5]. Провести эти суда в Павловск возможность представится лишь в следующем 1736 году, по полой воде весенних разливов.

Своим решением Кабинет министров 4 декабря 1735 г. направляет в Тавров дополнительно к имеющимся (см. таблицу) половину морских офицеров и служителей из Астрахани и других мест по Волге в количестве 361 человека.

Месяцем ранее, 2 ноября 1735 г., на место умершего вице-адмирала Змаевича из Архангельского адмиралтейства прибыл контр-адмирал Пётр Петрович Бредаль (1683–1756), назначенный в Тавров главным командиром указом императрицы 3 сентября 1735 г. Именно этому флагману предстояло командовать Донской военной флотилией в экспедициях на Азов, к берегам Крыма и Кубани, поддерживая сухопутные армии огнём и обеспечивая их переброску к театрам военных действий в кампаниях 1736–1739 гг.

Библиографический список

1. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4: 1735 г. / под ред. А.Н. Филиппова. – Юрьев, 1901. – LXIV, 588 с.
2. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе: Сообщено из английского государственного архива Министерства иностранных дел. – Ч. 6: 1728–1733 гг. – СПб., 1889. – XIII, 681 с.; Ч. 7: 1728–1733 г. – СПб. – XIX, 591 с.
3. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря

1825 г.: в 48 т.Т. 7: 1723–1727. – СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцел., 1830. – 922 с.

4. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. – Ф. 212. Государственная адмиралтейств-коллегия (1717–1827 гг.). – Оп. 7. – Д. 159. – Л. 44; Д. 162. – Л. 58–59; Д. 165. – Л. 98; Д. 174. – Л. 317.

5. Электронные справочники: Военная Россия. Парусный флот [Электронный ресурс] / Русский военно-исторический фонд. – ООО «Медиахауз», 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

References

1. Bumagi Kabineta ministrov imperatricy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. T. 4: 1735 g. / pod red. A.N. Filippova. – YUr'ev, 1901. – LXIV, 588 s.
2. Diplomatischeeskaya perepiska anglijskih poslov i poslannikov pri russkom dvore: Soobshcheno iz anglijskogo gosudarstvennogo arhiva Ministerstva inostrannyh del. – CH. 6: 1728–1733 gg. – SPb., 1889. – XIII, 681 s.; CH. 7: 1728–1733 g. – SPb. – XIX, 591 s.
3. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 g.: v 48 t.T. 7: 1723–1727. – SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstv. E. I. V. Kancel., 1830. – 922 s.
4. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennomorskogo Flota. – F. 212. Gosudarstvennaya admiralteystv-kollegiya (1717–1827 gg.). – Op. 7. – D. 159. – L. 44; D. 162. – L. 58–59; D. 165. – L. 98; D. 174. – L. 317.
5. EHlektronnye spravochniki: Voennaya Rossiya. Parusnyj flot [EHlektronnyj resurs] / Russkij voenno-istoricheskij fond. – ООО «Mediahauz», 2006. – 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM).

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕЗУЛЬТАТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА А.П. БОБРИНСКОГО В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Целью статьи является исследование влияния, которое оказала личность графа А.П. Бобринского на распространение идей пашковства в Тульской губернии в конце XIX века. Обращение к фактам развития сектантства в Тульской губернии, собранным миссионерским отделом Русской православной церкви, позволяет прийти к следующему заключению. Во время проживания в своем имении в городе Богородицке граф действительно активно занимался проповеднической деятельностью. Но его религиозная работа по распространению протестантских идей не была продолжена сторонниками графа после его отъезда за границу. Результатом сложившейся ситуации стало отсутствие последователей учения пашковства уже через 20 лет после переезда графа. Поэтому роль А.П. Бобринского в насаждении протестантского мировоззрения местному населению ошибочно преувеличивается современными протестантами.

Ключевые слова: Рэдсток, Бобринский, Гагарина, Победоносцев, РПЦ, Тульская губерния, миссионер, пашковство, сектанты, протестанты.

В последнее время в протестантских церквях наблюдается возросший интерес к истории возникновения своих религиозных общин. При исследовании исторического наследия предшественников протестанты нередко ссылаются на личность графа А.П. Бобринского, который, восприняв идеи пашковства, одним из первых занимался их распространением в Тульской губернии в конце XIX века. Протестантами преувеличивается влияние, которое граф оказал на православное население губернии своей религиозной деятельностью. Показать необъективность оценки протестантами проповеднической деятельности графа Бобринского является целью данной статьи.

Период конца XIX – начала XX века являлся временем, в котором должность обер-прокурора Священного синода занимал К.П. Победоносцев. Он был категорически против любого рода политических, экономических, социальных, религиозных реформ и видел будущее России в союзе самодержавной власти с духовной, которую представляла Русская православная церковь (РПЦ). Так государство через Святейший синод посредством православной церкви осуществляло контроль и вело борьбу со всяким религиозным свободомыслием, которое начинало проявляться в России.

К.П. Победоносцев поставил перед собой амбициозную цель «переломить хребет русскому баптизму, шундизму и редстокизму (пашковщине)» [2, с. 13]. Выполнение поставленной задачи он активно осуществлял на протяжении четверти века, занимая пост обер-прокурора Святейшего синода. Поэтому, когда протестанты различных деноминаций сталкивались с противостоянием со стороны церкви в лице православных священников, миссионеров и иных представителей РПЦ, то фактически они имели дело не только с институтом православной церкви, но и со всей мощью государственного аппарата, частью которого была РПЦ.

Тульская епархия, являясь составной частью РПЦ и подчиняясь вышестоящему руководству, проводила антисектантскую работу в Тульской губернии, как и другие епархии на подотчетных им территориях. Разница заключалась в том, что в Тульской губернии сектантов, являющихся объектом миссионерской деятельности РПЦ, было несколько десятков человек, и они не оказывали серьезного влияния на полуторамиллионное население губернии. Это была одна из причин, по которой сектантам Тульской губернии удалось избежать гонений со стороны государственной власти. Вторая причина состояла в том, что работу с сектантами в этот период осуществлял православный миссионер Д. Скворцов, человек интеллигентный, искренний, с христианским мировоззрением, стремившийся в первую очередь использовать в своей работе методы переубеждения и увещания, не прибегая к использованию жестких административных ресурсов государства. В-третьих, основная тяжесть преследования за протестантские взгляды ложилась на руководителей, которые являлись основоположниками этих идей. Рядовым верующим в меньшей степени пришлось испытать на себе влияние антисектантской деятельности государства.

В Тульскую губернию, находящуюся в центральной части России и отличающуюся от других регионов тем, что практически все ее население исповедовало православие, протестантские идеи, представленные пашковством, начали проникать с 1874 года, после проповеди лорда Г. Редстока в Петербурге. Последователями пашковства, принесшими евангельские идеи в Тульскую губернию, стали аристократы графиня В.Ф. Гагарина и граф А.П. Бобринский, имения которых находились в Тульской губернии. Они вели активную проповедническую и благотворительную деятельность в Петербурге, а в летнее время года, когда выезжали в свои имения, занимались распространением

Евангелия в Тульской губернии. Сохранились сведения, что «...Бобринский проповедовал Евангелие живо и с большой свободой, производя впечатление не только на аристократов, но и на крестьян и ремесленников. Толпы крестьян просили, чтобы он проповедовал им Слово Божие. Благодаря блестящему образованию и духовному дару его прозвали “Спердженом России”» [1].

Активная деятельность человека такого высокого статуса не могла остаться незамеченной для государственной власти в России. «В мае 1880 года К.П. Победоносцев представил на рассмотрение верноподданнейшую записку с предложением мер пресечения проповеднической деятельности В.А. Пашкова и его соратников» [3, с. 97]. Одним из этих соратников Пашкова являлся его друг А.П. Бобринский, на которого также должны были распространиться карающие действия государства.

Победоносцев считал, что проповедническая деятельность Пашкова и его последователей крайне опасна и может привести к расколу православного населения России. Он категорично предлагал запретить все молитвенные собрания сектантов в Петербурге и в России во всяком месте, где они будут обнаружены. Лорду Редстоку предлагалось запретить въезд в Россию. В докладе министру внутренних дел в 1882 году Победоносцев настаивал выслать за границу Пашкова и Бобринского. В 1884 году Победоносцев получил официальное разрешение на борьбу с пашковцами, штундистами, баптистами. В мае этого же года вышел царский приказ о закрытии Общества поощрения духовно-нравственного чтения. Оно было закрыто, издаваемая им духовная литература конфискована и запрещена, Пашков и его соратник М.М. Корф спустя месяц были высланы за границу из-за отказа прекратить проповедь Евангелия в России. После признания деятельности Общества незаконной А.П. Бобринский жил и трудился в своем имении в Тульской губернии. В Петербурге он появлялся редко, а впоследствии также был вынужден покинуть Россию.

Действия государственной власти по борьбе с распространением протестантских идей в России были простыми и решительными. Сначала издавался нужный закон, который легализовал антисектантскую деятельность, а затем на основании этого закона отстранялись от активной деятельности руководители протестантских общин. Религиозная община, оставаясь без духовного вдохновителя, оказывалась в очень тяжелом положении и имела все шансы прекратить свое существование даже без дальнейшего вмешательства светской власти.

Вероятно, по такому сценарию развивались события в имении графа Бобринского в Богородицке в Тульской губернии. Во время его активной проповеднической деятельности в имении многие люди приходили послушать Евангелие и даже при-

обретали Новые Заветы. После отъезда Бобринского за границу вся проповедническая деятельность в Богородицке – имени Бобринского – прекратилась. Спустя почти двадцать лет православный миссионер в отчете указывает, что в Богородицком уезде полностью отсутствует сектантство. Последователи и слушатели учения не продолжили такой же активной деятельности, как граф, и через несколько лет полностью прекратили существование как «секта пашковцев».

Следуя учению лорда Редстока, полковник Пашков, чьим соратником являлся граф Бобринский, старался просто проповедовать Евангелие, читать и толковать Библию. «Пашков не пытался создать новое учение или конфессию» [4, с. 60]. Этому же примеру следовал граф Бобринский. Нехватка богословского и систематического образования, отсутствие продуманного плана работы с последователями и ясного понимания перспективы развития учения привели к тому, что с переездом графа Бобринского на другое место жительства последователи не смогли организовать общину и продолжить начатую графом проповедь Евангелия в Богородицке.

Одним из неверных подходов христиан в отношении протестантских деноминаций в связи с событиями прошлых лет является невнимательное, поверхностное, лишенное анализа отношение к опыту своих предшественников, например личности графа А.П. Бобринского. При упоминании о нем обычно вспоминают его положение, которое он имел при дворе императора Александра II, занимаемые им высокие государственные должности, образованность, деловые и моральные качества. При описании его принадлежности к протестантизму приводятся следующие сведения: «В памяти современников Алексей Павлович остался как “человек общегуманистических взглядов, которых он придерживался с детства”». В конце концов он увлекся протестантскими идеями лорда Редстока, приезжавшего с проповедями в Россию, и вошел в религиозное общество его последователей. «Никто, никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский, – писал после одной из встреч с ним Лев Толстой, – чувствуешь, что он счастливее тех, которые не имеют веры». Лев Николаевич не раз бывал в Богородицком имении Бобринских, выведенном в «Анне Карениной» как имение Вронских. Вместе они и работали «на голоде» 1891–1892 годов. Духовные идеалы Алексея Павловича и его сторонников не прижились в России. После нескольких предупреждений деятельность общества была признана вредной и графа выслали за границу. Последние годы жизни он провел во Франции» [5]. Умер Бобринский в 1894 году.

Не преуменьшая заслуг графа перед отечеством, восхищаясь его высокой нравственностью, необходимо признать, что, вероятно, его активная рели-

гиозная деятельность как последователя Редстока была сосредоточена в Петербурге, а не в Богородицке. Его «увлечение протестантскими идеями» должно было отразиться на живущих в усадьбе в Богородицке, но в памяти современников он больше запомнился как хороший организатор. Бобринский построил сахарный завод в Тульской губернии. Этот завод был самым северным в России и проработал до 1922 года. Он начал разработку угольной копи, первой в Подмосковье, восстановил дворец в усадьбе, пострадавший от пожара, разбил самый большой в губернии фруктовый сад, привел в порядок парк, заложенный Болотовым [5]. Усадьба графа Бобринского в Богородицке до настоящего времени является украшением города и местом для посещения туристов со всей России.

О духовном наследии графа Бобринского в Тульской губернии информацию обнаружить не удалось. Это свидетельствует о незначительности влияния его протестантских идей на жителей Богородицка или полное отсутствие последствий этого влияния. Спустя 20 лет после смерти графа православный миссионер Д. Скворцов в отчете о своей деятельности пишет о Богородицком уезде: «По Богородицкому уезду, по сообщению у. миссионера, свящ. Михаила Щеглова, от 12 марта 1913 г., в отчетном году “не было никаких проявлений раскольнического или сектантского характера”, а потому и миссионерская деятельность означенного миссионера ограничилась “лишь общим наблюдением приходской жизни в отношении расколосектантства”» [6, с. 5]. В более ранних или поздних отчетах также встречаются сведения о Богородицком уезде, полностью свободном от сектантства. Эти сообщения позволяют сделать вывод, что спустя только одно поколение последователей учения Редстока, или пашковцев, как их стали называть позже (каковым являлся и граф Бобринский), в Богородицком уезде не было обнаружено миссионером совсем. Поэтому как бы протестантам нашего времени не хотелось продемонстрировать значимость идей пашковства в начале XX века в связи с принадлежностью графа Бобринского к этому учению, факты свидетельствуют об отсутствии последствий его религиозной деятельности в отношении развития протестантизма в Тульской губернии.

Для современных протестантов ситуация с графом Бобринским может являться предостережением от эмоционального подхода в констатации событий, имевших отношение к протестантизму в Тульской губернии, но не оказавших значительного влияния на его развитие. Известность имени человека еще не является гарантией его существенного вклада в какое-либо дело и наличия заметных последствий для потомков.

Считая графа Бобринского героем веры, пострадавшим за проповедь Евангелия, необходимо

извлечь из его жизни урок о необходимости заботы о духовном развитии своих последователей в будущем. Важно было таким образом организовать последователей пашковства в Богородицке, чтобы отсутствие их руководителя не отразилось бы на существовании общины. Роль личности в истории имеет тем большее значение, чем более важное положение занимает она в социуме. Чем больше ответственности возлагается на личность со стороны других членов общества, тем более серьезными будут негативные последствия, если эта личность будет отстранена от занимаемого ей положения. Пример графа Бобринского наглядно продемонстрировал действенность этого принципа.

Графиня В.Ф. Гагарина проповедовала идеи пашковства в Тульской губернии в тот же период времени, что и граф Бобринский. С началом гонений, инициированных Победоносцевым, она также была вынуждена покинуть Петербург и с 1884 года большую часть времени проводить в селе Сергиевском Крапивенского уезда. В отличие от графа Бобринского ей удалось организовать общину пашковцев в Сергиевском, которая состояла приблизительно из 30–40 человек и являлась самой большой протестантской общиной в Тульской губернии в конце XIX – начале XX века. Община пашковцев в Сергиевском просуществовала до революции 1917 года, после которой верующие перешли в общины евангельских христиан. Несмотря на то, что религиозная деятельность графини Гагариной не была столь масштабной, как в Петербурге, она оказала более значительное влияние на население Крапивенского уезда, чем проповеднический труд Бобринского в Богородицке.

Таким образом, религиозная деятельность графа А.П. Бобринского в Тульской губернии в конце XIX века не носила системного характера. Его незаурядные ораторские способности, использованные им в проповеди Евангелия, привлекали многих людей разных сословий. Организовать этих людей в религиозную протестантскую общину, которая смогла бы существовать и развиваться независимо от вовлеченности в нее Бобринского, не являлось его приоритетом. За свои изменившиеся религиозные убеждения, не соответствующие принятым в обществе, Бобринскому пришлось испытать давление со стороны светской власти. После вынужденного переезда графа за границу сторонники пашковства не смогли продолжить начатую Бобринским проповедническую деятельность. Отсутствие постоянной поддержки и мотивации в распространении нового для местного населения религиозного учения привело к тому, что спустя два десятилетия последователей пашковства в Богородицком уезде Тульской губернии совсем не осталось. В памяти потомков граф А.П. Бобринский остался как человек высоких нравственных принципов, новатор в организации производств,

активный гражданин общества, как человек, стремящийся изменить существующую реальность.

Библиографический список

1. Алексей Павлович Бобринский // История в лицах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hecrus.ru/Razdeli/Istoriya_v_licah.html (дата обращения: 04.12.2016).
2. *Дальтон Г.Ф.* Открытое послание обер-прокурору Правительствующего Синода. – Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1890. – 79 с.
3. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: ВСЕХБ, 1989. – 624 с.
4. *Коррадо Ш.* Философия служения полковника Пашкова. – СПб.: Библия для всех, 2011. – 224 с.
5. *Руденко В.* Алексей Павлович Бобринский // Тула Бренд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.btula.ru/fullbrend_344.html (дата обращения: 25.11.2016).
6. *Скворцов Д.* Миссионерский отчет по Тульской епархии за 1912 год. – Тула: Типография

Н.К. Конышевой, 1913. – 22 с.

References

1. Aleksej Pavlovich Bobrinskij // Istoriya v licah [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://hecrus.ru/Razdeli/Istoriya_v_licah.html (data obrashcheniya: 04.12.2016).
2. Dal'ton G.F. Otkrytoe poslanie ober-prokuroru Pravitel'stvuyushchego Sinoda. – Lejpcig: Dunker i Gumblot, 1890. – 79 s.
3. Istoriya evangel'skih hristian-baptistov v SSSR. – M.: VSEKHB, 1989. – 624 s.
4. Korrado SH. Filosofiya sluzheniya polkovnika Pashkova. – SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2011. – 224 s.
5. Rudenko V. Aleksej Pavlovich Bobrinskij // Tula Brend [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.btula.ru/fullbrend_344.html (data obrashcheniya: 25.11.2016).
6. Skvorcov D. Missionerskij otchet po Tul'skoj eparhii za 1912 god. – Tula: Tipografiya N.K. Konyshevoj, 1913. – 22 s.

МОСКОВСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА МОСКВЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье представлена история и типизация московской периодической печати последней трети XIX – начала XX в. Указываются основные тенденции ее развития, исследуется появление издателей-капиталистов, технический прогресс в печатном деле, анализируются особенности формирования газет и журналов и т. д. Приведены примеры наиболее влиятельных и массовых изданий последней трети XIX – начала XX в. Периодическая печать рассмотрена как исторический источник по изучению образа Москвы.

Ключевые слова: периодическая печать, образ города, модернизация Москвы, торговые дома, общественный транспорт.

В последней трети XIX – начале XX в. образ Москвы начинает претерпевать значительные изменения. Причины преобразований связаны с набирающим обороты промышленным бумом, наращиванием темпов строительства, ростом численности населения и т. д. Экономическим ростом обусловлено формирование и увеличение среднего класса.

Необходимо отметить, что на исследуемый период приходится интенсивное строительство торговых домов, банковских зданий, вокзалов, промышленных предприятий, гостиниц и многоэтажных доходных домов, особняков и т. д. в различных архитектурных стилях, среди которых наиболее ярко выделялся модерн. Бывало, что современники не были в восторге от зданий, без которых сейчас мы не можем представить себе историческую Москву [1; 3; 8; 9; 11].

Конец XIX – начало XX в. характеризуется скачком в индустриализации и экономическом росте страны. К этому моменту в Российской империи капитализм набирает обороты в своем развитии. И хотя в период с 1890 по 1914 гг. экономика переживала подъемы и спады, в целом к 1914 г. значительно выросла производительность труда, выпуск продукции в тяжелом и легком промышленном секторе. Достижения технического прогресса достаточно широко применялись в московской промышленности.

В этот период сформировались предпосылки для строительства будущей мощной транспортной сети города. Информация о вопросах, связанных с развитием московской трамвайной сети и строительством Московской окружной железной дороги (МОЖД), встречается на страницах журналов и газет в конце XIX – начале XX в. довольно часто.

Развитие торговли увеличивает денежные потоки в город, благодаря чему активно застраиваются территории, появляются новые торговые дома, новые стандарты обслуживания населения. К началу XX в. в связи с интенсивным экономическим ростом происходило увеличение предпринимателей в составе городского населения. Лидирующие позиции принадлежали текстильным фабрикантам и промышленникам-финансистам, которые на ру-

беже XIX–XX вв. в своей торгово-промышленной деятельности использовали новейшие технологические достижения и передовые формы предпринимательства.

Мысль о благоустройстве и удобстве города для горожан становится все более популярной. На этот период приходится расцвет культурной, политической и театральной жизни Москвы.

В этот период именно ежедневные газеты и журналы формируют лицо города, образ его внутренней жизни, повествуют о насущных проблемах горожан и др.

С 80-х гг. XX в. происходит активный рост как количества, так и разнообразия периодической печати. Процесс этот обусловлен развитием общественно-политической жизни, расширением читательского круга, капитализацией в различных сферах деятельности, техническими инновациями в процессе печати [1; 5; 6].

Технический прогресс позволил быстро и много печатать, некоторым предприятиям самостоятельно производить бумагу и другие комплектующие, доставлять продукцию через активно развивающуюся транспортную сеть.

Капитализация сформировала новое отношение к печатной сфере как к прибыльному делу. Издатель газеты становится предпринимателем. С 1890-х гг. эта тенденция нарастает, издания выпускают акции, формируются крупные издательские концерны. В 1908–1914 гг. происходит усиление роли банков в издательском деле. Некоторые газеты и сейчас ассоциируются со своими знаменитыми издателями, например: «Русское слово» (И.Д. Сыгин), «Утро России» (П.П. Рябушинский) и др.

Растет аудитория, среди которой все чаще встречаются представители различных социальных слоев населения.

Толстый журнал постепенно уступает часть рынка тонкой ежедневке, более дешевой и быстро реагирующей на события. Также по содержанию отмечается разделение периодической печати на качественную и массовую.

При увеличивающемся количестве газет и журналов растет их разнообразие и направление: от-

раслевые, политические, сатирические, развлекательные, экономические и т. д.

Уже в конце XIX в. периодическая печать обозначила себя в качестве существенного игрока на политической и информационной арене. Через газеты стали выражать оппозиционные политические взгляды. В революционные 1905–1907 гг. довольно четко обозначилось партийно-политическое распределение в периодической печати. В газетах активно печатают информацию о забастовках и столкновениях. Впервые периодическая печать сама по себе оказалась орудием пропаганды. В 1906 г. вышел указ «Об изменении и дополнении Временных правил о периодической печати», что усилило контроль над изданиями [3; 9; 11; 13].

В период с 1907 по 1910 гг. наблюдается усиление контроля и ужесточение цензуры для периодической печати, однако активно развиваются бульварные дешевые газеты («Московский листок», «Столичная молва», «Копейка»), политическая напряженность заметно снижается [8; 18].

Новый виток активного развития московской периодической печати происходит в 1910–1912 гг. Именно в этот период в Москве появляются новые издательства, например «Московское издательство», выпускавшее такие газеты и журналы, как «Коммерсант», «Вечерние известия», «Трудовая копейка», «Женское дело», «Детский мир». В этот период усиливалось финансирование многих газет крупными промышленниками, вырос процент заказных статей. Банкирский дом П.П. Рябушинского издавал целый ряд газет в Москве. На средства Гучковых и других финансистов существовал «Голос Москвы».

Среди периодической печати последней трети XIX в. выделяются следующие основные направления: консервативное, либеральное и радикально-демократическое [7]. Из консервативного направления отдельно стоит правительственная печать. Была необходимость в официальной газете, уведомлявшей общество об указах, приказах и других правительственных решениях (например, «Правительственный вестник» (1869–1917), «Сенатские ведомости»). Некоторые министерства также выпускали свою периодику, например: «Русский инвалид» (1813–1917) (Военное министерство), «Торгово-промышленная газета» (1893–1918) (Министерство финансов) и др. Однако данные издания носили общероссийский характер. Гораздо более живыми, касающимися насущных проблем горожан были издания уровня градоначальств, городских дум, епархий, полиции и т. д.: «Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции» (1848–1917), «Ведомости Московской городской полиции» (1848–1917), «Московские губернские ведомости» и т. д. Публикации в этих изданиях интересны с точки зрения наличия в них многочисленных статистических

данных, позволяющих производить обработку и анализ информации в исторической перспективе. Некоторые образовательные и общественные учреждения также имели свои печатные органы («Известия Академии наук», «Известия Императорского Русского географического общества», «Журнал Императорского Московского общества сельского хозяйства» и т. д.), выпуски которых являются важными историческими источниками для различных областей наук [7; 11].

В консервативном направлении можно выделить монархические издания, державшиеся всегда проправительственной линии: «Московские ведомости» редактора М. Каткова, журнал «Русский вестник» (1856–1906, выходил в Москве в 1856–1887 гг.). Используя данные издания как исторические источники, необходимо помнить об их промонархической линии и особенно внимательно учитывать эмоциональный фон отдельных статей. В целом образ города данным направлением периодической печати рисуется размеренным, полным важности, спокойствия, правильности. «Московские ведомости» уделяли внимание развитию Москвы, в частности развитию автомобильного движения, строительству МОЖД, торговых домов и др.

Умеренно-оппозиционной печатью с либеральным уклоном считались журнал «Русская мысль», газета «Русские ведомости», «Курьер», «Утро России». В «Русских ведомостях» уделялось внимание благотворительности, обсуждались городские проблемы и т. п. «Утро России» уделяло внимание развитию транспорта, в частности МОЖД. Данные издания чаще всего поддерживали наиболее взвешенные и разумные политические идеи, сотрудничали с известными учеными, публицистами, литераторами. Заметки этих источников разнообразны, в определенной степени объективны, часто не лишены здоровой доли юмора. Материалы данных изданий подчас демонстрировали широту взглядов и интересов, не заикливаясь исключительно на политических событиях, поэтому их анализ как исторических источников вполне оправдан, так как дает иногда совершенно неожиданную фактическую информацию. Таким образом, Москва описывалась как наполненный наукой, искусством, техническим прогрессом город, являющийся частью страны, нуждавшейся в реформах и конституционном строе.

Революционно-демократическая направленность была свойственна таким изданиям, как «Московская газета» социал-демократов, «Народная газета» П.П. Рябушинского. При их использовании в качестве исторического источника необходимо учитывать политические настроения этих изданий. Естественно, подобная периодическая печать писала чаще всего о необходимости изменения политического режима и т. п. [3; 5].

Типы изданий периодической печати характеризуются тремя основными критериями: аудитория, издательство, целевое назначение. В этом плане в конце XIX в. наметились значительные изменения в аудитории за счет добавления в читательский круг городских обывателей, рабочих, крестьян и др. Это способствовало удешевлению самого издания и ухудшению качества содержания («Московский листок», «Столичная молва»).

В этот период отмечалось ориентирование некоторых газет по профессиональным критериям. Активно развивалась отраслевая периодика («Коммерсант», «Трудовая копейка», «Женское дело» и др.). Особо необходимо отметить сатирические журналы («Будильник», «Развлечение»), регулярно терпевшие от властей за острые шутки, обнажение «злобы дня», высмеивание видных деятелей и политиков. Материалы этих изданий отражают реальное человеческое отношение к некоторым явлениям общества. В этот период стали появляться газеты для детей («Газетка для детей и юношества»). Основные тенденции изменений на рубеже веков в периодической печати заключались в появлении фотографии, ее использование расширяло возможности и эффективность периодики (журналы «Искры», «Золотое руно»).

В это время выделяются издатели, превращавшие периодическую печать в прибыльное предпринимательское дело, в Москве наиболее яркие представители – И.Д. Сытин («Вокруг света», «Русское слово»), Н.П. и П.П. Рябушинские («Раннее утро», «Народная газета», «Утро России», «Золотое руно») [4; 7; 8; 12; 14; 15].

Особую нишу занимают журналы религиозно-философского и литературно-эстетического направления («Московские церковные ведомости», «Воскресные беседы», «Золотое руно», «Весы»), демонстрировавшие обращение интеллигенции к вопросам искусства, религиозной, морально-нравственной, философской проблематике, что делает изучение данных источников весьма интересным с точки зрения обращения к духовному развитию общества.

В Москве развивалась театральная периодическая печать, выходили журналы «Театр», «Артист», «Маски» и др., музыкальный журнал «Музыка». Издавались журналы для детей «Друг детей» И.Д. Сытина, «Детское чтение».

Революция 1905 г. вызвала наибольший рост сатирических журналов и газет, явно отражавших «злобу дня», обсуждавших скандальные и спорные вопросы. Главной особенностью послереволюционного развития периодической печати было формирование печатных органов партий, а также присоединения к политическим партиям существующих изданий. В целом после революции 1905–1907 гг. явно определились основные направления московской периодической печати: консер-

вативно-охранительное, либерально-оппозиционное и революционно-демократическое [7; 11; 14].

Перед Первой мировой войной давление на периодическую печать усилилось, такое издание, как «Московские ведомости», было признано «желательным», «Русские ведомости», «Русская мысль» относились к «терпимым», а «Утро России», «Русское слово» считались «нежелательными». В этот период давление на периодику со стороны государства усилилось, что сказывалось на объективности подачи материала [4; 7; 12; 15].

Одним из влиятельнейших и популярных изданий была газета «Русское слово» И.Д. Сытина, здесь печатались известные публицисты (например, А.В. Амфитеатров, В.М. Дорошевич, В.А. Гиляровский), направление было демократическим [7; 10; 12; 13; 15–17]. Сама газета «Русское слово» была дешевой, массовой, содержащей большое количество сводок, репортажей, телеграмм, общественных новостей. Особое внимание в газете уделялось развитию и модернизации Москвы. «Русское слово» имело иллюстрированное приложение «Искры» (1901–1917). Журнал «Искры» позиционировал себя как литературный, юмористический, однако носил, скорее, общественно-политический характер, содержал большое количество карикатур, иллюстраций, фотографий.

Журнал «Русская мысль» (1880–1918) возглавлял В.М. Лавров, издание придерживалось идей конституционного строя, толерантно относилось к различным политическим партиям, сотрудничало с такими известными авторами, как А.П. Чехов, Н.С. Лесков, В.Г. Короленко, М. Горький и др.

Издание «Московские ведомости» Каткова придерживалось промонархических взглядов, выступало в защиту Столыпинских реформ.

Все вышеперечисленные газеты и журналы относились к «толстой» периодике, солидной и размеренной по содержанию, проверяющей публикуемые факты, аккуратной в высказываниях [3; 6].

Газета «Курьер», выходившая в Москве (1893–1904), считалась первой демократической газетой, одним из ведущих сотрудников здесь был В.А. Гольцев, в качестве авторов часто выступали Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, К.М. Станюкович, М. Горький, Н. Гарин-Михайловский и др. [13; 16; 17].

«Московский листок» (1881–1918) пользовался значительной популярностью. Основателем этой газеты был журналист Н.И. Пастухов. Издание было ориентировано на широкую публику, содержало большое количество разнообразных рубрик, отражавших повседневную жизнь города, свежих репортажей с места событий. Газета носила бульварный характер, стоила недорого, однако именно Н.И. Пастухов приучил читать газеты всю Москву.

Газета «Новости дня» (1883–1906), издателем которой был А.Я. Липскеров, относилась к «малой периодической печати». Сначала тиражи ее были

незначительными, но после привлечения новых авторов, введения некоторых рекламных элементов издание приобрело известность и выпускалось большими тиражами. А.П. Чехов публиковал в «Новостях дня» некоторые свои рассказы.

«Голос Москвы» (1907–1915) – газета, отражавшая интересы капиталистов и промышленников, выступавшая против революционеров, пользовалась популярностью среди населения с промонархическими настроениями.

«Раннее утро» (1907–1918) – популярная газета, издававшаяся П.П. Рябушинским, имела политический и литературный характер. С изданием сотрудничали такие авторы, как В. Брюсов, А. Белый, М. Волошин, Н. Гумилев. Издательским домом П.П. Рябушинского выпускалась также политическая газета «Утро России» (1907, 1909–1918), придерживавшаяся либерально-конституционных взглядов, орган партии прогрессистов. Газета пользовалась популярностью среди политически активных слоев населения. В целом необходимо отметить, что данные издания регулярно вступали в конфликты с действующей властью.

Н.П. Рябушинский поддерживал издание журнала «Золотое руно» (1906–1908), посвященного проблемам символизма, как и журнал «Весы» В. Брюсова. Однако журнал был уже отчасти повторением «Мира искусства» С. Дягилева и не просуществовал долго [1; 2; 7; 15; 18].

Периодическая печать рассматриваемого периода интересна как исторический источник, во-первых, потому, что имела свое собственное развитие и историю. Во-вторых, приобретала различные политические, социальные, отраслевые направления, в результате чего отражала не только общественные, но и специфические события. В-третьих, способствовала расширению читательской аудитории за привлечения различных слоев населения.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. общество приходит к некоторому переосмыслению периодических изданий. В первую очередь формируется отношение к издательскому делу как к выгодному бизнесу. И если направления в середине XIX в. газет и журналов отличались в основном целевой областью и издателем, то в исследуемый период наблюдается расширение аудитории и, как следствие, типизация их по аудитории. В газетах и журналах появляются фотографии, реклама, беллетристика в большом объеме.

С точки зрения оценки периодической печати как исторического источника можно отметить ее уникальность: избыток фактов, иногда противоречащих друг другу, статистика, заказные статьи, юмор, информация «на злобу дня» и т. д. При разборе всего этого обилия материалов необходимо учитывать особенности данных источников.

Образ Москвы в газетах и журналах последней трети XIX – начале XX в. формировался по-

разному. В газетах, настроенных более радикально, оппозиционно город подавался с точки зрения социальной несправедливости, нуждающимся в реформах и переустройстве, часто обращалось внимание на несовершенство коммунальных, транспортных и других систем. В газетах консервативного течения Москва была оплотом старого режима, буржуазного, купеческого и капиталистического спокойствия. Но были черты, которые одинаково замечали все издания: технический прогресс, развитие торговых, коммунальных, транспортных сетей города, активная застройка, рождение новых архитектурных шедевров, культурный рост, изменение социума – рождение новой исторической среды. Именно поэтому периодическая печать исследуемого периода интересна и перспективна в качестве исторического источника.

Библиографический список

1. *Бережной А.Ф.* По страницам неисследованных изданий русской периодики (из истории русского зарубежья). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 120 с.
2. *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 152 с.
3. *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал: Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – 150 с.
4. *Есин Б.И.* История русской журналистики XIX века. – М.: Аспект пресс, 2003. – 288 с.
5. *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 132 с.
6. *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. – М.: МГУ, 1971. – 86 с.
7. *Жулякова Н.В.* История российской печати конца XIX – начала XX веков. – Томск: УПК «Журналистика», 2008. – 200 с.
8. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. – М.: Аспект пресс, 2001. – 368 с.
9. Из века в век: К 300-летию отечественной печати, 1702–2002 / под ред. проф. Б.И. Есина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 235 с.
10. *Иникова С.А.* Газета «Русское слово» и цензура (1897–1917 гг.) // Проблемы истории СССР: сб. трудов истфака МГУ. – М.: Изд. МГУ, 1985. – Вып. 13.
11. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / под ред. Л.П. Громовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 672 с.
12. *Латенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 173 с.
13. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века, 1890–1904: Бур-

жуазно-либеральные и модернистские издания. – М.: Наука, 1982. – 370 с.

14. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 240 с.

15. Менделеев А.Г. Жизнь газеты «Русское слово»: издатель, сотрудники. – М.: РОССПЭН, 2001. – 208 с.

16. Родионова Т.С. Московская газета «Курьер». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 130 с.

17. Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 192 с.

18. Цензурный режим переходных эпох: К 200-летию со дня рождения председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева: материалы Всерос. науч. конференции / под ред. Г.В. Жиркова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 133 с.

References

1. Bereznoj A.F. Po stranicam neissledovannyh izdanij russkoj periodiki (iz istorii russkogo zarubezh'ya). – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. – 120 s.

2. Bereznoj A.F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoj mirovoj vojny. – L.: Izd-vo LGU, 1975. – 152 s.

3. Bohanov A.N. Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyj kapital: Konec XIX v. – 1914 g. – M.: Nauka, 1984. – 150 s.

4. Esin B.I. Istorija russkoj zhurnalistiki XIX veka. – M.: Aspekt press, 2003. – 288 s.

5. Esin B.I. Russkaya gazeta i gazetnoe delo v Rossii (zadachi i teoretiko-metodologicheskie principy izucheniya). – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. – 132 s.

6. Esin B.I. Russkaya dorevoljucionnaya gazeta. – M.: MGU, 1971. – 86 s.

7. Zhilyakova N.V. Istorija rossijskoj pečati konca XIX – nachala XX vekov. – Tomsk: UPK «Zhurnalistika», 2008. – 200 s.

8. Zhirkov G.V. Istorija cenzury v Rossii XIX – XX vv.: ucheb. posobie. – M.: Aspekt press, 2001. – 368 s.

9. Iz veka v vek: K 300-letiyu otechestvennoj pečati, 1702–2002 / pod red. prof. B.I. Esina. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002. – 235 s.

10. Inikova S.A. Gazeta «Russkoe slovo» i cenzura (1897–1917 gg.) // Problemy istorii SSSR: sb. trudov istfaka MGU. – M.: Izd. MGU, 1985. – Vyp. 13.

11. Istorija russkoj zhurnalistiki XVIII – XIX vekov: uchebnik / pod red. L.P. Gromovoj. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. – 672 s.

12. Latenkov E.H.V. «Literaturnayapromyshlennost'» Rossii konca XIX – nachala XX veka. – L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1988. – 173 s.

13. Literaturnyj process i russkaya zhurnalistika konca XIX – nachala XX veka, 1890–1904: Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya. – M.: Nauka, 1982. – 370 s.

14. Mahonina S.YA. Istorija russkoj zhurnalistiki nachala XX veka: ucheb. posobie. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 240 s.

15. Mendeleev A.G. Zhizn' gazety «Russkoe slovo»: izdatel', sotrudniki. – M.: ROSSPEHN, 2001. – 208 s.

16. Rodionova T.S. Moskovskaya gazeta «Kur'er». – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1999. – 130 s.

17. Smirnov S.V. Legal'naya pechat' v gody pervoj russkoj revolyucii. – L.: Izd-vo LGU, 1981. – 192 s.

18. Cenzurnyj rezhim perekhodnyh ehpoj: K 200-letiyu so dnja rozhdeniya predsedatelya Komiteta cenzury inostrannoj F.I. Tyutcheva: materialy Vseros. nauch. konferencii / pod red. G.V. Zhirkova. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. – 133 s.

О ПРЕБЫВАНИИ Н.В. УСТРЯЛОВА В ПЕРМИ

Статья посвящена пребыванию Н.В. Устрялова в Перми осенью 1918 – зимой 1919 года. Выявлены причины переезда политика, публициста и приват-доцента Московского университета из столицы в Пермь, рассмотрены аспекты его деятельности на новом месте: работа в университете, преодоление бытовых невзгод в условиях военного коммунизма, размышления о родине, дискуссии с коллегами о путях преодоления русского кризиса и сохранения Отечества. Уделяется внимание избранию Н.В. Устрялова на должность профессора по кафедре государственного права Пермского университета. По мнению автора, именно под влиянием «пермского» опыта Устрялов уехал в Омск и принял участие в антибольшевистском движении на востоке России.

Ключевые слова: Н.В. Устрялов, Пермский университет, раздумья о родине, дискуссии о русском кризисе, Д.В. Болдырев.

В биографических статьях энциклопедических изданий, посвященных видному деятелю сменовеховства Н.В. Устрялову, отмечается, что он преподавал в Пермском университете [14, с. 448–449; 5, с. 643–644]. Этот эпизод из биографии Н.В. Устрялова нашел некоторое отражение в двух публикациях Г.Д. Селяниновой [7, с. 186–189; 8, с. 276–291]. В настоящей статье, подготовленной на основе опубликованных дневниковых материалов, публицистического наследия и архивных источников предпринята попытка дать развернутую характеристику пребыванию Устрялова в Перми осенью 1918 – зимой 1919 года, проанализировать различные аспекты его деятельности и определить факторы, повлиявшие на решение политика и публициста (после прихода в город белых) переехать в колчаковскую столицу и принять участие в антибольшевистском движении.

Имя правоведа, публициста, политического мыслителя Николая Васильевича Устрялова тесно связано с переломными событиями российской истории первых десятилетий XX века. К началу 1917 года Николай Устрялов – ведущий представитель молодого поколения российской политической и интеллектуальной элиты. Спустя три года после окончания в 1913 году юридического факультета Московского университета он уже читает в нем лекции по истории русской политической мысли, является ведущим кадетским публицистом газеты русской буржуазии «Утро России», печатается в журналах «Русская мысль» и «Проблемы Великой России», поднимая актуальные проблемы национально-государственного развития России [6, с. 58–65, 72–92].

Восторженно приняв Февральскую революцию, Устрялов участвует в работе кадетских съездов и конференций, пропагандирует курс на строительство демократической России, возглавляет Калужский кадетский губернский комитет. Но разрушение государственных институтов, распад страны, развал армии, радикализация масс, произошедшие к лету 1917 года, вызывают у кадетского политика разочарование в «февральских» лозунгах. Он при-

ходит к мысли, что сохранить российскую государственность можно только с помощью диктатуры. После большевистского захвата власти Устрялов подвергает жесткой критике действия «новых якобинцев», называет большевиков «разрушителями российского государства», прогнозирует их полное банкротство [12; 13]. Летом 1918 года, с закрытием оппозиционных изданий, его публицистическая деятельность прерывается. В августе – начале сентября столица погружается в полосу красного террора. В газетах ежедневно публикуются длинные списки казненных, в которых Устрялов находит немало знакомых имен. Он понимает, что может быть в любой момент арестован (как его соратники по политической деятельности), а за этим могут последовать аресты его родных в Калуге¹.

В этих условиях Н.В. Устрялов принимает решение покинуть столицу. Обсуждались варианты отъезда в Киев вместе с политическим соратником Ю.Н. Потехиным или на Юг, где при участии Всероссийского национального центра (нелегальной антисоветской организации) осуществлялась переправка через линию фронта сторонников борьбы с большевиками. Но встреча Устрялова в стенах «alma-mater» с сокурсником Н.Н. Фиолетовым, ставшим профессором юридического факультета Пермского университета, изменяет его планы. Устрялов принимает предложение коллеги поработать в новом учебном заведении и свое решение о переезде в Пермь во всех отношениях считает удачным: во-первых, устранялась опасность оказаться арестованным и навлечь беду на родных, во-вторых, на новом месте можно было заняться наукой, в-третьих, провинция радовала перспективой «откормиться». 11 сентября 1918 года он покидает Москву [9, с. 176–177].

Пермь встретила Н.В. Устрялова тревожной атмосферой. Военнослужащие, автомобили, раненые на городских улицах свидетельствовали о близости фронта. После мучительных поисков была найдена «неудобная, непривлекательная комната» для проживания. На юридическом факультете Пермского университета «московский лектор» получает долж-

ность приват-доцента по кафедре государственного права и учебную нагрузку: лекционные курсы и практические занятия по государственному праву, философии права и истории русской политической мысли – всего десять часов в неделю. Вскоре, во второй половине октября, к нему переезжает жена Наталья Сергеевна, и им была передана квартира профессора Г.В. Вернадского, сменившего Пермь на Украину [2, л. 1, 6, 6 об., 7; 9, с. 184].

В Перми Устрялов, оторванный от столичных политических событий, погружается в мир научных мыслей и знаний, собирает материалы к лекциям и практическим занятиям, прочитывает множество книг по отечественной истории и истории русской и мировой политической мысли. Его увлекает творческое наследие декабристов, русских мыслителей 30–40-х годов XIX века, личность Владимира Печерина [9, с. 181].

Открытый двумя годами ранее Пермский университет в условиях растущего гражданского противостояния переживал трудные времена. Неуютные, холодные помещения и аудитории, малочисленные группы студентов «скучающего вида», сидящие в верхней одежде, отсутствие учебных пособий – все это было типичным для университета того времени. Советская власть относилась к университету, по словам Устрялова, либо враждебно, либо равнодушно. В среде профессорско-преподавательского состава наблюдались «трения, вражда групп» [9, с. 184–185, 186, 196, 200].

Неизгладимое впечатление на Устрялова производит пермская власть, утверждавшая вдали от столицы «революционную законность». «...Ужасы Москвы сразу померкли перед тем, что творилось здесь, на границе советской республики... в царстве страшного уральского совдепа, – писал он уже в эмиграции. – Пришлось воочию удостовериться, как отражается на местах “твердая политика центра”... Чуть ли не кварталами расстреливались домовладельцы, ловили судебных деятелей, и даже аполитичнейший ректор университета и деканы факультетов были арестованы за “тайное сочувствие” белогвардейцам... Жестокость террора была... невероятна» [10, с. 103].

Столь драматическое положение в городе усугублялось бытовыми трудностями. Дневниковая запись Устрялова красноречиво характеризует условия его проживания в Перми: он сидит в холодной комнате «в 1) нижней фуфайке, 2) нижней рубашке, 3) верхней шерстяной рубашке, 4) верхней теплой фуфайке, 5) на левой руке теплая вязаная перчатка, правой обычно пишу или перелистываю книгу и 6) на ногах поверх одежды теплое ватное пальто – и все-таки не могу сказать, что было тепло, – так себе... а лицо, главное нос, мерзнет» [9, с. 183].

Политика военного коммунизма и полный запрет на торговлю привел к тотальному дефициту

товаров и продуктов. В городе с огромным трудом можно было найти чернила, тетради, лампочки, мыло и другие элементарные вещи. Поездки в деревни за продуктами стали типичным занятием горожан, в том числе Устряловых.

Поиск продовольствия, всегда стоивший для них огромных физических усилий, не всегда оказывался результативным. «Ездили с деревню за продовольствием, – описывает в дневнике свои впечатления о поездке Николай Васильевич, – С утра отправились на вокзал... Часа через три достали билеты, а еще через часа три тронулись... Приехали в Катаево. Наташа вошла в избу к знакомой бабе, в прошлый раз продававшей разные продукты и звавшей приезжать еще. Там сидели в гостях три мужика, был дома муж бабы, и шел обед. Наташа напомнила хозяйке о своем недавнем посещении и вообще повела себя как знакомая. Это погубило все наше предприятие, что выяснилось, как только ушли гости. «Вам сегодня ничего не будет». Взмолились. Напрасно... Сделки запрещены: “спекуляция”... Так и пришлось расстаться с этой избою... От 6 часов вечера просидели мы на полустанке до 9 часов утра, когда, с большим опозданием, пришел поезд... Последнее испытание: теплушка оказалась холодной, без печки. И пришлось ехать в ней 4 часа при 20-градусном морозе... Самое тяжелое в поездке – унижение перед мужиками...» [9, с. 192–196].

Мучительные поездки за продовольствием сменялись чтением лекций в университете. На своих лекционных занятиях Устрялов с целью актуализации материала нередко проводит аналогии между событиями прошлых эпох и переживаемым временем. Так, на лекции о декабризме, рассказывая о военных поселениях Аракчеева, он охарактеризовал их на основе дневниковых материалов Ф. Вигеля – видного мемуариста той эпохи с его ключевой фразой: бедные поселенцы должны были от всего отказаться и жить только по указаниям властей. Приведя авторскую цитату, Николай Васильевич сопроводил ее следующим комментарием: «...Быть может, только в современном коммунистическом рае можно искать аналогии этим военным поселениям александровской эпохи!» [9, с. 197–198]. Делая глубокие исторические обобщения и выявляя связи между эпохами, Устрялов формировал у молодежи критическое восприятие действительности. И она отзывалась взаимностью: по мнению университетских коллег Устрялова, студенты проявляли большой интерес «к его занятиям» [2, л. 11 об.].

Жить и работать в таких условиях было невыносимо трудно. Но Устрялов относится философски к этим трудностям. По его словам, «все это пустяки... только бы не было подлинных жизненных несчастий...» [9, с. 183]. Духовное для него всегда было выше материального, жизненные проблемы воспринимались им как «преходящие».

Свое пребывание в Перми Устрялов рассматривает как возможность осмыслить со стороны происходящие события и свой собственный путь. «Моя добровольная и вместе с тем вынужденная ссылка, – пишет он в своем дневнике вскоре после приезда в Пермь, – может оказаться в конце концов плодотворной. Окончательно преграждена возможность какой-либо внешней деятельности, политического хлопотания, и получаешь свободу вновь ближе обратиться к себе, заглянуть в себя. С большей объективностью смотреть на окружающее. Восстановить перспективу». Но подобные настроения нередко сменялись желанием вернуться к активной политической деятельности: он надеется, что «пермская полоса» будет недолгой и жизнь снова «властно позовет к себе» [9, с. 183].

Николай Васильевич внимательно следит за масштабными общественными процессами в стране. В Отечестве, по его словам, «бушует буря, творится нечто поистине импозантное, катастрофическое». Борьба между старым миром и новым миром, считает он, «бушует» не только в границах Отечества, она имеет глобальный характер. Свидетельство тому – революционные события в Европе. При этом, по его мнению, не следует делать окончательные прогнозы и забираться в свой «маленький мирок», ибо «еще идет страшная борьба, и неизвестен ее исход...» [9, с. 179, 190].

Он с болью думает о родине. «...Боже, как грустно, так тяжело за Россию... – пишет он 5 октября 1918 г. – Страна надрыва и страданий, страна хаоса и вечных предвестий, обетований... В эти минуты еще более обостряется любовь к ней, к ее истории, к ее падениям...» Его переживания за свое Отечество отражаются в дневниковых записях: «Бедная Россия. Всегда словно перст Божий... Страна погибших светил, измученных душ, кладбище великих возможностей... Но в этом и очарование ее...» [9, с. 180–181].

Из университетских коллег, с которыми общался Устрялов, было немало оригинальных личностей, талантливых исследователей, авторов крупных научных трудов по различным научным сферам. Среди них – юристы В.Н. Дурденевский и А.Н. Крутлевский, философы Д.В. Болдырев и Л.А. Зандер, специалист по церковному праву Н.Н. Фиолетов, лингвист и переводчик Ю.Н. Верховский и др.

Из университетских преподавателей у Н.В. Устрялова дружеские отношения складываются с Д.В. Болдыревым – приват-доцентом кафедры философии, выпускником Петербургского университета, учеником и последователем философа Н.О. Лосского. Их встречи сопровождались долгими и откровенными разговорами на философские, исторические, общественно-политические темы. Николай Васильевич ценил в собеседнике интеллект, оригинальный склад мышления,

но по существу обсуждаемых проблем их позиции нередко расходились. «Долго беседовал с Болдыревым, – пишет Устрялов в дневнике пермской поры. – Очень интересный и, по-видимому, талантливый человек. Еще в Москве пришлось о нем слышать в связи с его статьями... С.А. Котляревский отзывался о нем как о выдающемся и оригинальнейшем мыслителе. И действительно, у него чувствуется наличие цельного и весьма своеобразного мирозерцания. Какая-то мрачная религиозная система в ее философско-историческом аспекте... Другая школа, другой стиль. Подобно Соловьеву, он считает, что мировая история, по существу, кончена, кончается. Человечество изжило себя... В нашем большевизме Болдырев видит как бы симптом этого всеобщего разложения – стихии антихристовой. Христос – сила жизни, мощь жизни. Его отрицание – смерть, мертвечина. Тут любопытная черта этого мироощущения: взгляд на “прогресс” как на убывание жизни, умирание... Это, бесспорно, мрачно реакционное настроение» [9, с. 188–189]. Устрялову с его оптимизмом и верой в жизнеутверждающие начала не импонировали эсхатологические мысли Болдырева. Не мог он, в недавнем прошлом оппонент «путейцев»², принять болдыревское понимание русской истории как истории русской Церкви и его стержневую идею построения государства на церковно-религиозных основах [1, с. 225, 229, 235, 240].

Но было и то, что объединяло собеседников. Их сердца и души были пронизаны болью и переживанием за Россию, желанием помочь простым соотечественникам преодолеть духовную смуту, а в интеллигентских кругах – антигосударственный дух. Болдырев, как и Устрялов, надеялся, что интеллигенция вернется к национальным ценностям: «...Наша интеллигенция как будто начинает испытывать хорошо известную мореплавателям тоску по твердой земле. Пространствовав столько лет по пустыням идеализма среди миражей социализма, она начинает нащупывать твердую почву – нации, государства, Отечества...» [1, с. 212].

Участники пермских диалогов одинаково негативно относились и к большевизму, воспринимая его как зло. Только у Болдырева неприятие этого зла («антихристианской стихии») было пронизано религиозными мотивами, а Устрялов руководствовался национально-государственными интересами, считая, что большевизм разрушает государство. Николай Васильевич разделял и путь преодоления зла, предлагавшийся Болдыревым: использование силы, бескомпромиссная борьба с ним. Косвенным подтверждением этого является его дневниковая запись, сделанная 4 декабря 1918 года: «По вторникам бываем у Болдыревых, толкуем о том о сем, и о быте, и о бытии... В последний раз долго говорили о том, права ли инквизиция, сжигая еретиков, и вообще, нужно ли их сжигать. Д.В. Болдырев

утверждал, что права и нужно, а Фиолетов – что не права и не нужно... Болдырев увлекается неким французским исследованием о средневековом колдовстве и готов проводить ряд аналогий, имеющих злободневный интерес... Нужно выжечь заразу с корнем – иначе она погубит мир... Ерунда, что с духовным злом или психической одержимостью нельзя бороться внешней силой. Вот вам – история с альбигойцами: вырезали всех до одного – и зло победили. Надо учиться у Церкви...» Автор дневника разделяет такой подход: «Мне кажется, Болдырев во многом прав, но только формулирует свои мысли всегда так резко и парадоксально (хотя и блестяще), что с ним неизменно хочется спорить. Вместе с тем он слишком исключителен: жизнь путанее, сложнее» [9, с. 200].

Следует отметить, что Устрялов еще до революции заявлял на страницах газеты «Утро России», что со злом надо бороться с помощью реальной силы, а не терпением и кротостью: «Мэстр нам ближе, чем Толстой», злой силе, реально существующей в мире, необходимо противопоставить «активную силу добра» [11]. Пермские будни, сопровождавшиеся безрассудными насилием и абсурдными порядками советских властей, еще больше укрепляли в сознании Устрялова мысль о том, что с большевистской диктатурой нужно бороться диктаторскими методами. И не случайно Устрялов и Болдырев оказались в колчаковской столице и приняли активное участие в Русском бюро печати – главной агитационно-пропагандистской структуре омского режима [6, с. 162–165].

Но омский опыт по-разному отразится на их взглядах и судьбах. В сознании Устрялова, видевшего мир более многоликим и способного идти на компромиссы, зарождалось неверие в «белое дело» и росли симпатии к новой власти, что и привело его к «смене вех» [6, с. 183–199]. А бескомпромиссный Д.В. Болдырев до последних дней (погиб в 1920 году) остался непреклонным врагом большевизма и выступал с идеей борьбы Церкви с коммунизмом. Он прославился в Сибири созданием добровольческих дружин Святого Креста из христиан – противников большевиков и дружин Зеленого знамени из антисоветски настроенных мусульман [4, с. 24–25].

Смену власти в Перми (город перешел в руки белых 24 декабря) Устрялов воспринимает с энтузиазмом: «Слава Богу! – записывает он в дневник, услышав о новости. – На душе стало радостно. Освобождение...», остались позади абсурдные порядки военного коммунизма, унижения перед «охаевшими мужиками и бабами», пришло освобождение и материальное, и духовное [9, с. 209–210].

Опыт пребывания в «красной» Перми с тотальным дефицитом, террором и господством люмпенов приводит Устрялова к мысли прервать «тягучую неопределенность» и включиться в борьбу с больше-

вистским злом, о чем свидетельствует запись в его дневнике: «Неохота сидеть в Перми, когда каждый нужен для борьбы... Опять жизнь становится... напряженно интересна» [9, с. 200]. Он начинает сотрудничать с редакцией газеты «Свободная Пермь», связывается с университетским товарищем Ю.В. Ключниковым, занимавшим должность управляющего Министерством иностранных дел в правительстве Колчака, обращается к редактору екатеринбургских «Отечественных Ведомостей» А.С. Белоруссову с просьбой рассмотреть вопрос о его переезде в Екатеринбург для работы в газете. 21 января 1919 года из Омска (очевидно, не без вмешательства Ключникова) на его имя приходит телеграмма от управделами колчаковского правительства профессора Г.Г. Тельберга с предложением занять должность юрисконсульта колчаковского правительства. Устрялов принимает предложение и спешно готовится к отъезду [3, л. 128].

Незадолго до отъезда в Омск происходит немаловажное событие в преподавательской карьере Устрялова: 22 января 1919 года на заседании Совета профессоров Пермского университета рассматривается вопрос об избрании его на должность профессора по кафедре государственного права. Профессора А.Н. Круглевский и В.Н. Дурденевский в письменном представлении дали высокую оценку ученым трудам приват-доцента Н.В. Устрялова. Особо они выделили две его работы: «Национальная проблема у первых славянофилов», в которой, по их словам, «содержится блестящий анализ учения Киреевского и Хомякова о нации», и «Идея самодержавия у славянофилов» с «вдумчивым и интересным анализом политической доктрины славянофилов-классиков». Отмечалось также, что статьи Устрялова об империализме и национализме (1916) «примечательны ясной научной постановкой проблемы и, как оказалось впоследствии, правильным учетом международной и внутригосударственной обстановки». В авторских работах 1917 года («Что такое Учредительное собрание», «Революция и война» и др.), по мнению рецензентов, «опасения (в марте 1917 г. – *Р. В.*) за судьбы русской Конституанты (Учредительного собрания. – *В. Р.*) более чем оправдались». В заключение авторы представления единодушно высказались в поддержку кандидатуры Устрялова [2, л. 10, 10 об., 11, 11 об.]. В ходе голосования из 23 членов Совета 14 высказались «за», а 9 – «против», что было достаточным основанием для принятия решения: считать приват-доцента Н.В. Устрялова «избранным... и. д. экстраординарного профессора сверх штата по кафедре государственного права...» [2, л. 16].

3 февраля 1919 года Н.В. Устрялов вместе с супругой и коллегами А.М. Круглевским и Н.Н. Фиолетовым прибывает в Омск [3, л. 129], где начинается новая веха в его политической биографии.

Таким образом, пребывание Н.В. Устрялова в Перми было непродолжительным и в творческом плане не всегда плодотворным: работа в университете, преодоление повседневных материальных и бытовых трудностей, размышления о родине, споры с коллегами о путях сохранения отечества. Но «пермский» опыт – выживание в условиях тотального дефицита, унижения и террора – оказался весомым аргументом для Устрялова в подтверждение того, что большевизм – это реальное зло, с которым нужно бороться, что и привело его к решению присоединиться к белому движению на востоке России.

Примечания

¹ В Калуге проживали мать Н.В. Устрялова Юлия Петровна, младший брат Михаил и жена Наталья Сергеевна (в девичестве Блистанова), с которой Николай Устрялов обвенчался 16 июня 1918 г. в Москве.

² Путьцы – участники религиозно-философского объединения «Путь» (Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.Н. Лопатин, П.А. Флоренский и др.), заявлявшие в пореволюционный период (1910-е годы) о безусловном приоритете этико-религиозного фактора в историческом процессе. Современники называли их новыми славянофилами или «неославянофилами».

Библиографический список

1. *Болдырев Н.В., Болдырев Д.В.* Смысл истории и революция. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. – 392 с.
2. Государственный архив Пермской области. – Ф. 180. – Оп. 2. – Д. 375.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 176. – Оп. 2. – Д. 133.
4. *Иванов В.Н.* Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. – 1994. – № 12.
5. *Квакин А.В.* Устрялов Николай Васильевич // Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / под общ. ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН. – М., 1997. – 1088 с.
6. *Романовский В.К.* Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму. – Н. Новгород: ГОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», 2010. – 462 с.
7. *Селянинова Г.Д.* Устрялов Николай Васильевич // Профессора Пермского государственного университета: (1916–2001) / гл. ред. В.В. Маланин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 186–189.
8. *Селянинова Г.Д.* Пермские диалоги Н.В. Устрялова и Д.В. Болдырева, 1918–1919 гг. // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 48. – С. 276–291.

9. *Устрялов Н.В.* Былое – Революция 1917 г.: Воспоминания и дневниковые записи. – М.: Анкил, 2000. – 246 с.

10. *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. – Харбин: Полиграф, 1927. – 415 с.

11. *Устрялов Н.* Думы о войне // Утро России. – 1916. – 7 февр.

12. *Устрялов Н.* Итоги // Утро России. – 1918. – 18 февр.

13. *Устрялов Н.* Конец большевизма // Утро России. – 1918. – 28 февр.

14. *Чертков Л.Н.* Устрялов Николай Васильевич // Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 14. – С. 448–449.

References

1. Boldyrev N.V., Boldyrev D.V. Smysl istorii i revolyuciya. – M.: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2001. – 392 s.
2. Gosudarstvennyj arhiv Permskoj oblasti. – F. 180. – Op. 2. – D. 375.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 176. – Op. 2. – D. 133.
4. *Ivanov V.N.* Iskhod. Povestvovanie o vremeni i o sebe // Dal'nij Vostok. – 1994. – № 12.
5. *Kvakin A.V.* Ustryalov Nikolaj Vasil'evich // Russkoe Zarubezh'e: Zolotaya kniga eh migracii: Pervaya tret' XX veka: ehnciklopedicheskij biograficheskij slovar' / pod obshch. red. V.V. Shelohaeva. – M.: ROSSPEHN. – M., 1997. – 1088 s.
6. *Romanovskij V.K.* Nikolaj Ustryalov. Ot liberalizma k konservatizmu. – N. Novgorod: GOU DPO «Nizhegorodskij institut razvitiya obrazovaniya», 2010. – 462 s.
7. *Selyaninova G.D.* Ustryalov Nikolaj Vasil'evich // Professora Permskogo gosudarstvennogo universiteta: (1916–2001) / gl. red. V.V. Malanin. – Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2001. – S. 186–189.
8. *Selyaninova G.D.* Permskie dialogi N.V. Ustryalova i D.V. Boldyreva, 1918–1919 gg. // Dialog so vremenem. – 2014. – Vyp. 48. – S. 276–291.
9. *Ustryalov N.V.* Byloe – Revolyuciya 1917 g.: Vospominaniya i dnevnikovye zapisi. – M.: Ankil, 2000. – 246 s.
10. *Ustryalov N.V.* Pod znakom revolyucii. – Harbin: Poligraf, 1927. – 415 s.
11. *Ustryalov N.* Dumy o vojne // Utro Rossii. – 1916. – 7 fevr.
12. *Ustryalov N.* Itogi // Utro Rossii. – 1918. – 18 fevr.
13. *Ustryalov N.* Konec bol'shevizma // Utro Rossii. – 1918. – 28 fevr.
14. *Chertkov L.N.* Ustryalov Nikolaj Vasil'evich // Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya / pod red. E.M. Zhukova. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1973. – T. 14. – S. 448–449.

Абовян Елена Николаевна

кандидат исторических наук
Брянский государственный технический университет, г. Брянск
abovyan-elena@rambler.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук
Институт мировых цивилизаций, г. Москва
bryanskstudzuban@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО РЕГИОНА В БОРЬБЕ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ И ГЕРМАНСКИМ РУКОВОДСТВОМ В 1941–1943 ГГ.

В тысячелетней истории России события Великой Отечественной войны стали одними из наиболее суровых испытаний для страны. Победу, за которую пришлось заплатить миллионами человеческих жизней, удалось завоевать только благодаря сплоченности всего общества. В ходе боевых действий большую роль играли не только военная техника и талант полководцев, но и патриотизм. В статье рассматривается использование советским и германским руководством в борьбе сторон регионального потенциала оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 гг. Заслуги Брянского региона в Великую Отечественную войну можно оценивать по двум факторам: фронтовым и партизанскому движениям в тылу врага. В данной статье анализируется значение партизанского движения, главной заслугой которого был срыв планов германской армии по маневрированию вдоль линии фронта в самые сложные моменты боевых действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизан, партизанское движение, коллаборационизм, сопротивление, оккупация, победа.

Ровно 73 года назад СССР поставил точку в самой беспощадной и кровопролитной войне XX века. Великая Победа объединяет народы и поколения. Интерес к рассмотрению проблематики Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не ослабевает с течением времени. Открываются новые архивные материалы, и круг рассматриваемых вопросов все более расширяется. Некоторые (так называемые закрытые) темы вызывают все больший интерес исследователей. Поэтому огромная ответственность за максимально объективное освещение событий военного времени лежит на историках, как российских, так и зарубежных.

Подвиг нашего народа, его победа в Великой Отечественной войне является великим историческим фактом. Присвоение Брянску звания Города воинской славы в 2010 г. обосновано его древней и героической историей и событиями Второй мировой войны, которая для России стала Великой Отечественной.

Регион с его лесным массивом неотделим от Брянска и его истории. В Великую Отечественную войну он оказался на пути германского Вермахта через Белоруссию и Смоленск на Москву в 1941 г. А в 1942–1943 гг. – на пути переброски войск противника на Курское направление. Эти периоды оказались самыми сложными для нашего Отечества, советского руководства и военного командования.

Заслуги Брянского региона в этот период можно оценивать по двум факторам: фронтовым и партизанскому движениям в тылу врага. Проблемы Брянского фронта, прикрывавшего дальние подступы к Москве, его заслуги в замедлении продвижения войск противника в данной работе не рассматриваются, так как это требует отдельной статьи.

22 июня 1941 г. германские и союзные им войска многих государств Европы без объявления войны напали на СССР. В августе танковые части Гудериана прошли через территорию региона [8]. В октябре завершилась его оккупация.

Германское командование впереди своей наступающей армии забрасывало в советский тыл для разрушения советских коммуникаций диверсионные группы. На основе 4-го отдела НКВД СССР и регионов, которым грозила оккупация, создавались советские боевые формирования для борьбы с германскими диверсантами и одновременно шла организация баз для своей диверсионной деятельности в тылу противника в случае оккупации территории.

Уже 26 июня Орловским обкомом ВКП(б) и облисполкомом было принято решение об организации истребительных батальонов во всех районах и городах области, в которую входила Брянщина. Общими силами удалось сформировать 75 батальонов численностью до 10 тыс. человек. Впоследствии они станут основой партизанского движения на первом его этапе [6].

Чуть позже Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) потребовала формировать партизанские отряды и диверсионные группы. А 18 июля вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск».

Уже к концу августа межобластная диверсионная школа в Орле, в которой с 10 августа обучалось 2 359 человек, выпустила 135 диверсантов и 50 инструкторов диверсионного дела. Они составили первоначальный костяк диверсионных групп партизанских отрядов [3, ф. 451, оп. 1, д. 166, л. 10].

Первоначально германские войска в соответствии с общей идеологией фашизма на истребле-

ние населения советских территорий проходили через них, не щадя население, но и не особенно обращая на него внимание, выполняя главную задачу по разгрому Красной армии, стремительно продвигаясь к Москве. За ними двигались новые оккупационные власти, решая задачи, связанные с обеспечением прифронтовой зоны своих войск, вывозом в Германию трофеев и освоением в своих целях территории.

Действовали «новые власти» в соответствии с требованием Гитлера карать каждого неугодного местного жителя и указом от 23 августа рейхсминистра по делам оккупированных областей А. Розенберга, предписывающего уничтожать каждого, кто не согласен с «новым порядком». А советское руководство стремилось вызвать тотальное сопротивление этому «порядку» [7].

На первом этапе возникающим партизанским отрядам вменялось вести разведку и с помощью диверсионных групп мешать передвижению немецких войск, то есть срывать наступление на московском направлении. Практически повсеместно начали действовать диверсионные группы, переходящие в партизанские отряды. В их создании и руководстве активное участие принимали в основном работники НКВД, ответственные работники местных органов ВКП(б) и советской власти из подготовленных заранее людей, активистов, «окруженцев», активной части местного населения. В ноябре 1941 г. здесь действовали уже 43 партизанских отряда численностью более трех тысяч человек [9].

После поражения немецких войск под Москвой политика оккупационных властей в отношении жителей региона начинает кардинально меняться. Начался второй этап партизанского движения и коллаборационизма. Противник вынужден был обживать регион в условиях русской зимы и перерождения главного удара своих войск на юг России с выходом на Волгу и Кавказ. Завоевание источника нефти СССР или пресечение ее поставок из Баку предreshало исход войны в пользу Германии. Оккупационные власти отходят от идеи всеобщего уничтожения и переходят к идее использования региональных возможностей для решения своих глобальных задач.

Главная цель заключалась в обеспечении возможности размещения войск на оккупированной территории, сохранения инфраструктуры для их передвижения и содержания. Использование экономики региона, его населения для собственно Германии, удовлетворения ее внутренних потребностей носило на этом этапе скорее дополнительный характер. Германия еще предполагала быстро закончить войну в свою пользу.

Гейбельс пришел к выводу о необходимости создания местных марионеточных правительств и сил для прикрытия германской политики уничтожения [3, ф. 1650, оп. 1, д. 65, л. 140].

Противник для этого использовал не только силу, но и коллаборационистов – часть местного населения, желающего сотрудничать с оккупационными властями. Административный коллаборационизм позволял врагу использовать местное «национальное самоуправление» (которое было необходимо и самому населению, чтобы выжить) для достижения вышеуказанных целей с помощью самого населения. «Самоуправление», организованное германскими властями, пронизывало всю территорию. Например, Локотской округ включал ряд областей, прилегающих к Брянскому региону, с населением более 1 млн. человек. «Самоуправление» доходило до отдельных городов, районов и даже деревень.

Это «самоуправление» организовывало население экономически, идеологически и в военно-полицейском отношении под руководством и пристальным присмотром «новой власти» и в ее целях. Произошел переход от политики тотального уничтожения населения к политике тотального использования населения и всего потенциала региона на Германию. Таково было последствие разгрома противника под Москвой и перехода войны в более длительную фазу.

Идеологический коллаборационизм, построенный на антисоветских настроениях небольшой части активного населения и вынужденного самовывживания всех остальных жителей региона, обеспечивал систему обработки массового сознания всего населения. Сюда вошли средства массовой информации, прежде всего печать, система образования, культуры, церковной организации. Антисоветская, антибольшевистская, антисталинская риторика дополнялась прославлением фашистской Германии и фюрера силами местной «национальной интеллигенции». Главная цель – не допустить противодействия со стороны населения «новому порядку», организовать его работу на Германию и армейские части, расквартированные в регионе. Последнее есть экономический коллаборационизм. Какими бы мотивами не руководствовался человек, работающий на врага, планирующего уничтожение Отечества, всего населения и самого этого человека (отсрочка исполнения), он коллаборационист (хотя еще, возможно, не предатель). В этом – трагедия времени, людей и общества. Подтолкнуть к тому, чтобы перейти эту грань, должен был идеологический коллаборационизм. На этой грани балансировала, например, церковная организация. Она помогала населению выжить, а гитлеровский режим ей способствовал в возобновлении работы с населением, полагая, что это будет, в свою очередь, убеждать население работать на Германию [4].

Логика такого развития в регионе неизбежно вела к появлению военного коллаборационизма: воинских частей из местного населения и военно-

пленных, действующих в составе войск вермахта, полицейских частей, обеспечивающих порядок в регионе, членов самообороны (от партизан) местных населенных пунктов, местной «судебной» системы. Все эти силы разного качества и с разным характером формирования из местного населения и пришлого люда использовались германской властью для борьбы с партизанами, подпольщиками, также они обеспечивали функционирование «самоуправления» и заставляли население работать на Германию.

В 1942 году разгром советских войск на юге, выход германских войск на Волгу и Кавказ потребовал от Германии использования всех ресурсов. У СССР иссякали средства к сопротивлению. Наступил критический период военных действий для обеих сторон. Это изменило их подход к оккупированным территориям, в том числе и к возможностям Брянского региона. Наступил третий период в использовании региона противоборствующими сторонами.

Оккупационные власти начинают широко реализовывать все экономические ресурсы, включая отправку трудоспособной части населения для работ в Германию, а также обеспечивать экономическое, техническое и технологическое обслуживание своих частей, расквартированных в регионе.

В ответ на это советское руководство предпринимает все меры для создания препятствий при передвижении по территории Брянского региона противника вдоль линии фронта. Поэтому следующий этап партизанской борьбы на Брянщине характеризуется централизацией управления партизанским движением, организацией помощи партизанам с «большой земли», проведением повсеместно «рельсовой» войны на железных дорогах, переходом партизанского движения в массовое сопротивление населения оккупационному режиму.

Боевые действия на юге предполагали быструю передислокацию вдоль линии фронта с севера на юг огромного количества германских войск. Главной задачей советского командования становится воспрепятствование любыми способами такому передвижению.

Продолжается централизация управления партизанским движением, в частности, на территории Брянского региона. В мае 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения и Брянский штаб партизанского движения. Также создавались районные штабы партизанских отрядов [9].

Партизаны активизируют свою деятельность. Взаимодействуя с частями Красной армии, партизанские бригады и отряды не давали возможности противнику планомерно работать на железных и грунтовых дорогах. Они уничтожали гарнизоны противника, захватывали населенные пункты и удерживали их до подхода регулярных частей

Красной армии, после чего партизаны совместно с последними организовывали наступление и оказывали огромную помощь по овладению населенными пунктами и выгодными рубежами. Удары по коммуникациям врага становятся более концентрированными [9].

На первых этапах партизанского движения немецкое командование стремилось использовать против партизан полицию, местную администрацию и другие категории коллаборационистов, чтобы не задействовать свои регулярные части, которые нужны были на фронте. Но весной – летом 1942 года, когда партизанское движение приняло полномасштабный характер и стало наносить чувствительный ущерб железнодорожным и шоссейным коммуникациям, военным объектам, дезорганизуя его тыл, стали формироваться «русско-немецкие» батальоны, в которые зачастую насильно мобилизовалось местное мужское население в возрасте от 16 до 50 лет. Происходит усиление использования военного коллаборационизма для борьбы с партизанами. Ярким примером служит РОНА.

Все эти события дали толчок к развитию массового партизанского движения, в результате которого возникли целые партизанские территории.

Сил добровольческих соединений оказалось явно недостаточно для борьбы с партизанами. Германское командование приступает к проведению ряда крупных боевых операций по уничтожению партизан с участием как кадровых немецких войск, так и военных коллаборационистов. Усиливается террор против населения, сочувствующего и помогающего партизанам.

Борьба шла с переменным успехом. Победа на фронте Красной армии резко усиливала сопротивление внутри региона, поражение на фронте вело к снижению сопротивления.

К примеру, с сентября по декабрь партизаны пустили под откос 226 воинских эшелонов, тогда как за весь предшествующий период уничтожили только 85 составов [2, ф. 69, оп. 1, д. 110, л. 27].

Подпольщики также непрерывно вели разведку и проводили диверсионные акты. Германские власти организовывали операции по уничтожению партизан. Часто они достигали успеха.

31 августа 1942 г. руководители партизан были приняты И.В. Сталиным. Помощь партизанам усилилась.

Весной 1943 года наступил последний период в партизанской борьбе. Решающая битва на Курской дуге вынудила германское командование принять меры к полной ликвидации партизанского движения. Советское командование, в свою очередь, поставило задачу полной парализации железнодорожных перевозок противника в регионе. Так, выполняя приказ Центрального штаба партизанского движения о «рельсовой войне» в период

Курской битвы, партизаны нанесли одновременный удар по основным железным дорогам, проходящим по территории региона. Только партизаны Южной оперативной группы 29 июня 1943 г. взорвали 5 845 км рельсов на железных дорогах Орел – Брянск, Брянск – Гомель, Брянск – Льгов, Брянск – Хутор Михайловский [5].

Общими усилиями германские части, их союзники и военные силы коллаборационистов провели целую серию операций, окружили большую часть партизанских соединений и почти уничтожили их. Однако наступление Красной армии предотвратило разгром.

Заключительной партизанской операцией был мощный удар партизанских отрядов по отступающему противнику на юге Брянщины 1 сентября 1943 г. 5–6 сентября началось массовое соединение партизанских отрядов с частями Красной армии, а затем по приказу Орловского штаба партизанского движения партизанские отряды были выведены из лесов и расформированы.

В сентябре 1943 года регион был освобожден.

По данным чрезвычайной комиссии на Брянщине было убито 74 744 мирных жителей, 48 715 военнопленных, в том числе 1 336 человек погибло в результате бомбардировки и артобстрела, 153 773 человек угнано в немецкое рабство [1, открытый фонд, д. 63, т. 1, л. 4]. Из них в Брянске расстреляно свыше 18 000, в Клинцах – 10 000, в Новозыбкове – 2 860, в Унечском районе – 4 000, Мглинском – 4 000, Стародубском – 3 000, Брасовском – свыше 5 000 [5].

Германское командование не смогло эффективно маневрировать своими войсками вдоль линии фронта в самые важные периоды войны. В этом главная историческая заслуга Брянщины в войне и ее основной вклад в историческую Победу.

Библиографический список

1. АУФСББО (Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Брянской области). – Открытый фонд. – Д. 63.
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 110.
3. ЦНИБО (Центр новейшей истории Брянской области). – Ф. 1650. – Оп. 1. – Д. 65; Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 166.
4. *Абовян Е.Н.* Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май

1942 года // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 79–82.

5. *Абовян Е.Н.* Активизация партизанского движения на территории Брянского региона в период с мая 1942 по февраль 1943 г. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 37–42.

6. *Брянский фронт* / сост. В.А. Зеболов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1973. – 255 с.

7. *Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашениников В.В.* История брянского края, XX век. – Клинец: Изд-во Клиновской городской типографии, 2003. – С. 259.

8. *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне, 1939–1949 / пер. с англ. Д.А. Лихачева. – М.: Центрполиграф, 2007. – 574 с.

9. *Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т.* Брянщина в период оккупации 1941–1943 гг.: Генезис партизанского движения и коллаборационизма: монография. – Брянск, 2010. – 290 с.

References

1. АУФСББО (Arhiv Upravljeniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti RF po Bryanskoy oblasti). – Otkrytyj fond. – D. 63.
2. РГАСПИ (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 110.
3. ЦНИБО (Centr novejshej istorii Bryanskoy oblasti). – Ф. 1650. – Оп. 1. – Д. 65; Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 166.
4. *Abovyan E.N.* Partizanskaya bor'bas okkupantami na Bryanshchine v period s noyabrya 1941 po maj 1942 goda // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2014. – T. 20. – № 4. – S. 79–82.
5. *Abovyan E.N.* Aktivizaciya partizanskogo dvizheniya na territorii Bryanskogo regiona v period s maya 1942 po fevral' 1943 g. // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2015. – T. 21. – № 6. – S. 37–42.
6. *Bryanskij front* / sost. V.A. Zebolov. – Tula: Priok. kn. izd-vo, 1973. – 255 s.
7. *Gorbachev O.V., Kolosov YU.B., Krashennikov V.V.* Istoriya bryanskogo kraja, XX vek. – Klincy: Izd-vo Klincovskoj gorodskoj tipografii, 2003. – S. 259.
8. *Guderian G.* Vospominaniya nemeckogo generala. Tankovyje vojska Germanii vo Vtoroj mirovoj vojne, 1939–1949 / per. s angl. D.A. Lihacheva. – M.: Centrpoligraf, 2007. – 574 s.
9. *SHanceva E.N., Dzyuban V.V., Trifankov YU.T.* Bryanshchina v period okkupacii 1941–1943 gg.: Genезis partizanskogo dvizheniya i kollaboracionizma: monografiya. – Bryansk, 2010. – 290 s.

Печерский Владимир Арнольдович

кандидат исторических наук
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Республика Хакасия, г. Абакан
volody75.75@mail.ru

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ В СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с причинами, порождавшими распространение бандитизма в СССР в годы Великой Отечественной войны, и борьба с ним. Анализируются такие явления, как дезертирство из армии и с промышленных предприятий. Каждый дезертир рассматривался как потенциальный бандит, и борьбе с дезертирством уделялось не меньшее внимание, чем борьбе с бандитизмом. Распространению бандитизма способствовало и широкое хождение оружия – ежемесячно сотрудниками правоохранительных органов изымались тысячи пулемётов, автоматов, винтовок, револьверов. В находившейся в глубоком тылу Сибири бандитизм не приобрёл такого широкого размаха, как в прифронтовых и освобождённых районах, однако мобилизация в действующую армию многих сотрудников НКВД и большое количество дезертиров порождали существенные трудности в процессе борьбы с бандитизмом в регионе.

Ключевые слова: Сибирь, Великая Отечественная война, бандитизм, борьба с бандитизмом, дезертирство, преступность, оружие.

С началом Великой Отечественной войны в Советском Союзе обострились социально-экономические отношения. Поскольку были мобилизованы многие сотрудники органов юстиции и правопорядка, значительно снизились возможности правоохранительных органов на местах. Эти факторы стимулировали рост числа преступлений в стране, в том числе одного из наиболее общественно-опасных деяний – бандитизма. Тема борьбы с бандитизмом в военное время привлекает устойчивый интерес со стороны историков. Из вышедших в последние годы работ можно отметить статьи О.А. Торшиловой [10] и С.П. Шатилова [11; 12]. В этих исследованиях авторы уделяют внимание как борьбе с бандитизмом на освобождённых и прифронтовых территориях, так и в глубоком тылу.

Во втором полугодии 1941 г. в Сибири и на Дальнем Востоке были разгромлены 20 бандитских и повстанческих групп с 413 участниками [3, л. 34]. Вспышка бандитизма в стране была отмечена в 1942 г. В январе 1942 г. сотрудниками милиции были ликвидированы 54 бандитские группы с 357 участниками, обезврежены 136 бандитов-одиночек, убиты при задержании 19 бандитов. Несмотря на успехи в борьбе с бандитизмом в первом месяце 1942 г., к 1 февраля в стране действовали 52 банды, в которых состояли 287 участников и 141 бандит-одиночка [1, л. 1].

Проявления бандитизма распределялись по территории Советского Союза неравномерно. Так, в Красноярском крае в январе 1942 г. была ликвидирована одна банда, во главе которой находился некто Колесниченко. В составе этой группы было 4 человека, которые занимались грабежами. При задержании этой банды один её участник был убит, трое арестованы [1, л. 15].

В феврале 1942 г. в СССР были обезврежены уже 53 банды, в которых состояли 494 человека, а также 45 бандитов-одиночек, 15 бандитов были-

убиты. К 1 марта 1942 г. отделу борьбы с бандитизмом НКВД СССР было известно о 70 бандах с 377 участниками и 89 одиночками, занимавшихся бандитизмом [1, л. 21].

Возросла бандитская активность и в сибирских регионах. Так, в Красноярском крае в феврале 1942 г. были ликвидированы уже две бандитские группы. Первую, в составе 15 человек, организовал бывший кулак Круглов. К ней присоединились призывники, получившие повестки, но не явившиеся в военкоматы. Эта группа совершила ряд грабежей, все её участники были арестованы. Более мелкая банда под предводительством Звайзы, в составе трех человек, скрывалась в тайге, и также вскоре была обезврежена [1, л. 41].

В марте 1942 г. по стране были ликвидированы 55 банд с 269 участниками и 87 одиночек, убиты 22 бандита. К 1 апреля на оперативном учёте числились 92 банды, в которых было 514 человек, и 112 одиночек [1, л. 47]. В Красноярском крае в марте 1942 г. были обезврежены две банды с шестью участниками. За группой Андреева из четырех человек числилась кража лошади из организации «Золотопродснаб» в Саралинском районе Хакасской автономной области. Несмотря на кажущуюся малозначительность деяния, бандиты оказали сотрудникам милиции вооружённое сопротивление, и один из них был убит, остальные трое арестованы. Другая банда, во главе с Куминым, состоявшая всего из двух человек, которые дезертировали из РККА, также действовала в Хакасии. 29 марта оба дезертира были арестованы, у них были изъяты револьвер системы «Наган» и два гладкоствольных ружья [1, л. 74].

С наступлением весны стало расти число банд, а также участников в них. Потепление позволяло бандитам достаточно долго скрываться вне населённых пунктов, а таяние снега – не оставлять следов. В апреле 1942 г. были ликвидированы 78 банд, в составе которых действовали 376 человек, обез-

врежены 46 бандитов-одиночек. Погибли 36 членов банд и бандитов-одиночек. К 1 мая 1942 г. сотрудникам НКВД было известно о существовании 93 банд с 489 участниками и 180 одиночек [1, л. 75].

На территории Красноярского края были ликвидированы 4 бандитских группы с 22 участниками и 2 одиночек. Два дезертира из Красной армии (банда Росомахина) были арестованы, при этом изъяты винтовочный обрез, 5 охотничьих ружей и боеприпасы. В банде Бардина числились 1 уголовник и 1 уклонившийся от призыва, у них были изъяты 2 охотничьих ружья. Два дезертира из армии (банда Семенчонка) имели два охотничьих ружья, с помощью которых было совершено несколько вооружённых грабежей в колхозах. При попытке задержания бандиты оказали вооружённое сопротивление и оба были убиты. Крупная бандитская группа насчитывала 16 человек, все они были дезертирами из РККА и скрывались в тайге Ярцевского района на севере Красноярского края. Задержание и этих бандитов не обошлось без крови, в перестрелке погибли двое членов банды, остальные были арестованы. В крае был захвачен один бандит-одиночка, ещё один оставался на оперативном учёте [1, л. 100–101].

Проделанная милиционерами Красноярского края работа принесла результаты: на 1 мая 1942 г. в крае не было ни одной бандитской группы [1, л. 141]. Всё это происходило на фоне роста бандитской активности в стране: в этом месяце были ликвидированы 76 банд с 314 участниками и 62 одиночки, 71 бандит был убит [1, л. 107].

В июне 1942 г. прекратили существование 109 банд, насчитывавших 467 участников, 67 бандитов-одиночек были обезврежены, 95 человек – убиты. Неуловимыми оставались 147 бандитских групп, в составе которых было 631 человек, и 193 – промышлявших бандитизмом в одиночку [1, л. 142].

В Красноярском крае в первый летний месяц прекратили существование 3 банды в составе 8 человек. Скрывавшиеся в лесах Ачинского района на западе края 3 дезертира, названные бандгруппой Бондарева, периодически наносили визиты в деревню Плотбище, где родственники снабжали их продуктами. Такие визиты не могли остаться незамеченными, и сотрудники Ачинского районного отдела НКВД организовали засады на тропах, ведущих в Плотбище. Все трое были задержаны, оружие и патроны – изъяты. В том же районе действовала банда уголовника Кучина, дезертировавшего в мае 1942 г. из трудового батальона, к нему присоединились два дезертира из Красной армии. Эта группа совершила ряд вооружённых грабежей, все её участники были арестованы. Также была обезврежена банда Малышева из двух дезертиров, совершивших 4 грабежа. По-прежнему неуловимым оставался единственный в крае бандит-одиночка [1, л. 167–168].

В июле 1942 г. в СССР были ликвидированы 104 банды, в которых действовали 456 участников, нейтрализованы 82 одиночки, убиты 124 бандита [1, л. 186].

В Красноярском крае в июле были разгромлены 9 банд с 26 участниками, арестованы 27 одиночек, убиты 4 бандита. На юге края, в Минусинском районе, действовала группа дезертиров, возглавляемых Савенковым, с оборонного завода. Эта банда пыталась уйти в тайгу, и при попытке задержания её члены оказали сопротивление. В результате 1 бандит был убит, 4 арестованы, 3 сумели скрыться [1, л. 194 об.].

В августе в стране были ликвидированы 69 банд с 295 участниками и 50 одиночек, убиты 64 бандита. На учёте оставались 187 банд с 848 участниками и 185 одиночек [1, л. 204].

В Красноярском крае были обезврежены 4 банды с 10 участниками, арестован 1 одиночка, убиты 2 бандита. Не все бандиты попали в руки милиции. Так, одна из банд, во главе с Соболев, ранее приговорённым к высшей мере наказания за дезертирство с заменой оной отправкой на фронт и вновь дезертировавшим, оказала вооружённое сопротивление. В перестрелке главарь был убит, двое других членов банды, Карасёв и Деликатов, скрылись. Не удалось полностью задержать и банду беглецов из одного из ИТУ края. Разоружив охранников и скрывшись из лагеря, беглецы попытались перейти через границу с Тувинской народной республикой, но двое из них, Зайцев и Поздняков, были задержаны, а третий, Рыжевалов, скрылся [1, л. 211 об. – 212].

Некоторые бандиты пытались внести в свою деятельность некое подобие идеологии. Стародымов, главарь одной из банд, взятых на учёт в Абанском районе в восточной части Красноярского края в августе 1942 г., узнав о том, что в районном отделении НКВД допрашивали его отца и жену, отправил туда письмо «с угрозами повстанческо-террористического характера» [1, л. 212 об.].

В сентябре 1942 г. в СССР были обезврежены 65 банд с 370 участниками и 212 одиночек, 109 бандитов убиты. К 1 октября продолжали действовать 204 бандитские группы с 899 участниками и 162 одиночки [1, л. 219].

На территории Красноярского края в сентябре были ликвидированы 2 банды с 6 участниками и 1 одиночка, погиб 1 бандит. В банду Шадрина объединились 4 дезертира, участников ранее ликвидированной преступной группы, все они были арестованы. На совести двоих дезертиров из банд группы Сорокина было убийство красноармейца Кандыбенко и ранение охранника Норильяла Ромкина. Оба преступника попали в руки милиции [1, л. 228]. В том же месяце были выявлены: банда Сириева из трех дезертиров, действовавшая на севере Хакасии, которая, обезоружив четверых сторо-

жей, ограбила колхоз, и банда Кочетыгина из двух человек, самовольно оставивших воинские части, при попытке захвата которой был убит пожарный инспектор Григорьев, участвовавший в операции. Преступникам же удалось скрыться [1, л. 128 об.].

Октябрь 1942 г. ознаменовался разгромом 83 банд по всей стране, в составе которых было 552 человека, и обезвреживанием 325 одиночек. Погибли 283 бандита [1, л. 234].

Красноярские милиционеры в этом месяце не могли похвастаться успехами в борьбе с бандитизмом. Они не покончили ни с одной бандой, не поймали ни одного бандита. При этом на территории края действовали 4 бандитские группы с 9 участниками, 2 человека занимались бандитизмом в одиночку [1, л. 237].

В ноябре 1942 г. на территории Советского Союза были ликвидированы 141 банда, 683 человека, нейтрализованы 350 одиночек. Были убиты 177 бандитов [1, л. 238].

В Красноярском крае в руки милиционеров наконец-то попал Стародымов. Помимо рассылки угрожающих писем сотрудникам НКВД его банда «совершила теракт над замначальника политотдела МТС Куриновым». При проведении операции один из членов банды, Синицын, был убит, другой, Куролович, сумел скрыться и лишь главарь был арестован [1, л. 238].

Всего за 1942 г. в Сибири и на Дальнем Востоке были ликвидированы 254 банды общей численностью 1 298 человек, убиты 119 бандитов, арестованы – 1 179. Почти все банды состояли из дезертиров [2, л. 52].

1942 г. характеризовался тяжёлой обстановкой на фронтах. Основное внимание государство уделяло помощи действующей армии, а борьба с преступностью отошла на второй план, поэтому обострение ситуации с бандитизмом было закономерным. Если на 1 июля 1941 г. в отделе борьбы с бандитизмом НКВД СССР на учёте состояло 196 банд, включавших 971 участника, то на 1 января 1943 г. было известно уже о 639 бандитских группах с 5 193 участниками [11, с. 26].

Самовольно оставлявших воинские части ждало суровое наказание вплоть до смертной казни. Скрываясь, они были вынуждены добывать себе пропитание, часто усугубляя своё положение совершением тяжких преступлений, за которые также можно было получить смертный приговор.

Каждый дезертир рассматривался как потенциальный бандит. В феврале 1942 г. в стране были задержаны 2 263 дезертира [1, л. 21], в августе 1942 г. в руки правоохранительных органов попали уже 2 990 дезертиров и уклонистов от воинской службы [1, л. 204], в сентябре таковых было 2 203 [1, л. 219].

Размах дезертирства и бандитизма заставил Государственный Комитет Обороны СССР принять 11 октября 1942 г. постановление «О мерах наказа-

ния дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооружёнными грабежами и контрреволюционной, повстанческой работой», по которому для дезертиров устанавливалась уголовная ответственность по ст. 58-16 УК РСФСР, предусматривавшей расстрел в качестве меры наказания. Совершеннолетние родственники дезертиров по данной статье лишались свободы на срок от 5 до 10 лет в случае содействия измене или недонесения о ней. Совершеннолетние члены семьи дезертира, проживавшие с ним к моменту совершения преступления или находившиеся на его иждивении, подлежали ссылке на 5 лет и лишению избирательных прав, даже если они не знали о криминальной деятельности родного человека [8, с. 10]. Руководство страны было вынуждено фактически взять родственников преступников в заложники. Это могло быть эффективным средством давления на лиц, уже совершивших несколько преступлений, за которые была предусмотрена высшая мера наказания, и которым, по сути, нечего было терять.

Другим фактором, способствовавшим умножению числа бандитов, было распространение оружия. В местах боевых действий находилось много бесхозного оружия, которое собирало местное население, и оно расползлось по всей стране. Только в январе 1942 г. у населения, задержанных и убитых бандитов было изъято: пулемётов – 33, автоматов – 5, винтовок – 2 977, револьверов – 2 977, единиц гладкоствольного и холодного оружия – 153, ручных гранат – 2 692, боевых патронов – 184 499 [1, л. 1]. В этих условиях необходимо было установить жёсткий контроль над оборотом оружия, что позволило бы сократить количество бандитских проявлений.

Рост бандитизма в Советском Союзе не обошёлся без поддержки германской разведки. В 1942 г. Нарымским окружным отделом НКВД был арестован немецкий шпион Ф.Ф. Мейер, немец по национальности, уроженец Камышина, за вербованный германской разведкой ещё в 1902 г. В дореволюционный период он занимался сбором сведений военно-политического и экономического характера о России. В 1922 г. Мейер выехал в Сибирь для организации повстанческого движения. Проживая в Нарымском округе Новосибирской области, он привлёк к подрывной работе бывших купцов и кулаков (всего им были завербованы 83 человека), организовал повстанческие группы в районах Нарымского округа. За второе полугодие 1941 г. и январь 1942 г. в Новосибирской области органы НКВД ликвидировали 12 повстанческих формирований с 279 участниками и задержали 914 дезертиров и 814 уклонистов [3, л. 31]. В Сибири, бывшей местом пребывания раскулаченных, ссыльных, спецпоселенцев и прочих репрессированных, бандитизм действительно иной раз приобрёл политическую окраску.

За 1943 г. в Сибири и на Урале в результате действий правоохранительных органов прекратили существование 358 банд с 2 250 участниками [9, с. 499]. В первом полугодии 1943 г. в Красноярском крае были ликвидированы 17 банд (всего 59 участников), убиты 11 бандитов, 2 ранены, 2 задержаны, 44 арестованы. За этот же период в крае были задержаны 322 дезертира и 254 уклониста. Во втором полугодии 1943 г. в сибирском и уральском регионах сотрудники НКВД уничтожили 27 банд со 112 участниками. Во время операций погибли 19 бандитов, были ранены и задержаны – 4, арестованы – 81, легализованы – 8 [2, л. 36]. Несмотря на коренной перелом в ходе войны, масштабы бандитизма были по-прежнему велики.

На территории РСФСР в 1944 г. были зарегистрированы 3 703 бандитских проявления, что составляло свыше 40 % актов бандитизма по СССР (см. таблицу). В центральных областях России борьба шла в основном с небольшими по численности, но активно действовавшими бандами, состоявшими из дезертиров, уклонистов, уголовников, а также инвалидов войны. Эти группы нападали главным образом на колхозы и частных лиц [5, л. 18]. Новым явлением для 1944 г. стало участие в бандах инвалидов войны. Государство многое сделало для социального обеспечения пострадавших воинов. Им выплачивались пенсии, были предприняты меры для их трудоустройства и обучения. Однако некоторые из тех, кто потерял здоровье, еще будучи молодым, чувствовали себя обиженными, что выражалось в различных формах девиации [5, л. 21].

Несмотря на сокращения числа банд, бандитизм всё ещё представлял большую опасность, что показывают приведённые ниже случаи.

3 мая 1944 года Енисейское районное отделение НКВД возбудило уголовное дело против Талия, Кархия и Петинена – финнов, эвакуированных из Ленинграда в 1942 г. В 1943 г. они были мобилизованы на работу на лесозавод, но через месяц дезертировали и скрылись в тайге, занявшись кражами зерна и ограблением колхозников. Ими было похищено 1 214 кг зерна, 112 кг мёда, 5 лошадей – всего на сумму 140 150 руб. Также они убили двоих местных жителей и двоих тяжело ранили. Ис-

ходя из причинённого ими ущерба, дело против них возбудили не только по ст. 59-3 УК РСФСР «Бандитизм, то есть организация вооружённых банд и участие в них», но и в связи с нарушением закона от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества, государственных предприятий, колхозов и кооперации». Оба обвинения предусматривали смертную казнь с конфискацией имущества.

24 апреля 1944 г. Ачинским райотделом НКВД была задержана группа цыган во главе с неким Хмельницким, бежавшим в 1941 г. из одного из исправительно-трудовых учреждений края, где он отбывал наказание за двойное убийство. После побега Хмельницкий организовал шайку из цыган, которая в 1941–1942 гг. совершила 8 убийств с целью ограбления, 7 хищений скота и 14 квартирных краж [7, л. 91].

Как бандиты, так и простые граждане не испытывали недостатка в оружии. В 1944 г. органами НКВД у бандитов было изъято 4 032 пулемёта, 646 миномётов, 6 202 револьвера, 5 478 автоматов, 36 663 винтовки, 41 870 гранат, 43 773 патрона, 1 283 единицы прочего оружия. У населения сотрудники правоохранительных органов изъяли 1 111 пулемётов, 3 673 автомата, 47 противотанковых ружей, 118 миномётов, 36 756 винтовок, 5 421 револьвер, 254 гранаты, 1 128 500 патронов, 15 449 мин, 2 276 единиц прочего оружия [4, л. 21]. Властям так и не удалось установить должный контроль над оборотом оружия, что было очень сложно сделать в условиях военного времени.

В марте – апреле 1944 г. в НКВД СССР были получены сведения о неудовлетворительном состоянии работы по сбору, охране и перевозке трофейного оружия и боеприпасов, что приводило не только к расползанию его по стране, но и к несчастным случаям с людьми и гибели скота. Так, в Кантемировском районе Воронежской области на территории бывшего немецкого аэродрома были сложены в штабеля 10 тысяч авиабомб, которые никем не охранялись. А в Алатыре Чувашской АССР в арсенале № 5 Наркомата обороны, где находилось большое количество трофейного оружия, поступившего из прифронтовых районов, охрана имела, но она была организована так плохо, что

Таблица

Распространение бандитизма, дезертирства и уклонения от воинской службы в различных регионах СССР в 1944 г.

Регион	Действующих банд	Участников банд и одиночек	Дезертиров	Уклонистов
Освобождённые районы	61	324	6 747	874
Центральные области	41	205	13 571	309
Ср. Азия и Казахстан	34	154	8 550	1 023
Северный Кавказ	16	143	836	5
Сибирь и Урал	24	101	7 276	290
Дальний Восток	13	75	2 185	77
Закавказье	15	64	3 065	нет данных

местное население, преступники и рабочие арсенала регулярно воровали оружие со складов [6, л. 10].

В первом квартале 1945 г. по СССР были ликвидированы 1 187 банд, включавших 101 701 человека – участников и пособников. Были убиты 28 935 бандитов, задержаны – 52 215, явились с повинной – 20 551. Из числа задержанных и явившихся добровольно были арестованы 25 228, легализованы – 8 064, переданы в военкоматы – 18 851, направлены в спецлагеря – 5 247, освобождены – 615, находились в фильтрации – 14 761. Также были задержаны 192 658 дезертиров и уклонистов. На Урале и в Сибири ликвидированы 22 банды со 125 участниками, задержаны 1 346 дезертиров и 2 290 уклонистов [5, л. 74–75]. На 1 апреля 1945 г. в СССР без учёта территории западной Украины продолжали действовать 438 банд с 7 769 участниками, в розыске находились 58 090 дезертиров и 19 049 уклонистов. На эту же дату на Урале и в Сибири имелось 16 банд с 65 участниками, 7 801 дезертир, 282 уклониста [5, л. 80]. Таким образом, к концу войны бандитизм в Сибири стал сходить на нет. Это было связано с тем, что местные органы НКВД усилили борьбу с этим видом преступлений, а количество дезертиров и уклонистов уменьшилось. Приближающийся конец войны оставлял всё меньше желающих рисковать свободой и жизнью, избегая отправки на фронт.

В Сибири, как и по всей стране, бандитские группы в военное время пополняли дезертиры из армии и уклонисты от воинской службы. К ним присоединялись мобилизованные на промышленные предприятия, самовольно оставившие места работы и бежавшие из колоний и лагерей заключённые. Поскольку Сибирь находилось далеко от передовой, оружия до неё доходило не так много, и местные бандиты использовали в основном холодное оружие, охотничьи ружья и револьверы. Банды, как правило, состояли лишь из двух человек, однако борьба с бандитизмом была затруднена кадровыми трудностями в органах милиции. При нехватке кадров к операциям по захвату бандитов приходилось привлекать других работников НКВД, например пожарных, не обладавших должными навыками. Власти при этом осознавали общественную опасность бандитизма, поэтому для его ликвидации были предприняты энергичные меры, и к весне 1945 г. количество банд в Сибирском регионе значительно сократилось.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-9478. – Оп. 1. – Д. 30.
2. ГАРФ. – Ф. Р-9478. – Оп. 1. – Д. 42.
3. ГАРФ. – Ф. Р-9478. – Оп. 1. – Д. 63.
4. ГАРФ. – Ф. Р-9478. – Оп. 1 с. – Д. 64.
5. ГАРФ. – Ф. Р-9478. – Оп. 1 с. – Д. 279.
6. ГАРФ. – Ф. Р-9478. – Оп. 1. – Д. 355.

7. ГАРФ. – Ф. А-361. – Оп. 8 с. – Д. 549.

8. Гусак В.А. Дезертирство из Красной армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2008. – № 8(108). – С. 9–16.

9. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939–март 1946 / Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД: Материк, 2006. – 640 с.

10. Торшилова О.А. Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Ойкумена: Регионоведческие исследования. – 2010. – № 2. – С. 88–94.

11. Шатилов С.П. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с политическим бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 14. – С. 26–28.

12. Шатилов С.П., Морозов В.А. Специальные мероприятия, проводимые правоохранительными органами по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (31). – С. 147–149.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. R-9478. – Op. 1. – D. 30.
2. GARF. – F. R-9478. – Op. 1. – D. 42.
3. GARF. – F. R-9478. – Op. 1. – D. 63.
4. GARF. – F. R-9478. – Op. 1 s. – D. 64.
5. GARF. – F. R-9478. – Op. 1 s. – D. 279.
6. GARF. – F. R-9478. – Op. 1. – D. 355.
7. GARF. – F. A-361. – Op. 8 s. – D. 549.
8. Gusak V.A. Dezertirstvo iz Krasnoj armii kak social'naya osnova prestupnosti v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.:Pravo. – 2008. – № 8(108). – S. 9–16.
9. Lubyanka. Stalin i NKVD–NKGB–GUKR «Smersh», 1939–mart 1946/Arhiv Stalina: Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. – M.: MFD: Materik, 2006. – 640 s.
10. Torshilova O.A. Organy vnutrennih del v bor'be s banditizmom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Ojkumena:Regionovedcheskie issledovaniya. – 2010. – № 2. – S. 88–94.
11. SHatilov S.P. Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov po bor'be s politicheskim banditizmom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Altajskij juridicheskij vestnik. – 2016. – № 14. – S. 26–28.
12. SHatilov S.P., Morozov V.A. Special'nye meropriyatiya, provodimye pravoohranitel'nymi organami po bor'be s banditizmom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Barnaul'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 2 (31). – S. 147–149.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена малоисследованной проблеме обеспечения кадрами промышленности Чечено-Ингушской АССР (ЧИАССР) в годы Великой Отечественной войны. Причинами, породившими устойчивую нехватку квалифицированных рабочих, стали: мобилизация в Красную и трудовую армии; эвакуационные мероприятия; перебои в работе специальных учебных заведений, занимавшихся подготовкой рабочих.

Важное значение приобрела подготовка квалифицированных рабочих непосредственно на производстве, при этом использовались различные формы обучения: стахановские школы, курсы, школы мастеров труда, производственные семинары, индивидуальная работа.

Кроме того, партийно-советские и хозяйственные органы Чечено-Ингушской АССР активизировали усилия по вовлечению в промышленное производство представителей коренных национальностей. Однако эти усилия были перечеркнуты депортацией чеченцев и ингушей в феврале 1944 г., которая еще более обострила дефицит кадров для промышленности.

Ключевые слова: Чечено-Ингушская АССР, подготовка промышленных рабочих.

В работах отечественных историков вопрос об обеспечении кадрами промышленных предприятий Чечено-Ингушетии с разной степенью полноты затрагивался различными авторами: В.И. Филькиным, М.А. Абазатовым, М.М. Ибрагимовым, Х.А. Гакаевым и др. Однако до настоящего времени указанная проблематика не становилась предметом специального исследования.

К началу Великой Отечественной войны в Чечено-Ингушской АССР сложилась довольно развитая система подготовки квалифицированных рабочих для промышленности, прежде всего нефтяной. В 1940/41 учебном году в республике функционировало 14 средних учебных заведений с контингентом в 3 тыс. человек [13, с. 142–144], в том числе 5 ремесленных и одно железнодорожное училище, которые готовили помощников бурильщиков, операторов по добыче нефти, слесарей по ремонту оборудования, лаборантов, слесарей по ремонту автомашин, электромонтеров, токарей, электросварщиков, бригадиров по ремонту путей, помощников машинистов и др. [1, с. 51–52].

Нехватка квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях Чечено-Ингушетии возникла после начала войны в связи с массовой мобилизацией в Красную армию. При этом быстро подготовить новые кадры не удавалось ввиду трудностей, возникших в работе учебных заведений. Подготовкой специалистов средней квалификации для промышленности в Чечено-Ингушетии занимался Грозненский нефтяной техникум, а кадры массовых рабочих профессий готовили ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). В начале деятельность нефтяного техникума оказалась затруднена мобилизацией в армию части студентов и преподавателей, а в 1942 г. техникум на время прекратил работу в связи с эвакуацией.

Восстановление учебного процесса в Грозненском нефтяном техникуме началось 1 октября 1943 г., когда на первый курс было принято 500 человек, но приступили к занятиям 460 человек. Остальные не прибыли по причине занятости работой на предприятиях. На старшие курсы зачислено и восстановлено 45 человек. Инвалидов войны среди студентов насчитывалось 12 человек. Преподавательскими кадрами техникум в основном был обеспечен, но из-за недостатка мебели и частично аудиторий занятия проводились в две смены [8, с. 65]. Учитывая сроки обучения, до окончания Великой Отечественной войны техникум смог выпустить 45 человек – из числа восстановившихся на старшие курсы.

Не меньшие трудности возникли и с обеспечением республиканской промышленности необходимым количеством квалифицированных рабочих.

Первоначально возрастные границы трудоспособного населения были определены в пределах от 16 до 55 лет для мужчин и от 16 до 45 лет для женщин (для колхозников трудоспособный возраст был увеличен на 5 лет). Но в связи с острой потребностью дополнительных рабочих рук в СССР законодательно были расширены пределы официально установленного трудоспособного возраста. Так, возрастной ценз для женщин, привлекаемых к трудовой мобилизации, был увеличен до 50 лет, а на производство начали принимать с 14-летнего возраста [7, с. 68].

Накануне Великой Отечественной войны предпринимались меры по увеличению трудовых резервов для промышленности. 22 апреля 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, согласно которому только по Чечено-Ингушской АССР в школы ФЗО должны были поступить 4 200 человек, в том числе 2 300 человек из самой республики (из них 300 человек – городская молодежь и 2 000 – сельская) и еще 1 900 учащихся

из Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края. В ремесленные и железнодорожные училища ЧИАССР планировалось направить 2 100 учащихся (городской молодежи – 700 человек, сельской – 1 400 человек) [14, л. 193, 196–198, 201].

В рамках реализации этого постановления Чечено-Ингушское управление трудовых резервов 1 июля 1941 г. открыло в Грозном три новые школы ФЗО на 1 тыс. человек: одну в Сталинском районе и две в поселке «Андреевская долина». В школу ФЗО № 4 направлялись учащиеся из Курчалойского, Гудермесского, Веденского и других районов республики. А учащиеся, мобилизованные в Орджоникидзевском крае, прибывали в Грозный специальными эшелонами [2, с. 4].

С началом Великой Отечественной войны потребность в квалифицированных рабочих резко возросла. Поэтому 15 июля 1941 г. бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и СНК ЧИАССР приняли решение в период до 31 июля мобилизовать на учебу в училищах уже 3 100 человек, то есть на тысячу больше, чем предусматривалось апрельским постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Контингент призываемой в училища молодежи по Грозному увеличился до 1 650 человек со сроком обучения 6 месяцев. Но буквально через неделю Чечено-Ингушский обком ВКП(б) предложил Управлению трудовых резервов ЧИАССР дополнительно подготовить еще 620 рабочих массовых профессий для нефтяной промышленности [1, с. 52].

Подготовка кадров квалифицированных рабочих началась и непосредственно на производстве, причем с использованием различных форм обучения: стахановские школы, различные курсы, школы мастеров труда, производственные семинары, индивидуальное обучение. Власти Чечено-Ингушетии в 1941 г. планировали охватить всеми видами обучения 7 227 человек, но число учащихся составило только 5 465 человек, или 76,6 % от плана, – помешали мобилизация в армию и на строительство оборонительных сооружений, огромный объем работ по демонтажу предприятий, эвакуация и т. п. [1, с. 53].

К тому же некоторые школы ФЗО в силу разных причин не могли работать в полную силу. Например, в конце января 1942 г. Грозненский городской комитет обороны (ГГКО), разрабатывая меры по подготовке школ ФЗО к приему нового контингента учащихся, потребовал освободить помещение школы ФЗО № 11 от проживавших там бакинских рабочих [5, с. 48].

Первые выпускные экзамены в школах ФЗО и ремесленных училищах Грозного прошли с 15 по 25 ноября 1941 г. [3, с. 2], но потребность в квалифицированных рабочих не уменьшалась. В 1942 г. был принят план дополнительного призыва молодежи для обучения в школах ФЗО железнодорожного транспорта, в том числе по Чечено-Ин-

гушетии, в количестве 140 человек (100 путевых рабочих и 40 путевых обходчиков) [15, л. 181].

Учитывая важнейшее значение, которое придавалось бесперебойной деятельности предприятий нефтяной промышленности, в распоряжение Грознефтекомбината систематически направлялись рабочие из других промышленных предприятий Грозного. Так, 28 декабря 1941 г. Грозненский городской комитет обороны обязал Молотовский и Орджоникидзевский райкомы ВКП(б), а также руководителей предприятий и учреждений местной и пищевой промышленности, Наркомхоза и Респотребсоюза мобилизовать для Грознефтекомбината 150 человек квалифицированных рабочих сроком на два месяца [5, с. 43].

В конце лета 1942 г. началась массовая эвакуация из Чечено-Ингушской АССР промышленных предприятий, в ходе которой из одной только нефтяной отрасли было эвакуировано более 9 тыс. человек [6, с. 45]. Остающиеся промышленные рабочие широко привлекались на оборонительные мероприятия, что привело к перебоям в работе и даже фактической остановке некоторых предприятий. Например, в третьем квартале 1942 г. прекратили работу предприятия Управления промышленных материалов. В сентябре из 20 предприятий местной промышленности ЧИАССР функционировало только 7, но и им катастрофически не хватало квалифицированной рабочей силы. Например, в некоторых цехах завода «Красная кувалда» обеспеченность рабочей силой не превышала 40 %, в механических мастерских химического завода в наличии имелось около 10 % рабочей силы по сравнению со штатным расписанием мирного времени. В октябре из 89 предприятий ЧИАССР работало только 52, а из 78 артелей промкооперации – 9 [1, с. 63].

Ввиду нехватки специалистов предприятия вынужденно принимали на работу неподготовленных людей. Так, на крекинг-заводе № 1 в середине февраля 1942 г. из 716 рабочих только 299 имели соответствующую квалификацию, вместо 236 слесарей имелось только 39, вместо 51 сварщика – 14 [1, с. 53].

1943 г. ознаменовался возвращением в Чечено-Ингушскую АССР части эвакуированных ранее предприятий, промышленного оборудования и квалифицированных рабочих. Но одновременно резко возросла и потребность в рабочих руках, поскольку начиналось фактическое восстановление Грозненского промышленного района. Видимо, этим объясняется тот факт, что ГКО СССР 15 июня 1943 г. предписал организовать при Грозненском ацетилобутаноловом заводе школу ФЗО на 400 учащихся, закрепив их за ним. На этот же завод направлялось 500 человек мобилизованных из числа негодных к строевой службе. Инженерно-техническим работникам и рабочим, занятым на восстановлении и эксплуатации ацетилобутаноловых заводов,

имеющим третий разряд и выше, предоставлялась отсрочка от призыва в армию [16, л. 42].

В центре внимания по-прежнему оставались потребности нефтяной промышленности. 14 ноября 1943 г. ГКО СССР своим постановлением предписал до конца этого месяца реорганизовать по стране 22 ремесленных училища и 25 школ ФЗО в специальные ремесленные училища и школы ФЗО нефтяников. Конкретно в Грозном реорганизации подлежали училища № 1, 2, 3, 4, 5, рассчитанные на 2 350 учащихся, и школы ФЗО № 1, 2, 3, 4, 7 с контингентом 1 350 учащихся [17, л. 36, 40–42].

Значительное число специалистов рабочих профессий было подготовлено на предприятиях. Так, в апреле 1943 г. закончился курс обучения в пяти из десяти стахановских школ и 25 новых рабочих уже значительно перекрывали нормы выработки [10, с. 2]. Всего же с начала войны и по март 1943 г. только на заводе «Красный молот» подготовлено более 600 квалифицированных рабочих, в том числе около 300 женщин. На заводе «Красная кувалда» обучено свыше 200 человек. [11, с. 2]. На предприятиях Грознефтекомбината за 1943 г. через курсовое и бригадно-индивидуальное обучение прошло 4 145 человек, большинство из которых успешно сдало государственный экзамен по 3–4 разрядам [12, с. 16].

Впрочем, далеко не на всех предприятиях удалось организовать качественную подготовку новых рабочих. Например, на заводе «Красный труд» наркомата местной промышленности примерно из 80 вновь принятых рабочих осталось только 22, причем освоили специальность и работали самостоятельно всего 7 человек [11, с. 2].

В начале января 1944 г. на работу в Грознефтекомбинат были направлены новые выпускники школ ФЗО, в том числе 108 помощников оператора по добыче нефти, 91 токарь, 46 бурильщиков [9, с. 3].

В этом же месяце ГКО СССР обязал Главное управление трудовых ресурсов при СНК СССР закрепить за Грознефтекомбинатом 1 750 выпускников школ ФЗО, действовавших на его производственной базе [18, л. 166]. В целом же в течение года планировалось привлечь в республиканскую нефтяную промышленность дополнительно 6 тыс. рабочих [6, с. 46].

Некоторая часть рабочих направлялась в Чечено-Ингушетию из других регионов СССР. Например, на месторождение Ойсунгур перебрасывались три буровые бригады из Казахстана, насчитывавшие 36 рабочих. Во втором квартале 1944 г. на предприятия Грознефтекомбината должны были прибыть рабочие из числа мобилизованных в Ставропольском крае [19, л. 10, 15, 22].

Кроме того, партийно-советские и хозяйственные органы Чечено-Ингушской АССР активизировали усилия по вовлечению в промышленное производство представителей коренных национальностей. Уже в 1941 г. по инициативе партийной ор-

ганизации 1-го нефтеперерабатывающего завода на работу было принято большое количество молодежи из числа чеченцев и ингушей. С целью их закрепления на производстве большое внимание уделялось вопросам трудоустройства, обучения, создания хороших бытовых условий, политическому и культурному воспитанию [12, с. 25]. Только в конце 1941 г. более 700 чеченцев и ингушей закончили учебу в школах ФЗО и ремесленных училищах [3, с. 2].

В ноябре 1940 г. в нефтяной промышленности ЧИАССР работало 4 218 чеченцев и ингушей, или 18,4 % от общего числа рабочих, а за годы войны дополнительно было вовлечено 2 244 вайнаха [1, с. 12, 53], то есть численность представителей коренных национальностей увеличилась более чем наполовину.

Вполне понятно поэтому, что депортация чеченцев и ингушей в феврале 1944 г. еще более обострила дефицит кадров для промышленности. Например, только трест «Октябрьнефть» потерял 65 % рабочих. По промыслам Ойсунгур потери были еще выше – 70 %, а потребность в рабочих разных квалификаций только на этом месторождении составляла 150 человек [4, с. 140–141].

Всего за годы Великой Отечественной войны ремесленными и железнодорожными училищами, а также школами ФЗО Чечено-Ингушетии по одним данным было подготовлено 13 400 рабочих [6, с. 51]; по другим – 12 254 рабочих, в том числе 11 517 – для нефтяной промышленности и 737 – для других отраслей [12, с. 16]. Однако острая потребность в промышленных рабочих не уменьшилась. В 1945 г. на всех грозненских предприятиях насчитывалось 13 713 рабочих вместо 20 824 в 1940 г., а в крупной промышленности – 11 254 против 17 537 человек [6, с. 49].

Таким образом, нехватка квалифицированных кадров в промышленности Чечено-Ингушской АССР возникла буквально сразу же после начала Великой Отечественной войны и сохраняла актуальность первое время после ее завершения. Первопричиной стала массовая мобилизация в Красную армию, а полному ее решению препятствовало привлечение большей части населения к строительству оборонительных сооружений, сельскохозяйственным работам, массовые эвакуации. Дефицит рабочих рук увеличился после депортации чеченцев и ингушей, составлявших хоть и не самую квалифицированную, но все же значительную часть промышленных рабочих. Заметно сократилась и общая численность промышленных рабочих.

Библиографический список

1. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. – Грозный, 1973.
2. В школах ФЗО // Грозненский рабочий. – 1941. – № 152 (5837). – 29 июня. – С. 4.

3. Выпуск учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ: (Беседа с начальником республиканского Управления трудовых резервов тов. Г.С. Корниенко) // Грозненский рабочий. – 1941. – 15 нояб. – № 271 (5956). – С. 2.

4. Гакаев Х.А. Депортация чеченского народа // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни (30 ноября – 1 декабря 2012 г.). – Грозный, 2013.

5. Грозненский городской комитет обороны: Документы и материалы. – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2015.

6. Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.

7. Кабилова А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе: дис. ... докт. истор. наук. – Казань, 2012.

8. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980 гг.): сб. документов и материалов. – Грозный, 1985.

9. Первый выпуск школ ФЗО // Грозненский рабочий. – 1944. – № 5 (6584). – 2 янв. – С. 3.

10. Старые рабочие помогают новичкам // Грозненский рабочий. – 1943. – 10 апр. – № 78 (6393). – С. 2.

11. Филимонов И. Заботливо выращивать новые кадры рабочих // Грозненский рабочий. – 1943. – 13 марта. – № 58 (6373). – С. 2.

12. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1960.

13. Чечено-Ингушская АССР за 50 лет: Статистический сборник. – Грозный, 1967.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1038.

15. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 39.

16. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 126.

17. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 175.

18. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 198.

19. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 252.

References

1. Abizatov M.A. CHEcheno-Ingushskaya ASSR v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza. – Groznyj, 1973.

2. V shkolah FZO // Groznenskij rabochij. – 1941. – № 152 (5837). – 29 iyunya. – S. 4.

3. Vypusk uchashchihsya shkol FZO i remeslennyh uchilishch: (Beseda s nachal'nikom respublikanskogo Upravleniya trudovyh rezervov tov. G.S. Kornienko) // Groznenskij rabochij. – 1941. – 15 noyab. – № 271 (5956). – S. 2.

4. Gakaev H.A. Deportaciya chechenskogo naroda // Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v CHEchne: istoriya i sovremennost': materialy regional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu avtonomii CHEchni (30 noyabrya – 1 dekabrya 2012 g.). – Groznyj, 2013.

5. Groznenskij gorodskoj komitet oborony: Dokumenty i materialy. – Groznyj: IPK «Groznenkij rabochij», 2015.

6. Zoev S.O. Promyshlennost' CHEcheno-Ingushskoj ASSR za 50 let. – Groznyj: CHEch.-Ing. kn. izd-vo, 1972.

7. Kabirova A.SH. Tatarskaya ASSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: social'no-ehkonomicheskie i kul'turno-ideologicheskie processy v tylovom regione: dis. ... dokt. istor.nauk. – Kazan', 2012.

8. Kul'turnoe stroitel'stvo v CHEcheno-Ingushetii (iyun' 1941–1980 gg.): sb. dokumentov i materialov. – Groznyj, 1985.

9. Pervyj vypusk shkol FZO // Groznenskij rabochij. – 1944. – № 5 (6584). – 2 yanv. – S. 3.

10. Starye rabochie pomagayut novichkam // Groznenskij rabochij. – 1943. – 10 apr. – № 78 (6393). – S. 2.

11. Filimonov I. Zabotlivo vyrashchivat' novye kadry rabochih // Groznenskij rabochij. – 1943. – 13 marta. – № 58 (6373). – S. 2.

12. Fil'kin V.I. CHEcheno-Ingushskaya partijnaya organizaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza. – Groznyj: CHEch.-Ing. kn. izd-vo, 1960.

13. CHEcheno-Ingushskaya ASSR za 50 let: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1967.

14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 17. – Op. 3. – D. 1038.

15. RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 39.

16. RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 126.

17. RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 175.

18. RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 198.

19. RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 252.

Некрылова Ольга Геннадьевна*кандидат исторических наук
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец
nekrulova_80@mail.ru***Добровольский Евгений Сергеевич***кандидат исторических наук
Череповецкий государственный университет, г. Череповец
jekeedee@mail.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ПЕРВЫХ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

Германская послевоенная тематика традиционно является сложной в отношении степени влияния союзников на немецкую политику и в вопросах выбора партиями тех или иных политических приоритетов. В статье анализируется концепция «христианского социализма» и её влияние на программы Христианско-демократического союза (ХДС) в западной и восточной оккупационных зонах Германии. Объединяющим звеном в идеологическом становлении ХДС первых послевоенных лет, учитывая различие в социально-экономическом развитии обеих территорий, был выбор «христианского социализма» в качестве идейного вектора. Однако противоречия между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции не могли не сказаться на партийно-политической системе Германии. Изучение истории и анализ роли ХДС в формировании политического климата восточной и западной зон Германии способствует полному пониманию современной политики союза демократов, так как программные установки первых послевоенных лет и сейчас накладывают отпечаток на политику ХДС.

Ключевые слова: Христианско-демократический союз, христианский социализм, Восточная и Западная Германия, оккупационный режим, Конрад Аденауэр, Якоб Кайзер.

Анализируя процесс становления новой партийно-политической системы в послевоенной Германии, мы исходим из того факта, что национальная трагедия расколота немецкой нации имела две основные причины. Первая из них – в самой Германии, в развязанной ею агрессивной, бесчеловечной войне. Вторая заключалась в геополитическом и идеологическом соперничестве двух супердержав после окончания Второй мировой войны. В этом процессе можно выделить ряд ключевых моментов: во-первых, воссоздание старых и образование новых политических партий; во-вторых, создание партий не сверху, не из одного центра, а «снизу вверх»; в-третьих, отношение оккупационных держав к проблемам партийно-политического строительства в Германии.

Необходимо отметить, что в последние годы войны, когда крах «тысячелетнего рейха» был уже очевиден, в католических кругах начались дискуссии об организации новой партии на межконфессиональной основе. Руководителями этих партийных споров были священники Л. Зимери Э. Велти, которые в конце войны в письменном виде изложили свои соображения о перспективах партийно-политического строительства в послевоенной Германии. В своём трактате Э. Велти предложил объединить католиков и протестантов в единую партию на основе христианского вероучения. Выдвигая на передний план идеи «христианского социализма», будущие основатели ХДС стремились привлечь на свою сторону население послевоенной Германии. Новая политическая и социально-экономическая система, в образовании которой христианским демократам отводилась решающая

роль, должна была основываться на идее «общей собственности и выражать интересы всех слоев народа» [10, S. 51–52]. Таким образом, основу ХДС сформировали политики, разделявшие настроения «нового начала», но видевшие его в первую очередь в утверждении демократии и прав человека, исходя из христианской идеологии.

Такая позиция во многом диктовалась прагматическим расчетом, связанным с ролью церкви в политической жизни послевоенной Германии. Поражение Германии способствовало распространению религиозных воззрений среди населения, что давало ХДС ряд очевидных преимуществ. В войне немецкая церковь не только сохранила, но и значительно укрепила свои позиции, поэтому к созданию и пропаганде основных принципов христианских демократов подключался большой контингент католического и протестантского духовенства. Но был и политический расчет. Население Германии, испытывающее голод, нищету, духовную пустоту, оставшуюся после разгрома фашизма, обращали взоры к Богу. Церковь принимала их, а заодно и собирала голоса избирателей в пользу ХДС.

Немаловажным моментом в основании ХДС было принятие решения о создании его на межконфессиональной основе. В своих первых программных документах 1945–1947 гг. («Кельнские тезисы», «Франкфуртские документы», «Воззвание к немецкому народу») союзом были заложены основные демократические права и свободы. Включение в название партии слова «христианский» предполагало опору политического новообразования на соответствующие религиозные ценности.

ХДС Восточной Германии конституировался раньше, чем на западе. 26 июня 1945 г. восточногерманские христианские демократы выступили с «Воззванием к немецкому народу», но этот документ было бы преувеличением считать полноценной программой партии. В условиях «часа ноль» думать об идейных основах союза было сложно. Поэтому первая идеологическая теория восточногерманского ХДС, «христианский социализм», появилась позднее, уже в годы председательства Якоба Кайзера и Эрнста Леммера (декабрь 1945 – декабрь 1947 гг.). Нахождение долгое время во главе христианских профсоюзов помогло Кайзеру узнать настоящую тяжелую жизнь рабочих. «Христианский социализм» оценивался им как «третий путь» между капитализмом и социализмом СССР, а ХДС рассматривался как «народная христианская партия», находящаяся в оппозиции курсу СЕПГ [9].

В своей речи на берлинском расширенном заседании правления в феврале 1946 г. Якоб Кайзер поставил задачу перед Германией: «...мы стоим перед новым положением, в которое мы можем войти только с новыми методами социальной и экономической политики... Я понимаю в том числе решительную волю создавать новую социальную экономику...» [8]. Христианский демократ осознавал, что этот христианский социализм имеет мало общего с социализмом марксистского толка. При этом Кайзер отмечал, что вполне вероятны точки соприкосновения между ними.

Такую характеристику «христианскому социализму» давало руководство союза. Но известно, что в ХДС сильны были антагонизмы по линии «центр – регионы» [1, с. 285–288], поэтому многие региональные политики имели свои взгляды на идеологический климат в союзе. Так, председатель ХДС Саксонии Гуго Хикман прокомментировал задачи, поставленные Кайзером перед союзом, а также высказал свое мнение о «христианском социализме», заявив, что не следует считать эту концепцию ортодоксально консервативной, особенно приняв во внимание, что «...“христианский социализм” часто неправильно понимают, подразумевая под ним желание законсервировать определенный общественный строй» [4, с. 444].

Интересна и другая точка зрения. По мнению одного из председателей ХДС района Ерихов-II Грукерта, «“христианский социализм” – это справедливое распределение всех богатств мира среди людей, минуя борьбу или приказ, путем познания и сознательности каждого, будь это пролетарий или капиталист, крестьянин или помещик» [3, с. 445].

Правда, концепция «христианского социализма» вызывала непонимание у многих членов ХДС. Согласно донесению начальника Отдела пропаганды Управления Советской военной администрации провинции Саксония полковника Н.С. Родионова

начальнику Управления пропаганды СВАГ полковнику С.И. Тюльпанову от 24 июня 1946 г., рядовые политики ХДС «очень смутно представляют себе идеи “христианского социализма”, а некоторые члены вообще впервые слышат эту терминологию» [3, с. 446]. Как отмечалось в донесении, «идеи “христианского социализма” о равном распределении доходов среди рабочих и предпринимателей, уничтожении всех отрицательных черт капитализма и приход к социализму “без крови” у многих членов ХДС стали желанными идеями» [3, с. 446].

Конечно, проблемы, связанные с непониманием основ новой партийной идеологии у народных масс и партийных функционеров, были. Но все же, на наш взгляд, пропагандистское донесение офицера СВАГ преувеличивает истинный порядок вещей в союзе с целью дискредитировать ХДС, показать его мнимую слабость. Такого рода донесения были характерны для того времени.

Невзирая на отсутствие ясности в целях и принципах новой концепции, христианские демократы взяли ее за основу в своей социально-экономической и политической деятельности. «Христианский социализм, основанный на христианских ценностях, нес в себе ответ на вопрос о выходе страны из кризиса, при сохранении единой Германии и единого немецкого народа. Природа «христианского социализма» соответствовала сущности ХДС. Этот факт не поддается сомнению хотя бы потому, что постулаты этой концепции документально нигде не были отражены. Основы концепции отрывочно фиксировались в лозунгах, речах, размышлениях христианских демократов – не только у председателя Кайзера, но и у Хикмана, Дертингера и других.

На основе новой концепции строились отношения ХДС с протестантской и католической церквями, а также с другими политическими партиями советской зоны оккупации. ХДС являлся светской партией, поэтому взаимоотношениям с церковью уделялось особое внимание. Главной задачей в отношениях к верующему электорату было недопущение разногласий между двумя христианскими конфессиями. В условиях «часа ноль» именно религия, а не политика была тем необходимым объединяющим звеном в партии. Именно союз католиков и протестантов отождествлялся у многих с неким «чудом», со знаком свыше. Христианство было путеводной звездой, показывающей немецкому народу путь выхода из послевоенного кризиса.

Выбор «христианского социализма» как идеологического вектора партии сыграло особую роль в социальных и экономических воззрениях демократов. Этот выбор нельзя приписывать только Кайзеру. Многие высокопоставленные функционеры ХДС также формировали идеологическую, политическую и социально-экономическую плат-

форму партии, следуя в русле «христианского социализма».

С приходом к власти в 1948 г. Отто Нушке партия меняет вектор своего политического развития. Активное участие в строительстве нового немецкого «государства рабочих и крестьян» – яркий тому пример. Нушке являет собой новый облик христианского демократа в условиях советской оккупации и Германской Демократической Республики. Правда, в ХДС еще оставались соратники Кайзера и Леммера, которым идеологический поворот в партии был чужд и непонятен. Это привело к тому, что в 1949 г. в ХДС разразилась внутрипартийная борьба, сопровождавшаяся вмешательством извне и неравенством сил соперников. Союз сильно ослаб идеологически. Бороться было трудно, легче было подстраивать постулаты христианской демократии под марксизм-ленинизм, чем сопротивляться и уверенно следовать своим идеалам. Идеалы стали новыми. Новой станет и социально-экономическая платформа союза, новая концепция «христианского реализма».

В оккупационных зонах Западной Германии процесс становления ХДС происходил иначе, чем в Советской зоне. Отличительной чертой американской оккупационной зоны стало формирование в Баварии автономной земельной партии – Христианско-социального союза (ХСС), который объединился с ХДС в единую фракцию в Парламентском совете, создав блок ХДС/ХСС. Во французской зоне царил полная неопределённость, поэтому союзы, созданные в британской оккупационной зоне, становились центром притяжения христианских сил на западе Германии, способных противостоять веяниям с востока.

17 июня 1945 г. в Кёльне была образована Христианско-демократическая партия, давшая толчок созданию партии этого же направления в других зонах оккупации. Первый программный документ ХДС «Кёльнские тезисы» содержал призыв к объединению всего немецкого народа, к защите социальной справедливости. Предложения по экономическому возрождению Германии включали основные права и социальные гарантии для всего населения страны. «Новое народное общество должны защищать социальная справедливость и социальная любовь, которые должны связываться Богом, даровавшим свободу отдельному человеку и правом общества требовать всеобщего блага... Так мы представляем настоящий христианский социализм, который ничего общего не имеет с фальшивыми коллективистскими целями, противоречащими в основе сущности человека» [7, S. 10–13].

Кёльнский съезд оказал значительное влияние на политическую жизнь западных зон оккупации, а «Кёльнские тезисы» стали первой попыткой христианских демократов определить основные направления будущей деятельности. Главной целью

кёльнского съезда стало стремление политически объединить католицизм и протестантизм, добиться их сотрудничества в новой «народной» партии. После кёльнского «учредительного акта», послужившего толчком «учредительного движения», христианские организации стали формироваться в большинстве городов Западной Германии.

Важным событием в становлении союза стала встреча христианских демократов в Бад-Годесберге 14–16 декабря 1945 г. В дискуссиях, в которых принимали участие представители всех оккупационных зон, высказывалось мнение о создании массовой партии на межконфессиональной основе. Делегатами съезда, чтобы показать политическое единство с христианскими демократами, в советской зоне оккупации было принято название «Христианско-демократический союз Германии». Поддержку получила и концепция «социализм с христианской ответственностью», что отражало требования послевоенного времени о построении государства, экономики и общества, подчиненного христианским нормам [2, с. 11].

«Вершиной и концом» социальной программы ХДС в духе «христианского социализма» является принятая в марте 1947 г. в британской оккупационной зоне «Аленская экономическая и социальная программа ХДС», которая основывалась на христианско-социалистической и частнособственнической совокупности идей [6, S. 154].

Анализируя «Аленскую программу», можно отметить, что в ней речь идёт не о перестройке экономических отношений, а в первую очередь о предотвращении национализации. В программе отмечалось, что «капиталистическая экономическая система не отвечает государственным и социальным жизненным интересам немецкого народа. Исходным пунктом будущей экономической политики объявлялось признание личности, свобода которой в экономической и политической области тесно связаны». Для этого необходимо предотвратить «концентрацию экономических и политических сил в руках отдельных личностей, обществ, частных и общественных организаций, которые могли бы причинить вред экономической и политической свободе» [5, S. 28].

Аленская программа провозглашала обобществление крупной промышленности, регулирование экономики через самоуправление, создание акционерных обществ, в которых наряду с частным капиталом участвовало бы государство, земли, общины, кооперативы и отдельные работодатели [6, S. 17].

С принятием «Аленской программы переустройства хозяйства» в 1947 г. завершается этап становления социальной программы христианских демократов в Западной Германии. Программа отражала широко обсуждавшиеся в послевоенное время христианские социальные идеи, что способствовало привлечению христианскими демократами

ми на свою сторону широкого слоя избирателей. На наш взгляд, это было вызовом духу послевоенного времени, а не маскировочным манёвром или «грехами юности» ХДС.

В заключение необходимо отметить, что идеи «христианского социализма» оказали существенное влияние на программы раннего западного и восточного ХДС, хотя эта концепция так и не была полностью реализована на практике. Рассматривая немецкие партии непосредственно как независимые силы, а не как объекты и средства исполнения целей определенной оккупационной политики, можно понять, почему немецкие партии принимали указанные идеологические концепции, какие проблемы спланировали их членов, как выигрывалось и терялось лидерство. В течение первых послевоенных лет партийные системы, формировавшиеся в советской и западной зонах оккупации, внешне ничем не отличались друг от друга. Однако постепенно на них всё более остро стало сказываться влияние начавшейся холодной войны и противостояние двух идеологических блоков, которые были использованы оккупационными державами СССР и США и политическим руководством на западе и востоке Германии в качестве гравитационных полюсов. Со временем это приводит к тому, что прагматизм становится типичной чертой политической практики ХДС.

Библиографический список

1. Добровольский Е.С. «Центр и регионы»: проблема взаимодействия на примере ХДС Советской зоны оккупации Германии в 1945–1947 гг. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 9–10 февраля 2016 г.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 285–288.

2. Некрылова О.Г. Особенности организационного и программно-теоретического становления Христианско-демократического союза в послевоенной Западной Германии (1945–1947 гг.) // История: факты и символы. – 2014. – Вып. 1 (№ 1). – С. 10–16.

3. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949: сб. документов / отв. ред. В.В. Захаров. – М.: РОССПЭН, 2006. – 592 с.

4. СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949: сб. документов: в 2 т. Т. 1: 1945–1946 гг. / отв. ред. В.В. Захаров, Н. Катцер, М. Уль. – М.: РОССПЭН, 2014. – 1207 с.

5. Börner R. Die verräterische Politik der Führung der Adenauer-CDU im Spiegel ihrer Parteiprogramme (1945-61) / Hefte aus Burscheidungen. – 1961. – № 64/65. – S. 25–29.

6. Bruno Heck. Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. – Melle: Verlag Ernst Knoth. – 1989. – 324 S.

7. Die Geschichte der CDU. Programm und Politik der Christlich Demokratischen Union Deutschlands seit 1945. Redaktion und Bearbeitung Wulf Schönbohm. – Bonn, 1980. – 545 S.

8. Die Gründung der Christlich-Demokratischen Union Deutschlands. Christlicher Sozialismus, ACDP III-031-A259.

9. Kosthorst E. Jakob Kaiser. Der Arbeiterführer. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1966. – 286 S.

10. Schwering L. Frühgeschichte der Christlich-Demokratische Union. – Rechlinghausen: Kommunal Verlag, 1963. – 246 S.

References

1. Dobrovolskij E.S. «Centr i regiony»: problema vzaimodejstviya na primere HDS Sovetskoj zony okkupacii Germanii v 1945–1947 gg. // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Nizhnevartovsk, 9–10 fevralya 2016 g.). – Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2016. – CH. 2. – S. 285–288.

2. Nekrylova O.G. Osobennosti organizacionnogo i programmno-teoreticheskogo stanovleniya Hristiansko-demokraticheskogo soyuza v poslevoennoj Zapadnoj Germanii (1945–1947 gg.) // Istoriya: fakty i simvol'y. – 2014. – Vyp. 1 (№ 1). – S. 10–16.

3. SVAG i religioznye konfessii Sovetskoj zony okkupacii Germanii, 1945–1949: sb. dokumentov / отв. red. V.V. Zaharov. – M.: ROSSPEHN, 2006. – 592 s.

4. SVAG i formirovanie partijno-politicheskoy sistemy v Sovetskoj zone okkupacii Germanii, 1945–1949: sb. dokumentov: v 2 t. T. 1: 1945–1946 gg. / отв. red. V.V. Zaharov, N. Katcer, M. Ul'. – M.: ROSSPEHN, 2014. – 1207 s.

5. Börner R. Die verräterische Politik der Führung der Adenauer-CDU im Spiegel ihrer Parteiprogramme (1945-61) / Hefte aus Burscheidungen. – 1961. – № 64/65. – S. 25–29.

6. Bruno Heck. Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. – Melle: Verlag Ernst Knoth. – 1989. – 324 S.

7. Die Geschichte der CDU. Programm und Politik der Christlich Demokratischen Union Deutschlands seit 1945. Redaktion und Bearbeitung Wulf Schönbohm. – Bonn, 1980. – 545 S.

8. Die Gründung der Christlich-Demokratischen Union Deutschlands. Christlicher Sozialismus, ACDP III-031-A259.

9. Kosthorst E. Jakob Kaiser. Der Arbeiterführer. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1966. – 286 S.

10. Schwering L. Frühgeschichte der Christlich-Demokratische Union. – Rechlinghausen: Kommunal Verlag, 1963. – 246 S.

**РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1953 ГГ.**

Статья посвящена исследованию состояния и развития жилищно-коммунального и бытового обслуживания населения Вологодской области в 1945–1953 гг. Рассмотрена проблема обеспеченности населения жильем и объектами бытовой инфраструктуры. Автор проводит комплексный анализ состояния ЖКХ. Показано обеспечение населения жилой площадью, состояние жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры, темпы строительства новых домов, доступность жилья среди населения. Автор обращает внимание на многочисленные проблемы в развитии объектов ЖКХ и бытовой инфраструктуры: отсутствие водоснабжения и канализации, перебои в электрообеспечении и отоплении помещений, большую изношенность жилищного фонда.

В заключение делается вывод, что в период с 1945 по 1953 гг. произошли некоторые позитивные изменения в сфере ЖКХ и бытового обслуживания населения Вологодской области, однако многие проблемы оставались нерешенными. Основной причиной слабого развития жилищно-коммунального хозяйства и неудовлетворительного состояния объектов социальной инфраструктуры в городах и рабочих поселках Вологодской области являлось отсутствие должного финансирования данных статей расходов как по линии региональной власти, так и по линии министерств и ведомств.

Ключевые слова: послевоенный период, социальное развитие, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовые условия жизни.

После завершения Великой Отечественной войны многие регионы СССР столкнулись с серьезными трудностями в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе и те, на территории которых не было военных действий [1, с. 54–55]. В их числе была Вологодская область, которая с 1941 по 1945 гг. не подверглась фашистской оккупации (за исключением Оштинского района), однако социальные проблемы, в том числе в сфере ЖКХ, требовали незамедлительных решений [1, с. 321, 326].

В 1945 году в Вологодской области насчитывалось 14 городов, 9 рабочих поселков и 774 сельских совета. Население области за годы войны сократилось на четверть (больше, чем в среднем по СССР) и в 1945 году составляло 1,27 млн человек, в том числе 307 тыс. человек городского населения [8, с. 285].

В период с 1941 по 1945 гг. площадь, пригодная для проживания, сократилась на 3,2 % при 25 %-ном сокращении населения, что привело к увеличению жилой площади, приходящейся на одного человека. В среднем по области на одного жителя в 1945 г. приходилось 5,3 м², при этом в городах: Вологде – 5,0 м², в Великом Устюге – 6,0 м², в Бабаеве – 4,9 м², в Чибсаре – 5,7 м² [10, с. 11, 80]. Аналогичный показатель по СССР составлял 5,4 м². По состоянию на 1 января 1948 г. число жилых строений, возведенных до 1918 года, составляло 83,8 % ко всем жилым строениям местных советов по области. Большинство из этих зданий имели большую степень износа, многие находились в аварийном состоянии, 3,9 % городского общественного жилищного фонда составляли здания барачного типа [4, с. 3, 4].

Для формирования комплексного представления о состоянии ЖКХ в послевоенной Воло-

годской области необходимо проанализировать не только обеспеченность населения жильем, но и наличие объектов коммунальной инфраструктуры. Вологодская область в конце 1940-х гг. имела недостаточное количество таких объектов. Так, в 1948 г. коммунальные водопроводные системы МКХ имелись только в трех городах области: Вологде, Грязовце и Череповце. Городская коммунальная канализация работала только в Череповце, в других городах и рабочих поселках области все сточные воды спускались в открытые канавы и реки [3, с. 5]. Регион испытывал серьезные трудности с электроснабжением, многие социальные объекты и жилые дома не имели электроосвещения. Большая часть населения области не имела водопроводов, основным источником водоснабжения были колодцы и протекающие рядом реки. Внешнее благоустройство городов, рабочих поселков и районных центров: дороги, мосты, тротуары, набережные, бульвары – нуждались в значительных капитальных вложениях для того, чтобы привести их нормальное состояние [5, с. 16].

С окончанием Великой Отечественной войны началась перестройка жизни страны на мирный лад. Одной из важнейших задач первого послевоенного пятилетнего плана восстановления Вологодской области было улучшение материальных, бытовых и культурных условий жизни народа-победителя. 10–11 сентября 1946 г. состоялось заседание областного Совета депутатов трудящихся Вологодской области, на котором был утвержден план восстановления и развития народного хозяйства региона на 1946–1950 гг. В сфере развития ЖКХ были поставлены следующие задачи:

– определить объем капиталовложений в жилищное строительство в сумме 22,8 млн руб., в том числе 3,3 млн руб. – на новое строительство;

– обеспечить дальнейшее улучшение материально-бытового положения и трудового устройства семей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны, семей военнослужащих и инвалидов труда;

– утвердить централизованные капиталовложения в коммунальное хозяйство в сумме 5,6 млн руб., в том числе на достройку водопровода в Череповце – 1,5 млн руб., на проектные работы и строительство нового водопровода в Вологде – 2,4 млн руб.;

– обязать исполкомы улучшить благоустройство и очистку городов и рабочих поселков, увеличить замощение улиц и площадей, количество зеленых насаждений;

– увеличить жилплощадь по фонду коммунального хозяйства на 7,5 тыс. м²;

– построить жилых домов в сельской местности на средства колхозов и колхозников с помощью госкредита в количестве 24 тыс. домов [6, с. 6].

На XX сессии Вологодского областного совета депутатов трудящихся вопрос развития ЖКХ был одним из ключевых в повестке заседания. Многие докладчики обращали внимание на острую нехватку жилищного фонда и большую степень его изношенности. На заседании отмечалось, что имеются тысячи семей, которые не имеют удовлетворительной жилой площади. Областной совет депутатов трудящихся видел три основных направления работы:

– увеличение объема капитальных ремонтов;

– развертывание нового капитального строительства как по линии местных советов, так и по линии ведомств;

– индивидуальное строительство граждан [6, с. 115].

Условия проживания людей после окончания Великой Отечественной войны были настолько неудовлетворительны, что многие из докладчиков XX сессии ставили под сомнение возможность выполнения планов в других областях народного хозяйства. В докладной записке председателю планового комитета при Совете министров СССР от 1948 г. председатель Вологодского облисполкома обращал внимание на то, что расширение жилого фонда имеет жизненно важное значение для дальнейшего развития экономики области. Жилой фонд местных советов в основном состоял из деревянных домов дореволюционной постройки, имевших износ 50 % и более. Только в Вологде 108 домов с площадью 11 080 м², в которых проживало более 648 семей, являлись аварийными. Кроме того, горисполком имел до 2000 неудовлетворенных заявлений на жилую площадь, главным образом – врачей, учителей, руководящих работников [2, с. 304].

Жилищная проблема поднималась в отчетах о деятельности предприятий промышленности. Выступавшие депутаты XX съезда обращали внимание, что одной из причин низкой производитель-

ности труда и огромной текучки кадров являются плохие условия проживания рабочих. Так, в одном из лесопунктов области рабочие половину зимнего сезона жили в неотапливаемых бараках и пили холодную воду со льдом по причине отсутствия у них кипятильников. У них отсутствовала возможность просушить одежду, в то время как администрация лесопункта никаких мер не приняла [3, с. 36].

Анализ архивных данных показывает, что в первые послевоенные годы проблемы в сфере ЖКХ обсуждались на многих заседаниях облисполкома. Большинство протоколов заседаний и докладов свидетельствуют, что одной из главных причин неудовлетворительных условий проживания населения являлась халатность исполнителей на местах. В то же время статистические данные и рассмотрение бюджетов Вологодской области дают понимание главной причины – отсутствие должного финансирования. Анализ бюджетов Вологодской области 1946 и 1948 гг. показывает, что областные расходы в сфере ЖКХ составляли менее 4 % от суммы областного бюджета. Так, в 1946 г. траты на ЖКХ составили 10,7 млн руб. (3,2 %), в 1948 г. – 15,7 млн руб. (3,0 %), а расходы на соцобеспечение составили 8,3 млн руб. и 13,7 млн руб. соответственно [6]. Учитывая состояние жилищного фонда и объектов социальной инфраструктуры, очевидно, что выделяемых денег было недостаточно. Многие задачи по улучшению жилищных условий возлагались на ведомства, а часто и на самих жильцов [7, с. 4].

Тем не менее за две послевоенные пятилетки Вологодская область добилась определенного улучшения как количественных, так и качественных показателей в сфере ЖКХ. С 1945 по 1952 г. произошло существенное увеличение жилой площади в городах и рабочих поселках области. Общественный жилищный фонд по состоянию на 1 января 1952 г. по области увеличился по сравнению с данными на 1 января 1945 г. на 38,6 %, в том числе по местным советам – на 8,8 %, по прочим министерствам и ведомствам – на 66,3 % [4, с. 1].

Увеличение жилищного фонда области главным образом происходило за счет нового строительства, прежде всего по линии министерств и ведомств. Так, за период с 1 января 1946 г. по 1 января 1952 г. увеличение за счет нового строительства составило по всем горпоселениям области 119 407 м², в том числе по местным советам – 5 121 м², по прочим министерствам и ведомствам – 114 286 м². Важно отметить положительную динамику роста показателей ввода жилой площади за счет нового строительства, объемы которого ежегодно увеличивались (табл. 1).

Быстрыми темпами шло возведение жилых домов в Череповце, что было обусловлено возрастающей потребностью в жилье в связи со строительством Череповецкого металлургического завода [11, с. 540].

Таблица 1

Ввод жилой площади за счет нового строительства

Показатель	Годы				
	1946–1947	1948	1949	1950	1951
Введено жилой площади по всем горпоселениям Вологодской области, м ²	6 892	10 533	19 610	33 374	48 998

Таблица 2

Наличие жилой площади в населенных пунктах Вологодской области

Населенный пункт	Дата		Прирост, %
	Жилая площадь по состоянию на 01.01.1945, м ²	Жилая площадь по состоянию на 01.01.1952, м ²	
Все города и рабочие поселки Вологодской области	710 829	985 352	38,6
в том числе:			
г. Вологда	306 435	379 991	24
г. Череповец	59 682	147 828	147,7
г. Сокол	85 364	110 622	29,6
г. Великий Устюг	77 128	85 589	11

Необходимо отметить, что рост жилой площади в основном происходил в городах областного подчинения, в то время как в рабочих поселках на данные нужды средств выделялось недостаточно (табл. 2).

На увеличение жилой площади повлияло не только строительство, но и появление новых городов и рабочих поселков. С 1945 по 1952 гг. вновь образовались 3 рабочих поселка и 1 город [1, с. 4].

Несмотря на ежегодное увеличение объемов строительства и ввод в эксплуатацию нового жилья, средняя жилая площадь в расчете на одного жителя Вологодской области продолжала оставаться на низком уровне. К 1 января 1952 г. она достигла значения 5,4 м², с 1945 г. прирост показателя составил 1,9 %. Средняя жилая площадь на человека по министерствам и ведомствам в 1952 г. была ниже, чем по местным советам, и составляла 5,1 м². В числе причин Вологодский облисполком отмечал малую заинтересованность предприятий и организаций в улучшении жилищных условий рабочих и служащих, а также невыполнение плана по строительству и вводу в эксплуатацию новой жилой площади – так, в 1951 г. он был выполнен только на 70,5 % [4, с. 4, 5].

Архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на определенные успехи, кардинального улучшения ситуации в секторе жилищно-коммунального хозяйства не произошло. В 1952 г. начальник статистического управления Вологодской области И. Чагин констатировал крайне неудовлетворительное состояние жилищного фонда местных советов, который к 1952 г. физически и морально устарел. По состоянию на 1 января 1952 г. число деревянных строений составляло 93,8 %, в то время как жилых строений, возведенных до 1918 г., насчитывалось 83,8 % в отношении ко всем жилым строениям местных советов по области. Многие

из них находились в аварийном состоянии и были непригодны для дальнейшего проживания. В Вологде таких домов, подлежащих списанию, насчитывалось 80, в Череповце – 43, в Великом Устюге, Соколе и Никольске – 21. В городах областного подчинения, таких как Сокол и Великий Устюг, за 7 послевоенных лет местными советами не было построено ни одного жилого дома. В Вологде, областном центре, строилось только по одному 24-квартирному дому в год. Темпы ведомственного жилищного строительства, за исключением Череповца, были недостаточны, чтобы обеспечить жильем население. Объекты благоустройства городов, рабочих поселков и районных центров также нуждались в значительных капитальных вложениях [7, с. 3–6].

Согласно аналитической записке заместителя начальника статистического управления Вологодской области, на 1 января 1953 г. сельские райцентры и рабочие поселки имели недостаточное количество объектов коммунального хозяйства. Так, из 9 рабочих поселков и 23 сельских райцентров водопроводы имелись только в шести населенных пунктах, канализации – в двух, транспорт по очистке – в одном, прачечные – в трех населенных пунктах, и только коммунальные бани были во всех рабочих поселках и сельских районных центрах области. Однако многие коммунальные предприятия райцентров работали неудовлетворительно. Особенно неблагоприятно обстояло дело по обслуживанию населения коммунальными банями, водоснабжением и электроснабжением – самыми необходимыми видами бытового обслуживания населения. В Грязовце, Кадникове, Белозерске, Бабаеве, Тотьме, в некоторых других районных центрах к 1953 г. коммунальные бани пришли в состояние, непригодное для дальнейшей эксплуатации. Большинство бань работали не

более 3 дней в неделю по 6–8 часов. Подача воды производилась ручным способом, вследствие чего имели место частые перебои. По причине ветхости зданий и нерегулярной работы в большинстве бань имелись серьезные проблемы с отоплением, особенно в зимний период. В связи с недостаточным количеством дней и часов работы число помывок в среднем по области за год составляло не более 14 на одного человека [5, с. 6–8].

Водоснабжение населения в Вологодской области было развито слабо. В основном жители набирали воду в колодцах и реках. Большая часть колодцев была в антисанитарном состоянии, отсутствовала кровля и навесы, предохраняющие от пыли и загрязнений. Например, жители поселка Харовска в основном пользовались водой из колодцев, которых в населенном пункте насчитывалось более 50, около 10 % населения пользовалось водой на р. Кубина, и только около 5 % населения получали воду из водопровода [3, с. 7].

Электрификация рабочих поселков и сельских районных центров осуществлялась крайне медленно. Из 41 районного центра только в 19 имелись коммунальные электростанции, причем в райцентрах Андомского, Мяксинского, Петриневского районов не было ни коммунальных, ни ведомственных электростанций. Во многих городах области и районных центрах коммунальные электростанции имели маломощное, крайне изношенное оборудование и работали с большими перебоями. Кроме того, действующие электростанции, обслуживающие население, не обеспечивали потребности всего райцентра, а только незначительной его части. Так, например, в рабочем поселке Сазоново электроэнергией в основном снабжал механизированный стеклозавод, который мог обеспечить потребность населения всего поселка, однако из-за отсутствия электропроводки 2/3 жителей поселка электроэнергии не получали [5, с. 10].

Необходимо сказать, что с трудностями в сфере ЖКХ сталкивалась жители не только Вологодской области, но и других регионов СССР, не подвергшихся оккупации во время Великой Отечественной войны. Так в Челябинской и Чкаловской областях предприятия жилищно-коммунального хозяйства также испытывали серьезные затруднения. В городах и рабочих поселках наблюдалась острая нехватка жилья, многие жилые дома не имели электроснабжения и канализации, большинство зданий имели значительную степень износа, в то время как на ремонты и новое жилищное строительство средств выделялось недостаточно [12, с. 106–110].

Основной причиной крайне слабого развития жилищно-коммунального хозяйства в городах и рабочих поселках Вологодской области было недостаточное финансирование. На новое строительство жилых домов, коммунальных предприятий, ремонт и благоустройство городов, рабочих

поселков и сельских райцентров было выделено в 1950 году 14 млн руб., в 1951 г. – 16,1 млн руб., в 1952 г. – 14,9 млн руб. Эти ассигнования не обеспечивали даже поддержания существующего жилищного и коммунального фонда. По этой причине электростанции, бани и особенно жилой фонд с каждым годом все более изнашивались, а ряд объектов находился в аварийном состоянии. Вологодский облисполком неоднократно указывал на существующие проблемы и просил оказать финансовую и иную помощь и Центральный комитет КПСС, и председателя Совета министров СССР. Однако в большинстве случаев реальной помощи партийные и государственные власти не оказывали [7, с. 86].

В заключение важно отметить, что Вологодский облисполком и местные советы не обладали достаточным количеством средств и возможностей для комплексного решения проблем в сфере ЖКХ. Об этом говорилось на заседании областного Совета депутатов трудящихся Вологодской области еще в 1946 году. Большой вклад в развитие культурно-бытового и жилищного строительства внесли ведомственные организации, однако для них это были второстепенные задачи, в первую очередь они ориентировались на развитие производства и выполнение планов по выпуску продукции. Не стоит забывать и том, что приоритет в первое послевоенное десятилетие отдавался развитию тяжелой и военной промышленности.

Библиографический список

1. *Безнин М.А.* История Вологодского края: учеб. пособие. – Вологда: Учебная литература, 2010. – 399 с.
2. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 1300. – Оп. 1. – Д. 704.
3. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 12. – Д. 1761.
4. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 12. – Д. 1779.
5. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 14. – Д. 2354.
6. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1253.
7. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1547.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 374. – Оп. 11. – Д. 359.
9. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
10. Народное хозяйство Вологодской области: Статистический сборник. – Вологда: Гос. стат. изд-во, 1960. – 74 с.
11. Очерки истории Вологодской организации КПСС / Н.В. Лебедев, В.А. Дмитриев, П.А. Зиновьев и др. – Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. – 512 с.
12. *Хомякова Н.В.* Социальная политика советского государства на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны. 1945–1953 гг. (на примере Челябинской и Чкаловской областей). – Оренбург: Бузулук, 2009. – 147 с.

References

1. Beznin M.A. Istoriya Vologodskogo kraja: ucheb.posobie. – Vologda: Uchebnaya literatura, 2010. – 399 s.
2. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti). – F. 1300. – Op. 1. – D. 704.
3. GAVO. – F. 1703. – Op. 12. – D. 1761.
4. GAVO. – F. 1703. – Op. 12. – D. 1779.
5. GAVO. – F. 1703. – Op. 14. – D. 2354.
6. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1253.
7. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1547.
8. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). – F. 374. – Op. 11. – D. 359.
9. Zubkova E.YU. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povse-dnevnost'. 1945–1953. – M.: ROSSPEHN, 1999. – 229 s.
10. Narodnoe hozyajstvo Vologodskoj oblasti: Statisticheskij sbornik. – Vologda: Gos. stat. izd-vo, 1960. – 74 s.
11. Ocherki istorii Vologodskoj organizacii KPSS / N.V. Lebedev, V.A. Dmitriev, P.A. Zinov'ev i dr. – Vologda: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1969. – 512 s.
12. Homyakova N.V. Social'naya politika sovetskogo gosudarstva na YUzhnom Urale posle okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny. 1945–1953 gg. (na primere CHelyabinskoj i CHkalovskoj oblastej). – Orenburg: Buzuluk, 2009. – 147 s.

Сазонов Дмитрий Иванович

кандидат богословия

Московская духовная академия,

Общецерковная аспирантура и докторантура

имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Москва

sazonow63.12@gmail.com

СОСТОЯНИЕ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В ПРИХОДАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1958–1988 ГГ. КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР (по материалам прессы Центральной России)

В статье на основании официальной светской и церковной хроники, архивных данных дается анализ состояния религиозности населения СССР в 1958–1988 гг. Обоснованно указывается, что административный нажим на Церковь и усиление антирелигиозной пропаганды с середины 1950-х годов вызвали движение неорганизованного сопротивления власти, пытавшейся ликвидировать «остатки религиозных предрассудков» у ограниченной части населения. Церковь, нейтрально относящаяся к политике властей, боролась за внутреннюю дисциплину духовенства и верующих, и такая работа давала результаты повышением народного авторитета Церкви и священства. Направленная на ликвидацию Церкви политика властей постепенно нивелировалась по мере дальнейшего развития освободительных процессов в стране, которые наступили после заката советской идеологической системы.

Ключевые слова: иерархия, священнослужитель, религия, печать, атеизм, верующие, религиозность.

Несмотря на меры по дискриминации и дискредитации духовенства и верующих, предпринятые властями, желание вбить клин и посеять рознь между мирянами и священником, церковным советом и прихожанами, Церковь и верующие в основном были единым народным организмом. Высмеивание верующих в прессе [5, с. 11], зарисовки о «нескольких дежурных старушках», находящихся в храме, разбивались о действительность. Реальность свидетельствовала о высоком авторитете среди верующих и неверующих духовенства, Церкви.

Печать была вынуждена констатировать, что советские педагоги не только не ведут борьбу с религией, но и сами «заражены религиозными предрассудками»: крестят детей, венчаются в церкви, носят крестики, а в их домах висят иконы. В прессе отмечалось, что педагоги безразлично относятся к борьбе с религиозными настроениями среди учащихся школ: «Отказываются понять, какое вредное влияние оказывает Церковь на юношество» [13]. Не желают бороться с религией не только школьные педагоги, но и врачи [12]. По посещаемости храмов также можно судить о высокой религиозности населения: уцелевшие от закрытия храмы, особенно городские, были полны народа. Совершалось по несколько литургий, параллельно совершались крестины и отпевания, служились молебны. Городские священники, несмотря на свою многочисленность по сравнению с сельскими приходскими священнослужителями, едва справлялись с большим количеством прихожан, пришедших на исповедь. Среди них были не только люди преклонного возраста, но и, вопреки запретам властей, младенцы и школьники. Корреспондента юмористического и сатирического журнала «Крокодил» И. Костюкова, изучавшего в начале 60-х годов XX века религиозную ситуацию во Владимире,

видимо с целью написания фельетона или сатирического репортажа, удивило высокое состояние религиозности людей. В Успенском соборе, куда заглянул Костюков, он обнаружил «далеко не одних старух» [11, с. 6], о которых вещала советская пропаганда. Впоследствии при посещении собора Костюков увидел в храме даже должностных лиц, по факту государственной советской службы не имеющих права посещать церковь, комсомольцев, а также детей школьного и дошкольного возраста. Мало того, Костюков в своей заметке констатировал, что Церкви во Владимире «сочувствуют люди из администрации города», с партийными билетами в кармане [11, с. 6]. Он охарактеризовал религиозную ситуацию в городе как чрезвычайную. Своей статьей он подтвердил факт народной поддержки Церкви, которая проявлялась в 60-е годы (годы гонений. – Д. С.) во всех слоях общества.

На страницах различных советских изданий наряду с материалами дежурной антирелигиозной пропаганды корреспонденты из разных уголков страны констатировали провал атеистической работы, направленной на дискредитацию религии [9, с. 32–34]. Описанный выше случай показывает, что внешне примирившись с государственной политической атеизма, народ внутренне не поддерживал ее. С такой поддержкой Церкви властям приходилось считаться, и лозунги об уничтожении или отмирании религии оставались лишь лозунгами, не позволяя властям приступить к решительным действиям по полной ликвидации религиозных организаций. Народ стал опорой Церкви. Протоиерей Дмитрий Константинов писал, что «Церковь – это по крайней мере 50 миллионов людей, а это не менее 25 % от общего населения страны», и они «открыто заявляли о своей преданности Церкви». Причем к этому числу «надо добавить несколько миллионов людей, стоящих на пути к вере, ищущих до-

рогу к Церкви» [9, с. 64]. Приведем пример поиска веры и становления религиозной личности в антирелигиозном государстве там, где, казалось, подобного произойти не должно. Судьба известного богослова, философа и публициста протодиакона А. Кураева, который после окончания философского факультета МГУ по кафедре истории и теории научного атеизма поступил в 1985 году в Московскую духовную семинарию, ярко показывает бесплодность антирелигиозной пропаганды [1, с. 111].

В условиях административных притеснений церковная власть понимала особую ответственность перед паствой и не желала давать «повода ищущим повода» атеистическим пропагандистам (2 Кор. 11:12). В своих требованиях к клиру высшая иерархия стремилась поднять пастырское самосознание и дисциплину.

Со страниц общецерковного «Журнала Московской Патриархии» звучали призывы к священнослужителям по поводу совершенствования дисциплины и соответствия своему служению и авторитету, обращенные к священнослужителям: «Быть же пастырем – значит жить не своею особою жизнью, а жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: “послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива”» [15, с. 16]. Среди требований к духовенству руководством Церкви внушался тип поведения священника: скромность, простота, набожность, отзывчивость, опрятность, не зазорная жизнь вне храма, самоотверженное служение на приходе [2, с. 13–15]. Епископа Уфимского Никона патриарх наставлял словами о выборе «соответствующих призванию» сотрудников: «во избежание скандалов и раздоров на приходе [надо] избирать “верных и чистых сотрудников”», не доверяться случайным людям, чтобы между священником и паствой не оказалось «средостения в лице своекорыстных деятелей неправды и греха» [14, с. 7].

На протяжении всего описываемого периода руководители Церкви стремились исправить ситуацию с кадрами. В 1960–80-х гг. со страниц «Журнала Московской Патриархии» звучали неоднократные указания пастырям о необходимости соответствующего отношения к храму, заботе о нем, соблюдении церковного устава, о тех или иных деталях богослужебной практики, которые дополняют тот комплекс требований к священнику, который с годами все более конкретизировался и усложнялся. Уже с середины 1950-х годов намечается активная позиция Церкви в сфере повышения квалификации служащего духовенства. С 1955 года на страницах печати ставится вопрос о необходимости организации курсов повышения квалификации для духовенства, образцовых богослужений, богословских чтений и собеседований с клиром, подчеркивается важность совместного обсуждения пастырской практики, разбираются

вопросы об обязанностях и правах благочинных, о финансовой дисциплине на приходах, богослужебной практике, издании богослужебных книг. Становится традиционным вызов приходских священников в кафедральные соборы для проверки их знаний и практики как самим архиереем, так и опытным духовенством, получившим образование в духовных школах. Неоднократно подчеркивалось, что для успеха проповеднической деятельности священник обязан быть широко образованным человеком [7, с. 53–55].

Несмотря на жесткий контроль проповеди со стороны комиссий по соблюдению религиозного законодательства, когда каждое неосторожное слово влекло за собой вызов к областному уполномоченному по делам религий, со страниц уже цитируемого «Журнала Московской Патриархии» звучал призыв святителя Тихона Задонского к священнослужителям: «Крайне берегитесь молчать!», а также слова епископа Феофана Вышенского: «...молчащее пастырство – что за пастырство!» Такими словами патриархия призывала священников к неуклонной проповеди [3, с. 23–24].

Несмотря на «кадровый голод», «испытание тысячами глаз и языков», то есть исключительная требовательность со стороны верующих, заставляло Патриархию и епархиальных архиереев в 1960–1980-е гг. принимать меры воздействия «для исправления поврежденных нравов или для исправления неисправимых. Святейший патриарх Алексей, обращаясь к рукополагаемым епископам, наставлял их такими словами: «Церковное управление бывает твердо, доколе мы [сами] страшимся переступить через рубеж правил, коль скоро по какому-либо произвольному рассуждению однажды нарушим грань, трудно уже будет определить, где остановиться» [14, с. 7–8].

Находясь в обстановке постоянного контроля со стороны соответствующих органов (областных уполномоченных по делам религий, исполкомов, комиссий по контролю за исполнением религиозного законодательства. – Д. С.), церковная иерархия была вынуждена реагировать на сигналы власти по поводу нарушения священнослужителями законодательства о культах, чем вызывала критику в среде духовенства и народа. Пример с о. Дмитрием Дудко показывает, что церковные власти были вынуждены применять меры воздействия на нарушителей законодательства о культах и церковных диссидентов» [17, с. 43–45].

Следует отметить, что верующие люди не были просто статистами при антицерковной компании властей. Народное сопротивление антирелигиозной политике власти, превратившееся к 1960-м годам в явно выраженное народное движение, было одиноко до появления движения диссидентов в начале 1960-х годов. В дальнейшем они развивались параллельно, частично переплетаясь друг с дру-

гом. И хотя нет прямой связи между процессом А.Д. Синаевского и Ю. М. Даниэля или высылкой писателя В.Я. Тарсиса и открытым письмом московских священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, но духовная связь между указанными явлениями есть. Открытое письмо патриарху Алексию, как и другие документы, исходящие от священников-правозащитников (например, «Обращение к делегатам V Ассамблеи Всемирного совета церквей», 1975 г.), свидетельствуют, что движение религиозного сопротивления внутри Русской православной церкви достигло значительного уровня, ибо выступление двух священников, рассчитанное на какой-то успех, трудно выполнимо, если за авторами не стояла бы сила, на которую они могли бы опереться. И такая сила была в верующем народе, который не оставался равнодушным и сопротивлялся притеснению религии со стороны властей. Во второй половине 1962 г. верующая часть населения СССР, учитывая административно-антирелигиозный нажим на Церковь через имеющиеся в наличии у государства материальные и административные средства воздействия, перешло в состояние не менее ожесточенной и настойчивой активной обороны. Сопротивление возрастало пропорционально тем усилиям, которые власть делала в отношении разрушения религиозной жизни. Оно не имело ничего общего с распространенными формами известного политического или общественного сопротивления, неуловимо внешне и недоступно для тех, кто привык иметь дело с обычными формами материально выраженного протеста. В основе религиозного сопротивления народа, противодействующего тому, что разрушает его духовную жизнь, лежали факторы не материального, а духовно-религиозного порядка. Человек, не желающий идти на компромисс со своей совестью, начинает бороться всеми доступными ему средствами, часто даже не объединяясь и не вступая в контакт с другими верующими людьми. Форма сопротивления, возникающего как реакция на политику власти, может быть различна, например индивидуальное действие человека или небольших групп верующих людей. Примером борьбы могут служить действия людей при закрытии церквей: у храмов собирався народ, пытавшийся оказать мирный протест. Люди собирались не потому, что были кем-то организованы. Защита храма являлась стихийной реакцией людей на самоуправство власти, что привело к единству их действий без предварительного сговора. Записных антирелигиозников пугал и удивлял тот факт, что даже малочисленные группы верующих оказываются сильнее атеистов и титанических усилий антирелигиозной пропаганды. Если сравнивать описание пасхальной ночи 1966 г. с описанием Пасхи 1965 г., то разница будет кардинальной: в 1966 г. власть уже не оказывала административной поддержки атеистическому активу и даже искусствен-

но ограничивало его, что привело к провалу провокаций, устаивавшихся атеистами. Иностранцы наблюдатели считали это доказательством «полного поражения антирелигиозной пропаганды коммунистов» [8, с. 21]. Приведем в пример ситуацию, складывавшуюся в начале 1960-х гг. в Троице-Сергиевой и Почаевской лаврах, когда, несмотря на все усилия и действия властей и антирелигиозных активистов, не удалось закрыть эти православные святыни. Средства на поддержку монастырей шли со всей страны. Произошло все это благодаря сопротивлению и поддержке народа. Народный голос зазвучал в открытых письмах, направленных руководителям партии и государства, в патриархию и зарубежные организации. В 1966 г. было опубликовано «Открытое письмо верующих Вятской епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви». В письме приводятся факты вопиющих беззаконий, совершаемых властями по отношению к верующим гражданам СССР [4, с. 14]. Противодействие политике власти по отношению к религии проявлялось и в неустрашимости перед репрессиями и запугиванием: так, несмотря на квитанционную систему при оформлении треб, на негативные последствия для тех, кто вопреки страху приходил в храмы и оформлял их, предоставляя свой паспорт и сведения о месте работы, рост требоисполнений был налицо. В Ярославской области возросла религиозная обрядность. Из 4238 родившихся было окрещено 1981. В таких районах, как Любимский – 60,8 %, Некрасовский – 96,5 %, Ярославский – 50,3 %, в г. Ростове – 32,4 %, Переславле-Залесском – 34,5 %. В то же время в Большесельском – только 7 %, в Гаврилов-Ямском – 6,4 %. В некоторых районах и городах производится большое кол-во отпеваний умерших. Например, в Некрасовском – 50,3 %, в г. Переславле-Залесском – 42,8 %, в Угличе – 39,9 %». Уполномоченным в отчете приведено количество очных отпеваний в церкви (опять же не учтены получившие практику заочные отпевания и отпевания на дому): в 1970 г. по Ярославскому району были отпеты 297 из 514 умерших (57 %), а в 1973 г. – 330 из 520 (63 %) [6, с. 59], что показывает довольно высокий уровень обрядности, в котором участвовало население. В качестве примера укажем на такой случай. В 1983 г. в селе Саметь Костромского района Костромской области накануне официальных похорон была заочно отпета дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, кавалер шести орденов В. Ленина П.А. Малинина, которую на следующий день после отпевания в присутствии партийных и государственных деятелей области похоронили в церковной ограде, возле церкви [16, с. 258].

Объективный анализ имеющихся материалов, почерпнутых из советской прессы и архивных источников, убедительно показывает, что власть,

взявшая курс на полное уничтожение религии в недалеком будущем, натолкнулась на народное сопротивление, пусть даже внешне не организованное. В движении протеста принимали участие не только верующие миряне, но и духовенство. Власть убедилась в том, что религия в СССР имеет глубокие народные корни и охватывает четверть населения страны, и не желала возбуждать недовольство среди верующего населения.

С 1966 г. власть начала понимать, что принятые ею гонения на Церковь хотя внешне и ослабляют ее, но одновременно ведут к образованию церковного подполья и укрепляют его. По мере развития гонений, закрытия храмов на путь нелегальной церковной деятельности (самиздат, подпольные церковные ячейки) стали становиться духовенство и верующие.

Церковь в этот период при нейтралитете к власти в отношении всех политических и гражданских вопросов отстаивает свои законные права в области духовного кормления верующих и мирится со своим положением, рассматривая его только как временное, как переходный период, ожидая, что в России формируется новое общество, которое рано или поздно придет к нормальным формам человеческого общежития, что и случилось после 1988 г.

Курс на уничтожение религии получил широкую огласку на Западе. Власть не могла не считаться с западным общественным мнением и предстать перед всем миром не «миротворцами», а «душителями свободы».

Таким образом, на основе предъявленных документальных свидетельств можно сделать вывод о том, что, несмотря на предпринятые властями меры по ликвидации религиозности населения, степень её была высокой. Изменение ситуации в сторону свободного отправления своих религиозных потребностей для населения наступило в конце 1980-х гг. с крахом атеистической идеологии.

Библиографический список

1. Алексеев В.П. Кураев Андрей Вячеславович // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. – М.: Акад. проект, 2002. – 1159 с.
2. Андреев А. (прот.). Высокое достоинство пастырского служения // Журнал Московской Патриархии. – 1955. – № 1. – С. 13–15.
3. Андреев А. (прот.). О проповеди Слова Божия // Журнал Московской Патриархии. – 1955. – № 1. – С. 23–24.
4. «Высшая церковная власть – перед выбором»: Открытое письмо верующих Вятской епархии патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви // Посев. – Франкфурт-на-Майне, 1966. – 16 дек. – № 51 (1074). – С. 5–20.
5. Государственный архив Костромской области. – Ф. 2102. – Оп. 5. – Д. 41. – 32 с.

6. Государственный архив Ярославской области. – Р-1033. – Оп. 1. – Д. 81. – 120 с.

7. Иванов А. О необходимости широкого образования для пастырей // Журнал Московской Патриархии. – 1957. – № 1. – С. 53–55.

8. Константинов Д. (прот.). Антирелигиозная пропаганда в СССР // Грани. – Франкфурт-на-Майне, 1964. – № 55. – С. 19–34.

9. Константинов Д. (прот.). Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР / ред. А.В. Попов. – М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999. – 360 с.

10. Константинов Д. (прот.). Филатовский скандал // Новое Русское Слово. – Нью-Йорк, 1966. – 13 июня. – № 19453.

11. Костюков И. Плутни лукавого // Крокодил. – 1962. – 30 янв. – № 3 (1653). – С. 6–8.

12. О чем звонили колокола // Известия. – 1961. – 21 июля. – № 172 (13718).

13. Смирнов В. Раздумье атеиста // Правда. – 1962. – 19 ноября. – № 200 (16056).

14. Речь Патриарха Московского и всея Руси Алексия при вручении архипастырского жезла новопоставленному епископу Уфимскому Никону // Журнал Московской Патриархии. – 1959. – № 4. – С. 7–8.

15. Теплов В. Памяти Патриарха Сергия // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 5. – С. 16.

16. П.А. Малинина: эпоха и личность / сост. и ред. Н.А. Зонтиков. – Кострома, 2004. – 278 с.

17. Фуров В. Отчет Совета по делам религии членам Центрального комитета коммунистической партии СССР. – Нью-Йорк; Монреаль, 1991. – 80 с.

References

1. Alekseev V.P. Kuraev Andrej Vyacheslavovich // Filosofy Rossii XIX–XX stoletij: Biografii, idei, trudy. – M.: Akad. proekt, 2002. – 1159 s.
2. Andreev A. (prot.). Vysokoe dostoinstvo pastyrskogo sluzheniya // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1955. – № 1. – S. 13–15.
3. Andreev A. (prot.). O propovedi Slova Bozhiya // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1955. – № 1. – S. 23–24.
4. «Vysshaya cerkovnaya vlast' – pered vyborom»: Otkrytoe pis'mo veruyushchih Vyatskoj eparhii patriarhu Aleksiyu i vsem veruyushchim Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Posev. – Frankfurt-na-Majne, 1966. – 16 dek. – № 51 (1074). – S. 5–20.
5. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 2102. – Op. 5. – D. 41. – 32 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti. – R-1033. – Op. 1. – D. 81. – 120 s.
7. Ivanov A. O neobhodimosti shirokogo obrazovaniya dlya pastyrej // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1957. – № 1. – S. 53–55.
8. Konstantinov D. (prot.). Antireligioznaya propaganda v SSSR // Grani. – Frankfurt-na Majne, 1964. – № 55. – S. 19–34.

9. Konstantinov D. (prot.). Gonimaya Cerkov': Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v SSSR / red. A.V. Popov. – M.: Associaciya avtorov i izdatelej, 1999. – 360 s.
10. Konstantinov D. (prot.). Filatovskij skandal // Novoe Russkoe Slovo. – N'yu-Jork, 1966. – 13 iyunya. – № 19453.
11. Kostyukov I. Plutni lukavogo // Krokodil. – 1962. – 30 yanv. – № 3 (1653). – S. 6–8.
12. O chem zvonili kolokola // Izvestiya. – 1961. – 21 iyulya. – № 172 (13718).
13. Smirnov V. Razdum'e ateista // Pravda. – 1962. – 19 noyabrya. – № 200 (16056).
14. Rech' Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya pri vruchenii arhipastyrskogo zhezla novopostavlennomu episkopu Ufimskomu Nikonu // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1959. – № 4. – S. 7–8.
15. Teplov V. Pamyati Patriarha Sergiya // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1954. – № 5. – S. 16.
16. P.A. Malinina: ehpoza i lichnost' / sost. i red. N.A. Zontikov. – Kostroma, 2004. – 278 s.
17. Furov V. Otchet Soveta po delam religii chlenam Central'nogo komiteta kommunisticheskoy partii SSSR. – N'yu-Jork; Monreal', 1991. – 80 s.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ АКТИВИСТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ПРИРОДООХРАННОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1960–1980 ГГ.

В статье раскрывается значимость воспоминаний общественных активистов для изучения истории становления и формирования института добровольчества в области природоохранной деятельности в 1960–1980-е гг. Наибольший подъем студенческого движения в области природоохранной деятельности приходится на период хрущевской оттепели. Важной вехой в общественном экологическом движении стало зарождение студенческих дружин охраны природы (ДОП) на базе биологических, почвенных и географических факультетов советских университетов.

В воспоминаниях добровольных общественников отражены актуальные темы отечественной истории развития и становления институализированных практик добровольчества в конкретные исторические периоды, и в этом смысле источниковый комплекс является ценнейшим, уникальным историографическим материалом. Спустя многие годы после описываемых в мемуарах событий мы имеем возможность воссоздать атмосферу эпохи, внутреннюю организацию дружины охраны природы, психологию и личностную мотивацию добровольных активистов природоохранного добровольческого движения.

Ключевые слова: воспоминания, добровольцы, добровольческая природоохранная деятельность, добровольческий труд, дружины охраны природы, общественные активисты, очевидцы.

В современной исторической науке все больше внимания уделяется субъективному восприятию и отражению человеком исторической действительности и событий. Подобный подход существенно расширяет границы и возможности комплекса исторических источников и позволяет по-иному рассмотреть страницы истории. Так, в круг исследования по истории добровольчества вводится значительный пласт источников личного происхождения, к числу которых прежде всего относятся воспоминания непосредственных участников общественных практик добровольческой деятельности. Именно в них отражены настроения, мысли, общественное сознание и настроение, психология людей конкретной исторической эпохи. Источники личного происхождения также отличаются документальностью, ретроспективностью и субъективностью, связаны непосредственно с проявлением личностного начала.

Изучение субъективной реальности возможно главным образом благодаря источникам личного характера. Подобные документы важны для понимания настроения, мотивации, общественных настроений добровольцев, отражая в целом процесс формирования самосознания личности. Особое значение имеют воспоминания, касающиеся внутренней организации добровольческого движения. Они позволяют увидеть процесс изнутри, глазами его участников, в них также содержатся личностные характеристики лидеров добровольческих объединений. В данной группе источников в той или иной форме отражены настроения людей, их взгляды, мнения, личные пристрастия, а также особенности эмоциональной сферы и восприятия, жизненный опыт добровольцев.

В рамках статьи мы подробно остановимся на источниках личного происхождения, в текстах которых наряду с эмоциональной оценкой событий

ярко выражено восприятие происходящего с позиции непосредственных участников природоохранных добровольческих объединений советской эпохи. Именно в этом проявляется уникальность воспоминаний. Опубликованный сборник воспоминаний членов дружины охраны природы МГУ «Помнишь, как это было?..» позволяет в полной мере восстановить основные этапы истории развития добровольческой организации [6]. Круг затрагиваемых в воспоминаниях вопросов чрезвычайно велик. Воспоминания расположены в хронологическом порядке от создания дружины до современного этапа. Для удобства весь период разделен на десятилетия. В то или иное десятилетие воспоминания добровольца расположены на основе даты его вступления в дружину.

Начало самостоятельному природоохранному добровольческому движению в 1960-х гг. положили студенческие дружины охраны природы, которые по своей деятельности и статусу были близки к нынешним общественным или добровольческим организациям [7, с. 1]. Дружины охраны природы (далее ДОП) – это полупрофессиональные добровольные объединения, формируемые из числа студентов вузов [5, с. 7]. По сути, добровольные студенческие дружины, возникшие под эгидой комсомола, были инициативными общественными группами, основанными на идеях волонтаризма, общности проблем и интересов в деле защиты окружающей среды [4].

Немаловажная роль в развитии экологического добровольческого движения принадлежала одной из первых природоохранных студенческих организаций – Дружине охраны природы им. В.Н. Тихомирова, образованной в 1960 г. на биологическом факультете Московского государственного университета [9, с. 16]. Именно студенческая молодежь, со свойственным ее возрасту максимализмом,

готова была принимать предметное участие в решении общественных проблем, в том числе затрагивающих вопросы экологии и природоохранной деятельности [1, с. 21].

Во многом благодаря деятельности дружины учреждается молодежный совет МГУ по охране природы (1972 г.), при непосредственном участии которого образуются природоохранные дружины на базе различных факультетов университета. Именно ДОПы МГУ стали ключевыми участниками проведения всесоюзного рейда студенческих дружин по борьбе с браконьерством в 1979 г. [6, с. 8].

За несколько лет деятельности дружины оформились организационные принципы и структура добровольческой организации, идеология движения, методы и формы работы [7]. В разные годы в дружине действовали различные секторы, она работала по разным направлениям и программам.

В 1972 г. образуется Движение дружин охраны природы (ДДОП), основанное на единстве целей и добровольно принятых программах [2, с. 103].

К началу 1980-х гг., как отмечает О.Н. Яницкий, сеть дружин охраны природы по всей стране представляла собой серьезную социальную силу. Выйдя из-под контроля ВЛКСМ, ДДОП становится коллективным членом Всероссийского общества охраны природы [10, с. 16].

Воспоминания участников движения выгодно отличаются содержанием огромного количества фактического материала. Ярким примером этого являются сведения о зарождении идеи создания дружины охраны природы биологического факультета МГУ. Так, один из активистов дружины А. Агаджанян вспоминает: «Слово “дружина” им было придумано (первым командиром дружины Е.Г. Сманцером (Славским). – Н. Г.). Я это прекрасно помню. Женя занимался в КЮБЗе с 5 класса, а в старших классах – в дружине по охране общего порядка. Логично, что, придя на кафедру ихтиологии, он не хотел порывать с оперативной работой. И как возникла идея о дружине, все помнят: ребята шли к метро из университета, и Женя сказал: “А почему и нам дружину не организовать, только по охране природы?” Сама идея была его» [6, с. 23].

За полтора десятилетия существования дружины программы «Борьба с браконьерством», «Ель», «Первоцвет» («Подснежник»), «Птичий рынок», «Пропаганда», «Заказники», «Фауна» стали определяющим направлением работы организации [1].

Воспоминания хорошо отражают фактическую сторону деятельности самого дружинника, а также и эмоциональную составляющую.

Так, сильное впечатление произвела на одного из добровольцев дружины В.А. Зубакина проведенная операция «Качков затон» на Оке по борьбе с рыбным браконьерством. «Помню, – вспоминает дружинник, – красиво проведенную операцию “Качков затон” на Оке. 24–31 августа 1971 г. проходил дружинный семинар в Окском заповеднике,

в ходе которого решили провести оперативный рейд по борьбе с рыбным браконьерством. Чтобы не спугнуть браконьеров массовым появлением “подозрительных лиц”, решено было пробираться в ночной темноте мелкими группами с разных сторон, чтобы соединиться перед рассветом и оцепить затон... Не помню уж точно, сколько сетей мы тогда сняли и сколько протоколов составили, но “улов” был богатым» [6, с. 36].

Н.С. Мюге также в своих воспоминаниях делится наиболее яркими эпизодами выездов, когда приходилось разоружать нескольких крепких мужчин, имея при себе лишь удостоверение общественного охотинспектора и ракетницу [6, с. 151]. По признанию активиста, дружина давала выход общественно-полезной энергии для студентов, у которых имелся избыток этой самой энергии, и направляла ее в осмысленное русло. Иначе «энергия ушла бы в какие-нибудь комсомольские начинания или дружую лабуду» [6, с. 152].

О напряженном графике работы добровольных дружинников, численном составе выездных отрядов красноречиво свидетельствуют воспоминания В.Ю. Пичугина: «Вообще, на выезды в сезон охоты ездили очень часто, члены БСБ (борьбы с браконьерством) – так и вообще чуть не каждые выходные, не в основные, так в разведывательные. Число участников колебалось от двух до почти стопроцентного состава ДОП на юбилейные или праздничные выезды. Результаты сначала оценивали по количеству протоколов. По крайней мере, я так сначала оценивал, а позже, поскольку начал параллельно работать внештатным госохотинспектором, уже по экспертным оценкам снижения числа браконьеров в районах, куда выезжала ДОП» [6, с. 46].

Участники дружины подробно описывают и достоверно передают события. Так, в воспоминаниях добровольных общественников затрагиваются организационные вопросы выездных кампаний. Нередко университет специально для оперативных выездов дружины выделял автотранспорт. В случае его отсутствия активисты добирались на электричках и автобусах, самостоятельно оплачивая проезд. Ночевать приходилось на охотбазах, реже организовывались палатки [6, с. 46].

За годы своей деятельности дружинное движение выработало большую часть форм привлечения и подготовки общественников к охране природы. Одним из приоритетных направлений, в которых работали добровольцы, сотрудничающие с экологическими организациями, был общественный контроль. Важной заслугой дружины было налаживание контактов с государственными инспекциями (охотничьими, рыбными и лесными), а также Всероссийским обществом охраны природы (далее – ВООП) и установление рабочих контактов с Московским областным советом этой организации [3].

Так, центральное место в воспоминаниях В.А. Зубакина занимают вопросы тесного сотруд-

ничества с ВООП. Дело в том, что ВООП в те годы обладало правом законодательной инициативы. В частности, Мособлсовет ВООП готовил проекты решений для Мособлсполкома. Имея хорошие контакты в Мособлсовете ВООП, дружинники могли в определенной степени воздействовать на принятие природоохранных решений властных структур Московской области – в частности, по созданию заказников, охране животного и растительного мира и др. [6, с. 43].

«Инспекторские учения» были важным мероприятием в дружине, одним из ключевых этапов в подготовке кандидата в общественные инспекторы по вопросам природоохранной деятельности. Так, М.Е. Черняховский в своих воспоминаниях уделяет внимание проведению этих учений. «Я играл браконьера, у меня была задача убежать, – пишет дружинник. – Ружье, костер горит, заяц висит... На следующем пункте был Кубанин. Потом он мне говорил: “Ты что с ними делал?” Потому как группа кинулась на Андрюшу, разложила его, привязала, а потом только начала документы спрашивать.

Потом был еще такой хороший прием, на учениях, по-моему, это Кавтарадзе придумал. Когда остается совсем немножко, метров 400 до финиша, и все уже видно, группа идет, к ним выходит девочка с корзинкой: «Извините, а какие это грибы?» А когда доходят до финиша, им задание: опишите девочку, что с грибами к вам подходила... Дайте физиономический портрет» [6, с. 29].

Помимо теории, специально организованные семинары предусматривали и практическую часть, заключающуюся в прохождении небольшого маршрута по природной территории и выявлении «нарушений» правил охоты или любительского рыболовства.

Интересны в воспоминаниях и взгляды добровольных активистов на причины кризисов в истории деятельности студенческой дружины. На памяти В.А. Зубакина их было три: в 1969 г., 1973 г. и 1987 г. Самый серьезный кризис 1987 г. был связан с попыткой переключения основного вектора работы дружины с охраны живой природы на борьбу с ее загрязнением. Так, предусматривалась ликвидация всех действующих секторов в дружине, исключение составлял штаб, в ведение которого входили бы вопросы определения приоритетности деятельности организации в решении той или иной природоохранной проблемы. Подобная «модернизация» могла привести к распаду дружины. «Вряд ли те, кто нашел себя в “Заказниках” или “Фауне”, стали бы заниматься делом, к которому у них не лежит душа и к которому их привлекают в добровольно-принудительном порядке, столь знакомом и нелюбимом тогда всеми нами по комсомольской работе» [6, с. 39]. Однако идея «перестройки» не была поддержана общим собранием дружины.

Важное значение для развития природоохранной добровольческой деятельности играли заметные руководители дружины, их мировоззренче-

ские концепции, влиявшие на содержательную и организационную сторону студенческого объединения. Емкие характеристики даются руководителям дружины. Ярким примером может служить личностная характеристика Димы Кавтарадзе. Вот как о нем пишет Н.Н. Марфенин: «Командиром дружины в мое время был Дима Кавтарадзе, который запомнился своей решительностью, активностью, продуманностью действий и большим, чем у нас, опытом такого рода работы» [6, с. 55].

Н.И. Григулевич также с теплотой вспоминает о Диме Кавтарадзе, который «откликнулся незамедлительно на все мои просьбы, и помощь его была и по делу, и моральная, что иногда важнее» [6, с. 84].

Значительный интерес также представляют биографии и характеристики общественных активистов, сыгравших решающую роль в становлении и развитии добровольческого природоохранного движения в рамках деятельности дружины.

Следует отметить, что мотивация участия в природоохранной добровольческой деятельности дружинников была разнообразной, но некоторые воспоминания позволяют подтвердить мнение о равнодушии, заинтересованности и желании молодых людей принимать участие в важнейших общественных процессах. Так, А.К. Агаджанян вспоминает: «Чем я руководствовался, начав сотрудничать с дружиной? Мне казалось, что, во-первых, это дело нужное, а во-вторых – неприятное. Именно поэтому я стал принимать в этом участие: не хотел стоять в стороне от таких трудных, но одновременно с этим нужных дел. Раз мои близкие друзья этим занимаются, я тоже считал себя обязанным включиться. Мы старались, полагая, что мы должны друг друга поддерживать» [6, с. 53].

Добровольческая деятельность в дружине позволила её участникам расширить круг общения, найти единомышленников в рамках реализуемых экологических проектов, вовлекаясь тем самым в сферу лично значимых отношений и практику успешного взаимодействия. Так, Н.В. Маркина в своих воспоминаниях пишет о том, что дружина научила ее общению с людьми, взаимодействию с разными организациями, в том числе бюрократическими, давала навыки полевой работы и полевой жизни, общения с природой. Она воспитывала настоящую преданность своему делу, учила самоотдаче. «Мы на самом деле ставили интересы охраны природы выше личных интересов. Полностью выкладывались, забывали про свою личную жизнь, в том числе многие – и про учебу. Сейчас я думаю, что в таком отношении был некий перебор. Возможно, мы многое теряли для гармоничного развития своей личности в том возрасте, в котором мы тогда находились. Я думаю, что приобретали мы больше, чем теряли, но и теряли что-то тоже» [6, с. 132].

Особое внимание в воспоминаниях обращается на приобретенный практический опыт добровольческой деятельности. Один из главных идеологов

дружины И.И. Забелин вспоминает: «В моей жизни дружина сыграла очень большую роль. Практически все навыки организационной работы, в том числе и работы с людьми, я приобрел в дружине... А кроме того, в дружине я нашел людей, близких мне по духу. Друзей. И жену» [6, с. 45].

Крайне важно отметить и то, как относились к добровольным дружинникам и реагировали на них. Так, Н.Н. Марфенин отмечает, что на биофаке к дружинникам относились в то время свысока, считая, что туда идут либо те, кто хочет испытать власть над людьми (инспектируемыми), либо неспособные заниматься своей основной профессиональной деятельностью [5, с. 56].

Е.Д. Краснова подчеркивает противоречивость общественного мнения в отношении дружинников: «Общественное мнение было разным. Те, кто мало знал о дружине, почему-то считали, что все дружинники только и делают, что пьяными бегают за браконьерами, и что это дело недостойно будущих ученых, каковыми являются студенты МГУ. То есть “беготня за браконьерами” была не в почете. Полагали, что сами дружинники постреливают и браконьерят» [6, с. 104].

Таким образом, студенческие добровольные дружины обозначили первый этап развития отечественного природоохранного добровольческого движения до 1985 г. Организованная добровольческая природоохранная деятельность посредством общественных объединений оказала существенное влияние на развитие всего движения в целом по стране. И использованные воспоминания активистов дружины позволяют в полной мере дополнить источниковую базу по рассматриваемой проблеме, воссоздавая целостную картину истории природоохранного добровольческого движения. Данный источник имеет большое значение для изучения одной из страниц становления института добровольчества в области природоохранной деятельности, поскольку ярко иллюстрирует внутреннюю жизнь дружины охраны природы биологического факультета МГУ в 1960–1980-е гг.

Библиографический список

1. *Виноградов А.В., Зимин В.А.* История российского общественного экологического движения. – Самара: Офорт, 2008. – 388 с.
2. *Жирнова К.А.* Из истории зарождения экологического движения в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 98–103.
3. *Калита А.Н.* Экологическое движение и их роль в обеспечении экологической безопасности России // Проблемы обеспечения экологической безопасности: сб. науч. тр. / под ред. В.М. Лопатина. – М.: НИИ ГП РФ, 2003. – С. 71–75.
4. *Мухачев С.Г., Забелин С.И.* И мир пройдет по нашим вехам. – М., 2001. – Вып. 2 (11). – 112 с. – (Сер.: Охрана живой природы).

5. Общественное экологическое движение России: справ. пособие / Н.Г. Рыбальский, Е.Д. Самотесов, Ю.Ю. Галкин и др.; под ред. А.К. Смирнова. – М.: Экология, 1995. – 128 с.

6. Помнишь, как это было?..: Сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ / сост. А.В. Иванов. – М., 2011. – 254 с.

7. *Пушкина Н.* Добровольцы в экологическом движении: дилетанты и профессионалы // Агентство социальной информации: информационно-аналитический бюллетень. – 2002, январь. – № 25 (55). – С. 1–3.

8. *Рахилин В.К.* Природоохранное движение в России. – М.: Знание, 1985. – 40 с.

9. *Халий И.А.* Российское экологическое движение: этапы 20-летнего развития // Россия в окружающем мире. – М.: МНЭПУ, 2007. – С. 129–145.

10. *Яницкий О.Н.* Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 15–26.

References

1. Vinogradov A.V., Zimin V.A. Istoriya rossijskogo obshchestvennogo ehkologicheskogo dvizheniya. – Samara: Ofort, 2008. – 388 s.
2. ZHirnova K.A. Iz istorii zarozhdeniya ehkologicheskogo dvizheniya v Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii. – 2016. – T. 15. – № 2. – S. 98–103.
3. Kalita A.N. EHkologicheskoe dvizhenie i ih rol' v obespechenii ehkologicheskoy bezopasnosti Rossii // Problemy obespecheniya ehkologicheskoy bezopasnosti: sb. nauch. tr. / pod red. V.M. Lopatina. – M.: NII GP RF, 2003. – S. 71–75.
4. Muhachev S.G., Zabelin S.I. I mir projdet po nashim vekham. – M., 2001. – Вып. 2 (11). – 112 s. – (Ser.: Ohrana zhivoj prirody).
5. Obshchestvennoe ehkologicheskoe dvizhenie Rossii: sprav.posobie / N.G. Rybal'skij, E.D. Samotesov, YU.YU. Galkin i dr.; pod red. A.K. Smirnova. – M.: EHkologiya, 1995. – 128 s.
6. Pommish', kak ehto bylo?..: Sbornik vospominanij druzhinnikov DOP MGU / sost. A.V. Ivanov. – M., 2011. – 254 s.
7. Pushkina N. Dobvol'cy v ehkologicheskom dvizhenii: diletanty i professionaly // Agentstvo social'noj informacii: informacionno-analiticheskij byulleten'. – 2002, yanvar'. – № 25 (55). – S. 1–3.
8. Rahilin V.K. Prirodoohrannoe dvizhenie v Rossii. – M.: Znanie, 1985. – 40 s.
9. Halij I.A. Rossijskoe ehkologicheskoe dvizhenie: ehtapy 20-letnego razvitiya // Rossiya v okruzhayushchem mire. – M.: MNEHPU, 2007. – S. 129–145.
10. YAnickij O.N. EHvolyuciya ehkologicheskogo dvizheniya v sovremennoj Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. – 1995. – № 8. – S. 15–26.

ОСВЕЩЕНИЕ ПЕРВОГО ВИЗИТА Н.С. ХРУЩЁВА В США АМЕРИКАНСКИМИ И СОВЕТСКИМИ ГАЗЕТАМИ (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды»)

В статье анализируется около сотни публикаций, вышедших с июня по октябрь 1959 г. в газетах «Правда» и «Нью-Йорк таймс» с целью проследить, как советские и американские газеты освещали первый в истории визит советского руководителя Н.С. Хрущёва в США. Исследование данного исторического события представляет собой необходимый для полного понимания коммуникативных практик в СМИ во время холодной войны. Автор рассматривает ход визита, что позволяет лучше выявить методы, используемые газетами в освещении событий. В конце статьи делается вывод о том, что «Нью-Йорк таймс» представляла читателям более объективное отражение событий, чем «Правда», которая освещала поездку исходя из идеологических воззрений партии, а поэтому часто замалчивала неудобные происшествия или умышленно трактовала их в ином смысле.

Ключевые слова: Хрущёв, первый визит в США, «Правда», «Нью-Йорк таймс», пропаганда, холодная война, оттепель.

Отношения между СССР и США после смерти В.Г. Сталина находились в активной фазе холодной войны, поэтому перед новым руководством СССР помимо решения внутрисполитических вопросов также ставились задачи по урегулированию внешних кризисов, среди которых были германские и берлинские проблемы.

В начале 1959 г. внеочередной XXI съезд КПСС констатировал: «В деле разрядки международной напряженности особо важное значение имеет улучшение отношений между США и Советским Союзом. Для улучшения взаимопонимания и установления дружественных отношений между государствами важную роль могут играть расширение торговли, культурных связей, а также личные контакты государственных и общественных деятелей» [7, с. 124–125]. Следуя этому решению, Н.С. Хрущёв принимает приглашение отправиться с официальным визитом в США. «Американское турне» Хрущёва продлилось 13 дней – с 15 по 27 сентября 1959 г.

По итогам американского визита Хрущёва в СССР было издано несколько книг, содержащих описание его поездки, речи, беседы, фотографии, среди которых книга самого Н. Хрущёва «Жить в мире и дружбе» (1959) и книга сопровождавших его журналистов А. Аджубея, Н. Грибачева, Г. Жукова и др. «Лицом к лицу с Америкой» (1960), но все они трактуют события согласно пропагандистским установкам коммунистической партии.

Большой интерес представляют мемуары Н. Хрущёва «Время. Люди. Власть» (1999), надиктованные им уже на пенсии; мемуары его сына, С. Хрущёва, написавшего трилогию об отце (2010); воспоминания «Язык мой – друг мой» (2008) В. Суходрева, одного из личных переводчиков Н. Хрущёва, а также серия интервью Ричарда Таунсенда Дэвиса [11], работавшего главой дипломатической службы США во время визита Хрущёва, а после – послом США в Польше, и главного редактора «Нью-Йорк таймс» в то время Тернера Катледжа (1971).

Поездка Хрущёва по США действительно стала историческим событием, поскольку это был первый визит главы советского правительства в Америку. Во время этой поездки коммунистическая и капиталистическая идеологии впервые оказались в непосредственной близости, столкнулись друг с другом: американцы своими глазами увидели «коммуниста № 1» (такое прозвище они дали Хрущёву), а советские журналисты, входящие в пресс-пул первого секретаря, имели возможность изучить американский образ жизни.

С 12 сентября 1959 г. «Правда» меняет верстку первой страницы на 13 дней. В шапку каждого номера помещались сначала крупные заголовки-лозунги, за ними следовали небольшие информационные заметки о ходе визита. Например, 15 сентября подобная информационная заметка сообщала: «Славные победы советского народа служат делу мира. Сегодня Н.С. Хрущёв отбывает с визитом в США. Счастливого пути, наилучших успехов!», а на следующий день, 16 сентября: «Америка приветствует высокого гостя. Прибытие Н.С. Хрущёва в Вашингтон». «Нью-Йорк таймс» также помещала фотографии и сообщения о поездке Хрущёва каждый день на первой полосе. Заголовки передовиц тоже были посвящены Хрущёву все 13 дней.

В Вашингтоне Хрущёва встретили прохладно. Люди выходили на улицу, потому что им было любопытно посмотреть на Хрущёва вживую, однако большого числа восторженной публики «коммунист номер один» не получил. Советские журналисты объяснили это тем, что за несколько минут до Хрущёва по его маршруту ездил специальная машина с плакатом «Никаких приветствий, никаких аплодисментов – будьте вежливы и молчаливы» [1, с. 137]. Однако «Правда» сделала всё возможное, чтобы сгладить этот факт, и 17 сентября выпустила материалы с заголовками: «Миссия мира и дружбы», «Вашингтон не видел ещё такой встречи», «Эти беседы войдут в историю», «Радость для всех людей», «Дышать стало легче» и т. д.

На следующий день после прибытия Хрущёва в США «Нью-Йорк таймс» вышла с большой статьёй «Кампания мистера Хрущёва», где говорилось, что «явно гордясь своей властью, усиленной запуском советской лунной ракеты, и с абсолютной уверенностью в конечном триумфе коммунизма над обречённым капитализмом, энергичный советский правитель постоянно призывает к “миру и дружбе”... но он ни разу не сделал того, чего сам требует от Соединённых Штатов» [18]. Газета комментировала первое выступление Хрущёва в Национальном клубе печати в Вашингтоне сразу после приезда, отметив, что Хрущёв заявляет на публике одно, а по факту делает совершенно другое – как в ситуации с разделением Германии, так и в Венгрии.

Предложенную Хрущёвым 18 сентября на Генеральной Ассамблее ООН программу разоружения – Декларацию советского правительства – газета, как почти всё американское сообщество, восприняла негативно. СССР предлагал программу разоружения ещё в конце 1920-х – начале 1930-х гг., однако эти предложения не поддерживались другими странами. Хрущёв попробовал ещё раз вынести на рассмотрение подобную программу. Под всеобщим полным разоружением советское правительство понимало «отказ всех без исключения государств от содержания каких бы то ни было вооружённых сил, кроме минимальных контингентов внутренней охраны (милиция, полиция), вооружённых легким стрелковым оружием, предназначенным для поддержания порядка внутри каждой страны» [3]. Советский Союз призывал распустить все военные силы и ведомства всех стран, запретить производство и использование атомного, водородного, химического оружия, ликвидировать военные базы на территориях других государств, уничтожить все виды вооружений и боевых запасов стран и т. д. Описывая выступление Хрущёва в ООН, «Правда» заявляла: «старожилы ООН, дипломаты, работающие здесь со времён основания этой организации, не могут припомнить выступление какого-либо другого государственного деятеля, которое произвело бы такое исключительное впечатление, как выступление Н.С. Хрущёва» [2], но личный переводчик Хрущёва, В. Суходрев, вспоминал: «После выступления Хрущёва делегаты вежливо поаплодировали. А вот наши пропагандисты потом всю раздували тезис о том, что такой яркой, незабываемой исторической речи не было за всю историю Организации Объединённых Наций» [8, с. 69]. «Нью-Йорк таймс», в свою очередь, описало выступление так: «Индусы и большинство азиатских и африканских делегаций аплодировали, когда премьер закончил своё выступление, но США и большинство западных делегаций никак не отреагировали на это выступление» [17]. В предложении Хрущёва другой американский журналист, долго

путешествовавший по Советскому Союзу, Гарри Шварц (которого советские журналисты описывали как «человека с бойким пером и необузданной фантазией по части антисоветских выдумок» [1, с. 168]), видит в действиях СССР стремление не к абсолютному миру путём всеобщего разоружения, а к экономической наживе. «Нью-Йорк таймс» публикует его статью, где говорится, что Советский Союз, очевидно, надеется, что всеобщее разоружение «вызовет цепную реакцию, ведущую к массовой безработице и сильной депрессии в капиталистических странах из-за прекращения военного производства» [13], поэтому капиталистическим странам придётся сбывать свою продукцию на коммунистические рынки, даже если для этого потребуется предоставить крупные кредиты. А в редакционной статье газета замечает: «Советы все еще стремятся к одностороннему западному разоружению, основанному на бумажных пактах» [15]. В другой редакционной статье через несколько дней предложение, озвученное в ООН, «Нью-Йорк таймс» назвала «хрущёвским кроликом» [14], сравнив лидера СССР с фокусником, который на потеху публике достаёт кролика из шляпы.

В «Правде» ни слова не говорится о том, что предложение советского лидера было воспринято отрицательно. Газета продолжает объяснять читателям, что «Декларация советского правительства всеобщего и полного разоружения – путь к избавлению человечества от бедствий войны» [6]. Используя традиционный пропагандистский для советской прессы стиль, «Правда» публикует письма рабочих, которые желают Хрущёву успехов в его поездке, объединяя все материалы под характерным обобщающим заголовком «Так думают все советские люди». Ниже публикуется статья от советских корреспондентов, находящихся в США, «Жить как добрые соседи», сообщающая, что все американские газеты только и говорят, что о приезде Хрущёва и исключительно позитивно оценивают его действия: «Вся Америка с огромным вниманием прислушивается к каждому слову, сказанному высоким советским гостем... из уст в уста передаётся обнадеживающая весть: “Советский премьер внёс предложение о всеобщем и полном разоружении”. Всеобщее и полное разоружение! Каким облегчением было бы оно для рядового американца, уставшего от непосильного бремени гонки вооружений, возложенного на его плечи» [5].

20 сентября 1959 г. в США произошёл инцидент, который советские пропагандисты описывали как большой скандал. Шеф полиции Лос-Анджелеса сообщил, что не может обеспечить достойную защиту советского премьера во время его поездки в Диснейленд, поэтому ее рекомендовано отменить. Как вспоминал Суходрев, Хрущёв не на шутку обиделся из-за подобного запрета, заявив на завтраке у Спираса Скураса (директора киностудии

«XX век Фокс») в Голливуде, что, возможно, ему не рады в Америке. Скандал вокруг Диснейленда усугублялся речью мэра Лос-Анджелеса Норриса Поулсона на званном ужине 19 сентября. Поулсон начал свою речь с напоминания о том, что Хрущёв пообещал закопать США и другие страны «свободного мира». Напомнил он и о «венгерском вопросе». Мэр заверил Хрущёва в том, что он и другие американцы «будут сражаться до конца», защищая «свободный мир». Хрущёв не ожидал такого открытого противостояния и в запале заявил: «Если вы не принимаете нашей идеи борьбы за мир, за укрепление дружественных отношений между нашими странами, может быть, нам уехать домой, и пусть тогда все знают, кто на деле хочет мира и дружбы, а кто препятствует этому» [4]. «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком на всю полосу «Хрущёв грозит вернуться домой; предупреждает о советских ракетах; ставит вопрос о войне или мире с США». В статье иронично отмечается, что «возможно, впервые именно Диснейленд вызвал разногласия в советско-американских отношениях» [15]. 22 сентября «Правда» публикует большой репортаж под заголовком «Чудеса вокруг “Страны чудес”». Почему Н.С. Хрущёву было отказано в поездке в Диснейленд? Автор статьи Борис Стрельников рассказывает, что он сам отправился в Диснейленд, чтобы поговорить с местной полицией, которая удивилась такому решению официальных лиц, ведь она была готова обеспечить безопасность Хрущёва. Автор также рассказал, как «горько сожалели люди, которые толпами специально приехали в Диснейленд, чтобы встретиться с премьером». В конце Стрельников делает вывод: «...очевидно, это не по душе определённым американским кругам, пытающимся отправить атмосферу исторического визита» [9]. Интересно, но «Правда» ни слова не сообщала о холодном приёме, оказанном Поулсоном. А журналисты, сопровождающие Хрущёва в поездке, в книге «Лицом к лицу с Америкой» поспешили добавить: «Позицию Поулсона, однако, не разделяли жители Лос-Анджелеса, простые американцы по всей стране. Люди говорили немало сильных слов, осуждающих господина Поулсона» [1, с. 293].

Из Сан-Франциско советский лидер отправился в Айову, посетил кукурузные поля Росузла Гарста, затем пообщался с рабочими на заводе в Питтсбурге и вернулся в Вашингтон, где провёл две закрытые встречи с президентом Эйзенхауэром. К сожалению, переговоры лидеров стран не привели к серьёзным результатам. СССР и США так и остались на своих позициях по поводу ситуации с разделением Германии и Берлина, торгово-экономических отношений, американо-китайских отношений и ситуации вокруг Тайваня. Тем не менее результатом поездки стало подписание советско-американского коммюнике. «Председатель

совета министров СССР и президент Соединённых Штатов согласились, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путём применения силы, а мирными средствами (путём переговоров)», – сообщила «Правда». Советской прессе была дана установка на сближение советско-американских отношений, а американские журналисты заметно снизили уровень критики СССР. Заголовки «Правды» призывали: «Объявить вне закона “холодную войну” – повсюду и навсегда!», сообщали, что «между нашими странами должен быть вечный мир», «укрепилась вера в необходимость мирного сосуществования», «наступает разрядка напряжённости», «советские предложения поддерживают все народы» и т. д. «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье 28 сентября замечала, что несмотря на негативные ожидания, визит «господина Хрущёва в эту страну привёл к прогрессу»: «Мы не верим, что этот визит поможет забыть все коммунистические бесчинства. Но будущее советско-американских отношений сейчас выглядит намного лучше благодаря этому потрясающему визиту» [12].

Визит Хрущёва оказался мало полезен в плане решения дипломатических задач, однако чрезвычайно важен для укрепления советско-американских отношений в целом. В освещении визита «Правдой» и «Нью-Йорк таймс» как никогда чувствуются различия в коммуникативных практиках США и СССР. Если «Правда», как и все советские издания, продолжала публиковать лишь пропагандистские материалы с лозунгами-заголовками, в которых разными способами рассказывалось о мощи Советского Союза, его лидера и восхищении американцев перед Хрущёвым, то «Нью-Йорк таймс», хотя и имела заранее предвзятое мнение, всё равно отражала более реальную картину происходящего.

Все статьи в «Правде» об американском визите написаны высокопарным слогом, повторяют основные советские установки и не допускают описания любых курьёзных моментов, в которые неоднократно попадал Хрущёв. Советская пресса замалчивала неудобные ситуации и сглаживала невыгодные моменты, как, например, связанные со встречами в Вашингтоне или выступлением в ООН. Большое внимание в «Правде» было уделено инциденту с Диснейлендом, тогда как американская сторона не видела в ситуации никакого скандала и начала реагировать на него уже после советских заметок. Освещая визит, «Правда» публиковала либо официальные речи Хрущёва и принимающих его высокопоставленных лиц, либо восторженные мнения американцев. Краткие информационные сообщения с ходом визита публиковались лишь на первой странице газеты.

Американских же журналистов Хрущёв интересовал в первую очередь как человек, а уже по-

том как лидер СССР, поэтому в «Нью-Йорк таймс» можно найти серию материалов, описывающих быт семьи Хрущёва во время поездки по США. Одна из статей рассказывает про Нину Хрущёву, которая ходила по магазинам, пока её муж был занят. Автор статьи в мельчайших деталях описывает, что она купила и как расплачивалась (деньги доставала из специального конверта, купила нейлоновые чулки), даже какими купюрами она рассчитывалась [16]. Другая статья сообщает о сыне Хрущёвых, Сергее, которому хозяин одного из американских магазинов подарил серию редких бабочек, поскольку Сергей их коллекционировал. Особую популярность получил материал о Хрущёве и хотдоге, который он попробовал во время посещения Айовы. Американские корреспонденты подробно описали, что хотдог был с горчицей. А фотографии, на которых Хрущёв ест «тот самый» хотдог или размахивает початком кукурузы, появились во всех американских газетах.

Несмотря на то, что «Нью-Йорк таймс» была антикоммунистически настроенным изданием, газета всегда ставила на первое место свою информационную составляющую, свободную от чьего-либо мнения. Поэтому она публиковала много нейтральных по характеру информационных заметок обо всех действиях Хрущёва в США – будь то переговоры, посещение памятных мест или экскурсии. Серьёзные журналисты типа Джеймса Рестона писали аналитические статьи, стремясь объяснить поступки и постигнуть характер Хрущёва. Подводя итоги визита, Рестон назвал Хрущёва человеком, который «приехал, чтобы учить других, а не учиться самому», и «не с оливковой ветвью в руке, а со спутником»: «Это невероятный спектакль. Он будет сотрудничать с нами на Луне, но не на Земле. Не доверяя нам, он просит полностью поверить ему. Он хочет говорить о наших грехах, но не о своих собственных... Всё равно он сделал этой стране невероятный подарок своим приездом. Возможно, его приезд рассеет нашу иллюзию, что мы имеем дело с пьяным крестьянином, который силой захватил власть и не понимает теперь своего положения» [10].

Несмотря на старания советских пропагандистов изменить мнение американцев об СССР, визит Хрущёва лишь показал, как были далеки друг от друга США и СССР в идеологическом плане и социальном развитии. Полностью подчинённая коммунистической партии советская пресса не могла противостоять частным американским изданиям, которые могли позволить себе публиковать различные мнения. Поэтому публикации в «Нью-Йорк таймс» можно назвать более объективными и исторически верными, чем пропагандистские материалы «Правды».

Однозначно то, что своим визитом Хрущёв действительно сделал первый шаг на пути к разрядке международных отношений.

Библиографический список

1. *Адзубей А.* Лицом к лицу с Америкой. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960.
2. Большой день на генеральной ассамблее ООН // Правда. – 1959. – 19 сент.
3. Декларация советского правительства о всеобщем и полном разоружении 1959 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon.7law.info/base29/part3/d29ru3999.htm>.
4. *Емельянов Ю.* Хрущёв. Смутьян в Кремле. – М.: Вече, 2005.
5. Жить как добрые соседи // Правда. – 1959. – 19 сент.
6. Заголовок третьей полосы // Правда. – 1959. – 19 сент.
7. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. – М.: Гос. изд-во полит. лит. – 1959.
8. *Суходрев В.* Язык мой – друг мой. – М.: Тончу, 2008.
9. Чудеса вокруг «Страны чудес»: Почему Н.С. Хрущёву было отказано в поездке в «Диснейленд» // Правда. – 1959. – 22 сент.
10. Agreement to keep talking is the main result of the U.S. visit by Khrushchev // The New York Times. – 1959. – 28 Sept.
11. Library of congress / Interviewed by Peter Jes-sup. – 1979. – November 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.loc.gov/item/mfdip-bib000268>.
12. How much progress? // The New York Times. – 1959. – 28 Sept.
13. Economic Burden is said to underlie Soviet Arms plan // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.
14. Khrushchev's Rabbit // The New York Times. – 1959. – 22 Sept.
15. Khrushchev threatens to return home; warns coast audience of soviet rockets; puts question of war or peace to U.S. // The New York Times. – 1959. – 20 Sept.
16. Mme. Khrushchev breaks away. She purchases gifts for grandchildren and some nylons // The New York Times. – 1959. – 22 Sept.
17. Mr. Khrushchev at the U. N. // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.
18. Mr. Khrushchev's Campaign // The New York Times. – 1959. – 17 Sept.
19. War Peril cited. Destruction of arms and abolition of all forces asked // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.

References

1. Adzhubej A. Licom k licu s Amerikoj. – M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1960.
2. Bol'shoj den' na general'noj assamblee OON // Pravda. – 1959. – 19 sent.
3. Deklaraciya sovetskogo pravitel'stva o vseobshchem i polnom razoruzhenii 1959 g. – Rezhim dostupa: <http://zakon.7law.info/base29/part3/d29ru3999.htm>.

4. Emel'yanov YU. Hrushchyov. Smut'yan v Kremle. – M.: Veche, 2005.
5. ZHit' kak dobreye sosedi // Pravda. – 1959. – 19 sent.
6. Zagolovok tret'ej polosy // Pravda. – 1959. – 19 sent.
7. Materialy vneocherednogo XXI s"ezda KPSS. – M.: Gos. izd-vo polit. lit. – 1959.
8. Suhodrev V. YAzyk moj – drug moj. – M.: Tonchu, 2008.
9. CHudesa vokrug «Strany chudes»: Pochemu N.S. Hrushchyovu bylo otkazano v poezdke v «Disnejlehnd» // Pravda. – 1959. – 22 sent.
10. Agreement to keep talking is the main result of the U.S. visit by Khrushchev // The New York Times. – 1959. – 28 Sept.
11. Library of congress / Interviewed by Peter Jessup. – 1979. – November 9 [EHlektronnyj resurs]. – <https://www.loc.gov/item/mfdipbib000268>.
12. How much progress? // The New York Times. – 1959. – 28 Sept.
13. Economic Burden is said to underlie Soviet Arms plan // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.
14. Khrushchev's Rabbit // The New York Times. – 1959. – 22 Sept.
15. Khrushchev threatens to return home; warns coast audience of soviet rockets; puts question of war or peace to U.S. // The New York Times. – 1959. – 20 Sept.
16. Mme. Khrushchev breaks away. She purchases gifts for grandchildren and some nylons // The New York Times. – 1959. – 22 Sept.
17. Mr. Khrushchev at the U. N. // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.
18. Mr. Khrushchev's Campaign // The New York Times. – 1959. – 17 Sept.
19. War Peril cited. Destruction of arms and abolition of all forces asked // The New York Times. – 1959. – 19 Sept.

ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ США В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АССИМИЛЯЦИИ ЛАТИНОС (по материалам слушаний в конгрессе США в первой половине 1980-х годов)

Внимание правительства США к проблеме адаптации детей латиноамериканских иммигрантов начало появляться в середине 1960-х годов после массовых выступлений меньшинств за свои гражданские права. Правительством с подачи Демократической партии были инициированы образовательные программы помощи латиноамериканским детям. Нелегальный статус не позволял их родителям трудоустроиться даже с минимальной зарплатой, вследствие чего дети бросали среднюю школу, не получив сертификата об окончании учебного заведения. Благодаря общественности наряду с государственными программами в середине 1980-х годов начали работать частные образовательные фонды по продвижению талантливых детей и помощи им при поступлении в колледжи и университеты. Именно при переходе от среднего образования к высшему латиноамериканские студенты испытывали наибольшие трудности. Автор приходит к выводу, что противостояние Демократической и Республиканской партии в вопросе обучения латинос выразилось в принятии компромиссного варианта закона «О двуязычном образовании» 1984 г. Администрация Р. Рейгана настаивала на введении обучения только на английском языке, в то время как демократы и испаноязычная группировка в конгрессе продвигали программы двуязычного образования.

Ключевые слова: двуязычное образование, латинос, конгресс, гражданские права, частные и федеральные фонды, ассимиляция, высшее образование.

Проблема ассимиляции испаноязычного населения стала приобретать все большее внимание политических кругов США с 1980-х годов, когда американское общество начало реагировать на усиление миграционного потока из стран Латинской Америки и Мексики [13, с. 20]. Неутешительные статистические данные о наплыве нелегальных иммигрантов подтолкнули республиканскую администрацию Р. Рейгана обратить внимание на требование демократической оппозиции активизировать законотворческий процесс в отношении латиноамериканского населения США. Одно из базовых направлений работы касалось вопроса о двуязычном образовании, призванном устранить языковые и культурные различия. Попытка встроить латиноамериканцев в американское общество протекала в условиях разделенного правления, когда в своем стремлении ограничить гражданские требования испаноязычных политических лидеров президент столкнулся с сопротивлением демократической оппозиции в конгрессе, придерживавшейся иного взгляда на решение вопроса. Методологически для нас были важны положения, сформулированные И.К. Лапшиной, о роли разделенного правления в принятии законов.

Американские ученые двигались по пути изучения отдельных этнических и национальных групп, участвовавших в борьбе за свои гражданские права. В 1960-е годы это были в основном афроамериканцы. Латиноамериканцы, составляя небольшой процент от общего населения США, существенно на движение сопротивления не влияли. Поэтому к их положению ученые начали обращаться с конца 1970-х годов. С 1980-х годов исследования стали вестись под углом ответа на вопрос, возможна ли ассимиляция испаноамериканцев, при каких условиях, а если нет, то почему [12].

Крупной обобщающей работой того периода стал труд «Мексикано-американский опыт», содержащий статьи ведущих ученых в области исследования латинос. Он охватывал широкий круг проблем, в том числе двуязычное образование.

В статье Кери Дэвиса и Карла Хауба, вошедшей в коллективный сборник, посвященный положению латиноамериканцев в США, авторы рассмотрели взаимосвязь между образованием латинос и их ассимиляцией. Они пришли к выводу, что причина низкого уровня образования испаноязычных американцев, так же как и слабой ассимиляции, лежит в разности их менталитета с неиспаноязычными жителями США. Для подтверждения своего утверждения они сослались на статью в «Уолл Стрит Джорнал». В ней отмечалось, что когда у латиноамериканца рождался ребенок или он покупал машину, соплеменники считали его успешным человеком. При получении латиноамериканцем ученой степени от него могли отвернуться родственники и друзья, считая такое поведение предательством ценностей испаноязычной общины [10].

В одном из последних исследований Барбары Шнайдер, Сильвии Мартинез и Энн Оунс, опубликованном в сборнике «Латиноамериканцы и будущее Америки» [11], вопрос образования представлен под углом невозможности латинос одновременно решать свои материальные проблемы и получать образование. В результате они, по мнению авторов исследования, не способны влиться в американское общество и жить по его законам.

В отечественной историографии вопрос о двуязычном образовании латиноамериканцев и их ассимиляции всесторонне не изучался. Однако в трудах ведущих американистов по проблемам этнических и национальных меньшинств был сделан существенный вклад в осмысление теоретического

аспекта (З.С. Чертина, С.А. Червонная, И.А. Геевский и другие) [3; 4; 5].

Целью данной статьи является рассмотрение подходов ведущих политических партий к вопросу образования для испаноязычного населения США в первой половине 1980-х годов на основе дебатов в конгрессе.

В решении вопроса ассимиляции латиносов одной из наиболее значимых проблем стала неспособность большей части латиноамериканских иммигрантов дать ребенку качественное образование по причине занятости преимущественно в низкооплачиваемых секторах экономики. Политические разногласия между демократами и республиканцами по вопросу образования латиносов проявились с середины 1960-х годов в связи с принятием закона «О двуязычном образовании» 1968 г., который лишь на бумаге обеспечивал защиту интересов испаноговорящих школьников [6]. За год до этого, в 1967 г., на волне борьбы за гражданские права в стране начали работать специальные программы государственной поддержки незащищенных слоев населения. В то время наиболее бесправными считались дети трудовых мигрантов. В результате часть 3 закона «Об экономических возможностях» 1964 г. (PL 88-452) была дополнена поправкой о предоставлении всем вовлеченным сторонам необходимых ресурсов для исправления экономического неравенства. В частности, подразделение по миграционным вопросам Отдела экономических возможностей внедрило в практику в 1967 г. «Программу по обеспечению равной доступности старшей школы» (the High School Equivalency Program, НЕР) для латиноамериканских детей. С ее помощью отчисленные из школ дети фермерских рабочих испаноязычного происхождения могли впоследствии получить диплом об окончании старшей школы, что открывало им возможность трудоустроиться. В целях обеспечения доступа латиносов в колледжи в 1972 г. федеральным центром была создана более широкая «Программа по содействию поступления в колледжами грантов» (Collage Assistance Migrant Program). Она охватывала разнорасовый контингент абитуриентов, в том числе и латиноамериканцев. Благодаря ей испаноязычные студенты могли успешно завершить свой первый учебный год с перспективой получения степени. Именно начальная ступень обучения для них была критической вследствие дефицита финансов и базовых знаний. В дальнейшем, если студент успешно закрывал сессию, программа продолжала покрывать расходы по его обучению. Она активно внедрялась в частном университете Св. Эдварда в Остине (штат Техас). Обе эти программы (НЕР, САМР) укрепляли в сознании латиноамериканцев идею о доступности для них высшего образования, поскольку предусматривали предоставление латиносов жилья, консультационно-координационного и ме-

дицинского сопровождения, академического репетиторства, питания, стипендий и грантов, покрытия транспортных расходов. В 1981 г. ходе слушаний в палате представителей по вопросам высшего образования их участниками было отмечено, что в попытках ассимилировать латиноамериканцев в американское общество не стоит забывать о предоставлении им равных возможностей. Однако Р. Рейган не поддержал инициативу демократического крыла в конгрессе профинансировать данные программы в 1983 г. Участник слушаний Карлос А. Гуффейн, президент «Национальной ассоциации НЕР/САМР», раскритиковал позицию президента. Он подчеркнул, что «...по сравнению с пятидесятиллионными тратами государства на военные кампании, необходимая на образование малообеспеченных граждан сумма в 7 миллионов долларов не столь критична для американского бюджета» [9]. Кроме выше упомянутых программ успешно функционировали частные и государственные фонды. Специалисты проекта «Шанс» («A Better Chance») выявляли талантливых старшеклассников среди национальных меньшинств, а представители трехкомпонентной федеральной программы «Трио» (Upward Bound, Talent Search and Special Service) отбирали потенциальных студентов, в том числе с ограниченными возможностями.

В 1970-е годы латиноамериканцы не числились в планах высших учебных заведений по приему студентов. Тогда не было ни одного их представителя среди президентов, ректоров, проректоров, деканов, помощников деканов в административном аппарате вузов США [9, с. 18]. Двадцать лет испаноязычные организации и группы активистов боролись за продвижение представительства латиноамериканцев в сфере высшего образования.

В этот период вопросы по улучшению положения испаноязычных студентов не стояли на повестке дня ни в одном учебном заведении высшего образования. По данным Американского бюро цензов, в 1970 г. в колледжах и университетах США насчитывалось менее 100 000 студентов с испанскими фамилиями, из которых только 500 человек обучались в университетах. С 1972 г. возобладала тенденция сокращения количества и без того многочисленных испаноязычных студентов колледжей. К 1979 г. падение по сравнению с 1972 г. превысило 32 %. Тогда латиносы составляли только 13 % от общего студенческого контингента по стране [9, с. 8]. Такое явление в некоторой степени явилось следствием снижения активности меньшинств в борьбе за свои гражданские права.

Десятилетие спустя ситуация едва ли улучшилась. Факультеты с испаноязычным присутствием составляли только 1,4 %. По мнению всех участников слушаний 1982 г., без поддержки со стороны руководства факультетов и администрации университетов и колледжей вопросы в отношении

латиноамериканских студентов не могли быть решены. Организации латинос в сфере образования совместно с «Коалицией испаноязычных в сфере высшего образования» подчеркнули, что вопрос положения латинос недостаточно разрабатывался независимыми исследователями [9, с. 6]. Поэтому несколько законодательных инициатив по поддержке малоимущих обошли вниманием латиноамериканцев.

Спустя почти четверть века федеральному правительству так и не удалось обеспечить доступность среднего и высшего образования для испаноязычных граждан США. Впервые за всю историю страны основные проблемы, назревшие в этой сфере, были вынесены на обсуждение в рамках слушаний в конгрессе США в 1982 г. в годы президентства Р. Рейгана [9, с. 6]. Они проводились подкомитетом по вопросу высшего образования палаты представителей в условиях разделенного правления, когда большинство мест там принадлежало демократам [2]. На заседании присутствовали руководители колледжей, общественных правозащитных организаций, конгрессмены, в том числе члены латиноамериканского кокуса в конгрессе. Слушания возглавил Пол Саймон, председатель подкомитета по высшему образованию (Иллинойс). Проблема обучения латиноамериканцев, по мнению конгрессмена Кика де ла Гарза (Техас), всегда оставалась на задворках политического дискурса. Американскому большинству необходимо было уже тогда признать, что это не просто частный региональный вопрос, но национальная проблема, решение которой отвечало общественным интересам технологического развития страны.

В результате слушаний предполагалось привлечь внимание общественности и политического сообщества к проблеме образования латинос в целом и высшей школы в частности. Полемика начала 1980-х годов на уровне подкомитета в конгрессе свидетельствовала об усилении роли испаноязычного контингента в обсуждении назревших за истекший период проблем, касающихся образования для латинос, Ассимиляция большого наплыва иммигрантов с иной культурной и социально-экономической основой, в том числе нелегальных, возможна была только при условии как можно более раннего включения детей переселенцев в американский образовательный процесс. Фактор владения ими английским языком приобретал, таким образом, ключевое значение.

Это понимали действующая республиканская администрация в лице президента Р. Рейгана и демократическая оппозиция совместно с членами испаноязычного кокуса. Очевидно, ситуация разделенного правления стимулировала постановку данного вопроса со стороны демократической оппозиции. Именно их преимущественно поддерживал испаноязычный электорат.

В ходе слушаний латиноамериканский конгрессмен от штата Нью-Йорк Роберт Гарсия¹ подчеркнул комплексный характер проблемы, корень которой лежал в области взаимодействия испаноязычной общины с американским обществом. Выступая в подкомитете, председатель Комитета по сельскому хозяйству латиноамериканец Кика де ла Гарза (Техас) обратил внимание присутствовавших на необходимость учета федеральным правительством демографической тенденции развития страны и изменений, происходивших в структуре американской экономики. При ее ориентации на высококвалифицированный труд к началу 1980-х годов в США около 20 % школьников были выходцами из латиноамериканских семей. «Игнорирование и замалчивание этого факта, – подчеркнул К. де ла Гарза, – рискует ускорить поляризацию американского общества, которое окажется неспособным встретить вызовы меняющейся экономики» [9, с. 5].

На заседании затрагивались различные проблемы образования для латиноамериканцев, в том числе переполненность классов в приграничных с Мексикой школах, а также их сегрегированный характер, при котором более 50 % учащихся принадлежит к меньшинствам. Большинство докладчиков было отмечено слабое владение латиноамериканцами американской речью. Неотработанной оставалась система тестирования таких школьников на качество владения ими государственным языком. Во многих штатах реализация программ двуязычного образования ставилась под вопрос из-за отсутствия квалифицированных испаноговорящих учителей. В ряде школ они составляли не более 2 % от ее педагогического состава [9, с. 8]. В учебных заведениях, реализовавших билингвальный подход, наполненность классов и их укомплектованность не соответствовали нормам американского образования. Вместе с тем для латинос обучение на двух языках было жизненно необходимым условием, позволявшим многим окончить школу и поступить в колледж.

В ходе слушаний были выявлены проблемы, затруднявшие получение образования испаноязычными детьми. Во-первых, материальная неустроенность толкала мексиканцев, кубинцев и в первую очередь пуэрториканцев начинать работать уже после восьмого класса. Зачастую их образовательные показатели оставались на уровне начальной школы, а отставание от белых детей составляло в среднем два класса. Это приводило к тому, что школьники, переходившие в старшую школу, заканчивали ее в 25 лет и позже – среди мексиканцев в 1980 г. этот показатель составлял 43,2 % [9, с. 19].

Во-вторых, бесспорным фактором массового отчисления таких детей из школ было их проживание в районах со слабым финансированием учебных заведений. Существовавшая между ними и белыми учителями культурная разница и языко-

вой барьер приводили к взаимному непониманию. В результате на латинос навешивали ярлыки лиц со «слабыми умственными способностями» и намеренно не включали в группы по подготовке к академическим специальностям, а направляли в группы секретарей. Однако проведенные Министерством труда США исследования на предмет ограниченных интеллектуальных возможностей латиноамериканцев показали, что при прочих равных условиях они всего на 10 % реже находили работу по сравнению с белыми кандидатами [9, с. 21].

По мнению участников слушаний, увеличение латиноамериканцев среди выпускников старшей школы с 832 000 в 1975 г. до 1 054 000 в 1980 г. не отражало устойчивого перспективного тренда на фоне падения с 57,5 % до 53,5 % выпускников средней школы за аналогичный период [9, с. 17].

По мнению Артуро Мадрида, руководителя «Фонда по развитию высшего образования», школьным округам следовало улучшать подготовку абитуриентов к сдаче экзамена К-12 еще на ранних ступенях обучения [9, с. 17]. Балтазар Коррада, член Новой прогрессивной партии Пуэрто-Рико, напомнил участникам слушаний о проведенных членами кокуса латинос симпозиумах в конгрессе во время празднования ежегодной недели испаноязычного наследия и культуры (National Hispanic Heritage Week)². На них всеми участниками образование было признано приоритетным государственным направлением, в связи с чем требовалась федеральная поддержка испаноязычных семей, стремящихся отправить ребенка в колледж. При этом расходы правительства на высшее образование в начале 1980-х годов составляли всего 13,7 % от общего бюджета страны на образование [9, с. 2].

Участники слушаний сошлись во мнении, что латиноамериканцы не нуждались в разработке особых образовательных программ. Они наравне со всеми должны были получать классическое базовое высшее образование без каких-либо ограничений, а не в отдельных колледжах, где на эти цели были отведены ограниченные финансовые ресурсы. Несоблюдение такого подхода, по мнению Кика де ла Гарза, в будущем могло привести к расовым столкновениям наподобие тех, что были в 1965 году.

В ходе заседания подкомитета большинством выступавших была высказана идея о продолжении развития целевых государственных программ поддержки школьников и абитуриентов.

В заключение участники слушаний пришли к выводу о том, что основная проблема с образованием латиноамериканцев заключалась в их неспособности перейти из средней школы в высшую. Ее скорейшее решение смогло бы открыть доступ большей части латинос к высшему образованию. По мнению большинства выступавших, оплата школьного питания и привлечение испаноязычных

специалистов в образование позволило бы повысить качество подготовки будущих абитуриентов. По их мнению, первостепенной задачей являлось сохранение финансирования целевых двуязычных программ. На деньги федерального центра в школах необходимо создавать центры по проведению пробного тестирования по английскому и испанскому языкам, математике, чтению, письму на базе академических дисциплин, что помогло бы выпускнику справиться с требованиями колледжа. Помимо внешней финансовой поддержки самим вузам следовало формировать внутренние площадки по дополнительному консультированию меньшинств.

Слушания по проблемам доступа латиноамериканцев к высшему образованию способствовали прохождению соответствующего законопроекта о двуязычном обучении в конгрессе и принятию в 1984 г. закона «О двуязычном обучении» (PL 98-511). Столь долгожданный акт явился компромиссом демократов и латиноамериканской группировки в конгрессе с республиканцами по вопросу обучения детей латинос. Победа президента и Старой Великой партии выразилась в том, что федеральный бюджет помимо поддержки программ двуязычного обучения стал финансировать программы, разрабатывавшиеся в духе движения «Только на английском». Они навязывали детям этнических меньшинств преподавание школьных предметов только на государственном языке. Таким образом, разработчики программ добивались скорейшей ассимиляции латиноамериканцев. Новый закон притормозил череду побед про испаноязычных инициатив в образовании и осложнил участие латинос в образовательном процессе в Соединенных Штатах.

Примечания

¹ Роберт Гарсия представлял интересы жителей штата Нью-Йорк в палате представителей с 1978 по 1990 годы.

² Б. Коррада участвовал в работе следующих сессий конгресса: 95-й (1977–1979), 96-й (1979–1981), 97-й (1981–1983), 98-й (1983–1985).

Библиографический список

1. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. Г.В. Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.
2. *Лапина И.К.* Разделенное правление в США. – М., 2008. – 263 с.
3. *Геевский И.А., Червоная С.А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. – М., 1985. – 271 с.
4. *Чертина З.С.* Иммиграция и иммиграционное законодательство США: Социальные практики правоприменения и правоисполнения в мировой истории: сб. статей. – М.: ИВИ РАН, 2009. – 227 с.

5. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. – М., 2000. – 163 с.

6. Bilingual Education // Congress and the Nation: Guide to Congress. 1987–88. – Washington, 1989. – P. 657.

7. Community College: бюджетный способ получить высшее образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oncampus.ru/publicacii/community-college-byudzhetnyy-sposob-poluchit-vysshee-obrazovanie-v-ssha#ixzz3nDEeR5Ws> (дата обращения: 12.03.2015).

8. HISCIP Program Overview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dcpscollegereadiness.wordpress.com/hiscip/> (дата обращения: 10.10.2014).

9. Hispanics Access to Higher Education: Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 97th Congress, 2d sess., Hearing Held in Washington, D.C., on September 16, 1982. – Washington, 1983. – P. 49.

10. "Latins Rise in Number in U.S. but Don't Win Influence or Affluence" // Wall Street Journal. – 1982. – June 9.

11. Schhneider B., Martinez S. Barriers to Educational Opportunities for Hispanics in the United States [Электронный ресурс] // Hispanics and the Future of America National academic Press (US). – Washington (DC), 2006. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK19909/> (дата обращения: 17.12.2014).

12. Sowell T. Ethnic America: A History. – New York, 1981.

13. Spanish/Hispanic population in the U. S. 1971 to 2004. Current Population Reports Series [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – Режим доступа: <http://www.census.gov>. (дата обращения: 14.12.2007).

14. Selected Social Characteristics of Persons of Spanish Origin by March 1982 [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – Режим доступа: <http://www.census.gov>. (дата обращения: 14.12.2007).

15. The Mexican American Experience / R. O. de la Garza. – Austin, 1985. – 488 p.

References

1. Amerikana: Anglo-russkij lingvostranovedcheskij slovar' / pod red. G.V. Chernova. – Smolensk: Poligramma, 1996. – 1185 s.

2. Lapshina I.K. Razdelennoe pravlenie v SSHA. – М., 2008. – 263 s.

3. Geevskij I.A., Chervonnaya S.A. Nacional'nyj vopros v obshchestvenno-politicheskoj zhizni SSHA. – М., 1985. – 271 s.

4. Chertina Z.S. Immigraciya i immigracionnoe zakonodatel'stvo SSHA: Social'nye praktiki pravoprimiteniya i pravoispolneniya v mirovoj istorii: sb. statej. – М.: IVI RAN, 2009. – 227 s.

5. Chertina Z.S. Plavil'nyj kotel? Paradigmy etnicheskogo razvitiya SSHA. – М., 2000. – 163 s.

6. Bilingual Education // Congress and the Nation: Guide to Congress. 1987–88. – Washington, 1989. – P. 657.

7. Community College: byudzhetnyj sposob poluchit' vysshee obrazovanie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oncampus.ru/publicacii/community-college-byudzhetnyy-sposob-poluchit-vysshee-obrazovanie-v-ssha#ixzz3nDEeR5Ws> (дата обращения: 12.03.2015).

8. HISCIP Program Overview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dcpscollegereadiness.wordpress.com/hiscip/> (дата обращения: 10.10.2014).

9. Hispanics Access to Higher Education: Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 97th Congress, 2d sess., Hearing Held in Washington, D.C., on September 16, 1982. – Washington, 1983. – R. 49.

10. "Latins Rise in Number in U.S. but Don't Win Influence or Affluence" // Wall Street Journal. – 1982. – June 9.

11. Schhneider B., Martinez S. Barriers to Educational Opportunities for Hispanics in the United States [Электронный ресурс] // Hispanics and the Future of America National academic Press (US). – Washington (DC), 2006. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK19909/> (дата обращения: 17.12.2014).

12. Sowell T. Ethnic America: A History. – New York, 1981.

13. Spanish/Hispanic population in the U. S. 1971 to 2004. Current Population Reports Series [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – Режим доступа: <http://www.census.gov>. (дата обращения: 14.12.2007).

14. Selected Social Characteristics of Persons of Spanish Origin by March 1982 [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – Режим доступа: <http://www.census.gov>. (дата обращения: 14.12.2007).

15. The Mexican American Experience / R. O. de la Garza. – Austin, 1985. – 488 p.

Данюк Никита Сергеевич

Институт стратегических исследований и прогнозов РУДН
danyuk@isip.su

Семибратов Евгений Викторович

Институт стратегических исследований и прогнозов РУДН
e-semibratov@mail.ru

ПОДХОДЫ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДА К ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ ЕВРОМАЙДАНА НА УКРАИНЕ (2013–2014 ГГ.)

В статье авторы анализируют события антиконституционного государственного переворота (Евромайдана), которые стали началом украинского кризиса и привели к серьезной трансформации системы региональной безопасности в Европе. На основе изученного фактического материала авторы сравнивают позиции России и стран Запада (в частности, США и Европейского союза), а также выявляют различия в подходах сторон к кризисным событиям на Украине 2013–2014 гг. В ходе проведенного исследования сделаны выводы, позволяющие понять суть тех событий, которые привели к острому кризису в отношениях между Россией и Западом со времен окончания холодной войны.

Ключевые слова: Украина, Россия, США, Европейский союз, Евромайдан, государственный переворот, украинский кризис, внешняя политика, международные отношения, дипломатия.

Последствия антиконституционного государственного переворота на Украине (Евромайдана) привели к смене приоритетов во внешней политике как России, так и стран Запада, стали поводом для резкого снижения уровня их экономической кооперации и политического взаимодействия. Обострение накопившихся противоречий привело к тому, что Российская Федерация и страны НАТО с 2014 г. по настоящее время переживают самый сложный (кризисный) период в отношениях со времен крушения биполярной системы.

С начала 90-х гг. Россия всегда выделяла пространство СНГ в качестве особо значимой зоны для обеспечения своих национальных интересов. Такой тезис можно найти во всех модификациях документов концептуального и стратегического характера, касающихся внешней политики российского государства [3; 4; 5]. При этом особая роль на постсоветском пространстве была отведена именно Украине. Так, например, в редакции Концепции внешней политики от 2013 г. она была названа стратегическим партнером. Россия всегда уделяла повышенное внимание развитию двухсторонних отношений для полноформатного подключения украинского государства к интеграционным процессам с целью формирования единого евразийского экономического пространства. Кроме того, после развала СССР позиции России в Черноморском регионе значительно ослабли, военная инфраструктура, а также силы военно-морского флота были разделены, стратегически важные порты на Черном море, включая главную базу ЧВМФ в г. Севастополе, оказались на территории украинского государства. Эти обстоятельства повышали роль Украины в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации.

Страны Европейского союза, в свою очередь, были заинтересованы в расширении своего экономического присутствия и усиления политического

влияния на постсоветском пространстве. Украина должна была стать одним из главных форпостов для реализации этих процессов. Еще со времен президента Л.Д. Кучмы был дан старт так называемому европроцессу: в 1998 г. была принята Стратегия интеграции Украины в ЕС [12], а в 2000 г. стороны разработали Программу интеграции ЕС [13]. В 2004 г. была принята «Стратегия экономического и социального развития Украины на период 2004–2015 гг. По пути европейской интеграции» [19].

Предполагалось, что результаты этой деятельности отразятся на качественном продвижении переговорного процесса между Киевом и евроатлантическими структурами с перспективой вхождения Украины в их состав.

По состоянию на 2013 г. украинские власти стояли перед важным геополитическим и геоэкономическим выбором между российским интеграционным проектом Таможенного союза (далее ТС), заложившим на настоящий момент основу функционирования ЕАЭС, либо дальнейшим сближением с Европейским союзом. В мае 2013 г. Украина получила статус наблюдателя в ТС [22], в то же время подготовка соглашения об ассоциации с ЕС продолжалась. При этом необходимо отметить, что Киев фактически не принимал участия в подготовке данного документа, и украинские чиновники смогли ознакомиться с ним только в середине 2013 г., когда российская сторона предоставила им переведенный с английского языка на русский проект соглашения [2].

В ноябре 2013 г. на саммите в Вильнюсе, который, по мнению президента ПАСЕ Жана-Клода Миньона, должен был стать «историческим», планировалось подписание ассоциации между Украиной и ЕС [16]. В документе в первую очередь предусматривалось: постепенное снятие таможенных барьеров между Украиной и Европейским союзом, адаптацию украинских товаропроизводителей под европейские стандарты, либерализацию миграци-

онного режима и т. д. [21]. По оценке доктора экономических наук, академика РАН, советника президента России по вопросам евразийской интеграции С.Ю. Глазьева, последствия заключения и реализации положений указанного соглашения несли негативные последствия для экономики Украины, а также создавали трудности российско-украинским торгово-экономическим отношениям [17].

В дальнейшем «лабиринты» Украины между двумя интеграционными проектами оказались бесперспективными: отсутствие ясной позиции у Киева по данному вопросу фактически привело к столкновению европейского и российского интеграционных проектов, что заведомо означало выбор какой-то одной стороны в ущерб развитию отношений с другими партнерами.

Решение В.Ф. Януковича отложить подписание соглашения об евроассоциации в ноябре 2013 г. привело к тому, что общественное мнение, разделившееся примерно пополам в вопросе сближения Украины с ЕС или с Таможенным союзом, оказалось дезориентированным. Сторонники, надеявшиеся на скорую ассоциацию с Европейским союзом, восприняли этот шаг как угрозу «европейскому выбору».

Запад не скрывал негодования в связи с решением В.Ф. Януковича приостановить процесс евроинтеграции. В принятой Европарламентом резолюции, посвященной итогам вильнюсского саммита «Восточного партнерства», было выражено сожаление из-за решения отложить на неопределенный срок процедуру подписания соглашения о евроассоциации [24].

На этом фоне при полной поддержке со стороны Запада протестные массы, в особенности молодежь, вышли на бессрочный митинг, названный СМИ Евромайданом. С самого начала антиправительственных акций ЕС и США встали на сторону протестующих, стали оказывать давление на власть. Так, вице-президент США Дж. Байден неоднократно совершал телефонные звонки главе украинского государства В.Ф. Януковичу, в которых призывал воздержаться от применения силы против демонстрантов; зону антигосударственного протеста посетили заместитель госсекретаря В. Нунланд, сенатор Дж. Маккейн, министр иностранных дел Германии Г. Вестервелле, а также президент Литвы Грибаускайте и другие. Общее несогласие стран ЕС с политикой украинского правительства в ходе Евромайдана нашло свое документальное подтверждение в резолюции Европарламента от 12 декабря 2013 г., в которой евродепутаты призвали власти Украины пойти на «переговоры с протестующими, чтобы избежать эскалации насилия и дестабилизации в стране» [24].

Позиция Москвы характеризовалась невмешательством во внутренние дела суверенного украинского государства. При этом российское руководство

указывало на ключевую роль внешних сил в развитии протестных акций на Украине. Президент России В.В. Путин 2 декабря 2013 г. отметил, что события готовились к предстоящим в этой стране президентским выборам [14]. Затем министр иностранных дел С.В. Лавров подчеркнул, что ситуация была «срежиссирована и готовилась давно» [7].

На фоне эскалации ситуации на Украине и попыток извне ускорить дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране Москва решила конкретными шагами поддержать украинское руководство.

17 декабря 2013 г. в Кремле состоялась встреча президентов России и Украины, в рамках которой был подписан целый ряд соглашений в области торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества. В частности, речь шла о снижении цены на российский газ для Киева с более чем 400 до 268,5 долл. за тысячу кубометров [18]. Однако наиболее значимым стало решение российской стороны взять на себя обязательства по размещению 15 млрд евро в украинских еврообондах [11]. Объем предложенной Россией поддержки свидетельствовал о том, что Москва была крайне обеспокоена ростом напряженности на Украине и видела в нем прямую угрозу своим национальным интересам. По словам помощника президента России А.Р. Белоусова, ситуация складывалась таким образом, что без предоставления кредита Киев «просто не был бы способен поддерживать экономическую стабильность» [21].

В январе 2014 г. противостояние усилилось, что подтолкнуло украинское руководство ужесточить уголовную и административную ответственность за организацию и участие в несанкционированных митингах. Так появился пакет законов от 16 января 2014 г. Это привело к очередной активизации западных политических лидеров, которые усилили давление на действующую украинскую власть.

Совет Европы дал негативную оценку принятым законам, отметив, что: «...многие нормы не соответствуют Европейской конвенции по правам человека. Законы должны быть либо отменены, либо приостановлены в действии» [11]. Сожаление в связи с их принятием также выразил вице-президент США Дж. Байден [25].

Противостояние на Украине оказывало прямое влияние на повестку состоявшегося 28 января 2014 г. в Брюсселе саммита Россия – ЕС. По инициативе европейской стороны двухдневный формат мероприятия был сокращен до однодневной дискуссии, посвященной украинскому кризису. В ходе встречи состоялся обмен мнениями, в рамках которого председатель Европейского совета Х. Ван Ромпей, следуя в русле логики давления на власти страны, возложил ответственность за конфликт на украинское руководство: «Власти Украины несут особую ответственность в этой связи» [15].

Иную позицию выразил президент России В.В. Путин. Он заявил о приверженности к неприменению насилия, отметив отсутствие со стороны западных представителей какого-либо осуждения лиц, участвующих в массовых беспорядках: «Применение силы – это всегда крайняя мера. И призывая украинское правительство и президента Януковича действовать цивилизованными методами, мы должны обратить внимание и на его политических противников, призвать и их тоже придерживаться методов цивилизованной политической борьбы» [15]. Таким образом, Москва призывала к оценке не только шагов действующей власти, которые со стороны Запада получали лишь негативные отклики, но и участия оппозиционных сил в дестабилизации ситуации на Украине.

Оказавшись под серьезным давлением, В.Ф. Янукович старался найти выход из политического кризиса и согласился пойти на компромисс с оппозицией: 28 января в отставку было отправлено правительство Н.Я. Азарова, его пост президент предложил главе крупнейшей оппозиционной фракции «Батькивщина» А. Яценюку, а пост вице-премьера – лидеру партии «УДАР» В.В. Кличко. Лидеры оппозиции от подобной сделки отказались.

Резкая дестабилизация ситуации началась 18 февраля 2014 г. Как позже отмечал В.Ф. Янукович, именно в тот день представители оппозиции организовали «мирное наступление» на здание Верховной рады. На деле радикальные силы захватывали правительственные здания и объекты гражданской инфраструктуры, жгли автомобильные покрывки, забрасывали полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью [8].

Страны Запада сохраняли молчание, несмотря на агрессивные действия со стороны оппозиционных формирований. В этих условиях МИД России опубликовал следующее заявление: «Российская сторона требует, чтобы лидеры “площади” остановили кровопролитие в своей стране, незамедлительно возобновили диалог с законной властью без угроз и ультиматумов» [6].

Президент В.Ф. Янукович потерял контроль над ситуацией. Вечером 19 февраля 2014 года он договорился с лидерами оппозиции о начале перемирия: стороны обязались воздерживаться от агрессивных действий.

По мнению российской стороны, власти Украины проявляли недостаточную решительность в противодействии незаконным действиям оппозиции. 20 февраля 2014 г. премьер-министр России Д.А. Медведев заявил: власть должна «...защитить людей, защитить правоохранительные структуры, которые стоят на страже государственных интересов и защищают тех же самых людей» [5]. Москва не отказывалась от контактов с правительством В.Ф. Януковича, которых на тот момент уже негласно старались избегать многие страны.

21 февраля президент В.Ф. Янукович вновь встретился с лидерами оппозиции – А.П. Яценюком, В.В. Кличко, О.Я. Тягнибоком. Германия, Франция и Польша выступили гарантами соглашения, тем самым взяв на себя политическую ответственность за реализацию достигнутых договорённостей мирным путем. Спецпредставитель России В.П. Лукин отказался от подписания документа. В Москве предполагали, что свержение В.Ф. Януковича может привести к тяжелым последствиям для украинской государственности. Отметим, что за несколько дней до государственного переворота начали происходить массовые митинги противников евроинтеграции Украины в Крыму, в южных и восточных областях страны. Украинское государство стояло на грани раскола.

Украинский президент при посредничестве трех европейских держав согласился с требованиями представителей оппозиции на проведение досрочных президентских выборов и значительное ограничение полномочий президента, что было ранее предусмотрено Конституцией 2004 г. Наиболее спорным пунктом соглашения стало обязательство государственной власти вывести силовые подразделения из Киева [7]. Заключённое между сторонами соглашение фактически означало капитуляцию действующей украинской власти, которая самоустранилась от разрешения кризисной ситуации. Этот шаг лишил В.Ф. Януковича силовой защиты от оппозиционных радикальных формирований, которые в результате массового захвата складов вооружений, областных управлений МВД и СБУ в западной части страны получили большое количество летального вооружения.

Украинские националистические группировки, так называемая «пехота Евромайदानа», спустя несколько часов после подписания соглашения о мирном урегулировании начали штурм правительственного квартала и администрации президента на Банковой улице в центре Киева. В.Ф. Янукович из-за угрозы собственной жизни был вынужден покинуть столицу и выехать на восток страны. Таким образом, при поддержке извне фактически состоялся вооруженный захват власти – антиконституционный государственный переворот.

Сразу после переворота страны Европы и США фактически сразу признали новое правительство Украины, в котором и. о. президента стал А. Турчинов, а премьер-министром А. Яценюк. Россия отказалась от признания нового руководства, поскольку считала его нелегитимным. Каких-либо шагов по предотвращению государственного переворота европейские державы – гаранты реализации соглашений между В.Ф. Януковичем и оппозицией не предприняли.

Из Киева для консультаций был отозван российский посол М. Зурабов. Российское руководство на тот момент было обеспокоено тем, что в форми-

ровании нового правительства Украины активное участие принимали страны Запада – в большей степени США и Германия. По данным «Белой книги» МИД РФ, В. Нуланд стала одной из ключевых фигур, принимавших решение о назначениях в «постмайданном» правительстве Украины [1]. Впоследствии в редакции 2015 г. Стратегии национальной безопасности России был включен пункт про ответственность США и стран Запада за события Евромайдана на Украине [20].

Президент В.Ф. Янукович до сих пор находится на территории Российской Федерации и отрицает все обвинения, которые выдвигают в его адрес новые власти Украины. Москва считает события, произошедшие в Киеве 21 февраля 2014 г., государственным переворотом. В декабре 2016 г. факт государственного переворота получил важное юридическое обоснование, а именно – решение суда. 27 декабря 2016 г. Дорогомиловский суд Москвы удовлетворил иск бывшего депутата Верховной рады Владимира Олейника, признав события февраля 2014 года на Украине государственным переворотом [7].

В ходе активной фазы событий Евромайдана зимой 2013–2014 гг. Россия и страны НАТО резко разошлись в интерпретации происходящих на Украине процессов.

Обратим внимание на принципиальное различие в российском и западном подходах к оценке происходящих на Украине «революционных» событий: страны Запада, следуя установкам на скорую «смену режима», напрямую обвиняли президента В.Ф. Януковича в создавшемся кризисе, Россия, в свою очередь, неоднократно отмечала многочисленные нарушения закона со стороны противников действующей власти – активистов Евромайдана, оказывая, таким образом, политическую поддержку официальному Киеву. Москва в отличие от западной стороны следовала обязательствам и неотъемлемым принципам международного права, не вмешиваясь в дела суверенного государства.

Таким образом, российская оценка в корне противоречила позиции западных держав, что, в частности, послужило поводом для ухудшения отношений между Россией, странами ЕС и США.

Большие различия в понимании истоков кризиса на Украине 2013–2014 гг. сделали малопродуктивным диалог между Москвой и западными столицами по вопросу взаимного преодоления политических противоречий.

Библиографический список

1. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/Ns-dgpch.nsf/0/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/> (дата обращения: 10.11.2017).

2. Глазьев: Перевод соглашения об ассоциации с ЕС для Украины сделала Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1717988.html> (дата обращения: 10.11.2017).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27822/ (дата обращения: 10.11.2017).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.11.2017).

5. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptfCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 10.11.2017).

6. Медведев попросил Януковича не быть тряпкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/02/20/medvedev/> (дата обращения: 10.11.2017).

7. МИД России назвал истерикой реакцию Запада на решение Киева по ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20131214/984070400.html> (дата обращения: 10.11.2017).

8. МИД России потребовал от украинской оппозиции возобновить диалог с законной властью без ультиматумов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/359532> (дата обращения: 10.11.2017).

9. Московский суд признал события февраля 2014 года на Украине переворотом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20140221/996319889.html> (дата обращения: 10.11.2017).

10. Письмо Януковича Путину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/361578-pismo-yanukovicha-putin> (дата обращения: 10.11.2017).

11. Предварительная оценка Совета Европы законов 16 января – их нужно отменить или приостановить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20131217/984720312.html> (дата обращения: 10.11.2017).

12. Про затвердження Стратегії інтеграції України до Європейського Союзу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/615/98> (дата обращения: 10.04.2017).

13. Програма інтеграції України до Європейського Союзу [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-00> (дата обращения: 10.04.2017).

14. Путин: акции в Киеве подготовлены извне, это не революция, а погром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20131202/981344124.html> (дата обращения: 10.11.2017).

15. Россия вложила в Украину \$200 миллиардов за 20 лет, заявил Улюкаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20140519/1008370790.html> (дата обращения: 10.11.2017).

16. Саммит в Вильнюсе будет носить исторический характер для Украины – президент ПАСЕ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/Sammit-v-Vilnyuse-budet-nosit-istoricheskiy-harakter-dlya-Ukrainy-prezident-PASE-461715.html> (дата обращения: 10.11.2017).

17. Сергей Глазьев пророчит Украине экономическую катастрофу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2013-09-20/Sergej-Glazev-prorochit-Ukraine-ekonomicheskuyu> (дата обращения: 10.11.2017).

18. Совместные документы, подписанные по итогам шестого заседания Российско-Украинской межгосударственной комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1583> (дата обращения: 10.11.2017).

19. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004–2015 роки). Шляхом Європейської інтеграції [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.lica.com.ua/b_text.php?type=3&id=200656&base=1%5D (дата обращения: 10.04.2017).

20. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102385609&backlink=1&&nd=102144301> (дата обращения: 10.11.2017).

21. Украина договаривается с Россией о привлечении кредита на \$15 млрд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/837170> (дата обращения: 10.11.2017).

22. Янукович считает, что формула сотрудничества Киева с ТС «3+1» работает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20130830/959669950.html> (дата обращения: 10.11.2017).

23. Association agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/ukraine/docs/association_agreement_ukraine_2014_en.pdf (дата обращения: 10.11.2017).

24. European Parliament resolution of 12 December 2013 on the outcome of the Vilnius Summit and the future of the Eastern Partnership, in particular as

regards Ukraine (2013/2983(RSP)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2013-0595+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 10.11.2017).

25. Readout of Vice President Biden's Call with Ukrainian President Viktor Yanukovich [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/12/09/readout-vice-president-bidens-call-ukrainian-president-viktor-yanukovich> (дата обращения: 10.11.2017).

References

1. Belaya kniga narushenij prav cheloveka i principa verhovenstva prava na Ukraine (noyabr' 2013 – mart 2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/Ns-dgpch.nsf/0/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/> (дата обращения: 10.11.2017).

2. Glaz'ev: Perevod soglasheniya ob associacii s ES dlya Ukrainy sdelala Rossiya [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1717988.html> (дата обращения: 10.11.2017).

3. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 yanvarya 2000 goda № 24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27822/ (дата обращения: 10.11.2017).

4. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 noyabrya 2016 g. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.11.2017).

5. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 12 fevralya 2013 g. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 10.11.2017).

6. Medvedev poprosil Yanukovicha ne byt' tryapkoj [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/02/20/medvedev/> (дата обращения: 10.11.2017).

7. MID Rossii nazval isterikoj reakciju Zapada na reshenie Kieva po ES [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20131214/984070400.html> (дата обращения: 10.11.2017).

8. MID Rossii potreboval ot ukrainskoj oppozicii vozobnovit' dialog s zakonnoj vlast'yu bez ul'timatumov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/359532> (дата обращения: 10.11.2017).

9. Moskovskij sud priznal sobytiya fevralya 2014 goda na Ukraine perevorotom

[Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://ria.ru/world/20140221/996319889.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

10. Письмо Януковича Путіну [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://russian.rt.com/ussr/article/361578-pismo-yanukovicha-putin> (дата опрацювання: 10.11.2017).

11. Предварительная оценка Совета Европы законотворческой деятельности Украины 16 января – их нужно отменить или приостановить [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://ria.ru/world/20131217/984720312.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

12. Про затвердження Стратегії інтеграції України до Європейського Союзу [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/615/98> (дата опрацювання: 10.04.2017).

13. Програма інтеграції України до Європейського Союзу [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-00> (дата опрацювання: 10.04.2017).

14. Путин: акции в Киеве подготовлены извне, это не революция, а погром [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://ria.ru/politics/20131202/981344124.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

15. Россия вложила в Украину \$200 миллиардов за 20 лет, заявил Улюкаев [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://ria.ru/economy/20140519/1008370790.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

16. Саммит в Вильнюсе будет носить исторический характер для Украины – президент ПАСЕ [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://www.segoday.ua/politics/pnews/Sammit-v-Vilnyuse-budet-nosit-istoricheskiy-harakter-dlya-Ukrainy-prezident-PASE-461715.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

17. Сергей Глазьев пророчит Украине экономическую катастрофу [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://russian.rt.com/inotv/2013-09-20/Sergej-Glazev-prorochit-Ukraine-ekonomicheskuyu> (дата опрацювання: 10.11.2017).

18. Совместные документы, подписанные по итогам шестого заседания Российско-Украинской межгосударственной комиссии [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://ria.ru/world/20131217/984720312.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

[Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://kremlin.ru/supplement/1583> (дата опрацювання: 10.11.2017).

19. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004–2015 роки). Шляхом Європейської інтеграції [Електронні ресурси]. – Режим доступу: http://www.gov.lica.com.ua/b_text.php?type=3&id=200656&base=1%5D (дата опрацювання: 10.04.2017).

20. Стратегія національної безпеки Російської Федерації [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102385609&backlink=1&&nd=102144301> (дата опрацювання: 10.11.2017).

21. Україна домовляється з Росією про привілеї кредиту на \$15 млрд [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://tass.ru/ekonomika/837170> (дата опрацювання: 10.11.2017).

22. Янукович вважає, що формула співробітництва Києва з ТС «3+1» працює [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://ria.ru/economy/20130830/959669950.html> (дата опрацювання: 10.11.2017).

23. Association agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other [Електронні ресурси]. – Режим доступу: http://eeas.europa.eu/ukraine/docs/association_agreement_ukraine_2014_en.pdf (дата опрацювання: 10.11.2017).

24. European Parliament resolution of 12 December 2013 on the outcome of the Vilnius Summit and the future of the Eastern Partnership, in particular as regards Ukraine (2013/2983(RSP)) [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2013-0595+0+DOC+XML+V0//EN> (дата опрацювання: 10.11.2017).

25. Readout of Vice President Biden's Call with Ukrainian President Viktor Yanukovich [Електронні ресурси]. – Режим доступу: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/12/09/readout-vice-president-bidens-call-ukrainian-president-viktor-yanukovich> (дата опрацювання: 10.11.2017).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821(410)-141

Яценко Мария Вадимовна

кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербурге
toma345@yandex.ru

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭМА «ДАНИИЛ»: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ХРИСТИАНСКОГО ЭПОСА

Исследование выполнено при поддержке РФНФ,
проект № 16-04-50082 а(ф)

*В статье рассматриваются основные жанровые особенности древнеанглийской поэмы «Даниил» как «христианского эпоса», то есть эпического повествования, использовавшего идеи и формы христианской культуры. Специфика этого жанра описывается как результат взаимовлияния традиционной устной и христианской поэтики. Ориентация на христианскую литературу прослеживается на разных уровнях текста: смысловой целостности (подчинение идее нравственного перерождения), композиционной организации (которая строилась на основе приема *exempli*), поэтики повторяемости (использование параллелизма, симметрии, контраста, анафоры и эпифоры), топики (топосы Града Земного и *translatio imperii*) и особого характера аллюзий на Новый Завет. Жанр христианского эпоса предполагал переосмысление традиционных для древнеанглийского поэтического текста приемов (аллитерация, метрическая организация поэтической строки), а также широкое использование их для построения наррации (в организации отдельных глав).*

Ключевые слова: христианский эпос, древнеанглийская поэма «Даниил», жанр, устная и письменная традиция.

Сохранившиеся древнеанглийские поэтические тексты легко разделяются на группы с точки зрения содержания. Это тексты героического эпоса («Беовульф», «Вальдере»), переложения Ветхого («Бытие», «Исход», «Даниил», «Юдифь») и Нового («Христос I–III», «Христос и сагана», «Судьбы апостолов» «Видение креста») Заветов, а также житий святых («Елена», «Юлиана», «Андрей», «Гутлак» и др.), исторические песни («Битва при Мэлдоне», «Битва при Бруннанбурге») и так называемые элегии («Морестранник», «Скиталец», «Руины» и др.). Как отмечают исследователи, традиционное жанровое деление поэтического наследия англосаксов весьма условно [3; 4] и возможно только внутри эпоса. При этом почти каждое из дошедших до нас произведений может быть отнесено одновременно и еще к какому-то иному жанру [5]. Нечеткость границ между жанрами во многом связана со спецификой средневековой словесности, которая «не осознала себя как литература» и не выработала своей собственной системы жанров¹. Переложения Библии, вероятно, раньше остальных текстов стали ощущаться как принадлежащие к отдельному типу текстов, именно поэтому они были объединены в единый кодекс (получивший название в честь первого издателя Франциска Юниуса Кодекс Юниуса), наиболее сохранный и единый по содержанию из всех кодексов древнеанглийской поэзии. Жанр этих текстов мы условно называем «христианским эпосом»², так как он использовал основные приемы эпической традиции англосаксов для рассказа о христианском содержании. При этом мы понимаем жанр в самом общем виде как целостный тип художественного высказывания [7],

которое реализуется через совокупность разноуровневых компонентов формы и содержания.

Древнеанглийская поэма «Даниил» – не самый популярный у исследователей текст. Среди цикла библейских переложений, входящих в Кодекс Юниуса («Бытие», «Исход», «Христос и сагана»), он долгое время был весьма мало изучен (до выхода в свет издания Р.Т. Фаррелла [13] и монографии П. Ремли [20]) именно в силу тесной связи не с героической германской, а с книжной христианской традицией. Последовательно излагая Священную историю (от Сотворения мира до Боговоплощения и битвы Христа с дьяволом), автор(ы) поэм Кодекса Юниуса использовал(и) основные приемы аллитерационного стихосложения и формульную фразеологию, традиционную для всех текстов древнеанглийской поэзии. Однако в каждой из четырех поэм имеется ряд характерных особенностей, которые проявляются в нарративной структуре текста, своеобразии образности и принципах осмысления христианских тем и сюжетов. Все поэмы представляют собой как бы разные стороны одного целого.

Композиция поэмы «Даниил» четко выверена и демонстрирует принципы соразмерности и симметрии. При этом отдельные сюжеты, входящие в поэму, соединяются на основе известного по средневековым проповедям приема *exempli*, восходящего к античной поэтике. Все части поэмы представляют собой рассказы-примеры, посвященные тем или иным героям, которые впали в грех гордыни. Причем рассказы эти соединяются между собой по принципу кольцевой композиции³, в центре которой (конец 3 и начало 4 главы) оказывается фрагмент, посвященный песнопениям, воспетым тремя отроками – Ананией, Азарией и Ми-

саилом – в момент их спасения в огненной печи. Начало третьей главы повествует об истории создания золотого истукана и отказе израильских отроков поклониться ему. Следующая за ней четвертая глава завершается описанием восторженных зрителей и слушателей, среди которых Навуходоносор, уверовавший в силу единого Бога Даниила. Симметрия третьей и четвертой глав акцентирует внимание на контрасте между злостью царя на ослушавшихся отроков в начале третьей главы и его восхищением их верой в конце четвертой.

Еще один круг кольцевой композиции составляют главы вторая и пятая. Обе они описывают сны царя Навуходоносора. Во второй главе сон представлен очень кратко, в центре внимания – ярость царя, его гнев на прорицателей, которые не могут истолковать то, что ему приснилось. В конце второй главы Навуходоносор, кажется, уверовал в Бога Даниила, который открыл ему содержание сна, подобно тому, как далее он уверовал в Его силу, увидев чудесное спасение отроков в огненной печи (глава 4). Процесс обретения царем более глубокой веры описывается в пятой главе поэмы, посвященной сну Навуходоносора о древе. В отличие от второй главы, сон царя здесь подробно излагается. Все образы сна истолковываются Даниилом как прообразы событий в жизни царя [14]. В этой же главе рассказывается об исполнении сна: сумасшествии царя и его семилетнем странствии по пустыне. Заканчивается пятая глава обращением царя к истинному Богу и его избавлением от сумасшествия. Две другие главы (1 и 6) расширяют перспективу повествования и составляют еще один круг кольцевой композиции: в них повествуется о том, что и грехи целого народа (израильтян в первой главе), и грех правителя (Валтасара в шестой главе) приводят к разрушению не только жизни отдельных людей, но целого государства.

Симметрия частей поэмы усиливает еще один выразительный прием, малохарактерный для устного сочинения, – оборванный финал [17]. Истолкование Даниилом загадочной надписи в последней главе не закончено: слушатели не узнают точного смысла таинственных слов. Повествование оказывается оборванным только с точки зрения читателя, который, как и царь Валтасар, пытается узнать будущее и разгадать таинственные знаки. Слова пророка Даниила, завершающие поэму, представляют собой хвалу Богу, а потому являются вполне логичным концом и его речи, и текста в целом. Неожиданное окончание текста позволяет акцентировать внимание на внезапности Божьего суда.

Не менее важным аспектом текста, позволяющим говорить о влиянии письменной традиции, является использование христианской топики. Не раз отмечалось, что многие древнеанглийские поэмы, хотя и созданы в рамках христианской традиции, своеобразно трактуют христианские образы. В по-

эме «Даниил» топосы, ассоциирующиеся с сюжетами Книги пророка Даниила, представлены сравнительно мало. Наиболее популярная в Средние века часть этой книги – сны и пророчества – весьма сокращена. Поэма не затрагивает тех аспектов, которые связаны с пророчествами о последних временах. Заслуживает особого внимания появление в тексте важного христианского топоса «Града Земного», который реализуется при описании Вавилона. На протяжении всего текста разного рода наименования града, города, укрепленного места соотносятся с опасностью для души человека, приводящей его к забвению Бога, грехам и духовной гибели. Такого рода отношение к городу, созданному руками человека, восходит к концепции, изложенной блаж. Августином в его трактате «О Граде Божьем». Безусловно, в негативной оценке града, огражденного места прослеживается и аллюзия на историю создания Вавилонской башни, которая в тексте прямо не описывается.

Среди сюжетобразующих христианских топосов в поэме необходимо отметить также *translatio imperii* – представление о том, что государственная власть уходит из рук недостойных правителей. Если в начале поэмы недостойными оказываются израильтяне, отказавшиеся от веры в единого Бога, то в заключительной главе в той же роли выступает нечестивый царь Валтасар. Примечательно, что Навуходоносор, хотя и уходит в странствие по пустыне на семь лет, не лишается при этом своего царского достоинства и власти, поскольку ему дается возможность покаяния, которую он использует. В конце жизни он изображен как вполне достойный правитель. Топос *translatio imperii* мог соотноситься с исторической реальностью Древней Англии начала XI века (периодом письменной фиксации поэмы) – временем перед нормандским завоеванием, когда англосаксы стояли на грани утраты собственной национальной идентичности.

Весьма последовательно связь поэмы «Даниил» с христианской письменной культурой прослеживается на уровне отдельных цитат и реминисценций из разных частей библейского текста. Наиболее яркая из них содержится в речи Навуходоносора. Говоря о могуществе единого Бога, который спас в огненной печи трех отроков, царь приказывает своим подданным чтить Его: «*fæt se wære his aldre scyldig, // se ðæs onsoce / þætte soð wære // mære mihta waldend, / se hie of þam morðre alysde.*» – «тот будет своей жизнью повинен, // кто отрицает, / что есть воистину // более великий мощи Властитель, / Который их от смерти спас» (449–451⁴). Выражение *aldre scyldig* – досл. «жизнью виновен» значит, собственно, «повинен смерти», оно соотносится со словами Евангелия от Матфея, в которых первосвященник и синедрион обвиняют Христа в том, что Он называл себя Сыном Божьим (Мф. 26:63–66). Выражение «повинен

смерти» в древнеанглийском переводе Евангелия звучит как *He ys deaðes scyldig* [18] (ср.: *his aldre scyldig* в «Данииле»). За счет этой аллюзии в древнеанглийской поэме слова царя воспринимаются не только как грозное обещание своим подданным, но и как пророчество, проповедь о Спасителе, так как они противоположны словам обвинителей Христа. Данная аллюзия на новозаветный текст адресовалась аудитории, близко знакомой с ним. Сам характер аллюзии говорит об ориентации на письменную культуру. Автор поэмы словно бы влагает проповедь Нового Завета в уста ветхозаветного царя-язычника.

Связь с текстом Библии в «Данииле» прослеживается на разных уровнях. Хотя отдельные части Книги пророка Даниила воспроизводятся в поэме достаточно последовательно, принцип использования источника близок пересказу средствами собственного поэтического языка, то есть парафразированию. Есть в поэме «Даниил» и отдельный фрагмент, который представляет собой очень подробный перевод латинского христианского песнопения – Песни трех отроков второканонической части Книги пророка Даниила. Широкое использование этого песнопения в богослужбном цикле предполагало, что оно было известно англосаксам дословно или почти дословно [20], поэтому фрагмент поэмы, содержащий это переложение, в большей степени ориентирован на латинский источник, что заметно даже на уровне фразового устройства поэтических строк. При парафразировании Песни трех отроков автор в ряде случаев стремился воспроизвести анафору и эпифору, характерные для латинского источника.

В основном тексте поэмы также возникает параллелизм, мало характерный для древнеанглийской поэзии. Традиционная повторяемость внутри древнеанглийского текста прослеживается на уровне формул и формульных выражений. Использование последних долгое время воспринималось только как следствие устного характера сочинения [2]. Тип повторения, характерный для «Даниила», включает не только формульный, но и фразовый параллелизм. Последний, хотя и характерен для фольклора многих народов [1], мало типичен для англосаксонской поэзии. Параллелизм на уровне построения фраз используется в тексте для сравнения разных эпизодов и сцен. Так, охваченный гордостью царь Валтасар на пиру описывается теми же средствами, что и возгордившиеся израильтяне в самом начале поэмы. Повторяемость в «Данииле» уже не только естественное следствие специфики сочинения в процессе исполнения (то есть это не только повторяемость формул). Она позволяет соотносить персонажей и разные эпизоды текста и служит по большей части созданию контраста – наиболее типичного для данного текста приема [10]. Контраст пронизывает поэму на

разных уровнях, он используется: 1) для характеристики персонажей (при противопоставлении жестокого язычника Навуходоносора и разумных, верных закону и своей вере израильтянских отроков); 2) для построения отдельных эпизодов (в частности, пролог к поэме строится на противопоставлении: первая его часть повествует об израильтянах, пока они хранили веру в единого Бога, вторая – об истории их послушания и утраты независимости [8]). Контраст реализуется в тексте за счет использования повторяющихся мотивов и образов, то есть оказывается частью более широкого приема стереотипного описания. Параллельные конструкции служат соотносению отдельных частей текста.

Контраст и параллелизм часто характеризуются как приемы, присущие фольклору, или типичные для средневековой поэтики в целом. В поэме «Даниил» принцип симметрии в построении отдельных эпизодов проводится с точностью до поэтической строки (первая часть пролога четко противопоставлена второй, причем каждая из них содержит по 16 строк), поэтому его можно связывать с письменной традицией.

«Даниил» относится к тем текстам, которые используют «поэтику» англосаксонской традиции⁵ в переосмысленном виде. Подвергается переосмыслению основной принцип организации древнеанглийского стиха – аллитерация. В поэме она перестает быть только созвучием ударных корневых морфем⁶, поскольку в большом количестве случаев встречается аллитерация служебных слов (главным образом, указательных и притяжательных местоимений в разных функциях). За счет этого аллитерация соединяет не только семантически наиболее выделенные морфемы, она отчасти обретает формальный характер. При этом автор активно продолжает применять аллитерацию и как средство семантического выделения. Он последовательно использует ее для этимологизирования имени пророка Даниила (при этом в тексте акцентируется традиционное истолкование «Даниил – Бог мне судья»). Прием этимологического истолкования, необычайно характерный для средневековой христианской традиции, предполагал разъяснение природы явления через анализ его наименования. В древнеанглийской поэме этимологизирование производится косвенным образом: рядом с именем пророка употребляются слова *dom* – «суд», «приговор», «слава» или *depan* – «судить» (в 6 случаях) и *Drihten* – «Господь», «господин» (в 4 случаях). Синтаксически имя пророка и обозначение суда не соотносятся при помощи глаголов с семантикой «значить», «означать». Однако эти лексемы связываются на фонетическом уровне, то есть за счет аллитерации: «*Daniel to dome, / se wæs drihtne gesogen...*» – «[пришел] рассудить (*var.* – на суд) Даниил, / тот, что был Богом избран...» (Dan 150). Последовательное использование для аллитерации

с именем пророка древнеанглийских слов, соответствующих семантике этимона, свидетельствует о знакомстве древнеанглийского поэта со святоотеческим истолкованием, а также о том, что он продолжал активно применять аллитерацию как часть живой традиции, оперируя «не звуками... а созвучными знаками» [6, т. 1, с. 71].

Другой аспект фонетического строя поэмы «Даниил» – использование гиперметрических строк – также свидетельствует о переосмыслении традиционных принципов организации древнеанглийской поэзии. Схема долгой строки, содержащая от двух до четырех ударных слогов – аллитерационных вершин [6], – соблюдается не во всем тексте поэмы «Даниил». Регулярное ритмическое устройство фрагмента, известного как «Даниил Б» (строки 279–408), выделяет его на фоне всего текста, содержащего множество гиперметрических строк [13]. Такое ритмическое устройство не случайно, так как этот фрагмент поэмы («Даниил Б») содержит переложения христианских песнопений (Песни Азарии и Песни трех отроков), которые отчасти ориентированы на специфику организации текстов источников – латинских песнопений. В поэме «Даниил», таким образом, используется своеобразный выразительный прием: противопоставление песнопений и основного нарратива за счет ритмического рисунка [9]. При том, что количество слогов в древнеанглийской поэтической строке не было нормировано, этот прием выглядит как поэтическое новшество, а само ритмическое единство «Даниила Б» восхищает многих ученых [13; 10].

В поэме для организации отдельных эпизодов использованы стратегии, характерные для эпического повествования, особенно заметные на фоне библейского текста. Так, несмотря на то, что в первой главе поэмы Навуходоносор уже является активным действующим лицом, вторую главу поэт полностью посвящает царю и потому начинает ее с прославления этого героя. Рассказ о Валтасаре в Библии включает только описание пира. Древнеанглийский же поэт придает повествованию привычную структуру, начинающуюся с краткого прославления царя. Предваряет рассказ о пире также описание царя мидян, задумавшего захватить Вавилон. Таким образом, нарративные стратегии в тексте «Даниила» во многом воспроизводят стратегии традиционного героического эпоса, они соотносимы с рассказами о героях в поэме «Беовульф».

Все указанные выше особенности адаптации традиционного языка и стиля поэзии англосаксов к изложению христианского содержания были нацелены на наиболее полную передачу основной идеи поэмы, которой является рассказ о грехе и его природе [11] (израильтяне в начале поэмы, Навуходоносор и Валтасар), покаянии (Навуходоносор в период вынужденного изгнания) и нравственном перерождении (чудо в огненной печи, Песнь Азарии и Песнь

трех отроков). Идея нравственного перерождения определяет и образную систему поэмы, в центре которой оказывается царь Навуходоносор.

Одной из наиболее характерных особенностей повествования в поэме «Даниил» можно назвать не только использование приемов традиционного эпоса для построения рассказа о герое, но и наличие постоянной нравственной оценки описываемых героев и событий. Далеко не всегда поступки героев анализируются в поэме «Бытие». В «Исходе» нравственная оценка понятна только в контексте всей христианской традиции истолкования ветхозаветного сюжета. В «Беовульфе» нравственная оценка не всегда последовательна. В «Данииле» же повествователь постоянно анализирует поведение героев, стремясь проникнуть в причины их действий. Анализ этот происходит всегда в контексте христианской этики: грех гордыни оказывается одной из ведущих действующих сил, поработавших сердца и души людей.

Жанровое своеобразие поэмы «Даниил» определяется тесной связью устной и письменной традиции. В поэме происходит определенное переосмысление приемов традиционного эпоса (аллитерация, формульность, приемы построения наррации) с точки зрения книжной традиции. При этом приемы латино-христианской литературы, традиционная топика начинают активно влиять на построение текста.

Примечания

¹ О том, что эта особенность была характерна как для античной, так и для средневековой литературы, пишет О.А. Смирницкая со ссылкой на О.М. Фрейденберг [5].

² Это жанровое обозначение во многом противоречиво и звучит как оксюморон [15].

³ Кольцевой принцип организации текста прослеживается и на меньших отрезках текста [19].

⁴ Здесь и далее текст поэм «Даниил» и «Азария» приводится с опущением долгот по изданию [12] с указанием номера строки. Перевод автора статьи.

⁵ Англосаксы не оставили, конечно, нормативной поэтики [16].

⁶ Такова основная функция аллитерации в древнеанглийском и древнегерманском стихе. Как пишет О.А. Смирницкая, за счет аллитерации «корневые, то есть семантически наиболее ценные, морфемы противопоставляются менее ценному материалу – словообразовательным морфемам, флексиям и приравненным к ним служебным словам» [5, с. 138].

Библиографический список

1. *Веселовский А.Н.* Эпические повторения как хронологический момент // *Веселовский А.Н. Историческая поэтика.* – М.: Высшая школа, 1989. – С. 76–100.

2. *Лорд А.Б.* Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Восточная литература, 1994. – 368 с.

3. *Мельникова Е.А.* Система жанров англосаксонского эпоса // Западноевропейская средневековая словесность / под ред. Л.Г. Андреева. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 53–54.

4. *Мошчанская О.Л.* Англосаксонские элегии: жанровая специфика, проблемы поэтики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–208.

5. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. – М.: Наука, 1982. – С. 171–232.

6. *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. – М.: Филология, 1994.

7. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Теория литературного дискурса. Теоретическая поэтика / под ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2004. – 512 с.

8. *Яценко М.В.* Пролог древнеанглийской поэмы «Даниил» (специфика использования приемов эпического нарратива в христианском эпосе) // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2017. – № 1 (17). – С. 100–111.

9. *Яценко М.В.* Христианская гимнография в контексте древнеанглийских поэм «Даниил» и «Азария» // Вестник ИВГУ. Сер.: Филология. – 2017. – Вып. 1 (17). – С. 26–32.

10. *Anderson E.R.* Style and Theme in the Old English Daniel // English Studies. – 1987. – Vol. 68, № 1. – P. 1–23.

11. *Caie G.D.* The Old English Daniel: A Warning Against Pride // English Studies. – 1978. – Vol. 59. – P. 1–9.

12. Daniel and Azarias / ed. by R.T. Farrell. – London: Butler and Tanner, 1974. – 139 p.

13. *Farrell R.T.* Introduction // Daniel and Azarias / ed. by R.T. Farrell. – London: Butler and Tanner, 1974. – P. 1–45.

14. *Harbus A.* Nebuchadnezzar's Dreams in the Old English Daniel // English Studies. – 1994. – Vol. 75, № 6. – P. 489–508.

15. *Herbison I.* The idea of the 'Christian Epic'. Towards the history of an Old English Poetic Genre // Studies in English Language and Literature. 'Doubt wisely'. Papers in Honour of E.G. Stanley / ed. by M.J. Toswell and E.M. Tyler. – London; New York: Routledge, 1996. – P. 342–361.

16. *Leslie R.F.* Analysis of Stylistic Devices and Effects in Anglo-Saxon Literature // Old English Literature: 22 Analytical Essays. – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1968. – P. 73–81.

17. *Lucas P.J.* On the Incomplete Ending of Daniel and the Addition of Christ and Satan to MS Junius 11 // Anglia. – 1979. – Vol. 97. – P. 46–59.

18. The Old English version of the Gospels. Vol. 1. Text and introduction / ed. by R.M. Liuzza. Early

English Text Society. – № 304. – Oxford: Oxford univ. press, 1994 [Repr. 2003]. – 202 p.

19. *Portnoy Ph.* 'Daniel' and the Dew-Laden Wind: Sources and Structures // Old English Literature and the Old Testament / ed. M. Fox, M. Sharma. – Toronto: University of Toronto Press, 2012. – P. 195–228.

20. *Remley P.G.* Old English Biblical Verse. Studies in Genesis, Exodus and Daniel. – Cambridge; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 476 p.

References

1. Veselovskij A.N. Ehpicheskie povtoreniya kak hronologicheskij moment // Veselovskij A.N. Istoricheskaya poehtika. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – S. 76–100.

2. Lord A.B. Skazitel' / per. s angl. i komment. YU.A. Klejnera i G.A. Levintona. – M.: Vostochnaya literatura, 1994. – 368 s.

3. Mel'nikova E.A. Sistema zhanrov anglosaksonskogo ehposa // Zapadnoevropejskaya srednevekovaya slovesnost' / pod red. L.G. Andreeva. – M.: Izd-vo MGU, 1985. – S. 53–54.

4. Moshchanskaya O.L. Anglosaksonskie ehlegii: zhanrovaya specifika, problemy poehtiki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2013. – № 1 (2). – S. 203–208.

5. Smirnickaya O.A. Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov // Drevneanglijskaya poehziya. – M.: Nauka, 1982. – S. 171–232.

6. Smirnickaya O.A. Stih i yazyk drevnegemanskoj poehzii. T. 1–2. – M.: Filologiya, 1994.

7. Teoriya literatury: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1. Teoriya literaturnogo diskursa. Teoreticheskaya poehtika / pod red. N.D. Tamarchenko. – M.: Akademiya, 2004. – 512 s.

8. YAcenko M.V. Prolog drevneanglijskoj poehmy «Daniil» (specifika ispol'zovaniya priemov ehpicheskogo narrativna v hristianskom ehpose) // Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij. – 2017. – № 1 (17). – S. 100–111.

9. YAcenko M.V. Hristianskaya gimnografiya v kontekste drevneanglijskih poehm «Daniil» i «Azariya» // Vestnik IvGU. Ser.: Filologiya. – 2017. – Vyp. 1 (17). – S. 26–32.

10. Anderson E.R. Style and Theme in the Old English Daniel // English Studies. – 1987. – Vol. 68, № 1. – P. 1–23.

11. Caie G.D. The Old English Daniel: A Warning Against Pride // English Studies. – 1978. – Vol. 59. – P. 1–9.

12. Daniel and Azarias / ed. by R.T. Farrell. – London: Butler and Tanner, 1974. – 139 p.

13. Farrell R.T. Introduction // Daniel and Azarias / ed. by R.T. Farrell. – London: Butler and Tanner, 1974. – P. 1–45.

14. Harbus A. Nebuchadnezzar's Dreams in the Old English Daniel // English Studies. – 1994. – Vol. 75, № 6. – P. 489–508.

15. Herbison I. The idea of the 'Christian Epic'. Towards the history of an Old English Poetic Genre // Studies in English Language and Literature. 'Doubt wisely'. Papers in Honour of E.G. Stanley / ed. by M.J. Toswell and E.M. Tyler. – London; New York: Routledge, 1996. – P. 342–361.
16. Leslie R.F. Analysis of Stylistic Devices and Effects in Anglo-Saxon Literature // Old English Literature: 22 Analytical Essays. – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1968. – P. 73–81.
17. Lucas P.J. On the Incomplete Ending of Daniel and the Addition of Christ and Satan to MS Junius 11 // Anglia. – 1979. – Vol. 97. – P. 46–59.
18. The Old English version of the Gospels. Vol. 1. Text and introduction / ed. by R.M. Liuzza. Early English Text Society. – № 304. – Oxford: Oxford univ. press, 1994 [Repr. 2003]. – 202 r.
19. Portnoy Ph. 'Daniel' and the Dew-Laden Wind: Sources and Structures // Old English Literature and the Old Testament / ed. M. Fox, M. Sharma. – Toronto: University of Toronto Press, 2012. – P. 195–228.
20. Remley P.G. Old English Biblical Verse. Studies in Genesis, Exodus and Daniel. – Cambridge; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 476 r.

ЧУВАШСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «УЛЫП»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОЭТИКА

Представители чувашской интеллигенции в разное время обращались к созданию авторского варианта богатырского эпоса. Первые эпические произведения представляют собой лиро-эпические поэмы, описывают историю происхождения рода, родного села, далекое прошлое чувашского народа. Одни авторы используют знания об эпических традициях восточных, тюркских народов, полученные через письменную, научную литературу, другие хорошо знают устное народное творчество соседних тюркских народов. Интерес к созданию национального эпоса возрастает в периоды роста национального самосознания этноса. В 20–30-х гг. XX в. поэты и писатели собирают легенды и предания об Улып, пишут лиро-эпические поэмы, используя сюжеты сказаний. В 90-х гг. XX в. печатается полный вариант авторского эпоса Ф. Сюина «Улып». Он представляет собой повествование о богатырской судьбе великана Улыла, борца за счастье и свободу чувашского народа. Нами выявлено, что автор хорошо владел материалом чувашского фольклора, сумел сочетать его с традициями тюркского героического эпоса. В статье делается вывод о том, что проявление влияния традиций восточной, тюркской словесности связано с возникновением к нему специального интереса, который возрастает в периоды роста национального самосознания.

Ключевые слова: эпические традиции, мотивы, образ богатыря, Ф. Сюин, фольклор, лиро-эпика, сходство, интенсивность, легенда, предание.

Проявление влияния восточных традиций в чувашской письменной литературе является следствием специального к нему интереса. Одним из доказательств этому является создание авторского варианта богатырского эпоса. В современном литературоведении эпосом называют жанр устного народного творчества, повествующий о героическом прошлом, содержащий целостную картину народной жизни и представляющий в гармоничном единстве некий эпический мир и героев-богатырей. В силу определенных исторических условий, особенностей словесного творчества в фольклоре некоторых народов героический эпос не сложился, однако существуют предания и легенды о национальных героях. Есть образ некоего богатыря – защитника родовых границ и простого народа. Собирающие и изучающие подобных фольклорных жанров способствуют созданию письменного варианта народного эпоса.

По мнению исследователей, чувашский героический эпос не сформировался в силу ряда причин. Профессор В.Г. Родионов отмечает: «Разделение устного поэтического творчества на повествующую и изображающую формы существует и у тюркоязычных народов. В чувашском фольклоре более развита изображающая форма, т. е. обрядовая поэзия, а не эпическая» [2, с. 23]. Фольклористы И.И. Одюков [4], Г.Ф. Юмарт [7] полагают, что причинами стали кочевой быт, татаро-монгольское нашествие, отсутствие единого государственного строя. К перечисленным доводам можно добавить и то, что не нашелся тот человек, подобный Э. Леннроту, который бы собрал воедино богатство и мудрость фольклора.

Стремление создать народный эпос среди чувашской интеллигенции в разные исторические периоды возникало с разной интенсивностью. В начале XX в. к данному вопросу в первую оче-

редь обращаются поэты и писатели, знакомые с традициями тюркских героических эпосов. В лиро-эпических произведениях они изображают историю рода, родной деревни, события далекого прошлого. В них проявляются традиции эпических сказаний. Поэмы Г. Тал-Мырзы «Силпи – Палхар пики» («Сильби – красавица Булгарии»), «Атилла», «Архай-хан», «Марсапай» («Мрзабай»), «Вайлисен айăпĕ» («Вина сильных») посвящены описанию исторических событий, судьбы Волжской Булгарии. Г. Комиссаров в поэме «Паттарпа Талпай» («Богатырь и Толпай») через рассказ о своих прадедах изображает далекое прошлое чувашского народа: выкорчевывание лесов после переселения в Среднее Поволжье, борьба против татарских нугеров, вхождение в состав Руси. При этом автор выдает свою версию происшедших событий, отличающуюся от официального мнения. Если для Г. Тал-Мырзы и Г. Комиссарова характерно использование архивных материалов, исторически достоверных данных, то Н.И. Шелеби строит свои произведения по мотивам легенд и преданий. Он воссоздает легендарное прошлое чувашского народа в поэмах «Эссебе», «Пулере илин ҫинчен» («О взятии Биляра»). Нужно заметить, что Г. Тал-Мырза и Г. Комиссаров получили специальные знания в области восточной, тюркской словесности. Г. Тал-Мырза обучался в Казанском институте этнологии и археологии, Г. Комиссаров – в Казанской духовной академии. Н. Шелеби хорошо знал татарский фольклор и особенности эпических преданий. Таким образом, к созданию письменного варианта богатырского эпоса в первую очередь обращаются писатели и поэты, в какой-то мере знавшие об особенностях эпических традиций восточной, тюркской словесности.

Немаловажна роль исторических условий и событий при создании авторского варианта бо-

гатырского эпоса. Интерес к собиранию и изучению сюжетов исторических преданий, сказаний об Ульпе возрастает в 20–30-х гг. XX в. Этому способствовали несколько факторов: в этот период начали образовываться автономные области и республики, повышается уровень национальной интеллигенции, распространяется идея народного объединения. «Вопросами исследования и собирания сказаний об Ульпе в этот период занимались С. Эльгер, М. Юман, С. Лашман, Г. Тимофеев, Ф. Сюин. Писатели и поэты переводят героические эпосы родственных и соседних народов, мечтают создать свою «Улыпиаду». Известны произведения М. Сеспеля, С. Эльгера, М. Юмана и других авторов, близких по своему значению народному эпосу» [5, с. 139]. Для них создание национального эпоса – это не только следование моде, а, скорее всего, стремление объединить народ, напомнить ему о былой славе, воссоздать единое государство.

К сожалению, работа по созданию национального эпоса была прервана, так и не успев начаться. Литературная критика, решившая отбросить фольклорные традиции как устаревшие в идеологическом плане, свела на нет работу по созданию национального эпоса. Она оценивала деятельность фольклористов как проявление национализма и призыв к прошлому, а не в светлое будущее. Под ее влиянием чувашским исследователям пришлось прервать свою литературную деятельность, некоторые из них стали жертвами репрессий. Но, несмотря на трудности, по истечению большого промежутка времени авторский вариант народного эпоса все же смог дойти до своего читателя. Полный вариант чувашского «Ульпы» был напечатан в 1996 г.

В чувашской народной словесности существуют легенды и сказания о великане Ульпе, защитнике народа от злой силы, татаро-монголов. Богатырь предстает и в образе демиурга, в преданиях есть также исторические мотивы. Вопросы исследования поэтических особенностей эпических сказаний, их классификации, сравнительного анализа с образцами соседних и родственных народов в разное время занимались И.И. Одюков [4], Г.Ф. Юмарт [7], В.Г. Родионов [2], Г.Г. Ильина [1], Е.П. Чекушкина [6].

Авторский вариант народного эпоса «Улып» создал Симон Федорович Федоров (Ф. Сюин), который в течение 60 лет собирал сказания об Ульпе, написал более девяти вариантов эпоса: «...Идею собирать легенды об улыпах и вернуть эпос народу ему посоветовал Г.Т. Тимофеев, автор этнографического труда “Тăхăръял”. С тех пор он собирал легенды об Ульпе. Не считая вариантов, им было собрано около ста легенд, из них 67 легенд об Ульпе, 15 – о его отце и матери, 15 – о батырах Сербю и Сыкпырзя» [3, с. 261]. Писатель был знаком с текстом «Калевалы». Во время Великой Отечественной войны он воевал на Карельском фронте.

Кроме того, интересовался традициями тюркских богатырских эпосов. В своей работе он использует не только отдельные сюжеты о богатыре, но и весь богатый фольклорный материал, представления народа об обустройстве вселенной, этнопедагогические традиции, особенности мировосприятия и мировоззрения народа. В начале 90-х гг. XX в. возрастает национальное самосознание населения. Становится актуальным вопрос сохранения и развития родного языка и культуры. Публикация полного варианта «Ульпы» явилась необходимостью времени. Она способствовала объединению нации, поднятию народного духа.

Произведение Ф. Сюина «Улып» состоит из 40 песен, есть вводная и заключительная части. Повествование в песнях построено от лица сказителя. В начале эпоса он говорит о том, что сам являлся свидетелем многих героических поступков богатыря, участвовал в описываемых им событиях. Каждая песня произведения посвящена описанию отдельного героического поступка героя. Они начинаются с вводного слова, состоящего из преобразованных строк народной песни или загадки. Особенности повествования, описываемые действия позволяют охарактеризовать произведение Ф. Сюина как героический эпос. В нем изображены три поколения богатырей, которые посвятили свою жизнь борьбе со злыми силами. Основная функция пребывания Ульпы на земле – это освобождение чувашского народа от врагов, забота о его благополучии. Свои героические поступки Улып, как и богатыри других тюркских эпосов, совершает в среднем мире, поднимается на небо, спускается в нижний мир. Победа героя над Эсреметем, хозяином мертвых, освобождение из его плена представителей разных народов напоминает поступок Нюргуня Боотура Стремительного из якутского эпоса «Олонхо». Улып помогает не только чувашам, но и другим народам, попавшим в беду: мадярам, жителям города Эшкел, верховым чувашам. Через повествование о судьбе Ульпы прослеживается историческое прошлое чувашского народа: память об Алтайских горах, переселение на Среднее Поволжье с Кавказа, борьба с татаро-монголами; его мифологические представления, богатство и своеобразие быта.

Для Ф. Сюина в произведении важно показать Ульпу борцом за счастье чувашского народа. Возможно, это стремление объясняется тем, что произведение начало создаваться в 20–30-х гг. XX в., в период формирования Чувашской автономии. В силу этого изображение повседневной, семейной жизни героя уходит на второй план. Сказитель упоминает, что Улып был удостоен руки Сарбиге, победив двенадцатиглавого змея, об их детях Уртем и Сарине, но не уделяет этим фактам большого внимания. В данном случае прослеживается идея, что богатырь будет достоин личного счастья толь-

ко после того, когда он сделает счастливым свой народ, что характерно для богатырских эпосов.

Начало произведения «Улып» традиционно для тюркских эпосов: отец богатыря погибает в сражении, мать зачинает сына в необычных условиях. Во сне она видит себя гуляющей среди цветущего луга рядом со своим мужем. Герой рождается крупным, он много спит, много ест, быстро растет. От своих сверстников он отличается силой, храбростью, умом. Его первый богатырский поступок – это поединок с детенышем змея. Он отправляется к своему дедушке, который учит его валить лес, строить дома, земледелию, охоте, скотоводству, военному делу, грамоте. Он благословляет богатыря на героические поступки, помогает полезными советами. В качестве доброго советчика в эпосе представлена и бабушка Ульпа. Она помогает богатырю найти крылатого коня и огненный меч отца, одаривает талисманом. Врагами Ульпа являются мифологические злые духи, населяющие землю, и татаро-монгольские ханы. Богатырь смог одолеть всех духов, которые существуют с момента образования белого света, но погибает от зла и зависти, которыми повержены сердца людей.

В эпосе изображены и образы женщин-богатырей: это Юрекке, основательница войска *амасан* (амазонок), и Сарбиге, ее последовательница. Сарбиге во время осады Булгара татаро-монголами со своим войском встает на защиту родной земли, своих детей.

Принадлежность произведения «Улып» к героическому эпосу подтверждается и описанием в произведении преданных друзей богатыря. В первую очередь товарищами героя становятся друзья его отца, которых он освобождает из заточения, помогает им устроить личную жизнь. Богатыри *Сикпърса*, *Улып*, *Сёрпү* вместе побеждают злого духа *Кирешмет*, вместе погибают, защищая город Булгар. Кроме того, друзьями и помощниками Ульпа являются дикие звери и птицы, которым он помог когда-то. Верный конь *Силсунат* (крылатый конь), доставшийся от отца, предан ему, предупреждает об опасностях, помогает советами. Он участвует в сражениях, вместе с героем уходит в подземный мир.

В авторском варианте героического эпоса изображение исторической судьбы народа является основой повествования. Описываются исторические события, перечисляются исторические личности, названия народов, местностей. В эпосе упоминаются Кавказские горы, рассказывается о том, что народ когда-то жил около высоких гор. По велению богов он переселился к берегам Волги и Камы. После татаро-монгольского нашествия чуваша нашли спасение на берегах Цивилия. К историческим фактам можно отнести следующие детали: правителем Булгарского государства был царь Нухрат; его государство погибает от рук татаро-

монгольских князей Субетея, Патти хана (Батый); пленных из Булгарского государства увозят в рабство в Стамбул; киевский князь упоминается как один из противников булгарского царя.

В эпическом произведении представлено мифологическое представление народа, описывается взаимоотношение людей и богов. Согласно воззрениям чувашей, боги живут на семислойном верхнем мире, могут иногда спускаться к людям. Взаимоотношения между богами и чувашами носят не всегда добрый характер. Бог Аслади на земле борется со злыми духами, во время сражения он уничтожает и племена чувашей. Народ отправляет посла к матери Аслади за помощью. В свою очередь, боги предоставляют возможность чувашскому богатырю исполнить свои обязанности. Богатырь Услади берет в жены дочь Земли Чёкеç, которая была предназначена Аслади. Он же закрывает дверь неба, через которую боги спускались на землю. Боги обсуждают судьбу чувашей на своих собраниях. Во многих случаях они склонны к уничтожению народа, так как у них много грехов. Поэтому они часто насылают на чувашей разные бедствия, злых духов.

В «Ульпе» изображается представление чувашского народа о земле обетованной. В стране «Сут кун» (светлый день, рай) люди не знают зависти, алчности, лени, лжи, здесь господствует трудолюбие, родственные и дружеские взаимоотношения, почитание старинных традиций. Простой народ также мог бы быть достойным счастливой доли, однако этому всегда противятся злые силы.

В эпическом произведении своеобразно представлено художественное пространство. В «Ульпе» художественное время условно равно длине судьбы Ульпа. Однако существуют детали, свидетельствующие о том, что до его рождения и после его смерти прошло и пройдет еще большое количество времени: родители богатыря дожили до 700 лет; живет его дед, которому еще больше лет; в завершении повествования сказано, что сын Ульпа Уртем женился, увел свое племя в благоприятные места. Автор делает акцент на том, что чувашский народ жил в стародавние времена и будет долго жить в будущем.

Художественное пространство в произведении представлено как реальное, условное и мифологическое. К мифологическому пространству относятся: семислойное небо, страна Сут кун, страна, где живет бабушка, подземный мир. Богатырь не раз посещает сказочные страны, достигает их, переплывая волшебные реки, поднявшись на гору. Чуваша также знают о существовании земель, где вечно лежат снега, растут белые ели, помнят о своей прародине Кавказских горах, поддерживают контакты со Стамбулом, Киевом. Упоминание о реках Волга, Черемшан, Свяга, горах Ейү (Урал), Хурату свидетельствует о местах проживания и کوچевания народа.

Произведение Ф. Сюина «Улып» по достоинству называют чувашской версией общетюркского мифа об Алпамыше. В повествование умело вплетены многие сюжеты сказаний об Улыпe, мифологических и исторических преданий, мотивы народных песен, поверья, описание быта и обычаев народа в сочетании с традициями тюркских героических эпосов. Знания об особенностях композиции, традициях эпических сказаний восточных, тюркских народов вдохновили автора на создание произведения. Автор сумел сохранить и передать в своем произведении богатство фольклорного и словесного материала чувашского народа, его мировидение. Общетюркские традиции сложения эпоса проявляются при изображении рождения и взросления богатыря, описании богатырских сражений.

Библиографический список

1. *Ильина Г.Г.* Улыпe в контексте фольклорно-образных параллелей Урало-Поволжья // Проблемы марийской и сравнительной филологии. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2016. – С. 252–256.
2. *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 3–53.
3. *Родионов В.Г.* Исследователь чувашского эпоса // Родионов В.Г. Стих. Слово. Образ: сб. статей разных лет. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 260–264.
4. *Одюков И.И.* Чувашские сказания об улыпах // Одюков И.И. Избранные труды: Исследования по фольклору и литературе, методические материалы. Воспоминания и документы. Письма, рецензии, отзывы. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 146–178.
5. *Софронова И.В.* История создания чувашского эпоса // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (19–21 марта 2009 г.). – М.; Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 137–141.
6. *Чекушкине Е.П.* Образ Улыпa – отголосок древнетюркского мира // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та, 2016. – С. 198–202.
7. *Юмарт Г.Ф.* Первая ласточка народного эпоса // Юмарт Г.Ф. Вопросы чувашского литературоведения, перевода и фольклористики: тезисы, статьи, рецензии, обзоры. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – С. 86–87.

References

1. *Il'ina G.G.* Ulypy v kontekste fol'klono-obraznyh paralelej Uralo-Povolzh'ya // Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. – Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2016. – S. 252–256.
2. *Rodionov V.G.* Voprosy zhanrovoj klassifikacii chuvashskogo fol'klora // Rodionov V.G. Ehtnos. Kul'tura. Slovo: sb. statej. – CHEboksary: Izd-vo CHuvash. un-ta, 2006. – S. 3–53.
3. *Rodionov V.G.* Issledovatel' chuvashskogo ehposa // Rodionov V.G. Stih. Slovo. Obraz: sb. statej raznyh let. – CHEboksary: Izd-vo CHuvash. un-ta, 2007. – S. 260–264.
4. *Odyukov I.I.* CHuvashskie skazaniya ob ulypah // Odyukov I.I. Izbrannye trudy: Issledovaniya po fol'kloru i literature, metodicheskie materialy. Vospominaniya i dokumenty. Pis'ma, recenzii, otzyvy. – CHEboksary: Izd-vo CHuvash. un-ta, 2008. – S. 146–178.
5. *Sofronova I.V.* Istoriya sozdaniya chuvashskogo ehposa // Problemy filologii narodov Povolzh'ya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (19–21 marta 2009 g.). – M.; YAroslavl': Remder, 2009. – S. 137–141.
6. *CHekushkine E.P.* Obraz Ulypa – otgolosok drevnetyurkskogo mira // CHuvashskij yazyk i literatura: teoriya i metodika: sb. statej. – CHEboksary: Izd-vo CHuvash. ped. un-ta, 2016. – S. 198–202.
7. *YUmart G.F.* Pervaya lastochka narodnogo ehposa // YUmart G.F. Voprosy chuvashskogo literaturovedeniya, perevoda i fol'kloristiki: tezisy, stat'i, recenzii, obzory. – CHEboksary: Izd-vo CHuvash. un-ta, 2013. – S. 86–87.

Жиляков Сергей Викторович

кандидат филологических наук

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет (Старооскольский филиал), г. Старый Оскол

szhil@list.ru

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОЕДИНКА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

В данной статье рассматривается проблема архетипического образа поединка в древнерусской литературе на примере «Сказания о Мамаевом побоище». Обосновывается идея о том, что на создание образа поединка значительное влияние оказывали не только интертекстуальные связи с древнерусскими произведениями, фольклорной и христианской традицией, но также и мифопоэтические приемы преобразования художественного текста, включающие символическое отражение действительности. На основе сравнения ветхозаветных образов-прототипов, их структурно-семиотического анализа делается вывод, что соответствующий эпический фон, героическая тематика и мифопоэтика художественных образов «Сказания» создавали соответствующее восприятие исторической действительности, обусловленное мифическим ожиданием перехода в обновленное государственное устройство. На этом фоне образный параллелизм, смысловой полифонизм, идейный монументализм, символизация и аллегоризация имени, заключенные в мифологической архетипизации, ритуальных конституциях и аллюзиях, способствовали и настраивали реципиентов на симметричную жанровую апперцепцию, подготовленную автором и традицией.

Ключевые слова: архетип, образ, поединок, символизм, древнерусская литература, восприятие.

В плане изучения поэтики древнерусской литературы особый интерес представляет выявление архетипических образов, мотивов, несущих общекультурную преемственность кодов и смыслов, особенно в их взаимоотношениях с ранними мифологическими, фольклорными и литературными памятниками, как зарубежными, так и собственного русскими.

Ристалища, турниры, поединки – все это наслаждало и будоражило воображение и чувства людей прошлого. Борьба, поединки составляют до сих пор важнейший феномен общечеловеческой культуры.

Структурная семантика военного поединка в культуре очень широка. Образ поединка, представляя в качестве архетипического, занимает «общие места» в сюжетосложении и поэтике текстов мифологического, фольклорного, эпического и иного воинского содержания. В античной военной практике «единоборство может служить оракулом, предвещающим ход сражения» [16, с. 132], судом, который «всегда сопутствует всякому состязанию, всякому поединку...» [15, с. 90–91].

Распространенным явлением борьба в рамках поединка выступала в космогонических мифах [7, с. 202–212]. В общем виде семантика борьбы/состязания, как показала О.М. Фрейденберг, означивалась в сознании человека древних времен метафорами еды, воскрешения/рождения, акта творения, брака и проч. [15, с. 66–67, 71, 73]. Так, победитель в борьбе уподоблялся солнцу, небу, царю – потестарным силам и образам, в которых явно прослеживалась вегетативная тематика.

В качестве формулы «общего места» образ поединка выделяется в качестве маркера, например, жанров воинского повествования [9, с. 228–240] в поэтике древнерусской литературы.

Состязательность игрового элемента поединка сохранилась в празднично-обрядовых играх Древ-

ней Греции, гладиаторских боёв Рима, турнирах средневековой Европы. Это нашло отражение также в произведениях художественной литературы, отражающих идею национального государственного подъема. К таковым, несомненно, относятся повести и сказания Куликовского цикла.

В целом проблеме изучения произведений Куликовского цикла посвящено множество исследований [5; 10; 13, с. 119–135]. Так, А.Н. Робинсон, кропотливо исследуя интерполяции, компиляции, перифразы цикла, указывает на взаимосвязь образной системы в целом как внутри произведений Куликовского цикла, так и со стороны «внешних» литературных и фольклорных источников зарубежной и отечественной традиции. Сам фрагмент борьбы, как справедливо отмечал А.Н. Робинсон, представляет «изображение героизма двух типов – традиционно эпического (“тленного”) и традиционно христианского (“нетленного”), – и это не казалось древнерусским читателям (живущим в повседневном дуализме. – С. Ж.) чем-либо противоречивым» [10, с. 34]. В.В. Кусков считал, «что в сознании авторов произведений, посвященных Куликовской битве, созданных в конце XIV – XV столетии, прочно укореняется мысль об исторической преемственности борьбы русского народа со степными кочевниками – печенегами, половцами, татарами» [5, с. 48]. Поэтому, следуя суждению ученого, в цикле многочисленны заимствования из текстов, описывающих предшествующие исторические баталии.

Известно, что цикл о Куликовской битве представлен «Сказанием о Мамаевом побоище» в различных редакциях, «Задонщиной» и летописными повествованиями о Куликовской битве. Каждое из произведений освещает под своим углом зрения знаменитое сражение. Однако центральный эпизод битвы, значащийся как поединок двух витязей (Александра Пересвета и Челубея), важнейший для

архитектоники и мифопоэтики всего цикла, присутствует только в «Сказании о Мамаевом побоище», в связи с чем вызывает первостепенный интерес.

Н.К. Гудзий считал, что в качестве источника для образа русского богатыря Александра Пересвета послужила былинная поэзия героического (воинского) типа сюжета (по классификации, предложенной В.П. Аникиным [1]), так как именно былинный тип, сформировавшийся, по мнению ученого, в XI–XIII веках, был предпочтительнее иных в качестве образца. К тому же фольклорное влияние подтверждается многочисленными песенными вставками в одном из списков, «к числу которых принадлежит описание выезжающего против Пересвета татарского богатыря, восходящее к былинному описанию встречи Ильи Муромца с Идолищем поганым» [3, с. 242].

Впрочем, не только отечественный фольклор участвует в создании образов богатырей и всего поединка. Активное воздействие на их становление оказывает ветхозаветная традиция (на что указывает авторское сравнение Челубея с Голиафом), через которую они испытывают трансляцию мифологического мировоззрения.

1. Сюжетные параллели. Итак, сопоставление Челубея с Голиафом не может не вызывать в свою очередь у читателя параллельное сравнение Пересвета с Давидом. Однообразность двух поединков обусловлена сходной исторической ситуацией, в которую помещена пара противников. Историческая битва израильского народа во под руководством царя Давида с филистимлянами имела решающее значение для обретения земли обетованной под единым началом Израильского царства. В свою очередь нельзя переоценить также огромную роль Куликовской битвы, положившей начало процессу освобождения Руси от ига и образования в дальнейшем Московского княжества. Отсюда Давид и Пересвет воспринимаются как святые избранники, от победы которых в поединке зависит судьба целого народа. Бог на царство избирает пастуха Давида вопреки Саулу, законному правителю: «И сказал Господь: встань и помажь его, ибо это он. И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после» [1 Цар 16: 12–13]. Провожая на битву с Голиафом, Саул сказал: «...иди, и да будет Господь с тобою» [1 Цар 17: 37, 45]. Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Ивановича и дает ему в помощники двух монахов-воинов, один из которых, Пересвет, и будет сражаться с Челубеем: «И передал их в руки великого князя и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранники». И сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами!» [11, с. 155]. Отчетливей типичность героев поединка проявляется в разного рода оппозициях.

2. Оппозиция «светлый» – «темный». Противопоставление по линии яркости – темноты, так же как чистоты – нечистоты, исходит из номинации героев. Имя-фамилия Пересвет означает “очень светлый”, “святой”. Как пишет В.Н. Топоров, корнем svet «обозначался, говоря в общем, высший нравственный тип поведения (святость), соответствующая жизненная позиция и субъект подобного поведения, воплощающий такую позицию (святой)» [12, с. 439]. Сакральность героя подкрепляется благословением его на бой. Имя собственное Александр в значении “защитник” усиливает в данном контексте положительную коннотацию святости. Давид (с древнеевр. “возлюбленный”) выделяется на фоне остальных своей лучезарностью. В Ветхом Завете он описан в ярких тонах, подчеркивающих чистоту и непорочность героя: «Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом» [1 Цар 16: 12].

Портрет Челубея конкретизирован отталкивающими чертами inferнального существа: «...И тогда выехал злой печенег из татарского войска... И был он для всех так ужасен, что никто не смел против него выйти...» [11, с. 167, 189]. Описание портрета категоризирует его носителя как абсолютно отрицательного персонажа. По этим чертам узнается прототип – библейский Голиаф, своим грозным видом и непривычно гигантскими размерами вызывающий у израильтян страх и трепет.

3. Оппозиция «свой» – «чужой», «свой» – «изгнанник». Мотив этот тоже сопутствует борьбе противоположностей. Давид и Александр Пересвет – герои, избранные богом, имеющие народное происхождение, от этого они становятся «своими», «близкими». В образе же Голиафа отражена идея чуждости, изгойничества. Имя его (haliad) означает с древнееврейского «изгнанник». К тому же безобразность физиологических черт воздействует отторгающе: «...Человек рослый, имевший по шести пальцев на руках и ногах, всего двадцать четыре, также из потомков Рефаима» [2 Цар 21: 20]. Челубей и Голиаф кичатся своим могуществом, поскольку в отличие от первой пары героев имеют благородное происхождение.

Все это наводит на мысль, что в основе поединка в «Сказании» лежит древний мифоритуальный мотив победы солярного бога над хтоническим, сил света над силами тьмы. Символически и аллегорически запечатлен извечный культурный дуализм, реализуемый в качестве архетипа психологического воздействия. А паритетный (ничейный) исход поединка наталкивает на мысль, что окончательный результат борьбы на тот исторический момент был неизвестен: еще пройдет немало времени, прежде чем татаро-монгольское иго полностью исчезнет с территории Руси и окончательная победа будет на стороне русского народа.

4. Образы двойников. Борьба диаметрально противоположных богатырей увязывается в древнем сознании с образами двойников, рассыпанными в поэтике «Сказания». Знаковым является то, что Флор и Лавр, святые братья-мученики, в день памяти которых Сергей благословляет войско с братьями-богатырями Пересветом и Ослябей, покровительствовали лошадям. Образ двойников-заступников восходит к мифологической древности и составляет аллюзию на их зооморфные ипостаси в лице известных индуистских близнецов Ашвинов, покровителей воинства, знаменитых всадников – Кастора и Поллукса, способствующих народным победам в Древней Индии и Древнем Риме, нередко представленных в образе лошадей или их метонимии – всадников. Кроме этого, в известном эпизоде князь Дмитрий Иванович обращается за помощью к первым русским князьям-страстотерпцам Борису и Глебу, представленным в древнерусской традиции двойниками, а значит, отчасти и близнецами. Сам поединок одного из братьев, хотя и не полностью, соответствует борьбе двойников (близнецов), поскольку в нем участвует только один из них. В модифицированном же виде он отражает мифологическую тематику, на что как раз указывают текстологические факты присутствия многочисленных образов-дублеров.

Обращаясь за историческими примерами, нужно признать, что именно соперничество двойников (близнецов) либо их участие в военных кампаниях феноменально подготавливает новый исторический период развития. В иудейской традиции, хрестоматийно известно, что первое братоубийство, во-первых, послужило толчком к появлению цивилизации (Каин основывает первый город Енох); во-вторых, оно аллегорично ознаменовало переход к новой социально-культурной формации общественных отношений, что отражено в победе земледельца (жертва Каина растительного происхождения) над скотоводством (жертва Авеля животного происхождения) [2, с. 157]. В другом мифологическом эпизоде убийство Рема Ромулом, сопровождающееся закладкой города Рима, может интерпретироваться как переход от «доцивилизации» к цивилизации, в котором роль конструктивной (строительной) жертвы играет смерть старшего из братьев.

В этой семиотической плоскости обнаруживаются следующие симметрические отношения: соответствие сражения земледельцев с кочевниками-скотоводами в рамках поединка Пересвета и Челубея с сюжетом состязания в процессе жертвоприношения Каина и Авеля при всей несимметричности ветхозаветной распри.

Однако последнее компенсируется мотивом жертвенности. Именно жертвенной борьбе близнецов (вариант: двойники) присущ аспект конструирования цивилизаций, ознаменованный сменой

исторических периодов. Это связано с другим семантическим маркером – космогонизмом как перифразой возведения нового мироустройства.

5. Архетип поединка как генерация новой ступени развития государства. В поединке нередко персонифицируется (символизируется) становление космоса (порядка), наступающего на смену разрушенному, побежденному хаосу.

В фокусе древнего сознания «хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь... а также в виде отдельных демонических (хтонических) существ, таких как змеи-драконы, древние великаны» [7, с. 206]. В отличие от него силы света феноменологизируют космос – антипод хаоса. В мифологическом ракурсе средоточие борьбы хаоса и порядка определяется установлением нового мироустройства. На это указывает, в частности, феномен жертвы, приносимой в процессе этого поединка [17, с. 41–43]. В переносном смысле это означало не что иное, как наступление нового периода в развитии общества. Ход и участники нашего поединка приобретают в тексте символическую аналогию борьбы космоса и хаоса, в котором ярким выражением хаоса является Голиаф, изображенный страшным великаном, тогда как космос, напротив, представлен смиренным Давидом. В «Сказании» же аналог порядка символически воплощен Пересветом, а Челубей или Темир-мурза есть образное воплощение беспорядка. С космическим размахом борьбы согласована степень колоритности и гиперболлизации самого боя в духе лучших мифо-фольклорных образцов: «и ударились они крепко, так громко и сильно, что земля содрогнулась, а оба они упали на землю и тут приняли конец; также и кони их погибли» [11, с. 189].

Всеобщий страх перед гибелью, как и желание ее уничтожить, обуславливает интеграцию древнерусских людей и приводит рать к окончательной победе, ибо «это избавляет от смерти поодиночке, которой люди боятся больше всего на свете» [4, с. 97]. Вот почему битва Пересвета, являющегося олицетворением мощи и отваги русской рати, представляет традиционный литературно-фольклорный архетипический образ, приобретает поистине фундаментальный мифологический характер, символизм которого заключен в противостоянии светлых сил темным.

Вдобавок очень важно, что сама битва происходила 8 сентября, в начале года по допетровскому летоисчислению [8, с. 24; 14, с. 80], что само по себе приурочивалось в сознании древнего человека к ритуальному обновлению мира.

Таким образом, по ходу исследования мы пришли к следующим выводам. Анализ текста «Сказания» по пяти ключевым модусам позволяет утверждать, что архетипический образ поединка относится к так называемым мифопоэтическим символам, отражающим мифологическое видение

действительности; его ритуализированная структура, выражающаяся в форме схемы противостояния и сопутствующих ей модусах, определяет генеалогическую линию от мифа через фольклор и ритуал к литературе и сохраняет генетическую память в виде общих сходных культурологических структур, моделей и элементов, а также изоморфизма отношений между ними. В-третьих, отрефлексирован агональный (игровой) момент и мифологическая борьба светлых сил с темными, света с хаосом, означающих не что иное, как воспроизведение мифологической модели обновления мира в рамках начала новой исторической парадигмы развития Московского княжества, а впоследствии – и царства в целом. От игрового элемента предзнаменования и судьбы в исследуемом мотиве поединка остается только рудимент, ограничивающийся отсутствием победного исхода борьбы. Побуждение использования его автором обусловлено стремлением следования литературному этикету и традиции написания эпических произведений, в которых «воинские эпизоды он подчиняет воинским представлениям» [6, с. 355], – не более того. При всем этом в архетипическом образе борьбы богатырей сохраняется более древняя семантика мифологического противоборства, объясняющая знаковый (больше – символический) и исторический характер взаимоотношений Руси и орды. В-четвертых, жертвенность Пересвета вписывается в традицию жертвенности близнецов национальных эпических произведений («Илиада», «Энеида» и др.), она типична эпическому сознанию и тенденциозна геройству.

Наконец, произведенное исследование говорит о том, что глубокий смысл произведения древнерусской литературы может быть вскрыт лишь при более широком вовлечении интертекстуальных связей синхронического и диахронического порядка, учитывающих специфику социокультурного контекста эпохи, в котором оно создавалось.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Пять видов былинных сюжетов в их историко-типологической характеристике (классификация, генетические предположения и характер анализа) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики: тезисы докладов участников VI Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». – 2011. – № 3 (45). – С. 9–10.
2. Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте: пер. с франц. – М.: Беловодье, 2003. – 480 с.
3. Гудзий Н.К. История древней русской литературы: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 589 с.
4. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.

5. Кусков В.В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. – М.: Наука, 1980. – С. 39–51.

6. Лихачев Д.С. Избранные труды: в 3 т. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Худож. лит. 1987. – Т. 2. – С. 261–654.

7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 408 с.

8. Пронн В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). – СПб.: Терра-Азбука, 1995. – 176 с.

9. Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1989. – Т. 42. – С. 228–240.

10. Робинсон А.Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. – М.: Наука, 1980. – С. 10–38.

11. Сказания и повести о Куликовской битве / изд. подгот. Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. – Л.: Наука, 1982. – 424 с.

12. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси. – М.: Гнозис, 1995. – 875 с.

13. Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв.: курс лекций; Развитие исторических жанров: материалы к спецсеминару. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 208 с.

14. Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. 1. – 608 с.

15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / общ. ред. Н.В. Брагинской. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

16. Хёйзинга Й. Homo ludens = Человек играющий / пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 384 с.

17. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

References

1. Anikin V.P. Pyat' vidov bylinnyh syuzhetov v ih istoriko-tipologicheskoy harakternosti (klassifikaciya, geneticheskie predpolozheniya i harakter analiza) // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki: tezisy dokladov uchastnikov VI Mezhdunarodnoj konferencii «Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi». – 2011. – № 3 (45). – S. 9–10.
2. Genon R. Izbrannye sochineniya: Carstvo kolichestva i znameniya vremeni. Ocherki ob induizme. EHzoterizm Dante: per. s franc. – M.: Belovod'e, 2003. – 480 s.
3. Gudzij N.K. Istoriya drevnej russkoj literatury: uchebnik. – M.: Aspekt Press, 2002. – 589 s.
4. Kanetti E.H. Massa i vlast' / per. s nem. L.G. Ionina. – M.: AST, 2015. – 576 s.

5. Kuskov V.V. Retrospektivnaya istoricheskaya analogiya v proizvedeniyah Kulikovskogo cikla // Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve. – M.: Nauka, 1980. – S. 39–51.
6. Lihachev D.S. Izbrannye trudy: v 3 t. Poehtika drevnerusskoj literatury. – L.: Hudozh. lit. 1987. – T. 2. – S. 261–654.
7. Meletinskij E.M. Poehtika mifa. – M.: Nauka, 1976. – 408 s.
8. Propp V.YA. Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-ehtnograficheskogo issledovaniya). – SPb.: Terra-Azbuka, 1995. – 176 s.
9. Prohazka E.A. O roli «obshchih mest» v opredelenii zhanra drevnerusskih voinskih povestey // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – L.: Nauka, 1989. – T. 42. – S. 228–240.
10. Robinson A.N. EHvolyuciya geroicheskikh obrazov v povestyah o Kulikovskoj bitve // Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve. – M.: Nauka, 1980. – S. 10–38.
11. Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve / izd. podgot. L.A. Dmitriev, O.P. Lihacheva. – L.: Nauka, 1982. – 424 s.
12. Toporov V.N. Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture: v 2 t. T. 1. Pervyj vek hristianstva na Rusi. – M.: Gnozis, 1995. – 875 s.
13. Trofimova N.V. Drevnerusskaya literatura. Voinskaya povest' XI–XVII vv.: kurs lekcij; Razvitie istoricheskikh zhanrov: materialy k specseminaru. – M.: Flinta: Nauka, 2000. – 208 s.
14. Uspenskij B.A. Izbrannye trudy: v 3 t. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1996. – T. 1. – 608 s.
15. Frejdenberg O.M. Poehtika syuzheta i zhanra / obshch. red. N.V. Braginskoj. – M.: Labirint, 1997. – 448 s.
16. Hyojzinga J. Homo ludens = CHelovek igrayushchij / per. s niderland. D. Sil'vestrova. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007. – 384 s.
17. EHliade M. Svyashchennoe i mirskoe / per. s fr., predisl. i komment. N.K. Garbovskogo. – M.: Izdvo MGU, 1994. – 144 s.

«БЕССМЕРТНЫЕ У НАС» РОМАНЫ КСАВЬЕ ДЕ МОНТЕПЕНА И ИХ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

В статье анализируется романное творчество известного представителя французской массовой литературы второй половины XIX века Ксавье де Монтепена (Xavier de Montépin). Его сочинения обычно крайне пренебрежительно оценивались критикой, но пользовались большой популярностью в царской России. Они достаточно широко публикуются и в России постсоветской; в то же время творчество Монтепена совершенно не привлекает ныне внимания французских издателей. В статье обращено внимание на взаимодействие различных тематических вариантов романа-фельетона в творчестве Монтепена. Подробно анализируется самый знаменитый из романов писателя – «La Porteuse de pain», который в современном русском переводе получил название «Лучше умереть!». Рассматриваются некоторые особенности как старых, так и новых переводов романов Монтепена, а также издательских паратекстов.

Ключевые слова: роман, роман-фельетон, массовая литература, перевод, заглавие, клише, детектив, сокращение, издатель.

Чрезвычайно известный во Франции второй половины XIX столетия писатель Ксавье де Монтепен (1823–1902) в глазах многих критиков и по сей день является своего рода символом низкопробной беллетристики. Между тем, на наш взгляд, его произведения – при всей их несомненной принадлежности к развлекательному чтению – достойны внимания со стороны литературоведов. «Известный мастак вульгарных романов», как его окрестил А.В. Луначарский [5, с. 306], Монтепен дебютировал в 1847 году и продолжал оставаться исключительно популярным вплоть до начала 1900-х. Ксавье де Монтепен воспринимался как полноправный преемник традиций Эжена Сю, причем большинству читателей было ясно, что популярный в те времена уничижительный ярлык «писатель для мидинеток» в первую очередь следует отнести не к создателю «Парижских тайн», а именно к Монтепену.

Монтепен родился в аристократической семье, однако стремился самостоятельно выйти в люди: в бурном 1848 году он пробовал пуститься в политическую журналистику, но без особого успеха. В самом конце 1840-х годов и в 1850-х годах он вместе с Эженом Гранже написал четыре исторических драмы на основе замыслов Александра Дюма. Хотя свое имя создатель «Трех мушкетеров» под этими пьесами не ставил, имеются письма, подтверждающие участие Дюма в создании сюжетов. К числу указанных пьес относятся «Башня Сен-Жак» («La Tour Saint-Jacques», из времен Столетней войны) и «Рыцари ландскнехта» («Les Chevaliers du lansquenet»; ландскнехт – название карточной игры; то была сценическая переработка самого первого романа Монтепена, написанного в соавторстве с маркизом де Фудра; премьера пьесы состоялась в парижском театре «Амбигю-Комик» 4 мая 1850 года). Таким образом, корифей массового чтения как бы благословил начинающего писателя, передал ему эстафету. К тому же именно Ксавье де Монтепен после того, как у Дюма случился первый

апоплексический удар (это произошло в апреле 1855 года), некоторое время редактировал его газету «Мушкетер» (учрежденную в 1853 году). При этом он очень настойчиво печатал на страницах газеты свои собственные опусы, так что в конце концов набил оскомину некоторым из читателей – те не могли взять в толк, почему издание, именовавшееся «Газетой Александра Дюма», перенасыщено произведениями другого автора.

Известность скандального толка принес Монтепену роман «Лоретки» (другой перевод названия – «Наштукатуренные девки», в оригинале «Les Filles du plâtre»). В феврале 1856 года в связи с выходом в свет этого пространного семитомного сочинения Монтепен был привлечен к судебной ответственности за аморализм. По словам В. Матющенко, «скабрезные эпизоды из его книги без зазрения совести и в качестве доказательства цитируют судебные газеты» [6]. Между тем в предисловии к «Лореткам» Монтепен приводит мотивацию содержащихся в нем пикантных сцен; объяснение предвосхищало тогда еще не разработанную эстетику натурализма – роман, указывал автор, должен являться фотографическим отпечатком нравов своей эпохи. Объяснение не помогло; преследованиям подверглись не только автор, но и издатель, и печатник романа. В итоге Монтепена приговорили к трем месяцам тюрьмы и денежному штрафу.

В 1860-х годах восхождению Монтепена к славе помешал создатель «Рокамболя» Понсодю Террайль, зато после его кончины в 1871 году автор «Лореток» вновь стал единоличным властителем умов читателей из третьего сословия. К началу 1890-х годов серьезную конкуренцию ему составили Эмиль де Ришбур, Шарль Мерувель, Пьер Саль и другие мастера романа-фельетона, однако к тому времени Монтепен уже являлся не просто знаменитостью, но и владельцем приличного состояния. Его годовой заработок составлял порядка 70 000 франков в год, а за строчку он получал от издателей один франк (высокое по тем временам

вознаграждение; для сравнения следует сказать, что тонна угля в тот же период стоила во Франции 28 франков). Монтепен владел двумя виллами на Лазурном Берегу, а постоянным его местожительством стал роскошный особняк в парижском пригороде Пасси, который со вкусом описывали репортеры. Не менее привлекательным блюдом для журналистов оказался и приключившийся в 1881 году в особняке пожар, уничтоживший богатую художественную коллекцию (ее стоимость оценивалась в полмиллиона франков; среди представленных в собрании художников стоит отметить Тьеполо, Андреа дель Сарто и Делакруа). К концу жизни Ксавье де Монтепен, подобно Полю Февалю, стал чрезвычайно благочестивым католиком.

В связи с тем, что в романах Монтепена нередко присутствуют криминальные сюжеты и полицейские расследования, современники порой воспринимали его как авторитетную фигуру в области громких преступлений, специалиста по запутанным судебным делам. Знаменательно, что в 1890 году именно к нему журналисты обратились с вопросами в связи со знаменитым «делом Гуффэ» [18] (авантюрист Мишель Эйро при содействии проститутки Габриэль Бонпар убил судебного исполнителя Гуффэ и расчленил его труп). Монтепен расценил дело как малоинтересное и заявил, что не простил бы себе появление подобного сюжета на страницах собственного романа. Попутно Монтепен без ложной скромности поставил себя в один ряд с Бальзаком, который в своем романе «Темное дело» (1841) выступил как один из провозвестников детективного жанра.

У Монтепена имелись как свои поклонники (и, разумеется, поклонницы), так и непримиримые враги. Флагманом последних можно считать сатирическую газету «Le Tintamarre», для которой Монтепен стал своего рода козлом отпущения, а «монтепеновщина» – предметом постоянного зубоскальства. Через несколько дней после завершения публикации в газете «Le Figaro» пространного романа-фельетона «Парижские трагедии» («Les Tragédies de Paris», печатался с 6 июля 1874 по 16 марта 1875 г.) на первой полосе «Le Tintamarre» появилось исполненное сарказма редакционное сообщение следующего содержания:

«В привычном жизненном укладе населения Франции образовалась опасная брешь.

На этой неделе публикация романа славного нашего коллеги Ксавье де Монтепена “Парижские трагедии” прервалась столь неожиданным образом, что многие граждане, не будучи готовыми к такому развитию событий, просто не понимают, на каком они свете.

Мы сожалеем, что в “Фигаро” действовали с такой решительностью.

Ну нельзя же одним махом тушить огонь переживаний целого народа, в особенности после того,

как на протяжении десяти месяцев это пламя не престанно поддерживали.

И вот, чтобы – насколько это возможно – избегнуть тех невзгод, которые мог бы принести столь резкий отказ от живительного, но горького снадобья, начиная с сегодняшнего дня мы предложим вниманию публики “Новые парижские трагедии”... <...>

Возможно, в этом продолжении нет того изящества стиля, той утонченности, наблюдательности и, самое главное, того правдоподобия, которые отличают дарование г-на Монтепена. Мы лишь надеемся, что читатели простят изъяны нашей публикации – ведь мы руководствовались самыми добрыми намерениями» [17].

Понятно, что «Новые парижские трагедии» представляли собой едкую пародию на «монтепеновщину».

Звезда Монтепена зашла во Франции довольно быстро. Примечательно, что посвященная этому писателю и опубликованная в 1912 году статья известного критика Феликса Дюкенеля была озаглавлена «Забывтые» [15]: действительно, к концу «прекрасной эпохи» некогда гремевший прозаик оказался вытеснен на дальнюю обочину французской словесности.

Если в первой половине прошлого столетия книги Монтепена всё-таки переиздавались у себя на родине, то в дальнейшем наступило почти полное забвение (в XXI веке, судя по каталогу Национальной библиотеки Франции, вышла лишь переработка в комикс романа «Врач бедноты»).

Примечательный факт: как раз в современной России начиная с 1992 года произошло некоторое оживление интереса к творчеству Монтепена – вышло около полутора десятков изданий его романов. Удивительным образом этот прозаик оказался более востребованным нынешними отечественными издателями, нежели другие, чрезвычайно популярные некогда в России французские беллетристы (например, ставший в свое время «притчей во языцех» Жорж Онэ).

Собственно, еще в дореволюционный период многие произведения Монтепена с успехом печатались в русских переводах. В какой-то мере показательными в этом смысле можно считать данные, приводимые в опубликованном в 1897 году «Библиографическом указателе переводной беллетристики». Они свидетельствуют о том, что к концу XIX века Ксавье де Монтепен был в России – наряду с Гюставом Эмаром – популярнейшим из французских беллетристов: по количеству опубликованных изданий он опередил и Дюма, и Поля де Кока, и Верна [4, с. 37]. Трудно установить общую численность переведенных книг, поскольку порой одни и те же произведения публиковались под разными названиями; так или иначе, речь идет приблизительно о шести десятках романов.

В 1903 году была предпринята попытка издать полное собрание сочинений Монтепена на русском языке – оно осталась нереализованной; вышел только первый том (роман «Марионетки – супруги сатаны», «*Les Marionnettes du diable*», 1860; переиздание – 1882, 1996). Девяносто лет спустя эстафету перехватило кишиневское издательство «ЭЯ», объявившее о выпуске восемнадцатитомного собрания сочинений писателя; судя по всему, этот проект также не был доведен до конца.

Упоминания о Монтепене можно встретить в художественной прозе и мемуарах многих деятелей русской культуры, что лишний раз говорит об успехе его сочинений в царской России. Так, Валерий Брюсов в своем дневнике пишет о своем гимназическом чтении следующее: «и вот для меня открылся новый мир: Габорио, Ксавье де Монтепен, Дюма-отец и несравненный Понсон дю Террайль» [1, с. 196]. А Федор Шалапин, впервые подвезжая к Парижу, припоминал свои впечатления от французской столицы, сформировавшиеся под влиянием чтения книг тех же Понсона и Монтепена [14, с. 153]. Известный переводчик Николай Христофорович Кетчер – тот самый Кетчер, который, по выражению И.С. Тургенева, «перепёл Шекспира на язык родных осин», – «любил читать романы Ксавье де Монтепена, хотя и страшно их ругал, но все же, по его словам, он не мог бросить чтение этих романов» [12].

С творчеством Монтепена был неплохо знаком Максим Горький. Он читал сочинения этого писателя в детские годы, по его собственному признанию, благодаря брату своего хозяина Виктора Сергеева. Один из романов Монтепена (без упоминания имени автора) фигурирует в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина». Среди персонажей этого масштабного произведения – агент охраны Митрофанов; он любил читать книги из разряда «жюльнических романов», а именно: «Рокамболь» (романный цикл Понсона дю Террайля. – К. Ч.), «Фиакр № 43» (следует: «Фиакр № 13»; роман Ксавье де Монтепена. – К. Ч.) и «Граф Монте-Кристо» (роман А. Дюма. – К. Ч.); из русских писателей филёра интересовал прежде всего автор исторических романов Е.А. Салиас [2, с. 318].

Не будет преувеличением сказать, что при всем обилии написанного Ксавье де Монтепеном этот писатель вошел в историю французской массовой литературы прежде всего благодаря одному своему произведению, печатавшемуся с 15 июня 1884-го по 17 января 1885 года на страницах газеты «*Le Petit Journal*» – роману «Разносчица хлеба» («*La Porteuse du pain*»). Публикация фельетона способствовала резкому повышению тиража газеты. Отдельное (двухтомное) издание выпустил в 1884 году Эдуар Дантю. Успех «Разносчицы хлеба» закрепила одноименная пьеса, написанная в соавторстве с Жюлем Дорнэ (первая постановка – всё тот же театр «Амбигю Комик», 11 января 1889 г.); некоторые

газетчики именовали ее «шедевром» и хвалили за удачное постановочное решение – при крайней запутанности интриги, вроде бы противоположенной сцене. В дальнейшем роман неоднократно экранизировался, причем самая первая киноверсия была снята в 1906 году Луи Фейядом, будущим автором кинематографического «Фантомаса».

«Разносчица хлеба» пользовалась столь высокой популярностью, что не читать ее среди представителей третьего сословия считалось зазорным – и это при том, что высоколбые критики книгу подчеркнуто игнорировали или осуждали как «чтение для кухарок». Странно, что этот роман Ксавье де Монтепена, самый знаменитый во Франции, никогда не издавался в дореволюционной России.

События романа начинаются в 1861 году. Вдова Жанна Фортге осуждена за преступление, которого она не совершала (убийство инженера Жюля Лабру, кража денег из фабричной кассы, поджог фабрики). Между тем она видела настоящего преступника – старшего мастера Жака Гаро (ранее, одержимый страстью к Жанне, он хотел сбежать с ней вместе в Америку, предварительно обокрав Лабру). Услышав приговор (пожизненное заключение), Жанна теряет рассудок и память, в то время как истинный преступник Жак Гаро наживает себе капитал в Америке. Двадцать лет спустя Жанна внезапно обретает рассудок и сбегает из тюрьмы, однако дети ее за это время бесследно исчезли; она отправляется на розыски Жоржа и Люси. В Париже, где следы детей теряются, она выступает в обличье разносчицы хлеба Лизы Перрен; встречается с Жаком Гаро, который вернулся во Францию под именем Поля Армана; тот пытается убить опасную свидетельницу, но не достигает своей цели. При помощи художника Этьена Кастеля и сына убитого инженера, Жоржа Лабру, Жанна в конце концов оказывается реабилитирована и указывает на виновность Гаро. В итоге найденная Люси Фортге выходит замуж за Жоржа, тот становится знаменитым адвокатом, а Гаро отправлен на каторгу. Как и полагается в большинстве классических образцов массового чтения, книгу венчает «хеппи энд»: «есть всё-таки справедливость на небесах!» [7, с. 572] – заключительная фраза романа.

Как видим, книга представляет собой соединение различных жанровых структур, неизменно пользующихся популярностью у широкой публики: криминальный роман, мелодрама, а также постепенно входящий в моду своего рода «производственный роман». При этом в ее основу положен весьма распространенный во второй половине XIX века жанр «романа о судебной ошибке» (он был представлен, в частности, в творчестве Поля Феваля, Понсона дю Террайля и Жюля Мари). В «Разносчице хлеба» отразился и чрезвычайно популярный в массовой литературе мотив переодевания, смены идентичности, апофеозом ко-

торого в начале XX века становятся романы о Фантомасе и об Арсене Люпене.

Книга и в наши дни читается с неослабевающим интересом: Монтепен придавал большое значение отделке формы, увлекательности сюжета и продуманности композиции (подробный анализ «грамматики повествования» в этом романе осуществила Анн-Мари Тиесс, один из немногих исследователей, занимавшихся творчеством Монтепена [19, с. 161–179]). Сразу, на первых же страницах книги, возникает «ружье», которому впоследствии предстоит «выстрелить» (игрушечная детская лошадка, которая в дальнейшем играет существенную роль в повествовании – в ней волею случая оказалась записка, свидетельствующая о невиновности Жанны).

Монтепен прилежно соблюдает характерные для романа-фельетона клише: например, подавляющее большинство положительных женских персонажей «Разносчицы хлеба» – голубоглазые блондинки. Преданность, чистая любовь и помощь слабым – неизменные особенности его положительных героев, тогда как отрицательные склонны к преступлению (вплоть до убийства), грубому шантажу и безудержной игре страстей (чувственные губы – важнейшая деталь портрета Жака Гаро).

Выше мы процитировали перевод, опубликованный два десятка лет тому назад издательством «Остожье». Надо сказать, что выпущенные в разные годы франкоязычные издания романа (включая газетную версию) несколько разнятся между собой. Например, нередко выпадает следующая примечательная ссылка на французского классика (в эпизоде, где речь идет о замыслившем преступление Жак): «"Бура в душе!" – как сказал величайший из поэтов нашего столетия» (не называя имен, Монтепен цитирует название третьей главы седьмой книги «Отверженных» Виктора Гюго) [16, р. 91]. Нет этой цитаты и в русском переводе – таким образом, переведена оказалась не самая пространная из версий романа: небольшие сокращения касаются в основном описаний портретов и интерьеров, а также авторских ремарок и подчас явно затянутых диалогов. Вообще же Е. Капитонова удачно передает несколько замедленный повествовательный ритм оригинала. Несмотря на отдельные случаи модернизации, в целом ее перевод следует оценить положительно; он выгодно отличается от многих переиздаваемых ныне старых переводов Монтепена.

Достойно сожаления, что отечественные издатели переименовали роман – разумеется, ради достижения большего спроса. Причем «Остожье» не сочло нужным нигде упомянуть оригинальное название (при том, что речь идет, как уже говорилось, о книге, во многом эмблематической для массового чтения рубежа XIX–XX веков). Кроме того, в некоторых случаях совсем не помешали бы постраничные сноски (например, выражение «гильошировальная машина, обрабатывающая не только

плоские конструкции, но и контуры» [7, с. 44] вряд ли что-то скажет большинству читателей).

Монтепен пробовал себя в различных тематических регистрах. Его, к примеру, можно считать одним из провозвестников жанра колониального романа: в 1867 году он выпустил книгу под названием, явно отражающим влияние Эжена Сю и уже вполне сформированной к тому времени традиции городских и всех прочих «тайн»: «Les Mystères de l'Inde». Первый русский перевод назывался «Индийские тайны с их кознями и преступлениями» и вышел в 1876 году. В России роман выходил также под названиями «Месть Шивы», «Месть принцессы Джеллы», «Тайные страсти принцессы Джеллы» и «Когда боги мстят». Автор предисловия к современному переизданию книги А. Романько характеризует ее содержание следующим образом: «В нем нет тонких наблюдений, философских рассуждений, научных экскурсов в историю. В нем есть главное – глубокое и искреннее чувство, соединяющее двух любящих друг друга людей» [13].

А в 1861 году Монтепен написал одно из самых известных своих произведений – уже упоминавшийся исторический роман «Врач бедноты» («Le Médecin des pauvres», в современном русском переводе – «Замок Орла»). Действие книги разворачивается в XVII столетии на фоне так называемой Десятилетней войны 1635–1644 годов. Главный герой романа – отважный капитан Лакюзон, он же Клод Прост, борец за независимость области Франш-Конте, со своим отрядом совершавший набег на французов.

Мы уже говорили о том, что в «Разносчице хлеба» имеется аллюзия на Гюго; есть она и во «Враче бедноты»: «...Мы... непременно попытались бы описать эту сцену, трогательную, полную живого очарования. Но на память нам пришла дивная глава из "Собора Парижской Богоматери", где затворница крысиной норы находит Эсмеральду, свою дочь, потерянную двадцать лет тому назад. Так что мы предоставим нашим читателям возможность, положившись на воображение, восполнить наше молчание» [11, с. 400]. Похоже, перед нами не столько скромная капитуляция перед авторитетом Гюго, сколько своеобразная попытка встроиться в ту самую «большую литературу», вход в которую Монтепену был вообще-то заказан.

Между тем значимость цитирования Гюго в «Разносчице хлеба» (1884) много выше, нежели во «Враче бедноты» (1861). Дело в том, что после падения Парижской коммуны Монтепен – он тогда являлся председателем Общества литераторов – обратился с письмом к руководителю Общества драматургов с призывом исключить из объединения великого поэта за сочувственное отношение к коммунарам (Гюго предлагал им укрыться в его брюссельском доме). Призыв, само собой, остался без ответа, а Гюго аттестовал Монтепена

как «производителя фельетонов, столь же нездоровых, сколь и скверно написанных». Монтепен не остался в долгу и нанес поэту ответный удар в своем романе «Драмы адюльтера» («Les Drames de l'adultère», 1873). На этом фоне цитата из «Разносчицы хлеба» воспринимается еще и как жест примирения с политическим противником.

Новому (2011 г.) отечественному изданию романа «Чревоушатель» («Le Ventriloque», 1876, первый русский перевод также датирован 1876 г.), была предпослана издательская аннотация следующего содержания: «...Остросюжетный детективный роман, в котором головокружительная интрига сочетается с неожиданной развязкой» (в старом русском издании стоял подзаголовок «уголовный роман»). Однако особенность романа заключается в том, что уже в середине книги читателю становится известно, кто совершил двойное убийство. Действие развивается достаточно замедленно (упоминание о «головокружительной интриге» – не более чем рекламный ход); повествовательная роль сыщика и собственно процесса расследования невелика, зато любовные похождения героев артикулированы в книге чрезвычайно подробно. Большую роль в происходящих событиях играет труппа бродячих актеров – топос, присутствующий во французском романе-фельетоне начиная с самого первого образца жанра, каковым являются «Приключения Жан-Поля Шоппара» Луи Денуайе (1832). Всё говорит о том, что роман «Чревоушатель» скорее следует отнести к жанру протодетektива, иначе говоря – криминального романа в духе Э. Габорио.

Интересно, что в новом издании этой книги присутствуют совершенно необязательные, с точки зрения современного читателя, сноски (перенесенные из старой публикации). Видимо, культурный горизонт публики конца XIX века требовал таких, например, пояснений: «чревоушатель» – «тот, кто способен говорить, не шевеля губами, так что звуки кажутся исходящими словно из живота, из чрева; предсказатель» [9, с. 34]. Но в наши дни сноска смотрится крайне странно (таким образом, перед нами противоположная крайность по сравнению с современным изданием «Разносчицы хлеба»).

К указанному жанру протодетektива тяготеет и упоминавшийся у Горького (с небольшим искажением заглавия) пространственный роман Монтепена «Фиакр № 13» (1880), который в России публиковался под оригинальным названием (1881, 1904, 1993), а также под заголовком «Сыщик-убийца» (1882, 1997). Примечательной особенностью книги является отталкивающий образ главного героя, полицейского инспектора Тефера – поначалу он становится сообщником убийцы, а потом и сам убивает своего подчиненного. Весьма примечательно описание квартиры Тефера: она «напоминала театральный склад костюмов и аксессуаров или лавку старьевщика в Тампле (название парижского квартала. – К. Ч.).

Повсюду были развешаны самые разнообразные костюмы: крестьянина, угольщика, комиссионера, лохмотья нищего, ряса священника, мундир и красные панталоны губернатора и тому подобное» [15, с. 211]. К тому же на двенадцати подставках здесь красовались разнообразные парики, а на туалетном столике размещались банки с белилами и румянами. Всё это предвосхищает тот богатый арсенал средств переодевания, которым пользовался Фантомас, а отчасти и Арсен Люпен. А эпизоды романа, где действуют парижские «апаши», как бы связывают универсум «Парижских тайн» Эжена Сю с преступным миром цикла о Фантомасе. Наконец, сам по себе приносящий несчастье фиакр не может не напомнить о леденящем душу средстве городского транспорта из романа П. Сувестра и М. Аллена «Ночной извозчик» (1911).

В 1881 году в Петербурге (на страницах журнала «Романы оригинальные и переводные», ежемесячное приложение к журналу «Луч», № 1–2, январь – февраль 1881 г.) вышел роман Ксавье де Монтепена, который в русском переводе получил название «Владелец Мессиака». Имя переводчика, как и в случае с «Сыщиком-убийцей», указано не было. В наше время книга неоднократно переиздавалась (в 1993, 2012 и 2013 годах). Кажется интересной аннотация от издательского дома «Ленинград», в которой достаточно точно изложен сюжет этого произведения: «Старинный таинственный замок Мессиака. Дворянин Телемак де Сент-Бат с супругой волею случая оказались в замке владельца Мессиака. Хозяин – граф Каспар – потомок древнего рода, история которого есть бесконечная череда преступлений, тайн и интриг. Каспар – достойный продолжатель рода. Он не зря приобрел репутацию Синей Бороды: жена в подземелье, любовницы умирают одна за другой... Он страстен и необуздан в своих желаниях и фантазиях... Сердце его одержимо любовью к прекрасной Одиллии, дочери заклятого врага семьи. Искушающая страсть лишила покоя могущественного владельца Мессиака. Чтобы стать ее мужем, он готов на всё...» [10, с. 4].

Между тем книги с таким названием у Монтепена нет; речь идет о контаминации произведений, составивших дилогию «Две любви» («Deux Amours»): «Одиль» и «Эрмин» (1885). Этот авантюрно-исторический, с готическими элементами роман очень сильно связан с традицией Дюма. В оригинале замок именуется «Massiac», а один из персонажей, секретарь суда, носит фамилию «Fripas»; в старой русской версии – вероятно, в результате опечаток – появляются соответственно «Мессиака» и «Трипас»; указанные и другие неточности бережно сохраняются во всех современных изданиях.

Конечно, указанные нами недочеты русских переводов романов Ксавье де Монтепена не яв-

ляются каким-то уникальным явлением: есть все основания констатировать, что неточности, пропуски и замены названий можно считать едва ли не нормой для публикаций французского массового чтения XIX века как в царской, так и в современной России. Самое же интересное заключается в самом факте весьма ощутимого присутствия Ксавье де Монтепена на нынешнем книжном рынке. Если оно будет продолжаться и в будущем, может исполниться шутовское пророчество Максима Горького относительно «бессмертных у нас, но давно уже забытых на родине Монтепена и Габорио» [3, с. 46].

Библиографический список

1. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2002. – 339 с.
2. Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Жизнь Клима Самгина. – М.: ГИХЛ, 1952. – 384 с.
3. Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Статьи 1895–1896 гг. – М.: ГИХЛ, 1953. – 454 с.
4. [Диксон К.И.] Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей литературы и критикой. – СПб.: А.А. Пороховщиков, 1897. – 142 с.
5. Луначарский А.В. Жюль Валлес и жанделеттры // Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1963. – С. 306–309.
6. Матющенко В. Об авторе // Ксавье де Монтепен. Замок Орла / пер. И.Н. Алчеева. – М.: Вече, 2014. – 444 с.
7. Монтепен, Ксавье де. Лучше умереть! / пер. Е. Капитоновой. – М.: Остожье, 1997. – 572 с.
8. Монтепен, Ксавье де. Сыщик-убийца. – М.: Остожье, 1997. – 717 с.
9. Монтепен, Ксавье де. Чревовещатель / пер. А. Залицкой. – М.: Столица, 2011. – 318 с.
10. Монтепен, Ксавье де. Владелец Мессиака. – СПб.; Ленинград, 2013. – 347 с.
11. Монтепен, Ксавье де. Замок Орла / пер. И.Н. Алчеева. – М.: Вече, 2014. – 444 с.
12. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы [Электронный ресурс]. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 415 с.
13. Романько А.М. Предисловие [Электронный ресурс] // Ксавье де Монтепен. Месть Шивы: (Индийские тайны с их кознями и преступлениями). – Кн. 1. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/368781-mest-shivy-kniga-1.html>.
14. Шаляпин Ф.И. Воспоминания. – М.: Локид, 2000. – 541 с.
15. Duquesnel, Félix. Les oubliés: Xavier de Montepin // Le Temps. – 21.02.1914.
16. Montépin, Xavier de. La Porteuse de pain [Электронный ресурс]. – P.: Geoffroy, 1903–1905. – 1200 p. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5504400t>.
17. Les Nouvelles Tragédies de Paris // Le Tintamarre. – 1875. – 21.03.1875. – P. 1.
18. Roy, Edmond. L’Affaire Gouffé et le roman-feuilleton // Le Gaulois. – 27.08.1890. – P. 2.
19. Thiesse, Anne-Marie. Le roman du quotidien: Lecteurs et lectures populaires à la Belle Époque. – P.: Seuil, 2000. – 286 p.

References

1. Bryusov V.YA. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma. – M.: OLMA-PRESS: Zvezdnyj mir, 2002. – 339 s.
2. Gor'kij A.M. Sobr. soch.: v 30 t. T. 21. Zhizn' Klima Samgina. – M.: GIHL, 1952. – 384 s.
3. Gor'kij A.M. Sobr. soch.: v 30 t. T. 23. Stat'i 1895–1896 gg. – M.: GIHL, 1953. – 454 s.
4. [Dikson K.I.] Bibliograficheskij ukazatel' perevodnoj belletristiki v svyazi s istoriej literatury i kritikoj. – Spb.: A.A. Porohovshchikov, 1897. – 142 s.
5. Lunacharskij A.V. ZHyul' Valles i zhaneletty // Sobr. soch.: v 8 t. T. 5. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1963. – S. 306–309.
6. Matyushchenko V. Ob avtore // Ksav'e de Montepen. Zamok Orla / per. I.N. Alcheeva. – M.: Veche, 2014. – 444 s.
7. Montepen, Ksav'e de. Luchshe umeret'! / per. E. Kapitonovoj. – M.: Ostozh'e, 1997. – 572 s.
8. Montepen, Ksav'e de. Syshchik-ubijca. – M.: Ostozh'e, 1997. – 717 s.
9. Montepen, Ksav'e de. CHrevoveshchatel' / per. A. Zalickoj. – M.: Stolica, 2011. – 318 s.
10. Montepen, Ksav'e de. Vladetel' Messiaka. – Spb.; Leningrad, 2013. – 347 s.
11. Montepen, Ksav'e de. Zamok Orla / per. I.N. Alcheeva. – M.: Veche, 2014. – 444 s.
12. Rejtblat A.I. Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury [EHlektronnyj resurs]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 415 s.
13. Roman'ko A.M. Predislovie [EHlektronnyj resurs] // Ksav'e de Montepen. Mest' SHivy: (Indijskie tajny s ih koznyami i prestupleniyami). – Kn. 1. – Rezhim dostupa: <http://e-libra.ru/read/368781-mest-shivy-kniga-1.html>.
14. SHalyapin F.I. Vospominaniya. – M.: Lokid, 2000. – 541 s.
15. Duquesnel, Félix. Les oubliés: Xavier de Montepin // Le Temps. – 21.02.1914.
16. Montépin, Xavier de. La Porteuse de pain [EHlektronnyj resurs]. – P.: Geoffroy, 1903–1905. – 1200 p. – Rezhim dostupa: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5504400t>.
17. Les Nouvelles Tragédies de Paris // Le Tintamarre. – 1875. – 21.03.1875. – P. 1.
18. Roy, Edmond. L’Affaire Gouffé et le roman-feuilleton // Le Gaulois. – 27.08.1890. – P. 2.
19. Thiesse, Anne-Marie. Le roman du quotidien: Lecteurs et lectures populaires à la Belle Époque. – P.: Seuil, 2000. – 286 p.

КАРОЛИНА ИНВЕРНИЦИО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ (на примере романа «Поцелуй покойницы» (1896))

В статье рассматриваются основные темы и образы романа Каролины Инверницио «Поцелуй покойницы» (1896), ставшего образцом всего творчества писательницы и знаковым явлением массовой литературы. Авантюрные повороты, мелодраматические ситуации, семейные тайны, роковая любовь, уклон в морализаторство, элементы «хоррора» – все это переплетено в одном художественном пространстве. Наиболее важны две составляющие поэтики романа: наряду с интересом к «ужасному», стремлением испугать читателя разговорами о трупах, кладбищах с «живыми мертвецами», произведения Инверницио выступали мощным средством морали, поддерживающей привычные ценности семьи и брака. Крепость семейных уз и семейный долг остаются безусловной нравственной ценностью, даже если внутри семьи происходит много странного и неоднозначного. Существенная новизна романа заключается в том, что нарушенный порядок восстанавливает героиня, сильная и предприимчивая женщина, способная на многое во имя семьи.

Ключевые слова: Каролина Инверницио, поцелуй покойницы, женский роман, массовая литература, тема смерти, тема семьи.

Каролина Инверницио (1851–1916) – одна из самых ярких представительниц массовой литературы в Италии конца XIX – начала XX века: одни боготворили ее, усыпая могилу цветами и украшая ее статую бронзовой короной, другие, напротив, были безжалостны и критичны к ее литературной продукции.

Сочинения Инверницио можно сравнить с мелодраматическими романами, характерными образцами которых, к примеру, являются «дамские» романы Лиала (1897–1995) (псевдоним итальянской писательницы Амалии Лианы Негретти). Однако с легкой руки Эмилио Дзанци, в 1932 году назвавшего Инверницио «мамой романа джалло» («giallo» – с итал. «желтый»), считается, что она на полвека предвосхитила итальянский детектив. Например, Ф. Портинари, наряду с морализаторством, находит и элемент расследования в ее романах и относит их к жанру «giallo investigativo» [11, p. 180]. Однако связь романов Инверницио с дальнейшим развитием детективной литературы в Италии весьма условна. Конечно, романы-фельетоны о городских тайнах, такие как «Парижские тайны» Эжена Сю или «Неаполитанские тайны» Франческо Мاستриани, частично уже наметили матрицу «классического детектива», и Инверницио, создавая своего рода флорентийские и туринские тайны, учитывала эту нарративную модель [13, p. 115]. Однако в ее сочинениях не найти независимой фигуры детектива, занимающегося расследованием преступления. Несравнимо большую значимость для дальнейшего развития детектива имел роман итальянского писателя Франческо Мاستриани «Мой труп» (1852), где появляется ключевая для детектива фигура следователя, доктора Вайса, который вместе с анатомическим описанием тела убитого барона включается в центральную линию повествования.

Однако Инверницио по праву стоит у истоков если не детектива, то итальянского «женского ро-

мана», а популярность среди читателей и издание собраний ее сочинений говорит о ее творчестве как о заметном явлении итальянской массовой литературы. Об этом свидетельствует уже то, каким скандальным образом проявилась тяга Инверницио к писательской деятельности. В школьном журнале был опубликован ее первый рассказ «О князе без сердца и чести, который обманывает и обольщает прекрасную прачку в замке» [4, p. 7]. Содержание нашли несоответствующим юному возрасту девочки, произошел скандал, закончившийся ее исключением.

Карьера Инверницио как писательницы началась в 1876 году, когда она дебютировала в жанре социального очерка («Драматический автор» в издании Карло Барбини в Милане). А уже в следующем году флорентийский издатель Адриано Салани выпускает ее первый роман «Рина, или Альпийский ангел», где определенно намечается ее ориентация на «женскую» романную модель и на женскую читательскую аудиторию. Спустя три года выходит второй роман «Пия де Толомей».

В 1881 году Инверницио выходит замуж за Марчелло Квинтерно, лейтенанта берсальеров, впоследствии ставшего директором военной хлебопечкарни. Преданная мужу, она стремилась и своим творчеством соответствовать его статусу и окружению. Даже язык ее романов, как отмечает У. Эко, – это «итальянский язык бюрократии, судебных секретарей... военных указов, полицейских участков, своего мужа...» [6, p. 23]. Вскоре (1886) семья переезжает из Флоренции в Турин, где рождаются новые сочинения, например «Нищий» (в 1910 году переименован в «Дочь нищего»), «Идеальный поцелуй» (1907). В Турине появляется роман «Поцелуй покойницы» (1886), впоследствии ставший самым популярным из более чем 120 произведений писательницы. Благодаря затронутым в нем темам и образам роман в определенной степени выступа-

ет образцом всего творчества Инверницио и знаковым явлением массовой литературы.

Сформировавшаяся с годами общая схема переходила из одного романа в другой. «Я, как говорится, набила руку. На то, чтобы написать роман от 200 до 250 страниц, – признается писательница, – уходило не больше недели, и я никогда не исправляла написанное» [15, р. 108], и, как сообщает Э. Роччелла, избежать путаницы в героях и сюжетах (Инверницио могла писать сразу два романа), ей помогала сестра Виттория, которая перечитывала тексты и вела таблицу персонажей [12].

Свои сюжеты она находила в судебной хронике, «из пустяка брала то, что было нужно» [15, р. 108]. Газеты не скупилась на рассказы об ужасных убийствах, судебных процессах, отравленных неверных женах, циничных и жестоких мужьях. Если верить Дж. Йоли, иногда Инверницио брала реальную историю как основу целого сюжета (например, «Авантюристка Лара»). Таким было требование издателей: «Некоторые журналы в Турине и за его пределами поручали мне писать романы-сенсации, где было бы много смерти, боли, немало непредсказуемых сюжетных поворотов, а также некоторых элементов детектива» [15, р. 107–108]. Со временем фельетон становится обозначением особого (и полюбившегося массовому читателю) романного жанра со своими правилами. У. Эко перечисляет их: каждая часть текста в газете завершается на решающем моменте, диалоги рождаются экспромтом, нередко рассказываются истории о прошлом персонажей, в которых появляются новые герои, в свою очередь повествующие о своем прошлом, и так далее. Все это позволяло отложить финал сочинения и, как следствие, удерживать внимание читателя [6, р. 17].

Наследие Инверницио велико, однако качество написанного часто вызывало много вопросов. Она понимала, что «ее книги не пользовались известностью среди великих критиков и строго оценивались образованной публикой, теперь желавшей все более утонченной пищи» [15, р. 106]. При этом писательница была убеждена в одном преимуществе своих произведений: «Вы не найдете в них притворства, эксцентричности стиля: вам не придется разгадывать замысловатые фразы, подтексты... игры слов, которые часто доставляют головную боль... Все просто, потому что правдиво» [8, р. 34]. Своих современников Инверницио оценивала по тому же принципу. Так, Габриэле д'Аннунцио лишен ценной для нее простоты, «слишком роскошный писатель: его романы как будто “жемчужины”, сделанные ювелиром или кондитером» [15, р. 108]. К Джованни Верга итальянская писательница была более благосклонна. Романы «Семья Малаволья» и «Истинная тигрица» сделали его одним из ее любимых авторов, среди которых она называла Джакомо Леопарди, Вальтера Скотта, Виктора Гюго.

Среди критиков «простота» и «правдивость» сочинений Инверницио в действительности ценилась невысоко. Ее осуждали за количество и качество сочинений, называли прислужницей («la Carolina di servizio»), «трусливой создательницей миров» (Б. Кассинелли), «бесстыдной марабельницей бумаги» (Дж. П. Лучини), называли ее сюжеты «бредом безумия» (Э. Роччелла). За плохой стиль Инверницио критикует также У. Эко. «Литературные блюда» писательницы Портинари называет перенасыщенными, избыточными, будто это «чесночное масло с острым красным перцем» [11, р. 188].

«Поцелуй покойницы» – не исключение. Авантюрные повороты, мелодраматические ситуации, семейные тайны, роковая любовь, уклон в морализаторство, элементы «хоррора» – все это переплетено в одном художественном пространстве. В интриге романов Инверницио особое место занимает «страшное» и шокирующее. Писательница часто обращается к теме смерти, в разработке которой поэтика «страшного» имеет в литературе богатую историю. Стремление запугать, вселить в читателя страх, связанный в сознании обычного читателя со смертью, проявляется в кричащих «макабрических» названиях ее романов (например, «Погребенная заживо» (1896), «Любовь и смерть» (1904), «Муж покойницы» (1915) и пр.). В романе «Поцелуй покойницы» нет, однако, психологического переживания смерти, только пафосные слова о ее всевласти на кладбище, призванные, по-видимому, вызвать у читателя страх прикоснуться к «запредельному». Писательница прибегает к романтически аффектированной стилистике для создания напряженной атмосферы присутствия этого «запредельного»: смерть «впереди, позади, рядом с нами, под нашими ногами, под травой, которую топчем; невозможно избавиться от мысли о ней. Даже самый сильный, самый скептический человек дрожит, он чувствует, как сердце сжимается от холодного давления. Памятники в наших глазах принимают странный вид, фантастический, эксцентричный; тени нечеткие, размытые, кажутся парящими перед нами, между могилами, в воздухе; холодный пот стекает по всему телу, губы становятся немymi».

Эта тенденция продолжается и в рассказах Инверницио. В «Воспоминаниях могильщика» (1891) показано неестественное отношение к смерти: «С самых малых лет покойники были мне знакомы, как и вид трупа не вызывал никакого отвращения; часто, в то время как мой отец выкапывал яму, укладывая голые черепа и кости, я радостно полдничал, сидя на бугорке из только что выкопанной земли». Обыденно спокойное отношение героя рассказа к мертвому телу и смерти напоминает философский цинизм могильщиков из шекспировского «Гамлета», швыряющих кости и черепа в мо-

гилу («Привычка превратила это для него в самое простое дело», – объясняет их поведение Гораций) или могильщиков из «Посмертных записок Пиквикского Клуба» Ч. Диккенса («наши могильщики – самые веселые люди в мире»).

В «Поцелуе покойницы» присутствует еще одна составляющая достаточно хорошо освоенной литературой XIX века поэтики «макабрического» – мотив погребения заживо. Роман начинается с того, что герой по имени Альфонсо вместе с юной супругой прибывает поездом из Ливорно во Флоренцию к своей сестре, графине Кларе Рамбальди, в последнем письме просившей о помощи и предупреждавшей о том, что ей грозит опасность. На вилле он узнает, что два дня тому назад Клара умерла, однако еще не погребена, ее тело в ожидании похорон находится в часовне на кладбище. В последний раз целуя сестру, Альфонсо чувствует ответное движение ее губ. Оказалось, что Клару отравили, из-за мощного действия яда она находилась в бесчувственном состоянии, и ее едва не похоронили живой. Для усиления атмосферы ужасного Инверницио следом рассказывает историю одной молодой особы, признанной умершей и по обычаю похороненной в положенное время. Когда по просьбе матери, не успевшей попрощаться с дочерью, гроб был выкопан, все присутствовавшие стали свидетелями последствия этой, по словам писательницы, весьма распространенной медицинской ошибки. Человек, похороненный живым, в итоге умирает от удушья: «На лице трупа были следы многих мучений и боли, испытанной несчастной девушкой, в одной руке еще была сжата прядь волос, вырванная в сильнейшем отчаянии, другая рука была наполовину искусана». Исследователи полагали, что нагнетание ужаса и запугивание читателя журнальными выписками о погребении заживо, – одна из литературных находок Инверницио, рождающих напряжение [11, р. 182–183]. Главное, это позволяло удерживать внимание читателя, который, находясь в тихой и уютной домашней обстановке, вместе с героями проживает все предложенные ситуации.

Однако далее запугивания и нагнетания «макабрического» Инверницио не идет. Указанный случай преждевременного погребения остается внешним для дальнейшего развития сюжета элементом, упомянутым по случаю, в качестве отступления. Для сравнения вспомним, в какое состояние приводит мысль оказаться похороненным заживо героя Эдгара По в рассказе «Преждевременное погребение» (1844). Герой, не знающий покоя ни днем ни ночью, пытается избежать этой врачебной ошибки. Он перестраивает склеп так, чтобы его можно было открыть изнутри, делает в нем доступ для света и воздуха, отводит место для еды. Гроб с открывающейся от малейшего движения крышкой он утепляет и делает мягким. Другой пример – барон

Эдмондо из романа Матриани «Мой труп» (1852), буквально парализованный мыслью о погребении, к которой добавлялся страх быть похороненным заживо. Он был убежден, что из ста погребенных как минимум тридцать оказываются еще живыми. Потому он решает позаботиться о своем трупе. Барон составляет завещание, в котором содержалось пятнадцать пунктов, касающихся его тела: обязательное бальзамирование тела, охрана трупа на протяжении девяти месяцев, служение ему и забота, как при жизни. Только по истечении этого срока труп барона мог быть похоронен в бронзовом ящике.

Навязчивая идея и страх быть погребенным заживо у героев По и Матриани – следствия глубоких психических расстройств. Писатели не просто фиксируют ужасный факт, их герои одержимы страхом и потому прикладывают все усилия, чтобы избежать ужасной участи. Только представьте, говорит По: «Невыносимая тяжесть в груди, удушливые испарения сырой земли, тесный саван, жесткие объятия узкого гроба, черная непроглядная тьма, безмолвие, точно в морской пучине, невидимое, но осязаемое присутствие победителя-червя, мысль о воздухе и траве наверху; воспоминание о друзьях, которые могли бы спасти вас, если бы узнали о вашем положении; уверенность, что они *никогда* не узнают, что ваша участь – участь подлинного трупа, – все это наполняет еще бьющееся сердце таким неслыханным, невыносимым ужасом, какого не в силах себе представить самое смелое воображение» («Преждевременное погребение»). Мысль о «живых мертвецах» буквально сводит с ума героев По и Матриани, занимая все мысли и отравляя их повседневное существование. Инверницио, напротив, ограничивается скупым упоминанием одного случая преждевременного погребения, кратким натуралистичным описанием тела умершей и фразами-штампами вроде «крик ужаса сорвался с уст», «зрелище было ужасное», призванными обозначать общее впечатление страха.

Повествование первой части романа «Поцелуй покойницы» сменяет рассказ о семейном прошлом Клары и Альфонсо. Инверницио берет паузу и выстраивает дальнейший сюжет как «лабиринт» прошлых событий главных героев. Для писательницы тема семьи имеет особый вес: с одной стороны, семья выступает абсолютной, беспрекословной ценностью, с другой – внутри изображенной в романе семьи происходит много странного и неоднозначного. Так, отношения героев связывает семейная тайна – измена их матери, от которой родился Альфонсо (ребенок, рожденный от незаконной связи и потому всеми покинутый – частый образ), который оказывается братом героини романа Клары.

Мотив семейной тайны и разрыва семейных связей сменяется в романе еще одним мотивом отступления от кодекса семейных ценностей. Брат-

ская любовь Клары и Альфонсо носит явный инцестуальный оттенок. Инверницио описывает их долгие встречи с нежными объятиями, поцелуями и слезами счастья. Со стороны казалось, что они – пара влюбленных. Альфонсо даже ревнует сестру к ее мужу, графу Гвидо Рамбальди, ведь он «похитил сердце его Клары»: «Меня ей недостаточно? Видишь... я чувствую, что не смогу любить никого в мире больше, чем ее». Нежная связь между Klarой и Альфонсо вызывает ревность его супруги. Для Инес Клара – та, что завладела его мыслями и крадет часть любви ее мужа. Наконец, Гвидо, ничего не знавший о брате своей жены, не верит ее словам и сомневается в том, что и Лилия – его дочь. Двусмысленность братской любви становится главным поворотным элементом повествования. Дж. Дзаккария объясняет такой тип отношений тем, что «когда интимные отношения не могут выйти на пределы замкнутого семейного круга, становятся более показательными нежные связи между родственникам» [14]. Инверницио выводит на первый план скандальную тему неоднозначной близости братской любви, чтобы еще раз заинтриговать, шокировать своего читателя мотивом «страшного». На этот раз пространством для проявления «пугающего» и таинственного становится традиционная для романов (и особенно для «женского» романа) семейная тема, история отношений внутри одной семьи. Однако крепость семейных уз и семейный долг остаются безусловной нравственной ценностью.

Таким образом, наряду с поэтикой «ужасного», со стремлением «пощекотать» нервы, испугать читателя разговорами о трупах, кладбищах с «живыми мертвецами», вторая важная составляющая романной поэтики Инверницио – возвращение героев в семью, восстановление ценностей семейной морали, укрепление родственных уз, а также торжество женской заботы и материнского долга. Инверницио рисует образ сильной и предприимчивой женщины, способной на многое (если не на все) во имя семьи. Чтобы сохранить жизнь брата, Клара находит в себе силы и смелость обманывать отца; чтобы защитить дочь, она готова терпеть жестокость и унижение со стороны мужа; и в итоге, чтобы сохранить семью, она сможет оправдать и простить все его преступления.

Гвидо, муж Клары, – очень противоречивый герой. В глазах всех персонажей Гвидо – жертва. Несмотря на благородство, его персонаж нерешительный, наивный, ведомый (имя, вероятно, производно от *guidare*, «править», «руководить»). Вскоре после свадьбы с Klarой герой влюбляется в балерину по имени Нара. Он поддается роковой страсти, а подозрения в измене жены заставляют Гвидо принять план Нары и отравить Klarу.

Обстоятельства встречи Гвидо с Нарой весьма примечательны. Как подобает благородному юно-

ше, он защищает юную особу от некоего французского герцога, силой добивавшегося ее расположения. Ссора с герцогом закончилась дуэлью. Интересно, что Гвидо принимает вызов для того, чтобы отстоять свою честь. Дело в том, что он не может стерпеть насмешливый тон француза, когда тот говорит об итальянцах. Герой гордо заявляет, что быть итальянцем – достоинство: «Итальянцы часто защищали женщин. Так они обучали французов манерам». В этом видится сюжетное заимствование из романа М. Д'Адзельо «Эторе Фьерамоска, или Барлеттский поединок», в котором герой вступает за честь итальянцев, которых оскорбили французские солдаты [3, с. 281–284].

Важность осознания своих моральных ценностей, высоких душевных качеств итальянцев показана также в рассказе Инверницио «Две матери» (1885). В нем описывается эпизод борьбы ломбардцев против австрийского господства, вошедшей в летопись Рисорджименто под названием «Пять дней Милана» (18–22 марта 1848 года). Героиня рассказа, Марта, жена одного из предводителей восстания, недавно ставшая матерью, просит возбужденных злостью к врагам миланцев проявить к иностранке милосердие и сострадание: «Остановитесь... вы люди или звери? Если в ваших венах течет ломбардская кровь, покажите, что вы этого достойны; нет храбрости в убийстве беззащитной женщины... Каждый день мы осуждаем невероятные зверства немцев, желаем освободить нашу землю от палачей, и хотим ли мы, достигнув победы, подражать им? Побеждающий народ великодушен, не топчет павших, но им сочувствует». Акцентируя нравственные аспекты в своих романах об итальянцах, Инверницио в определенной степени примыкает к кругу писателей, взявшихся, подобно Де Амичису, «сделать итальянцев итальянцами», воспитать их национальное сознание... воспитать “сердце”, чувства каждого на живых примерах добра, сострадания, любви к родине, мужества, находчивости и стойкости, умения ладить с людьми» [2, с. 294–295].

Структурный анализ сочинений писательницы, предпринятый М. Романо, выявил устойчивую повторяющуюся схему, состоящую из смены двух действий. Одно вызывает напряжение, другое несет избавление от него, т. е. разрешение. Так, подмена человека (ребенка) сменяется его узнаванием; переодевание – разоблачением; похищение – обнаружением; измена – наказанием/прощением; проклятие – раскаянием; преступление (кульминация) – наказанием и пр. [13, р. 118–120]. В романе «Поцелуй покойницы» мы находим многие из перечисленных элементов. Ненависть Гвидо к жене из-за ревности – его раскаяние; измена героя – прощение Клары, похищение дочери Лилии – воссоединение с матерью, перевоплощение Клары в Черную Даму – ее разоблачение на суде. По-

следнее – часть авантюрного плана: герои отправляются в Париж, куда бежали Нара, Гвидо и его дочь Лилия, выдают себя за семью иностранцев и устраивают встречу графа Рамбальди с Кларой в ее новом образе Черной Дамы (*Dama Nera*). Он мгновенно влюбляется, узнавая в ней черты своей жены. И, наконец, последняя смена действий: преступление – наказание (преступников). На суде Клара опровергает возможность отправления, объясняя все произошедшее своим слабым здоровьем. Она восстанавливает честь мужа, вся вина ложится на Нара. Завершается роман весьма типичным для Инверницио описанием счастливых союзов Гвидо и Клары, Альфонсо и Инес, извозчика Нанни и гувернантки Джустины.

Примечательно, что закон и правосудие присутствуют в романе очень номинально, и после слов Клары невиновность Гвидо ни у кого не вызывает сомнений. По всей видимости, для Инверницио наказание виновных – дело, скорее, не «человеческого правосудия», а «суда божественного». Ее герои склонны видеть во всех событиях проявление высшей воли. От Бога зависит их жизнь, предотвращение преступления, восстановление справедливости, ведь он никогда не оставляет невинных и всегда карает виновных. Так, Альфонсо убежден, что его сестра жива, «потому что Бог – благой». Провиденциализм еще сильнее представлен в упоминаемом выше романе «Мой труп» Матриани. Писатель прямо говорит: «Кажется, что преступления часто получают большее наказание от небес за грехи, которые остаются скрытыми от глаз человеческой справедливости. В отношении морали никто не остается безнаказанным». Таким образом, не человеческое правосудие, но сама судьба, высший закон должны покарать виновных. Поэтому Нара оказывается не в тюрьме, а в психиатрической больнице: она сходит с ума, и из газет становится известно, что она выбросилась из окна.

М. Федерцони обратила внимание, что на характеры некоторых персонажей «Поцелуя покойницы» прямо указывают их имена: Клара – близкая к *chiara* (т. е. «сверкающая, светящаяся») выступает олицетворением блага и справедливости. Ее противоположность – Нара, чье имя вызывает ассоциации с *nera* (т. е. «черная») [7, р. 35]. По характерам Нара и Клара – совершенные антиподы. Оппозиция женщины-ангела («сладкий взор, чистое лицо, голубые глаза, бледные щеки») и женщины-демона («ослепительная красота с черными глазами, красными губами, вызывающей улыбкой»), как замечает Романо, – типологическая черта романов-фельетонов, рассчитанных «на менее образованную и утонченную публику» [13, р. 125]. Персонаж Клары, по-видимому, – *alter ego* самой Инверницио. В семейной жизни писательница настойчиво подчеркивала свою скромность и неприязнительность: «Если бы я могла учиться, я бы

стала неплохой писательницей... Если бы могла посвятить себя швейному мастерству, была бы хорошей портнихой. Надеюсь, что останюсь хорошей дамой и, как писательница, не сделала ничего плохого даже самой простодушной из домработниц и самой изобретательной из портних» [15, р. 110]. Она любила повторять «я простая и домашняя женщина», «хорошая дама», «добропорядочная синьора... жена полковника Комиссариата: я не актриса и не балерина». Как видно, эта оппозиция сохранится в ее сочинениях: балерина Нара не случайно оказывается отрицательным персонажем, ведь актрисы и балерины не могут быть благородными синьорами.

Однако границы добродетели и порока у Инверницио определены все же не столь четко. В определенный момент Клара предстает в образе решительной и предприимчивой Черной Дамы, которая порой прибегает к нечестным методам. Чтобы вернуть дочь и восстановить семью, она скрывается ото всех, обманывает Гвидо, добывается его доверия, а на суде оправдывает мужа, во всем обвиняя его любовницу.

В сильной, активной личности главной героини романа узнаваемы черты позднеромантических героинь (Пизана в романе И. Ньево «Исповедь итальянца» (1867)). Женщина в романах Инверницио занимает место тех самых «сверхгероев» (*dominatori*), о которых говорит Эко в отношении французских романов Сю, Дюма, Понсона дю Террай. У них в противоборстве добра и зла – ключевой подоснове романа-фельетона в принципе – участвуют так называемые «*superuomini*» («сверхлюди»). Ими выступают, например, граф Монте-Кристо, маркиз Родольф де Самбей («Парижские тайны» Сю). Их кредо – «справедливость должна восторжествовать, пусть даже через кинжал» [5, р. 90]. Однако фигура «сверхгероя» со временем претерпевает ряд изменений. Место общечеловеческих бедствий и несчастий занимают личные драмы и конфликты (в качестве примера Эко называет таких персонажей, как Фантомас и Арсен Люпен). На этом фоне все еще есть одаренный человек с чертами сверхгероя, но, уточняет Эко, исчезает ключевая его характеристика – отныне он борется не за общие, а за свои собственные интересы [6, р. 21].

У итальянской писательницы фигура претерпевает еще большую метаморфозу. Драматические узлы разрешаются не мужскими, а женскими персонажами (*donne vincitrici*). Инверницио еще и поэтому называют создательницей литературы *al femminile* (типично женской). Как и сверхгерои французских романов, они предприимчивы, что позволяет им восстановить нарушенный ход вещей, и они восстанавливают справедливость разными – например, обманом, хитростью – методами. И в отличие от «классических» *dominatori*,

героини Инверницио разрешают личные драмы (показательно, что в «Поцелуе покойницы» Клара движима исключительно личной целью – вернуть свою дочь и сохранить семью).

Из экскурса Эко в историю буржуазного общества становится ясно, какой была читательская аудитория итальянской писательницы. В отсутствие глав семейств жены-домохозяйки, а также служанки и мастеровой люд легко находили время для художественной литературы не самого сложного содержания. Совершенно правы были те, подчеркивает Эко, кто говорит, что романы, позже представленные такими именами, как Стендаль, Бальзак, Толстой, рождались «как товар для женщин и домашней прислуги» [6, р. 9]. Инверницио прекрасно понимала, что пишет для читательницы-домохозяйки мелко- или среднебуржуазного происхождения, а также малообразованного населения. Неслучайно у Антонио Грамши имя Инверницио как раз появляется в рассуждениях о национально-народном начале в литературе Италии: «...когда-то читали, а может быть, все еще читают Каролину Инверницио, хотя она писательница еще более низкопробная, чем всякого рода Понсоны и Монтепены» [1]. Тем не менее романы именно этой «почтенной наседки народной литературы» были способны «захватить толпу, заставить наивных, доверчивых и жадных читателей проливать слезы или содрогаться от ужаса» [1].

Романы Инверницио не только в основном говорили о женщинах, но и предназначались главным образом для них. При этом было бы преувеличением назвать Инверницио создательницей «матриархального нарратива», в котором новый женский персонаж, как пишет Роччелла, «не обходит границы патриархальной культуры, но ослабляет и разрушает их» и привычная «справедливость патриархального мира теперь не может наступить» [12]. Сочинения Инверницио в своей сути не предлагают новой морали. Героини не просто продолжают считаться с патриархальным миром и его ценностями, но в итоге именно их восстанавливают. Существенная новизна в том, что нарушенный порядок возвращает женщина, но ценности, за которые она борется, – семья, верность, честь, доброе имя – глубоко патриархальны. Слава, различные удовольствия, богатства – все это химеры, поучает своих читательниц Инверницио: «Могут ли в мире быть большие радости, чем домашние? <...> На самом деле, любящая и верная жена, хорошие дети, которые отражают в себе добродетель отца, матери, ручки малыша, которые сжимаются вокруг шеи... вот единственная цель, к которой все должны стремиться...» («Поезд смерти», 1905). «Верность и любовь – два главных признака женщины» («Поцелуй покойницы»). Женщина продолжает быть «ангелом-хранителем семейного очага» [6, р. 24], хотя и становится активнее в борьбе за его

сохранение: ради этого женщины Инверницио готовы сами быть злодейками.

Явная «женская» линия романа, защита семейных ценностей и морали обеспечила героиням Инверницио исключительный успех у самой широкой читательской аудитории, давно привычной к «полезной» литературе с обнаженным нравственно-дидактическим посылом и при этом весьма чувствительной к «увлекательному» – необычному, чрезвычайному и драматическому. Писательница сама понимала, что своим успехом обязана морализаторскому содержанию своих сочинений.

Иным образом объясняет популярность писательницы Романо – все дело в лицемерной, «приторной благопристойности буржуазного класса конца XIX века». Внешне безупречная среда на поверку оказалась «развращенной и гнилой внутри» [13, р. 151], жадной до мрачных историй о предательствах и убийствах, ядах и отмщении. Главное, чтобы в конце был восстановлен прежний порядок, спокойный быт и уют, вновь утверждены привычные ценности семьи и чести.

За то, что ее романы лишены непредсказуемости, критика решительно требовала исключения ее произведений из разряда «джалло». Само название «Поцелуй покойницы» говорит читателю, что героиня, считавшаяся умершей, на самом деле окажется живой. Сюжет последовательно снимает драматизм, рационально объясняет все неожиданное и нейтрализует «страшное». Читатель практически сразу знает, кто совершил преступление и где скрываются преступники. Инверницио вряд ли стремилась создавать оригинальные сюжеты. По Романо, сочинения итальянской писательницы выполняли другую задачу – позволяли читателям отвлечься от рутины домашнего быта, тихой и умиротворенной жизни в семье. Однако не стоит забывать о двойном начале творчества Инверницио – наряду с широким интересом к «ужасному», «могильно-драматическому», ее произведения с их нравственно-дидактической подосновой продолжали быть мощным средством морали, поддерживающей привычные ценности семьи и брака.

Библиографический список

1. Грамши А.Г. Народная литературы [Электронный ресурс] / пер. с итал. Р.И. Хлодовского // Искусство и политика: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1990. – Режим доступа: <https://xn--80aivjfyj3e.com/filosofiya-kulturyi/narodnaya-literatura-118313.html>.
2. Сапрыкина Е.Ю. Романтическая проза // История литературы Италии. – Т. 4, кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 277–323.
3. Сапрыкина Е.Ю. На линии «Сердца»: Рассказы Э. Де Амичиса в России // Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России: сб. науч. трудов. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 290–305.

4. Bonino Davico G.. Introduzione // G.. Davico Bonino, G.. Ioli. Carolina Invernizio. Il romanzo d'appendice. Atti del Convegno "Omaggio a Carolina Invernizio". Cuneo, 25–26 febbraio 1983. – Gruppo editoriale forma, 1983. – P. 7–13.

5. Eco U. Il superuomo di massa. Studi sul romanzo popolare. – Milano: Cooperativa Scrittori, 1976. – 225 p.

6. Eco U. Tre donne intorno al cor // Carolina Invernizio, Matilde Serao, Liala. Di Umberto Eco, Marina Federzoni, Isabella Pezzini e Maria Pia Pozzato. – La nuova Italia, 1979. – P. 5–27.

7. Federzoni M. Carolina Invernizio // Carolina Invernizio, Matilde Serao, Liala. Di Umberto Eco, Marina Federzoni, Isabella Pezzini e Maria Pia Pozzato. – La nuova Italia, 1979. – P. 31–52.

8. Il cuore oscuro dell'Ottocento, a cura di Riccardo Reim. – Roma: Avagliano, 2008. – 372 p.

9. Ioli G.. Due volti di Carolina Invernizio // G.. Davico Bonino, G. Ioli. Carolina Invernizio. Il romanzo d'appendice. Atti del Convegno "Omaggio a Carolina Invernizio". Cuneo, 25–26 febbraio 1983. – Gruppo editoriale forma, 1983. – P. 134–179.

10. Leoni M. Giudizi della stampa sull'arte di Carolina Invernizio // Cent'anni dopo. Il ritorno dell'intreccio. Almanacco Bompiani. A cura di Umberto Eco e Cesare Sughi. – Milano: Casa editrice Valentino Bompiani, 1971. – P. 83–85.

11. Portinari F. La macchina delle sorprese // Romanzi italiani dell'Ottocento. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1976. – P. 180–189.

12. Roccella E. Carolina Invernizio (1851–1916) // Italiane – Dall' Unità d'Italia alla prima guerra mondiale. Eugenia Roccella e Lucetta Scaraffia (a cura di). – 2004. – Vol. I. – 245 p.

13. Romano M. Mitologia romantica e letteratura popolare. Struttura e sociologia del romanzo d'appendice. – Ravenna: Longo Editore, 1977. – 192 p.

14. Zaccaria G. Carolina Invernizio. Dizionario Biografico degli Italiani [Электронный ресурс]. – Vol. 62. – 2004. – Режим доступа: http://www.treccani.it/enciclopedia/carolina-invernizio_%28Dizionario_Biografico%29/.

15. Zanzi E. La Mamma dei «Libri Gialli» // A. Levi. Si pecca ad ogni pagina. Le due vite di Carolina Invernizio. Bibliografia e Informazione. – 2013. – P. 104–110.

References

1. Gramshi A.G. Narodnaya literatury [EHlektronnyj resurs] / per. s ital. R.I. Hlodovskogo // Iskusstvo i politika: v 2 t. T. 2. – M.: Iskusstvo, 1990. – Rezhim dostupa: <https://xn--80aaivjfyj3e.com/filosofiya-kulturyi/narodnaya-literatura-118313.html>.

2. Saprykina E.YU. Romanticheskaya proza // Istoriya literatury Italii. – T. 4, kn. 1. – M.: IMLI RAN, 2016. – S. 277–323.

3. Saprykina E.YU. Na linii «Serdca»: Rasskazy EH. De Amichisa v Rossii // Genezis zarubezhnoj massovoj literatury i ee sud'ba v Rossii: sb. nauch. trudov. – M.: IMLI RAN, 2015. – S. 290–305.

4. Bonino Davico G.. Introduzione // G.. Davico Bonino, G.. Ioli. Carolina Invernizio. Il romanzo d'appendice. Atti del Convegno "Omaggio a Carolina Invernizio". Cuneo, 25–26 febbraio 1983. – Gruppo editoriale forma, 1983. – P. 7–13.

5. Eco U. Il superuomo di massa. Studi sul romanzo popolare. – Milano: Cooperativa Scrittori, 1976. – 225 p.

6. Eco U. Tre donne intorno al cor // Carolina Invernizio, Matilde Serao, Liala. Di Umberto Eco, Marina Federzoni, Isabella Pezzini e Maria Pia Pozzato. – La nuova Italia, 1979. – P. 5–27.

7. Federzoni M. Carolina Invernizio // Carolina Invernizio, Matilde Serao, Liala. Di Umberto Eco, Marina Federzoni, Isabella Pezzini e Maria Pia Pozzato. – La nuova Italia, 1979. – P. 31–52.

8. Il cuore oscuro dell'Ottocento, a cura di Riccardo Reim. – Roma: Avagliano, 2008. – 372 p.

9. Ioli G.. Due volti di Carolina Invernizio // G.. Davico Bonino, G. Ioli. Carolina Invernizio. Il romanzo d'appendice. Atti del Convegno "Omaggio a Carolina Invernizio". Cuneo, 25–26 febbraio 1983. – Gruppo editoriale forma, 1983. – P. 134–179.

10. Leoni M. Giudizi della stampa sull'arte di Carolina Invernizio // Cent'anni dopo. Il ritorno dell'intreccio. Almanacco Bompiani. A cura di Umberto Eco e Cesare Sughi. – Milano: Casa editrice Valentino Bompiani, 1971. – P. 83–85.

11. Portinari F. La macchina delle sorprese // Romanzi italiani dell'Ottocento. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1976. – P. 180–189.

12. Roccella E. Carolina Invernizio (1851–1916) // Italiane – Dall' Unità d'Italia alla prima guerra mondiale. Eugenia Roccella e Lucetta Scaraffia (a cura di). – 2004. – Vol. I. – 245 p.

13. Romano M. Mitologia romantica e letteratura popolare. Struttura e sociologia del romanzo d'appendice. – Ravenna: Longo Editore, 1977. – 192 p.

14. Zaccaria G. Carolina Invernizio. Dizionario Biografico degli Italiani [EHlektronnyj resurs]. – Vol. 62. – 2004. – Rezhim dostupa: http://www.treccani.it/enciclopedia/carolina-invernizio_%28Dizionario_Biografico%29/.

15. Zanzi E. La Mamma dei «Libri Gialli» // A. Levi. Si pecca ad ogni pagina. Le due vite di Carolina Invernizio. Bibliografia e Informazione. – 2013. – P. 104–110.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО О РЕЛИГИИ-ВЕРЕ

В статье рассматривается концептуальное поле «Религия» в картине мира Л.Н. Толстого. Определяется авторское содержание смежных понятий религия – вера – Бог – церковь. Философские работы Л.Н. Толстого отражают научный, аргументированный подход к определению религии. Человек является частью Бога. Концептуализируется такой аспект религии, как подчинение человека. Главное условие религии – равенство между людьми. Основная функция религии – регулятивная. Толстой смотрит на религию как на феномен человеческой культуры. Религия и вера рассматриваются как смежные явления: религия имеет внешний характер, вера – внутренний. Вера акциональна: она проявляется в делах и поступках. Акциональный аспект веры основывается на осознании смысла жизни, на золотом правиле этики и непротивлении злу насилем. В основе веры лежит осознание смысла жизни, предназначения человека. Это знание приобретает человеком путём исполнения воли Бога. Бог же осмысливается Толстым как идеальное, как любовь. Своё понимание религии/веры Толстой выражает с опорой на косвенную номинацию. Писатель отделяет истинную религию, веру от современной ему церкви, более того, он противопоставляет эти явления. Церковь, по мнению писателя, отступает от заповедей Христа.

Ключевые слова: Лев Толстой, религия, вера, понимание, концептуализация, категоризация, концепт.

Тема веры является ключевой для творчества Л.Н. Толстого. Она нашла своё воплощение как в художественном, так и публицистическом наследии писателя. Данная тема получает выражение с опорой на такие ключевые слова, как религия, вера, Бог, церковь. Перевод Л.Н. Толстым Евангелия, написание им трактата «Критика догматического богословия», отлучение от церкви зачастую трактуются как факты атеистического мировоззрения писателя. Такой подход является величайшим заблуждением: всю свою жизнь мыслитель стремился выстроить в соответствии с заповедями Христа, на протяжении всего своего творчества Толстой оставался религиозным писателем. Заметим, что особенности осмысления Л.Н. Толстым веры и религии осуществлялись преимущественно в философском и литературоведческом ключе. В данной статье речь пойдёт об особенностях концептуализации и категоризации представлений Л.Н. Толстого о религии и вере, то есть будет предпринята попытка лингвокогнитивной интерпретации мировоззрения писателя.

Философские работы Л.Н. Толстого отражают научный, аргументированный подход к определению религии. Ясная интенция – объяснить собственную концепцию религии/веры – отражена в заголовках произведений: «В чём моя вера?», «Что такое религия и в чём её сущность»). Толстой ведёт скрытую полемику как с людьми, отрицающими необходимость религии для современного человека, так и с теми, кто придерживается традиционной трактовки религии.

Изучая этимологию слова *религия*, писатель приходит к выводу, что этимон, указывающий на соединение, должен трактоваться как связь «человека с Богом» [4, с. 161]. Отношения этих категорий рассматриваются как партитивные: человек – часть Бога. Этимология слова определяет особенности трактовки религии «...как установление человеком его отношения к бесконечному существу или

существам, власть которых он чувствует над собой» [4, с. 162]. Тем самым концептуализируется такой аспект религии, как подчинение человека. Установление данных отношений, по Л.Н. Толстому, имеет осознанный характер. Человек намеренно подчиняется этой силе, которая помогает ему правильно совершать поступки: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека, установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью, руководит его поступками» [4, с. 163]. Толстой называет главные условия религии, одним из которых является равенство между людьми: «Всякая религия признаёт человека одинаково ничтожным перед бесконечностью, и потому всегда всякая религия включает понятие равенства всех людей перед тем, что она считает Богом... Так что признание равенства людей есть неизбежное, основное свойство всякой религии» [4, с. 164].

Основная функция религии, в понимании Толстого, – регулятивная: человек должен приумножать в себе божественное: «...Назначение же человека выводить практические правила из правила: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою...» [4, с. 191]. Религия «...есть устанавливаемое, согласное с разумом и современными знаниями отношение человека к вечной жизни и к Богу, которое одно движет человечество вперёд к предназначенной ему цели...» [4, с. 198]. Религия спасает человека, даёт ему ответы на нравственные вопросы: «Религия есть свод в одно согласное целое всех объяснений или ответов на те неизбежные и единственно интересные в жизни вопросы относительно жизни и смерти...» [1, с. 357].

Толстой смотрит на религию как на феномен человеческой культуры и приходит к выводу, что пока будет существовать человечество, будет существовать религия: «...Религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустра-

нимым условием жизни разумного человека и разумного человечества» [4, с. 161].

Толстой рассматривает религию и веру как смежные явления: религия имеет внешний характер, вера – внутренний. «Вера есть то же, что религия, с той только разницей, что под словом религия мы разумеем наблюдаемое вовне явление, верою же мы называем это же явление, испытываемое человеком в самом себе» [4, с. 171]. Все признаки и функции религии спроецированы на веру. Как и религия, вера основана на условии её осознанности субъектом, отсюда вытекают такие её важные характеристики, как осмысленность и понятность: «Вера есть осознанное человеком отношение к бесконечному миру, из которого вытекает направление его деятельности. И потому истинная вера никогда не бывает неразумна, несогласна с существующими знаниями, и свойством её не может быть сверхъестественность и бессмысленность...» [4, с. 171].

Вера акциональна: она проявляется в делах и поступках: «Вера ... есть то, что содействует делам, а дела – то, что совершает веру, т. е. то, что делает веру верою» [2, с. 404], является «единственной причиной добрых дел. Добрые же дела суть неизбежные последствия веры» [3, с. 244]. «Иаков говорит, что единственный признак веры – дела, вытекающие из неё, и что потому вера, из которой не вытекают дела, есть только слова, которыми как не накормишь никого, так и не сделаешь себя праведным и не спасёшься. И потому вера, из которой не вытекают дела, не есть вера. Это только желание верить во что-нибудь, это только ошибочное утверждение на словах, что я верю в то, во что я не верю» [2, с. 404]. Этот аспект веры связывает её с категорией добра. Причём добро понимается не в отвлечённом, а в вполне конкретном смысле. «...Вера не то что неразлучна с добрыми делами, но вера есть единственная причина добрых дел. Добрые же дела суть неизбежные последствия веры» [3, с. 244]. Нравственную основу понимания веры Л.Н. Толстым подчёркивает Е.Н. Чеснова: «Для Толстого характерно рассмотрение веры именно в сфере нравственности, где сам исследуемый феномен неотделим от религиозно-этических категорий» [5, с. 83].

В основе веры лежит осознание смысла жизни, предназначения человека. Это знание приобретает человеком путём исполнения воли Бога. «Основания веры есть смысл жизни, из которого вытекает оценка того, что важно и хорошо в жизни, и того, что неважно и дурно. Оценка всех явлений жизни есть вера» [2, с. 406]. Бог же осмысливается Толстым как идеальное, как любовь, как «начало всего» [4, с. 190]: «...Бог есть дух, проявление которого живёт в нас, и силу которого мы можем увеличить своей жизнью...» [4, с. 192].

Толстой отмечает, что такое понимание веры полностью отвечает учению Христа: «Кто поймёт своё отношение к хозяину, тот поймёт, что, толь-

ко покоряясь воле хозяина, он может иметь жизнь, и будет знать, в чём его благо, и будет иметь веру, для которой не будет ничего невозможного. Вот этой-то вере и учит Христос. Вера, по учению Христа, зиждется на разумном сознании смысла своей жизни» [2, с. 409]. Как видим, отношение к Богу, религии, вере Толстой моделирует с опорой на сценарий «хозяин – слуга», что вскрывает важный аспект названных выше категорий – они подчиняют человека, влияют на его волю.

Своё понимание религии/веры Толстой выражает с опорой на косвенную номинацию. Живые образы позволяют писателю не только ёмко выразить свои представления, но и вызвать перлокутивный эффект в сознании читателей.

Так, следствия из правила не противиться злumu Толстой уподобляет открытию ключом замка. «Положение о непротивлении злumu есть положение, связующее всё учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон. Оно есть точно ключ, отпирающий всё, но только тогда, когда ключ этот просунут до замка. Признание этого положения за изречение, невозможное к исполнению без сверхъестественной помощи, есть уничтожение всего учения» [2, с. 315]. Данная метафора вызывает аллюзии к образу закрытых ворот Царства Божия. Образ замка позволяет писателю выразить понимание того, что замок можно и не открыть, если неправильно воспользоваться ключом.

Толстой сопоставляет религию с живым организмом. Раскрывая позицию своих оппонентов, писатель сравнивает религию со слепой кишкой, отождествляет с болезнью, выделяя тем самым смыслы «ненужность», «вредность»: «...религия вообще отжила своё время и стала теперь не только бесполезным, но и вредным органом жизни обществ, вроде того, как слепая кишка в организме человека» [4, с. 157]. «Как бы болезнь, которую бывают одержимы некоторые люди и которую мы можем исследовать только по внешним симптомам» [4, с. 158].

Для выражения своей точки зрения Толстой прибегает к противоречащим образам. Образ живого организма позволяет подчеркнуть писателю идею внутренней жизни, движения религии: в своём развитии она проходит разные фазы. «После периода высшего развития религии всегда наступает период её ослабления и замирания, за которым следует обыкновенно период возрождения и установления более, чем прежнее, разумного и ясного религиозного учения» [4, с. 163].

Религия уподобляется главному жизнеобеспечивающему органу – сердцу: «Религия как была, так и остаётся... сердцем жизни человеческих обществ, и без неё, как без сердца, не может быть разумной жизни» [4, с. 163].

Подчёркивая важность религии для человека, Толстой прибегает к метафорам вечного двигате-

ля и огня: «...священный огонь религии, без которого не могла бы существовать жизнь человечества...» [4, с. 196].

Толстой отделяет истинную религию, веру от современной ему церкви, более того, он противопоставляет эти явления. Церковь, по мнению писателя, отстает от заповедей Христа и искажает их, превращаясь в своего рода караульщика: «Все церкви – католическая, православная и протестантская – похожи на караульщиков, которые заботливо караулят пленника...» [2, с. 441]. Церковь отнимает свободу, запугивая человека непонятными обрядами.

Таким образом, свою концепцию веры Толстой выстраивает отдельно от церковной. Писатель подчеркивает, что старается своё понимание веры максимально приблизить к учению Христа. Основное различие религии и веры заключается в том, что религия имеет внешнее выражение, а вера – внутреннее. Вера действительна, осмыслена, принята субъектом, а поэтому является выражением его воли, понятна ему. Этим вера отличается от суеверия, которое навязывает человеку церковь. Акционный аспект веры основывается на осознании смысла жизни, на золотом правиле этики и непротравлении злу насилем.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Определение религии-веры // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 17. – М.: РГБ, 2006.
2. Толстой Л.Н. В чём моя вера? // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. – М.: РГБ, 2006.
3. Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. – М.: РГБ, 2006.
4. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чём её сущность // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 35. – М.: РГБ, 2006.
5. Чеснова Е.Н. Осмысление феномена веры в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2012. – № 3. – С. 82–86.

References

1. Tolstoj L.N. Opredelenie religii-very // Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 17. – M.: RGB, 2006.
2. Tolstoj L.N. V chyom moja vera? // Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 23. – M.: RGB, 2006.
3. Tolstoj L.N. Issledovanie dogmaticheskogo bogosloviya // Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 23. – M.: RGB, 2006.
4. Tolstoj L.N. CHto takoe religiya i v chyom eyo sushchnost' // Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 35. – M.: RGB, 2006.
5. Chesnova E.N. Osmyslenie fenomeny very v religiozno-nravstvennom uchenii L.N. Tolstogo // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. – 2012. – № 3. – S. 82–86.

Дмитриев Андрей Петрович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

apdspb@gmail.com

Н.С. ЛЕСКОВ И Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ: МОМЕНТЫ ЕДИНОМЫСЛИЯ И РАЗНОГЛАСИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

В статье затрагивается актуальная тема изучения творческих контактов Н.С. Лескова с религиозно-общественными деятелями и реконструируется творческий диалог писателя с Н.П. Гиляровым-Платоновым, богословом и публицистом славянофильского направления. На основе газетных и отчасти архивных материалов 1860–1880-х гг. выясняются вопросы (богословские, исторические, литературные), которые сводили Лескова и Гилярова-Платонова в печати: полемика о старообрядческих училищах, гласность в отношении скопческой секты, посмертные оценки А.И. Герцена и князя А.А. Суворова, нехватка в школах законоучителей из священников и пути решения этой проблемы, борьба с общественным аморализмом, взгляд на проявления религиозного радикализма в среде беспоповцев-федосеевцев. Выясняется, что в общении двух писателей случаи полемического противостояния объяснялись не различием принципиальных позиций, а психологическими мотивами или недоразумениями и уравнивались моментами единодушия по важному церковно-общественному вопросу.

Ключевые слова: Лесков, Гиляров-Платонов, Герцен, публицистика, гласность, старообрядчество, творческий диалог, журнальная полемика.

Одна из недостаточно изученных в научной литературе о Н.С. Лескове тем – взаимоотношения писателя с его современниками. И наиболее интересны тут, на наш взгляд, параллели с представителями церковных кругов, религиозно-общественными деятелями, литераторами славянофильского направления – именно к ним внутренне тяготел Лесков, особенно начиная со второй половины 1860-х гг., когда после выхода в свет романа «Некуда» он, как известно, оказался в положении изгоя в литературном мире.

Примыкавший к славянофилам Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887), богослов, публицист, литературный критик, был довольно авторитетен в 1850–1880-х гг. и известен прежде всего как редактор-издатель ежедневной московской газеты «Современные известия» (1867–1887). Но впоследствии он оказался незаслуженно забытым, несмотря на усилия своих учеников и почитателей (см., например, статью Б.В. Никольского [12] и составленный С.Ф. Шараповым сборник критико-биографических материалов о Гилярове-Платонове [11]).

Выходец из провинциального (коломенского) духовенства, Гиляров-Платонов с 1848 г. преподавал в Московской духовной академии библейскую герменевтику и учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с 1854 г. – русскую церковную археологию и историю раскола в России – богословские дисциплины, которые особенно живо интересовали Лескова. Впоследствии газета Гилярова-Платонова имела в обществе стойкую репутацию «органа попов» именно за то, что шла против позитивистского мейнстрима. Правда, сам издатель на склоне жизни в письме к ученику И.Ф. Романову-Рцы (от 23 ноября 1886 г.) писал об этом так: «И Вам говорили, и сами Вы думали, что это “орган попов”. Вы теперь видите, что я не орган попов; но газета

не игнорирует ни Бога, ни Церкви, и этого достаточно» [10, с. 301]. Как видим, и в этом отношении точек соприкосновения Лескова с Гиляровым-Платоновым намечалось предостаточно.

Кроме того, в 1856–1862 гг. последний был цензором в Москве и одновременно участником славянофильских изданий: журнала «Русская беседа» и газеты «День», а позже и газет «Москва» и «Русь». Тесные дружеские и деловые отношения, начиная с 1853 г., связывали его с И.С. Аксаковым, который, как известно, состоял в переписке с Лесковым и в своей газете «Русь» опубликовал такие его программные произведения, как «Обнищеванцы» и «Левша».

Не сохранилось свидетельств о том, встречались ли Гиляров и Лесков. Вполне могли – например, в период до 1861 г. в какой-либо редакции или литературной гостиной Москвы; впоследствии Лесков обосновался в Петербурге, куда Гиляров наезжал редко, но и там не исключено было личное общение в публичных собраниях.

Одним их первых случаев, сведших их в печати, была газетная полемика о старообрядческих училищах, в которой Лесков не просто участвовал, но которую он несколько раз инициировал и возобновлял. В июле – августе 1863 г. Лесков по поручению «либерального» министра А.В. Головнина был командирован от Министерства народного просвещения к псковским и рижским старообрядцам, чтобы обследовать устроенные ими – в нарушение существовавшего законодательства – тайные школы для детей, но не в видах будущих репрессий (как это могло быть в предыдущее, Николаевское, царствование), а для изучения на месте вопроса о возможности (с учетом этого рижского опыта) организации правительственных общеобразовательных школ для детей раскольников по всей России. В итоге была составлена служебная

записка «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863), а также написан ряд статей, из которых выделяются: заметка «Раскольничьи школы» (1863), цикл «Искание школ старообрядцами» (1869), очерки «С людьми древнего благочестия» (1863–1865), «Иродова работа» (1882) и «Народники и расколоведы на службе» (1883).

В упомянутом цикле из четырех статей об «искании школ», печатавшемся с января по май 1869 г. в «Биржевых ведомостях», Лесков подводил читателя к сочувственному восприятию убеждения, к которому в тот период пришли старообрядцы: «...они видят, что настал час борьбы за существование и стремятся хотя бы насильно загнать свою “египетскую тьму” в училище...» [9, т. 6, с. 423]. Ту же позицию занял и Гиляров-Платонов. В передовой статье, оценивавшей взгляды как противников, так и защитников этих училищ, он писал о ведущем стремлении их учредителей «быть просвещенным и оставаться старообрядцем», отмечая, что «для большинства старообрядцев, ценящих и веру и образование, видится это только чрез посредство особых старообрядческих школ» (16 августа 1869 г.) [1, т. 1, с. 168].

В тот же период Лесков нередко солидаризируется с Гиляровым-Платоновым, рассуждая о скопческой секте и при этом цитируя материалы «Современных известий». Например, в свою передовую статью «Санкт-Петербург. 1-го февраля» [9, т. 6, с. 442–446] Лесков целиком включил корреспонденцию из Моршанска, подписанную криптонимом «Никак не-скопец», помещенную в № 28 «Современных известий» от 30 января 1869 г., а в передовой «Санкт-Петербург. 15-го февраля» [9, т. 6, с. 463–468] поддержал Гилярова-Платонова в той его мысли, что детям старообрядцев необходимо преподавать Закон Божий, чтобы они не дошли «до полного безверия или, по крайней мере, до индифферентизма», – в мысли, не раз им высказываемой и при этом подвергавшейся насмешкам других газет, авторы которых иронизировали в том духе, что «заботливость “Современных известий” о религиозном образовании раскольников весьма почтенна, но едва ли не излишня» [9, т. 6, с. 468]. Возвращаясь в передовице «Санкт-Петербург. 8-го марта» к нашумевшему «Моршанскому делу» о скопческой секте, Лесков решительно не соглашается с высказанным в газете «Голос» мнением о нежелательности предавать гласности некоторые одиозные подробности из истории скопчества (прежде всего о том, что скопцы выдавали своего главу Кондратия Селиванова за спасшегося Петра III). И снова обращается к газете Гилярова-Платонова: «“Современные известия” гораздо справедливее смотрят на это дело, когда говорят, что потемки, в каких держалась скопческая секта доселе, всего более способствовали ее успеху» [9, т. 6, с. 492].

Лесков здесь имеет в виду слова из передовых статей Гилярова-Платонова: «...более всего нужна гласность. Только тогда можно быть уверенным, что распутаются все узлы...» (30 января 1869 г.) [1, т. 1, с. 100]; «...тайнственность самой секты... Мрак впереди, мрак сзади, мрак кругом...» (15 февраля 1869 г.) [1, т. 1, с. 106].

Спустя без малого три месяца уже Гиляров-Платонов в передовой статье «Москва, 3 мая», обращаясь к газетным откликам на «Моршанское дело», выделяет передовые статьи Лескова (не зная, конечно, об его авторстве) как самые дельные: «...на столбцах “Нового времени”, “Биржевых ведомостей” и отчасти “Голоса” являются от времени до времени сведения и общие рассуждения о скопческой секте; некоторые, и между прочим в “Биржевых ведомостях”, обличают знающую руку» (3 мая 1869 г.) [1, т. 1, с. 108]. А месяцем позже Гиляров-Платонов с похвалой откликается на передовицу «Биржевых ведомостей», автор которой ратует за обязательное преподавание Закона Божия в единоверческих школах и использование в них старопечатных книг: «Нельзя не сочувствовать мысли “Биржевых ведомостей”...» (5 июня 1869 г.) [1, т. 1, с. 116]. Не исключено, что эта передовица тоже принадлежала перу Лескова (по содержанию она соотносится с вышеупомянутой его статьей «Санкт-Петербург. 1-го февраля»), хотя в настоящее время ему не атрибутирована и не включена в издаваемое ныне Полное собрание его сочинений.

Все эти переклички, несомненно, свидетельствуют о единстве Лескова и Гилярова-Платонова в их восприятии раскола – как национальной трагедии, кровоточащей раны русского религиозного сознания, которую следует не растревать репрессиями, но залечивать самоотверженным подвигом миссионерской любви [5].

Когда в начале 1870 г. в Лондоне умер Герцен, Гиляров-Платонов опубликовал в своей газете обширный некролог ему, где сетовал: «Нерадостная судьба! <...> Пожалеем о несомненном таланте, погибшем для России...» (11 января 1870 г.) [3, т. 2, с. 448], отмечая, однако, что он «своею судьбою доказал на деле всю благотворность свободной печати, всю опасность от ее принужденного молчания» [3, т. 2, с. 444]. Лесков откликнулся на эти оценки в статье из цикла «Русские общественные заметки», посчитав, что в последнем случае слово «судьба» неуместно, ибо «она совсем не свидетельство о его “косвенной полезности”: она только поучение для тех “бесповоротных” увлеченных, которым служил Герцен...» [9, т. 10, с. 208]. В остальном в своих отзывах об умершем оба публициста были единодушны.

На протяжении 1870-х гг. других таких встреч Лескова и Гилярова-Платонова на газетных столбцах, видимо, не было, если не считать откликов рецензентов «Современных известий» на но-

вые произведения Лескова. Например, в № 51 от 28 февраля 1878 г. был опубликован подробный пересказ рассказа «Некрещеный поп», а в № 338 от 7 декабря 1880 г. – пересказ очерка «Неуловимый многоженец».

Молчание было прервано в 1881 г. передовицей Гилярова-Платонова в № 308 от 7 ноября, в которой он откликнулся на статью Лескова «Безбожные школы», анонимно напечатанную в «Новом времени» [6]. При этом он, не называя имени писателя, прозрачно указывает на него: «По перу узнаем ее автора и принимаем к сердцу его упрек, нами, может быть, более других заслуженный, что не отозвались в свое время на книгу, разосланную от Министерства народного просвещения по всем редакциям...» (7 ноября 1881 г.) [1, т. 2, с. 297]. Речь идет о составленном Лесковым по поручению своего начальства по Ученому комитету докладе «О преподавании Закона Божия в народной школе» (СПб., 1880), вышедшем ограниченным тиражом (80 экз.) и в продажу не поступавшем.

Приведя статистические данные, свидетельствовавшие о том, что Закон Божий не преподается священниками в 20% школ, Лесков предлагал дозволить это обучение светским лицам. Гиляров-Платонов увидел в этом предложении «превратную постановку дела», поскольку «начальное обучение народа, и притом не одному Закону Божию, а вообще, есть *обязанность* духовенства...» [1, т. 2, с. 299]. Он так подытоживал сказанное Лесковым: «Причины, почему в требуемом числе не отыскивается законоучителей из священников, сводятся к следующим трем: 1) *они не могут*; 2) *они не хотят*; 3) *они не умеют*. *Они не могут*, где завалено их время или где училищ настолько больше числом, что законоучительского персонала не достает. *Они не хотят*, когда торгуются, находят другие занятия или даже безделье более для себя приятным и выгодным. *Они не умеют* <...> обучить тому, чему способна обучить каждая благочестивая мать семейства, даже нянька, даже простая баба, сколько-нибудь развитая» [1, т. 2, с. 300]. Таким образом, в этом случае Гиляров-Платонов и Лесков парадоксально разошлись в своих практических рецептах исправления нетерпимой ситуации. Первый шел от идеала (истинный священник призван к законоучительству), однако настаивал на *принуждении* к этому несознательного духовенства, а второй стоял на почве реальности, но призывал к *добровольному* приходу в школы энтузиастов из мирян.

Ответил Лесков Гилярову-Платонову спустя полтора года в статье «Вероисповедная реестровка», опубликованной в № 65 «Новостей и Биржевой газеты» от 7 июня 1883 г., где снова поднял вопрос о священниках – «нежелателях» учить детей. Поводом к ее написанию послужила передовица в № 148 «Современных Известий» от 1 июня 1883 г., в которой Гиляров приветствовал издание

Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». В связи с послаблениями старообрядцам и освобождением православного духовенства от полицейских по существу функций надзора за ними Лесков вслед за Гиляровым-Платоновым отмечает нехватку пастырей для преподавания Закона Божия в сельских школах. Обеспечение этими учителями, на его взгляд, напрямую связано с нравственным состоянием и материальным недостатком священства. При этом Лесков вводит тему свободы совести как потребности в живой вере, которую из опасения гонений приходится сберегать ценой лицемерия.

Вернувшись в этот период к разговору о положении старообрядцев Риги, начатому после поездки в этот город в 1863 г., Лесков в очерках «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1883) отталкивается от помещенных в № 41 «Современных Известий» от 11 февраля 1882 г. оценок губернатора князя А.А. Суворова. Лесков не уточняет, что заинтересовавшая его публикация являлась дословной перепечаткой передовой статьи из газеты «Рижский вестник» (№ 28 от 5 февраля 1882 г.), автором которой, вероятно, был редактор этого издания Е.В. Чешихин. Она называлась «Генерал-губернаторство князя Суворова в Прибалтийском крае» и, в свою очередь, излагала содержание статьи, опубликованной в связи с кончиной князя в рижской немецкоязычной газете «*Zeitung für Stadt und Land*» (№ 26–28 за 1882 г.). Тем не менее, Лесков именно Гилярову-Платонову приписывает нелицеприятную характеристику князя, прежде всего, «недоброжелательство Суворова русским людям, интересами которых он в Остзейском крае постоянно жертвовал в пользу немцев» [8, с. 89].

В том же 1882 г. Лесков упоминает о Гилярове-Платонове в статье «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства», рассуждая об общественных язвах: «...язвы эти, по справедливому выражению г. Гилярова, у нас хотят лечить не правильными приемами медицинской науки, а только одними старинными лекарствами, имевшими место у знахарей... Это не действует и, как в старину же говорили, – только “загоняет болезнь внутрь”» [7, с. 602]. Здесь, как видим, внимание Лескова привлекло образное публицистическое слово Гилярова-Платонова.

Наиболее продуктивно для русской культуры было, на наш взгляд, противостояние Лескова и Гилярова в области художественного изображения быта духовенства. Для нас несомненно, что одним из важнейших импульсов к созданию Гиляровым мемуарной книги «Из пережитого» (1884–1887) послужили «Мелочи архиерейской жизни» (1878–1880) Лескова. Однако этот вопрос требует тща-

тельной проработки и выносятся за рамки настоящей статьи.

Наконец, последнее из обнаруженных нами обращений Лескова к статьям Гилярова-Платонова и другим материалам его газеты – неподписанная острополюемическая заметка «Безобразная утка» в № 158 «Петербургской газеты» от 12 июня 1885 г. [8, с. 352–353]. Лесков возвращается к теме, непосредственно касающейся рижских старообрядцев, и, не скрывая раздражения, пытается опровергнуть информацию сенсационного характера о московском Преображенском старообрядческом кладбище, центре беспоповцев-федосеевцев, помещенную в «Современных известиях» И.В. Дьяконовым [4] (авторство статьи, подписанной криптонимом И. Д-ъ, установлено нами по архивному источнику — объяснительной записке Гилярова-Платонова московскому обер-полицмейстеру А.А. Козлову [2], датируемой по содержанию апрелем 1883 г.). Лесков, еще в 1863 г. познакомившийся с федосеевцами Москвы, Пскова и Риги, считал совершенно неправдоподобными сообщения об умерщвлении младенцев самими федосеевцами и их отказе молиться за царя (в 1848 г. они официально признали такое моление). Однако при этом он игнорировал тот факт, что в издании Гилярова-Платонова речь идет о *новых*, причем радикально-реформистских, явлениях в среде преображенцев: «бракоборцы», актуализировавшие свою изначальную веру в совершившееся пришествие антихриста, одержали верх над «новоженами» и «тропарниками» (приемлющими брак и моление за царя) и постановили гнать их из своей среды (отлучать от «церкви») [1, т. 2, с. 496–498; 2 июня 1885 г.]. Поэтому в своем искреннем возмущении («...откуда автор статьи “Современных известий” почерпнул сведение об умерщвлении, или утоплении, беспоповцами младенцев? Без сомнения, он смешал их со скопцами...» [8, с. 353] Лесков невольно противоречит своему обычному принципу предпочитать реальную жизненную практику — теоретизированию о ней: он решительно отказывается верить сообщениям очевидца, имеющим подтверждение в литографированных постановлениях федосеевского «бракоборного собора» (получивших, кстати, тогда же освещение и в официальном «Церковном вестнике»), и объявляет их «безобразной уткой». При этом Лесков показывает знание биографии своего оппонента, в течение шести лет служившего в Московском цензурном комитете: «Нельзя не удивляться, как г. *Гиляров-Платонов*, бывший очень долго цензором и считавшийся цензором самым *выскательным*, может допускать подобные дикие статьи в своей газете?» [8, с. 353].

Тот в ответ поместил подробное расколоведческое разъяснение для «наивного автора “Петербургской газеты”», то есть Лескова, впрочем вставшего на защиту бракоборцов из лучших либе-

ральных побуждений и из опасения новых правительственных репрессий, к которым в данном случае прямо призывал Гиляров-Платонов: «Разврат и детоубийство, возведенные в деяние, косвенно узаконенное, поощряемое религиозным верованием, для государственной власти ничуть не безразлично» (30 июня 1885 г.) [1, т. 2, с. 512].

Таким образом, в общении двух писателей, происходившем главным образом по инициативе Лескова, случаи полемики противостояния объяснялись, как правило, не различием принципиальных позиций, а психологическими мотивами или недоразумениями и уравнивались моментами единодушия по важным церковно-общественным вопросам. Прежде всего объединяло их деятельное сочувствие гонимым властями старообрядцам.

Библиографический список

1. *Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и церкви: сборник статей 1868–1887 гг. – М.: Изд. К.П. Победоносцева, 1905–1906. – Т. 1–2.
2. *Гиляров-Платонов Н.П.* Объяснительная записка московскому обер-полицмейстеру по поводу статьи «К слову о федосеевцах». Черновой автограф. Карандаш // ОР РНБ. – Ф. 847. – Д. 342. – Л. 1–5.
3. *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. – М.: Изд. К.П. Победоносцева, 1899–1900. – Т. 1–2.
4. *Д-ъ И. [Дьяконов И.В.]*. Греховодники: (из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеевца // *Современные известия*. – 1885. – 7 июня.
5. *Дмитриев А.П.* Преодоление «вероисповедной ксенофобии»: тема старообрядчества в русской литературе 1870–1880-х годов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, Н.С. Лесков и др.) // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2012. – Т. 13, вып. 4. – С. 180–189.
6. [*Лесков Н.С.*]. Безбожные школы // *Новое время*. – 1881. – 5 нояб.
7. *Лесков Н.С.* Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства: (справка для сведущих людей) // *Исторический вестник*. – 1882. – № 6. – С. 595–606.
8. *Лесков Н.С.* Иродова работа: русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882–1885 / вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А.П. Дмитриева. – СПб.: Пушкинский Дом, 2009. – 576 с.
9. *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Терра, 1996–2016. – Т. 1–13.
10. «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // *Возвращение Ги-*

лярова-Платонова: сб. ст. и материалов / отв. ред. В.А. Викторovich. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. – С. 209–364.

11. Неопознанный гений: памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: статьи, заметки, письма и выдержки, собранные и проредактированные Сергеем Шараповым. – М.: типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1903. – 99 с.

12. *Никольский Б.* Философ духа жизни // Новое время. – 1900. – 25 июля.

References

1. Gilyarov-Platonov N.P. Voprosy very i cerkvi: sbornik statej 1868–1887 gg. – M.: Izd. K.P. Pobedonosceva, 1905–1906. – T. 1–2.

2. Gilyarov-Platonov N.P. Ob"yasnitel'naya zapiska moskovskomu ober-policejsteru po povodu stat'i «K slovu o fedoseevcah». СHernovoj avtograf. Karandash // OR RNB. – F. 847. – D. 342. – L. 1–5.

3. Gilyarov-Platonov N.P. Sbornik sochinenij. – M.: Izd. K.P. Pobedonosceva, 1899–1900. – T. 1–2.

4. D-" I. [D'yakonov I.V.]. Grekhovodniki: (iz zhizni fedoseevcev i filippovcev). XXVII. Nedoumenie fedoseyanki // Sovremennye izvestiya. – 1885. – 7 iyunya.

5. Dmitriev A.P. Preodolenie «veroispovednoj ksenofobii»: tema staroobryadchestva v russkoj literature 1870–1880-h godov (I.S. Aksakov, N.P. Gilyarov-Platonov, N.S. Leskov i dr.) // Vestnik

Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – 2012. – T. 13, vyp. 4. – S. 180–189.

6. [Leskov N.S.]. Bezbozhnye shkoly // Novoe vremya. – 1881. – 5 noyab.

7. Leskov N.S. Vechernij zvon i drugie sredstva k iskoreneniyu razgula i besstydstva: (spravka dlya svedushchih lyudej) // Istoricheskij vestnik. – 1882. – № 6. – S. 595–606.

8. Leskov N.S. Irodova rabota: russkie kartiny, nablyudeniya, opyty i zametki: istoriko-publicisticheskie ocherki po Pribaltijskomu voprosu, 1882–1885 / vstup. st., sost., podgot. tekstov, komment. A.P. Dmitrieva. – SPb.: Pushkinskij Dom, 2009. – 576 s.

9. Leskov N.S. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – M.: Terra, 1996–2016. – T. 1–13–.

10. «Mnogoe tut razbrosano iskrami glubokoj mysli...»: (pis'ma N.P. Gilyarova-Platonova k I.F. Romanovu-Rcy)/ vstup. st., podgot. teksta i komment. A.P. Dmitrieva // Vozvrashchenie Gilyarova-Platonova: sb. st. i materialov / отв. ред. В.А. Викторovich. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. – С. 209–364.

11. Неопознанный гений: памьати Никиты Петровича Гилярова-Платонова: stat'i, zametki, pis'ma i vyderzhki, sobrannye i proredaktirovannye Sergeem Sharapovym. – M.: tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K°, 1903. – 99 s.

12. Nikol'skij B. Filosof duha zhizni // Novoe vremya. – 1900. – 25 iyulya.

ТЕМА ЖИЗНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье, которая является частью большой работы автора, рассматривается бытование понятий «жизнь», «живая жизнь» в русской литературе второй половины XIX века. Их популярность подтверждается использованием и поэтами, связанными с романтизмом (А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев), и радикалами-«утилитаристами» (Н.Г. Чернышевский), и представителями реалистического искусства (А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский). Смысловая наполненность указанных понятий была разной: от обозначения естественных потребностей человека до амбивалентного образа среды его пребывания в мире, от «борьбы за существование» до связи, соединяющей особь с вечностью. Сопоставление идей Достоевского и его героев с высказываниями персонажей Островского показывает, что эти идеи не носили эзотерического характера: они были, что называется, «на слуху» и «на языке» не только у представителей интеллектуальной элиты, но и у самых обычных людей и могли подвергаться пародированию и профанации.

Ключевые слова: русская литература второй половины XIX века, понятия «жизнь», «живая жизнь».

Тема «жизни» (и ее «сгущенный» вариант – «живая жизнь») возникает в произведениях русской литературы в первой половине XIX века. Об этом шла речь в двух моих предыдущих статьях [6, с. 100–104; 7, с. 55–60].

Во второй половине столетия «жизнь» и «живая жизнь» приобрели в отечественной словесности (особенно в прозе и публицистике) еще большее распространение. Объясняется это, в частности, закономерностями процесса популяризации удачно найденного понятия-образа. В стихотворении Баратынского «Мысль» (1837) показана судьба идеи: родившись в душе поэта, она затем тиражируется и огрубляется в прозе и, наконец, окончательно утрачивает свою былую свежесть и благоуханность в журналистике (наверное, сюда придется прибавить и литературоведение – ничего не поделаешь!).

Что касается использования понятия «жизнь» в поэзии, то здесь показателен пример, который дает творчество позднего романтика А.К. Толстого. Для его восприятия жизни характерна амбивалентность, которая до этого встречалась у Гёте и Пушкина [6, с. 101–103]. В мире А.К. Толстого мы снова находим соединение двух отношений к жизни: гетевская жизнь как «старая потаскуха» обернется русской «жизнью... бабой-ягою» и «жизнью-бабой старою, привередницей крикливою» [12, с. 183, 189]. Сердце борется с жизнью, и все-таки жизнь побеждает («Издавна сердце с жизнью боролось – / Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор» [12, с. 185]), и манит к себе, как прекрасная стихия («Играя далью золотистой, Нас манит жизни океан» [12, с. 188]). Всё это из стихотворений одного года – 1859-го. Осенью 1870 г. поэт жалуется, что каждое прикосновение жизни к живой душе доставляет ей боль:

С моей души совлечены покровы,
 Живая ткань ее обнажена,
 И каждое к ней жизни прикосанье
 Есть злая боль и жгучее терзанье [12, с. 200].

Однако в стихотворении, датированном 25 декабря того же 1870 года, то есть написанном в день Рождества Христова, читаем:

Но жаворонок там, над озимью звеня,
 Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная
 [12, с. 201].

И это ощущение начала новой жизни не обмануло поэта. В мае следующего года (1871) он поет гимн новой любви и новой жизни:

То на любовь мою в ответ
 Ты опустила вежды –
 О жизнь! о лес! о солнца свет!
 О юность! о надежды!

То было в утро наших лет –
 О счастье! о слезы!
 О лес! о жизнь! о солнца свет!
 О свежий дух березы! [12, с. 205, 206]

Обращает на себя внимание факт достаточно позднего (и единичного, насколько мне известно по опубликованным текстам этого автора) использования понятия «живая жизнь» у Тютчева. Казалось бы, кому, как не ему, – человеку, который прожил двадцать лет в Германии и общался с выдающимися деятелями немецкой культуры, – было подхватить и популяризировать в своей стране русский вариант выражения *lebendigen Leben* (вспомним Кюхельбекера и Языкова [7, с. 55–56]). Но нет, этого не произошло. Почему? Не потому ли, что, родившись у немцев, это выражение не было у них столь популярным, как потом у русских? «Живая жизнь» появляется в текстах Тютчева в начале 1870-х годов – к тому времени другие отечественные авторы (особенно Ап. Григорьев и Достоевский) успели сделать данное понятие весьма популярным. И вот 11 декабря 1870 г. в стихотворении «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» Тютчев пишет:

Дни сочтены – утрат не перечить...
 Живая жизнь давно уж позади –
 Передового нет – и я, как есть,
 На роковой стою очереди.

В письме к дочери Екатерине от 27 марта 1871 г. поэт пишет: «...Человек, старея, делается своей собственной карикатурой. То же происходит и с вещами самыми священными, с верованиями самыми светлыми: когда дух, животворящий их, отлетел, они становятся пародией на самих себя. Но современный мир вступил в такую фазу своего существования, когда живая жизнь в конце концов восторжествует над омертвевшими формами» [13, с. 351].

Во второй половине XIX века возникает новое понимание «жизненности» в литературе. Если раньше и западнику Белинскому, и славянофилу К. Аксакову представлялось, что именно Гоголь является поэтом и проводником жизни в отечественной культуре, а Пушкин представлялся во многом уже отставшим и отвлекшимся от жизни, то теперь восприятие двух больших художников переставало быть столь однозначным. Хотя описанное выше противопоставление продолжало существовать и популяризироваться демократами-утилитаристами, но понимание жизненности Пушкина активно утверждалось почвенниками. Новые идеи возникли и в лагере славянофилов.

При характерной для них общей «холодности» к Пушкину (по выражению Страхова) журналистика этого направления всё-таки являет пример искренней любви к поэту, которого в 50–60-е годы XIX века стало модным критиковать. Слово любви донеслось из провинции, из Харьковской губернии, и это было символично: как бы сама жизнь поправляла столичных теоретиков. Я имею в виду статью писательницы Кохановской (Н.С. Соханской) «Степной цветок на могилу Пушкина», опубликованную в славянофильском журнале «Русская беседа» (1859). Здесь тавтологичность в использовании слова «живой» достигает небывалой концентрации. Кохановская пишет о Пушкине: «Это – старший брат между нами, и его старейшинство не гнетет нас: оно словом расходится по миру, и слово живое живую душу животворит в нас» [5, с. 16]. Кохановская дает свое истолкование замечательного по религиозно-философской глубине стихотворения Пушкина «В начале жизни школу помню я...», не замеченного другими славянофилами. Об образе жены-воспитательницы в этом произведении Кохановская замечает: «Кто она? Сама ли олицетворенная Жизнь, с смущающей строгой красотой ее глубокого смысла, открывающегося нашему разумению? Или эта жена – святая жизненная мудрость, исходящая из Божественной Премудрости и простыми несомненными запечатлениями налегающая на наши души? Нельзя сказать» [5, с. 19]. И через несколько страниц автор статьи возвращается к этому образу, снова связывая его с началом жизни: «Жизнь с ее таинственным покрывалом на челе жены...» [5, с. 32]. Итак, по мнению Кохановской, у Пушкина мы имеем дело не просто с выражением жизни и живого (действитель-

ности), но действительности, заключающей в себе божественный смысл. Под этим тогда вряд ли кто-нибудь подписался бы. Мировоззренческий смысл автохарактеристики великого писателя: «Пушкин, поэт действительности...» (в статье 1830 г. «Денница») – был понят немногими, и в числе их оказалась Кохановская.

Как показывает пример Бакунина и Белинского, представление о «жизни» активно использовали радикалы, выступая в роли защитников истинных (естественных) потребностей человека и борцов с обветшалыми понятиями и порядками, мешающими процветанию этой «жизни» [7, с. 56–57].

Так, Д.И. Чижевский отмечает, что в конце 1840-х годов «вместо спекуляций в кружке Петрашевского говорили о “живой человеческой жизни”...» [17, с. 253]. Идеино близкий к петрашевцам В.Н. Майков свои критические разборы основывает на концепции, утверждающей первенство жизни как основополагающего принципа и критерия. В его работах постоянно возникают такого рода понятия, как «жизненное начало», «правильность жизненных отправлений», «жизненность». О герое своей главной критической статьи Майков пишет: «Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстного увлечения, что он пленялся жизнью, представляя ее себе в каком-то упоительном отвлечении, охватывая любовью все ее стороны разом, благословляя одним задушевым гимном все ее содержание, и добро и зло, и радость и горе». Эта идея самоценности жизни выражена в стихах «Без любви и с горем / Жизнью наживемся». Майков замечает, что процитированные стихи «составляют истинный пафос жизненности» [9, с. 81, 98, 117, 118].

Н.Г. Чернышевский в своей магистерской диссертации выдвинул известный тезис «прекрасное есть жизнь». При этом имелась в виду не жизнь, как она сложилась в России к пятидесятым годам XIX столетия, с ее противоречиями, но и положительным началом, в ней присутствующим и проявляющимся. Вернее, положительным началом считались природная естественность и основанные на ней здоровые понятия, которые сохранились несмотря ни на что, но которые подавлялись существующей идеологией, строим социально-политических отношений и нуждались в освобождении для успешного развития и всеобщего счастья. «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни» [14, с. 10]. Популяризируя идеи Чернышевского в то время, когда новое издание его трактата было невозможным, Н.В. Шелгунов так передает его наказ литераторам: «Говорите о жизни и только о жизни, отражайте действительность, а если люди не живут по-человечески, учите

их жить, рисуйте им картины жизни хороших людей и благоустроенных обществ» [16, с. 206–207].

Ограниченное понимание жизни как чего-то, что соответствует представлениям определенного круга лиц, проявляется у Чернышевского в цикле статей «Очерки гоголевского периода русской литературы». Здесь он критикует тех, кто считает необходимым «обратиться к более благосклонному взгляду на жизнь» [15, с. 244], то есть отказаться от тотального отрицания существующей действительности (добавлю: ради некоего мифического конструкта, существующего в голове очередного теоретика). Своих оппонентов Чернышевский уличает в романтизме, забывая, что именно в эпоху романтизма жизнь становится основополагающим культурным принципом. Но, как считает Чернышевский, тогда «никто не догадывался о лживости экзальтированного взгляда на жизнь» [15, с. 245]. Естественно, что жизнь существовала и в те времена, однако «обыкновенно жизнь и возбуждаемые ею убеждения были сами по себе, а поэзия сам по себе...» [15, с. 260]. «Провести живую идею» в России суждено было Белинскому, а вообще – системе Гегеля, «которая навсегда сохраняет историческое значение как переход от отвлеченной науки к науке жизни» [15, с. 268]. Именно критика Белинского, по Чернышевскому, выражала «живые интересы нашей жизни» [15, с. 289] (очевидно, именно выступлением с позиций жизни была критика супружеской верности Белинским в разборе «Евгения Онегина», который содержится в статье 9-й цикла «Сочинения Александра Пушкина»). Чернышевский цитирует слова Белинского о современниках, которые, добавим, жили в атмосфере определенных религиозных, нравственных и эстетических представлений, победоносно сражались с врагами, рожали и воспитывали детей, создавали замечательные произведения искусства и материальной культуры. Так вот, об этих людях, как вспоминает Чернышевский, Белинский писал: «Не жить, но мечтать и рассуждать о жизни – вот в чем заключается их жизнь» [15, с. 326] (из статьи «Русская литература в 1845 году»). Еще одно высказывание Белинского, которое приводит Чернышевский, звучит так: «Личность – это такая же тайна, как и жизнь...» [15, с. 363] (из статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года»). На самом деле для Чернышевского в жизни вряд ли заключалась какая-то тайна, потому что для него в ней не было непредсказуемости, то есть чего-то, что могло противоречить его представлению о том, «какова должна быть она по нашим понятиям».

Относительно понимания Чернышевским жизни приведу свидетельство Ольги Сократовны. Жена Чернышевского констатировала: «Сам Николай Гаврилович не знал ни жизни, ни людей; ему было некогда знать, так как все время он проводил за книгами. <...> Жизнь Чернышевского в Петер-

бурге была лихорадочная: руки тряслись, мозги усиленно работали. Он никогда не мог спать после обеда, да и ночью иногда спал по два, по три часа. Бывало, и ночью проснется, вскочит и начнет писать. Дома он все сидел в кабинете» [16, с. 184]. То есть личная жизнь Чернышевского была очень интенсивной в силу ее искусственной ограниченности, напряжение ее зашкаливало. Но другой жизни, жизни других людей он не знал.

Соратник Чернышевского Н.А. Добролюбов назвал произведения А.Н. Островского «пьесами жизни». Это определение, ставшее хрестоматийным, в нашем случае исполнено особого смысла. Дело в том, что в драмах Островского мы не только находим правдивую картину действительности – жизни, но и слышим мнения о жизни как особом явлении, принадлежащие обычным людям. И эти мнения нередко оказываются не только созвучными суждениям известных мыслителей и литературных героев-идеологов, но подчас комично снижают их пафос, как бы становясь коварными репликами самой Жизни.

Надо иметь в виду, что Островский в 1850-е годы вращался в кругу людей, для которых слово «жизнь» было своеобразным паролем. Я имею в виду Аполлона Григорьева и других представителей «молодой редакции» «Москвитянина». Реплики героев Островского нередко напоминают комичные комментарии Санчо Пансы по поводу высказываний Дон Кихота – исполненных высокого идеализма и искреннего энтузиазма.

Например, Аполлон Григорьев в своих «Воспоминаниях» пишет о том, как он пытался читать «Феноменологию духа» Гегеля, но душа его жадно начинала «просить жизни, жизни и все жизни...» [3, с. 45]. Как эту «жизнь» может понимать русский человек, наделенный известной слабостью (что актуально в случае с Ап. Григорьевым), показывает диалог из пьесы «Доходное место» (1857) Островского [11, т. 2, с. 73]:

До сужев (*сидясь у другого стола*). Гарсон, жизни! В а с и л и й. Какой прикажете?

До сужев. Рябиновой. С приличной нашему званию закуской

Досужев называет водку «жизнью», наверное, потому, что в средние века она у алхимиков именовалась aqua vitae, то есть «вода жизни» (первую водку в 1386 году привезло в Москву генуэзское посольство).

Женский вариант предельно конкретного представления о жизни находим в рассуждениях Кукушкиной о «полоумном» идеалисте, не имеющем средств, но осмеливающимся брать в жены «воспитанную барышню, которая с детства понимает жизнь...». Каков же смысл этого понимания? «Что нужно для женщины... образованной, которая видит и понимает всю жизнь, как свои пять пальцев? <...> Для женщины нужно, чтобы она одета была всегда хорошо, чтобы прислуга была,

а главное – нужно спокойствие... Вечером надевает лучшие платья и едет в театр или в гости. Вот жизнь!» [11, т. 2, с. 88]. И не стоит думать, что это чисто обывательское представление о жизни, происходящее от необразованности. По крайней мере, в романе Н.Г. Чернышевского показаны «новые люди», претендующие на то, чтобы составить интеллектуальную элиту, но они так же, пусть и для нарочитого эпатажа, в споре «сапоги или Пушкин» явно отдают предпочтение «сапогам»: «В нынешнюю зиму вошло в моду другое: бывшие примадонны общими силами переделали на свои нравы “Спор двух греческих философов об изящном”; начинается так: Катерина Васильевна, возводя глаза к небу и томно вздыхая, говорит: “Божественный Шиллер, упоение души моей!” Вера Павловна с достоинством возражает: “Но прюнелевые ботинки магазина Королева также прекрасны”, – и подвигает вперед ногу» («Что делать?», гл. XXII).

В начале XX века профессор Киевской духовной академии П.И. Линицкий подводил своеобразные итоги распространения культа жизни, который начал формироваться в России сто лет назад и затем был усилен влиянием Ницше: «В качестве идеала ничего лучшего не придумано, как только любовь к жизни, жизнерадостность, но надо знать, что разумеется под названием жизни. Спокойный мирный труд, тихое равномерное, без переворотов и потрясений, течение жизни – это смерть, а вот когда много шума, беспокойства, волнений, всяких неожиданностей, то это называется самою интенсивною, настоящею жизнью» [8, с. 213–214]. Такой «брутальный» вариант представления о жизни возник давным-давно, о чем свидетельствует, например, «калмыцкая сказка», которую в романе «Капитанская дочка» Пугачев поведал Петруше Гриневу. У Достоевского в «Подростке» Версиков «вербализует» заветные желания своего сына: «Тебе теперь именно хочется звонкой жизни, что-нибудь зажечь...» [4, т. 13, с. 174]. За десять лет до этого в пьесе Островского «На бойком месте» (1865) мы опять же имеем более простой и смешной, но от того, может быть, еще более достоверный в силу своей наивности пример определенного жизнеощущения:

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч! Пойдемте спать, целые сутки не спали.

Непутевый. Я жить хочу, хочу жить.

Евгения. А вот выспишься, так и живи в свое удовольствие.

Непутевый. Мне бы разбить что-нибудь. Ух! Кажется, я...

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч, оставьте!

Евгения. Ты сосни поди, а проснешься, да придет тебе желание посуду бить, так я тебе приготовлю; у нас есть такая.

Непутевый. Ну, спать, так спать. (*Уходит.*) [11, т. 2, с. 548]

Евгения <...> Так-то жить, в спокойной-то жизни, скучно; а тут и мужа-то боишься, и увертки-то разные

придумываешь, и дружку-то рада, как увидишь; все-таки кровь-то волнуется, все у тебя в голове каждый час забота есть... То-то и жизнь по-моему, А по-твоему, как?

Миловидов. Да и по-моему так же. Оттого я и не женюсь [11, т. 2, с. 576–577].

Трагический случай упоения жизнью «бездны на краю» изображен в драме «Гроза» (1860):

Борис (*обнимая Катерину*). Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось! [11, т. 2, с. 246].

Интересно отметить, что у Островского мы встречаем даже один из вариантов цветового обозначения жизни, который напоминает нам о том, что потом возникнет в самом «виталистском» из романов Достоевского – «Преступлении и наказании». Это желтый цвет, играющий особую роль в мире данного произведения (в том числе как обозначение «желтого билета», по которому живет несчастная девушка Соня Мармеладова). Вот диалог из пьесы «Воспитанница» (1859):

Гавриловна. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже ее на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизни-то радости видит! Ну, много ли? Скажи.

Потапыч (*вздыхает*). Желтенькая жизнь [11, т. 2, с. 195].

У Островского мы находим топику, активно используемую, как правило, положительными персонажами Достоевского (Макар Долгорукий, старец Зосима) или героями-идеологами, выражающими главные идеи произведения (следователь Порфирий Петрович). Причем соответствующие слова произносятся как положительные, так и отрицательные персонажи. Например, Юсов в «Доходном месте», являясь типичным чиновником-конформистом, может говорить, как старцы Достоевского, прославляющие красоту творения: «Я теперь только радуюсь на божий мир! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цветок увижу, и на него радуюсь: премудрость во всем вижу» [11, т. 2, с. 78]. Точно так же он напоминает об опасности гордости и необходимости смирения: «Я все думал дорогой, с прискорбием думал: за что такое поущение на нас? За гордость... Гордость ослепляет человека, застилает глаза. <...> Смирения нет, вот главное...» [11, т. 2, с. 103]. Сравним у Достоевского: «...Смирение есть страшная сила...» [4, т. 8, с. 329].

Как Порфирий в «Преступлении и наказании», Юсов утверждает превосходство жизни перед теорией (философией) в связи с неудачей, постигшей молодого героя: «Молод был! Разве дело говорить! Одни слова... Так они словами и останутся. Жизнь-то дает себя знать. (*Нюхает табак.*) Брошишь философию-то» [11, т. 2, с. 108].

То, что Островский вкладывает подобные речи в уста персонажа, не вызывающего особой симпатии, отнюдь не дискредитирует их навсегда. В пьесе «Грех да беда на кого не живет» (на премьере которой в 1863 присутствовал Достоевский, опубликовавший это произведение в своем журнале «Время») Архип восхищается красотой мира, и эта эстетическая ре-

акция одновременно имеет важное нравственно-религиозное значение, как это потом будет в случае с Макаром Долгоруким в «Подростке»: «То-то, то-то, я сам чую, воздух такой легкий, ветерок свежинкой; так бы и не ушел. Красен, Афоня, красен божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цветку дух пойдет; а там и звездочки зажгутся; а над звездами, Афоня, наш творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что он милосерд, сами были бы милосерднее!» [11, т. 2, с. 402].

В пьесе «Трудовой хлеб» (1874), за пять лет до проповеди старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы», по-русски пьющий, бедный, добрый и бескорыстный учитель Корпелов прославляет радость и самоценность жизни (и, обратим внимание, в связи со свадьбой своей племянницы – ср. с мотивом брака в Кане Галилейской в произведении Достоевского): «Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поет – чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь – и бедная, и горькая – все радость. Озяб да согрелся – вот и радость! Голоден да накормили – вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду – разве это не радость!» [11, т. 4, с. 111–112].

В эссе А. Вольнского «В купе», построенном как диалог «за» и «против» Достоевского, один из собеседников заявляет, что к концу романа «Преступление и наказание», «как это ни странно сказать, Достоевский ударился в банальность» [2, с. 2]. При этом не говорится, что «банальностью» оказывается христианская топика, сформировавшаяся и существующая на протяжении тысячелетий. Для русской традиции, развивавшейся в этом русле, характерно умиление красотой Божьего мира и дарованной Творцом жизнью, а не их отрицание (ср.: «Не тяготитесь жизнью: она несносна только для злочестивых...» [10, с. 1128]). Собственно, и в европейской христианской традиции можно легко отыскать подобные идеи: «Нет здоровья в том, кому не нравится что-либо в творении Твоем, как не было его у меня, когда не нравилось мне многое из созданного Тобой» [1, с. 219, 220]). Сопоставление идей Достоевского и его героев с высказываниями персонажей Островского из пьес 1850–70-х годов показывает, что указанные идеи не носили эзотерического характера: они были, что называется, «на слуху» и «на языке» не только у представителей интеллектуальной элиты, но и у самых обычных людей и, таким образом, могли подвергаться пародированию и профанации. Но такова уж природа жизни: общая для всех, ощущаемая всеми, она не боится «снижения» и всегда побеждает.

Библиографический список

1. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. – М.: ДАРЪ, 2005. – 544 с.

2. Вольнский А. Ф. М. Достоевский: Критические статьи. – СПб.: Общественная польза, 1909. – 367 с.

3. Григорьев Аполлон. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. – Л.: Наука, 1980. – 439 с.

4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

5. Кохановская. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская беседа. – 1859. – №5, кн. 17: Критика. – С. 11–64.

6. Кунильский А. Е. Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2016, ноябрь. – № 7-1 (160). – С. 100–104.

7. Кунильский А. Е. Витализм в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2017, февраль. – № 1 (162). – С. 55–60.

8. Линицкий П. И. Философские и социологические этюды. – Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1907. – 236 с.

9. Майков В. Н. Литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. статья, примеч. Ю.С. Сорокина. – Л.: Худож. лит., 1985. – 408 с.

10. Никус Сергей. На берегу Божией реки. Святыня под спудом. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. – 1230 с.

11. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.

12. Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1963. – 799 с.

13. Тютчев Ф. И. Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 448 с.

14. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1949. – С. 5–92.

15. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. – М.: Худож. лит., 1984. – 511 с.

16. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. – Саратовское кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 423 с.

17. Чижевский Д. И. Гегель в России. – СПб.: Наука, 2007. – 411 с.

References

1. Blazhennyj Avgustin Avrel'ij. Ispoved'. – M.: DAR", 2005. – 544 s.

2. Volynskij A. F. M. Dostoevskij: Kriticheskie stat'i. – SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1909. – 367 s.

3. Grigor'ev Apollon. Vospominaniya / izd. podgot. B. F. Egorov. – L.: Nauka, 1980. – 439 s.

4. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – L.: Nauka, 1972–1990.

5. Kohanovskaya. Stepnoj cvetok na mogilu Pushkina // Russkaya beseda. – 1859. – №5, kn. 17: Kritika. – S. 11–64.

6. Kuniľ'skij A.E. Istochniki vitalizma v russskoj literature pervoj poloviny XIX veka // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – 2016, noyabr'. – № 7-1 (160). – S. 100–104.
7. Kuniľ'skij A.E. Vitalizm v russskoj literature pervoj poloviny XIX veka // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – 2017, fevral'. – № 1 (162). – S. 55–60.
8. Linickij P.I. Filosofskie i sociologicheskie ehtyudy. – Kiev: Tip. I.I. Gorbunova, 1907. – 236 s.
9. Majkov V.N. Literaturnaya kritika / sost., podgot. teksta, vstup. stat'ya, primech. YU.S. Sorokina. – L.: Hudozh. lit., 1985. – 408 s.
10. Nilus Sergej. Na beregu Bozhiej reki. Svyatynya pod spudom. – M.: Izd. Sretenskogo monastyrya, 2003. – 1230 s.
11. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
12. Tolstoj A.K. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. – M.: Hudozh. lit., 1963. – 799 s.
13. Tyutchev F.I. Soch.: v 2 t. T. 2. – M.: Hudozh. lit., 1984. – 448 s.
14. CHernyshevskij N.G. EHsteticheskie otnosheniya iskusstva k dejstvitel'nosti // Poln. sobr. soch.: v 15 t. T. 2. – M.: Goslitizdat, 1949. – S. 5–92.
15. CHernyshevskij N.G. Ocherki gogolevskogo perioda russskoj literatury. – M.: Hudozh. lit., 1984. – 511 s.
16. N.G. CHernyshevskij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. – Saratovskoe kn. izd-vo, 1958. – T. 1. – 423 s.
17. CHizhevskij D.I. Gegel' v Rossii. – SPb.: Nauka, 2007. – 411 s.

ТУРГЕНЕВ И МУЗЫКА (по материалам статьи Хорста-Юргена Герика о И.С. Тургеневе)

В статье проанализировано исследование Х.-Ю. Герика «Тургенев и музыка. Сравнение с Достоевским и Толстым» (2017), в котором он обратился к теме роли музыки в творчестве И.С. Тургенева. В своей статье немецкий учёный анализирует мировоззренческую разницу позиций Тургенева, Достоевского и Толстого по отношению к музыке. Тургенев, последователь Шопенгауэра, ощущает связь музыки с бесконечностью, она заменяет ему религию. Музыкальная тема в произведениях Толстого и Достоевского становится одним из методов создания настроения, передачи эмоций и переживаний героев (Толстой), является печальным контрастом печальной реальности (Достоевский). Противопоставляются две различные позиции: трансцендентность и религия. Тургенева как писателя привлекал универсальный характер музыки, захватывающей человека целиком, высвечивая сильные и слабые стороны человеческого характера. Культура изображения духовных основ любви неразрывно связана у Тургенева с музыкальными зарисовками его романов.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Х.Ю. Герик, тема музыки.

Хорст-Юрген Герик (Prof. Dr. Horst-Jürgen Gerigk) – профессор русской литературы и общего литературоведения в университете Гейдельберга. В область научных интересов профессора Хорста Герика входит и русская классическая литература. Особый интерес вызывает у немецкого учёного творчество И.С. Тургенева. Он опубликовал несколько статей, которые показывают пристальное внимание автора к тургеневскому тексту.

В своём выступлении в Баден-Бадене в 2017 году по поводу 25-летия тургеневского общества в Германии Х.-Ю. Герик обратился к теме роли музыки в творчестве И.С. Тургенева. В своей статье «Тургенев и музыка. Сравнение с Достоевским и Толстым» учёный подчёркивает особую позицию И.С. Тургенева в русской культуре среди «созвездия» представителей русского романа, подробно анализируя мировоззренческую разницу позиций Тургенева, Достоевского и Толстого по отношению к музыке.

Хорст Герик считает, что музыка – исключительная жизненная стихия И.С. Тургенева, неслучайно тургеневское ослепление музыкой вылилось в многолетнюю привязанность к Полине Виардо, известной оперной певице того времени. Музыка для Тургенева, по мнению учёного, – основополагающий элемент литературного облика героя, что показывает преемственность его творчества с традициями Ваккенродера и Гофмана и продолжается в романах Томаса Манна, который сам был особым поклонником творчества Тургенева. Однако, как считает Герик, Тургенев, Достоевский и Толстой преследуют разные литературные цели, вводя музыку в свои произведения.

Скрупулёзно подойдя к анализу тургеневского творчества, Х.-Ю. Герик начинает с выделения форм проявления музыкального элемента в произведениях русского классика. Это, во-первых, музыканты, то есть композиторы и исполнители,

во-вторых, музыкальные произведения, и, наконец, в-третьих, слушатели. Эти три элемента мира музыки так или иначе писатели затрагивают в своих произведениях. У Тургенева нет сюжетов, связанных с композиторами, он рассказывает о музыкантах, исполнителях и слушателях, не прибегая к специальным музыкальным терминам. По мнению Герика, самое важное для писателя – это то воздействие, которое оказывает музыка на героев, раскрывая их сердца и души.

В качестве примера Герик приводит рассказ Тургенева «Певцы» из «Записок охотника», где в центре внимания находится певческое искусство солистов кабака «Притынного». Лучший в округе певец Яшка Турок и его соперник рядчик из Жидры показывают своё мастерство. Первым поёт рядчик. Он исполняет плясовую с бесконечными украшениями и переходами, чем вызывает улыбку судьи поединка Дикого Барина и бурное одобрение слушателей. Яков поёт проникновенно. «Не одна во поле дороженька пролежала», – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слышал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более – он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся... Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то

родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня...» [3, т. 3, с. 219]. Рядчик сам признаёт своё поражение.

Повествование намеренно ведётся с точки зрения слушателей, подробно описывается выступление каждого певца. Сам автор, выступив в роли одного из слушателей, заезжего охотника, случайно ставшего свидетелем необычного музыкального поединка, чётко формулирует свою позицию. Музыка возвышает человека над действительностью, унося его в особый мир переживаний, которые у каждого слушателя свои. Яков, бесспорный победитель, потрясает своим пением присутствующих до слёз. Охотник выходит из кабака, где проходит певческий турнир, чтобы в одиночестве подольше сохранить в душе очарование музыки.

Х.Ю. Герик цитирует работу Эдмунда Гейера «Функция музыки в эстетике И.С. Тургенева» (2000) [4]. Восприятие музыки Тургеневым он считает феноменальным, подчёркивая, что писатель не получил традиционного музыкального образования, подобающего молодому русскому дворянину своего времени. Удивительно, что этот великий любитель музыки никогда не учился играть ни на одном музыкальном инструменте и не мог петь мелодию. Тем не менее природа наделила его острым, чувствительным ухом – качество, которое развилось у него в прекрасный музыкальный вкус [4, s. 103].

Гейер детально занимается произведениями Тургенева, в которых звучит музыка, будь то инструментальное исполнение или певческое искусство, также ему важны те места, где идёт дискуссия о музыке. Разбираются подробно «Певцы», «Клара Милич» («После смерти»), «Песнь торжествующей любви», а также романы «Дворянское гнездо» и «Накануне». Немецкий литературовед приходит к выводу, что Тургенев вводит музыку в живую („live“) в действие, когда необходимо представить читателю что-то непроизносимое, то, что нельзя описать словами. Восприятие музыки перешагивает границы языка, открывает доступ в бесконечность, оставаясь чем-то неопределённым, создаёт новые ассоциации, которые нельзя обозначить одним понятием. Гейер приводит в качестве примера сцену из «Дворянского гнезда», когда учитель музыки Лизы Калитиной немец Лемм мастерски играет Лаврецкому свою композицию и плачет. Благодаря музыке мы понимаем чувства Лемма, о которых он молчит. Он любит Лизу, но его чувство остается безответным. Исследователь приводит строки из «Стихотворения в прозе» самого Тургенева «Стой»: «Вот она – открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет – и не надо. В это мгновение ты бессмертна» [3, т. 10, с. 170].

Герик подчёркивает, что Тургенев любит не любую музыку, Рихарда Вагнера он не признаёт. Отношение Тургенева к Мусоргскому неоднозначно. Фавориты писателя – Моцарт, Глюк, Бетховен и Шуман. У Тургенева музыка заменяет религию, музыка даёт ему то, что другие черпают из религии и веры. Он находит переклички с романом Ваккенродера «Сердечные излияния» (1798), где главный герой Йозеф Берглингер присутствует на концерте, не замечая блеск зала и роскошь зрителей, благоговейно отдаётся во власть музыки, ощущая себя, как в церкви [6]. Гейер называет Толстого и Достоевского христианами-миссионерами, которые, следуя христианским заповедям, не отводят музыке, в отличие от И.С. Тургенева, особое место в своих произведениях. Западник Тургенев, по мнению Гейера, убеждённый агностик и последователь Шопенгауэра, тонко чувствует музыку и ощущает её связь с бесконечностью.

Далее в статье Герик обращается к произведениям Толстого и Достоевского. На примере «Войны и мира» немецкий исследователь показывает позицию Л.Н. Толстого в отношении музыки. Мы считаем, что музыка для героев «Войны и мира» – не просто возможность слушать или воспроизводить музыку, не только настроение. Это состояние души, предчувствие чего-то важного, переломного. Не зря сцены романа, наполненные музыкой, сопровождают в основном семейство Ростовых – самых важных для писателя героев. Когда в жизнь Наташи приходит фальшивое, чуждое героине увлечение Курагиным, мысль бежать с ним, Толстой показывает это на фоне театрального представления, музыки и танца, воспринимаемого и перевозимого в свете, но не затрагивающего душу. Под звуки музыки, чуждой ее душе, под влиянием фальши Элен и нарастает в Наташе настроение, едва не сгубившее душу героини. Именно этот эпизод исследователь называет программным в романе Толстого. Герика было важно показать, что музыка может отчуждать человека, уводя его от его естественных корней. Мы не можем полностью согласиться с немецким тургеноведом. Необходимо обратиться к эпизоду, когда Наташа в сцене после охоты, в гостях у дядюшки, пляшет под его гитару. В этой сцене раскрывается душа героини, её душевная чистота и близость к родным корням.

Хотя музыка на страницах произведений Толстого не выходит на передний план, не фигурирует в ключевых эпизодах, однако нельзя сказать о ней как о чем-то несущественном, второстепенном, как о далеком фоне. Это – духовность героев, их связь с миром красоты: «Они играли Крейцеру сонату Бетховена. У!.. Страшная вещь эта соната... И вообще страшная вещь эта музыка... Говорят, музыка действует возвышающим душу образом – вздор, неправда!» [2, т. 27, с. 17]. Л.Н. Толстой уверен, что лирическая поэзия и музыка имеют отчасти одну

цель – произвести настроение, и настроения, производимые лирической поэзией и музыкой, могут совпадать более или менее. Именно поэтому музыкальная тема в его произведениях становится одним из методов создания настроения, передачи эмоций и переживаний героев. В этом Герик видит основное отличие Толстого и Тургенева. Музыка у Толстого «производит настроение» и позволяет отвлечься от серых однообразных будней.

Считается, что понятие «музыкальность» мало применимо к творчеству Достоевского, но изучение мировоззрения писателя и его произведений будет неполным, если не выявить его связи с музыкой. Между тем, ещё А. Гозенпуд отметил, что «творчество Достоевского связано с музыкой неразрывными узами, хотя связь эта не столь отчётлива, как у Тургенева, но от того не менее органична и глубока» [1, с. 3].

Герик считает, что у Достоевского, в отличие от Тургенева, иное отношение к музыке. В его произведениях звучит фортепьяно, поют и слушают музыку, но это не возвышает его героев над действительностью. Музыка – один из элементов характеристики героя. Так, Лямшин, пианист из романа «Демоны», играет собственную композицию, пародию на Франко-прусскую войну, но подчёркивается, что это произведение было украдено у молодого талантливого автора. Вывод исследователя: Лямшин – клоун, желающий покрасоваться среди гостей. Ещё один пример немецкий исследователь приводит из «Братьев Карамазовых»: это сцена из романа, когда Смердяков поёт под гитару «сладким свистящим голосом», чтобы понравиться дочери хозяина дома. Речь не идёт, конечно, о возвышении над действительностью, скорее, наоборот, здесь добавлена ещё одна меткая черта в негативную характеристику героя. Отчасти соглашаясь с немецким тургеневедом, следует заметить, что музыка никогда не выполняет у Достоевского функцию только декоративную, она органично входит в изображаемую писателем трудную жизнь простых людей. Музыка – основа «Неточки Незвановой», самого музыкального произведения Достоевского о трагической судьбе музыканта. Неточка Незванова внемлет звукам грозной, трагической и величественной музыки. Музыка – это атмосфера, в которой живут персонажи, она как бы предопределяет их судьбу и звучит как исповедь обнажённого сердца в этом произведении, как вопль отчаяния и муки. Конечно, романтический образ гениального скрипача выполняет у Достоевского иную функцию, чем в произведениях Тургенева, он введён как противопоставление Ефимову, который загубил себя, свой талант и свою семью.

А вот роман «Преступление и наказание» назвать музыкальным никак нельзя, но и в этом произведении есть сцены, связанные с музыкой. Му-

зыка порождает звуковую среду, которая способна, пусть на время, заглушить мучительные размышления Раскольникова. Она ведёт его в скитаниях по трактирам, где много простого люда, шум и пьяное веселье. Безусловно, музыка в романе «Преступление и наказание» выполняет художественную функцию, несёт не только выразительную, но и смысловую нагрузку. Она сопровождает Раскольникова в его «хождении по мукам» и знаменует обретение им надежды в финале романа, когда он, сидя на высоком берегу реки, слушает вольную народную песню. Музыка у Достоевского выступает печальным контрастом печальной реальности и неотделима от внутренней жизни героев.

Религия имеет гораздо большее значение для Достоевского и Толстого, чем музыка. Для Тургенева, наоборот, музыка гарантирует близость к вечному и запредельному. Таким образом, по мнению Герика, в произведениях Толстого и Достоевского с одной стороны и в произведениях Тургенева с другой противопоставляются две различные позиции: религия и трансцендентность. Религия Толстого и Достоевского, понимаемая как религиозная вера, и трансцендентность как компонент мировоззрения Тургенева – нечто выходящее за пределы, недоступное человеческому познанию – накладывают отпечаток на мировоззрение писателей. Музыка в произведениях Тургенева выступает как романтическое и таинственное искусство. Как писателя его привлекал универсальный характер музыки, захватывающей человека целиком и высвечивающей сильные и слабые стороны человеческого характера, что было близко его художественным исканиям. Неслучайно культура изображения духовных основ любви, высокого любовного чувства неразрывно связана у Тургенева с музыкальными зарисовками в его романах.

Библиографический список

1. Гозенпуд А.А. Достоевский и музыка. – М.: Музыка, 1971. – 181 с.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 90 т. Сочинения: в 67 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1989.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1987.
4. Heier Edmund. Comparative Literary Studies: Lermontov, Turgenev, Gončarov, Tolstoj, Blok – Lavater, Lessing, Schiller, Grillparzer. – Munchen: Verlag Otto Sagner 2000; Darin: The Function of Music in I.S. Turgenev's Aesthetics. – S. 103–120.
5. Turgenev Gesellschaft Deutschland, Baden-Baden / Turgenev Bibliothek Moskau; redaktion: Renate Effern u. a.: Zu Turgenev nach Baden-Baden. Sammelband der Beiträge der internationalen wissenschaftlichen Konferenzen (2013–2014). – Moskva: Ekon-Inform, 2016.

6. *Wackenroder Johann Heinrich*. Sämtliche Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. 2 Bde. Herausgegeben von Silvio Vietta. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1991. Darin: Herzenergiesungen eines kunstliebenden Klosterbruders (1797). – Bd. 1. – S. 41–145. Insbesondere: Das merkwürdige musikalische Leben des Tonkünstlers Joseph Berglinger. In zwei Hauptstücken. – S. 130–145.

7. Baden-Baden 2017 25 Jahre Deutsche Turgenjew-Gesellschaft Horst-Jürgen Gerigk (Universität Heidelberg) Turgenjew und die Musik Ein Vergleich mit Dostojewskij und Tolstoj [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (дата обращения: 08.01.2017).

References

1. Gonzenpud A.A. Dostoevskij i muzyka. – M.: Muzyka, 1971. – 181 s.
2. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 90 t. Sochineniya: v 67 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1989.
3. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1987.
4. Heier Edmund. Comparative Literary Studies: Lermontov, Turgenev, Gončarov, Tolstoj, Blok –

Lavater, Lessing, Schiller, Grillparzer. – München: Verlag Otto Sagner 2000; Darin: The Function of Music in I.S. Turgenev's Aesthetics. – S. 103–120.

5. Turgenev Gesellschaft Deutschland, Baden-Baden / Turgenev Bibliothek Moskau; redaktion: Renate Efferm u. a.: Zu Turgenev nach Baden-Baden. Sammelband der Beiträge der internationalen wissenschaftlichen Konferenzen (2013–2014). – Moskva: Ekon-Inform, 2016.

6. *Wackenroder Johann Heinrich*. Sämtliche Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. 2 Bde. Herausgegeben von Silvio Vietta. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1991. Darin: Herzenergiesungen eines kunstliebenden Klosterbruders (1797). – Bd. 1. – S. 41–145. Insbesondere: Das merkwürdige musikalische Leben des Tonkünstlers Joseph Berglinger. In zwei Hauptstücken. – S. 130–145.

7. Baden-Baden 2017 25 Jahre Deutsche Turgenjew-Gesellschaft Horst-Jürgen Gerigk (Universität Heidelberg) Turgenjew und die Musik Ein Vergleich mit Dostojewskij und Tolstoj [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (дата обращения: 08.01.2017).

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ НЕОРОМАНТИЗМ И ЕГО ОЦЕНКА В РАБОТЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «НЕОРОМАНТИЗМ В ДРАМЕ»

Объектом литературоведческого анализа в статье является работа Д.С. Мережковского «Неоромантизм в драме». Цель работы – дать характеристику работы Мережковского, остановившись на ее типологическом и жанровом статусе, проследить, как автор оценивает западноевропейскую драматургию и драматургические опыты немецких, бельгийских и французских неоромантиков. Исследование Мережковского носит теоретический характер, четко структурировано и интертекстуально, причем интертекстуальность выходит в значительной мере на научный уровень, она весьма объективна. Мережковский привлекает для своих целей большой историко-теоретический материал, существенно дополняя свой методологический инструментарий: к описательно-функциональному и структурно-описательному методу добавляются культурно-исторический и элементы сравнительно-исторического метода. Вместе с тем работа имеет реферативный характер, а оценки, высказанные Мережковским, несут в себе символистский подтекст. В работе Мережковского отчетливо прослеживаются две тенденции: дать объективную оценку современной западноевропейской драматургии в свете ее новаторства по сравнению со сложившейся еще в античности теорией драмы и подвести читателя к идее тщетности претензий неоромантизма на «новое слово» в драматургии. Исключение исследователь делает лишь для Метерлинка, символикой своих драм импонирующего Мережковскому-символисту. В жанровом плане работа «Неоромантизм в драме» представляет собой литературоведческое исследование-интерпретацию.

Ключевые слова: неоромантизм, литературоведческое исследование-интерпретация, объективность, субъективность, методология исследования, немецкая, французская, бельгийская драматургия, символизм.

В 1894 году в журнале «Вестник иностранной литературы» (СПб., 1894. № 11–12) была опубликована работа Мережковского «Неоромантизм в драме», которую в подзаголовке он обозначил как «критический очерк». Безусловно, в типологически-жанровом плане это не критический очерк, а литературоведческое исследование, которое, с одной стороны, имеет обзорный характер, а с другой – представляет собой попытку проанализировать теорию драмы как литературного рода и на материале западноевропейской литературы дать свое понимание неоромантизма и оценку современной французской, немецкой и бельгийской драматургии на примере ее признанных образцов.

Работа не привлекла особого внимания исследователей творчества Мережковского, но в ряде статей и научных работ, в частности у Е.А. Андрущенко [1–3], Н.П. и П.А. Гринцеров [4], А.В. Дехтяренко [5, 6], А. Дудека [7], наше внимание привлекли оценочные суждения теоретико-литературного характера. Интересными оказались и работы В.Н. Крылова, проясняющие сущность, методологические основы и приемы литературной критики [8, 9]. Отметим также работы Е.А. Осминой [11] и Н.М. Сергеевой [12], создающие яркий и широкий культурологический контекст мировоззрения и творчества, художественного сознания критика.

Цель нашей статьи – дать характеристику работы Мережковского, остановившись на ее типологическом и жанровом статусе, проследить, как автор оценивает западноевропейскую драматургию и драматургические опыты немецких, бельгийских и французских неоромантиков.

Исследование Мережковского имеет теоретический характер, четко структурировано и интертекстуально, причем интертекстуальность здесь выходит в значительной мере на научный уровень, она весьма объективна. Мережковский привлекает для своих целей большой историко-теоретический материал, существенно дополняя свой методологический инструментарий: к описательно-функциональному и структурно-описательному методу добавляются культурно-исторический и элементы сравнительно-исторического метода.

В исследовании нет обширных цитат из художественных текстов, присутствует лишь апелляция к отдельным произведениям и интерпретация важных для доказательства мысли Мережковского-теоретика элементов содержания и формы, привлекаемых в качестве иллюстративного материала произведений. При этом в исследовании много отсылок к работам теоретиков и практиков западноевропейской драматургии, к тезисам их работ.

В плане жанровой формы – это исследование-интерпретация, поскольку собственной теоретической концепции современной драматургии Мережковский не создает, в отличие от исследования-концепции, трактата «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Хотя черты научного трактата в работе присутствуют, но рассуждения автора о неоромантизме в драме носят несколько реферативный характер. Мережковский сформулировал задачу, которая выходит за рамки жанровой формы «критического этюда», и успешно ее выполняет.

В исследовании минимум пафоса и эмоций, стиль работы сух и научен, она четко структурирована, учитывает персоналии и страны. Един-

ственным эмоциональным исключением является небольшая преамбула, в которой Мережковский обосновывает актуальность своей работы, присутствует немного пафоса и патетики, отсылок к обществу-политическим реалиям, подчеркивающих связь литературы, драматургии с современной действительностью, при этом автор не избегает упоминания о грядущем апокалипсисе как следствии анархизма.

Мережковский отмечает, что литература отражает действительность как верное, даже пророческое зеркало, поэтому «любопытно проследить первые шаги художественного анархизма, возмущения нарождающихся литературных школ против всех старых принципов и законов реализма, позитивизма, натурализма, почти нераздельно царивших в продолжение последних тридцати лет в европейских литературах» [10, с. 536], и делает он это на материале теории и практики неоромантизма в драме, обосновывая свой выбор большей связью именно драмы с настроениями и конфликтами, звучащими в обществе.

Исследование состоит из семи глав, и первые две посвящены французской драматургии и ее теоретикам: Брюнетьеру и Леметру, третья – Метерлинку, четвертая – немецкой критике о сказочном театре, пятая – мистериям Бушора, шестая – Бобуру и идеалистической драме, седьмая – современной немецкой драме и Гауптману.

Уже само структурирование книги показывает, насколько оно отличается по объекту исследования от работы «Крестьянин во французской литературе», над которой Мережковский работал в то же время. В работе «Неоромантизм в драме» автор апеллирует к теории драматургии в целом, начиная с античности, останавливаясь на наиболее значительных образчиках драматургии в истории литературы и переходя к анализу современной.

Первая глава посвящена анализу суждений защитника традиций (Мережковский не случайно называет их «преданиями») Корнеля, Расина, Мольера, французского академика Фердинанда Брюнетьера. Мережковский буквально «пошагово» разбирает взгляды Брюнетьера на драму и характер отхождения драматурга от античных канонов. В чем-то он даже ироничен по отношению к французам, заявляя, что тот открывает давно открытые законы.

Мережковский отмечает, что все усилия Брюнетьера направлены на выяснение причин упадка французского театра, и эти причины он видит в смешении романа и драмы, в «ослаблении воли, переживаемом современным культурным человечеством» [10, с. 538].

Обзор французской теории драмы продолжается во второй главе, в которой он рассматривает взгляды Леметра на мистицизм в театре. Леметр высказывает опасения за будущее театра и отмечает победоносное вторжение на сцену нового

мистицизма, определяя последний как «благочестие без веры» [10, с. 539] и считая его не более чем модным утонченным родом чувственно-эстетических наслаждений, не имеющих ничего общего с положительными догматами и нравственными обязательствами. На обвинения Леметра откликается вместо неоромантиков сам Мережковский, замечая, что новый мистицизм гораздо шире предъявленных претензий, а «Три драмы для марионеток» Метерлинка и другие пьесы очень далеко стоят от осмеянного католического «благочестия без веры», да и вообще от всякого благочестия. «Разве нет мистических элементов у нового язычника Гёте, творца второй части “Фауста”, у древнего язычника Эсхила, творца “Прометея”, у Шекспира, который создал тип Гамлета, тип величайшего, вечного мистика, стоящего вне всяких ограниченных верований и догматов», – задается риторическим вопросом Мережковский, завершая обзор статьи Леметра «Мистицизм в театре» [10, с. 541].

Глава исследования «Метерлинк о будущем трагедии» посвящена «символу веры» Метерлинка, этюду «Будущность трагедии». Метерлинк, по мнению Мережковского, является представителем нового мистицизма, не имеющим ничего общего с возрождением католичества.

Мережковский сталкивает мнения Брюнетьера и Метерлинка в определении предмета трагедии: первый видит его в воле не героя, но рока, второй – говорит о внутреннем роке человека, преобразовывая суждения Эсхила и Софокла. Сущность современной трагедии, в отличие от античных авторов, Метерлинк видит в изображении ужаса и величия внутреннего рока, который человек носит в себе на собственную погибель. Мережковский видит в суждениях бельгийского драматурга некий «астрологический» оттенок, о котором он говорит с долей иронии. И тем не менее Мережковский воспринимает статью Метерлинка как пусть и смутный, но философский осознанный автокомментарий к тому, что присутствует в его пьесах. Слабость пьес Метерлинка заключается, по мнению исследователя, в их несценичности, они могут воздействовать на читателя, но не производят впечатления на зрителя.

Причину сценических неудач пьес неоромантиков Мережковский видит в отсутствии художественных средств для выражения мистических настроений и образов. Эта мысль связывает третью главу с четвертой, посвященной взглядам немецкой критики на театр, в которой отмечается, что независимо от своих коллег немецкая критика и драматургия пытаются найти формы идеалистического преобразования театра. Мережковский представляет обзор суждений немецкой критики, отметившей с высокомерием, что в современной драме действия заменились чувствами, неоромантизмом. Так, например, Альберти объясняет появление сказочного театра Метерлинка и неоромантизма французским

легкомыслием, модой на то, что не стоит серьезно внимания. Мережковский называет рассуждения Альберти «наивным шовинизмом» [10, с. 545], резюмируя следующим образом: «Можно только заметить критику, что никакая наивность национального самолюбия не оправдывает безвкусию, с которым он на одну доску поставил Грильпарцера и Шекспира, Гёте и Раймунда» [10, с. 545].

Критические взгляды Альберти, К. Крауса, Т. Вольфа о Метерлинке и неоромантизме, по мнению Мережковского, не касаются внутренней художественной сущности творений Метерлинка, останавливаются на внешних чертах его таланта. Критик объясняет это не только уровнем немецкой критики, но и несовершенствами, слабостями самого неоромантизма: «Вообще, когда поэт прибегает к введениям в свои драмы, к предисловиям, критическим заметкам о собственных пьесах, – это дурной знак. То, что не объяснено живыми образами в зрительной зале, он уже, конечно, не объяснит никакими предисловиями, никакими подготовительными статьями в газетах» [10, с. 548].

В главе, посвященной мистериям Мориса Бушора, Мережковский дает оценку им и его ответным рассуждениям противникам неоромантизма. Мережковский приходит к выводу о поверхностности и банальности взглядов Бушора, о тщетности его претензий на философское глубокомыслие.

Гораздо больше внимания Мережковский уделяет французскому драматургу Бобуру и его символическим драмам, останавливаясь на интерпретации драмы «Образ». Свой анализ он сопровождает комментариями критиков, пояснениями самого автора. Притом что отношение Мережковского к Бушору нельзя назвать восторженным, подкупает критика отношения французского драматурга к Ибсену.

Интересна трактовка драмы «Образ», представленная Мережковским: он интерпретирует сюжет и образы героев, отталкиваясь от поэтики символизма. Особый интерес у критика вызывает мистицизм пьесы: «он не прибегает к религиозному чувству, а идет по независимому пути. <...> Морис Бобур является представителем иного течения, не имеющего ничего общего с неокатолическою реакцией, скорее философского, платоновского, чем христианского идеализма» [10, с. 556].

Мережковский замечает: все попытки неоромантизма (за исключением Метерлинка) в области театра поверхностны и слабы, а его философская тенденция – претенциозная дань моде, и поэтому неоромантический театр не имеет будущего.

В последней главе исследования Мережковский вновь обращается к современной немецкой драме и творчеству Гауптмана. Мережковский приходит к выводу, что немецкая драматургия этого периода, с ее нарождающейся неоромантической школой, имеет более здоровые корни, нежели

французская, и Гауптман – более мистик в своей последней пьесе, чем Бобур и Бушор. Личность Гауптмана настолько интересна Мережковскому, что он, используя биографический метод исследования и элементы психологического, дает очерк его биографии и в портретной характеристике прибегает к психологическому анализу.

Мережковский оценивает творчества Гауптмана очень высоко: «мы видим, что Герхарт Гауптман, этот внук силезского ткача, совершенно иным путем пришел к тому же неизбежному перепутью, к тому же, по-видимому, роковому для современных писателей мистическому повороту, к которому приходят и утонченные, пресыщенные последователи Бодлэра и Метерлинка в грозовой удушливой атмосфере разлагающейся лагинской культуры, и в свежем северном воздухе титанически-крепкий норвежец Ибсен, и в затишье Ясной Поляны великий писатель земли русской» [10, с. 562].

Мережковский также обращается к суждениям немецкого романиста Шпильгагена (высказанным в критическом этюде о новых направлениях современной немецкой драмы) и дает им достаточно объективную оценку: «Немецкий романист очень верно и метко определяет глубокую зависимость так называемого декадентства, болезненного смятения, всеобщего нового кризиса, переживаемого нами, с одной стороны, а с другой – нетерпеливых исканий нового идеала, с каждым днем все более жгучей, обостряющейся потребностями новой жизни, еще смутных и уже страстных дерзновенных порывов к неведомому будущему.

Но Шпильгаген делает крупную ошибку, считая виновником этого кризиса натурализм. Он не обращает внимания на то, что натурализм во вкусе Э. Золя есть уже нечто прошлое, если не пережитое, то переставшее быть знаменем молодых поколений. Даже говоря о сказочной мистерии Гауптмана, он не видит неоромантизма» [10, с. 563]. Это высказывание, с одной стороны, как бы подытоживает суждения западноевропейской критики, а с другой – показывает отношение Мережковского к проблеме в целом.

Завершает Мережковский свое исследование, продолжая метафору, заявленную Шпильгагеном: литературный процесс уподоблен змее, сбрасывающей свою кожу во время линьки. Так и Мережковский говорит о том, что у новой литературы должна быть своя «змеиная» мудрость.

В работе Мережковского отчетливо прослеживаются две тенденции:

1. Дать объективную оценку современной западноевропейской драматургии в свете ее новаторства по сравнению со сложившейся еще в античности теорией драмы;

2. Подвести читателя к идее тщетности претензий неоромантизма на «новое слово» в драматургии. Исключение исследователь делает лишь для

Метерлинка, символикой своих драм импонирующего Мережковскому-символисту.

Библиографический список

1. Андрущенко Е.А. Забытая книга: «Вечные спутники» Д.С. Мережковского // Филологическому семинару – 40 лет. – Смоленск, 2008. – Т. 1. – С. 156–166.
2. Андрущенко Е.А. Спутники Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / подг. текста, ком., указат. имен Е.А. Андрущенко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 703–757.
3. Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
4. Гринцер Н.П., Гринцер П.А. Формирование литературной теории в Древней Греции и Индии. – М.: РГГУ, 2000. – 424 с.
5. Дехтяренко А.В. Античные образы в цикле очерков Д.С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» // Experimenta Lucifera. – Н. Новгород, 2009. – Вып. 5. – С. 267–273.
6. Дехтяренко А.В. Творчество Д.С. Мережковского 1890-х годов в свете рецепции античности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2012. – С. 52–55.
7. Дудек А. Между Акрополем и Пантеоном. Античный мир в творчестве Д.С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века. – М., 2010. – С. 224–230.
8. Крылов В.Н. Русская литературная критика: Проблемы теории, истории и методики изучения. – М.: Флинта, 2016. – 240 с.
9. Крылов В.Н. Поэтика литературно-критического текста как предмет научного изучения // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – Кн. 2. – С. 110–122.
10. Мережковский Д.С. Неоромантизм в драме // Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / под ред. Е.А. Андрущенко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 535–563.
11. Осминина Е.А. Образы мировой культуры в прозе Д.С. Мережковского. – М.: Поли-экспресс, 2009. – 304 с.
12. Сергеева Н.М. Творчество Д.С. Мережковского 1890–1900-х годов: специфика художествен-

ного сознания: дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2009. – 189 с.

References

1. Andrushchenko E.A. Zabytaya kniga: «Vechnye sputniki» D.S. Merezhkovskogo // Filologicheskomu seminaru – 40 let. – Smolensk, 2008. – T. 1. – S. 156–166.
2. Andrushchenko E.A. Sputniki D.S. Merezhkovskogo // Merezhkovskij D.S. Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирной literatury / podg. teksta, kom., ukazat. imen E.A. Andrushchenko. – SPb.: Nauka, 2007. – S. 703–757.
3. Andrushchenko E.A. Vlastelin «chuzhogo»: tekstologiya i problemy poehtiki D.S. Merezhkovskogo. – M.: Vodolej, 2012. – 248 s.
4. Grincer N.P., Grincer P.A. Formirovanie literaturnoj teorii v Drevnej Grecii i Indii. – M.: RGGU, 2000. – 424 s.
5. Dekhtyarenok A.V. Antichnye obrazy v cikle ocherkov D.S. Merezhkovskogo «Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирной literatury» // Experimenta Lucifera. – N. Novgorod, 2009. – Vyp. 5. – S. 267–273.
6. Dekhtyarenok A.V. Tvorchestvo D.S. Merezhkovskogo 1890-h godov v svete recepcii antichnosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – N. Novgorod, 2012. – S. 52–55.
7. Dudek A. Mezhdru Akropolem i Panteonom. Antichnyj mir v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo // Antichnost' i kul'tura Serebryanogo veka. – M., 2010. – S. 224–230.
8. Krylov V.N. Russkaya literaturnaya kritika: Problemy teorii, istorii i metodiki izucheniya. – M.: Flinta, 2016. – 240 s.
9. Krylov V.N. Poehtika literaturno-kriticheskogo teksta kak predmet nauchnogo izucheniya // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2007. – T. 149. – Kn. 2. – S. 110–122.
10. Merezhkovskij D.S. Neoromantizm v drame // Vechnye sputniki: Portrety iz vseмирной literatury / pod red. E.A. Andrushchenko. – SPb.: Nauka, 2007. – S. 535–563.
11. Os'minina E.A. Obrazy mirovoj kul'tury v proze D.S. Merezhkovskogo. – M.: Poli-ehkspress, 2009. – 304 s.
12. Sergeeva N.M. Tvorchestvo D.S. Merezhkovskogo 1890–1900-h godov: specifika hudozhestvennogo soznaniya: dis. ... kand. filol. nauk. – Kostroma, 2009. – 189 s.

СТИЛИЗАЦИЯ ГОФМАНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ В РАССКАЗЕ А.К. ТОЛСТОГО «УПЫРЬ»

(к вопросу о рецепции Гофмана в русской литературе XIX – начала XX веков)

Статья посвящена комплексному исследованию восприятия гофмановской традиции в русской литературе на примере рассказа А.К. Толстого «Упырь», который стал важным этапом в процессе формирования феномена гофмановского комплекса. В работе выделяются и описываются общие черты рассказа Толстого «Упырь» и ряда гофмановских произведений («Вампиризм», «Эпизод из жизни трех друзей», «Приключения в Новогоднюю ночь», «Эликсиры дьявола»). Сходство проблематики (двоемирие, тема родового проклятия, тема ожившего портрета, двойничество), некоторых образов (человек в домино, образ пунша) и их воплощение имеет много общего с Гофманом. Присущая немецкому романтику игра с читателем, ироническое начало, а также прием «оживления неживого» стали частью толстовского художественного метода.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, А.К. Толстой, гофмановский комплекс, двоемирие, двойничество, тема родового проклятия, романическая ирония, прием «оживления неживого».

Э.Т.А. Гофман, великий немецкий писатель, вошел в историю литературы благодаря своему неповторимому стилю, который можно определить как «гофмановский комплекс» [8, с. 117–123]. Так сложилось, что в XIX веке Гофман был популярнее в России, чем в самой Германии, а его творчество стало важным элементом русской культуры. Гофмановские черты прослеживаются у многих писателей XIX века: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Погорельского, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Традиция Гофмана ощутимо присутствует также и в произведениях А.К. Толстого, который органично воспринял творчество немецкого романтика.

А.К. Толстой познакомился с творчеством Гофмана, скорее всего, благодаря своему дяде А.А. Перовскому, который был писателем и публиковал свои работы под псевдонимом Антоний Погорельский. Перовский активно занимался воспитанием племянника и посвятил ему одно из своих произведений – волшебную повесть «Черная курица, или Подземные жители» (1829). Погорельский сам был поклонником Гофмана и, возможно, даже был лично знаком с ним, так как в период с 1813 по 1816 годы находился в Дрездене, где жил в этот период Гофман. Чтобы познакомить воспитанника с литературой и культурой гофмановской Германии, Погорельский организовал для Алексея путешествие в Европу.

Не удивительно, что под влиянием Погорельского и Гофмана Толстой в одном из своих первых прозаических сочинений – «Упырь» (1841) – обращается к жанру фантастической повести. Безусловно, Толстой в рассказе опирается на широкую литературную традицию, связанную с темой вурдалака, упыря, которая берет свои истоки из фольклора. Эти народные легенды были хорошо известны в литературной обработке («Кристалль» С.Т. Кольриджа, «Кармила» Д.Ш. ле Фаню, баллада И.В. Гете «Коринфская невеста», которую А. Толстой сам пере-

вел, новелла Э.Т.А. Гофмана «Вампиризм», «Гяур» Байрона, повесть Д. Полидори «Вампир», «Смарра или Демоны ночи» Ш. Нодье, «Гузла» П. Мериме, «Влюбленная покойница» Т. Готье, «Киевские ведьмы» О. Сомова и др.).

Несомненно, рассказ Толстого восходит и к гофмановской традиции, имеет общую тематику и схожие стилистические черты. Однако критики заметили это не сразу. Так, В.Г. Белинский посчитал фантастику «Упыря» противоположной гофмановской фантастике [1, т. 5, с. 473–474]. Тем не менее в последующих критических работах все настойчивее звучит мысль о близости «Упыря» традиции Гофмана, о чем писали Н.И. Дюнькин и А.И. Новиков, А. Левинстим, И. Ямпольский, Л.П. Бельский и др. Например, Д.Д. Языков отмечает использование А. Толстым гофмановского метода, который он «применил к русской обстановке» [13, с. 19], С.А. Венгеров пишет, что Толстой использует в рассказе «фантастику в стиле Гофмана и дяди – воспитателя Толстого, Перовского-Погорельского» [4, т. 1, с. 10].

Современный исследователь А.А. Карпов в комментариях к изданию «Упыря» указывает на тесную связь рассказа «с фантастической литературой предромантической и романтической эпохи» и, в частности, с «Эликсирами дьявола» (1816) Э.Т.А. Гофмана [7, с. 664]. На сюжетные переключки с этим романом указывают также А.А. Полякова и О.В. Федунина: «Путешествие героя и возвращение его назад в Россию переключается с сюжетной схемой “Эликсиров сатаны” Гофмана, где монах Медард путешествует из Германии в Италию и обратно» [11, с. 49].

Многочисленность отсылок критиков к Гофману в отношении рассказа «Упырь» Толстого, но отсутствие работ по этой проблематике делают тему особенно актуальной. Сопоставительный анализ рассказа Толстого «Упырь» и ряда произведений немецкого романтика позволит раскрыть пути

и способы трансформации гофмановских приемов в художественном мире русского писателя. Кроме того, творчество Толстого вслед за Пушкиным, Гоголем, Погорельским и др. становится важным этапом на пути формирования гофмановского комплекса, который будет особенно актуальным в литературе символизма.

Рассказ Толстого «Упырь» перекликается с рядом новелл Гофмана: «Вампиризм», «Эпизод из жизни трех друзей», «Приключения в Новогоднюю ночь» и романом «Эликсиры дьявола». Вслед за Гофманом Толстой использует традиционное романтическое двоemiрие и двойничество. Общие черты также прослеживаются в проблематике произведений – теме родового проклятия, а также в ряде образов: inferнального персонажа – черта (Дапертутто – человек в домино), образа пунша (напитка), образа портрета, а также в сюжетных перекличках – мотиве брошенной невесты. неотъемлемой частью гофмановского стиля становится романтическая ирония, которая вырывается на поверхность сквозь «серьезное» повествование и проявляется в приеме «оживления неживого».

В первую очередь в рассказе Толстого «Упырь» нашло воплощение романтическое двоemiрие, которое было присуще многим произведениям немецкого романтика. Герои Гофмана живут в реальном мире, но пересекаются с мифологическим, сказочным или потусторонним мирами. Так, например, inferнальные герои в новелле «Вампиризм» вмешиваются в жизнь обычных людей, нарушая ее естественное течение. А в новелле «Повелитель блох» присутствуют два мира: мир реальный и мир мифа, которые неразрывно связаны друг с другом. Герои Гофмана часто имеют двойников в «другом» мире. В «Повелителе блох» разрешение конфликта, намечившегося в мифологическом мире, Гофман переносит в мир действительности, поэтому все действующие в сказке лица выступают в двойном облике – реальном и мифологическом: Перегринус – король Секакис, Дертъе – принцесса Гамахея, Георг Пепуш – чертополох Цехерит, господин Legenie – гений Тетель, m-г Пиявка – принц пиявка, няня Алина – королева Голконды.

В рассказе «Упырь» действие происходит в реальном мире, но намеками утверждается существование мира inferнального – нечистой силы, упырей. Связь миров подтверждается материальным свидетельством – дощечкой с каббалистическими знаками, которую черт вручил Пьетро в знак заключенной сделки. Символическим связующим звеном между мирами становится образ дома Бригадириши, который объединяет три географических пространства – Россию, Италию и Грецию – и является, по мнению исследователя С.Ф. Васильева, «чертовым местом», в котором «актуализируется непосредственная связь с адом» [3, с. 29]. Этот дом в России построен итальянским архитектором.

В Италии же находится вилла Пьетро, которую называют чертовым домом. Она расположена на том самом месте, где некогда находился языческий храм, посвященный Гекате и ламии, и символизирует собой врата в ад, поэтому не удивительно, что на ней обитают нечистые духи, привидения и вампиры: «Многие пещеры и подземельные ходы этого храма... ведут глубоко в недра земли, и древние думали, что они имеют сообщение с тартаром». Толстой поясняет, что ламии, или эмпузы, имеют сходство с нашими упырями, и «поныне еще бродят около посвященного им места, принимая всевозможные виды, чтобы заманивать к себе неопытных людей и высасывать из них кровь» [13, с. 49].

Переход из мира реального в мир мифологический в рассказе «Упырь» Толстого осуществляется с помощью пунша. По свидетельству Владимира, три друга, ночуя на вилле, выпивают пунша, который порождает галлюцинации: «Я ж в этом вполне уверен, ибо у меня от одного стакана закружилась голова, а Антонио начал шататься и даже упал на совершенно ровном месте» [13, с. 64]. Друзья, которые находятся в разных комнатах, видят разные события: Рыбаренко является Владимир, который уговаривает обнять его. Владимиру кажется, что он убивает Антонио. Антонио же отправляется в Грецию на суд трех богинь.

То же самое мы наблюдаем у Гофмана. В новелле «Приключения в Новогоднюю ночь» Юлия дает Эразму дьявольский напиток: «Посреди подноса, меж бокалов с горячим пуншем играл и искрился прекрасный хрустальный фиал, по видимости, тоже с пуншем. И вот Юлия выбрала именно этот хрустальный кубок, сверкающий странными огнями, и поднесла его мне» [5, т. 1, с. 267]. Напиток оказывает дурманящее действие: «Кубок был выпит до дна, и в тот же миг я неведомым образом перенесся в маленькую комнатку, озаренную одиноким огнем алебастрового светильника» [5, т. 1, с. 267].

Двоemiрие в творчестве Гофмана, как правило, связано с переплетением нескольких сюжетных линий, оно порождает многочисленных двойников, что приводит к запутыванию читателя. Например, в романе «Эликсиры дьявола» Гофман настолько раздваивает персонажей, создавая им двойников, что сами герои порой перестают понимать, кто они есть на самом деле. Медардус переодевается в Викторина, Викторин – в монаха Медардуса, появляется еще один двойник, похожий на них обоих. Медардус же выдает себя за Леонарда Крчинского и т. д. Ситуация осложняется историей грехопадения рода художника Франческо и рассказом о судьбе нескольких поколений его рода. Связующим звеном между этими поколениями является образ Художника, от которого пошел родовый грех, а также образы-символы розы и креста, которые сопровождают героев. Кроме того, важное символическое значение имеет образ ножа, который воз-

никает в руках потомков в самые ответственные моменты – как знак судьбы и искупления родового греха кровью.

Толстой вслед за Гофманом соединяет несколько сюжетных линий, в которых принимают участие три поколения семьи Островичевых: Марфа – Амвросий, Пьетро – Прасковья Андреевна, Даша и Руневский. Толстовская манера повествования создает ощущение двусмысленности: автор сначала нагнетает обстановку таинственностью, а затем дает конкретные факты, которые весьма убедительно объясняют происходящее, ставя под сомнение мистическую подоплеку. Однако видимые последствия контакта с миром inferнальным (шрам на шее, доска с кабалистическими знаками и др.) тоже сохраняются. Эта особенность была также подмечена А.А. Поляковой и О.В. Федунинной: «во всем тексте повести нет ни одного явного свидетельства вторжения злых сил в мир людей. Все упоминающиеся случаи такого рода скрыты под маской предположения, сна, бреда безумца, сомнительного предания или легенды» [11, с. 267].

Вслед за Гофманом Толстой в своем рассказе поднимает и тему родового проклятия, связанную с событиями, произошедшими со старшими членами семьи: «Дашина бабушка, урожденная Островичева, происходит от древней венгерской фамилии... Ostoroviczy. Герб ее был: черная летучая мышь в красном поле. Говорят, что бароны Ostoroviczy хотели этим означать быстроту своих ночных набегов и готовность проливать кровь своих врагов. Враги эти назывались Tellara и, чтоб показать свое преимущество над прадедами бригадирши, приняли в герб свой филина, величайшего врага летучей мыши. Марфа Ostoroviczy, супруга последнего барона этого имени, женщина необыкновенной красоты, но жестокого сердца, пленилась наружностью и воинскою славой Амвросия Tellara, прозванного Амвросием с широким мечом. В одну ночь она впустила его в замок и с его помощью задушила мужа. Злодеяние ее, однако, не осталось без наказания, ибо рыцарь Амвросий, видя замок Ostoroviczy в своей власти, последовал голосу врожденной ненависти и, потопив в Дунае всех приверженцев своего врага, предал его замок огню» [13, с. 60]. Клеопатра Платоновна подтверждает правдивость этой легенды: «...уверяю вас, что преступление Марфы было наказано почти на всех ее потомках. Многие из них уже в России умерли насильственной смертью, другие сошли с ума, а, наконец, тетушка бригадирши, та самая, кою вы видите пред собою портрет, будучи невестою ломбардского дворянина Пьетро д'Урджина...» [13, с. 60], умирает с горя вскоре после того, как ее жених исчезает.

В романе Гофмана «Эликсиры дьявола» мы находим подобную ситуацию. Во внешнем сюжете произведения одной из главных является пробле-

ма фатума, роковой судьбы, которая довлеет над родом Франческо. Проблема рока, или судьбы, – представление о непостижимой силе, действием которой обусловлены как отдельные события, так и вся жизнь человека [9, т. 2, с. 471] – была популярна в готической литературе и, несомненно, повлияла как на Гофмана, так и на Толстого. Гофман по-своему решает эту проблему. Главному герою Медардусу предназначено искупить грехи рода, которые начались с его предка художника Франческо, для этого он должен пройти путь от непорочности к греху, а затем к святости. Этот путь олицетворяет судьбу не только одного героя, но и всего рода. Тема родового греха у Гофмана, несмотря на запутанность сюжета, имеет четкую концепцию и в конце романа находит логическое завершение. Налицо не только сходство, но и различие. У Толстого тема родового проклятия не имеет однозначного решения, так как к легенде рода Островичевых примешивается история Пьедро, продавшего душу дьяволу. Линия греха Пьедро завершается разбитием каменной доски с кабалистическими знаками, которую ему ранее вручил черт. А сюжетная линия Островичевых, кроме самоубийства Рыбаренко, обручения Даши и намек на укусы ее вампирами, так и остается непроявленной.

По мнению Рыбаренко, Бригадирша имеет виды на свою внучку Дашу. Возможно, Толстой почерпнул мотив кровного вампиризма из новеллы Гофмана «Вампиризм», с которой налицо сюжетное сходство: к графу Ипполиту приезжают дальние родственники: баронесса-вампириша со своей дочерью Аврелией. Гофман подчеркивает противостественную природу баронессы: «он схватил руку баронессы, но в тот же миг почувствовал, что у него точно слова оборвались на языке и холод пробежал по жилам. Рука баронессы судорожно стиснула его пальцы, точно рука мертвеца, и вся она, мгновенно переродившись, вдруг взглянула на него неподвижным, мертвым лицом» [5, т. 4, кн. 1, с. 404].

Баронесса стала встречаться с Урианом – незнакомцем лет около сорока, который «сохранил вполне юношескую свежесть и вообще мог назваться красавцем, но, несмотря на это, был всегда противен Аврелии, в особенности своими манерами, которые при всем его желании показаться принадлежащим к хорошему обществу обличали в нем необразованного, грубого человека» [5, т. 4, кн. 1, с. 405]. Аврелию пугали взгляды, которые незнакомец порой кидал на нее, они приводили ее в невыразимый ужас. Следует отметить, что Гофман не случайно дает такое имя герою: Уриан – имя черта на нижненемецком диалекте, тем самым намекая на его inferнальную природу.

У Толстого в рассказе «Упырь» мы находим подобного персонажа. Бригадирша состоит в дружбе с неким Теляевым, который, по словам Рыбаренко, «относится к самой лютой породе упырей». На ла-

тах Теляева изображен филин, и на шлеме его торчат филиновы крылья. Бригадирша и Теляев, как и у Гофмана, выбирают себе в качестве жертвы молодую девушку – Дашу. Однако писатели решают эту сюжетную линию по-разному: Аврелия в финале становится вампиршей и пьет кровь мертвецов, Толстой же до конца повести не проясняет, были ли Теляев и Бригадирша упырями или нет. С Дашей он тоже ограничивается лишь намеком, что у нее остается шрам на шее.

В повести «Упырь» Толстого связующим звеном между двумя поколениями является портрет Прасковьи Андреевны, родственницы Даши, которая умерла при загадочных обстоятельствах. Этот портрет отличается предельной реалистичностью и является двойником Даши: «Руневского поразил женский портрет (Прасковьи Андреевны), висевший над диваном близ небольшой затворенной двери. То была девушка лет семнадцати, в платье на фижмах с короткими рукавами, обшитыми кружевом, напудренная и с розовым букетом на груди. Если бы не старинное одеяние, он бы непременно принял этот портрет за Дашин. Тут были все ее черты, ее взгляд, ее выражение» [13, с. 10]. Тема портрета широко разрабатывалась и Гофманом. В романе «Эликсиры дьявола» портрет, на котором запечатлена Святая Розалия – Венера – является ключевым в развитии сюжета. Именно с него начинается грехопадение рода Франческо. Женский образ, изображенный на нем, имеет очевидное сходство с потомками рода Франческо, поэтому Аврелия является живым воплощением этого портрета.

С портретом у Толстого связан мотив брошенной невесты. Тетушка Сугробиной, будучи еще очень молодой, должна была выйти за богатого иностранца, но «за день перед свадьбой жених исчез, а бедная невеста занемогла от горести и вскоре умерла (по слухам – отравилась)» [13, с. 23]. Руневский, ночуя в комнатах Прасковьи Андреевны, видит ее привидение: «На ней [Даше] было совершенно такое платье, как на портрете Прасковьи Андреевны; розовый букет был приколот к ее груди, и в руке она держала старинное опахало» [13, с. 23]. Возможно, Толстой заимствует эту историю из «Эпизода из жизни трех друзей» Гофмана, где речь идет о тетке одного из героев Александра, которая была помолвлена, но в день свадьбы так и не дождалась жениха. С тех пор в этот день она наряжалась в подвенечное платье и ждала суженого. После смерти тетушки Александр поселился в ее комнате, где висел портрет невесты, и ровно в 12 часов перед ним появилось привидение: «В тот же миг от стены отделилась и заковыляла высокая белая фигура» [5, т. 4, кн. 1, с. 105]. Примечательно, что заканчивается эта сюжетная линия у обоих авторов одинаково – через женитьбу портрета. У Гофмана Александр проводит венчальный обряд в комнате тетушки перед портретом, после

этого привидение исчезает. У Толстого слова из книги во время гаданья указывают на тот же исход: «Дотоль, пока замуж портрет не пойдет, Невеста из гроба не встанет» [13, с. 19]. Именно так и происходит: Даша обручается тем самым кольцом, которое Дон Пьедро подарил своей невесте Прасковье Андреевне, и проклятие теряет свою силу.

Гофмановские черты можно проследить у Толстого и в двойственности женского образа. Три друга перед посещением дьявольского дома в Италии знакомятся с Пепиной, которая затем оказывается девушкой с гитарой с фрески, а затем языческой богиней Юноной. Такое раздвоение мы наблюдаем в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», где перед нами несколько воплощений героини: Венера – Розалия – Аврелия, причем героиня сочетает в себе и божественное, и порочное. Подобной двойственностью отличается и Юлия в новелле «Приключения в Новогоднюю ночь», которая в Италии предстает как Джульетта, а в Германии – как Юлия. Она обладает красивой внешностью, но душа ее злая: «Помедлив на пороге, Юлия обернулась и взглянула на меня, и в тот же миг мне почудилось, будто это ангельское, полное юной прелести личико вдруг исказилось язвительной гримасой» [5, т. 1, с. 266]. Именно так воспринимает сын Пьетро картину *al fresco* (на стене) с женщиной, играющей на гитаре: «Несмотря на красоту лица, в глазах ее было что-то столь неприятное и даже страшное, что он немедленно приказал ее закрасить. Через несколько времени увидели ту же фигуру на другом месте; ее опять закрасили; но не прошло двух дней, как она еще явилась там же, где была в первый раз» [13, с. 33–34].

Стилистическое сходство между Гофманом и Толстым проявляется в использовании гофмановской иронии, которая трагическое превращает в комическое. Например, в одном из эпизодов Пьетро д'Урджина спорит с чертом: «один был в халате и в ночном колпаке, а другой в черном домино и маске. Оба путешественника спорили между собой: человеку в халате не хотелось идти далее, а человек в домино его торопил, говоря, что им еще много дороги осталось до кратера и что на другой день праздник св. Антония. Наконец человек в домино схватил человека в халате и с исполинской силой потащил его за собой. <...> Встреча эта, заключал родственник, ясно доказывает, что дон Пьетро не умер, а только отлучился на время из Комо в Неаполь» [13, с. 62].

Гофман тоже постоянно играет с читателем, сначала он нагнетает мистику, а потом разбавляет ее иронией, так что становится непонятно, что правда, а что вымысел. Например, Марцелл (один из друзей) в «Эпизоде из жизни трех друзей», сняв одну комнату, как и Александр, ночью видит привидение: «...длинная, худая фигура со смертельно бледным, странно искаженным лицом... Белая

рубашка закрывает плечи, а грудь совершенно открыта и кажется окровавленной» [5, т. 4 (1), с. 112]. Но этим призраком оказывается безумный сосед и мистика сразу же исчезает.

В своем творчестве Гофман часто использовал прием одушевления предметов, который стал весьма популярным в русской литературе. Например, в новелле «Приключения в Новогоднюю ночь»: «Тут все сахарные фигурки в витрине ожили, стали комично шевелить ручками и ножками, а марципановый советник юстиции засеменял мне навстречу» [5, т. 1, с. 276]. Или же, наоборот, переход от живого к неодушевленному, когда человек растрчивает свою целостность, свое «я», а предметы начинают этим пользоваться, вытесняя его из жизненного пространства: «каких только зацепок не напридумывал для нас черт, всюду они – на стенах комнат и беседок, на увитых розами живых изгородях, и всякий раз, проходя мимо, мы оставляем на этих зацепках частицу нашего бесценного “я”. Похоже, господа, каждый из нас понес утрату таким именно образом, вот и я для начала лишился нынешней ночью плаща и шляпы, они, да будет вам известно, попались на крючок и висят сейчас в передней у советника юстиции!» [5, т. 1, с. 276].

А. Толстой в рассказе «Упырь» вслед за Гофманом использует бытовую фантастику, одушевляя предметы: «Я очутился в Китайской комнате, возле круглой залы. Меня окружила толпа фарфоровых кукол, фаянсовых мандаринов и глиняных китаек, которые с криком: Да здравствует наш император, великий Антонио-Фу-Цинг-Танг! – бросились меня щекотать. Напрасно я старался от них отделаться. Маленькие их ручонки влезали мне в нос и в уши, я хохотал как сумасшедший» [13, с. 47]. Однако налицо не только сходство, но и различие: Толстой с помощью этого приема описывает только мифологический мир, в котором, как у Гофмана, фантазия не имеет границ, а в мире реальном – все упорядоченно и реалистично.

Общие черты можно проследить и на уровне персонажей: образ человека в домино в повести «Упырь» напоминает Дапертутто из новеллы «Приключения в Новогоднюю ночь» Гофмана. Дапертутто (*dapertutto*) в переводе с итальянского обозначает «везде, повсюду», поэтому не удивительно, что он появляется неожиданно, в каком бы месте ни происходило повествование. Его отличительными чертами являются ярко-красный сюртук с блестящими стальными пуговицами, напоминающий костюм домино, и злобно-отвратительное лицо: «высокий, сухопарый человек с ястребиным носом, сверкающими глазами и тонкими губами, искривленными в язвительной гримасе» [5, т. 1, с. 281]. Дапертутто олицетворяет собой злое дьявольское начало и является слугой темных сил.

У Толстого же это высокий человек в черном домино и в маске, по мнению местных жителей

в Италии – англичанин. Он является представителем нечистой силы, его образ мелькает и в итальянских эпизодах, и в русских. Он как бы является одним из главных связующих звеньев между ними: «Внезапно обои раздвинулись, и из потаенной двери вошел в комнату высокий человек в черном домино и в маске, при виде коего Руневский тотчас догадался, что это тот самый, которого видел Антонио в вилле дон Пьетро д'Урджина. Он громко вскрикнул и рванулся соскочить с дивана, но на него сверкнули маленькие белые глаза черного домино и пригвоздили его на месте» [13, с. 56].

Таким образом, Гофмановская традиция, несомненно, присутствует на страницах рассказа Толстого «Упырь». Общность проблематики (тема родового проклятия, двойничество, тема ожившего портрета), некоторых образов (человек в домино, образ пунша) и их воплощение имеет много общего с Гофманом. Кроме того, игра с читателем, ироническое начало и прием «одушевления неживого» стали частью толстовского художественного метода. Неповторимый стиль Гофмана сделал рассказ Толстого узнаваемым в литературе. Особенно популярным он стал в начале XX в., после того, как в 1900 г. был переиздан с предисловием В.С. Соловьева, который высоко оценил повесть: «Весь рассказ (Толстого) есть удивительно сложный фантастический узор на канве обыкновенной реальности. <...> Фантастический элемент дает этой повести ее существенную форму, а общий смысл ее – нравственная наследственность, устойчивость и повторяемость типов и деяний, искупление предков потомками» [12, с. 375]. Этот рассказ способствовал формированию гофмановского комплекса в русской литературе и вместе с творчеством немецкого писателя стал знаковым для литературы символизма.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 5 т. – М.: АН СССР. – Т. 5. – С. 473–474.
2. *Бельский Л.П.* Основные мотивы поэзии графа А.К. Толстого. – М., 1894.
3. *Васильев С.Ф.* Проза А.К. Толстого: направление эволюции и контекст. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1989. – С. 96.
4. *Венгеров С.А.* А. Толстой (литературный портрет) // А.К. Толстой. Полн. собр. соч. – СПб., 1907. – Т. 1. – 51 с.
5. *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1; Т. 4, кн. 1–2.
6. *Дюнькин Н.И., Новиков А.И.* А.К. Толстой. Биография и разбор его главных произведений. – СПб., 1909. – 10 с.
7. *Карпов А.А.* Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 667 с.

8. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» у Мейерхольда // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 117–123.

9. Левенстим А. А.К. Толстой, его жизнь и произведения // Вестник Европы. – 1906. – № 10. – С. 487–520.

10. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – М.: Российская энциклопедия, Олимп, 1997. – Т. 2. – 719 с.

11. Полякова А.А., Федунина О.В. Готическая традиция в прозе А.К. Толстого («Упырь») // Новый филологический вестник. – 2006. – № 1 (2). – С. 47–61.

12. Соловьев В.С. Предисловие к «Упырю» графа А.К. Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1997. – С. 375–379 с.

13. Толстой А.К. Упырь // Собрание соч.: в 4 т. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 3. – С. 7–69.

14. Языков Д.Д. Граф А.К. Толстой. – М.: Univ. tip., 1901. – 36 с.

References

1. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij: v 5 t. – М.: AN SSSR. – Т. 5. – С. 473–474.

2. Bel'skij L.P. Osnovnye motivy poehzii grafa A.K. Tolstogo. – М., 1894.

3. Vasil'ev S.F. Proza A.K. Tolstogo: napravlenie ehvolucii i kontekst. – Izhevsk: Izd-vo UdGU, 1989. – С. 96.

4. Vengerov S.A. A. Tolstoj (literaturnyj portret) // A.K. Tolstoj. Poln. sobr. soch. – SPb., 1907. – Т. 1. – 51 s.

5. Gofman E.H.T.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1991. – Т. 1; Т. 4, kn. 1–2.

6. Dyun'kin N.I., Novikov A.I. A.K. Tolstoj. Biografiya i razbor ego glavnyh proizvedenij. – SPb., 1909. – 10 s.

7. Karpov A.A. Russkaya fantasticheskaya proza ehpoi romantizma (1820–1840 gg.). – L.: Izd-vo Lenigradskogo universiteta, 1990. – 667 s.

8. Koroleva V.V. «Gofmanovskij kompleks» u Mejerhol'da // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – С. 117–123.

9. Levenstim A. A.K. Tolstoj, ego zhizn' i proizvedeniya // Vestnik Evropy. – 1906. – № 10. – С. 487–520.

10. Mify narodov mira: ehnciklopediya: v 2 t. – М.: Rossijskaya ehnciklopediya, Olimp, 1997. – Т. 2. – 719 s.

11. Polyakova A.A., Fedunina O.V. Goticheskaya tradiciya v proze A.K. Tolstogo («Upyr'») // Novyj filologicheskij vestnik. – 2006. – № 1 (2). – С. 47–61.

12. Solov'ev V.S. Predislovie k «Upyryu» grafa A.K. Tolstogo // Solov'ev V.S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. – М., 1997. – С. 375–379 s.

13. Tolstoj A.K. Upyr' // Sобрание soch.: v 4 t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. – Т. 3. – С. 7–69.

14. YAzykov D.D. Graf A.K. Tolstoj. – М.: Univ. tip., 1901. – 36 s.

ПОВЕСТЬ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ИГО ВОЙНЫ» В КОНТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА

В статье методами сравнительного и проблемного анализа повести Леонида Андреева «Иго войны» устанавливается её взаимосвязь с некоторыми более ранними произведениями автора. Это позволяет проследить эволюцию взглядов писателя на коллизии человеческой жизни (война, одиночество, бесконечность страданий и др.) от отрицания возможности их оптимистического разрешения к утверждению важности поиска выхода из них, поставить под сомнение закрепившееся об Андрееве мнение как о неисправимом пессимисте и привлечь внимание читателей и исследователей к этой незаслуженно обделенной вниманием повести. В повести «Иго войны» Леонид Андреев иначе, чем в «Жизни Василия Фивейского», использует ветхозаветный сюжет о многострадальном Иове, по-новому разрешает жизненный путь характерного для своего творчества героя-индивидуалиста и несколько отступает от позиции категорического неприятия любой войны, о котором ярко и категорично заявил в «Красном смехе», перенеся своё внимание с феномена войны как таковой на отношение личности к ней.

Ключевые слова: Леонид Андреев, Библия, война, дневник, индивидуализм, рубеж веков, переосмысление.

Рубеж XIX–XX веков, получивший в истории культуры обозначение *fin de siècle*, действительно стал поворотной точкой в развитии многих мировых процессов. Научные открытия времени, социокультурный кризис, потеря церковью прежнего авторитета и монополии на функцию смыслового определения жизни привели к крушению былых ориентиров существования, переосмыслению казавшихся незыблемыми представлений об устройстве мира. В социальной, политической, экономической жизни человечества это вылилось в войны и революции, в культурной – в возникновение новых философских концепций и художественных направлений, новых форм выражения. Трагический поиск ответов на вновь вставшие вопросы о смысле бытия требовал если не разрушения, то скептического переосмысления, критической ревизии былых воззрений.

В России одним из самых ярких выразителей духа времени стал Леонид Андреев – писатель, оказавшийся на перекрестке современных литературных течений (реализм, символизм, натурализм, экспрессионизм). Уже в раннем творчестве Андреева, когда он еще был близок реалистической литературной традиции, намечается сдвиг с социального к психологическому и онтологическому аспектам изображения действительности, примат репрезентации факта уступает стремлению постичь глубинную суть вещей и явлений.

В дневниковой записи от первого августа 1891 года еще никому не известный начинающий литератор Леонид Андреев определил свою будущую писательскую позицию, близкую всей эпохе рубежа веков, следующим образом: «Я хочу написать такую вещь, которая собрала бы воедино и оформила те неясные стремления, те полусознательные мысли и чувства, которые составляют удел настоящего поколения. <...> Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т. д.» [цит. по: 1, с. 62–63]. Слова девятнадцатилетнего человека, увлеченного

сочинениями Гартмана и Шопенгауэра, конечно, не могут служить основой интерпретации будущих произведений писателя. Однако анализ многих текстов, вышедших из-под пера Андреева в следующие десятилетия, позволяет считать приведенную дневниковую запись во многом пророческой.

Современник Л.Н. Андреева, писатель и литературовед К.И. Арабажин, подводя в 1910 году промежуточные итоги творчества писателя, рассматривает его путь в литературе как путь отрицания и ниспровержения всех кумиров человеческой жизни: веры, любви, добра, общества, религии, государства и др. Однако пьесой «Черные маски» (1908), считает критик, Андреев заканчивает этот путь и уже в «Анатэме» (1909) (последнем на момент создания труда Арабажина опубликованном произведении Л.Н. Андреева) приходит к утверждению жизни: «Для Андреева настало время светлого строительства новой жизни. Дальше жить одним отрицанием было невыносимо» [3, с. 250]. Повесть «Иго войны», написанная Андреевым в 1916 году, могла бы стать еще одним подтверждением этого тезиса.

Повесть имеет подзаголовок «Признания маленького человека о великих днях» и по форме представляет собой дневник банковского служащего Ильи Петровича Дементьева, который он ведёт с первых дней мировой войны по сентябрь 1915 года, описывая в нем события личной и общественной жизни и делаясь переживаниями по поводу происходящего. Со страниц дневника мы узнаем, что Дементьев не подлежит призыву на фронт по возрасту, но война неизбежно вторгается в жизнь петербургской семьи, меняя её привычный уклад. Объявление войны, к которой герой отнесся как к чему-то, к чему он не имеет отношения, становится для Дементьева лишь первым испытанием. На фронт уходит брат жены, заботившийся об их матери, и груз содержания большой семьи полностью ложится на плечи Дементьева. Благоверная Ильи Петровича добровольно начинает работать сиделкой в лазарете, из-за чего не может в былом объеме заботиться о доме, муже, детях. Вскоре с фронта приходит печальная весть о смер-

ти родственника; младшая любимая дочь Дементьева заболевает и умирает из-за не оказанной вовремя медицинской помощи; банк, в котором служил Илья Петрович, закрывается, и Дементьев оказывается безработным. Череда несчастий доводит чиновника до отчаяния и решения покончить жизнь самоубийством. Однако Андреев не дает своему герою осуществить задуманное и в итоге приводит Дементьева к смирению с фактом войны и включению его в новую изменившуюся жизнь тыла, от которой он так долго и упорно бежал, не желая признавать себя её частью. В сентябре 1915 года Илья Петрович начинает заниматься собиранием пожертвований для нужд военного времени и перестает вести дневник. Таким завершением своей повести Леонид Андреев иначе, чем в «Жизни Василия Фивейского» (1903), использует ветхозаветный сюжет о многострадальном Иове, по-новому разрешает жизненный путь характерного для своего творчества героя-индивидуалиста и несколько отступает от позиции категорического неприятия любой войны, о котором ярко и заявил в «Красном смехе» (1904).

Утрата церковью былых позиций в русской литературе рубежа веков выразилась в художественной переработке библейских тем, образов, мотивов писателями разных идеологических и эстетических воззрений: от Дмитрия Мережковского до Максима Горького. Неоднократно при создании собственных произведений обращался к Библии и Леонид Андреев, называя её в числе своих любимых книг и отмечая её влияние на себя как на художника [см. подробнее: 4, с. 81–82]. Хрестоматийным примером переосмысления евангельского сюжета стала повесть «Иуда Искариот» (1907), в которой Андреев снижает образ Христа до антропологического и пересматривает традиционно негативное отношение к Иуде. Писатель предлагает посмотреть на предательство Иуды как на «трагедию вечного непонимания, раскалывающую мир неразрешимых противоречий на две противоборствующие части – идеальную и реальную» [5, с. 447]. Проведенные в разные годы исследования многих ученых (Л.Н. Афонина, В.И. Беззубова, Л.А. Иезуитовой, В.Н. Чувакова и др.) выявляют библейские аллюзии и в других произведениях автора. Особенно близка мировоззрению Андреева ветхозаветная Книга Иова, точно отвечающая на слова писателя: «Мне не важно, кто “он” – герой моих рассказов. Мне важно только одно – что он человек и как таковой несет одни и те же тяготы жизни» [11, с. 200]. Художественное переосмысление этого сюжета Андреев предвложил в «Жизни Василия Фивейского», истории о попе, чья вера подвергается проверке чередой несчастий: смерть маленького сына, алкоголизм жены, рождение зачатого в безумии сына-идиота, пожар, в котором погибает попадья, крушение веры в сотворение чуда. Через эти испытания Фивейский проходит сложный путь от Иова к Симону Волхву, от службы Господу к еретическому убеждению, что

он Божий избранник, от мирной жизни сельского священника к бунту, безумию и смерти [см. подробнее: 6].

Беды, одна за другой случающиеся в жизни героя повести «Иго войны», сближают Илью Петровича с Василием Фивейским и библейским Иовом. Однако евангельский сюжет получает в этой повести иное, более близкое к оригиналу, решение. Дементьев не обладает религиозным сознанием, он «маленький человек», озабоченный повседневными хлопотами о собственном комфорте и благополучии своей семьи. Поэтому, когда война грубо вторгается в его размеренную жизнь, он начинает вести дневник, чтобы жаловаться в нём на своё положение и обвинять эту войну в принесенных ею страданиях. Страницы его дневника заполнены инфантильными жалобами, жалостью к самому себе и отчаянными проклятиями. Однако, пройдя через ропот, через осознание своего бессилия изменить положение вещей, через решение о самоубийстве и отказ от него, Илья Петрович смиряется: «...только об одном молю судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю покорно и со смирением» [2, т. 6, с. 97–98]. Как Иову за его страдания и смирение были дарованы Богом богатство и долголетие, так и Дементьев вознагражден за них собственным возвращением в жизнь и, что более важно для Андреева, обретением «подлинного “я” в чувстве соборности» [10, с. 98].

С первых страниц своего дневника Дементьев предстает перед нами индивидуалистом, чьи мысли и чувства сосредоточены главным образом на личной жизни. Он сочувствует жертвам войны, о которых читает в газетах, радуется победам, скорбит о поражениях, но делает это скорее машинально, поверхностно, из общегуманистических убеждений, всё это от него далеко, его не касается, у него своя жизнь, и она намного важнее. Обычно такие герои в произведениях Андреева заканчивают свой путь безумием, преступлением, самоубийством («Рассказ о Сергее Петровиче», «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Савва» и др.) [см. подробнее: 8], и если бы Илья Петрович сбросился с моста в реку, как хотел, то так и остался бы «маленьким человеком», раздавленным обстоятельствами внешней жизни. Однако писатель позволяет своему герою перерасти самого себя, избавиться от жалости к себе, преодолев свой индивидуализм, отказавшись от частного и осознав себя частью целого – России: «...и точно у всех могут быть пожары, лишения имущества, несчастья всякого рода, а один я в этом свете недотрога, священная персона. И все воюют, берут на себя и грех и муку, а я один, как отставной учитель, сижу по ночам и наставления пишу, преподаю уроки, которых никто не слушает» [2, т. 6, с. 89–90], «Все мы таковы, несчастные!» [2, т. 6, с. 97]. Илья Петрович приходит к людям, поборов эгоизм осознанием национальной принадлежности, чувством народного единения перед лицом войны.

Если в произведениях 1900–1905 гг. Леонид Андреев отвергал любую войну как противоречие основам жизни [см. подробнее: 7], в «Красном смехе» (1904) изображал её как «безумие и ужас» [2, т. 2, с. 37], то в повести «Иго войны», не изменив отношения к войне как таковой, но перенеся своё внимание с онтологической сути войны на роль человека в ней, писатель находит выход из «дурной бесконечности» [9, с. 64] безумия войны, придя от отрицания к утверждению важности активного отношения личности к жизни. Основную идею «Ига войны» точно сформулировал финский ученый, профессор Хельсинкского университета Бен Хеллман: «Никто не имеет права остаться в стороне от войны, но речь идет не о необходимости повысить военный потенциал страны, а о чувстве солидарности со страдающим человечеством. Солидарность реализуется через национальное» [10, с. 98]. Мало проклинать войну в семейных разговорах или в своем дневнике, как это делал Илья Петрович, необходимо активное посильное участие каждого в борьбе с ней. На фронте, в тылу, на трибунах и передовицах газет. Только общим участием в событиях военного времени можно прийти к миру, минимизировать наносимый войной вред, утешить страдания ближних и свои собственные. В этом главный публицистический пафос андреевской повести, её жизнеутверждающее значение и оптимистическое начало. И если «Красный смех» завершается сценой апокалипсиса, когда земля начинает исторгать из себя мертвые тела, не в силах вместить все, то финальным аккордом «Ига войны» становится надежда на гармонизацию мировой жизни в будущем: «Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые и знаю: когда прикоснутся они друг к другу, мать Земля к Сыну своему, то наступит великое разрешение» [2, т. 6, с. 97].

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. статья, сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1994. – 598 с.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Книжный клуб Книгоvek, 2012.
3. Арабазжин К.И. Леонид Андреев. Итоги творчества: Литературно-критический этюд. – СПб.: Общественная польза, 1910. – 280 с.
4. Беззубов В.И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. – Таллин: Ээсти раамат, 1984. – 336 с.
5. Иезуитова Л.А. Три Иуды в русской литературе Серебряного века: Л. Андреев, М. Волошин, А. Ремизов // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 431–447.
6. Лукин Д.С. Homo credens в творчестве Леонида Андреева // Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий: сб. науч. ста-

тей. – Брест: БрГУ, 2014. – С. 93–98.

7. Лукин Д.С. Концепция войны в творчестве Леонида Андреева 1900–1905 годов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – № 3. – С. 324–327.

8. Рейснер М.А. Л. Андреев и его социальная идеология: Опыт социологической критики. – СПб.: Посев, 1909. – 152 с.

9. Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. – 320 с.

10. Хеллман Б. Маленький человек и великая война. Повесть Л.Н. Андреева «Иго войны» // Хеллман Б. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. – Хельсинки, 2009. – С. 89–99.

11. Чуковский К.И. Современники: Портреты и этюды. – Мн.: Нар. асвета, 1985. – 575 с.

References

1. Andreev L.N. S.O.S.: Dnevnik (1914–1919); Pis'ma (1917–1919); Stat'i i interv'yu (1919); Vospominaniya sovremennikov (1918–1919) / vstup. stat'ya, sost. i primech. R. Dehvisa i B. Hellmana. – M.; SPb.: Atheneum: Feniks, 1994. – 598 s.
2. Andreev L.N. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Knizhnyj klub Knigovek, 2012.
3. Arabazhin K.I. Leonid Andreev. Itogi tvorcestva: Literaturno-kriticheskij ehtjud. – SPb.: Obshestvennaya pol'za, 1910. – 280 s.
4. Bezzubov V.I. Leonid Andreev i tradicii russkogo realizma. – Tallin: EHehsti raamat, 1984. – 336 s.
5. Iezuitova L.A. Tri ludy v russkoj literature Serebryanogo veka: L. Andreev, M. Voloshin, A. Remizov // Iezuitova L. A. Leonid Andreev i literatura Serebryanogo veka: Izbrannye trudy. – SPb.: Petropolis, 2010. – S. 431–447.
6. Lukin D.S. Homo credens v tvorcestve Leonida Andreeva // Klassika i sovremennost' v izyashchnoj slovesnosti XIX–XXI stoletij: sb. nauch. statej. – Brest: BrGU, 2014. – S. 93–98.
7. Lukin D.S. Konceptiya vojny v tvorcestve Leonida Andreeva 1900–1905 godov // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2016. – № 3. – S. 324–327.
8. Rejsner M.A. L. Andreev i ego social'naya ideologiya: Opyt sociologicheskoy kritiki. – SPb.: Posev, 1909. – 152 s.
9. Teryohina V.N. EHkspressionizm v russkoj literature pervoj treti XX veka: Genezis. Istoriko-kul'turnyj kontekst. Poetika. – M.: IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN, 2009. – 320 s.
10. Hellman B. Malen'kij chelovek i velikaya vojna. Povest' L.N. Andreeva «Igo vojny» // Hellman B. Vstrechi i stolknoveniya: Stat'i po russkoj literature. – Hel'sinki, 2009. – S. 89–99.
11. CHukovskij K.I. Sovremenniki: Portrety i ehtjudy. – Mn.: Nar. asveta, 1985. – 575 s.

ПУТЕШЕСТВЕННИК КАК ПОЛИТИК И АНАЛИТИК.
ЗАПАДНЫЕ АВТОРЫ О РОССИИ 1920–1950-Х ГГ.

Предметом анализа в данной статье являются дневники путешествий о России, созданные западными интеллектуалами в 1920–1950-е гг. Хронологические рамки исследования определяются значением этого пятидесятилетия как переломного и в истории России, и в истории западного мира. В статье выявляются концепции авторов в отношении России, политические позиции, определяются жанровые особенности произведений и их место в творчестве. Сделан вывод о том, что путешественник становится не только наблюдателем, но политиком и аналитиком. К анализу привлечены произведения английских, немецких и американских авторов. «Русский дневник» Д. Стейнбека и сочинение В. Кеппена «Россия и другие страны» ранее не были объектами внимания отечественных специалистов. Статья подводит некоторые итоги изучения образа России, созданного иностранными путешественниками.

Ключевые слова: дневник путешествий, западные интеллектуалы, русская самобытность, политические пилигримы, обман и самообман, освобождение от иллюзий.

Свидетельства иностранцев о России известны с древности и используются как источники в таких науках, как история, культурология, лингвистика, литературоведение, страноведение, психология и т. д. Жанровая принадлежность сочинений различна: это дневники, донесения, письма, отчеты, воспоминания, публицистика. Иностранцы посещали Россию с разными целями, среди которых основными были выполнение определенной миссии, познавательное путешествие, участие в военных действиях, разведывательная деятельность, поиск убежища, личные контакты. Обширен перечень профессий авторов сочинений – дипломаты, купцы, военные, путешественники, писатели, политические деятели, ученые, художники, в XX в. – журналисты. Объектами воспроизведения и анализа становятся все стороны российской действительности: географические особенности, экономика, государственное устройство, политическая, общественная и культурная жизнь, менталитет, быт; обязательным компонентом произведений являются персоналии, то есть описание конкретных личностей, ими могут быть как известные, так и обычные люди.

1920–1950-е гг. – период кардинальных изменений как в России, так и в западном мире. Новые социальные и политические структуры требовали осмысления. Каждый из авторов оценивал Советскую Россию исходя из собственного политического и эстетического кредо. Рассмотренные в хронологическом порядке, эти произведения дают возможность выявить тенденции и проследить эволюцию взглядов западных визитеров на Россию.

В XX в. поток иностранцев в Россию увеличивается. Практически невозможно составить полный перечень книг и статей, написанных посетившими Россию. В начале 1920-х гг. о Советской России на Западе было известно мало. Октябрьская революция не вызвала большого любопытства у западных интеллектуалов. Следует отметить, однако, что десятилетняя годовщина революции

в 1927 г. привлекла внимание визитеров. С конца 1920-х гг. и на протяжении 1930-х гг. число зарубежных писателей, журналистов, общественных деятелей, ученых максимально высоко. П. Холландер в исследовании «Политические пилигримы» связывает это явление с обострением проблем западного общества, а также с популярностью идеи утопии в западном гуманитарном сознании: идеальное общество европейские и американские интеллектуалы искали в странах социалистического лагеря, в частности в Советском Союзе [12, с. 16]. Возникает интерес к марксизму: «Марксистское видение мира давало впечатляюще цельное объяснение всех разрушительных явлений того времени: депрессии, безработицы, бедности и подъема национального движения» [12, с. 154].

В эти годы Россию посещали всемирно известные авторы: М. Андерсен-Нексе, А. Барбюс, В. Беньямин, А. Кестлер, Д. Рид, Г. Уэллс, Л. Фейхтвангер, Р. Роллан, Б. Шоу, Б. Брехт. Отзывы большинства из них о новом государстве носили панегирический характер. Тому было несколько причин. Во-первых, они приезжали с уверенностью увидеть идеальное общество. Во-вторых, существовал специально разработанный механизм гостеприимства, который предполагал знакомство только с выигрышными сторонами жизни страны [6, с. 223–225]. П. Холландер назвал это «духом Потемкина» [12, с. 507]. В-третьих, критические отзывы могли поставить авторов в ряды реакционеров, что стало бы для них тяжелым ударом.

Среди достоинств Советской России авторы записок, репортажей и очерков называли мудрость и заботу вождей – Ленина и Сталина. В разрывании культа личности Сталина сыграли определенную роль практически все иностранные гости Советского Союза, однако началось это, по мнению Г.Б. Куликовой, с французского писателя А. Барбюса. Он переписывался со Сталиным, несколько раз встречался с ним и сам предложил написать книгу о вожде. В 1935 г. после тяжелой болезни

Барбюс скончался в Москве; книга была завершена под контролем советских и партийных органов и опубликована в «Роман-газете» под названием «Сталин. Новый мир, увиденный через одного человека». Отдельное издание вышло с подзаголовком «Человек, через которого раскрывается новый мир» [6, с. 212–223].

Широкую известность приобрела фраза английского писателя Герберта Уэллса «кремлевский мечтатель», характеризующая Ленина. Вырванная из контекста книги писателя, посетившего Россию в 1920 г. (вторично, первый раз в 1914 г.), «Россия во мгле» [3], эта фраза интерпретировалась в России как комплимент и свидетельство высоких целей советского руководства. Сам Г. Уэллс, как можно предположить, вкладывал в это определение двойной смысл. С одной стороны, он многое восхваляет. Глава «Квинтэссенция большевизма» фактически является панегириком новому общественному строю. Партию коммунистов Уэллс называет единственной объединяющей силой, а Деникина, Колчака, Врангеля – бандитами; расстрелы ЧК, по его мнению, имели причины [9, с. 37]. В «Заключении», написанном по возвращении домой, писатель призывает западные страны понимать и уважать принципы большевиков, а также создать своеобразный трест, в рамках которого осуществлялось бы сотрудничество Советской России с Западом. С другой стороны, называя первую главу «Гибнущий Петербург», Уэллс рисует картину «колоссального непоправимого краха» [9, с. 4] во всех сферах жизни: разрушены дороги, кредитная система вышла из строя, не хватает лекарств и продуктов, высока смертность. В унисон многим западным визитерам Уэллс пытается утверждать, что не большевики виноваты – больной организм изжил себя, однако рассуждая о близкой ему интеллектуальной сфере жизни, писатель мыслит трезво. Простой человек, по его мнению, может легко перейти от одного занятия к другому, большой талант нуждается в прочности цивилизованного общества. «Наука, искусство, литература – это оранжевые растения... Под развалинами Российской империи погибли и теплицы, где все это могло произрастать [9, с. 28–29], – таков вердикт Уэллса. Ш. Плаггенборг в монографии «Революция и культура», анализируя культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма, приходит к следующему выводу: «Идеалы нового человека и проекты новой культуры продумывались небольшим количеством людей для всей массы населения: революция “сверху”. Их притязания носили авторитарный характер» [7, с. 330].

Позицию трезвого наблюдателя демонстрирует немецкий писатель и философ Вальтер Беньямин, побывавший в России в 1926–1927 гг.; он вел дневник, а затем в журнале «Die Kreatur» опубликовал очерк под названием «Москва». Беньямин создает

реалистическую картину московской жизни времен НЭПа. Прежде всего автор отмечает провинциальность московских улиц, развешенные на заборах и разложенные в корзинах товары. Бедность бросается в глаза: очереди в магазинах, множество старьевщиков, беспризорников, нищих. Рассуждая о НЭПе с теоретической точки зрения, автор приходит к выводу о том, что новая буржуазия обречена на скорое уничтожение. «Тотальная деприватизация» [1, с. 103] и «тотальная политизация» [2, с. 106] не способствуют развитию частного интереса. Ключевыми словами в произведениях Беньямина являются «ремонт» и «мобилизация».

В этот же период по Советской России путешествовал немецкий писатель, философ и публицист Артур Кестлер, маршрут которого пролегал через Харьков, Москву, лагерь на Соловках. Он видит голод, нищету – целые семьи нищих вдоль железнодорожного полотна. Кестлер отчетливо осознает гибельность системы для интеллектуальных людей [5].

Одной из самых одиозных книг иностранных авторов о Советской России может быть названа работа известного немецкого писателя Лиона Фейхтвангера «Москва 1937», изданная в том же году в Амстердаме на немецком языке и в Москве. В качестве приложения к русскому изданию был дан доклад и заключительное слово Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на пленуме ЦК ВКП(б) 3–5 марта 1937 года. По характеру приложения можно судить о направленности основного текста – это неприкрытый, плакатный панегирик Сталину и тоталитарному государству. Авторская позиция легко определима по названию главок, на которых разбита каждая глава. В частности, глава I «Будни и праздники» содержит в себе следующие главки: «О несчастливой жизни на Западе», «О счастливой жизни советских граждан», «С каждым днем все лучше и лучше», «Государство – это мы», «Еще раз о счастье советских граждан». Необходимо подчеркнуть, что речь идет о 1937 году, который стал метафорическим обозначением репрессий.

Своей книгой Фейхтвангер, безусловно, способствовал укреплению культа Сталина. Сталин для него – откровенный, глубокий, умный, вдумчивый человек, «борец и работник» [10, с. 83–84, 75]. В главе «Сталин и Троцкий» одна из главок носит название «Сталин и Иуда» [10, с. 84]. Именуя Троцкого «Иудой», Сталина, как можно предположить, Фейхтвангер сопоставляет с Христом. Не имея возможности не заметить обилие портретных и скульптурных изображений Сталина везде, даже на выставке произведений Рембрандта, Фейхтвангер интерпретирует это явление неожиданным образом: культ личности Сталина естественен, потому что народ благодарен Сталину; а в своей частной жизни Сталин скромнее [10, с. 58].

Фейхтвангер – не просто адвокат, но воинствующий защитник советского тоталитаризма. Он считает, что западные интеллигенты по отношению к Советскому Союзу ведут себя «близоруко и недостойно». Недостатков в стране действительно много, но пишущие о них подобны «критику, который в гениальной поэме замечает прежде всего неправильно расставленные запяты» [10, с. 109–110, 111]. У автора рождается ассоциация с Шекспиром, который мало знал латынь и не знал греческого. Как отмечает П. Холландер в исследовании «Политические пилигримы», «суть, сердце политических паломничеств (и того, что его дополняет – политического гостеприимства) – это обман и самообман. Паломники отличались тем, что обманывали сами себя, а хозяева великодушно помогали им в этом» [12, с. 16]. Парадоксален факт, что обману и самообману оказался подвержен один из создателей исторического романа в немецкой литературе, писатель, который смог разобраться в коллизиях мировой истории (романы «Иудейская война», «Мудрость чудака, или Жизнь и преображение Жан-Жака Руссо», «Гойя, или Тяжкий путь познания»). Фейхтвангеру принадлежит и глубокий анализ феномена нацизма, сделанный им в романах «Успех» и «Семья Оппенгейм».

Поток путешественников в Россию возобновился после Второй мировой войны. Послевоенная Россия была интересна прежде всего немцам. «Русские и немцы. Что они за люди? Факты, образы и последствия Второй мировой войны» [13] – в этом названии книги В. Бинерта перечислены все злободневные вопросы и темы. Немецкого публициста интересуют «люди с другой стороны». Он пытается определить влияние географических факторов на формирование национального характера – русских «создают» просторы; для автора важны наблюдения над повседневной жизнью населения. Третья глава полностью посвящена характеру русских людей. В. Бинерт прослеживает исторические корни этого феномена, выявляет такие его черты, как терпеливость, доброжелательность, готовность помочь. Публицистический подход невозможен без политического элемента. В. Бинерт видит «символы партийного господства» в стране и последствия этого господства. Используя формулировку Ф. Ницше, он называет вторую главу «Воля к власти приносит человеческие жертвы» и выделяет в ней два аспекта: «Люди в борьбе с природой» и «Люди в борьбе с людьми». Автор не оправдывает и не исследует политику давления и принуждения, но говорит о ней открыто.

Анализируя историю России с Октябрьской революции до эпохи Горбачева, французский историк Ф. Фюре называет свой труд «Прошлое одной иллюзии» [11]. Процесс освобождения от иллюзий происходил не только в России, его участниками были и путешественники, посетившие страну

после Второй мировой войны. Одним из показательных свидетельств времени может служить «Русский дневник» [8] американского писателя Джона Стейнбека, написанный в 1947-м и опубликованный в 1948 году. Направленность этого произведения может быть обозначена словами «освобождение от иллюзий». Написанная всего через десять лет после одиозной работы Л. Фейхтвангера «Москва 1937», книга Стейнбека представляет с ней разительный контраст. В сознании западной интеллигенции произошел переворот: вместо лозунгов, плакатов, показательных мероприятий они начали видеть в России реальность. В гостинице, где остановился Стейнбек со своим спутником-фотографом, из кранов капала вода, а водостоки не работали. И автор советует: «Обратите процесс, поставьте краны туда, где были водостоки, а водостоки – туда, где были краны, и все проблемы будут решены» [8, с. 61.]. Стейнбек, скорее всего, давал практический совет, но в российском контексте его слова звучали символически: переделайте все в соответствии с логикой, с разумом. Здесь нельзя не вспомнить известные и до сих пор актуальные слова М.А. Булгакова о российской действительности – «разруха в головах».

Стейнбек не задавался целью проследить неразумие в российской жизни, но оно ему являлось повсюду, и прежде всего в форме культа личности Ленина и Сталина. Музей Ленина порастил путешественника обилием мягких вещей: Ленин сохранил все, «он как будто предвидел открытие музея, который назовут Музеем Ленина; тело Ленина в Мавзолее писатель называет «мумией» [8, с. 79, 180], что соответствовало действительности, хотя и звучало святотатственно. Размахом культа личности Сталина Стейнбек был поражен: «В Советском Союзе ничего не происходит без пристального взгляда гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока... Надо думать, рисование, лепка, отливка,ковка и вышивание изображений Сталина являются одними из самых развитых отраслей. Он всюду, он все видит» [8, с. 98–99]. В горах Грузии Стейнбек встречает самый большой портрет Сталина – около 100 метров, с подсветкой он виден за 45 км.

Народ и власть в описании Стейнбека резко отделены друг от друга. Люди на улицах не улыбаются, они спешат по делам; почти не видно протезов, хотя многие в них нуждаются; об украинских крестьянах, которые жали рожь, писатель замечает: «Это люди работали так тысячелетиями» [8, с. 163]. Стейнбека интересуют простые люди – их быт, одежда, характер, отношение друг к другу, к иностранцам, к своей стране. Он потрясен жизнеспособностью тех, кто, потеряв дом, жил в Сталинграде под руинами – они опрятно выглядели и обустроивали свои жилища, как могли. При всей благожелательности по отношению к русским

и критическом восприятии американской действительности писатель отчетливо осознает различия в образе мыслей российских и американских граждан. Анализируя культ личности Сталина, Стейнбек констатирует: «Американцам с их страхом и ненавистью к делегированию власти одному человеку и к увековечиванию этой власти все это чуждо и представляется отвратительным» [8, с. 99]. Узнав, что перевод его интервью неправилен, писатель прямо заявляет: «Это была попытка перевода с одного образа мышления на другой» [8, с. 171]. Джон Стейнбек, автор романов «Гроздь гнева», «Заблудившийся автобус», «К востоку от Эдема», «Зима тревоги нашей», известен и как публицист; наряду с «Путешествием с Чарли в поисках Америки» «Русский дневник» являются его бесспорной удачей.

Освобождение от иллюзий явилось результатом поездки в Россию в 1975 г. и немецкого писателя Вольфганга Кёппена, автора романов «Голуби в траве», «Теплица», «Смерть в Риме». Писатель отправился в Советский Союз на поиски России, хорошо известной ему по книгам русских классиков. «Однако высокие мерки русской классической литературы не всегда совпадали с реальной действительностью тех лет, и это обстоятельство вызывает у Кёппена искренне недоумение, даже растерянность» [3, с. 91]. Посмотрев примитивную пьесу в театре Вахтангова, понаблюдав бытовые сценки, «как в жалких пригородах», Кёппен создает следующий пассаж: «Я стал сомневаться, в Москве ли я нахожусь? Я был в Москве. Я сомневался, а совершилась ли революция? Она совершилась» [4, с. 40–41].

Кёппен фиксирует факты: у продавщицы обуви скучающий вид, она не заинтересована в сбыте товара; матрос сгонял с верхней палубы парохода тех, кто ехал на нижних палубах; во многих церквях – жилые помещения, склады или конторы [4, с. 41–43]. Однако за этими фактами стоят глобальные явления: безразличие к работе, к людям; желание унижить; нищета.

Не созидание и энтузиазм, а упадок и разрушение видит прежде всего в российской жизни немецкий писатель. Особенно отчетливо эти тенденции проявляются во время путешествия на пароходе по Волге, то есть в провинции. Кёппен не ограничивается здесь констатацией фактов, он открыто выносит вердикт: во многих волжских городах – бедственное положение. Старый город в Горьком «был мертв, ему дали умереть, ему не мешали погибать...» [4, с. 52]. У идущих утром на работу он видит мрачные лица и объясняет это не только тяжестью труда, но и отсутствием социальной определенности. «Люди эти не были ни горожанами, ни крестьянами» [4, с. 52], – точно подмечает автор. Западному человеку непонятно обилие пьяных людей, поведение русских в некоторых ситуациях: по-

чему, провожая сына, мать рыдает над ним, как над покойником? почему у отца горе и он напился так, что упал с пристани в воду? «Регистр» настроения не переключается у Кёппена даже при созерцании созидательной деятельности – восстановленный Сталинград кажется ему мертвым, зловещим, печальным. Процесс прозрения западных интеллектуалов продолжался. Кёппен называет Россию «некогда революционной страной» [4, с. 91].

С эпохи раннего Средневековья Россия привлекала внимание иностранцев. Уникальная по своему географическому положению и народонаселению страна действительно представляла интерес для многочисленных путешественников и деловых людей. Природа, быт, традиции, люди России долгое время воспринимались как экзотика. Однако по мере вхождения страны в мировое сообщество описания ее иностранцами становятся более содержательными и не ограничиваются изображением необычного для западного наблюдателя. В книгах, написанных в XVIII–XIX вв., воссозданы жизнь царской семьи и двора, политические установления, культурная среда. В XX в., в связи с событиями 1917 г. и созданием социалистического государства, возникает новый тип путешественника – это писатель, ученый, публицист, имеющий четкую политическую позицию, сторонник или противник Советской России. Иллюзии по поводу первого в мире социалистического общества начинают исчезать после Второй мировой войны. Западные интеллектуалы стремятся рассмотреть за фасадом сущность. В середине и во второй половине XX в. работы многих авторов о России совмещают в себе познавательный, культурный, политический и исторический подходы и представляют собой интерес в каждой из этих сфер. Россия, пусть даже и как объект критики, продолжает оставаться предметом интереса западных путешественников-интеллектуалов.

Библиографический список

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: пер. с нем. – М., 1996. – 186 с.
2. *Беньямин В.* Московский дневник: пер. с нем. – М., 1997. – 224 с.
3. *Зачевский Е.А.* Послесловие // В. Кёппен. Россия и другие страны: Сентиментальные путешествия: пер. с нем. – СПб., 2007. – С. 89–93.
4. *Кёппен В.* Россия и другие страны: Сентиментальные путешествия: пер. с нем. – СПб., 2007. – 88 с.
5. *Кестлер А.* Слепящая тьма. Трагедия «оставшихся людей»: пер. с нем. – М., 1989. – 208 с.
6. *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. – М., 2013. – 367 с.
7. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: пер. с нем. – СПб., 2000. – 416 с.

8. *Стейнбек Д.* Русский дневник: пер. с англ. – М., 2017. – 320 с.

9. *Уэллс Г.* Россия во мгле: пер. с англ. – М., 1959. – 104 с.

10. *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: пер. с нем. – М., 2001. – 75 с.

11. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии: пер. с фр. – М., 1998. – 639 с.

12. *Холландер П.* Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. – СПб., 2001. – 592 с.

13. *Bienert W.* Russen und Deutsche. Was für Menschen sind das? Berichte, Bilder und Folgerungen aus dem Zweiten Weltkrieg. – Köln, 1990. – 166 s.

References

1. Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v ehpohe ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: per. s nem. – М., 1996. – 186 s.

2. Ben'yamin V. Moskovskij dnevnik: per. s nem. – М., 1997. – 224 s.

3. Zachevskij E.A. Posleslovie // V. Keppen. Rossiya i drugie strany: Sentimental'nye puteshestviya: per. s nem. – Spb., 2007. – S. 89–93.

4. Kyoppen V. Rossiya i drugie strany: Sentimental'nye puteshestviya: per. s nem. – Spb., 2007. – 88 s.

5. Kestler A. Slepyashchaya t'ma. Tragediya «ostal'nyh lyudej»: per. s nem. – М., 1989. – 208 s.

6. Kulikova G.B. Novyj mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiya 1920–1930-h godov glazami zapadnyh intellektualov. – М., 2013. – 367 s.

7. Plaggenborg SH. Revolyuciya i kul'tura: per. s nem. – Spb., 2000. – 416 s.

8. Stejnbeek D. Russkij dnevnik: per. s angl. – М., 2017. – 320 s.

9. Uehlls G. Rossiya vo mgle: per. s angl. – М., 1959. – 104 s.

10. Fejhtvanger L. Moskva 1937: per. s nem. – М., 2001. – 75 s.

11. Fyure F. Proshloe odnoj illyuzii: per. s fr. – М., 1998. – 639 s.

12. Hollander P. Politicheskie piligrimy: Puteshestviya zapadnyh intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayu i Kube, 1928–1978. – Spb., 2001. – 592 s.

13. Bienert W. Russen und Deutsche. Was für Menschen sind das? Berichte, Bilder und Folgerungen aus dem Zweiten Weltkrieg. – Köln, 1990. – 166 s.

ТЕЛО И ЛИЦО: ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ФАКТОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

В статье раскрываются взгляды лауреата Нобелевской премии по литературе Герты Мюллер на конструирование человеческой телесности и феноменологию человеческого тела, а также на их роль в передаче экзистенциального состояния и складывании идентичности индивидуума. Личность человека, по Мюллер, нетождественна сама себе, так как постоянно находится в становлении. Ее противоречивость и амбивалентность во многом обусловлены строением человеческого тела, состоящего из симметричных половин, и разрыва между ними. Тело становится своеобразным пространством, по отношению к которому выстраивается субъектность человека, постоянно находящаяся по угрозе объективации властными режимами, пространствами и вещами. В статье уделяется внимание способности образов телесности, присутствующих в прозе Герты Мюллер, отразить экзистенциальное состояние человека, первичное по отношению к его психологической организации и социальному статусу.

Ключевые слова: тело, телесность, облик, лицо, экзистенция, идентичность, объективация, Герта Мюллер.

В своем эссе «В молчании мы неприятны, а когда заговорим – смешны» Герта Мюллер, лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 года, обозначает одну из главных своих художественных задач – воспроизведение «внутренности событий» [1, с. 258], то есть опыта, полученного свидетелем события. Эта задача сформулирована этическим долгом передать сложные экзистенциальные состояния и самоощущение человека в репрессивных режимах. Подобный долг Г. Мюллер называет «дробящимся на части моральным обязательством» [1, с. 258] и противопоставляет его «взгляду сверху» (то есть, очевидно, обобщающим спекуляциям) и «всякого рода идеологиям». Отказываясь от «взгляда сверху», Мюллер стремится передать эти состояния с помощью чувственных, а не умозрительных образов. Логичным образом, когда речь заходит о чувственности, то она заходит и о теле как об органе чувств. Внешний облик тела, его внутренняя работа и выработанная в социуме или человеком лично телесность становятся своеобразным свидетельством деформации чувственности. Именно поэтому очень важно изучение того, каким образом человеческое тело представлено в прозе Мюллер.

В исследованиях прозы Герты Мюллер следует указать работы, в которых затрагиваются вопросы, касающиеся телесности и тела в творческом сознании писательницы. Лин Марвен в своей монографии «Тело и нарратив в современной немецкоязычной литературе» отмечает ведущий принцип в репрезентации биологического тела у Г. Мюллер как «травматический» и, соответственно, отталкивается в своей работе от теории травмы. Карин Бауэр, анализируя телесность в прозе Герты Мюллер в статьях «Гендер и сексуальная политика обмена в прозе Герты Мюллер» и «Тело и половая принадлежность», указывает в первую очередь на женскую телесность, выработанную в патриархате: «патриархальные образы мысли и действия подходят для конструирования отчужденной и фрагментированной телесности. Это в первую очередь

женские тела, которые регламентируются с помощью лицемерных табу, репрессивных общественных норм и государственных законов» [4, с. 205]. Исследовательница также подчеркивает, что «наложения сексуальности и обмена основаны все же не только на патриархальных властных структурах, но и на уязвимости и экзистенциальной хрупкости человеческого состояния» [3, с. 154]. К. Бауэр приводит пример работы сексуальной экономики в повестях Г. Мюллер «Человек – большой фазан в мире». Исследовательница творчества Г. Мюллер А.К. Йоханнсен рассматривает телесность персонажей Г. Мюллер в контексте пространственных образов. По ее мнению, «властные над телами чувства пересекают границы тела и охватывают вещи» [5, с. 196], вещи становятся «своего рода продолжениями тел» [5, с. 195].

В настоящей статье будет уделено внимание способности образов телесности, присутствующих в прозе Герты Мюллер, отразить экзистенциальное состояние человека, первичное по отношению к его психологической организации и социальному статусу. В своей эссеистике Мюллер представляет тело своеобразным пространством со своими границами, акцентируя внимание не на власти над вещами, а на подчиненности тела вещам. Как будет показано ниже, границы тела могут быть открытыми и непостоянными, делая человека уязвимым для внешней действительности, а могут быть четко установлены законами общества. Само тело является границей, по отношению к которой выстраивается субъектность человека. В статье будут разобраны данные в эссе Г. Мюллер представления о телесности, и далее на примере прозы будет показано, с помощью каких средств поэтического выразительности писательница репрезентирует образы телесности, призванные передать экзистенциальное состояние человека, выстраиваемую на его основе идентичность.

В эссе «Остров – внутри, границы – снаружи», Мюллер представляет тело как индивидуальное пространство – ограниченное и смертное. Писа-

тельница описывает полученное в детстве ощущение неизмеримости природного пространства и ничтожность «чрезвычайно ограниченной кожи» [7, s. 162]. В эссе «От ногтя на ноге до глазного яблока – таково расстояние в человеке» тело предстает также как хрупкое и ограниченное пространство. Человек как объект власти сводится до собственного тела, а оно, в свою очередь, становится пространством осуществления власти: «И недалеко стена. И с той стороны стены солдаты, как охотники. От ногтей ног до глазных яблок, как мало расстояние одного человека. От розыска до обнаружения. От выстрела до лежания. От долга до вины» [9, s. 128]. Однако Мюллер не противопоставляет однозначно отношения власти ненасильственным системам взаимодействия. Писательница усматривает во всех отношениях процессы, обнаруживающие внутреннюю нетождественность, инаковость как общества, так и отдельного человека: «Кроме немногих, кто представляет государство, многие – меньшинства. Целые народы представлены неверно. И даже там, где два человека, один – меньшинство. Где один человек, там он меньшинство перед лицом своих собственных дней, и потому что он одинок, он не может держаться» [9, s. 128–129].

Под нетождественностью следует понимать свойство постоянно находящегося в становлении человеческого сознания и существования, которое отмечалось в неклассической философии, иррационализме. Нетождественность можно представить как атрибут бергсоновской «длительности», а также сходным с представлением Ж.-П. Сартра о человеке как о «проекте» самого себя. Постоянное нахождение «я» в становлении делает его неравным самому себе в разных, пусть даже и стоящих крайне близко друг к другу точках времени. Для Герты Мюллер быть нетождественным самому себе в прошлом всегда значит быть «в меньшинстве», в ущербной позиции, так как прошлое «я» уже определено и объективировано, тогда как «я» актуальное незащищено в своей раздробленности.

Г. Мюллер, как это свойственно и большинству неклассических философов, не противопоставляет телесное и духовное, разум и чувства. Напротив, одну из причин нетождественности сознания она видит в самой природе человеческой телесности, в устройстве человеческого тела. Человек не только не равен себе на темпоральном уровне, но и на телесном. Человеческое тело амбивалентно: целостно и одновременно состоит из двух симметричных половин. Г. Мюллер указывает, что человеческое тело состоит из двух «симметричных половин» и «разрыва» между ними: «Мы состоим из двух половин. Двух одинаковых половин. Одинаковых снаружи. Мы симметричное построение. У нас две половины мозга. У нас две половины лица. Между глазами разрыв, проходящий через

нас. <...> И под шеей, под гортанью, разрыв проходит через нас дальше, оба плеча разделены, руки и кисти» [9, s. 75–76]. «Именно посредством разрыва, – полагает писательница в эссе «Глаз обманывает в моргании», – того, что мы разделены (на две части. – С. К.), наши две половины составляют единое целое» [9, s. 76]. Лицо и тело в эссе Мюллер обладают единой феноменологией телесности. Г. Мюллер предполагает, что нетождественность («напряжение неопределенности»), лежащая в основе человеческой субъектности, возможно, могла бы быть устранена в достижении соразмерности частей тела и производимых ими действий, однако этому мешает сокрытие разрыва в человеческой оптике, представление глазами вместо двух картин, отделенных разрывом, равных по площади главному яблоку единого большого изображения. Это сокрытие рождает эффект неразрывности. Человек начинает хотеть своими действиями переступить «плоскость своего тела». Помимо особенностей оптики, нетождественность человеческой сущности возникает из-за сложностей выражения внутренних качеств человека. По Мюллер, личность человека выстраивается из его личных качеств. Эти качества нельзя верно воспринять, поскольку «по эту сторону кожи» они лежат как «каменная порода», то есть они нечетко сформированы и «недействительны», а их проявление «по ту сторону кожи» искривляет их. Таким образом, тело становится некоей границей, точкой «разрыва» в человеческой субъектности, заставляет ее «мерцать».

Г. Мюллер указывает на амбивалентность разрыва как позволяющего и блокирующего, раскрывающего и утаивающего механизма, неизбежного условия любой мобильности. Писательница полагает, что «если бы разрыва бы не было, то последовательность и хронология не были бы возможны. Только то, что прерывисто, может длиться» [9, s. 81].

Мюллер уделяет большое внимание взаимоотношению тела и внешнего мира: взаимодействию тела с вещами и пространствами. В творческом осмыслении мира Мюллер указывает на свойственные вещам способности осуществлять власть над человеком и занимать более выгодную позицию в мире. Человек, становящийся зависимым от вещей, включается в «содержания» вещей как носителей памяти и диктуемые ими алгоритмы действий. Эта зависимость, имеющая и консьюмеристское измерение, не ограничивается парадоксами потребления. Она осуществляется на онтологическом уровне. В эссе «Предметы, где заканчивается кожа» Мюллер указывает на то, что вещи способны поглощать человеческую жизнь. С помощью делегированных им значений и символического статуса они осуществляют контроль над человеком вне зависимости от того, являются ли они атрибутами благополучия, вписаны ли в логику капиталистического мышления или нет. «Вещи

суть... шаблоны, по которым действуют люди... Вещи самоуверенны. Люди, из-за своей неуверенности, из-за запрограммированных содержаний, которые они не способны представить с помощью жестов и предложений, становятся карикатурами вещей» [9, s. 96].

Для Г. Мюллер превосходство вещи над человеком заключается в том, что вещь не нуждается в человеке, тогда как человек не может жить вне вещей. Безразличие вещей проявляется в широких ландшафтах, по отношению к которым мы «живем так коротко, как если бы нас и не было» [9, s. 100]. Пустое городское пространство просвечивает человеческое тело до внутренностей, заставляет человека ощутить себя выставленным: «Мы на солнце, между асфальтом, камнем и тенью, бегущей вблизи нас, являемся собственной анатомией» [9, s. 101].

Мюллер утверждает, что «там, где заканчивается кожа, все на нас, на нашем теле уже вещь. Все, что не болит при удалении, когда даже еще принадлежит нам – уже вещь» [9, s. 99]. Таким образом, писательница указывает на непосредственную связь тела и сознания: во время ощущения боли единство тела и сознания ощутимо. Но также в вещь превращается любая часть тела, подверженная объективации, даже эстетической: накрашенные веки и губы, а также уши, украшенные серьгами.

На личном примере Мюллер отмечает отражение на телесном уровне эмоциональных состояний. Пакет с вещами, «пережившими» отца, становится тяжелее, чем мертвое тело: «Я несла их. И не могла их вынести. Я могла бы вынести тело мертвого. <...> Когда я шла, то не чувствовала ничего, кроме мест на пальцах, там, куда мне впивался пакет. И парящую в полушаге от меня собственную пустую голову» [9, s. 102]. С этим сравним пассаж из романа «Сердце-зверь»: героиня прогоняет свою подругу, узнав о ее предательстве, и велит предавшей ее подруге покинуть дом. Эмоциональная нагрузка, заключенная в словах изгнания, передается на телесном уровне: «язык ворочался так тяжело, словно весил он больше, чем вся я с головой и телом» [2, с. 162].

Герта Мюллер стремится выразить эти процессы, прибегая к определенному поэтическому инструментарию, основанному на «изобретенном восприятии». В основе поэтики Герты Мюллер лежит «изобретенное восприятие», «перекраивание» событий таким образом, чтобы на передний план выходила их «внутренность», эмоциональное содержание. Подобный отход от прямого миметического воспроизведения событий сопровождается введением сложной металогической системы, особым акцентом на особенностях субъективного видения/ощущения собственного и чужого тела. В основе металогического языка Мюллер лежат «телесные» метонимии: писательница предпочитает использовать конкретные телесные по-

нятия «лоб», «голова», «глотка», «сердце», нежели абстрактные «ум», «сознание», «память» или «душа». Мюллер склонна передавать ощущения и впечатления героев посредством их выражения с помощью гиперболизации и персонификации телесных аффектов и трансформаций тела.

В сборнике «Низины» эти особенности с наибольшей яркостью представлены в текстах «Окно», «Низины», «Надгробная речь». Во всех них повествование ведется от первого лица. «Надгробная речь» представляет собой рассказ о сне, действие которого сконцентрировано вокруг похорон отца. Комната, где лежит тело отца, завешана его фотографиями так, «что не видно стен». Героиня воспринимает эти фотографии как «лживые». От лжи на этих фотографиях в комнате холодно, хотя на улице жаркое лето, при этом лицо отца холоднее, чем предметы в комнате. От холода, излучаемого его телом, черное прозрачное платье героини примерзает к стулу. Холод в том же платье героиня чувствует позже, на погребальном собрании, от ужаса – она полуобнажена перед людьми, ее тело выставлено напоказ, не защищено. Таким образом, Мюллер создает контрастную картину телесности, качества в которой перевернуты. Мертвое тело отца, окруженное ложной, то есть неискренней историей его жизни, активно – оно транслирует холод как императивную силу, пригвождающую к месту. Тогда как собственное живое тело, наоборот, выставлено на показ, открыто чужим взглядам, пассивно и подвергается воздействию со стороны «неживых» объектов.

Контраст присутствует и на самих похоронах отца: мнимый почет оборачивается хулением покойного, погребальная церемония превращается в расстрел. Человеческое тело, чей «непокой» противопоставляется в публицистике Мюллер «оцепенению» природы, застывает в этой косной репрессивной атмосфере – каменеет рука героини, держатель речи не в силах разжать кулак. «Оцепенение» стремится поглотить «непокой». Пространство погребения и тело члена общины сопоставляются: участник похорон, «человечек», сравнивает свой желудок, полный шнапса, с могилкой, полной воды. Насилие, ощущаемое героиней, гиперболизировано: рукав ее платья, оторванный ветром, начинает истекать кровью после попадания в него пули одного из участников похорон. В этом контрасте Мюллер подчеркивает, какие трансформации получает телесность жертвы и насильника: последний подобен «вещи», мертв или объективирован и тем самым оказывается в привилегированной позиции по отношению к жертве, чье живое тело обнаруживает свою хрупкость.

Холод и деформированная телесность в тесных рамках общины ощущаются и юной героиней рассказа «Низины». Церковь, сакральное пространство общины, представляется героине нена-

стоящим, ложным. Священные символы секуляризованы в ее восприятии: «И я думаю дальше, что Мария не настоящая Мария, а женщина из гипса, и что ангел – ненастоящий ангел, и что овцы – ненастоящие овцы, и что кровь – это только масляная краска. <...> Я мерзну здесь и летом, когда сижу на этих скамьях» [10, s. 53–54]. В церкви героиня видит только смерть и смертность: «Все жилы напряжены, и уже нет плоти, сплошь кости и кожа. Они (руки бабушки. – С. К.) могут в любой момент застыть в смерти». Смертность, разлитую по всей атмосфере деревни, героиня замечает и в теле деда, представленном достаточно витально: «У дедушки было много волос на груди и на ногах, на руках и на ладонях. <...> Когда он поднял стопу, чтобы выбросить песок с берега, я увидела, как бела его стопа, как что-то мертвое и размытое» [10, s. 80].

В оптике девочки тело бабушки отождествляется с бытом деревни (руки выглядят «как сама работа») и с окружающими ее в быту предметами (руки «так же выщерблены, как тяжелая древесина, которая стоит повсюду в доме, так же потерто, вычурно и старомодно, как и ее мебель»). Власть предметов, отмеченная в публицистике Мюллер, проявляется в «Низинах» не только в индивидуальной оптике героини, но и принимается самими жительницами деревни. Они стремятся выйти за свои рамки, но не остаются на границе «разрыва», а поглощаются вещами: «головы висят, полные поиска отрешенности и побега от самих себя. Они целый день выходят из себя в древесину и в платки, и в жесть их домашних хозяйств» [10, s. 60]. Предметы достигли в деревне такой власти, при которой «в одеждах ты человек, без одежды ты никто. Одна большая кожаная поверхность» [10, s. 60].

Ощущение героиней «Низин» собственного тела разнородно, но высокая чувствительность делает его границы непостоянными. Чувствительность к насилию отражает чужую боль на теле девочки, она ощущает, что ее тела для выражения этой боли становится недостаточно: «Я чувствовала нож на своей глотке. Мне было больно, разрез шел все глубже, моя плоть стала горячей, она начала вариться в моем горле. Разрез стал больше меня, он рос через всю кровать, он горел над одеялом, он стонал в комнате» [10, s. 31]. Личная телесность «раскалывается» в рассказе «Окно». В восприятии репрессивной фигуры матери тело героини дробится и разъединяется: «мои глаза плывут из “окна”, плывут из моей головы, из моего горячего рта, из моего затекшего пота». Сама деревня мыслится одним большим материнским телом, оккупированным вещами: «черные юбки так же свободны, как и улицы, так же зашнурованы, как и деревня, так же заброшены, как и земля за последними садами, за колючими глазами, за беззубым ртом».

В повести «Человек – большой фазан в мире» сюжет построен вокруг немецкоязычной семьи

в Румынии конца 80-х, ждущей разрешения на выезд. Центральной фигурой этой драмы, обращаясь к статусу женской телесности в репрессивном обществе, Мюллер ставит не женщину, а отца семейства, деревенского мельника Виндиша, решившего эмигрировать. Презрительно относящийся к женщинам Виндиш с самого начала обеспокоен сексуальным поведением своей дочери, но в итоге оказывается в положении, вынуждающем отправить свою дочь к полицейскому для предоставления сексуальных услуг в обмен на выдачу паспортов. Мюллер показывает противоречивость патриархального мышления Виндиша с помощью пассажира, в котором отец узнает насильника в своем лице, данном в отражении: «Над пиджаком полицейского стоит лицо Виндиша. Лицо Виндиша стоит один раз большое. Два раза маленькое и робкое – у погон. Полицейский смеется между щеками Виндиша в большом приподнятом лице. Он говорит влажными губами: “со своей мукой ты далеко не пойдешь”» [8, s. 85]. Таким образом, власть вторгается в личное пространство тела Виндиша и заодно указывает на то, что он сам является частью патриархальной системы насилия. Виндиш разбивает зеркало, как бы отказываясь считать себя насильником.

Но также Мюллер акцентирует внимание на экзистенциальных переживаниях героя, его восприятию времени и пространства деревни. Виндиш считает дни, но время для него остановилось, а пространство сжалось до одной точки: «С тех пор, как Виндиш решил эмигрировать, он видит везде в деревне конец. И стоящее на месте время для тех, кто хочет остаться» [8, s. 5]. Он видит «стоящее на месте время» в лицах остающихся, в лице своего друга, ночного сторожа. Он начинает ощущать, как эта стагнация проявляется и в нем: «Рядом с изразцовой печью висит время. Виндиш закрывает глаза. “Время кончилось”, думает Виндиш. Он слышит тиканье белого пятна от часов и видит циферблат из черных пятен. Время без стрелки. Только вертятся черные пятна. Они теснятся. <...> Виндиш открывает рот. Он чувствует, они растут на его лице, черные пятна» [8, s. 20].

Проявление качеств пространства на лице персонажей присутствует и в романе «Сердце-зверь». Нищета «родной сторонки» проступает на лице одной из его героинь – студентки Лолы: «Но та сторонка, откуда приехала Лола, наверное, была из нищих нищег – именно такой она виделась то ли на Лолиных скулах, то ли где то возле губ, то ли в самой середине в глазах» [2, с. 9].

В своей художественной мысли Герта Мюллер выстраивает онтологию человеческого тела, указывая на изначально присущую ему нетождественность, на неразрывность тела и сознания, амбивалентность личности, формирующейся в противоречиях внутреннего и внешнего (социального

или природного) измерений. В представленной феноменологии писательница усматривает неустранимые барьеры, лежащие на пути субъективации, то есть проявления человеческого «я», а также указывает на пронизываемость постоянно находящегося в становлении и смысловой неопределенности человека предметами и пространствами, оккупирующими его тело. Эти предметы зачастую являются агентами власти, поработавшими человека и его тело. Мысли о телесности как одном из факторов выстраивания человеческой самоидентификации, изложенные Гертой Мюллер в публицистике, становятся основами для создания уникального поэтического языка, с нетривиальных позиций осуществляющего критику репрессивных режимов.

Библиографический список

1. Мюллер Г. В молчании мы неприятны, а когда заговорим – смешны // Иностранная литература. – 2009. – № 10. – С. 253–266.
2. Мюллер Г. Сердце-зверь. – СПб.: Амфора, 2013. – 256 с.
3. Bauer K. Gender and sexual politics of exchange in Herta Müller's prose // Herta Müller. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 153–163.
4. Bauer K. Körper und Geschlecht // Herta Müller Handbuch. – Stuttgart: Springer, 2017. – P. 205–213.
5. Johannsen A.K. Kisten, Krypten, Labyrinth, Raumfigurationen in der Gegenwartsliteratur: W.G. Sebald, Anne Duden, Herta Müller. – Bielefeld: Transcript, 2008. – 240 s.
6. Marven L. Body and Narrative in Contemporary Literatures in German: Herta Müller, Libuse Moníková, Kerstin Hensel. – Oxford: Oxford University Press on Demand, 2005. – 294 p.
7. Müller H. Der König verneigt sich und tötet. – München: Hanser, 2003. – 203 s.
8. Müller H. Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2009. – 112 s.
9. Müller H. Der Teufel sitzt im Spiegel. – Berlin: Rotbuch, 1991. – 141 s.
10. Müller H. Niederungen. – Hamburg: Rowohlt, 1993. – 140 s.

References

1. Myuller G. V molchanii my nepriyatny, a kogda zagovorim – smeshny // Inostrannaya literatura. – 2009. – № 10. – S. 253–266.
2. Myuller G. Serdce-zver'. – SPb.: Amfora, 2013. – 256 s.
3. Bauer K. Gender and sexual politics of exchange in Herta Müller's prose // Herta Müller. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 153–163.
4. Bauer K. Körper und Geschlecht // Herta Müller Handbuch. – Stuttgart: Springer, 2017. – P. 205–213.
5. Johannsen A.K. Kisten, Krypten, Labyrinth, Raumfigurationen in der Gegenwartsliteratur: W.G. Sebald, Anne Duden, Herta Müller. – Bielefeld: Transcript, 2008. – 240 s.
6. Marven L. Body and Narrative in Contemporary Literatures in German: Herta Müller, Libuse Moníková, Kerstin Hensel. – Oxford: Oxford University Press on Demand, 2005. – 294 p.
7. Müller H. Der König verneigt sich und tötet. – München: Hanser, 2003. – 203 s.
8. Müller H. Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2009. – 112 s.
9. Müller H. Der Teufel sitzt im Spiegel. – Berlin: Rotbuch, 1991. – 141 s.
10. Müller H. Niederungen. – Hamburg: Rowohlt, 1993. – 140 s.

Аврутина Аполлинария Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
a.avrutina@spbu.ruТРИЛОГИЯ АХМЕДА ХАМДИ ТАНПЫНАРА «МАХУР БЕСТЕ»
КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО

Данная статья посвящена осмыслению трилогии Ахмеда Хамди Танпынара как художественного целого. Модернист Танпынар признан одним из наиболее сложных для понимания и толкования авторов: столь насыщен и разнообразен язык его символов. Роман Танпынара «Спокойствие», недавно переведенный в России, по праву считается одним из величайших турецких романов новейшего времени. В статье мы пытаемся показать, что благодаря очень тонко и продуманно реализованной теме музыки, благодаря драматическим приемам, вовлеченным в построение художественных миров и связующих все три романа в единое целое, благодаря своеобразным экспериментам автора со временем Танпынару удается создать трилогию «Махур Бесте», каждый из романов которой получает особенное звучание именно в рамках общего целого трилогии. Автор статьи подчеркивает, что в «музыкальной» трилогии «Махур Бесте» упоминаются как различные элементы культуры погибшей Османской империи, так и элементы культуры современной, и именно синтез этих элементов с применением модернистских методов позволяет автору создать столь насыщенный текст. Отдельное внимание уделяется автором статьи вопросу о периодизации и последовательности романов в рамках трилогии.

Ключевые слова: Ахмед Хамди Танпынар, турецкий роман, турецкая проза, «Спокойствие», «Махур Бесте», макама, дастгах, макамаат, макаменная традиция, модернизм.

Ахмед Хамди Танпынар (1901–1962) – вероятно, самый непредсказуемый автор турецкой литературы XX века. Конфликт Востока и Запада, традиционного и нового, возможность и целесообразность попыток повернуть время вспять – вот главные темы романов Танпынара. В Турции особенно популярны два его романа – «Спокойствие» и «Институт настройки часов».

Роман «Спокойствие» – первое в турецкой литературе произведение, в котором с использованием принципов модернизма затронута проблема европеизации турецкого общества. Действие романа начинается в 20-е годы XX века – это время борьбы с интервентами в Анатолии и начало освободительного движения – и продолжается до 1950-х годов. Написанный в классической манере роман разделяется на части, повествование в каждой из которых ведется от лица разных персонажей. В художественном мире произведения происходят скачки во времени и в повествовании отчасти в фолкнеровской манере – от персонажа к персонажу. Главный герой романа Мюмтаз – молодой историк, который является представителем промежуточного, переходного поколения на стыке культур. В вопросах личного счастья и социальной ответственности Мюмтаз ищет ответ на вопрос – какая жизнь ему ближе: современность постепенно европеизирующегося общества, которое с каждым днем теряет свои национальные черты или традиции прошлого? Ответов на свой вопрос он не находит ни в религии, ни в любви, ни в западной культуре.

Критики, литературоведы и читатели нередко упускают из виду один знаменательный момент, важный для понимания столь непростого произведения, как «Спокойствие»: роман является частью трилогии, задуманной писателем в 1942 году.

Первым романом данной трилогии и первым романом Ахмеда Хамди Танпынара был роман

«Напев Махур» (Mahur Beste) (полностью опубликован в 1975 году). В отрывках роман был опубликован в Турции в 1944 году, в газете Cumhuriyet. «Напев Махур» является, как и многие произведения Танпынара, незаконченным. Следующими частями трилогии стали романы «Все, что за сценой» (Sahnenin Dışındakiler, первая публикация в отрывках – 1950 год, полное издание – 1973) и «Спокойствие» (Huzur) (1949).

Первый роман посвящен автору настоящего «Напева Махур» («Махур Бесте»), одному из самых известных авторов Османской империи, блистательному композитору «Эпохи Тюльпанов» Эйюби Абу-бекиру Аге, жившему в Стамбуле и творившему в первой половине XVIII в. Однако в романе эта мелодия представлена как произведение выдуманного персонажа, Талат-бея, и начинается она словами одной известной газели Нешати.

В следующем романе, в романе «Спокойствие» (который тоже изначально был опубликован в отрывках в 1948 году в газете Cumhuriyet, с февраля по июнь) мотив «Махур Бесте», мелодия из репертуара классической османской музыки, олицетворяющая великую культуру исчезнувшей империи, также является лейтмотивом всех событий.

В третьем романе «Все, что за сценой», написанном в 1955 г., а опубликованном в 1973 г. уже после смерти Танпынара, эта мелодия тоже как бы звучит за кадром, сопровождая героев в их повседневной жизни в период становления Турецкой Республики и становясь символом ушедшей эпохи. Хронологически роман затрагивает время Национально-освободительного движения в Анатолии, повествуя о жизни людей из различных слоев общества: как стамбульской интеллигенции, так и простых людей. В этом романе фигурирует будущая супруга Суата, двоюродный брат Мюмтаза Ихсан, а события этого романа косвенным образом

связаны с событиями жизни семей Мюмтаза и Нуран, предшествующими времени их действия.

В турецком литературоведении существует точка зрения, согласно которой роман «Все, что за сценой», является не третьей, а второй частью трилогии «Мелодия лада Махур», если оценивать его с точки момента его создания [4, с. 8–9]. Так как создавались и публиковались романы по частям, то даты их создания условны. Если сослаться на события романа «Все, что за сценой», то он должен считаться первой частью трилогии, что не соответствует действительности.

Кроме того, анализ содержания романов и даже его название демонстрируют, что Танпынар строит сюжет трилогии по законам драматическим, и если первых два романа – «Мелодия лада Махур» и «Спокойствие», по оценкам многочисленных турецких исследователей, представляют собой поистине театральное действо, «игру масок» [3], то на рамочную функцию третьего романа указывает уже само его название.

Еще один важный элемент подчеркивает единство текстов трилогии. Тесная связь с музыкой, и, как уже было сказано выше, со сценой, не типична для турецкой литературы второй половины XX века. Среди перечисляемых автором символов ушедшей эпохи традиционная османская музыка фигурирует в трех романах и особенно в романе «Спокойствие» едва ли не на первом месте, конкурируя здесь с османской поэзией, а еще со столицей ушедшей империи – великим Стамбулом, каждая улица которого в романе представлена как памятник того или иного исторического события.

Говоря о реверансах в сторону османской музыкальной традиции как в трилогии в целом (которую исследователи иногда условно именуют «Махур Бесте» – «Напев Махур»), так и в романе «Спокойствие» в частности, можно было бы усмотреть отсылки к профессиональной музыкальной устной традиции, реализуемой в мистических радениях и в устной музыкальной практике.

Для начала хотелось бы сказать несколько слов о классической музыкальной традиции Востока, так как, обращаясь к биографии Танпынара, мы узнаем, что приблизительно в 1933 г. друг и коллега писателя по творческому цеху, ценитель классической османской музыки [2, с. 53], поэт Яхья Кемаль (Бейатлы) (1884 – 1958) впервые отвел Ахмеда Хамди в архив Стамбульской консерватории. Там, по воспоминаниям писателя, они несколько раз слушали на пластинке мелодию «Нева-кяр», созданную великим османским композитором XVII–XVIII вв. Итри, ставшую одним из главных произведений репертуара классической османской музыки [6, с. 25]. (Нева – так называется один из звуков, употребляемых в дастгахе Махур, а кяр – один из распространенных жанров макаменной традиции).

Именно с этого времени начинаются регулярные посещения Танпынаром консерваторского архива и любовь к классической османской музыке, нашедшая отражение в большинстве его поэтических и прозаических произведений, а также в некоторых его научных статьях. Можно даже сказать, что музыкой он занимался почти профессионально. Известно, что выступая на радио в передаче, посвященной творчеству Яхьи Кемалья и турецкой классической музыке, Танпынар даже обозначил три программных произведения, которые, по его мнению, определили всю историю развития османской музыки [5, с. 144]. Среди этих произведений было названо и «Нева-кяр» Итри.

Прежде чем приступить к анализу музыкального лейтмотива трилогии, следует прояснить некоторые детали, связанные с ближневосточной традиционной музыкальной системой – с искусством «макамат». Данный термин обозначает особую музыкальную практику профессиональной музыки устной традиции (передаваемой от учителя-мастера ученику), существующей в культуре народов Ближнего и Среднего Востока. Датировка данной традиции носит дискуссионный характер. Ряд исследователей полагает, что эта традиция зародилась одновременно в разных регионах Ближнего Востока еще в сасанидское время и проникла в исламскую культуру приблизительно в VII в. во время арабского завоевания Ирана. Другие исследователи относят зарождение искусства «макамат» к X–XII вв. – периоду, крайне важному для всех сфер искусства арабского халифата.

Искусство «макамат» нашло выражение в ряде форм, наиболее известными из которых являются: персидский «дастгах», арабский «макам», азербайджанский «мугам» и другие. Осмысление творческих процессов в данной традиции опирается на два важнейших принципа: соблюдение канона и импровизацию [1, с. 2–4]. Несмотря на обширную традицию теоретических описаний макама, нотированные записи старинных макамов отсутствуют. Теории турецкого макама и попытки нотирования его (в европейской системе пятилинейной тактовой нотации) возникли довольно поздно, в XIX веке. Музыкальная нотация макама в системе европейской нотации до сих пор не унифицирована, иными словами, записать в европейской системе нотации макам практически невозможно, так как речь идет о четверть- и треть-тонах.

Главным элементом, репрезентирующим исполняемый макам, является лад-макам. Тонально-пространственные параметры структуры музыкального произведения, связываемые главным образом с макамом, определяют его экспрессию, выступают в качестве его основной темы [1, с. 9].

Обращение к исполнительской форме «дастгах» в рамках макаменной традиции (этимологию слова «дестгах» возводят к позиции (gāh) руки (dast)

на грифе струнного инструмента) вызвано тем, что данная форма позволяет сочетать звуковой материал инструментальных макамов-соло с поэтическими произведениями, что позволило выйти исполнителям за рамки музыкального искусства и обратиться к литературе. Таким образом, можно утверждать, что дастгах (наиболее полная композиционная версия макама, вокально-музыкальное произведение) является как бы отражением всего эстетического опыта народов мусульманского Востока [1, с. 12].

Обозначение дастгаха традиционно даётся по ладу, которым начинается и заканчивается музыкальная композиция, так что термин «дастгах» может относиться и к модальному ладу, и к целостной композиции на основе данного лада (хотя соотношение европейского термина «лад» и «дастгах» является не совсем точным) [1, с. 18].

Считается, что существует семь основных дастгахов и еще пять – производные от них. Среди основных дастгахов находится и «Махур». Происхождение этого невероятно популярного и по сей день на Ближнем Востоке дастгаха (его вариант Махур-хинди распространен в Азербайджане, а Хесар-е Махур, с совсем другим звукорядом – в Иране) связывают с городом Махур. Таких города два, в Иране и Индии: но именно иранский город чаще всего упоминается в различных традиционных музыкальных.

Почему же именно Махур, «Dastgah-e Mahur» был выбран Ахмедом Хамди в качестве основного лейтмотива трилогии?

Относительно дастгаха Махур написано немного, но известно следующее: звукоряд лада Махур близок европейской мажорной гамме (и распространенному у всех исламизированных народов, в том числе у турок, ладу Рафт) с центрацией на тоне «до» первой октавы, но с мелодическим обгрыванием (особенно в импровизационных формах, как дастгахе, так и мугаме) следующей за «до» ступени – «ре» первой октавы. Кроме того, интервальная структура Махура, единственного из всех дастгахов (имеющих отличную, как уже говорилось, от европейской системы нотацию) соответствует интервальной структуре основных ладов в западной классической музыке. И хотя всего дастгахов, как уже было сказано, двенадцать (либо семь при более строгом подходе), таких свойств не имеет больше ни один дастгах. Иными словами, этому дастгаху отчасти свойственны черты европейской музыки. Видимо поэтому «Напев Махур» («Махур Бесте»), написанная одним из самых известных авторов Османской империи XVIII в., блистательным композитором «Эпохи тюльпанов» Эйюби Абу-бекиром Агой, в свое время стала своего рода революцией в традиционной османской музыке, и именно поэтому Танпынар отдал предпочтение именно этой мелодии – своеобразному

«мосту» между культурой Востока и Запада – как лейтмотиву своей трилогии о проблемах европеизации Востока.

Один из героев романа «Спокойствие», Тевфик-бей, не желающий отказываться от прошлого и отрицающий европеизацию, произносит важные слова, которые показывают глубинную связь между музыкой, внутренним миром человека и цивилизацией:

«Мюмтаз отозвался:

– Да, трудно... Иногда бывает так трудно [*по-забыть об этой музыке*], что я спрашиваю себя, кто мы?

– Мы – эти старинные мелодии, – пробормотал Тевфик-бей. – Мы – эти Нева-кяры. Мы – эти Махур Бесте! Мы – их формы жизни в нас, на которые они же нас и вдохновили. Вот, кто мы такие...»

Романы «Спокойствие», «Махур Бесте» и «Те, что за сценой» объединяет именно такой, полувосточный, полуюропейский мелодический поток, который не только связывает воедино прошлое всех героев, но и как бы ведет их в будущее.

Нуран, в которую влюблен Мюмтаз, главный герой романа «Спокойствие», в «Покое» и «Махур Бесте» является внучкой вымышленного автора «Махур Бесте», Талат-бея, к тому же в романе «Спокойствие» автор рассказывает вымышленную историю создания мелодии.

Следует отметить еще один мотив, объединяющий рассматриваемую трилогию. А.Х. Танпынару принадлежит знаменитое двустишие, часть стихотворения «*Ne içindeyim zamanın*», которое считается знаковым в его творчестве.

Ne içindeyim zamanın

Ne de büsbütün dışında (1933)

(...Я не во времени, но и не вне его...)

Именно это стихотворение, которое появилось раньше его крупных прозаических произведений, в 1933 году, выразило, так сказать, временную эстетику А.Х. Танпынара. Иными словами, оно выразило временную эстетику Танпынара, потому что нарушать временную последовательность, стихийно перемещаться по шкале времени – его знаменитая стилистическая особенность, очевидно, позаимствованная у Фолкнера. Взгляды, временные схемы и символы, определенные этой эстетикой, появляются во всех его произведениях, в том числе и в романах. Например, один из главных героев романа «Махур Бесте», Бехчет-бей, имеет свойство как бы носить за собой повсюду свое время, жить в собственном времени. Это происходит не только потому, что герой часто спит, а потому, что он ощущает себя как бы между двумя эпохами. В связи с этим автор награждает его эпитетом «*mahmur*», который переводится как «опьяненный, сонный, мечтательный», и который неспроста созвучен со словом «махур». Похожие эксперименты со временем можно встретить и в «Покое» и в романе «Те,

что за сценой», и в самостоятельном романе «Институт настройки часов» (1954 год.).

В рассматриваемой трилогии присутствует множество мотивов, объединяющих три романа, которые обычно издаются, читаются и нередко ошибочно исследуются по отдельности. Мы упомянули об основных: о музыкальном лейтмотиве, о драматических приемах и последовательности событий, а также об экспериментах со временем. Объединяют трилогию и некоторые другие мотивы: образ Стамбула, образ исчезнувшей империи и др.

Однако именно музыка в большей степени объединяет эти три романа в одно целое. Роман «Махур Бесте» в чем-то даже напоминает оркестр, который исполняет свою мелодию силами экспериментирующего со временем, терзаемого внутренними голосами главного героя, Бехчет-бея. Турецкое искусство во всех его проявлениях невероятно эклектично – турецкие султаны, со временем приняв титул халифа, постоянно интересовались европейской живописью, архитектурой, театром, привнося европейское в турецкую жизнь с первых дней существования Османской империи. Поэтому неудивительно, что именно мелодия из репертуара классической османской музыки, именуемой греческим (искаженным европейским!) словом ‘musiki’, мелодия, которая заняла как бы промежуточное положение между европейской музыкой и музыкой мусульманского мира, и является главным мотивом, ставшим основой трилогии.

Библиографический список

1. Джани-заде Т.М. Азербайджанские мугамы. Проблема музыкального мышления в искусстве «макамат»: автореф. дис. ... канд. искусств. – М., 1984.
2. Пылев А.И. Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие» (о некоторых стилистических

особенностях формы и содержания произведения) // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 13. – 2011. – Вып. 3. Декабрь. – С. 51–65.

3. Sevinç C. Sanatçı romanı olarak ‘Sahne’nin Dışındakiler’ // Uluslararası Ahmet Hamdi Tanpınar Sempozyumu. – 2018. – 19–20 Mart Eskişehir.

4. Şahin İ. Mümtaz mı Suat mı? // Türk Dili. – 2017. – Mart. 67 (783). – S. 6–18.

5. Kerman Z. Ahmet Hamdi Tanpınar’da Resim ve Musiki: Mahur Sularında Tutuşan Gemi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010. – S. 141–150.

6. Okay M.O. Zamanın İçinde ve Dışında bir Hayat Hikayesi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010. – S. 15–30.

References

1. Dzhani-zade T.M. Azerbajdzhanskije mugamy. Problema muzykal'nogo myshleniya v iskusstve «makamat»: avtoref. dis. ... kand. iskusstv. – M., 1984.
2. Pylev A.I. Ahmed Hamdi Tanpınar i ego roman «Spokojstvie» (o nekotoryh stilisticheskikh osobennostyah formy i soderzhaniya proizvedeniya) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ser. 13. – 2011. – Vyp. 3. Dekabr'. – S. 51–65.
3. Sevinç C. Sanatçı romanı olarak ‘Sahne’nin Dışındakiler’ // Uluslararası Ahmet Hamdi Tanpınar Sempozyumu. – 2018. – 19–20 Mart Eskişehir.
4. Şahin İ. Mümtaz mı Suat mı? // Türk Dili. – 2017. – Mart. 67 (783). – S. 6–18.
5. Kerman Z. Ahmet Hamdi Tanpınar’da Resim ve Musiki: Mahur Sularında Tutuşan Gemi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010. – S. 141–150.
6. Okay M.O. Zamanın İçinde ve Dışında bir Hayat Hikayesi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010. – S. 15–30.

Страшнов Сергей Леонидович
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 sstrashnov@yandex.ru

СТИХИ В СИСТЕМЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ (к постановке проблемы)

В исследованиях массовой культуры сравнительно редко рассматривается стихотворная продукция. И это не случайно: она, действительно, находится в тени романов или телесериалов. Тем не менее проблема существует, и она заслуживает внимания хотя бы в постановочном виде. В данной работе задействованы не только собственно филологические, но также социологические и коммуникативные подходы. Автор выделяет три больших периода в процессах взаимодействия стихотворцев с массовым сознанием. Это, во-первых, XIX – начало XX века, когда главенствовал жестокий романс с его повышенной эмоциональностью, содержательной стереотипностью и стилевыми клише. Во-вторых, это послереволюционная эпоха, где популярные произведения то возвращались к моделям общинным (массовая советская песня 1930-х годов) и официальным (гимны), то отклонялись от них (в некоторых текстах военных лет; студенческих, туристских и авторских песнях «оттепели» и «застоя»). В-третьих, это современность, характеризующаяся даже у представителей среднего класса успехом шансона и стихотворного подражания. Также на протяжении всей статьи учитываются соотношения массовой культуры с поэзией и возможности обновления последней в контактах с тривиальным искусством.

Ключевые слова: массовая культура, элитарное искусство, фольклор, постфольклор, поэзия, стихи, романс, советская песня, шансон.

Массовая культура зарождается на переходе от аграрного общества к индустриальному, который происходит, по подсчетам Э. Тоффлера, не позднее середины XVIII столетия [см. об этом: 14, с. 19] в результате промышленной революции. Причем «индустриализм – нечто большее, чем дымящие трубы и поточные линии. Это богатая многосторонняя социальная система, касающаяся любого аспекта человеческой жизни и нападавшая на любое проявление прошлого» [14, с. 23]. Среди основных примет Второй цивилизационной волны – технический прогресс, рыночный характер экономики, урбанизация, экспансия средств массовой информации. Перемены затрагивают также социальные и семейные отношения, пересоздают самый тип человека: патриархальный уступает место собственно массовому. В недрах индустриального вызревает общество потребления: постепенно растет доступность бытовых благ; увеличивается продолжительность жизни и досугового времени; в товар превращается всё, включая искусство. То есть исторический сдвиг происходит и в сфере культуры: преимущественно устное ее бытование вытесняется разного рода тиражированием, то есть производством; распространяется грамотность (правда, в основном – полуграмотность); усиливается стандартизация.

Последнее как будто бы как раз не ново: еще компаративисты XIX века (и прежде всего А.Н. Веселовский) убедительно показали, что на аналогичных стадиях исторического развития даже разделенные непреодолимыми расстояниями древние народы создавали сходные культурные продукты. Действительно, в некоторых отношениях массовый человек – наследник патриархального. Социальная психология сближает их там, где речь идет о канонических моделях поведения; преобладании общих, а не индивидуальных потребностей; несамостоятельности решений. Однако фольклор как худо-

жественное выражение патриархального сознания и культура массовая во многом и различаются.

Подобное можно утверждать, даже не педалируя постоянного совершенствования коммуникативных средств. Суть расхождений в том, что традиция отстывает перед повальными увлечениями, которые насаждаются рекламой. «Тирания интеллектуальной пошлости», по убеждению Х. Ортеги-и-Гассета [6, с. 322], отодвигает в сторону и уничтожает тех, кто относительно замедленно, устойчиво наследовал «верования, обычаи, житейский опыт, умственные навыки, пословицы и поговорки» [6, с. 322]. Вместе с тем эти люди не были в отношении культуры совершенно пассивными – напротив, они созидали ее в актах коллективного творчества. На гребне Второй волны тенденция иная: участие («В хороводе нет зрителей, здесь все участники. К наблюдателю, где бы он ни находился, хоровод повернут спиной. Хочешь участвовать – становись в круг. Не хочешь – отойди, не мешай» [13, с. 58]) сменяется восприятием, а точнее, тем самым потреблением: уже граммофон делает архаичным не только хоровод, но и хор.

Вероятно, именно такие обстоятельства побудили уже процитированного выше испанского философа с высокомерной беспощадностью клеймить массового человека как варвара, взбесившегося дикаря [см.: 6, с. 334] и с чрезмерной категоричностью отрицать любую его причастность к культуре [см.: 6, с. 323]. Однако и массовый человек (причем по большей части в виде добропорядочного обывателя), и его массовая опять-таки культура не просто благополучно существовали на протяжении двух столетий – они пережили самого Ортеги-и-Гассета. Именно годом его смерти, 1955-м, в концепции Тоффлера [см.: 14, с. 19] отмечено наступление Третьей волны в развитии человечества – информационной. И всё же, несмотря на это, массовая культура по-прежнему сохраняет

позиции, выдержав натиск и коммуникативной революции, и демассификации СМИ, и постмодернизма. Потому-то наши последующие суждения будут опираться не только на отдаленный, но и на современный отечественный материал.

И тогда сразу придется признать, что стихотворная форма в тривиальной культуре – особенно на фоне фольклора (где много исключительно непрозаических жанров) – не самая востребованная. Достаточно сказать, что в солидных и объемных словарных статьях, посвященных интересующему нас феномену [см., например: 5, с. 213], поэзия почти не фигурирует. И это неудивительно: в сравнении с главными поставщиками масс-культы (романами, теле- и киносериалами) эта разновидность искусства, скорее, элитарна. Там артхаус – количественное исключение, здесь – правило. Ординарный человек лишен главного, что составляет основу поэзии – рефлексии: знаменитый французский социолог Г. Лебон заключал, «что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть» [2, с. 80]. Ее представители более всего боятся выпасть из множества, стать отверженными. В поэзии же, напротив, адекватный отклик в ней ожидается по большей части со стороны себе подобных. Так, например, осмысливая антологию «Русская поэтическая речь – 2016», рецензент на передний план выдвигает потребителя профессионального, добавляя к тому же: «Особый интерес этот проект представляет для литературоведов» [1, с. 168].

Но немало в истории было и тех, кто решительно противостоял поэтическому герметизму. Это и Н. Некрасов, и В. Маяковский, и А. Твардовский – прежде всего там, где они отстаивали принципы гражданственности или народности и сами склонялись к публицистике. Уже она, казалось бы, явно родственна массовой культуре – прежде всего своей причастностью к массмедиа, мотивированной, в свою очередь, обращенностью к максимальной аудитории и опирающейся на зримые представления о ее вкусах и потребностях. Сходна также установка на мгновенный и обширный успех, обеспечиваемый прежде всего тяготением к содержательным стереотипам и жанрово-стилистической определенностью, если не шаблонностью, а также большей или меньшей, но неизбежной затуханностью авторства.

Однако существует в этой паре и нечто неслитное: в противовес публицистике с ее утилитарностью, привязанностью к злобе дня МК-стихи изначально воспринимались публикой как возможность оторваться от обыденности, вознестись над собственным мирком. Заурядному человеку страстно хочется облагородить свои порывы и отношения, и он в духе персонажа из пьесы Маяковского прямо или мысленно обращается к драматургам, режиссерам и поэтам с требованием: «Сделайте нам красиво!» [3, т. 11, с. 310]. Таков эскапизм

массовой культуры и чуть ли не ее романтизм, но романтизм обытовленный, рыночный. В поточных вариациях он заявил о себе достаточно рано, угнездившись и в альбомах провинциальных барышень, и в увлечениях гусар-уланов цыганщиной. Зафиксированные и хрестоматийно высмеянные Пушкиным (например, в «Метели»: «Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью...» [10, с. 55]) эти настроения и привычки едва ли не в первую очередь искали и находили стихотворное выражение. И не случайно в упомянутой словарной статье о массовой литературе, где названы только две фамилии русских стихотворцев, обе они (В. Бенедиктова и Н. Кукольника [см.: 5, с. 213]) относятся именно к данной эпохе.

Более того, популярнейшим жанром на протяжении XIX – начала XX века стал романс, возможный до поры до времени только в стихотворной (точнее – в музыкально-стиховой) форме. Он ещё сохранял в себе некоторые особенности патриархального, крестьянского сознания, запечатлённые в необрядовой лирической песне и народной балладе, но недаром основным нейтральным прилагательным, сопровождающим термин «романс», является слово «городской». Перед нами так называемый постфольклор или типологически тождественные ему варьируемые тексты, которые отобраны из литературного процесса, но адаптированы под уровень массовой аудитории: да, это своеобразная популяризация, но в огласовке французской – vulgarisation, то есть популяризация оказывается дешёвой.

По лаконичной, но очень точной характеристике Ю.Н. Тынянова, романс – форма «самая примитивная и эмоциональная» [15, с. 122]. Уже у Лебона мы читали, что массовый человек находится во власти крайних чувств, то есть он склонен взвинчивать себя до надрыва, видя в таком проявлении столь престижных в его кругах – жгучих – страстей. И озвучиваются они минорно: в самовыражении и в чужих судьбах постоянно подчеркивается безысходность обстоятельств, что преобразует городской романс по преимуществу в жестокий, а предшествующую балладную напряженность в мелодраму. С жанром театральным музыкально-стиховой роднит именно повышенная эмоциональность [см. об этом: 15, с. 123]. И даже избыточная: М. Петровский замечал, что расхожая романсная продукция, «чутко улавливая жанровые закономерности, воспроизводила их схематизировано, с почти пародийным преувеличением, и потому откровенней “проговаривала” то, что в высокой классике художественно прикровенно» [9, с. 63].

Соответственно, и тематика сужается, а персонажи романсов представлены в неизменных амплуа. Содержание банализируется, поскольку и адресат, и исполнитель романса трафаретны. Казалось бы, темы в нем самые личные, но стихи и люди, их слушающие и поющие, обезличиваются под обаянием посредственности. Еще заметнее

упомянутая примитивность, а также клишированность – в стилистике. Любые формулы здесь – из разряда распространенных, повторяющихся: «Ведь тебе не понять / Моих страстных речей, / Сердца мук не унять / Блеском чудных очей!» или «А ты, подлый, другую ласкаешь / И смеешься, тиран, надо мной» [8, т. 2, с. 358, 418]. Но характерная стертая образность в подобном жанре была и неизбежна: «ходячие истины» не отвлекают «внимание от эмоциональности в сторону предметности» [15, с. 121].

Многочратно замечено, что романс намеренно освобождался от бытовых и конкретно-исторических примет. Тем не менее очевидна социально-психологическая подоплека возникновения и оглушительной поступи жанра: это «разрушение патриархальных устоев в сознании молодых людей, покинувших родные села и оказавшихся в городской среде» [16, с. 95] – из тех, кто осел в сословии, главным образом мещанском. Песенное целомудрие отменяется у них модой на нарочитую обнаженность чувств, а старозаветные оседлость и покорность судьбе – устремлением в нездешние пространства. Петровский замечательно высказался относительно преимуществ, которые получали интерпретировавшие романсы с иноязычным (французским, грузинским, цыганским) акцентом: «Произносительная норма как бы намекает на тот мир, где протекает романсовая утопия, на несовпадение утопического и реального мира» [9, с. 88]. На долгие годы романс стал лидером среди продуктов низового искусства, и он вызывал внушительный резонанс в коллективном сознании, повседневном поведении и, разумеется, внутри самой культуры. Взятые напрокат формулы переключивались из массовой в межличностную коммуникацию: в письма, устные объяснения и поздравления. И если публицисты формировали политический лексикон митингов и собраний, то знаменитые и безвестные сочинители романсов снабжали соотечественников языком для интимных признаний наедине и на миру. Даже немой синемаграф сценарно зависел не столько от бульварной прозы, сколько от жестоких романсов. И тем более справедливо будет говорить, что они явятся порождающей моделью для многих последующих МК-стихов – даже тогда, когда жанр изгонялся и с эстрады, и из частной жизни.

Это будет характерно для советской культурной политики. Однако утвердилась она далеко не сразу. Поначалу сопротивление оказывала сама стихия революции – резкое опрошение жизни, воинствующий антиаристократизм, приводившие к эскалации низовых жанров. Раньше других ее почувствовал А. Блок, уже в 1918 году вступивший в поэму «Двенадцать» «блатную» музыку [см. об этом: 17, с. 175]. И разлитая на улицах, плещущаяся в подворотнях она была долго неискоренима в складывавшейся советской поэзии: у С. Есенина, И. Сельвинского, А. Прокофьева, Б. Корнилова и даже юного Я. Смелякова.

И все же с прекращением НЭПа, который, между прочим, весьма пестовал городской романс (настоящим символом эпохи до сих пор считаются «Кирпичики»), социологическое определение «мещанский» стало однозначно оценочным, моралистичным, а частушки и анекдоты – и того больше – приобрели взрывоопасность для их распространителей. С началом коллективизации власть и ее сторонники на культурном фронте предприняли последовательное и продолжительное наступление не только на элитарное, но и на массовое искусство.

Этому как будто бы противоречили некоторые тогдашние красноречивые лозунги. Например, из подготовленных В. Маяковским для спектакля «Баня»: «Вытряхнем / индивидуумов / из жреческих ряс. / Иди, искусство, / из массы / и для масс» [3, т. 11, с. 348]. И он же, знакомя комсомольцев с поэмой «Во весь голос», дважды подчеркнул свое намерение делать вещи так, «чтобы они доходили до возможно большего числа слушателей» [3, т. 12, с. 430]. Однако советская культура, предназначавшаяся народу, резко противопоставила себя дореволюционному предшественнику как политизированное – коммерческому, воспитательное – потребительскому. Социокультурные мифы переосмысливаются идеологически. Во многом насильственно (за счет притеснения свободомыслия и приватности, уничтожения или вытеснения на периферию жизни самостоятельных мыслящих и действующих личностей) производится возврат общественного сознания к общинной модели. Тотально, во всех сферах проводившаяся коллективизация привела, в частности, к созданию массовой советской песни. Она выражала весьма привлекательные как будто бы свойства: тягу к духовному единению, нравственную устойчивость, человечность, оптимистические надежды на лучшее – но одновременно преувеличивала и закрепляла в людях наивность, склонность предаваться иллюзиям; идиллическое, исключаяющее серьезные раздумья, отношение к окружающему; хороводное невнимание ко всему, что осталось за спиной.

Стиль заглавной формы 1930-х наглядно совпадал с интонацией и оборотами детской поэзии тех же лет – вплоть до знаменательных оговорок: «Мы можем жить и смеяться, как дети» [4, с. 51], «Счастье берем по праву, / И жарко любим и поем, как дети» [4, с. 49]. «Страна-подросток» [3, т. 8, с. 327] превращалась в многомиллионного ребенка. Песня, которую не без оснований считают самым демократичным жанром, превращается у Лебедева-Кумача и его соратников в удобнейшую форму пропаганды. Причем она стала и следствием, и причиной происходивших в СССР политических и социокультурных процессов. Констатируя единообразие и узость мажорной тональности, реинимацию синкретизма, устойчивую ориентацию на инфантильно-коллективное, а не индивидуальное восприятие, на просвещение стихом читателя и слушателя неискушенного, нельзя не учитывать

при этом культа массы, разделяемого и развиваемого подавляющей частью писателей. Опасение оказаться «белыми воронами», стремление причаститься к непререкаемой правоте подавляющего большинства одолевало временами даже О. Мандельштама и Б. Пастернака.

Результатом борьбы с располагавшимися по краям элитарной и массовой культурами стали унификация советского искусства в виде большого стиля социалистического реализма и неудержимо наступавшее “бедствие среднего вкуса”, которое, по более поздней оценке Пастернака, “хуже бедствия безвкусицы”» [7, т. 3, с. 474]. Впрочем и к счастью, население не превратилось в исключительно нерасчлененную массу. Даже песенный жанр существовал для него не только в официально общих, но и в потаенно разнообразных (казачьих, солдатских, тюремных и тех самых – «мещанских») изводах. Это обнаружилось уже во время Великой Отечественной войны – в условиях относительного, но и безусловного раскрепощения людей. Публично (по радио и в кинофильмах) звучат и как долгожданные принимаются, например, раскрывшиеся навстречу конкретике романсы («Землянка», «Синий платочек», «Темная ночь») и предвестники шансона («Шаланды полные кефали...», «Мишка-одессит»). Однако примерно с 1944 года на целое десятилетие стихотворно-музыкальным метажанром страны становится гимн. Пожалуй, он тоже был явлением массовым в смысле частотности воспроизводства, но уже сугубо директивным. Ростки индивидуального самосознания заглушаются регламентацией, личное достоинство победителей направляется в бетонное русло Волго-Дона – державные чувства. Повсеместно утверждается казенная риторика, мифы из довоенных песен окостеневают до эмблематичности, а самый культ массы сменяется тем, что называется культом безличности.

Но с наступлением «оттепели» железные занавесы госконцертов приоткрываются, и в культуру официальную вновь начинает проникать олицетворяющий повседневность постфольклор, в том числе в новых своих разновидностях (песен студенческих, туристских, бардовских). Вплоть до конца 1980-х годов протекает частичный, вялотекущий, но и постоянный процесс деидеологизации, демократизации и/или вульгаризации массовой советской песни: она трансформируется в самостоятельную, эстрадную и популярную (попсу). А завершается дробление советского художественного монолита образованием неслагаемых субкультур, которые так или иначе (хотя бы в стратегии принципиального отталкивания), но обязательно учитывают существование вновь воскрешших элитарной и массовой культур.

Видоизменяется – опять-таки – тип человека: будучи долгое время системно закрепощаемым, теперь он либо лично самоопределяется, либо по-новому омассовляется. С одной стороны, наблюдается демассификация даже традиционных

СМИ, а с другой – рейтинговое первенство в этой сфере давно и несменяемо удерживают таблоиды, развлекательное телевидение, FM-радиостанции, выросшие на почве тривиального искусства и одновременно продвигающие кич.

У ведущего жанра современных МК-стихов тоже есть свой эксклюзивный медийный партнер – «Радио Шансон». Оно и позиционирует себя соответственно: «Это музыка вокруг стихов! Душевная, сердечная, искренняя» [11]. Шансон – по большей части через головы профессиональных советских авторов и исполнителей – обратился к канонам дореволюционного жестокого романса. Одновременно это гламурный псевдоним «блатной» песни в ее нынешнем выражении. И шансон совсем не случайно – особенно в 1990-е годы – перерос рамки уголовной субкультуры. Криминал тогда самоутверждался в качестве властной структуры – настолько, что его жаргон («феня») и замашки проникали в вербально-поведенческий дискурс разных слоев населения, вплоть до бомонда любого типа. То есть омассовления не избежали даже элиты.

Тем более коснулось оно так называемого среднего класса. Помимо своей, то есть миддл-прозы или прессы, он не брезгает в определенных ситуациях продукцией до очевидности пошлой. Имея сравнительно малую потребность в поэзии, эта довольно объемная часть населения испытывает ритуальную привязанность к стихам. В основном тогда, когда надо кого-нибудь поздравить, сопровождая заказы песен на радио или приветствие в газетах (чем переполнены, например, «районки»), посылая открытки «с приличной надписью» (вспомним Пушкина [10, с. 55] и альбомные жанры его эпохи) по электронной почте или зачитывая те же самые стихотворные тексты на банкете. Их в гигантских количествах услужливо предоставляют теперь к юбилеям, свадьбам, Новому году и т. п. интернет и современная полиграфическая промышленность. Будучи сентиментально-высокопарными (здесь романс снова выполняет свою – отмеченную выше – порождающую функцию), подобные надписи элементарно-однообразны и по своей структуре. Строчки держатся нередко на совпадении одного лишь гласного звука (добра – всегда – тепла; добра – сполна), на рифмах банальных («поздравляю» непременно тянет за собой «желаю», а «успеха» – «смеха») или вовсе холостых, что, однако, нисколько не смущает выступающих с тостами, пусть это даже заслуженные провинциальные учительницы словесности или столичные офисные менеджеры. Наоборот – такие клише психологически им близки: мол, при необходимости мы и сами смастерим аналогичное. Зато любой мало-мальский изыск на корпоративах встречается настороженно, а то и вообще враждебно, антилидерски отвергается, ибо – по И. Северянину: «Душа влечется в Примитив» [12, с. 191].

При заметной стратификации современного общества массовые вкусы по-прежнему преобладают,

причем распространенные эстетические предпочтения остаются неискоренимыми. И стихи занимают в них весьма скромное место. Слабо задействован в массовой культуре потенциал не только поэтических, но попросту версификационных возможностей (в сравнении, например, с прикладной, но изощренно зарифмованной сатирой). Усиление почти всегда приходит со стороны – красочных иллюстраций, музыкального аккомпанемента, вокала, театральных жестов, эффектов медийных... Получается, что поэзия и даже стихотворная речь как таковая не слишком соприродны популярному искусству.

Вместе с тем невнимание к их взаимодействию чревато для авторов самоизоляции и аутсайдерством. Высокая культура, замкнутая сама в себе, исключает интенсивное развитие и активную коммуникацию, вызывая подчас непреодолимую робость у тех, кто к ней искренне тянется. А ведь в контактах с культурой низовой возможна не только вулгаризация, но и движение. В. Шкловский не без оснований полагал: «Пушкин произошел от малого искусства альбомов, роман из рассказов ужаса, вроде современных Пинкертонов. Некрасов – из водевиля. Блок – из цыганского романса. Маяковский – из юмористической поэзии» [17, с. 169].

Продолжим ряд зрелым Есениным, «книгой про бойца» Твардовского, песнями Высоцкого, которые окунулись в клокочущий чан обыденной жизни и постфольклора, чтобы извлечь оттуда творческие и гуманистические находки. Погружение в тривиальное обернулось обновлением. Рядовых слушателей и читателей, узнавших себя в образах-зеркала, такие произведения поднимают над собой, становясь для них действительным откровением. Однако признаемся, что происходит подобное, к сожалению, крайне редко.

Библиографический список

1. Голубкова А. О чем пишут современные поэты // Новый мир. – 2017. – № 9. – С. 168–177.
2. Лебон Г. Психология социализма // Литературное обозрение. – 1991. – № 6. – С. 78–83.
3. Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: ГИХЛ, 1955–1961.
4. Мне доверена песня: сб. песен. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 223 с.
5. Муравьев В.С. Массовая литература // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 213–214.
6. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
7. Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1989–1992.
8. Песни русских поэтов: в 2 т. – Л.: Советский писатель, 1988.
9. Петровский М. «Езда в остров любви», или Что есть русский романс // Вопросы литературы. – 1984. – № 5. – С. 55–90.
10. Пушкин А.С. Метель // Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. – М., 1975. – С. 54–64.

11. Радио Шансон [Электронный ресурс] // ВКонтакте: социальная сеть. – Режим доступа: <https://vk.com/radioshansonfm> (дата обращения: 31.10.2017).

12. Северянин И. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1988. – 464 с.

13. Сергеев Е. Участие и восприятие // Вопросы литературы. – 1983. – № 4. – С. 53–86.

14. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 346 с.

15. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.

16. Чернова Е.В. Жанровые маркеры городского романа в поэзии А.А. Блока // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 93–99.

17. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

References

1. Golubkova A. O chem pishut sovremennyye poety // Novyj mir. – 2017. – № 9. – S. 168–177.
2. Lebon G. Psihologiya socializma // Literaturnoe obozrenie. – 1991. – № 6. – S. 78–83.
3. Mayakovskij V. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. – M.: GIHL, 1955–1961.
4. Mne doverena pesnya: sb. pesen. – M.: Molodaya gvardiya, 1982. – 223 s.
5. Murav'ev V.S. Massovaya literatura // Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1987. – S. 213–214.
6. Ortega-i-Gasset H. EHstetika. Filosofiya kul'tury. – M.: Iskusstvo, 1991. – 588 s.
7. Pasternak B. Sobranie sochinenij: v 5 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989–1992.
8. Pesni russkikh poehtov: v 2 t. – L.: Sovetskij pisatel', 1988.
9. Petrovskij M. «Ezda v ostrov lyubvi», ili CHto est' russkij romans // Voprosy literatury. – 1984. – № 5. – S. 55–90.
10. Pushkin A.S. Metel' // Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. – M., 1975. – S. 54–64.
11. Radio SHanson [EHlektronnyj resurs] // VKontakte: social'naya set'. – Rezhim dostupa: <https://vk.com/radioshansonfm> (data obrashcheniya: 31.10.2017).
12. Severyanin I. Stihotvoreniya. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1988. – 464 s.
13. Sergeev E. Uchastie i vospriyatie // Voprosy literatury. – 1983. – № 4. – S. 53–86.
14. Toffler EH. Tret'ya volna. – M.: Izdatel'stvo AST, 2004. – 346 s.
15. Tynyanov YU.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. – M.: Nauka, 1977. – 575 s.
16. SChernova E.V. ZHanrovye markery gorodskogo romansa v poehzii A.A. Bloka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2013. – № 2. – S. 93–99.
17. SHklovskij V.B. Gamburgskij schet: Stat'i – vospominaniya – ehsse (1914–1933). – M.: Sovetskij pisatel', 1990. – 544 s.

ЖАНРОВО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТРАВЕЛОГА

Данная статья посвящена проблемам теории современного отечественного травелога. Автор предпринимает попытку прояснить жанрово-терминологическую сущность травелога, в том числе посредством сравнения его с родственными нарративными практиками, такими как «литература путешествий», «путешествие». Поднимается принципиальный вопрос о том, являются ли эти понятия идентичными или же травелог представляет собой совершенно иной тип текстов, заслуживающих отдельного разговора о себе. В статье также рассматривается динамика изменения восприятия пространства писателями-путешественниками в прошлые века и в наши дни на примере нескольких произведений новейшей отечественной литературы. Анализируются существующие взгляды на травелог как явление литературы; выстраивается собственная концепция, согласно которой травелог предстает как уникальное метажанровое образование, существующее в рамках обширного тревел-дискурса. Автор выявляет специфические черты данного образования, формулирует определение травелога.

Ключевые слова: травелог, «литература путешествий», нарратив, пространство, метажанр, дискурс, текст.

Для современных отечественных исследований травелога характерно повышенное внимание к частным моментам теории, касающимся различных авторских стратегий, когнитивных и коммуникативных моделей травелога, мотивов, топосов, творчества отдельных авторов или отдельных периодов истории литературы и т. д. В то же время общая теория жанра оказывается неразработанной. Он все еще остается «сложным жанром, которому пока трудно дать какое-то конкретное определение» [7]. Как правило, с подобной фразы начинается если не каждая, то уж точно каждая вторая научная статья, посвященная данному феномену современной литературы. При этом часто исследователи колеблются в своих оценках – от невозможности его признания и использования в научном контексте до причисления к травелогу любого нарратива, так или иначе связанного с концептом пути и путешествия.

Разумеется, не в пользу его играет «возраст» – было бы крайне опрометчиво надеяться на появление четкой, конкретной и окончательной дефиниции травелога, вошедшего в отечественный научный тезаурус лишь с начала двухтысячных годов, в то время как даже вокруг определения фундаментальной категории жанра до сих пор не утихают споры. Можно предположить, что в данный момент мы находимся на стадии естественного «взросления» термина, которую переживают и прочие англицизмы, активно используемые и исследуемые современным отечественным литературоведением, как то «нон-фикшн», «мидл-литература», «янг эдалт» (young adult) и т. д., судьба которых в чем-то схожа с судьбой травелога. Закрепление за понятием травелога точного значения упирается, на наш взгляд, в принципиальную проблему – его по-прежнему не рассматривают как самодостаточное явление, непрерывно отождествляя с прочими схожими нарративными практиками, исторически присущими русской литературе. Травелог выступает в роли наследника. Однако что

он наследует? Многозначность, неопределенность, размытость. Ведь его предшественники – «путешествие», «литература путешествий», «литературные путешествия», путевая проза – столь же обтекаемы в жанрово-терминологическом смысле, сколь и сам травелог сегодня.

Исследования «путешествия» нередко отражают достаточно противоречивые взгляды на проблему. Во-первых, часто приходится наблюдать отождествление нескольких (или всех сразу) жанровых форм. Кроме того, еще относительно недавно оставался открытым вопрос о том, к какому типу творчества все же принадлежит «путешествие». Так, Н. Маслова в своих работах ставит в один ряд «путешествия», «путевые очерки», «путевые записки», «заметки», «дневники» и при этом рассматривает их исключительно в русле публицистики: «Содержание произведений жанра “путешествие” заключается в показе многообразной, детализированной панорамы социальной действительности, как ее увидел, понял, оценил и охарактеризовал “путешественник”-публицист» [8, с. 79]. В отличие от нее В. Михайлов анализирует «путешествие» как «жанр художественной литературы, в основе которого лежит описание реального или мнимого перемещения в достоверном (реальном) или вымышленном пространстве путешествующего героя...» [9, с. 45].

Более развернутую и последовательную концепцию «путешествия» предлагает В. Гуминский, который признает сосуществование в контексте данных произведений документального и художественного начал без очевидного и принципиального доминирования одного из них. Он же является автором ставшего классическим определения: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров...» [2,

с. 314–315]. Но если «путешествие» непрерывно принимает различные формы, какова тогда его «собственная» форма? Существует ли она вообще? Есть ли тогда смысл исследователям рассматривать «путешествие» как жанровую сущность или это просто собирательное обозначение различных воплощений путевой наррации?

Выдвигаемая В. Гуминским «идея свободы» [3, с. 41] вроде бы должна снимать с «путешествия» подобные претензии, и уже в этом состоит ее особая привлекательность для литературоведов. Так, В. Шачкова видит в «идее свободы» конструктивный жанровый принцип «путешествия», который, по ее мнению, «воплощается в том, что в этом жанре автор имеет максимум возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и перехода от одного предмета к другому. <...> Принцип жанровой свободы в путешествиях можно также усмотреть в отсутствии литературных условностей и канонов, которых следовало бы придерживаться автору, пишущему в этом жанре» [13, с. 280–281]. Возможно, такой принцип мог бы претендовать на место жанрового, но, скорее всего, не сегодня, а, скажем, в веке XIII-м. В наше время такая характеристика «путешествия» применима разве что к сегменту массовой литературы, где еще можно вести речь о литературных канонах. Однако в современном литературном творчестве в целом именно нарушение жанрового канона, иногда и всякое отрицание жанра – повсеместная тенденция, наметившаяся еще в начале XX века и неумолимо прогрессирующая вплоть до сегодняшнего дня. В условиях нынешнего внежанрового состояния литературы, в которой «действует принцип не столько следования образцам, сколько оригинального творчества», а «писатели стараются писать уникальные произведения, каждое из которых... само себе жанр» [5, с. 168], жанровая свобода уже не видится принципиальным свойством какой-либо отдельной формы.

Характерно, что в современной теории различных типов путевого нарратива параллельно развиваются две линии: одна по-прежнему занимается проблемами «путешествия» или «литературы путешествий», представители другой – все-таки уже осваивают новый термин «травелог», однако, как мы указывали выше, зачастую включают его в сложившийся синонимический ряд (очерк, отчет, записки, путешествие и т. д.), так что порой становится непонятно, о чем все же идет речь. В данном случае уместным становится замечание А. Латыниной: «Травелог – слово в русском языке новое, без особой надобности заимствованное из английского. Сейчас таких слов много. Например – “клининг”, торжественно заменивший в рекламных проспектах слово “уборка”. Так вот: “травелог” отличается от “путевых записок”, “дневников” или “заметок путешественника” примерно так же, как

“клининг” от уборки» [11]. Таким образом, остро встает вопрос о том, допустим ли знак равенства между «литературой путешествий» (и прочими схожими текстами) и травелогом, или же последний представляет собой качественно иной тип текстов, заслуживающих отдельного разговора о себе?

Один из немногих, кто пытается хоть как-то разграничить эти понятия – Е. Пономарев, который предлагает следовать западной научной традиции, где «обобщенное путешествие и конкретное путешествие разделены: “travel literature”, “travel writing” – и “travelogue”... Соединение путешествия и «логоса» дает нам некое «знание о поездке». Пожалуй, этот термин стоит признать наиболее удачным» [10, с. 8–9]. У Е. Пономарева термин «травелог» имеет сугубо инструментальное значение – он служит разграничению смыслов внутри многозначного понятия «литература путешествий»: «В российском литературоведении терминология литературы путешествий существует, так сказать, в синкретическом виде. Слово “путешествие” одинаково применяется и к поездкам, которые совершали писатели, и к текстам, которые они создавали по материалам своих поездок» [10, с. 7].

Использование травелога для обозначения отдельного факта литературы в той же английской терминологической системе видится оправданным хотя бы потому, что он является частью жанрового имени «travel literature». Для Запада травелог – «свой», он вырос из собственного лексического, семантического, ментального материала, и вырос как раз в контексте «travel literature». Травелог у нас – возник в поле обширного тревел-дискурса, и своим появлением обязан не сколько литературным, сколько общественно-политическим процессам. И путешествию. Но путешествию не просто как перемещению из точки в точку, а как значительной составляющей новой стадии развития, в которую страна вступила в конце XX века, а Европа еще раньше. Ведь не было никакого шума вокруг травелога, к примеру, в 50–60–70–80-х гг. прошлого столетия – в СССР путевые нарративы осмысливались в иных категориях. Травелог пришел уже в Россию, и этот – российский – травелог, очевидно, отличается от немецкого, английского, французского и т. д. В том числе и от классической русской «литературы путешествий» XVIII–XIX веков, от советских путевых очерков и книг о путешествиях.

В прежних текстах пространство, насколько бы сильно оно не символизировалось и/или идеологизировалось, все-таки мыслилось в физических, географических категориях, и оно было самоценно: в путешествие ехали, чтобы увидеть новое, «Другого» (как это знание о новом использовали – уже другой вопрос). Теперь для этого писателю не обязательно даже выходить из комнаты. В современных травелогах главный фокус смещается: взгляд путешественника направлен не вовне, а внутрь

себя. В данном случае мы имеем в виду, конечно же, не массовую литературу – там присутствуют почти все прежние модели путешествия, к которым добавляется новые туристические практики. Они создают своего рода дискурсивное поле, в центре которого путешественник нового типа – растерянный путник на стыке эпох, ищущий свой новый дом на руинах строго, разрушенного, поглощенного общим глобальным домом, за вхождение в который приходится платить собственной идентичностью.

Современный тревелоггер (путешествующий писатель), перемещаясь по новым дорогам, чужим городам, вроде бы видит новый физический мир, но пристальнее всматривается он в свой внутренний – что с ним в этот момент происходит, что это значит, как это оценивать. Возможно, поэтому К. Кобрин называет одну из своих книг «Книга перемещений: пост(нон) фикшн» – находясь в авто, метро или поезде, он именно перемещается, передвигается. Путешествие же происходит в его сознании, памяти; даже в аннотации читателя предупреждают о том, что его ждет перемещение по «психогеографическим и мнемотическим маршрутам». Каждый отрезок такого маршрута пересекается одновременно еще с несколькими, самый значимый из которых – период советской юности писателя с явной топографической доминантой текста. Это Автозаводской парк культуры и отдыха в родном городе Горьком, к которому периодически возвращается повествование в любой своей точке, переплетаясь с другими линиями. «Книга перемещений» не просто меланхолична, в ней слышатся ностальгические интонации: «Этот воскресный майский день не кончался никогда, и жизнь эта, казалось, никогда не кончится. Он постоянно вспоминал о той кончившейся жизни, проделывая свой обычный маршрут» [6, с. 18], где по ходу повествования за «он» все отчетливее проглядывается «я». Вот эту кончившуюся жизнь, а вместе с ней и жизнь начавшуюся, автор пытается вписать в контекст нового мира: «Казалось бы: поехать на западный край Европы, в город-цитату, и предаваться там беспорядочному пьянству, курьезным историческим изысканиям, самой разнузданной меланхолии. Ан нет. <...> Горький. Автозавод. Коварно возвращенный вспять, в мутную заводь памяти, он выныривал где-то во французском баре или итальянской ресторации и еле переводил дух. Вот что приходило ему тогда в голову: Отечество, оно, без всякого сомнения, Европа. На самом деле это тоже Европа: Дублин, Горький, Поддубице, Кирово-Чепецк. Более того, они и есть Европа, ее средний вариант. Бывает и хуже» [6, с. 26].

Растерянный и озабочен поиском собственной идентичности, «своего» места в новом мире после краха прежнего Г. Шульпяков: «Возможно, для меня быть новым русским означает – путешествовать. Искать место, которое можно назвать своим.

Поскольку родной город – Москва – больше не кажется мне существующим» [14].

Желание найти общий язык с меняющейся реальностью толкает в путь и В. Голованова, который подходит к путешествию особенно основательно, последовательно прощупывая не столько новые топосы, сколько новые смыслы, которые они теперь заключают и какими откликаются в общественном сознании и внутри него самого: «Я чувствую, стрем нарастает. В мире что-то серьезно сбивается. И сам я плохо приспособлен к этому миру. Поэтому новое путешествие, в отличие от того, первого и удавшегося, – это... попытка взглянуть реальности в лицо. Войти в мир без иллюзий. Но и без страха понять: что в действительности происходит?» [4, с. 11–12].

Из повествования о путешествии современный тревелог превращается в текст об авторском опыте освоения пространства; с созерцания ландшафта в большей степени переключается на рефлексию, толчком к которой он служит; вместо объективного познания мира вокруг и «Другого» складывается концентрированный экзистенциальный эго-текст. Он выходит за рамки своих традиционных религиозных, когнитивных, патриотических, идеологических функций, предстает как своеобразная форма выстраивания отношений автора-путешественника с миром и с самим собой.

При этом сегодняшняя медиасреда характеризуется огромным многообразием таких форм, укладываемых в существующий тревел-дискурс, который не ограничивается рамками одной лишь литературы. Уже поэтому термин «тревелог» представляется более универсальным, в отличие от «путешествия» или «литературы путешествий». Понятие «литература путешествий», с одной стороны, слишком объемное, широкое, чтобы вести речь о более или менее обособленной жанровой сущности в контексте литературного творчества. Однако в тоже время оно слишком узко и не в силах охватить весь тот объем ТЕКСТА (в широком смысле) о путешествии, который не представим, скажем, в XVIII–XIX вв., но существование которого невозможно игнорировать сегодня. Множество произведений в таком случае оказались бы за бортом только потому, что они формально не являются «литературой». Тревелог – понятие более удачное применительно именно к сегодняшнему дню. Он не ограничивает для нас какую-либо одну сферу творчества, а выступает как «ТЕКСТ о путешествии», погружая нас в постмодернистский контекст.

В данном понимании тревелог ярко иллюстрирует определение метажанра, сформулированное Е. Бурлиной: «Метажанр – это способ функционирования метода в культуре, когда опыт усваивается не через строгий количественно-качественный канон, не через жестко определенные признаки произведения, а через концептуальную позицию, через общие пространственно-временные отноше-

ния» [1, с. 45]. Метажанр травелога, таким образом, позволяет не только систематизировать многочисленные литературные формы путевого нарратива. Он в то же время гармонично вписывается в рамки современного объемного тревел-дискурса, понимаемого как «интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило разножанровое, полевая структура, ограниченная регулятивными границами социокультурных практик» [12]. Сюда на равных правах могут быть включены и литературные произведения, и кино, и фото, и журналистика, и даже феномен сетевого тревел-текста, каждое из которых можно рассматривать и по отдельности, и в общекультурном контексте. При этом нам не видятся объективные причины, препятствующие именовать травелогом и целостную структурно-содержательно-тематическую сущность, и конкретный факт ее, воплощенный в том или ином конкретном произведении.

Учитывая все сказанное выше, в качестве одной из наиболее перспективных стратегий нам видится в первую очередь разграничение понятий «литературы путешествий» и травелога. И, следовательно, рассмотрение последнего как самостоятельного явления, неотрывного, однако, от предшествующей традиции путевой литературы и литературного творчества в целом. Главным основанием для этого, на наш взгляд, служит смена исторической парадигмы, повлекшая за собой глобальные системные изменения внутри общества и литературы как части его. С начала XX столетия, когда стало формироваться современное постиндустриальное общество потребления, массовая культура, туристическая индустрия, существенным образом трансформируется и путешествие – оно уже не такое, каким было раньше, и требует иного текста о себе. Появление травелога именно в этой исторической точке крайне важно. Он явил собой трансформацию вечного для человечества путевого нарратива в соответствии с запросом времени. Прежние понятия, очевидно, уже не справляются с этими новыми моделями путешествий. По большому счету мы переживаем естественный циклический процесс, практически неизбежный в переломные моменты истории. Так же когда-то повествования о паломнических путешествиях сопротивлялись постепенно нарождающейся традиции светских текстов, вступающих в противоречие с существующим жанровым каноном. И как бы травелог не ускользал от более или менее однозначного дефинирования, на наш взгляд, существует все же несколько принципиальных свойств, позволяющих вычленивть его из массы прочих явлений культуры. На их основании мы предлагаем понимать под современным отечественным травелогом метажанровое единство произведений документально-художественного характера, отражающее исключительно субъективный опыт вза-

имодействия автора с пространством в процессе или по итогам путешествия, являющееся фактом новейшей культуры (конец XX – начало XXI вв.), что влечет за собой трансформацию идейно-содержательного и проблемного поля текста в соответствии со спецификой исторической эпохи.

Библиографический список

1. Бурлина Е.Я. Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза. – Саратов: Сарат. ун-т, 1987. – 165 с.
2. Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 314–315.
3. Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 184 с.
4. Голованов В. Каспийская книга. Приглашение к путешествию. – М.: НЛЮ, 2015. – 832 с.
5. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. – М.: НЛЮ, 2018. – 386 с.
6. Кобрин К. Книга перемещений: пост(нон)фикшн. – М.: НЛЮ, 2013. – 144 с.
7. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – № 3 (37). – С. 254–259.
8. Маслова Н.М. Путевые заметки как публицистическая форма. – М.: Изд.-во МГУ, 1977. – 155 с.
9. Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 199 с.
10. Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2014. – 577 с.
11. Одинокие голоса проводников [Электронный ресурс] // Литература. – 2016. – № 111. – Режим доступа: <http://litteratura.org/2037-odinokie-golosaprovodnikov.html> (дата обращения: 18.02.2018).
12. Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск; М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).
13. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 3. – С. 277–281.
14. Шульпяков Г. Общество любителей Агаты Кристи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=139488> (дата обращения: 18.02.2018).

References

1. Burlina E. YA. Kul'tura i zhanr: Metodologicheskie problemy zhanroobrazovaniya i zhanrovogo sinteza. – Saratov: Sarat. un-t, 1987. – 165 s.

2. Guminskij V.M. Puteshestvie // Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar'. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1987. – S. 314–315.
3. Guminskij V.M. Problema genezisa i razvitiya zhanra puteshestvij v russkoj literature: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1979. – 184 s.
4. Golovanov V. Kaspijskaya kniga. Priglasenie k puteshestviyu. – M.: NLO, 2015. – 832 s.
5. Zenkin S. Teoriya literatury: problemy i rezul'taty. – M.: NLO, 2018. – 386 s.
6. Kobrin K. Kniga peremeshchenij: post(non) fikshn. – M.: NLO, 2013. – 144 s.
7. Majga A.A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. – 2014. – № 3 (37). – S. 254–259.
8. Maslova N.M. Putevye zametki kak publicisticheskaya forma. – M.: Izd.-vo MGU, 1977. – 155 s.
9. Mihajlov V. EHvolyuciya zhanra puteshestviya v proizvedeniyah russkih pisatelej XVIII–XIX vv.: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 1999. – 199 s.
10. Ponomarev E.R. Tipologiya sovetskogo puteshestviya: «Puteshestvie na Zapad» v russkoj literature 1920–1930-h godov: dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 2014. – 577 s.
11. Odinokie golosa provodnikov [EHlektronnyj resurs] // Litterratura. – 2016. – № 111. – Rezhim dostupa: <http://litterratura.org/2037-odinokie-golosa-provodnikov.html> (data obrashcheniya: 18.02.2018).
12. Tyupa V.I. Zhanr i diskurs [EHlektronnyj resurs] // Kritika i semiotika. – Vyp. 15. – Novosibirsk; M., 2011. – S. 31–42. – Rezhim dostupa: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (data obashcheniya: 18.02.2018).
13. SHachkova V.A. «Puteshestvie» kak zhanr hudozhestvennoj literatury: voprosy teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. – 2008. – № 3. – S. 277–281.
14. SHul'pyakov G. Obshchestvo lyubitelej Agaty Kristi [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=139488> (data obrashcheniya: 18.02.2018).

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ВЕДУЩИХ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ, ПОДНИМАЮЩИХ ПРОБЛЕМУ ИММИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ, НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ О РУССКИХ ИММИГРАНТАХ ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ «ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ»

Статья является попыткой представить методику анализа освещения темы беженцев и иммиграции в Германии в передовой немецкой прессе на примере публикаций о русских иммигрантах Интернет-версии газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Тема беженцев и иммиграции в Германию постепенно превратилась в ключевую среди всех остальных тем внутренней политики Германии, объем публикаций на данную тему превысил объем иных публикаций на внутривнутриполитические темы. Анализ материалов о русских иммигрантах Интернет-версии газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» указывает на то, что издание старается придерживаться умеренных и политически нейтральных подходов, что указывает на сохранение и поддержание качественного статуса.

Ключевые слова: беженцы, иммиграция, Германия, «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», анализ, стилистика.

Формирование современной Германии как одного из наиболее экономически развитых государств Европы происходило на протяжении двух тысячелетий. За это время на этих территориях состоялось расселение самых разных народов, которые в процессе взаимного обогащения создали неповторимый в культурном плане ландшафт [1, т. 10].

За свою историю Германия пережила несколько крупных волн иммиграции. В разное время среди переселенцев преобладали итальянцы, турки, выходцы из стран бывшего СССР. Однако наблюдались и обратные явления, когда как раз с территории Германии происходил массовый отток населения. В частности, можно вспомнить события середины XX века, которые оказали мощное воздействие на все последующее развитие этой страны [2]. Согласно данным Агентства ООН по делам беженцев, только в 2015 году в Германии беженцы подали более 476 тысяч заявлений на предоставление убежища [3].

На сегодняшний день по сравнению с другими странами Европы Германия уже приняла наибольшее количество беженцев. Однако реакция самих немцев и анализируемой в нашей статье ведущей газеты, считающейся рупором элитарной части немецкого общества, на такую массовую иммиграцию оказалась достаточно противоречивой, мы можем даже констатировать некий раскол немецкого общества вокруг этой проблемы. С уверенностью можно утверждать, что тема иммиграции в качественной прессе Германии стала одной из самых обсуждаемых тем за последние три года.

Мы обратились к теме беженцев и иммиграции в Германию, представленной в одной из ведущих газет Германии «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (газета, негласно поддерживающая политику ХДС (правых)). Однако указанная нами в скобках принадлежность, склонности газеты к тем или иным политическим силам, партиям, как правило, не афишируется. Наоборот, официально редакция газеты старается заявлять о своем надпартийном

статусе, т.е. придерживаться чаще политически нейтральной позиции [4].

К ключевым задачам нашего исследования мы относим проведение стилистического анализа публикаций на тему беженцев и иммиграции, жанровый и тематический анализ публикаций на интересующую нас тему, анализ коммуникаторов (журналистов и публицистов), пишущих на указанную тему.

Тема беженцев и иммиграции в Германию постепенно превратилась в ключевую среди всех остальных тем внутренней политики Германии, объем публикаций на данную тему превысил объем иных публикаций на внутривнутриполитические темы; и даже вопросы внутренней политической борьбы стали рассматриваться в контексте этой темы, как на сугубо региональном, так и федеральном уровнях [5].

Предметный анализ позволяет увидеть, что тема иммиграции и беженцев распадается на несколько самостоятельных подтем: общие вопросы современной миграционной политики ФРГ; размещение мигрантов в ФРГ; размещение мигрантов по квотам во всех странах ЕС; оказание мигрантам социальной помощи; обучение мигрантов; проблема воссоединения семей мигрантов; дети мигрантов и дети-мигранты, поиск пропавших без вести мигрантов; оказание мигрантам медицинской помощи; интеграция детей мигрантов в немецкое общество; культура мигрантов; традиционные немецкие ценности и поведение мигрантов; нарушение мигрантами законов ФРГ и общественного порядка; криминальная активность мигрантов.

Обратимся к стилю журналистских публикаций, языковых особенностей, предметных направлений. Ввиду большого объема журналистских материалов на выбранную тему, для выработки методики анализа публикаций, сосредоточимся на журналистских материалах о русских мигрантах, занимающих существенную долю в современном миграционном потоке в Германию. Стоит уточнить, что под русскими мигрантами мы понимаем

выходцев в широком смысле из большинства стран постсоветского пространства.

Для отнесения размещенного материала к данной тематической категории мы руководствуемся следующими критериями: 2/3 всего объема размещенного материала должен быть посвящен интересующей нас теме; заголовочный комплекс материала должен указывать на эту тему; слова и словосочетания «мигрант», «мигранты», «миграция», «беженцы», «иммигранты», «иммиграция», «миграционный кризис» должны использоваться в основном корпусе материала. Также при количественном анализе мы делаем пометку об использовании в материале иллюстративных компонентов (оригинальных, неоригинальных) в виде фотографий, рисунков, коллажей; инфографики; дополнительных средств мультимедиа (аудио, видео, графика).

Мы не рассматриваем краткие информационные сообщения по следующим причинам: во-первых, они часто не являются оригинальным контентом изданий, а размещаются в «новостной ленте» как сообщения различных информационных агентств; во-вторых, такие краткие информационные сообщения создаются в том числе агрегаторами и рассылаются во все масс-медийные редакции, т.е. не обладают признаками эксклюзивности; в-третьих, такие краткие информационные сообщения не указывают на качественный статус издания, поскольку могут размещаться и с расчетом на массовую аудиторию.

Отметим, что нами не проводится анализ всего объема размещаемых материалов, к примеру, в таких рубриках, как «Мир», «Спорт», «Культура», «Стиль жизни» и др., так как считаем, что это не относится к предмету нашего непосредственного исследования.

Качественный анализ выбранных материалов позволяет нам выявить тематические и жанровые приоритеты, которые используются журналистами для освещения вопросов миграции. На всех трех ресурсах чаще всего появляются материалы в жанре статей (чаще – сложных мультимедийных статей), также незначительно присутствуют репортажи, изредка самостоятельные интервью, например, с экспертами, государственными чиновниками, самими мигрантами. Однако преимущественно элементы интервью интегрируются в статьи, становятся их составными частями. Мы заметили, что всем статьям присущ иллюстративный характер, фотографии и иллюстрации сопровождают практически все статьи, хотя в бумажных версиях этих же изданий иллюстрации размещаются достаточно редко. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что «законы» интернет-журналистики оказывают воздействие даже на издания качественного типа, т.е. серьезная, солидная аудитория таких изданий в интернет-версиях

ожидает материалов, созданных «по общим правилам» интернет-журналистики, в которой визуализация имеет важное значение.

В одном и том же материале, как правило, встречается сразу несколько подтем. Мы стараемся все же выделить основную подтему и, ориентируясь на нее, относим материал в ту или иную группу, но при этом мы помечаем такие статьи (а чаще всего в жанровом плане это именно статьи) как многотематические, т.е. создаем еще одну папку с материалами, которые изучаются особым образом. В целом же разделение материалов по подтемам позволяет нам увидеть журналистские и редакционные приоритеты.

Стилистический анализ мы проводим с помощью словарного анализа статей, выявляем стилистические группы и пласты. Мы выделяем эмоционально окрашенные или оценочные конструкции, стараемся проанализировать их в общем контексте статьи. Это позволяет нам выйти на осмысление ключевых позиций рассматриваемой нами Интернет-версии газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг»: позитивные оценки; негативные оценки; нейтральные. Также важно выявить, присутствуют ли в материалах призывы к каким-либо действиям в отношении мигрантов, и если да, то к кому они обращены, на что указывают. Предварительный анализ показал, что большинство материалов созданы с использованием «публицистического» стиля. Приведем несколько наиболее показательных примеров анализа журналистских материалов.

В статье Сары Эрманн «Manche manchen's auch für fünf Euro» («Некоторые делают это и за 5 евро») [1], опубликованной в рубрике «Франкфурт» от 19.10.2008 года, рассказывается о выходцах из Восточной Европы, продающих себя как нелегальную рабочую силу на улице Зоннеманнштрассе, недалеко от оптового рынка. В статье акцент делается на поляках и румынах, однако упоминаются и русские, которые также стоят в конце этой улицы. Используя элементы портретной характеристики, Сара Эрманн рисует нелюбимый образ нелегального рабочего, который негативно характеризует, в том числе, и представителей русской диаспоры: *«Руки в карманах толстой куртки, пакет между коленок, взгляд в пол. Ежегодно из-за них немецкая экономика по самым скромным подсчетам теряет 350 млрд. евро. Один из таких рабочих снимает шапку и показывает зарубцевавшуюся рану на затылке. Несчастный случай. Он выкладывал плитку, но упал с лестницы и ударился об угол. От работодателя он не получил никакого возмещения, ведь он нелегальный рабочий. Лечение в больнице он оплатил из собственного кармана. Его рана еще не до конца зажила, но он снова стоит на Зоннеманнштрассе и ждет новых клиентов, ведь ему нужны деньги. Этот промысел становится все сложнее, работодатели*

ведут себя все более осторожно, конкуренция становится все жестче. По утрам эти мужчины все чаще сидят у закрытой пивной. Некоторые из них напиваются и вообще теряют желание работать». Этот материал открыто формирует негативное отношение к представителям русской диаспоры. Однако материалов, написанных в подобной стилистике, мы встречаем немного.

В материале под названием «Überall herrscht Krieg» («Повсюду господствует война») [2], опубликованном 13.03.2012 года Клаусом Петером Мюллером, рассказывается о социальном проекте «Freestyle» в городе Кассель, который ставит задачу вывести детей из неблагополучных семей из так называемой «зоны риска». Существенная часть неблагополучных семей Германии, по мнению автора, принадлежит к различным диаспорам. Эту неблагополучную жизнь журналист описывает на примере историй нескольких турецких и курдских подростков, выросших в Касселе, в районе, называемом Везершпитце. Там проживает множество эмигрантских семей различных национальностей, в том числе и русских. По словам Эко, восемнадцатилетнего курда, чьи родители переехали в Германию из Боснии, в том районе «ты получаешь все»: *«Твои родители работают день и ночь, а ты принадлежишь улице. Если ты жалуешься другу на то, что у тебя нет работы, он отвечает тебе, что ничем не может помочь и должен заботиться, в первую очередь, о себе. Многие предпочитают мир преступности каким-либо социальным работам. Тюремный срок поднимает статус подростка в криминальном мире».* Эко признается, что и он является частью этого криминального мира, но хотел бы об этой стороне своей жизни не распространяться. Далее в материале мы встречаем рассказ о социальном проекте «Freestyle», благодаря которому удается открыть подросткам новый мир, примирить враждующих друг с другом эмигрантов. В помещении на улице Остринг, которое находится в распоряжении у организаторов «Freestyle», проводят свое свободное время более двух тысяч детей и подростков различных национальностей. Курды там спокойно играют с турками, турки с русскими и т.д. Этот материал Клауса Петера Мюллера не рассказывает нам о каком-либо конкретном происшествии, касающемся русских эмигрантов. Однако он достаточно четко описывает криминальный мир, с которым многим русским эмигрантам приходится встречаться «лицом к лицу». Автор дает понять, какое отношение зачастую немцы испытывают к эмигрантам, среди которых определенную часть, хотя и не самую большую, составляют русские.

Приведем пример, касающийся экономической тематики. Все примеры статей экономической тематики мы условно делим на два типа: материалы, посвященные малому бизнесу, организованному

русскими эмигрантами, и материалы, касающиеся торгово-экономических отношений региона Райн-Майн с российскими регионами, но, прежде всего, с Москвой.

В материале «Eine Minute für fünf Cent» («Минута за пять центов») [3] от 10.05.2013 года Эвальда Хетродта рассказывает о эмигрантке Дарье Волковой, которая вместе со своим другом Маркусом Вахом открыла в городе Висбаден антикафе, похожее на те, которые функционируют в Москве. Немцам сразу понравилось новое заведение, где можно провести свободное время за чашкой кофе, расплачиваясь лишь за время, проведенное там. На наш взгляд, такой материал создает хорошее впечатление у немцев о русских, ведь здесь журналист описывает их как людей, способных воплотить в жизнь необычную бизнес-идею.

В статье Ханса Рибзамена «Angekommen im gelobten Land» («Прибытие в страну обетованную») [4] мы неоднократно отмечаем ироническое описание эмигрантов, хотя и не свидетельствующее о негативном отношении автора к эмигрантам, но, тем не менее, оставляющее впечатление некоторого пренебрежительного отношения автора к ним, особенно к самому массовому процессу миграции. Статья композиционно делится на несколько частей. Сначала автор в деталях, достаточно красочно описывает переезд евреев из Советского Союза в 1989 году. Он цитирует высказывания руководительницы социального отделения еврейской общины Франкфурта. Во второй части статьи «Песах с новоприезжими» речь идет об увеличении общины, о желании переселенцев жить достойно. В следующей части статьи, имеющей подзаголовок «Время иллюзий прошло», автор задается вопросом, что стало сегодня с теми эмигрантами, которые приезжали в Германию и Франкфурт, начиная с 1991 года, и после прохождения всех бюрократических процедур получали юридическую защиту? *«Многие пожилые люди и старики скончались. Пока они были мобильны, они проявляли себя очень активно. Они занимались общественной работой, проявляли интерес и желание учиться, ведь они сформировались в той культуре, где учат использовать свободное время. В группе пожилых людей, которые имели самостоятельный заработок, подавляющее большинство нашло себе работу, но в редких случаях она соответствовала той профессии, которую они приобрели на родине».*

Наш анализ показывает, что материалы экстремистского характера на указанных ресурсах не размещаются. Но во многих статьях есть авторские или редакционные обращения к действующим чиновникам и политикам с пожеланиями внимательно относиться к вопросам миграции как общего, так и конкретного характера.

Оговоримся, что эмоционально окрашенные сообщения мы встретили, но не в самих матери-

алах, а в дискуссиях после этих материалов. Особенно такие дискуссии интенсифицируются после сообщений о преступлениях с участием мигрантов. В нашем исследовании мы пока не рассматриваем такие форумы предметно, но понимаем их важность.

Еще хотелось бы обратить внимание на то, что по законам интернет-журналистики работа над историей не завершается после ее размещения на сайте. С этого момента авторы продолжают оставаться «на связи» со своими читателями: участвуют в форумах, даже что-то меняют в основном корпусе статьи, если это просят читатели, делают комментарии. В дальнейшем мы планируем проведение и таких глубинных исследований, учитывающих изменения, варианты статей.

Итак, в большинстве материалов Интернет-версии газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» используются эмоционально нейтральные конструкции, отсутствуют резкие оценочные суждений, что позволяет изданию сохранить свой высокий статус.

Список источников

1. *Ehrmann S.* Manche manchen's auch für fünf Euro // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 19.10.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/frankfurt/schwarzarbeit-manche-manchen-s-auch-fuer-fuenf-euro-1581509.html>
2. *Müller C.* Überall herrscht Krieg // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 13.03.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/freestyle-projekt-in-kassel-ueberall-herrscht-krieg-11683273.html>
3. *Hetrodt E.* Eine Minute für fünf Cent // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 10.05.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/zeitcafe-eine-minute-fuer-fuenf-cent-12177917.html>
4. *Riebsamen H.* Angekommen im gelobten Land // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 13.04.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/frankfurt/juedische-gemeinde-angekommen-im-gelobten-land-1792233.html>

net/aktuell/rhein-main/frankfurt/juedische-gemeinde-angekommen-im-gelobten-land-1792233.html

Библиографический список

1. *Айрапетян А.С.* Социально-политические последствия современных иммиграционных процессов в Европейском Союзе: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 158 с.
2. Большая советская энциклопедия в 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1971.
3. *Буров Н.В.* Некоторые особенности иммиграционно-политического процесса в Германии на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2001. – 194 с.
4. *Вороненкова Г.Ф.* История и культура Германии после второй мировой войны. – М.: МГУ, 2013. – 168 с.
5. *Голикова С.Н.* Иммиграционная политика и иммигранты в Федеративной Республике Германия: 1955–2016 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Тула, 2017. – 224 с.
6. *Тило Саррацин.* Германия: самоликвидация / пер. с нем. Т.А. Набатниковой. – М.: АСТ, 2016. – 558 с.

References

1. *Ajrapietyan A.S.* Social'no-politicheskie posledstviya sovremennyh immigracionnyh processov v Evropejskom Soyuze: dis. ... kand. polit. nauk. – М., 2005. – 158 s.
2. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya v 30 t.* – М.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1971.
3. *Burov N.V.* Nekotorye osobennosti immigracionno-politicheskogo processa v Germanii na sovremennom ehtape: dis. ... kand. polit. nauk. – М., 2001. – 194 s.
4. *Voronenkova G.F.* Istoriya i kul'tura Germanii posle vtoroj mirovoj vojny. – М.: MGU, 2013. – 168 s.
5. *Golikova S.N.* Immigracionnaya politika i immigranty v Federativnoj Respublike Germaniya: 1955–2016 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. – Tula, 2017. – 224 s.
6. *Tilo Sarracin.* Germaniya: samolikvidaciya / per. s nem. T.A. Nabatnikovoj. – М.: AST, 2016. – 558 s.

ДРЕВНЕФРИЗСКИЕ КОМПОЗИТЫ И ДЕРИВАТЫ: СИНОНИМИЧНЫЕ ТЕРМИНЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются синонимичные древнефризские термины, образованные с помощью различных словообразовательных средств. На примере двух лексических групп, одна из которых характеризуется жанровым и территориальным единообразием источников, а вторая – хронологическим единообразием, демонстрируется зависимость средств выражения от содержательного плана. Первая группа включает в себя древнефризские композиты со значением «рогатый скот», главные компоненты в которых являются синонимами относительно друг друга и в роли самостоятельных слов. Вторая группа включает в себя дериваты и композиты со значением «стекольщик». Выбор примеров продиктован большим количеством синонимичных терминов с данным значением. На примере двух небольших лексических срезов иллюстрируются словообразовательные принципы, которые, судя по всему, применимы к древнефризской лексике в целом.

Ключевые слова: германские языки, древнефризский, лексикология, словообразование, словосложение, деривация.

Западно-, восточно- и севернофризский – это три диалекта западногерманского языка, фризского, выделяемые некоторыми исследователями как три самостоятельных языка [7]. В Средние века на фризском говорили вдоль всего южного побережья Северного моря. Отметим, что, используя термины «фризский», «фризский язык» без уточнений региона, мы имеем в виду всю фризскую языковую общность как феномен. В наше время на фризском говорят в Нидерландах и Германии [9, с. 3]. В Нидерландах (преимущественно в провинции Фрисландия) количество носителей фризского языка составляет 400 000 человек [7, с. 74], в Германии – 2 400 человек в земле Нижняя Саксония [7, с. 410] и около 9 000 в земле Шлезвиг-Гольштайн [7, с. 263]. Будучи миноритарным языком [9, с. 4], фризский не получал такого лингвистического внимания, как крупные западногерманские языки [6]. Это, однако, совершенно несправедливо ввиду уникальности фризского языкового материала.

Ранняя история фризского языка сложна и интересна. Кратко отметим основные её особенности:

1. Наиболее древние источники на фризском языке датируются XIII–XVI веками, что соответствует среднеанглийскому, средненемецкому и средненидерландскому периодам и потому провоцирует дискуссии о том, следует ли выделять этот период как «древнефризский» или же сразу «среднефризский» [3, с. 25; 8]; однако в данной статье мы используем традиционное для германистики обозначение «древнефризский».

2. Причиной подобной «запоздалости» является тот факт, что изначально фризские законы передавались устно и были записаны гораздо позже, так что правовая часть корпуса предположительно отражает более ранние стадии развития языка, нежели те, что существовали на момент записи [2].

3. Существуют и более древние свидетельства, которые, однако, являются разрозненными и малочисленными: рунические надписи (датируемые

между 500 и 800 годами), фрагменты Псалтири (ок. 1200 года), отдельные фризские термины в латинских памятниках *Lex Frisionum* (ок. 800 года) и *Traditiones Fuldenses* (ок. 800 года), а также топонимы [5, с. 602].

4. Источники на древнефризском языке происходят из разных географических областей, входивших в состав Великой Фризии (*Frisia Magna*).

5. С точки зрения жанров под древнефризским корпусом подразумевают правовые кодексы 1200–1550 годов [5, с. 602–603], составляющие около половины корпуса древнефризского языка, а также грамоты и письма, созданные позднее основной массы кодексов.

6. Язык древнефризских литературных памятников, особенно грамот, испытывал влияние латинской письменной традиции (в сфере синтаксиса, выбора лексики), а также, по мнению некоторых исследователей, нидерландской и нижненемецкой традиций [9, с. 21–22], причём не только в орфографии, но и на различных грамматических уровнях. Особенности и направленность взаимовлияния континентальных западногерманских языков друг на друга в Средние века остаются предметом дискуссий.

Как указано выше, большую часть древнефризского корпуса составляют правовые кодексы и грамоты, что весьма ценно для изучения средневекового права Западной Европы: законодательные документы того времени в основном являются переводами с латинского, и только фризы напрямую записали законы на родном языке [7, с. 556]. Таким образом, у исследователей есть доступ, с одной стороны, к правовой терминологии в изначальном, не искажённом переводом виде, что ценно при изучении истории права; с другой стороны, возможен лингвистический анализ оригинальных древнефризских источников.

Хронологический и территориальный разброс древнефризских текстов позволяет провести многоаспектный анализ словообразовательных средств, отличающихся продуктивностью в этом языке.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление лексем с, по-видимому, тождественным значением (установить это возможно исключительно гипотетически на основании имеющихся контекстов), однако отличающихся: а) либо словообразовательным механизмом, в данном случае мы сопоставляем дериват и композит, б) либо внутренней структурой, когда анализируются два композита, один из компонентов в которых является общим. Наряду с данным сопоставлением представляется актуальным рассмотрение потенциально склонных к грамматикализации компонентов: к примеру, слово *mon*¹ 'человек' встречается в составе композитов и в качестве главного, и в качестве определяющего компонента (в родительном падеже) – *godes-mon* 'духовное лицо' и *monnes-jeld* 'вергельд', однако в модели «действие + топ», на наш взгляд, можно говорить о семантическом выцветании, что является одним из признаков (потенциальной) грамматикализации элемента. Кроме того, данная модель является продуктивной и невариативной, с её помощью также создаются обозначения профессий и социальных ролей с чистой основой в качестве первого компонента: *kāp-mon* 'торговец', *skeld-mon* 'должник', *spil-mon* 'менестрель', *timmer-mon* 'столяр', *were-mon* 'ответчик'. Всего в древнефризском языке засвидетельствовано 30 слов с элементом '-makere' ('изготовитель') и 23 – с элементом '-mon', они и являются наиболее частотными в составе модели «объект + деятель». Отметим, что известный эксперт в области словообразования Лори Бауэр предлагает рассматривать в современном английском языке элемент '-man' [8, с. 36], так что подобный подход встречается и при анализе лексики других германских языков. С другой стороны, разнообразие абсолютных синонимов с различной структурой в древнефризском слишком велико, чтобы предполагать повсеместный процесс грамматикализации или, как минимум, сужения значения в определённой позиции. Вероятно, наличие синонимичных форм объясняется доминированием семантической модели «объект + деятель», каждый из компонентов которой может иметь варианты в плане выражения (но не в плане содержания).

Рассмотрим три основных категории:

1. дериват + композиты

'стекольщик' – *glesker*, *gles-makere*, *gles-wrechta*, *gles-wrechter*;

2. чистая основа + композит

'мирянин' – *lēka*, *lĕk-*, *lēka-mon*;

3. дериват + композит

'изготовитель решётки' – *tĕmsēr*, *tĕms-makere*.

Всего удалось обнаружить 17 случаев, когда одно понятие выражается и с помощью симплекса, и с помощью композита/композитов, а также 51 случай, когда одно понятие выражается с помощью различных композитов (один из компонентов в которых совпадает).

Можно было бы предположить, что наличие различных слов, обозначающих одно понятие, свя-

зано с хронологическими или территориальными особенностями распространения древнефризского языка. Для проверки этой гипотезы мы рассмотрели две лексических группы.

Группа I. Проанализируем синонимичные композиты, засвидетельствованные в древнефризских грамотах из одного региона, со значением «скот»:

– *horn-bĕst* 'рогатый скот' (источник: грамоты, обозначение – О IV 261);

– *horn-diār* 'рогатый скот' (источник: «Закон о дамбе в селе Исбрехтеме» / *Deichrecht von IJsbrechtum* (DgYb), обозначение – О II 76);

– *horn-fiā* 'рогатый скот' (источник: «Закон о дамбе в селе Исбрехтеме» / *Deichrecht von IJsbrechtum* (DgYb), обозначение – О II 76; и прочие грамоты);

– *horn-quick* 'рогатый скот' (источник: грамоты, обозначение – О I 343).

Согласно словарю Хофманна – Попкемы, являющемуся наиболее полным и современным источником по лексикографии древнефризского языка [4], значение главных компонентов в указанных выше композитах является синонимичным. Рассмотрим значение компонентов как самостоятельных слов: *bĕst* '1) животное; 2) одна единица домашнего скота'; *diār* '1) животное; 2) бык, корова; 3) (также мн. число) нерогатый скот'; *fiā* '1) скот; 2) личная собственность; 3) деньги'; *quick* 'скот (только нерогатый скот? – прим. авторов словаря)'; *sket* '1) ценности, деньги, собственность; 2) скот, (особ.) нерогатый скот; 3) ценность, единица валюты'.

Между собою эти слова также образуют сочетания, создавая, по-видимому, плеонастичные композиты либо композиты с тонкими оттенками значения, которые не представляется возможным полностью восстановить по контексту: (1) *quick-fiā* 'скот' (источник: «Древнее право старост» / *Ālteres Schulzenrecht*, обозначение – SkR^a-DJU, западнодревнефризский); (2) *quick-sket* 'скот, коровы' (источник: «Синодальное право региона Вестерлауэрса» / *Westerlauwersches Sendrecht* (SWI-J), западнодревнефризский); (3) *sket-fiā* 'домашний скот, скот во владении' (источник: «Клятва о движимом имуществе» / *Fiaeth*, обозначение – EFia-E₂, восточнодревнефризский).

Как мы видим, синонимичные композиты встречаются в источниках одного жанра, из приблизительно одного периода (часть слов встречается в нескольких грамотах, относящихся к разным годам; корпус грамот в целом охватывает два века) и из одного региона, при этом роль компонента со значением «скот» выполняют синонимы, более узкое значение которых имеет свою специфику, однако в составе сложных слов роли, как представляется, не играет.

Группа II. Более внимательно рассмотрим синонимичные конструкции из одного периода. В качестве примера возьмём обозначения понятия «стекольщик, изготовитель стекла», встречающиеся в вестерлауэрском древнефризском: 1) дери-

ват с суффиксом '-er'; 2) композит с элементом '-makere' ('изготовитель'); 3,4) композиты с элементом '-wrehta' ('работник'), параллельным средненидерландскому *wrechte* 'работник, изготовитель' от глагола *werken* 'работать'. Все лексемы засвидетельствованы около 1500 года.

1. *glesker* (источник: «Городской регистр города Леуварден» / *Stadttafel von Leeuwarden* (LwS), 1502–1504 гг.);

2. *gles-makere*, варианты написания в грамотах: 1478 г. – *glaes-maker*, 1515 г. – *gles-maker*, *gles-maeker*, *gles-mecker*, 1524 г. – *glaes-maker* (источники: «Церковный регистр города Бозум» / *Bozumer Kirchenrechnungsbuch* (Boz), 1515 г.; «Городской регистр города Леуварден» / *Stadttafel von Leeuwarden* (LwS), 1502–1504 гг.; грамоты (O), 1478, 1515, 1524 гг.; «Городской регистр и административные протоколы города Снейк» / *Stadttafel und Rezessbücher von Sneek* (SnR), 1490–1517 гг.);

3. *gles-wrehta*, варианты написания: O 1515 г. – *gles-wrichte*, Boz 1517–1526 гг. – *gles-urechte* (источники: «Церковный регистр города Бозум» / *Bozumer Kirchenrechnungsbuch* (Boz), 1515 г.; грамоты (O), 1517–1526 гг.);

4. *gles-wrechter* (источник: «Городской регистр и административные протоколы города Снейк» / *Stadttafel und Rezessbücher von Sneek* (SnR), 1490–1517 гг.).

В связи с рассматриваемыми группами древнефризских слов необходимо упомянуть два принципа, выделяемых для словосложения, которые, однако, применимы к словообразованию в целом (указываются по: [5, с. 289–290]):

1. Принцип «креативность в рамках принципов продуктивности» ('*Creativity within the productivity constraints*'). Необязательно использовать наиболее продуктивные модели, однако инновации должны оставаться в рамках общих закономерностей. Кроме того, количество возможных комбинаций возрастает с появлением каждого нового значения.

2. Семантическая предсказуемость соотносится с общим значением композитов, а продуктивность – с правилами словообразования. Таким образом, при дешифровке словообразовательной структуры мы можем идти как от функций компонента, так и от особенностей модели в целом.

Выводы сделать можно следующие: 1) форма – по крайней мере, в ряде случаев – определяется содержанием (то есть средства выражения подбираются под необходимое значение); 2) возможно параллельное существование ряда словообразовательных средств, которые применяются равнозначно; 3) модели словосложения не всегда характеризуются традиционно приписываемой композитам идиоматичностью и могут выполнять те же функции, что и дериваты.

Примечание

¹ Древнефризские слова приводятся в древнейшем зафиксированном орфографическом варианте

в соответствии с традициями словаря Хоффманна – Попкемы.

Библиографический список

1. Bauer L. English word-formation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
2. Bremmer R. H. Jr. The Orality of Old Frisian Law texts // Directions for Old Frisian Philology. Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik / ed. by Bremmer R. H. Jr., Laker S., Vries O. Band 73. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2014. – P. 1–48.
3. Haan G. J. de. Why Old Frisian is really Middle Frisian // Studies in West Frisian Grammar. – John Benjamins Publishing, 2010. – P. 179–206.
4. Hofmann D., Hofmann G., Popkema A.T. Altfriesisches Handwörterbuch. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
5. Lieber R., Štekauer P. The Oxford handbook on compounding. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.
6. Munske H.H. Die Frisistik – ein Mauerblümchen der germanischen Sprachwissenschaft // Us Wurk. – 1979. – 28, № 1–4. – P. 163–178.
7. Munske H.H. Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies. – Tübingen: Niemeyer, 2001.
8. Versloot A.P. Why Old Frisian is still quite old // Folia Linguistica Historica. – 2004. – XXV, 1–2. – P. 257–302.
9. Versloot A.P. Mechanisms of Language Change. Vowel Reduction in 15th Century West Frisian. – Utrecht: LOT, 2008.

References

1. Bauer L. English word-formation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
2. Bremmer R. H. Jr. The Orality of Old Frisian Law texts // Directions for Old Frisian Philology. Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik / ed. by Bremmer R. H. Jr., Laker S., Vries O. Band 73. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2014. – R. 1–48.
3. Haan G. J. de. Why Old Frisian is really Middle Frisian // Studies in West Frisian Grammar. – John Benjamins Publishing, 2010. – R. 179–206.
4. Hofmann D., Hofmann G., Popkema A.T. Altfriesisches Handwörterbuch. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
5. Lieber R., Štekauer P. The Oxford handbook on compounding. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.
6. Munske H.H. Die Frisistik – ein Mauerblümchen der germanischen Sprachwissenschaft // Us Wurk. – 1979. – 28, № 1–4. – R. 163–178.
7. Munske H.H. Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies. – Tübingen: Niemeyer, 2001.
8. Versloot A.P. Why Old Frisian is still quite old // Folia Linguistica Historica. – 2004. – XXV, 1–2. – R. 257–302.
9. Versloot A.P. Mechanisms of Language Change. Vowel Reduction in 15th Century West Frisian. – Utrecht: LOT, 2008.

Лебединская Виктория Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске
lebedinskaya2012@rambler.ru

ЛЕКСИКА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ПЛАТЯНОЙ КНИГИ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Архангельская платяная книга является одним из интереснейших и познавательных для истории быта и ведения хозяйства источников XVII века. Памятник в основе своей скорописный, датируется 1695–1696 годами. В данной статье рассматривается лексический уровень Платяной книги, причем анализ строится с учетом частотности употребления слов в тексте. Для анализа привлекаются материалы исторических и других словарей. Несмотря на сравнительно узкую целевую установку (запись выдачи предметов домашнего обихода и др.), памятник фиксирует яркую палитру существовавших в исследуемый период названий видов сапог и рукавиц, многие из которых до сих пор отмечаются в ходе диалектологических экспедиций по Русскому Северу.

Ключевые слова: история русского языка, бытовая лексика, платяные книги, скорописный памятник, частотность употребления, диалектология.

Платяные книги велись для учета выданных из монастырской казны одежды и обуви монахам и трудникам. Они являются интересным и богатейшим скорописным источником для исследования хозяйственной жизни и быта монастырей. Кроме того, платяные книги позволяют лингвистам изучать разговорный язык людей XVI–XVII веков. Архангельская платяная книга (далее – Платяная книга) 1695–1696 годов также не только дает возможность историку, этнографу проследить за протеканием и ходом монастырской жизни, быта и хозяйства, но и позволяет филологу изучить живой язык людей, живших в конце XVII века в Михаило-Архангельском монастыре (около этого монастыря со временем вырос город Архангельск). За более чем 300-летнюю историю своего существования данная книга привлекала к себе внимание только однажды: в 1989 г. рукопись была прочитана и текст ее был передан в соответствии с правилами публикации скорописных памятников А.В. Вольнской [4].

В статье мы проанализируем лексику этого письменного памятника, начиная со слов, употребляемых наиболее часто в тексте, и заканчивая единичными лексическими употреблениями.

На 89 листах Платяной книги (л. 91–130 об.) встречается богатая бытовая лексика. Наиболее употребительными являются слова *сапоги* (54), *аршин* (45), *сукно* (42). Этот факт, безусловно, можно объяснить самим назначением книги, которая была призвана вести учет самому процессу выдачи одежды и обуви из монастырской казны.

Обратим внимание на функционирование этих слов в тексте. Единичны случаи употребления лексемы *сапоги* без указания на их вид (дается указание только на цвет): Сапоги красны (л. 106 об.); Ивану Лисестрову сапоги красны (л. 105); Сапоги бѣлыя (л. 117). В большинстве примеров слово *сапоги* употребляется с определением в зависимости от вида, способа изготовления обуви и пр. Причем в тексте наблюдается разнообразие видов сапог:

Ему же даны сапоги пришивы (л. 105 об.); Дьячку Сенки Дмитрееву даны сапоги пришивы (л. 118); Поваренному Сергуши сапоги пришивы (л. 119 об.); Ей же сапоги пришивы даны сапоги пришивы новому служебнику Евсею Лүшеву (л. 121 об.); Ему ж сапоги притачки / даны сапоги притачки (л. 107–107 об.); Ему же даны сапоги притачки (л. 109); Ему ж сапоги притачки (л. 110 об.); Сапоги притачки (л. 113); Ему ж сапоги притачки (л. 113 об.); Вѣ КѢхту на мельницу старцу / Якову на коровницу даны сапоги притачки (л. 114–114 об.); Ему ж сапоги притачки (л. 116 об.); Служебнику Семиону Коневалову ноябрю в / / (де) сапоги притачки (л. 120); Ему же сапоги выблядки (л. 96, 97 об., 104 об., 108 об., 109, 117 и др.). Ему же сапоги подметки (л. 101 об., 105 об.); Ему ж сапоги подмотки (л. 97) и др.

Обратимся к периодичности употребления различных видов сапог: сапоги пришивы (13), сапоги притачки (12), сапоги выблядки (10), сапоги подметки (3), сапоги подмотки (1).

В Словаре В.И. Даля находим: *пришивы* – «головки к сапогам» [6, т. 3, с. 461]. Из приведенных нами выше контекстов видно, что пришивы – это вид сапог, а не их деталь. Таким образом, произошло сужение значения слова. Интересно, что то же изменение произошло и со словом *притачки*: (сиб.) «головки сапожные, т. е. новые переды или задники к старым голенищам» [6, т. 3, с. 451]. Видимо, северные диалектные названия сапог, фиксирующиеся в Платяной книге XVII века, получили наименование по способу своего производства.

Не совсем понятен способ номинации в случае с сапогами выблядками. Словари не отмечают значение «вид сапог», вообще нет указаний на связь с какой-либо обувью. Однако в Платяной книге постоянно прослеживается наименование *сапоги выблядки* в значении «вид сапог». Возможно, так могут называться сапоги, очень поношенные (если опираться на следующий контекст): Дьячку Ивашку Ступницу даны сапоги подержаны красны выблядки (л. 117 об.). Безусловно, наше предположение

относительно способа номинации данного вида сапог можно оспорить. Возможно, наименование может быть связано со способом изготовления этого вида сапог.

В тексте книги упоминается и другая обувь разнообразного вида: коты (23), поршни (8), ступни (8), онучи (5), моршни (3), башмаки (2), уледи (1), чеботы (1).

Коты – «вид теплой обуви: невысокие сапоги, башмаки (кожаные, валяные, плетеные), иногда с опушкой» [10, вып. 7, с. 386]. Слово *коты* очень распространено в памятниках XVII века. Много случаев употребления фиксирует и Платяная книга: Ему же *коты* красны (л. 105 об.); *Коты* новые (л. 106, 106 об., 108, 111, 113 об., 115 об.); Даны *коты* новые (л. 116, 119 об., 123, 123 об., 124, 125 об., 126, 126 об., 127); Даны *коты* красны (л. 128) и мн. др.

Поршни – «башмак, гнутый из одного куска кожи». Слово известно по письменным памятникам с XI века: Егда же приспѣше зима и мрази лютыи, стояше въ поръшьняхъ въ протоптаныхъ. Ник. лет. [10, вып. 17, с. 145]. В XVII веке лексема *поршни* «вид обуви» отмечается северными письменными памятниками. В.И. Даль указывает, что обычно поршни делаются «из конины, лучшие из свиной шкуры, есть и тюленьи и пр.; их более носят летом, налегке, или на покосе, где трава резуча, а рыбаки обувают их и сверх бахил. Зовут поршнями и обувь из опорков сапожных, или берестяники, шелюжники (лапти) [6, т. 3, с. 325]. Приведем контексты из нашей Платяной книги: Новому служебнику Ивану Корѣлѣ даны *поршни* новы (л. 107); Ему ж *поршни* (л. 113 об.); Даны *поршни* (л. 116 об.); Даны *поршни* новые (л. 118 об., 119, 125 об., 126 об.); Ему же *поршни* красны (л. 130).

В Словаре В.И. Даля указано, что *ступни* – это «лапти с большой головой (передами), без обутика и запятника» с пометой «вост.» [6, т. 4, с. 349]. В Архангельской платяной книге находим: Ему же *ступни* (л. 94 об.); Ему же *ступни* новы (л. 101 об.); Ему ж *ступни* красны (л. 102, 109 об., 115 об.); Ему же *ступни* подержаны (л. 118 об.).

«Часть обуви, обертка на ногу, вместо чулков, под сапоги и лапти, портянки, подвертки» – *онучи* [6, т. 2, с. 673]. Действительно, писец указывает, что на производство онучей всегда выдается сукно: Дано сукна полъВ аршина на онучи (л. 96); Ему же сукна на онучи (л. 105 об.); Дано сукна на онучи (л. 117); Дано сукна полтора аршина на онучи (л. 126).

В памятниках XVI–XVII веков встречаются также и другие названия обуви. Слово *моршни* имеет значение «вид кожаной обуви» [10, вып. 9, с. 270]. В Архангельской платяной книге отмечается употребление данного слова: Даны *моршни* новые (л. 105, 118 об., 126). В тексте фиксируется также лексема *башмаки*: Ему ж даны *башма-*

ки (л. 101); Настаси Фомины *башмаки* (л. 129 об.). В.И. Даль так определяет значение слова: «известная кожаная (или из ткани на подошве сшитая) обувь на плюсну, состоящая из передка, клюшев, подошвы и иногда каблука, а изнутри из стельки, задников и подкладки» [6, т. 1, с. 56]. Формы наименования следующей обуви – *уледи* (так в Платяной книге) – варьируется в зависимости от местности и диалекта: *улеви, улеги, унеги, улиги, уледи*. Обувь очень проста в изготовлении: «самая простая, грубая кожаная обувь, сыромятный лоскут на оборях; лыжная обувь, род сапог, бахил, у которых головы тюленьи, моржовые, и носок крючком, а голенища товарные, а иногда суконные» [6, т. 4, с. 487]. В тексте исследуемого памятника слово «уледи» встретилось лишь однажды: Ему ж *уледи* (л. 116 об.). *Чеботы* – «сапоги; мужская и женская обувь, высокий башмак, по щиколотки, ботики, с острыми, кверху носками»; с пометой «северное» «женские коты, с каблуками, иногда с медными закаблущьями» [6, т. 4, с. 586]. Из единственного контекста исследуемого памятника следует, что чеботы – обувь, в данном случае мужская: Монаху Ианикию швецу чебо(т) (л. 104).

Изредка в тексте памятника встречается и другая лексика, связанная с обувью: Ему ж *подошвы* (л. 108 об., 113 об.), Даны сапоги притачки *голенница* бѣлы а *переды* красны (л. 126 об.).

По частоте употребления в тексте после наименований обуви идут слова «аршин», «сукно», «рукавицы», «шуба». Профессор В.Я. Дерягин исследовал многообразие названий рукавиц на Русском Севере и посвятил этой теме отдельную статью [7]. Мы здесь лишь проиллюстрируем это разнообразие на примерах из текста Архангельской платяной книги: Ему же *рукавицы вареги* (л. 101 об.); Ему же *рукавицы верхонки* (л. 97); Ему же даны *рукавицы исподки* (л. 104); *Рукавицы верхницы* (л. 113); Ему же *рукавицы ровдужи* (л. 127 об.); К рукавицам *надолонки* (л. 126 об.). Как отмечает Словарь XI–XVII веков, надолонки – это 1) «кожаные или матерчатые заплаты на рукавичные ладони (XVI–XVII вв., север)»; 2) «вид рукавиц» (XVII в., север) [10, вып. 10, с. 75]. Из приведенного выше контекста ясно, что в нашем случае это все-таки «заплаты на рукавичные ладони».

Среди имен существительных, употребляемых также в тексте, можно отметить следующие: холст (16), свитка (12), шапка (10), ряса (8), мантия (7), кавтан (9), войлук (9), штаны (9), чулки (5), клобук (5), платье (4), гривенка (4), казна (3), овчина (3), книга (3), крашенина (6). Крашенина – «грубый крашенный холст». В Платяной книге представлена также лексика «названия лиц церковного сана и людей, работающих при монастыре: монах (28), служебник (25), иеромонах (5), игумен (2), бельцы (2), старец (4), служка (1), келарь (1), коровница (7), трудник (3) и др.

Безусловный интерес представляют слова *зеп* (1) и *каптырь* (1): Холсту аршинь на *зеп* да на опушку (л. 124, 126); Емуж *каптырь* (л. 97). Словарь XI–XVII веков указывает следующие значения: *зеп* (зепь) – 1) карман (фиксация XVII века), 2) мошна, кошель, подвешивающийся у пояса, котомка (фиксация XVII века) [10, вып. 5, с. 383]. Трудно делать вывод из-за краткости приведенного выше контекста, но выскажем предположение, что здесь слово «зеп» употреблено в своем 2-м значении. *Каптырь* (*каптырь*, *каптурь*, *каптурь*) – 1) теплая шапка с круглым верхом, меховая или стеганая, с пелериной, спускавшейся сверху и прикрывавшей шею и плечи (XV–XVII вв.); 2) род попоны, которая закрывала и голову лошади (XVII век); 3) кожух, фартук, полость (XVII век)» [10, вып. 7, с. 67]. В Архангельской платяной книге слово *каптырь* используется, скорее, в 1-м из указанных значений.

Ограничено разнообразие употребляемых в тексте названий цветов: красный (24), белый (4), черный (4), серый (1).

Филологический интерес представляют используемые в Архангельской платяной книге наречия *вполдержь* (5), *в перемену* (4), *вразнь* (1): Ему же шуба *вполдержь* (л. 109, 113); Спаги взяты даны дячку Елески *вполдержь* (л. 117 об.); Ему же кавтан бѣлой *вполдержь* (л. 129); Книги архангельскаго мнстря казначая іеромонаха Прова роздача из монастырской казны платья і обуви монахом і бѣлцомь і по службамь і всяких припасовь то писано в сихъ книгахъ *вразнь* по статьямь (л. 93); Даны рукавицы ісподки новые ему ж войлукъ *в перемену* (л. 96 об.); Ему ж коты *в перемену* (л. 124 об.).

Можно с уверенностью констатировать, что Архангельская платяная книга является богатым источником изучения истории русского языка XVII века. Особенно интересна для филолога в таких источниках близость к живому, разговорному языку. Связано это с обилием предметно-бытовой лексики, особенность которой состоит в том, что она отличается от другой лексики наиболее стойкой территориальной отнесенностью.

Библиографический список

1. Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) / под ред. А.А. Куратова. – Архангельск: ПГУ, 2004. – 272 с.
2. Акты социально-экономической истории Севера России кон. XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. – Л.: Наука, 1988. – 255 с.
3. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500–1699 гг. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1890. – 850 с.
4. Архангельская Платяная книга XVII века: метод. разработ. / сост. А.В. Вольнская; ред. В.Я. Дерягин. – Архангельск: АГПИ им. М.В. Ломоносова, 1989. – 39 с.

5. *Вольнская А.В.* Хозяйственные книги севернорусских монастырей XVI–XVII вв. как лингвистический источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 18 с.

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

7. *Дерягин В.Я.* Названия рукавиц в русском языке // Дialeктная лексика. 1973. – Л.: Наука, 1974. – С. 27–50.

8. *Лебединская В.Г.* История русской метрологической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. – 485 с.

9. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. – 198 с.

10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

References

1. Arhangel'skij Sever v dokumentah istorii (s drevnejshih vremen do 1917 g.) / pod red. A.A. Kuratova. – Arhangel'sk: PGU, 2004. – 272 s.
2. Akty social'no-ehkonomicheskoy istorii Severa Rossii kon. XV–XVI v. Akty Soloveckogo monastyrya 1479–1571 gg. / sost. I.Z. Liberson. – L.: Nauka, 1988. – 255 s.
3. Akty Holmogorskoj i Ustyuzhskoj eparhij. CH. 1. 1500–1699 gg. – SPb.: Izdanie Arheograficheskoy komissii, 1890. – 850 s.
4. Arhangel'skaya Platyanaya kniga XVII veka: metod. razrab. / sost. A.V. Volynskaya; red. V.YA. Deryagin. – Arhangel'sk: AGPI im. M.V. Lomonosova, 1989. – 39 s.
5. Volynskaya A.V. Hozyajstvennye knigi severnorusskih monastyrej XVI–XVII vv. kak lingvisticheskij istochnik: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1992. – 18 s.
6. Dal' V.I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. – M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1955.
7. Deryagin V.YA. Nazvaniya rukavic v russkom yazyke // Dialektnaya leksika. 1973. – L.: Nauka, 1974. – S. 27–50.
8. Lebedinskaya V.G. Istoriya russkoj metrologicheskoy terminologii: dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2015. – 485 s.
9. Podvysockij A. Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1885. – 198 s.
10. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–28. – M.: Nauka, 1975–2008.

Ганцовская Нина Семёновна
доктор филологических наук
Костромской государственной университет
gantsovsky_n@mail.ru

Алексеев Даниил Игоревич
Костромской государственной университет
alekseef@bk.ru

ЖИВОПИСЬ ЕФИМА ЧЕСТНЯКОВА КАК ВИДЕОРЯД К ЕГО ТЕКСТАМ: ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ АСПЕКТ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

*Статья посвящена рассмотрению связей живописного и литературного творчества Е.В. Честнякова как важного средства отражения этнодиалектных особенностей поунженского костромского края. Для сопоставления выбрано одно из лучших живописных произведений автора – большое многофигурное полотно сложного сюжетно-композиционного построения «Город благоденствия», где противопоставлены персонажи и элементы декора города и деревни. Для характеристики художественного замысла автора мы опирались на культуроведческие, искусствоведческие и лингвистические труды ряда исследователей, в основном костромских. Описание содержания картины построено на этнодиалектном и лексикографическом анализе некоторых групп лексики, представленных в разножанровых произведениях Е.В. Честнякова (сказках, стихах, пьесах, поэмах, этнографических зарисовках и др.) и отражающих явления материальной и духовной культуры поунженской деревни. Конкретно анализируются один из фрагментов картины, где всё изображённое можно разделить на несколько сюжетов, к составляющим которых подбираются номинации из текстов произведений Е.В. Честнякова. В первом сюжете анализируются слова **беседки, девушки, девоньки, девицы, девки, парнёк, беседовать, пряжа** и др., во втором сюжете – **покои, окошко, оконьшко, лавки**, в третьем – **лапти, шоптанники, берестяники, ступни, кафтаны, оборы, оборки, обдиры**, в четвертом сюжете – **кови, черпак, сладень, валовушка**, в пятом – **лепёха, лепёшка, пряжсьё, пряженики**. Авторы приходят к выводу о том, что рассмотрение объекта исследования в контексте взаимосвязи слова и образа поможет открыть новые смыслы в творчестве Е.В. Честнякова, понимаемом как единое целое, точнее расставить акценты в трактовке его живописных произведений и составить чёткое представление о жизни и быте костромской деревни, о её словарном богатстве.*

Ключевые слова: *Е.В. Честняков, костромской поунженский край, этнодиалектный аспект описания лексики, видеоряд.*

Ефим Васильевич Честняков в настоящее время известен не только как выдающийся живописец, отобразивший на своих полотнах поунженский край, но и как незаурядный писатель, знаток народного быта, его обычаев, фольклора, языка. Он автор многочисленных произведений: стихов, сказок, поэм, драматических сочинений, эссе и рассказов, тексты которых – достоверный и многомерный источник сведений о материальной и духовной культуре края, в том числе и о его диалектах. Будучи коренным жителем д. Шаблово Кологривского уезда, получив образование учителя и навыки живописного творчества в академических учреждениях Петербурга и Казани, в том числе и у Е.В. Репина, Е.В. Честняков в силу ряда причин (война 1914 г., затем революция) провёл большую часть жизни в родных краях. Однако тот отрезок жизни, когда он находился среди представителей художественной элиты северной столицы эпохи модерна, несомненно, сказался на направлении его как художественного, так и писательского творчества. Идеи европейской сецессии только укрепили его уверенность в необходимости художественными средствами освоить деревенскую культуру тех мест, где он проживал и которую он ценил гораздо выше городской. Он считал необходимым демократизировать

литературный язык и дать больше прав диалектам в соответствии с их этнокультурной ролью в жизни крестьянской России. Так же, как сделать всенародным достоянием путём визуализации кистью на художественном полотне и пером на бумаге основных моментов жизни крестьян: их трудовых будней и праздников, особенностей материальной и духовной культуры: профессиональных занятий, их жилья, средств передвижения, одежды, питания, связей с природной средой, развлечений, обрядов, верований, фольклора и др.

В данной статье, возможно, впервые в практике изучения творчества шабловского «мастера» мы сопоставим отражение этносоциальных особенностей верхнеунженского края в живописном и вербальном его творчестве. При этом мы опирались на ряд работ, посвящённых деятельности Е.В. Честнякова в этом направлении (см: [2–6; 8–11]).

Среди живописных произведений Е.В. Честнякова одно из главных мест занимает картина под названием «Город всеобщего благоденствия». Это название картине дали музейные работники, и насколько целесообразно называть картину именно так – вопрос, на который разные исследователи отвечают по-разному. Это говорит о том, что смысл данной картины многослоен, и каждый видит тот слой, который он способен осознать. Справедливо

предположить, что теперешнее название картины – это слой, который лежит «на поверхности». Разгадать эту загадку, как кажется, может обращение к текстам Е.В. Честнякова. И этому в значительной мере помогает следование той методике анализа содержания картины, которую обычно применяют при анализе иконописи и которую использует С.С. Каткова в статье в сборнике её трудов «Века и судьбы» при описании этой знаменитой картины: «ЧТО изображено и КАК изображено» [11, с. 235]. Она предлагает: «Попробуем сами разобраться в том, что же изобразил художник, что он хотел сказать своей картиной» [11, с. 236], скрупулёзно, шаг за шагом рассматривая персонажей картины в её сюжетно-композиционном построении. Например, она следующим образом анализирует один из фрагментов картины: «Рассмотрим первый план. Слева интерьер избы. На лавке вдоль стены сидят девочки, все с прялками. Рядом с ними молодой гармонист, и ещё один встал в позу выхода к пляске... Интерьер избы напоминает «нутровые палаты» в иконах, так же снята передняя стенка и как в разрезе видна вся обстановка избы и её обитатели. На полатах лежат любопытные ребятишки, слушают игру гармониста» [11, с. 237].

Г.Д. Неганова в монографии «Феномен красоты в творчестве Е.В. Честнякова» в содержании картины в целом обнаруживает символы праздника. «Да и сама композиция картины, развёрнутая слева направо, по ходу торжественного шествия, сначала от входа в город вниз, к городской площади, а затем вверх до театрального балкона и выше, создаёт ощущение праздничного подъёма. Символы праздника связаны с архетипом как праидеалом, не воплощённым в материальной форме и подлежащим интерпретации и модификации <...> то есть они (символы. – Н.Г. и Д.А.) представляют формы и мифологического, и художественного отношения к будущему, которые, по М.М. Бахтину, «стремятся сделать реальным то, что считается должным и истинным, наделить его бытием, приобщить времени, противопоставить его как действительно существующее и в то же время истинное наличной действительности, также существующей, но плохой, не истинной» [8, с. 92].

Как мы полагаем, перед зрителем стоит вопрос: город ли это или деревня, так как здесь мы имеем реалии и характерные признаки того и другого. И если это город, то полугород-полудеревня, каким он представлялся костромскому крестьянину (и действительно такими и были костромские небольшие провинциальные города, иногда и с заморскими архитектурными сооружениями).

Как мы уже сказали выше, для выполнения задач, поставленных в этой статье, нас привлекло энциклопедически обстоятельное описание картины С.С. Катковой в статье «Город всеобщего благоденствия», где она шаг за шагом раскрывает содержа-

ние ближнего и дальнего плана картины, пытается установить место каждого персонажа картины и каждого её объекта в сюжете картины, что важно для понимания сущности творчества художника. Она задаёт вопрос: «Все, кто писал о Е.В. Честнякове, не обходили вниманием это полотно и всегда соотносили его с литературными фантазиями автора о чудесном городе Кордоне, считали картину изобразительным воплощением мечты. Но так ли точно соотносятся литературное произведение и картина? Можно ли рассматривать живописное полотно как иллюстрацию большого масштаба?» [11, с. 235].

В ответ на вопрос искусствоведа мы полагаем, что творчество Е.В. Честнякова необходимо рассматривать комплексно, в совокупности всех его видов и жанров, учитывая и то, как он лично использует те или иные этнографические приметы своего края, какие даёт им названия, взятые из народного языка, и как они соотносятся с его живописными полотнами в аспекте этнических реалий края. Во всяком случае, сам Е.В. Честняков сопровождал показ своих картин «словесностями», то есть цитатами из своего литературного творчества. Мы попытаемся использовать картину под названием «Город всеобщего Благоденствия» как своеобразный видеоряд к его письменным произведениям, к его наблюдениям над этнодиалектными особенностями речи поунженских крестьян. И, как кажется, это, с одной стороны, поможет глубже понять содержание его картин и «словесностей», а с другой – через призму литературно-художественного творчества автора познать этнодиалектные особенности края.

С.С. Каткова детально описала содержание картины в целом, её композицию и сюжетные линии, где главной доминантой является противопоставление города и деревни, мы же остановимся на выявлении реалий деревенского быта и подборе диалектных названий к ним в небольшом фрагменте картины в нижней левой её части. Здесь изображены мужик-крестьянин в лаптях и онучах с метлой и городской мужчина со щёткой, подметающие улицу, стоя друг напротив друга; девушки в помещении с оконцем за работой (прядением); рядом, справа и слева, крестьяне в деревенской одежде с печёными изделиями в руках, пьющие из ковши (то есть то, что описала С.С. Каткова выше). Предметы в этой части картины в основном принадлежат миру материальной культуры, являются артефактами, но не только. Так, здесь представлены и показатели явлений духовной деревенской культуры, которые также являются моментами этнографии. Это собрание девушек для работы и развлечения – беседка. Хотя это и не зимнее время, но художественное воображение создателя картины погружает зрителя в мифический вневременный мир этого обычного занятия крестьянских девушек, свободных от полевых работ.

Рассмотрим ряд реалий, изображённых на его картине, и подыщем для них соответствующие номинации в произведениях Е.В. Честнякова, которые являются поунженскими диалектизмами. Ведь сам художник, как мы уже отметили, всегда сопровождал показ живописных творений комментарием из своих произведений, а огромный холст этой картины находился в его доме и служил реквизитом во время театральных действий. Представляем эту лексику, используя толковые областные словари и собрание текстов писателя, в первую очередь «Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» Н.С. Ганцовской, созданный на основе опубликованных произведений писателя [2].

Всё изображённое на данном фрагменте картины можно разделить на несколько сюжетов, к составляющим которых можно подобрать названия из текстов произведений Е.В. Честнякова.

Сюжет первый. Беседка. Бесѣдка – собрание девушек и парней в избе слева. Как уже говорилось выше, на картине изображены девушки в крестьянских нарядах с веретеном в руке: они прядут лён, пришли и парни. Сверху, как бы с полатей, на действие глядят ребяташки, *парнеки*. В словарной статье на слово *беседка* в Словаре Н.С. Ганцовской даны следующие пояснения, взятые из поэмы Е.В. Честнякова «Стафий»: *Девушки прядли лён, парни плели лапти. А тебе бы самому на беседки ходить да невесту выглядывать...* и пьесы «Свадьба»: *Дотолѣ и стыдно было прийти в беседку без лаптя. А нонче как праздник у вас, из этюда «Деревенская беседка»: – Дедя, где беседка?* [2, с. 15]. В этнографической зарисовке «Беседка» Е.В. Честняков приводит образцы фольклорно-обрядового девичьего творчества во время прядения: *Затянули девушки песенку-прибаутку, что давным-давно сложена в стародавние времена: ... Помогите, пособите / По пяти ниток напрясть. / Кто расчихается, / Разгогоняется, / Того бить-кололотить / По семи щелчков / С колотушечкой, / С побрякушечкой. <...> / Кого бить-кололотить / По семи щелчков? / На чьей избе сорока? / На Фимястовой. / Ха-ха-ха. И шутиливо колотят того, кто засмеялся сперва...* [2, с. 170–171]. Участницы беседки здесь названы девушками. Да и само слово *девушки* в кологривском говоре, следуя материалам Е.В. Честнякова, имеет много синонимов: *девоныки* [2, с. 26, 170], *девицы* [2, с. 170], *девки*: *Девки прядут, а они сядут на лучшее место и девок оттиснеют...* [2, с. 26]. А слово *парень* (мальчик) в говоре обычно звучит как *парнѣк*: *...И играл парнѣк-кузнец, светло-русый молодец* [2, с. 60]. Глагол *бесѣдовать* обозначает свободное времяпрепровождение молодёжи в деревне и имеет значение ‘находиться на беседке, работать и весело общаться’: *Милки да милашечки бесѣдуют туточки* [2, с. 15]. Однако *бесѣдки* в поунженском крае существовали разные. Малые – для самых моло-

дых, средние – для тех, кто постарше, и большие – для самых старших, и именно большие были предназначены для знакомства девушек с ребятами. На переднем плане мы видим подобную сцену, из чего делаем вывод, что это и есть большая беседка. Здесь собрались достаточно взрослые девушки, присутствуют и парни. В пьесе «Свадьба» описана именно такая ситуация: *Какая ещё невеста Офросиньюшка. В большой бесѣдке недавно стала сидеть* [2, с. 16].

Девушки используют инструмент льнопрядения – *пряхи*, в литературном языке – *прялки*. Пример из этнографической зарисовки Е.В. Честнякова «Бесѣдка»: *А хозяйка за пряхой. Прядѣт волокно или шерсть на сукно. Кузель большой оповязан платком* [1, с. 170]. В словаре А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [7] есть определение пряхи того типа, что изображена на картине, с пометой «повсем.», то есть характерной для всего поунженского края: «Ручная прялка, представляющая собой столбик с широкой верхней частью, укрепленный на краю горизонтальной доски, на которой сидят во время прядения» [7, с. 36]. Он указывает, что в Межевском районе (от Кологрива вверх по Унже) употребляются и такие её названия, как *пресница*, ласк. *пряжка* и *прялка*. Есть в Словаре А.В. Громова и выражение «*Под пряху*. Рядом с прялкой около прядеи = *На бесѣдках парень под пряху сядѣт, к подорешине подсядѣт*. Мант. Ус.» [7, с. 37]. А.В. Громов в своём словаре называет разные виды ручных прялок, характерных для поунженского края: *копыл, кореновка, (кореновая пряха, кореновушка, коренушка, копаница, копанушка), лопастная пряха, сажоная пряха, столбеница, точѣная пряха*. По всей видимости, на картине изображен *копыл*, а возможно, и *столбеница (пряха со столбом, столбушка)* или же *точѣная пряха (точѣнка)* [7, с. 37].

Сюжет второй. Внутреннее помещение дома. Бесѣдка происходит в избе, которую условно можно назвать *покоем*. Честняков использовал это слово в поэме Марк Бессчастный: *Дом большой со множеством покоев... Покоев много в доме нашем* [2, с. 65]. Это слово также мы можем найти в материалах из его рукописей в книге, составленной Т.П. Сухаревой «Русь, уходящая в небо...» [12]: *Пришли в ихние покои.. и выходят четырнадцать стариков..[и] пятнадцать молодцев и одиннадцать девиц; «и чтобы баушка не пускала дыму во внутренние покои [во время топки своей печки] от ея трубы провели нарочную добавочную [трубу], чтобы дым выходил на улицу...* [12, с. 106]. Следовательно, покой чаще всего обозначал одну из комнат в городском доме, но так могла быть названа и внутренняя часть избы. Также в покое есть одно маленькое оконце, которое в произведениях Е. Честнякова обычно называют *окошком* (*А све-*

жей осенью, в тёмные вечера, окошки в избах засветились... [2, с. 170]) или уменьш.-ласкат. окнышком. Окнышко – потому, что окна в северных избах делали для защиты от холода маленькими. Здесь мы видим именно севернорусское этнодиалектное отношение к этой реалии. Окно – это не только возможность увидеть мир, природу и свет Солнца, находясь в доме, но и место, через которое может пробраться морозец, который доставлял много хлопот, в частности, самому Е. Честнякову. Он пишет в своих стихах: *Позамёрзли стёклышки / Позакрыты окнышки / Это с воли из соломы / На жердинках коло дому / От холодного морозка / Поприставлены рогозки..* [2, с. 73]. Рогозки – это сплетённые из рогозы маты, которые бедняки прикрепляли с улицы к окнам при помощи жердей или приколачивали в сильный мороз (см. рассказ об этом А.Н. Забродина из д. Судилово рядом с Кологривом [2, с. 132–134]). Лавки – необходимая часть интерьера крестьянского дома (девушки и парни сидят на лавках вдоль стен избы), а также и место отдыха людей вблизи дома (вне дома на лавках сидят перед беседкой мужики и девушка с пареньком; мужик с ковшом, который находится справа на переднем плане, тоже сидит на лавке). См. пример из этнографической зарисовки «Беседка»: *В кути (хозяин) отдыхает на лавке. Ему не до девичьих песен* [2, с. 170].

Сюжет третий. Обувь. Одежда. В рамках третьего сюжета мы рассмотрим, во что обут мужик с помелом: он в лаптях. Плести лапти – основное занятия мужчин зимой в деревне, ведь это одна из самых необходимых вещей для крестьян. Честняков часто упоминал о них в своих произведениях (см. приведённое выше и следующие стихи): *Все уже встали.. лучина горит.. / Дедушко, тятка на лавке сидят.. / Хомут ушивают и лапти плетут...* [12, с. 24]. Лапти были разные по форме и предназначению, и назывались они по-разному. В стихотворении поэта «Красны девицы сидят...» девушки обсуждают женихов и одному из них дают меткую характеристику, используя образы разного видов лаптей: *Этот так ни то.. ни сё / Ни на ступни, ни на шоптанники / Ни на новые берестяники.* [2, с. 87]. Шоптанники – «род лаптей из льняных верёвок, из пеньковых отрепьев, домашняя обувь» [2, с. 87], в то время как берестяники – «лапти из бересты, надеваемые с онучами, обувь для улицы» [2, с. 15]. Ступни – «лапти с большим носком, повыше обычных, которую носили дома»: «Плетут ребята ступни, лапти и на гармониях играют» [2, с. 78]. Отсюда делаем вывод, что на мужике не берестяники, не ступни и не шоптанники, а лапти с онучами, обувь для улицы, выхода. *Оборы, оборки* – «свитые из льняных нитей веревочки, при помощи которых лапти привязываются к ноге» – также встречаются в текстах Честнякова: *Свей хоть обору к своим лаптям, вон*

я новые тебе заплетают; А нонче... оборки не совьют даже шутки для; И стал до вечера ступни, лапти плести, оборки вить [2, с. 54]. Эту деталь обуви называют также *обдирами*: *Обдиры от старых ошмётков оторвали, и Фарася наставил ещё из нового льна, чтобы не были коротки* [2, с. 54]. Об онучах Честняков говорит в сказке «Чудесная дудочка»: *Поддай им онучи обуться* и в поэме «Стафий»: *Лапти баушка на печку уложила так, чтобы просохли. Онучи тоже по печке разостлала* [2, с. 57]. Онучи – это ‘род портянок, обёртка на ногу под лапти’ [2, с. 57].

Все мужики на картине в кафтанах. *Кафтан* – это ‘длиннополая верхняя одежда типа пальто’, слово упоминается в поэме «Стафий»: *Разболочся Трифон. Кафтан на полу по брусу распялил* [1, с. 36] и в стихах: *Устал отдохни, Кафтан свой съими; И невиданныя платья, Ни кафтаны ни халатья, Ни рубахи ни пальта – и всё разные цвета* [12, с. 56, 112].

Четвёртый сюжет. Артефакты. Артефакты – это вещи, сделанные руками людей. В правой части фрагмента изображён мужик, сидящий на лавке и держащий в руках один из возможных видов *ковша* – *черпак, сладень* или *валовушку*. Ефим Честняков в своих текстах использует все эти слова: *Воду черпают ковшом, / Валовушкой-черпаком. / Живописно хороши / Валовушки и ковши* [2, с. 19]; *– Баўш как сусло-то у уу... у уу.? А баўшка нацедила в деревянный ковш горячего сусла и поставила на залавок..* [12, с. 24]; *Тогда Одарья вскипятила чугуны. Ссараю над дворами, где были волки, вынимая сладнем, в дыры и щели выливала кипячёную воду на волков* [2, с. 76].

Сюжет пятый. Еда. Сзади мужика с ковшом лежат на больших блюдах у девушек *лепёшки*, или *пряжьё, пряженики*. Обратимся к источникам, объясняющим эти названия. Как пишет П.П. Виноградова, уже памятники XVII в. фиксируют распространение однословных наименований с корневой морфемой *пряж-*, обозначающих преимущественно жареную мучную выпечку (пирог, лепёшка) [1, с. 54]. У Честнякова слово *пряжьё* встречается в произведении «Ручеёк»: *Понесло пряжьём и слатеньким пивом... Этот праздник самый сытный и обильный в году* [2, с. 70], а *пряженики* – в сказке «Чудесная дудочка»: *Только вот пряженики по будням не пекёт* и пьесе «Свадьба»: *Ждали, видно, пряженики и всякая всячина на столе* [2, с. 70]. Похожее значение и у слов *лепёшка, лепёха*: это ‘изделие из теста продолговатой формы, жареное на сковородке’ [2, с. 44]. У Честнякова эти слова встречаются часто: *Дедушко выставил горшок из печи, налил полную валовушку и положил на стол две гороховые лепёхи* [2, с. 44]; *баўшка накормила его молокомда [вкусными] лепешками..., В понедельник-от хлебец оржаной / Пирогам лепешкам батюшко родной..* [12, с. 54].

Можно сделать вывод, что рассмотрение объекта исследования в контексте взаимосвязи слова и образа поможет открыть новые смыслы в творчестве Е.В. Честнякова, понимаемом как единое целое, точнее расставить акценты в трактовке его живописных произведений и составить чёткое представление о жизни и быте костромской деревни, о её словарном богатстве, которое имеет непреходящую ценность.

Библиографический список

1. *Виноградова П.П.* Отглагольные дериваты в костромских говорах: наименования печёных изделий из муки с корнем *пращ-* // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – Спец. вып. – С. 53–57.
2. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
3. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* К вопросу о специфике авторских областных словарей (обновлённый проект создания «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 100–104.
4. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* Языковые средства поэтизации природы Русского Севера (на материале записок Ефима Честнякова) // Рябининские чтения – 2015: науч. издание: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 540–543.
5. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // Громовские чтения. Живое народное слово и костромской край.: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Вып. 3. – Кострома: КГУ, 2016. – С. 465–477.
6. *Ганцовская Н.С.* Литературно-диалектная диглоссия в произведениях славянских писателей (Ефим Честняков и Станислав Выспянский) // Диалог языков и культур России и Польши: материалы международной научной конференции, Смоленск, 17–18 ноября 2016 года / отв. ред. В.С. Картавенко. – Смоленск: Принт-экспресс, 2017. – С. 35–43, 160.
7. *Громов А.В.* Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. – Ярославль: ЯГПИ, 1992. – 118 с.
8. *Неганова Г.Д.* Феномен красоты в творчестве Е.В. Честнякова: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 150 с.
9. Ефим Честняков. Новые открытия советских реставраторов / сост. С.В. Ямщиков. – М.: Советский художник, 1985. – 140 с.
10. *Игнат'ев В.Я.* Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: ИПП «Кострома», 1995. – 128 с.
11. *Каткова С.С.* Века и судьбы: сб. статей: в 2 т. Т. 2. – Кострома: Костромаиздат, 2016. – 344 с.
12. *Честняков Е.В.* Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева; отв. ред. Н.А. Дружнева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

Reference

1. Vinogradova P.P. Otglagol'nye derivaty v kostromskih govorah: naimenovaniya pechyonyh izdelij iz muki s kornem pryazh- // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – T. 23. – Spec. vyp. – S. 53–57.
2. Gancovskaya N.S. ZHivoe pounzhenskoe slovo: Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E.V. CHestnyakova. – Kostroma: Kostromaizdat, 2007. – 225 s.
3. Gancovskaya N.S., Veselova E.G. K voprosu o specifikе avtorskih oblastnyh slovarej (obnovlyonnyj proekt sozdaniya «Slovara narodno-razgovornogo yazyka E.V. CHestnyakova») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2015. – T. 21. – № 6. – S. 100–104.
4. Gancovskaya N.S., Veselova E.G. YAzykovye sredstva poehtizacii prirody Russkogo Severa (na materiale zapisok Efima CHestnyakova) // Ryabininskie chteniya – 2015: nauch. izdanie: materialy VII konferencii po izucheniyu i aktualizacii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa. – Petrozavodsk, 2015. – S. 540–543.
5. Gancovskaya N.S., Veselova E.G. E.V. CHestnyakov kak lingvist: rol' dialektov v sud'bah russkogo yazyka // Gromovskie chteniya. ZHivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj.: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch.konf. Vyp. 3. – Kostroma: KGU, 2016. – S. 465–477.
6. Gancovskaya N.S. Literaturno-dialektnaya diglossiya v proizvedeniyah slavyanskikh pisatelej (Efim CHestnyakov i Stanislav Vyspyanskiy) // Dialog yazykov i kul'tur Rossii i Pol'shi: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Smolensk, 17–18 noyabrya 2016 goda / отв. red. V.S. Kartavenko. – Smolensk: Print-ehkspress, 2017. – S. 35–43, 160.
7. Gromov A.V. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskih govorah po reke Unzhe. – YAroslavl': YAGPI, 1992. – 118 s.
8. Neganova G.D. Fenomen krasoty v tvorchestve E.V. CHestnyakova: monografiya. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. – 150 s.
9. Efim CHestnyakov. Novye otkrytiya sovetskih restavrtorov / sost. S.V. YAmshchikov. – M.: Sovetskij hudozhnik, 1985. – 140 s.
10. Ignat'ev V.YA Efim Vasil'evich CHestnyakov. – Kostroma: IPP «Kostroma», 1995. – 128 s.
11. Katkova S.S. Veka i sud'by: sb. statej: v 2 t. T. 2. – Kostroma: Kostromaizdat, 2016. – 344 s.
12. CHestnyakov E.V. Rus', uhodyashchaya v nebo...: Materialy iz rukopisnyh knig / sost. T.P. Suhareva; отв. red. N.A. Druzhneva. – Kostroma: Kostromaizdat, 2011. – 168 s.

Г.Г. МЕЛЬНИЧЕНКО И КОСТРОМСКИЕ ТЕКСТЫ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

Говоры Костромской области, согласно внутреннему диалектному членению, разработанному Н.С. Ганцовой, подразделяются на три группы: восточные – с преобладанием черт говоров периферийного типа; юго-западные – с преобладанием черт говоров центрального типа; северо-западные, имеющие признаки и центральных, и периферийных говоров. В статье в аспекте внутреннего членения говоров Костромской области рассматриваются два диалектных текста, записанных диалектологом-полевиком А.В. Громым в Мантуровском и Кологривском районах в 1980-х годах. Один текст вошёл в учебное пособие «Хрестоматия по русской диалектологии» Г.Г. Мельниченко (1985), другой – в учебный комплекс «Костромские говоры» Н.С. Ганцовой (2018).

Говоры деревень, в которых записаны тексты, находятся на пограничье между северо-западными и восточными говорами. На материале текстов анализируются такие архаические черты, свойственные восточным костромским говорам, как мягкое цоканье – *доцька, клюц'ик, свецька, ц'игун, ц'есоф, ноц'и, вец'ер*; наличие долгих твёрдых шипящих *ши* и *жеж* – *пушише, кладьбишиша, нишишета, приежжжали*; изменение твёрдого *л* в позиции конца слова и перед согласными в *ў* неслоговое, сходное по звучанию с *в* губно-губным, – *потоўше, ходив, видев, выгоняв, отка-зався, ангеv, жавко, совдаты, коvхоз*. В текстах наблюдаются также явления, характерные и для говоров других районов Костромской области. Это предупредительный вокализм после мягких согласных (близкий к неразличению гласных); переход *е* в *о* перед твёрдыми согласными и на конце слова – ёканье; произношение *-тё* в безударном окончании глаголов мн. ч. повелительного наклонения; произношение долгих мягких согласных в соответствии с сочетанием согласных с *ј* и др.

Ключевые слова: Г.Г. Мельниченко, А.В. Громов, Н.С. Ганцовская, внутреннее членение говоров Костромской области, хрестоматия, костромской текст.

При подготовке «Хрестоматии по русской диалектологии» Г.Г. Мельниченко, исходя из понимания, что в этом учебном пособии «должны быть представлены образцы текстов всех областей нашей страны», обратился к диалектологам с просьбой присылать записи народной речи [5, с. 6]. В результате в хрестоматию вошли пять костромских текстов, подготовленных к публикации Н.С. Ганцовой, А.В. Громым и Г.И. Машировой, – образцы диалектной речи, записанные в 1980–1983 годах в Костромском, Мантуровском, Нерехтском, Солигаличском и Чухломском районах. Они помещены в подразделе «1. Северное наречие» раздела «Говоры центральных областей (исконная территория)» [5, с. 33–36]. Подбор текстов показывает неоднородность костромских говоров, вместе с тем они не репрезентируют все те лексические зоны, которые выделял Г.Г. Мельниченко. Согласно его карте «Членение современных говоров на территории Владимиро-Суздальского княжества по ареалам лексических групп» [4, с. 94], костромские тексты представляют говоры двух (VI и VIII) из пяти лексических зон, охватывающих территорию Костромской области. Однако если обратиться к внутреннему членению говоров Костромской области, разработанному Н.С. Ганцовой [1, с. 14–28], то можно констатировать, что они репрезентируют все три выделяемые учёным-диалектологом группы: юго-западные (к ним относятся говоры Костромского, Красносельского, Нерехтского, Сусанинского, Судиславского, Островского, частично Буйского и Га-

личского районов) – тексты № 42 (Костромской район, д. Кузьмищи) [5, с. 33], № 44 (Нерехтский район, с. Михеевское) [5, с. 34–35]; северо-западные (говоры Солигаличского, Чухломского, части Галичского района, части Буйского, Антроповского, Кологривского, Парфеньевского районов) – тексты № 45 (Солигаличский район, д. Разгоняй) [5, с. 35], № 46 (Чухломский район, д. Клевертово) [5, с. 35–36]; восточные (говоры Кадыгского, большей части Кологривского, Парфеньевского, Антроповского районов, Макарьевского, Мантуровского, Шарьинского, Пыщугского, Павинского, Вохомского, Октябрьского, Поназыревского районов) – текст № 43 (Мантуровский район, д. Угоры) [5, с. 33–34].

Последний текст был предоставлен А.В. Громым. Судя по тому, что с цитирования его письма о красоте живой народной речи (вслед за известным высказыванием М.В. Ломоносова о языке народа русского), по сути, начинается предисловие «Хрестоматии...», Г.Г. Мельниченко высоко ценил деятельность этого костромского диалектолога-полевика (с конца 1970-х до 1988 года А.В. Громов руководил также диалектологической практикой студентов-филологов КГПИ им. Н.А. Некрасова). Приведём фрагмент цитаты: «Очень люблю слушать деревенских людей, особенно старушек, которые всю свою жизнь прожили на одном месте. Их живая образная речь, пересыпанная неожиданными сравнениями, пословицами и поговорками, иногда сказанными не в бровь, а в глаз, иногда уклончиво, удивительно свежа, как вода лесно-

го ключа. Эта речь не терпит фальши и надуманности, потому что идёт она от сердца» [5, с. 3–4]. Текст «На деревенской беседке», отправленный А.В. Громовым Г.Г. Мельниченко, отражает не только общие черты Костромской группы говоров, но и особенности говора жителей д. Угоры Мантуровского района.

Через год после издания «Хрестоматии...» А.В. Громов записывает диалектную речь в Кологривском районе. «18 июля 1986 года, – сообщает он, – я познакомился с Марией Александровной Честняковой, племянницей Ефима Васильевича, 77 лет. Ласковая, моложавая старушка. Ефим Васильевич называл её Марькой, воспитывал на сказках. Предполагалась с ней беседа, но не состоялась. Воспоминания записаны от двоюродной сестры Ефима Васильевича (сохраняю диалектные особенности в рассказе информантов)» [1, с. 192]. Таким образом, информантом стала Мария Дмитриевна Беляева, двоюродная сестра Е. В. Честнякова. В беседе с ней и ещё одной жительницей деревни Денюгино, родине матери Е.В. Честнякова, разговор идёт об этом замечательном, самобытном художнике и писателе из Шаблова. И если бы текст был записан до выпуска «Хрестоматии...» и отправлен Г.Г. Мельниченко, то, возможно, мог бы войти в неё. Однако запись беседы не была опубликована при жизни А.В. Громова, её обнаружила Н.С. Ганцовская, разбирая его архив, и как текст, репрезентирующий говор жителей правобережья верхней Унжи, включила в раздел «Хрестоматия говоров Костромской области» первого тома учебного комплекса «Костромские говоры». Сопоставим оба текста и рассмотрим, какие языковые черты, характерные для говоров Костромской области, в них представлены.

В каждом тексте наблюдаем явления, характерные для Костромской группы говоров северного наречия. Так, в тексте из «Хрестоматии...» Г.Г. Мельниченко отмечается предупредительный вокализм после мягких согласных (близкий к неразличению гласных). Перед твёрдым согласным произносится *e*: *плесали – Д'еушк'и выход'ил'и пара на пару и пл'есал'и с пр'иговоркам'и* [5, с. 34]; перед мягкими согласными – *i*: *бисетки, невеста – Б'ис'етки соб'иралас' там, у ково н'ив'еста, она в'еу'ер св'ет'ила* [5, с. 34]. В тексте из «Хрестоматии...» Н.С. Ганцовской отмечается произношение *-тё* в безударном окончании глаголов мн. ч. повелительного наклонения – *заходитё, служитё*: *Он советовав, говорив: «Заходитё в ковхоз»; Хоронили партийнова, просили отслужить панафиду – отказався: «Служитё сами. Каким быв, таким будет и там»* [1, с. 147]. В обоих текстах наблюдаем склонение притяжательных местоимений в форме женского рода по типу местоимения *та*: *В нашой д'ер'евн'е на б'ис'етк'и ход'ило дватц'ет' дв'е д'ефк'и* [5, с. 33]; *Пришла к нему: «Ой, Ефим Ва-*

сильевич, скажите судьбу». – *«Твоей судьбы нету, она с китайским царём чай пьёт»; Соседке своей он басенькой камешок подаёт и наказывает: «Береги этот камешок и никому не доверяй»* [1, с. 146].

К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова указывают на особенности в произношении отдельных слов, в частности, слов «*ко/л/да'* (с согласным *л*; такое произношение данного слова известно и несколько шире, за пределами этой группы) и *моло'/сн/ой* (с сочетанием *сн* вместо *чн* или *ин*; имеет на территории группы рассеянное распространение)» [3, с. 115]. В тексте из «Хрестоматии...» Н.С. Ганцовской первое слово представлено, причём на месте твёрдого *л* перед согласным произносится *v*: *И кова да ковхозы организовались, кто шов в их, все советовались с им* [1, с. 147]. Второе слово не встречается, но то же явление – *сн* вместо *чн* – наблюдаем в слове *пиенисненький*: *Штё не просит Коляда, / И ни пива, ни вина. / Только просит Коляда / По кусоцку со двора, / По пиенисненькому...* [1, с. 146].

Изменение твёрдого *л* в позиции конца слова и перед согласными в *ў* неслоговое (сходное по звучанию с *v* губно-губным) Н.С. Ганцовская определяет как особенность, свойственную восточным костромским говорам, и в рассматриваемых текстах эта особенность присутствует: *потойше – Пр'ал'и, у ково какойо рац'ин'йо было. Есл'и тонко, то прост'ен' напр'ад'ош, потойше – два просн'а* [5, с. 34]; *показывав, знав, быв, болев, приехав, ходив, видеv, выгоняv, ругав, велев, провожав, срубив, отказався, ангеv, жавко, совдаты, ковхоз и др. – Всю жизнь нашу он показывав; Кто бы ни приехав учиться, каждый к нему за советом ходив; Некрутов в совдаты провожав; Быв он такой товковый, мне жавко ево было, думаю, дай до школьного возраста воспитаю; Я его б'кала, качала, много причтала, величала, пыталась величать: «Спи, ангеv господний...»; Он, жаланный, веть всю душу человека знав, прозорлив быв!* [1, с. 145, 147, 146].

К архаическим явлениям, характерным для восточных костромских говоров, Н.С. Ганцовская относит также такие, как наличие *l* европейского (среднего по твёрдости-мягкости) перед гласными непятого ряда, долгих твёрдых шипящих *ши* и *жж*, неразличение аффрикат *ц* и *ч*. В рассматриваемом тексте из «Хрестоматии...» Г.Г. Мельниченко представлен один случай употребления долгого шипящего *ши*: *пушише – Мат'наказывала доц'к'е: «Пр'ад'и пушише, н'ес'и бол'ше!»* [5, с. 34]. Текст А.В. Громова из «Хрестоматии...» Н.С. Ганцовской изобилует словами с долгими твёрдыми шипящими: *будушишоё, кладьбишиша, нишишета, в плашише, пошишупав, выташишыли, приежжали – Всё в плашише белом с башильком ходив; Про свою жизнь говорив, что он семь лет план рисовав, да у ево выташишыли ево; «Я не бох», – сказав, но голу пошишупав, подержав – и боль прошла; И вот пошла я от Ефима Васильевича мимо кладьбишиша,*

вижу: дочка на могиле ревет, догадалась, что её надо накормить; Даже из других городов приезжали за советом [1, с. 148, 147].

В говорах районов Костромской области, расположенных восточнее Макарьевского, распространено твёрдое и мягкое цоканье. В наиболее архаических говорах аффрикаты *ц* и *ч* совпадают в одном звуке – мягком *ц*. Именно это наиболее древнее явление репрезентировано в обоих текстах: *ц'есоф, ноц'и, поцётное, вец'ер – В'ет' пр'ежд'е с луц'иной с'ид'ел'и; З б'ис'едок расход'ил'ис' коло дв'енатц'ет'и ц'есоф ноц'и* [5, с. 34]; *доц'ка, клюц'ик, свец'ька, ц'игун, в пец'и, по кусоц'ьку, ц'истой* и др. – *И всё ушитое, цистой. В баню не ходив, а всё в пеци мывся; И зимой, и летом ходив умываться на клюцик, а теперь туда ходят старухи молиця; Доцка у меня в краю жила. Когда ни побегу мимо Ефима, всегда у него свец'ька теплится в углу* [1, с. 148].

Следует отметить ещё одну архаическую примету. В тексте, записанном в д. Денюгино, встречается слово *штё* (что), в котором *шт* возникло в результате изменения древнего сочетания *шти* – *Над ним перво смеялись, штё вот ездит на колясочке, картины, глинянки показывает, вроде хвастает, штё вот я какой...* [1, с. 145].

Н.С. Ганцовская выделяет ещё ряд явлений, характерных для костромских говоров, которые наблюдаем в рассматриваемых текстах.

После мягких согласных особенностью безударного вокализма костромских говоров является переход *е* в *о* перед твёрдыми согласными и на конце слова – *ёканье*. Распространённое почти по всей территории области, оно в различных местах имеет различный характер. В обоих текстах наблюдаем заударное ёканье в окончаниях глаголов: в окончаниях 1-го лица мн. числа *поработаём, обделаём* в тексте из «Хрестоматии...» Г.Г. Мельниченко – *Л'е'то фс'о порабо'тайом, л'он обд'е'лайом, по б'ис'е'ткам под'ом* [5, с. 33]; в тексте из «Хрестоматии...» Н.С. Ганцовской – в окончаниях глаголов 2-го и 3-го лица ед. числа: *окаёшь, приговариваёшь, хвастает, разгадаёт – Ефим Васильевич придёт к дому, к крыльцу, к окошку и всё ходит около, потом говорит: «Ведь ты как хорошо поёшь, окаёшь, приговариваёшь больно хорошо!»; О дарёном он всё равно твои мысли разгадаёт, догадается;* в окончаниях субстантивированных прилагательных *будушиоё, за здешнёва – Молодым предсказывав будушиоё; Так и вышло: девушка вышла замуж не за здешнёва* [1, с. 146–147].

Произношение долгих мягких согласных в соответствии с сочетанием согласных с *ж* – пример выявлен в тексте А.В. Громова из «Хрестоматии...» Г.Г. Мельниченко: *приставленници – В'ет' вон как'ийа пр'иставл'енн'иц'и был'и!* [5, с. 34].

Как указано выше, рассматриваемые тексты записаны в Мантуровском и Кологривском районах, большая часть говоров которых относится к восточной группе севернорусского наречия (см.: [1, с. 14; 2, с. 5]). Вместе с тем, в говорах деревень, расположенных по правому берегу Унжи, а это уже говоры междуречья Костромы и Унжи, как отмечает Н.С. Ганцовская, «примерно в равной пропорции находятся признаки центральных и периферийных говоров» [1, с. 14]. Эти признаки актуализированы в громовских текстах, вошедших в «Хрестоматию...» Г.Г. Мельниченко и в учебный комплекс «Костромские говоры» Н.С. Ганцовской.

Библиографический список

1. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. Т. 1. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – 244 с.
2. Громов А.В. Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. – Мантурово: Мантуров. тип., 2005. – 96 с.
3. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.
4. Мельниченко Г.Г. Лингвистические карты: приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974. – 94 с.
5. Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии: учеб. пособие – М.: Просвещение, 1985. – 192 с.

References

1. Gancovskaya N.S. Kostromskie govory: ucheb. kompleks: v 2 t. T. 1. – Kostroma: Izd-vo Kostrom. gos. un-ta, 2018. – 244 s.
2. Gromov A.V. Kratkij slovar' narodnogo govora Manturovskogo rajona Kostromskoj oblasti. – Manturovo: Manturov. tip., 2005. – 96 s.
3. Zaharova K.F., Orlova V.G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka. – Izd. 2-e, stereotip. – M.: Editorial URSS, 2004. – 176 s.
4. Mel'nichenko G.G. Lingvisticheskie karty: prilozhenie k knige «Nekotorye leksicheskie grupy v sovremennyh govorah na territorii Vladimiro-Suzdal'skogo knyazhestva XII – nach. XIII v. (territorial'noe rasprostranenie, semantika i slovoobrazovanie)». – YAroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1974. – 94 s.
5. Mel'nichenko G.G. Hrestomatiya po russkoj dialektologii : ucheb. posobie – M.: Prosveshchenie, 1985. – 192 s.

ТОПОНИМИЯ МАЛОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ЦЕНТРА РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ЭТНО- И ГЛОТТОГЕНЕЗА (на примере топонимической системы города Нерехты Костромской области)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье на материале топонимии города Нерехты Костромской области, который в историческом, социально-экономическом и этнолингвистическом плане можно отнести к типичным провинциальным городам центральной части России, рассмотрены процессы проприальной номинации. Попытка рассмотреть топонимы Нерехты в диахронии на четырех синхронных срезах позволяет проследить тенденции топонимической номинации данной территории, начиная со времени первых упоминаний о существовавших поселениях на месте впадения реки Нерехты в Солоницу и вплоть до наших дней. Составляя значительную часть лексики, имена собственные содержат ценный и богатый материал для лингвистических, исторических и этнографических исследований. В свою очередь топонимы, являясь важным источником для изучения истории языка, способны пролить свет на процессы этно- и глоттогенеза нерехтской земли как части Костромского Поволжья.

Ключевые слова: топонимия, урбанонимия, Нерехта, диалекты, говоры, слободы, названия улиц, глоттогенез, этногенез.

В 1928 г. профессор Б.А. Ларин обратил внимание на необходимость изучения языка города: «Помощь диалектологии (крестьянской), конечно, была и остается важной, но она уступит свое первенство в этом деле, когда достаточно разработан будет **городской** языковой быт» [13, с. 175]. Языковое пространство любого русского города – явление неоднозначное, многоаспектное, включающее как кодифицированный язык, так и просторечия, территориальные диалекты, идиолекты, жаргоны, профессиональный и социальный сленг. По мнению В.В. Колесова, большинство городов России – «города древние и возникли на месте старинных крестьянских селений. Цельность и строгость народной речи где-нибудь в Рязани или Москве – традиционны, потому что выходят из народного говора этих мест» [12, с. 7]. Если рассматривать язык малого провинциального города центра России, то обнаруживается его генетическое родство с «языком деревни», что во многом обусловлено историческими (города развивались из поселений вольных крестьян), социально-экономическими (миграция сельского населения в близлежащие города весьма распространенное явление), психологическими (близость жизненного уклада, возможность не нарушать близкие связи с родными местами) факторами. При этом именно система городских топонимов, возникших в момент заселения, бытовавших какое-то время, а затем исчезнувших либо сохранившихся до наших дней, способна как нельзя лучше представить этнокультурный компонент территории.

Имена собственные составляют значительную часть лексики любого языка и содержат ценный и богатый материал для лингвистических, исторических и этнографических исследований. В 1898 г. известный исследователь чудской истории, филологии и этнографии Ю.Ю. Трусман в труде «Чуд-

ско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водьская, Деревская и Шелонская» писал: «Географические названия представляют один из важнейших немых источников доисторической этнографии, языковедения и культуры. К сожалению, этот источник до настоящего времени находится в полном пренебрежении. Объясняется это крайнею трудностью извлекать из этого источника достоверные сведения» [20, с. III]. Прошло более ста лет, топонимика оформилась как наука, было опубликовано множество исследований, посвященных урбанонимии городов России, однако урбанонимия малых городов России по-прежнему остается недостаточно исследованным. При этом топонимия малых провинциальных городов, занимающих в лингвистическом плане своеобразное пограничье между городом и деревней, может стать ценнейшим источником изучения процессов этно- и глоттогенеза исследуемой территории.

Город Нерехта как часть Костромского Поволжья расположен на землях наиболее старого славянского заселения центра европейской части России. Говоры Нерехтского района Костромской области возникли на постмерянских территориях в результате двух колонизационных потоков славян: более раннего периода – направлявшегося с северо-запада, из новгородских земель; и позднего, более мощного потока – из Ростово-Суздальского (позднее Владимиро-Суздальского) княжества [1; 18]. Н.С. Ганцовская, рассматривая западные говоры Костромской области, выделяет «северо-западные говоры с находящимся в их эпицентре обширным акающим островом (по Г.Г. Мельниченко, это VI лексическая зона) и юго-западные, в большей или меньшей степени имеющие черты среднерусских владимиро-поволжских говоров (это часть VIII зоны, которую условно можно назвать нерехтской)» [3, с. 66]. Говоры Нерехтской зоны, по совре-

менному состоянию, «охватывают правобережье Волги в Некрасовском районе Ярославской области и территории вблизи Фурманова (Среднее) – Приволжска (Яковлевского) – Плёса – Наволок» [4, с. 237]. В говорах данной зоны в настоящий момент представлены признаки, отражающие черты как Волго-Вятской, так и Владимирско-Поволожской группы говоров. В Опытте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии 1915 г. [15] говоры Нерехтской зоны относятся к севернорусским, а согласно Диалектологической карте русского языка 1964 г. – к среднерусским [17]. Н.С. Ганцовская, отмечая, что в Нерехтской зоне «это среднерусские переходные говоры континуального характера, но которые нельзя назвать смешанными и разнородными, имеющие черты как севернорусского наречия, так и среднерусских говоров» [3, с. 69], поддерживает мнение Н.Н. Пшеничновой [16, с.171–172] и считает, что «говоры Нерехтской... зоны как части “северной половины Владимирско-Поволожской группы” являются севернорусскими» [3, с. 69]. Согласимся с этим мнением и отметим, что говоры Нерехтской зоны являются севернорусскими с намечающейся переходностью.

Топонимикон города Нерехты, являясь неотъемлемой и очень важной частью языкового пространства города, интерпретированный в диахроническом аспекте, позволяет судить о процессах формирования и развития языка данной территории. История формирования городской среды топонимов позволяет условно выделить синхронные срезы четырех периодов: названия раннего периода формирования города – с момента возникновения (XIII в.) до присвоения городу статуса уездного (1778 г.) и учреждения генерального плана городской застройки; топонимы дореволюционного периода – со второй половины XVIII в. до начала периода переименований советской эпохи (1920-е гг.); период, который условно можно назвать «советский» – 1920–1990-е гг.; новейший период, обозначенный сменой ориентиров в социально-экономической и политической жизни страны, возникновением частного бизнеса – 1990-е гг. до настоящего времени.

К топонимам раннего периода относится в первую очередь астионим *Нерехта*. Свое название город получил, как можно предположить, по именованию реки *Нерехты*, в свою очередь гидроним *Нерехта* является субстратом, пришедшим из мерянско-языка (как известно, летописная мера населяла Волго-Окское междуречье и Костромской край) и означавшим, по одной из версий, ‘река в низкой болотистой местности’ (подробнее см.: [7, с. 414; 5, с. 92]). Ценным источником по урбанонимии раннего периода Нерехты является труд известного краеведа и историка, нерехтского протоиерея М.Я. Диева (1794–1866) «История го-

рода Нерехты» [9; 10; 11]. Нерехта возникла и долгое время существовала как торгово-ремесленный посад. Ссылаясь на источники первой половины XVII в., Диев сообщает некоторые сведения о топонимике Нерехты того времени: «В одной рукописи 1622 года Никольская Зарецкая сторона названа Колотиха; в половине XVI века упоминается на Афанасьевской стороне Мокрая слобода, а 1662 года на Борисоглебской стороне – монастырская Верхняя слобода» [9, с. 16]. Названия *Мокрая слобода*, *Заречная слобода*, *Верхняя слобода*, *Афанасьевская сторона*, *Зарецкая сторона*, *Никольская сторона*, *Борисоглебская сторона* являются топонимическими словосочетаниями, состоящими из основного компонента (именной части) и родового слова (географический термин). Именная часть, как правило, выражена именем прилагательным (*Мокрая*, *Верхняя*, *Зарецкая*, *Никольская* и т. д.), а родовое слово служит для идентификации географического статуса топонима (*слобода*, *сторона*). Топонимы *Мокрая слобода*, *Верхняя слобода*, *Заречная слобода* являются своеобразной характеристикой географического ландшафта. Как известно, названия, указывающие на ландшафт местности, являются самыми ранними, так как человек, пытаясь организовать осваиваемое им пространство, придать ему «направленность, прерывность, конечность и неоднородность» [2, с. 86], выступает с точки зрения «субъекта номинации по отношению к пространственным объектам» [2, с. 87]. Несомненно, первыми поселениями, из которых впоследствии образовался город, как и большинство городов Центральной России, были слободы вольных, т.е. свободных крестьян. Слобода = свобода; Ф. Буслаев объясняет мену в//л так: «О плавных должно заметить следующее: 1) Они приставляются и вставляются для благозвучия... соответствуют призывкам, именно л – призывкам в, й: *свобода* и *слобода*...» [22, с. 21]. М. Фасмер считает, что *слобода* «получено путем диссимилиации в – б > л – б из *свобода*... т.е. первоначально “поселение свободных земледельцев”» [23, с. 672–673], так же и в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского: «Слобода... *поселок*, *пригород*» [24, с. 322]; *слобода* отмечается в русском, украинском, белорусском языках [23, с. 672]. Слово *слобода/свобода* довольно продуктивно для топонимии славянских территорий, так, V. Šmilauer названия с семей ‘svoboda’ отмечает на территориях распространения славянских языков: южнославянские – Свобода (болгарский), Slobodnica (сербохорватский); западнославянские – Slobodny’ potok (словацкий), Svoboda (чешский); восточнославянские – Слобода (украинский), Слабадка (белорусский), Белая Слобода (русский) [25, с. 174].

Именная часть топонимов с родовым словом ‘слобода’ выражена, как правило, относительными (*верхняя*, *заречная*) или качественными прилагатель-

ными в значении относительных (*мокрая*). Синтаксическая связь по типу согласования у подобных топонимических словосочетаний весьма продуктивна в российской урбанонимии до 1920-х гг., когда все большее распространение приобретают названия, построенные по типу управления (*площадь Победы, улица Карла Маркса* и т.п.). Название *Мокрая слобода* мотивировано апеллятивом *мокрый*, по В. Далю, «сырой, влажный, несухой, проникнутый или окаченный водою или иною жидкостью; замоченный, промокший» [8, т. 2, с. 339] (Нерехта в границах приблизительно до середины XX в. располагалась по отношению к окружающему ландшафту в низменной местности, большей частью в пойме реки Нерехты) и родовым словом *слобода* – ‘поселение свободных земледельцев’ (см. выше); т.е. *Мокрая слобода* – это поселение, расположенное в низменной, подверженной затоплениям местности. *Верхняя слобода*, по свидетельству М. Диева, находилась, по-видимому, в районе Сретенского монастыря, который был построен на возвышенном по отношению к береговой линии реки Нерехты месте. *Верхняя* > *верхний* – «наверху находящийся; лежащий, стоящий сверху, наверху, выше других предметов...» [8, т. 1, с. 184]. Топонимы с семами ‘мокгъ’ и ‘vъgchъ’, по V. Šmilauer, присутствуют почти на всей территории распространения славянских языков: Мократа река (болгарский), Мокrenи (македонский), Мокрани (сербохорватский), Мокгиса (словенский), Мокрад (словацкий), Мокѓисе (чешский), Мокѓина (верхнелужицкий), Мuckgow (нижнелужицкий), Мокrzec (польский), Мокра Сура (украинский), Мокрае (белорусский), Мокрая (русский) [25, с. 123]; Вършец (болгарский), Vršinje (македонский), Vrh Bosna (сербохорватский), Vrhpolje (словенский), Vrchovninu (словацкий), Vrchlabí (чешский), Wierzchowiec (польский), Вершини (украинский), Вярхі (белорусский), Верх-Соснова (русский) [25, с. 195]. *Заречная слобода* располагалась на левом берегу реки Нерехты. Так как освоение территории города первоначально происходило по правому берегу реки Нерехты, левобережье, являясь территорией позднейшего сравнительно с правобережьем заселения, относительно осевого ориентира (река) воспринималось в номинативном сознании как та местность, что за рекой (заречье). Топонимы, образованные по принципу отношения к реке, распространены в русской топонимии (ср.: *Замоскворечье* – р-н Москвы; *Заречье* – рабочий поселок в Одинцовском р-не; *Заволжье* – р-н Костромы; *Заволжский район* – р-н Ярославля и т.п.).

М.Я. Диев упоминает и другое название *Заречной слободы* – *Колотиха*. В.А. Никонов считает: «Словообразование русских топонимов преимущественно суффиксально. Из русских названий населенных мест суффиксальны более 90 %... В топонимическом употреблении обычно “окаменение”

суффикса, неотделимо слившегося с окончанием, показателем грамматического рода и числа (*-ка, -иха, -щина*)... Называть такие форманты суффиксами не вполне точно, но общепринято» [14, с. 68–69]. То есть *Колотиха* > *колот-* (семантическая основа) + *-иха* (суффикс, грамматический показатель рода и числа). В СРНГ приводится прилагательное *колоткий* в значении ‘тряский, ухабистый (о дороге)’ с пометой *Тобол., Перм.* и наречие *колотко* – ‘тряско’ с пометой *Влад., Костр., Олон., Перм.* [19, с. 181]. В Словаре В. И. Даля дано следующее толкование: «*Колотный, колотливый, колкий путь*... тряская дорога; колотко...» [8, т. 2, с. 141]. По мнению В.А. Никонова, в топонимии формант *-иха* «означал принадлежность... или свойства... чаще всего отрицательные: ни один другой формант не образовывал столько пейоративных топонимов, зачастую непристойных: по-видимому, *-иха* очень рано приобрело уничижительный оттенок...» [14, с. 75]. В древности берега реки Нерехты были покрыты лесом, возможно, заселяя земли за рекой, для того чтобы сделать возможным передвижение по довольно низменной, малопроезжимой местности, дороги «мостили» сваленным лесом, конечно же, такие дороги были не слишком комфортны для передвижения, ехать было тряско, *колотко*. Можно предположить, что несколько уничижительный оттенок к такой малокомфортной местности отразился и в названии *Колотиха*. Обозначая ареал распространения названий с формантом *-иха*, В.А. Никонов пишет: «Максимальное сгущение *-иха* (и названья населенных мест, и гидронимы) в Ивановском Поволжье – от Кинешмы и Юрьевца до Балахны и Горького. Там из каждых четырех населенных пунктов один называется на *-иха*. Много их в бассейне Сев. Двины и в бывшей Бежецкой пятине (но не в других новгородских землях!), особенно густой полосой они идут за Вятку, и далее через Урал, по Сибири на Алтай и до Тихого океана» [14, с. 75]. Присутствие топонимов на *-иха* (помимо *Колотиха, Окулиха, Уланиха*) на территории нерехтского края закономерно, так как Нерехтская зона частично охватывает и территории Ивановского Поволжья (вблизи Фурманова – Приволжска – Плёса – Наволок).

В XVIII в. начинается генеральная перестройка более 400 городов России. Нерехта, будучи небольшим торгово-ремесленным посадом, могла исчезнуть с карты России, но благодаря удобному расположению по отношению к торговым путям на Суздаль, Нижний Новгород, Ярославль избежала этой участи. В 1778 г. указом императрицы Екатерины II Нерехте был присвоен статус уездного города, а в 1781 г. был составлен первый генеральный план городской застройки. Город дважды подвергся сильным пожарам – в 1785 и 1815 гг., поэтому в 1803 и 1836 гг. были составлены другие планы застройки, но существенных изменений в плани-

ровку города они не внесли: произошло лишь расширение города. В XVIII – начале XIX в. Нерехта становится процветающим торговым и промышленным городом. Развитие торговых отношений нашло свое отражение и в городских названиях: улицы *Костромская, Нижегородская, Ростовская, Суздальская, Ярославская* названы, как правило, по направлениям путей к Костроме, Нижнему Новгороду, Ростову, Суздалю, Ярославлю соответственно. В современной российской урбанистике названия по наименованиям городов чрезвычайно распространены, улицы с такими названиями есть практически в каждом городе России, например, по данным Яндекс на 4 октября 2017 г., «названия улиц в Москве часто связаны с городами (3,7 %)» [21]. Популярность такого типа названия начинают приобретать в конце XIX – начале XX в., однако в большинстве случаев топонимы по городам не призваны выполнять функцию указать направление, а возникли на фоне территориального роста городов и необходимости в «изобретении» новых вариантов названий. Нерехтские топонимы по городам возникли и закрепились именно с целью указания направления, т. е. по *Костромской улице* можно было выехать из города напрямик на дорогу, ведущую в Кострому.

Другая группа не менее популярных названий улиц Нерехты периода конца XVIII–XIX вв. – это улицы, чьи названия образованы от именований местных храмов: *Варваринская, Владимирская, Ильинская, Никольская улицы*. Улицы привязаны к храмам от агитопонимов отантропонимического происхождения – Варвара, Владимир, Илья, Николай. Подобные названия также распространены в российских городах (ср.: *Ильинская улица* в Нижнем Новгороде, *Ильинская* и *Никольская улицы* в Москве и т. д.). Так же, как и в урбанистике Нерехты раннего периода, данные двухсловные топонимические сочетания состоят из родового слова (улица) и именной части, выраженной относительным прилагательным (как правило, отношение к месту, направлению).

После 1917 г. в российской топонимии, особенно урбанистике, появилось большое количество новых топонимов, созданных путем искусственных переименований, причем материалом для «изобретения новых названий» послужили имена революционных и политических деятелей (*улица Карла Маркса, Клары Цеткен, Розы Люксембург, Димитрова*), выдающихся деятелей культуры и искусства (*улица Тургенева, Маяковского, Пушкина*), исторических и политических событий (*улица XXII-го Партсъезда*) и т.п. Этот период можно условно назвать «советским». Кардинальные политические и социально-экономические перемены преобразовали топонимию российских городов, в том числе и Нерехты, не только в идеологическом ключе, но на функциональном и грамматическом

уровнях. Во-первых, появляются большие группы названий, не имеющих никаких связей с географическими, этнографическими, языковыми реалиями города: городские топонимы перестают выполнять функцию ориентации в пространстве, а более реализуют задачу номинации, мало связанную с историческими, географическими, этнографическими, духовными особенностями города. Во-вторых, изменения коснулись и грамматического плана названий: на смену синтаксической связи топонимов-словосочетаний (именная часть + родовое слово: *Ильинская улица*), построенной по принципу согласования, приходят словосочетания с типом связи – управление (родовое слово + именная часть: *улица Тургенева*). В официальной топонимии преобладают названия с типом синтаксической связи управление (приблизительно 70 % названий Нерехты «советского» периода), однако в обиходной речи нерехтчане продолжают активно пользоваться названиями, где именная часть согласуется с родовым словом, они употребляются как равноправные варианты с официальными (ср.: *Мы-то по воду до сих пор на колодец на Пушкинской [улице] ходим // Ты про колодец-то, что на [улице] Пушкина спрашиваешь?*). Одним из ярких примеров «живучести» народных названий в сравнении с официальными является топоним *Егорьева гора* [подробнее см.: 6], несмотря на наличие официальных наименований улиц этого района (*улица Тургенева, улица Кутузова* и др.), местные жители продолжают активно использовать именно название *Егорьева гора*. Во время проведения полевых исследований, из опрошенных методом случайной выборки местных жителей (20 человек) ни один из респондентов не затруднился объяснить, где находится *Егорьева гора*, однако указать расположение улицы Кутузова смогли лишь семь человек (35 %) из опрошенных, при этом ориентацию производили посредством употребления топонима *Егорьева гора* (например: *Спрашиваешь, где улица Кутузова? – Так это на Егорьевой горе*).

Топонимия современного периода отражается, как правило, в эргонимах, что связано с изменением социально-экономической обстановки в стране. В Нерехте, начиная с 1990-г гг., возникают частные предприятия и магазины (*магазин «Три толстяка», торговый центр «Венеция», компания «Мясной Гурман»* и т.п.), вторгаются в размеренную жизнь провинциального городка названия хорошо известных франшиз (*магазины «Магнит», «Десяточка», «Пятёрочка», «Высшая лига»*). При этом общий фон названий, в большей мере топонимов, остается без изменений.

Топосистема города Нерехты, обнаруживая сходство с топонимией провинциальных городов Центральной России, возникших в XII–XIII вв., является собой пример устойчивой реализации основных тенденций славянской топонимической номи-

нации в целом. Анализ топонимии Нерехты на всех четырех синхронных срезах позволяет проследить особенности развития топонимической системы города в диахронии; урбанонимы, составляя социально значимый и достаточно устойчивый языковой пласт городской речи, демонстрируя, с одной стороны, типичные черты малого провинциального города центра России, а с другой, сохраняя в своих названиях своеобразие местной речи, способны пролить свет на процессы этно- и глоттогенеза данной территории.

Библиографический список

1. Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева. – Кострома: Гос. науч.-произв. центр по сохр., реставрации и использованию историко-культурного наследия, 1997. – 276 с.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
3. Ганцовская Н.С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – Спец. вып. – С. 65–70.
4. Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Севернорусские черты в костромских говорах с намечающейся переходностью (на материале топонимикона г. Нерехты) // Севернорусские говоры. – 2017. – № 16. – С. 236–246.
5. Горлова Т.В. К вопросу о субстратных топонимах с географическим детерминантом *-хта* (на примере гидронима Нерехта и названия лесного массива Келохта) // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. конф. (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. – С. 91–95.
6. Горлова Т.В. Протоиерей М.Я. Диев о старых названиях города Нерехты: Егорьева гора, Окулиха, Глазово // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. – Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2011. – Ч. 2. – С. 276–281.
7. Горлова Т.В. Топонимия малого города Верхневолжского региона: «свое» и «чужое» (на примере названий города Нерехты) // Русское слово и костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 413–419.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989.
9. Диев М.Я. История города Нерехты / предисл. и подгот. к печ. Т.Б. Кастальевой. – Кострома: ЛинияГрафик, 2013. – с.
10. Диев М.Я. Нерехта в XVIII и первой четверти XIX века. Отд. оттиск из XIII вып. Тр. Костромского научного общества. – Кострома: Сов. тип., 1920.
11. История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник (КМЗ), КОК-24761.
12. Колесов В.В. Язык города. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
13. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
14. Никонов В.А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
15. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5 / сост.: Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М.: Синод. тип., 1915. – 132 с.
16. Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. – М.: Наука, 1996. – 208 с.
17. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1964. – 306 с., 1 отд. л. карт.
18. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 161 с.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 14 (Кобзарик – Корточки) / сост. О.Д. Кузнецова, П.И. Павленко, О.Г. Прохорова, Е.Н. Этерлей; гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1978. – 376 с.
20. Трусман Ю.Ю. Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водьская, Деревская и Шелонская». – Ревель: Тип. Г. Матизена, 1898. – X, 376 с.
21. Улицы России // Яндекс. Исследования [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2017/streets> (дата обращения: 12.05.2108 г.).
22. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора / сост. Ф. Буслаев. – Изд. 8-е, испр. и доп. – М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. – 235 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Изд. 2-е стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
24. Этимологический словарь русского языка. В 3 т. Т. 2 (П – С) / сост. А. Преображенский. – М.: Тип. Г. Лисснера, П. Совко, 1910–1914. – 419 с.
25. Šmilauer V. Handbuch der Slawischen Toponomastik. – Praha: Academia, 1970. – 216 s.

References

1. Arheologija Kostromskogo kraja / pod red. A.E. Leont'eva. – Kostroma: Gos. nauch.-proizv. centr po sohr., restavracii i ispol'zovaniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1997. – 276 s.
2. Berezovich E.L. Russkaya toponimiya v ehtnolingvisticheskom aspekte. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. – 532 s.

3. Gancovskaya N.S. Govory Kostromskoj oblasti: problemy vnutrennego chleneniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – T. 23. – Spec. vyp. – S. 65–70.
4. Gancovskaya N.S., Gorlova T.V. Severoruskie cherty v kostromskih govoraх s namechayushchejsya perekhodnost'yu (na materiale toponimikona g. Nerekhty) // Severoruskie govory. – 2017. – № 16. – S. 236–246.
5. Gorlova T.V. K voprosu o substratnyh toponimakh s geograficheskim determinantom -hta (na primere gidronima Nerekhta i nazvaniya lesnogo massiva Kelohta) // Onomastika Povolzh'ya: materialy XIV Mezhdunar. konf. (Tver', 10–12 sent. 2014 g.) / pod red. I.M. Ganzhinov, V.I. Supruna. – Tver': Izd-vo Mariny Batasovoj: Al'fa-Press, 2014. – S. 91–95.
6. Gorlova T.V. Protoierej M.YA. Diev o staryh nazvaniyah goroda Nerekhty: Egor'eva gora, Okuliha, Glazovo // Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinic v raznyh tipah rechi: sb. statej po materialam mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 1000-letiyu g. YAroslavlya: v 2 ch. – YAroslavl': YArsGPU im. K.D. Ushinskogo, 2011. – CH. 2. – S. 276–281.
7. Gorlova T.V. Toponimiya malogo goroda Verhnevolzhskogo regiona: «svoe» i «chuzhoe» (na primere nazvanij goroda Nerekhty) // Russkoe slovo i kostromskoj kraj: sb. statej / otv. red. N.S. Gancovskaya, O.N. Krylova. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2013 – S. 413–419.
8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. – M.: Rus. yaz., 1989.
9. Diev M.YA. Istoriya goroda Nerekhty / predisl. i podgot. k pech. T.B. Kastal'evoj. – Kostroma: LiniyaGrafik, 2013. – s.
10. Diev M.YA. Nerekhta v XVIII i pervoj chetverti XIX veka. Otd. ottisk iz XIII vyp. Tr. Kostromskogo nauchnogo obshchestva. – Kostroma: Sov. tip., 1920.
11. Istoriya g. Nerekhty // Kostromskoj muzej-zapovednik (KMZ), KOK-24761.
12. Kolesov V.V. YAzyk goroda. – M.: Vyssh. shk., 1991. – 192 s.
13. Larin B.A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannye raboty). – M.: Prosveshchenie, 1977. – 224 s.
14. Nikonov V.A. Vvedenie v toponimiku. – Izd. 2-e. – M.: Izd-vo LKI, 2011. – 184 s.
15. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoj dialektologii // Trudy Moskovskoj dialektologicheskoy komissii. Vyp. 5 / sost.: N.N. Durnovo, N.N. Sokolov, D.N. Ushakov. – M.: Sinod. tip., 1915. – 132 s.
16. Pshenichnova N.N. Tipologiya russkih govorov. – M.: Nauka, 1996. – 208 s.
17. Russkaya dialektologiya / pod red. R.I. Avanesova i V.G. Orlovoj. – M.: Nauka, 1964. – 306 s., 1 otd. I. kart.
18. Ryabinin E.A. Kostromskoe Povolzh'e v ehposu srednevekov'ya. – L.: Nauka, 1986. – 161 s.
19. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 14 (Kobzarik – Kortochki) / sost. O.D. Kuznecova, P.I. Pavlenko, O.G. Prohorova, E.N. EHterlej; gl. red. F.P. Filin; red. F.P. Sorokoletov. – L.: Nauka, 1978. – 376 s.
20. Trusman YU.YU. CHudsko-litovskie ehlementy v Novgorodskih pyatinah. CH. 1. Pyatiny Vod'skaya, Derevskaya i SHelonskaya». – Revel': Tip. G. Matizena, 1898. – X, 376 s.
21. Ulicy Rossii // YAdeks. Issledovaniya [EHlektron. resurs]. – URL: <https://yandex.ru/company/researches/2017/streets> (data obrashcheniya: 12.05.2108 g.).
22. Uchebnik russkoj grammatiki, sbližhennoj s cerkovnoslavyanskoyu, s prilozheniem obrazcov grammaticeskogo razbora / sost. F. Buslaev. – Izd. 8-e, ispr. i dop. – M.: Tip. EH. Lissnera i YU. Romana, 1896. – 235 s.
23. Fasmer M. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3 (Muza – Syat) / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – Izd. 2-e stereotip. – M.: Progress, 1987. – 832 s.
24. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 3 t. T. 2 (P–S) / sost. A. Preobrazhenskij. – M.: Tip. G. Lissnera, P. Sovko, 1910–1914. – 419 s.
25. Šmilauer V. Handbuch der Slawischen Toponomastik. – Praha : Academia, 1970. – 216 s.

СЛОВАРЬ ХЛЕБНОЙ ЛЕКСИКИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ (ПРОЕКТ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье представлены разработанные автором принципы словаря наименований печёных изделий из муки (хлеба, пирогов и др.) в говорах Костромской области. Определяются цели, состав и структура словаря, приводятся примеры словарных статей. Словарь характеризуется как тематический, региональный, толковый, полного типа (недифференциальный). Особое внимание уделено приложению словаря, содержащему словник лексики, организованной по тематическому принципу, и хрестоматию текстов в рамках избранной темы по каждому району Костромской области. Словарь позволяет выявить объём, структуру, семантическое содержание малоизученного пласта лексики костромского края, имеющей длительную историю, что открывает широкие возможности для лексико-семантических, лингвогеографических и историко-этнографических наблюдений.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, лингвокраеведение, диалектология, говоры Костромской области.

Одно из направлений современной диалектной лексикографии – создание тематических словарей, слова в которых группируются по тематическому принципу. В них содержится лексика той или иной сферы жизни людей (природа, животный мир, пища и т. д.) в пределах определённого региона.

В настоящее время работа по созданию таких словарей активизировалась. Следует назвать многотомный «Тематический словарь говоров Тверской области» (2003–2006), «Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия» Э.В. Копыловой (1984), словарь костромского краеведа А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» (1992), «Словарь географической терминологии в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой (2010), «Тематический словарь лексики говоров Среднего Урала» (2010) и другие. Однако до сих пор актуальны слова Г.Г. Мельниченко, что «таких словарей, где бы лексика той или иной отрасли хозяйственной деятельности и связанной с ней духовной жизни народа определённого региона была представлена с надлежащей полнотой и не механически, а как система, у нас ещё мало» [1, с. 3].

Наименования по теме «Питание» присутствуют, конечно, во всех региональных словарях, но в качестве отдельной группы слов, представленной как целостная система, они отражены только в «Тематическом словаре говоров Тверской области» [3]. Между тем та сторона жизни народа, которая связана с темой «Питание» и, в частности, с хлебом и «хлебными» изделиями, заслуживает особого внимания, так как она является неотъемлемой частью материальной и культурной жизни человека. Многие лексемы данной группы наименований имеют многовековую историю, каждая из них является богатым источником лингвистической и этнографической информации. Поэтому весьма актуальной является задача максимально

полно и точно сохранить эти слова, зафиксировав их в словаре. Нашей целью является создание словаря хлебной лексики, зафиксированной в говорах костромского края.

Создание подобного словаря в первую очередь требует определить его ключевые характеристики.

1. Это словарь *региональный*, охватывающий территорию Костромской области (в прошлом Костромской губернии, которая в значительной степени совпадает с территорией современной Костромской области). Главным материалом для словаря является картотека «Костромского областного словаря», явившаяся результатом многолетних диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Костромского государственного университета, личные наблюдения автора, а также лексика, извлечённая из очерка «Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края» Л.С. Китицыной [2], члена Костромского научного общества по изучению местного края. Эта статья является ценнейшим источником сведений о костромских названиях «печева» во второй половине XIX – начале XX века.

2. Является словарём *полного типа* (недифференциальным), так как в него вводится вся лексика избранной темы – не только диалектная, но и общерусская, которая употребляется носителями местных говоров (например, *каравай*, *рыбник*), однако лишь в той мере, в которой эти слова отражают региональные особенности.

3. Слова даются *в алфавитном порядке*. Обладая несомненными преимуществами, алфавитный принцип построения материала приводит к тому, что близкие в семантическом отношении слова оказываются далеко друг от друга в пространстве словаря, ослабляя наглядность системных связей представляемой лексики. Частично этот недостаток преодолевается: при толковании слов, совпадающих полностью или частично по значению, в конце словарной статьи приводятся сведения

о синонимических связях (пример подобной организации словарной статьи находим в «Словаре Вологодских говоров»).

4. Это словарь *толковый*, причём цель словаря – как можно полнее описать обозначаемый данным словом предмет, указать его особенности, без чего было бы трудно понять специфику и мотивацию того или иного наименования. Эта задача должна решаться не только описанием самого предмета, но и путём привлечения разнообразного иллюстративного материала, в котором нередко встречаются этнографические сведения, меткие слова, устойчивые выражения. Так как речь идёт об этнографической лексике, нужно также учитывать некоторую универсализацию (конвергенцию) словаря, то есть сближение его с этнографическим словарём из-за обилия этнографической информации. Отметим также, что некоторые признаки хлебных изделий являются общими для многих выпечных изделий (например, готовятся на поду, на закваске, имеют круглую формы и т. п.), поэтому те или иные особенности объекта не всегда можно раскрыть через описание его значения, информант же в процессе общения акцентирует своё внимание на том или ином аспекте «печева», раскрывая его особенности именно для данной местности.

Хлеб и другие печёные изделия из муки составляли основу питания костромского крестьянина. По словам Л. Кितिцной, «разнообразие хлебного печенья велико, особенно же богата и интересна терминология “печева”, отличающаяся своей неустойчивостью» [2, с. 93]. Действительно, разнообразие хлебной лексики достаточно велико – всего словарь содержит описание более 400 наименований (не считая вариантов) хлебных изделий. Однако при алфавитной организации материалов словаря в значительной мере утрачивается информация в плане представления лексики как системы наименований, поэтому в качестве приложения к словарю приводится словник лексики, представленной в основной части словаря, но организованной по тематическому принципу.

В данном словнике отражены следующие тематические группы и подгруппы слов, представленных в словаре:

1. Названия хлеба: 1) общие названия хлеба (*житник, каравай, подовик, папошник...*); 2) названия хлеба из разных видов теста (*пресник, заварной, запарник, сладкий...*); 3) названия хлеба из муки разного помола (*решётный, ситник, пеклеванный...*); 4) названия хлеба из разных видов муки (*ржанник, пшеничник, ячневик...*).

2. Названия пирогов: 1) общие названия пирогов с начинкой (*начинник...*); 2) названия пирогов с разными видами начинок (*галанник, капустаник, грибник, луковик, рыбник, ягодник, крупеник...*); с начинкой из творога (*вахрушка, козуля, куженька, творушка, твороженька...*); 3) названия пирогов

разной формы (*загибень, сгибень...*); 4) названия открытых пирогов (*верхник, наливыши, намазник...*); 5) названия пирогов без начинки (*бездушник, пирог с амином, пирог с молитвой...*).

3. Названия мелкой выпечки из пресного теста: 1) названия сдобных изделий (*сдобина, сдобленец, сдобнушка...*); 2) названия круглых изделий (*бобушка, колоб, колобушка, круговик...*); 3) названия витых изделий (*витушка, куличка, шишуля, гогоуля, калач, свёртыш...*).

4. Названия блинов и лепёшек: 1) названия лепёшек (*пекушка, опекушка, пряженник...*); 2) названия блинов (*блинцы...*).

Возможно также включение в состав словаря материалов, которые будут давать дополнительные сведения, расширяя представление об особенностях реалий, их соотношении с действительностью, этнографических особенностях. Сюда могут входить следующие группы наименований: названия видов муки (*решётная, пеклеванная...*); названия приспособлений для приготовления теста (*заквасник, квасница, рассыкальник...*); наименования действий, совершаемых в процессе приготовления теста для хлеба и пирогов (*творить, осаживать, валять...*); названия непропечённого хлеба (*олякиши, присёдыши*); названия частей хлеба (*коврига, ломотина, кусмень, лепетень, скрой...*).

Каждая иллюстрация в словаре содержит географическую помету – указание на территорию распространения той или иной лексемы на сетке районов Костромской области. Приложение словаря включает также хрестоматию, содержащую наиболее характерные и развёрнутые тексты по отдельным районам. Это поможет дать более полную ареальную характеристику лексем, входящих в тематическую группу «Печёные изделия из муки», для каждого района обширной Костромской области.

Словарная статья словаря включает в себя следующие элементы: 1) заголовочное слово; 2) краткую грамматическую информацию; 3) толкование слова; 4) примеры употребления слова (с географическими пометами); 5) ссылки на синонимичные лексемы, функционирующие в костромских говорах (у многозначных лексем синонимы приведены для каждого значения слова). Для описания семантики словарь использует укрепившееся в лексикографической практике деление лексико-семантических вариантов слова на значения (даются под цифрами 1; 2; 3...) и оттенки значений (//).

Отдельно следует сказать о разных подходах словарей к репрезентации лексико-фонетических вариантов. Например, в «Тематическом словаре говоров Тверской области» такие лексемы приводятся в разных словарных статьях (в соответствии с алфавитным принципом), с отсылками к основному варианту. Нам кажется более целесообразным для наших целей описывать лексико-фонетические варианты в пределах одной словарной статьи, но

также помещать и на своём афавитном месте (с отсылкой к основному слову).

Приведём выборочно примеры словарных статей из основной части словаря.

Пример 1. Галáнник, мн. галáнники. Пирог с начинкой из брюквы (галанки). *Делали галанник: галанку парили в печи, потом толкли толчком в чугушке, потом в тесто закручивали – получался галанник. Вохом. См. галáношник, брjóквечный пирог.*

Галáношник, мн. галáношники. Пирог с начинкой из брюквы (галанки). *Галаношники-то сладкие получаются. Павин. См. галáнник, брjóквечный пирог.*

◊ **Глухой пирог**. Пирог, у которого начинка закрыта слоем теста, закрытый пирог. *Сегодня буду печь только глухие пироги. Нерехт. // Полукруглый пресной пирог. Буйск. у. (Китицына).*

Гречáнки. Блины из гречневой муки. *Гречу молотли на муку. Буде испечёшь гречанки, они слатимые. Красн.*

Грибн́ик, мн. грибниќи. Пирог с грибной начинкой. *Отрежь кусок грибника попробоват. Нерехт., Грибник сегодня испекла. Галич. См. грибо́вник, грибо́вик, губник.*

Грибо́вик. Пирог с грибной начинкой. *Так и не полюбила я грибовик, может, не так делала. Нерехт. См. грибн́ик, грибо́вник, губник.*

Грибо́вник, мн. грибо́вники. Пирог с грибной начинкой. *Летом грибовники печём разные. Антроп. См. грибн́ик, грибо́вик, губник.*

Пример 2. Калáч, мн. калач́и. 1. Хлеб, в том числе обыденный, округлой формы. *Творили на закваске, калач ли какой, колоб ли овсяный или ясный. Красн. Суп съедали – мама молока нальёт, там с караваем ли, или с калачом. Красн. Напекёшь калачей пополам с картошкой – вот и ешь. Нерехт. Калачи-то у нас всех особые. Сусан. 2. Витое изделие из жгутов пресного теста в виде восьмёрки. *Нерехт., Красн., Костром. (Китицына). См. виту́ли, винтиклю́шки.**

Калит́ка, мн. калитки. Ватрушка с картошкой. *Хотела калитки состряпать, да передумала. Макап. Испечь бы калиток с картошкой. Нейск. Оржаные калитки-то пекли, а вкусные были! Поназ.*

Кану́нник, мн. кану́нники. 1. Пироги, лепёшки, тесто для которых приготавливалось накануне выпечки. *Канунники – дрожжевые пироги, тесто замешивается, когда затопляется печь. Когда печь протопится, тогда тесто разделяют. Кадый. См. полупресни́к, вечер́ники, сүтошники.*

Кану́нничек, мн. кану́ннички. Ум. от кану́нник. Лепёшки, тесто для которых приготавливалось нака-

нуне выпечки. *Раньше накануне Пасхи пекли кануннички. Мант.*

Капу́стник, мн. капу́стники. Пирог с начинкой из капусты. *В капустники завёртываем прожаренную капусту. Павин., Сегодня капустники стряпала. Кологр. Завтра будем капустники печь. Шарьин.; Мант., Пыцуз. // Пресные пироги с капустой. Лучше всего у меня капустники получаются. Мант.*

Капу́стничек, мн. капу́стнички. Ум. от капу́стник. *Заверни капустничков-то, тёпленькие. Шарьин., Кологр.*

Карава́ец, мн. карава́йцы. Ум. от карава́й. 1. Небольшой круглый хлеб, булка из пшеничной муки, сдобный пирог. *От каравайцев спечёных на дому запах приятный. Чухл.; Судисл., Нерехт. 2. Блин. Сегодня каравайцы на воде. Костр.*

Создание словаря хлебной лексики восполняет пробел, существующий в настоящее время в отношении народного питания в костромском крае, и наглядно представляет лексику данной тематической группы, бытующую на территории региона. Словарь позволяет выявить объём, структуру, семантическое содержание малоизученного пласта лексики костромского края, имеющей длительную историю, что открывает широкие возможности для лексико-семантических, лингвогеографических и историко-этнографических наблюдений.

Библиографический список

1. Громов А.В. Словарь: Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. – Кострома: Инфопресс, 2012. – 118 с.
2. Китицына Л.С. Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды Костромского научного общества. Вып. 41. – Кострома, 1927. – С. 92–102.
3. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 3 / авт.-сост. Т. Кирилловой, Л. Новиковой. – Тверь: ТвГУ, 2004. – 228 с.

References

1. Gromov A.V. Slovar': Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskih govorah po reke Unzhe: ucheb. posobie. – Kostroma: Infopress, 2012. – 118 s.
2. Kiticyna L.S. Hleb: Iz materialov po narodnomu pitaniyu Kostromskogo kraja // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva. Vyp. 41. – Kostroma, 1927. – S. 92–102.
3. Tematicheskij slovar' govorov Tverskoj oblasti. Vyp. 3 / avt.-sost. T. Kirillovoj, L. Novikovej. – Tver': TvGU, 2004. – 228 s.

Дмитрук Людмила Александровна
 кандидат филологических наук
 Костромской государственной университет
 lyudmila-dmitruk@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНО-ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье фольклорно-обрядовая лексика рассматривается на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже». Данный словарь по своему типу является отраслевым региональным словарём, описывающим лексику, связанную с процессами выращивания, обработки льна. В изучаемом лексикографическом источнике на фоне терминологической лексики заметны слова, характеризующие процесс труда с точки зрения его принадлежности к кругу действий, традиционно сопровождаемых у славян обрядом. Большинство устойчивых выражений по своему генезису восходит к общеславянским поверьям, однако некоторая их часть является северорусской по происхождению и бытованию. Устойчивые выражения, паремии, зафиксированные в словаре Громова, характеризуются (на фоне данных других диалектных словарей) структурно-стилистической вариативностью, но сохраняют устойчивость в отношении своих пространственно-временных координат и этнокультурных связей.

Ключевые слова: язык фольклора, фольклорно-обрядовая лексика, словарь А.В. Громова, лексика льноводства, прядения и ткачества, костромские говоры, костромское Поунжье.

Язык фольклорных текстов в настоящее время привлекает повышенное внимание со стороны исследователей-лингвистов, особенно диалектологов. К нему всё больше обращаются не только потому, что он позволяет глубже других источников проникнуть в духовный мир народа, но и потому, что «русский фольклорный лексикон, территориально дифференцированный, исторически меняющийся и обладающий этнокультурной спецификой» [8, с. 5], помогает постичь его живой язык. Многие учёные (Л.И. Баранникова, М.А. Бобунова, Н.С. Ганцовская, А.С. Герд, А.П. Евгеньева, И.А. Оссовецкий, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко и др.) подчёркивают, что язык фольклора – это особая разновидность национального языка, специфическая метасистема, имеющая сложный состав и генезис, обусловленные как разнообразием жанров, так и географической принадлежностью текстов. Так, от местности к местности, по словам И.А. Оссовецкого, варьируется и жанровый состав, и языковые особенности фольклорного корпуса, обладающего иногда значительными диалектными различиями [7, с. 67]. В то же время многие фольклорные тексты, изначально призванные сопровождать обряд, строго регламентированный процесс, подчинявшийся сложившемуся веками канону, были и с точки зрения языка достаточно устойчивы. А.П. Евгеньева, отмечая эту особенность фольклора, пишет: «...понятие «язык устного народного творчества» принципиально не отличается от понятия «язык художественной литературы», так как тот и другой – язык словесного искусства, язык художественных произведений» [4, с. 7]. Диалектное в своей основе (фонетика, грамматика, лексика), устное народное творчество имело и общие черты: поэтические

формулы, подход к отбору лексики, характерные типы грамматических конструкций и др. [1, с. 76], то есть язык фольклора – это литературная форма существования диалекта, имеющая местную языковую базу, но наддиалектная по характеру отбора материала и принципам его применения в речи.

Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», составленный выдающимся краеведом костромского Поунжья А.В. Грозовым [2], включает отраслевую лексику, связанную с выращиванием и уборкой льна, его обработкой, изготовлением ткани, функционирующую в Кологривском, Мантуровском, Макарьевском, Межевском районах Костромской области. Однако кроме терминологической лексики здесь приводится некоторое количество фольклорных единиц, различающихся в жанровом отношении. В словаре их немного, но они ценны тем, что, включённые в контекст живой народной речи, имеют ярко выраженную региональную окрашенность.

Фольклорная лексика в словаре Громова представлена словами и устойчивыми выражениями, сопровождающими обрядовые действия, сопряжённые с льноводством, прядением, ткачеством как трудовыми процессами, а также словами и выражениями, относящимися к исконно обрядовым номинациям, но впоследствии развившимися переносные значения (фразеологизмы). Данные единицы подаются в словарной статье к заголовочной лексеме, являющейся производным словом относительно дериватов (*пряде́я* – *пря́ха* и *пряде́юшка*) или стержневой для устойчивого сочетания (*веретенó* – *напрясть на кривое веретенó*; *навóй* – *ехать в крётные (в кумовьё, в сватья, в свахи, на свадьбу)*; *прясть* – *прясть на шесть деревень, на седьмое село*).

Проанализируем фольклорную лексику в контексте словаря Громова.

В словарной статье к слову *пряде́я* со значением 'женщина, которая занимается ручным прядением, умеет прясть' [2, с. 52], употребляющимся повсеместно на территории костромского Поунжья (о чём говорит соответствующая помета в словаре – *Повсем.<естно>*), приводятся два словообразовательных синонима *пря́ха* и *пряде́юшка*, имеющих специальную стилистическую помету *Фольк.<лорное>*: «У ленивой *пряхи* и про себя нет *рубахи*» (посл.). *Мак.<арьевский район>* *Ил.<ынское>*; «Ты *пряди*, *прядеюшка*, Вот тебе *куделюшка*, Вот те *пряха*, вот те *лен*, Вот те *десять веретён*» (частушка). *Мант.<уровский район>* *Фат.<ьяново>* [2, с. 52]. Как видно из примеров, рассматриваемые лексемы часто включаются в контекст произведений различных жанров устного народного творчества. Здесь они служат средством выражения особой экспрессии: от разговорного *пря́ха* до ласкательного *пряде́юшка* относительно нейтрально-официального для диалектной речи слова *пряде́я*. Данные дериваты, равно как и заголовочная единица, являются примером типичного северорусского употребления, фиксируемого, по данным СРНГ, не только в Костромской, но и в Архангельской, Вологодской, Псковской, Вятской, Олонецкой областях [10, т. 33, с. 78]. Наличие подобной лексической парадигмы у регионально маркированного слова ещё раз подтверждает тот факт, что диалект – это своего рода «язык в языке», имеющий внутреннюю стилистическую систему, где есть относительно нейтральная, разговорно-просторечная и высокая лексика. Роль последней исполняют фольклорные единицы, применяемые в народной поэзии, а также в контексте обрядов, обычно строго регламентированных, а потому нуждающихся в «высоких» средствах выражения.

Паремия *прясть на шесть деревень, на седьмое село*, устойчивые выражения *напрясть на кривое веретено*, *ехать в крёстные* (в *кумовьё*, в *сватья*, в *свахи*, на *свадьбу*) в словаре Громова приводятся под знаком «▲» (треугольник), в отличие от ромба «◆», за которым подаются устойчивые словосочетания, имеющие прямое терминологическое значение (например, ◆ *сеять лен в три пальца* 'брать семена льна тремя пальцами и разбрасывать их по полю', ◆ *сеять лен горсточкой* 'брать семена льна горстью', ◆ *сеять лен в два следа* 'сеять, бросая семена дважды с одного места, чтобы не было просева' [2, с. 19–20] и т.д.). Рассмотрим их.

Прясть на шесть деревень на седьмое село. В фольклорной традиции русского народа было выработано множество установок и правил по отношению к труду. Обычаи, обряды, приметы и запреты сопровождали практически все этапы трудового процесса, чем и обусловлено значительное количество пословиц и поговорок, посвящён-

ных теме труда. Так, в словарной статье к лексеме *прясть* в словаре Громова приводится паремия *прясть на шесть деревень, на седьмое село*. Как объясняет лексикограф, «данное выражение сохранило наказ девушке-невесте так прясть, чтобы для своей свадьбы приготовить приданое: холсты и «повязки» (свадебные полотенца) для семьи жениха и его родных из многих деревень и «подножник» (отрезок холста под ноги) для венчания в церкви» [2, с. 46]. Здесь наблюдается синкретичность обрядовых мотивов: с одной стороны, пословица *прясть на шесть деревень, на седьмое село* имеет значение 'прясть много, качественно', то есть характеризует процесс и результат труда; с другой стороны, как видно из пояснения, приведённого в словарной статье, напрямую связана со свадебным фольклором, а именно предсвадебными обрядами, подготовкой приданого невесты. Такая взаимосвязь не случайна. Лен издавна считался ценным материалом, поэтому девушки-славянки в приданое включали вещи из льна, льняную ткань, пряжу. Как отмечает Л. Нидерле, «*Плать, платно, сукно, ткань, тканина* – древнейшие славянские понятия, а производство их исторически засвидетельствовано с конца языческого периода. Лен является древнейшим индоевропейским культурным растением, и Ибрагим Ибн-Якуб сообщает о чехах, а Гельмольд о балтийских славянах, что они умели ткать из льна весьма тонкие ткани, которые в торговле заменяли деньги» [6].

Большая часть лексики, связанной с льноводством, является общеславянской, однако иллюстрации к паремии *прясть на шесть деревень, на седьмое село* в словаре Громова говорят о включённости её скорее в северорусский речевой обиход: «*Мать цясто говорила мне: «Пряди на шесть деревень, на семя село».* И вот приехали меня *сватать*. *Свёкор выговаривает у моих родителей: «Жениху – девять повязок, матоцьке – на пару, золовкам: Груньке – на юбку, Наташке – на кофту, мне самому – на рубаху»* с географическими пометами *Мант.<уровский район>* *Гус.<ево>* [2, с. 46]. Интересно, что в словаре В.И. Даля к слову *прясть* приводится объёмный ряд пословиц и поговорок, примет, посвящённых прядению. Среди них находим такие, как: *тонко прясть – долго ждать; села невестка прясть: берегите деверья глаз; мужик не прядёт, да без рубашки не ходит; а баба и прядёт, да не по две носит; если прясть на Гаврила, то работа не впрок* и др. [3, т. III, с. 432]. Однако в их числе нет паремии *прясть на шесть деревень, на седьмое село*, представленной в словаре Громова, к тому же не в одном контексте. Здесь приводится ещё и иллюстрация к оттенку значения 'много на-прясть', поданному после специального знака «//»: «*Ну ты, дева, наверно, напярла в филипповки на шесть деревень, на семя село»* с географической пометой *Мант.<уровский район>* *Ус.<олье>* [2,

с. 46]. В самом полном и достоверном лексикографическом источнике настоящего времени, собранном пословицы и поговорки русского народа, – «Большом словаре русских поговорок» авторов В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (М., 2007) данная паремия фиксируется только со ссылкой на отраслевой словарь Громова [5], что позволяет сделать вывод о локальной ограниченности устойчивой единицы, включённости её не только в севернорусский, но и исключительно костромской узус.

Устойчивые выражения *напрясть на кривое веретено*, *ехать в крёстные* (в кумовьё, в сватья, в свахи, на свадьбу) исконно связаны с фольклорно-обрядовой тематикой, но с течением времени они развили переносные значения и стали соотноситься с устным народным творчеством опосредованно.

В словарной статье к лексеме *веретено* даётся фразеологизм *напрясть на кривое веретено*. Издревле у славян веретено наделялось магическими свойствами: это орудие прядения было и оберегом, и целительным средством, использовалось как неприменный атрибут в любовной магии, семейных обрядах, однако с ним было сопряжено и множество запретов, обусловленных такими его свойствами, как способность вращаться и острота [9, т. I, с. 340–342]. Любое искажение формы веретена во время прядения предвещало беду. Поэтому думается, что устойчивое сочетание *напрясть на кривое веретено* происходит от поверья, связанного с прядением: кривое веретено даёт плохую пряжу, о чём говорят половицы и поговорки, зафиксированные, например, В.И. Далем: «Кривое веретено не надёжа (не оденет)», «Кривое веретено не исправится», «Сделала дело худое, переломила веретено кривое» [3, т. I, с. 197]. В современных севернорусских говорах данное выражение употребляется в переносном значении ‘наговорить, обмануть, ввести в заблуждение’, что отмечено в словаре Громова: «Кто-то досадить захоцёт, наговорит на ково-то – вот тогда и скажут: “Напрядёт она тебе на кривое веретено, только слушай”» Мант.<уровский район> Еф.<имово> [2, с. 39]. Другой вариант этого фразеологизма – *напеть на кривое веретено* с семантикой ‘разбранить кого-либо’ – функционирует, как свидетельствует СРНГ, не только в костромских говорах, но и в говорах центра России, Владимирской и Ярославской области [10, т. 4, с. 137].

Другой пример исконно обрядового устойчивого оборота находим в словаре Громова в словарной статье к лексеме *наво́й* с семантикой ‘задний вал ткацкого стана, на который навивают основу’ – *ехать в крёстные*, *в кумовьё*, *в сватья*, *в свахи*, *на свадьбу* [2, с. 64]. Данное выражение имеет значение ‘шутливое приглашение помочь в довивании основы на наво́й’, то есть является своего рода средством речевой выразительности, иносказанием, в основе которого лежит образ, свя-

занный с традиционными семейными обрядами: «Коли самой нельзя довить основу на наво́й, мама, бывало, крикнёт: «Ну, девки, кто поедёт в крёстные?» Я не раз издила: крепко держусь за конец плетня, а мама под станом подтягивает меня к навою» Мант.<уровский район> Мос.<лово>; «Соседка смиялась: “Не придёшь ли ко мне в кумовьё”» Мант.<уровский район> Хляб.<ишино> [2, с. 64]. Эвфемизмы были распространены в поверьях славян, так как подобные лексемы помогали избегать употребления в речи табуированных слов и выражений, связанных с боязнью нечаянно нанести порчу, накликать беду. Труд считался важной сферой жизни славянина, а потому и отношение к трудовым действиям было трепетным, требовало строгого соблюдения правил, в том числе и правил языкового табу. В «Большом словаре русских поговорок» фразеологизм *ехать в крёстные* (в кумовьё, в сватья, в свахи, на свадьбу) фиксируется только со ссылкой на словарь Громова. Ни в словаре Даля, ни в СРНГ этот устойчивый оборот не отмечается, что позволяет сделать вывод о севернорусской и уже, костромской, природе этого выражения.

Таким образом, фольклорно-обрядовая лексика, бытующая на территории костромского Поунжья, является типичной для северных русских говоров, а иногда характеризует и ещё более узкий ареал распространения – несколько районов Костромской области, расположенных вдоль реки Унжи. В то же время слова и выражения, функционирующие в костромских говорах, представляют собой часть значительного по своему объёму и устойчивого с точки зрения пространственно-временных свойств массива севернорусского фольклора.

Библиографический список

1. Баранникова Л.И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка (статья первая) // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – Вып. 6. – С. 70–88.
2. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: Учебное пособие. – Кострома: Инфопресс, 2012. – 118 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
4. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/word/p/Pryast-na-sem-dereven-na-sedmoe-selo-74991.html> (дата обращения: 10.05.2018).
6. Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Новый Акрополь, 2010 [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: http://www.historylib.org/historybooks/Lyubor-Niderle_Slavyanskije-drevnosti/ (дата обращения: 10.05.2018).

7. *Осовецкий И.А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 67–77.

8. *Праведников С.П.* Основы фольклорной диалектологии. – Курск: Издательство КГУ, 2010. – 230 с.

9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого; Рос. акад. наук, Ин-т славяновед. – М.: Междунар. отношения, 1995–2012.

10. *СРНГ* – Словарь современных русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–47. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

References

1. Barannikova L.I. K voprosu o razvitii funkcional'no-stilevogo mnogoobraziya yazyka (stat'ya pervaya) // Voprosy stilistiki. – Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1973. – Вып. 6. – С. 70–88.

2. Gromov A.V. Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskih govoraх po reke Unzhe: Uchebnoe posobie. – Kostroma: Infopress, 2012. – 118 s.

3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4-h tomah. – М.: OLMA-PRESS, 2003.

4. Evgen'eva A.P. Oчерки po yazyku russkoj ustnoj poehzii v zapisyah XVII–XX vv. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 348 s.

5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. – М.: Olma Media Grupp, 2007 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://enc-dic.com/word/p/Pryast-na-sem-dereven-na-sedmoe-selo-74991.html> (дата obrashcheniya: 10.05.2018).

6. Niderle L. Slavyanskije drevnosti. – М.: Novyj Akropol', 2010 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.historylib.org/historybooks/Lyubor-Niderle_Slavyanskije-drevnosti/ (дата obrashcheniya: 10.05.2018).

7. Ossoveckij I.A. O yazyke russkogo tradicionnogo fol'klora // Voprosy yazykoznanija. – 1975. – № 5. – С. 67–77.

8. Pravедnikov S.P. Osnovy fol'klornoj dialektologii. – Kursk: Izdatel'stvo KGU, 2010. – 230 s.

9. Slavyanskije drevnosti: ehtnolingvisticheskiy slovar': v 5-ti tomah / pod red. N.I. Tolstogo; Ros. akad. nauk, In-t slavyanoved. – М.: Mezhdunar. otnosheniya, 1995–2012.

10. SRNG – Slovar' sovremennyh russkih narodnyh govoroв / sost. F.P. Filin, F.P. Sorokoletoв. Вып. 1–47. – М.; Л.; SPb.: Nauka, 1965–2014.

Сенько Елена Викторовна

доктор филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ
senkoelena@yandex.ru

Чекоева Аида Станиславовна

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ
tchekoewa.aida2012@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается современная теория заимствования в аспекте ее терминологической базы; анализируется корпус специальных наименований эквивалентной и безэквивалентной иноязычной лексики. Утверждается, что терминология названной научной области номинативно перегружена, отличается неоднозначностью семантики составляющих единиц. Упорядочивание терминологии позволит более объективно оценивать современную языковую ситуацию, а типологию иноязычных слов строить на основе более четких параметров. Констатируется, что с точки зрения включения в систему неисконные слова правомерно подразделять на иноязычные и заимствованные, а с точки зрения происхождения – на исконные и иноязычные. Термины, обозначающие лакунарные явления в языке, целесообразно именовать экзотизмами. Другие обозначения представляются излишними, поскольку подчеркивают либо функциональное предназначение слова, либо являются омонимами или дублетами других знаков.

Ключевые слова: развитие языка, языковой контакт, заимствование, терминология, иноязычное слово, лексическое заимствование, безэквивалентная лексика.

Как известно, непереносимое условие развития языка – это его контакты с другими языковыми системами. По мнению Н.Б. Мечковской, генезис того или иного языка и его контакты с другими языковыми системами представляют собой противоположные силы; генетическое наследие является внутренней структурной определенностью языка; языковое контактирование есть нечто внешнее, но именно оно более всего изменяет языки [10, с. 169].

В современную эпоху, эпоху глобальных изменений, межэтнические и, соответственно, межязыковые контакты приобрели особую значимость. Данное обстоятельство в свою очередь влечет за собой явно заметную актуализацию процесса заимствования, которое является одним из основных аспектов языкового контактирования.

Современное заимствование приобрело ряд характерных черт, значительно отличающих его от хронологически предшествующих форм: в этом отношении следует указать на следующие особенности указанного процесса: несомненную масштабность процесса, его интенсивность; многоаспектный характер, ярко проявляющийся на всех уровнях системы современного русского языка; наличие одного общего языка-донора, единицы которого практически одновременно проникают в несколько разных языков и тем самым обеспечивают интернационализацию современного процесса заимствования, а также рост влияния восточных языков на многие современные языковые системы.

Все сказанное объясняет усилившийся интерес лингвистов к этой «хронической», казалось бы, изученной теме, которая тем не менее открывает все новые стороны для научного исследования; последнее ведется в основном в рамках следующих направлений: анализ адаптации иноязычных единиц в системе языка-реципиента (Л.П. Крысин,

А.П. Майоров, Е.В. Маринова, О.В. Милованова, О.Ю. Руденко), описание заимствования в рамках межязыкового контакта (У. Вайнрайх, Э. Хауген, В.Т. Клоков, А.М. Молодкин, Э.Ф. Володарская, Ж. Багана, Е.В. Хапилина). Хотя научный интерес к рассматриваемой теме носит давний характер, некоторые теоретические вопросы остаются выясненными не полностью. Речь идет о терминологической основе теории заимствования, которая не отвечает главному требованию, предъявляемому терминотерапевтам: моносемичности ее единиц и их четкой закреплённости за определенными участками понятийного пространства.

Цель статьи – на основе анализа современных трудов по теории заимствования показать явно наметившуюся в последнее время тенденцию к стабилизации терминологического фонда данной лингвистической специализации.

Сложившаяся терминологическая «пестрота» теории заимствования обусловлена тем, что трансляция иноязычной единицы в язык-реципиент – многосторонний процесс, в котором выделяется несколько аспектов. В свое время Л.П. Крысин обозначил следующий ряд наиболее важных вопросов: объем и содержание понятия «заимствование»; причины заимствования; виды транслируемых единиц; ассимиляции лексем в заимствующем языке, признаки адаптации [5, с. 10].

Из всех перечисленных вопросов наиболее значима проблема терминологического аппарата, обозначающего явление заимствования [ср.: 7; 8; 11]. На сегодняшний день он включает свыше двадцати обозначений, отличающихся друг от друга своей востребованностью: иноязычное слово, иностранное слово, заимствованное слово, заимствование, вхождение, внешнее и внутреннее заимствование, варваризм, экзотизм, проникновение, вкрапление и др. В связи со сказанным следует установить со-

отношение смежных специальных наименований, определить их четкую иерархию. Конечно, приведенные специальные номинации именуют в целом одну и ту же лексему языка-донора, но современная лингвистика предпочитает дифференцировать указанные терминологические обозначения.

Во-первых, следует дифференцировать понятия «заимствованное слово» и «лексическое заимствование», ибо между ними полное совпадение отсутствует. Причина сказанного заключается в том, что сема «перемещение слов из одного языка в другой», являющаяся дифференциальной в определении лексического заимствования в его процессуальном значении в применении к понятию «заимствованное слово», интегрируется с другими «немаловажными для всякого слова, в том числе и для иноязычного, признаками, как функционирование в языке, соотношение с различными, в частности лексическими, элементами его системы, степень регулярности появления в речи... и т. д.» [5, с. 34].

По мнению А.В. Калинина, термин «заимствованное слово» является наиболее правильным, поскольку к иностранным и иноязычным словам относятся только такие, которые «действительно принадлежат лексике других языков и не входят в словарный запас русского языка» [3, с. 3].

Лингвистические исследования последнего времени демонстрируют тенденцию употреблять указанное наименование в другом смысле, так как оно «в отличие от смежного понятия “иностранное слово” обладает рядом критериев, свидетельствующих о его освоенности в языке-реципиенте» [4, с. 5]; даже в тех случаях, когда «заимствованное слово кажется, несомненно, лишним, дублирующим значения уже существующих в языке слов, наблюдается процесс семантического и узусуального размежевания близких по смыслу лексических единиц» [4, с. 194].

Следовательно, понятие «заимствованное слово» применительно только к тем словам, которые адаптировались, утратили все признаки иноязычности.

Среди заимствованной лексики выделяется особый класс интернационализмов, обладающих достаточной степенью освоенности в русском, например, языке, но в то же время являющихся универсалиями.

Что касается термина «лексическое заимствование», то он служит для обозначения лексемы, которая пришла в русский язык из другого языка, языка-донора; в этом случае этот термин и термин «заимствованное слово» часто употребляются как синонимы.

Итак, термин «заимствование» неоднозначен: он обозначает и процесс, и результат данного процесса. Отметим, что неоднозначность характеризует и процессуальную семему данной лексической единицы: наряду с пониманием заимствования как перехода единиц из одного языка в другой в теории языкового контактирования функционирует дефиниция заим-

ствования как создание в языке собственных лексем по образцу языка-донора, который дает как бы толчок к реализации словообразовательных возможностей по чужому образцу [2, с. 91].

Параллельно данному пониманию термина «заимствование» функционирует дефиниция «вторичного заимствования», результат которого заключается в том, что в языке наряду с уже ассимилированной инолексемой появляется единица, совпадающая с ней в своем экспоненте, но имеющая совсем иную семантику: ср.: *пилот* – летчик, специалист по управлению самолетом или другим летательным аппаратом' и *пилот* – пробный выпуск программы или периодического издания.

В указанных случаях термин «заимствование» (лексическое заимствование) сближается с термином «вхождения», последние не создаются в языке, а заимствуются. Поскольку общелитературная лексика может пополняться и за счет других вариантов национального языка (территориальных и социальных диалектов, разговорной речи), вхождение может быть внешним и внутренним.

Терминологическое единство отсутствует и при обозначении разновидностей безэквивалентной лексики, демонстрирующей смешение таких номинаций, как экзотизмы, ксенизмы, варваризмы, вкрапления, этнографизмы, макаронизмы, ориентализмы.

Наиболее частотны термины экзотизм и варваризм. Экзотизм обычно определяется как безэквивалентное слово с новой формой и с новым содержанием, обозначающее так называемые межъязыковые лакуны – понятия чужой культуры. Л.П. Крысин пишет: «К экзотическим словам применимо положение, которое можно сформулировать так: слово не может быть заимствовано прежде, чем заимствована вещь, им обозначаемая. Употребляться в языке такое иностранное слово может, но оно будет оставаться «чужим», экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической носителям данного языка будет казаться реалья, обозначаемая этим словом» [6, с. 28; ср. также: 7; 9; 13]. Относительно варваризмов можно заметить следующее: под ними обычно понимаются иноязычные слова, недостаточно освоенные или совсем не освоенные языком-реципиентом в силу их фонетических и грамматических особенностей (греч. *barbaristos* – чужеземно-территориальное закрепление). Варваризмы могут быть переданы или средствами языка-реципиента, или употреблены без перевода. Первоначальная генетическая принадлежность таких слов стирается, но ее можно восстановить, тем не менее она не играет роли опознавательного признака только той лексической системы, в которой варваризмы функционировали изначально: *дэнди*, *сэп*, *tet-a-tet* и т. п. Сохранение чужой графической формы – серьезное препятствие для фонетической передачи иноязычного

слова и для его включения в русскую грамматику. Такие слова, как правило, эквивалентны русским словарным единицам, отличаясь от них стилистически и сферой своего употребления, будучи специальными наименованиями или выразительными средствами; характерной чертой такого рода слов является их распространенность не только в русском, но и в других европейских языках.

А.А. Реформатский не дифференцирует содержание указанных терминов и употребляет для обозначения объема выражаемых ими понятий идентичный термин – варваризм: «иноязычные слова, пригодные для колористического описания чуждых реалий и обычаев...таковы обычно личные имена, названия монет, должностей, деталей костюма, кушаний и напитков, обращения и т. д.» [12, с. 137–138].

Параллельно термину варваризм функционирует термин вкрапление; не называя подобные слова указанным термином, А.А. Реформатский удачно характеризует их описательно: «Такие неосвоенные иноязычные слова выглядят инкрустациями, которые даже “писать своими буквами” как-то неудобно...» [12, с. 188].

В качестве синонимичных наименований к термину экзотизм употребляются специальные лексемы: ксенизмы, этнографизмы, ориентализмы (хотя последний, скорее, выступает по отношению к экзотизмам как гипоним, обозначая разновидность экзотических слов, называющих восточные реалии).

С.Ю. Шигина разграничивает названные термины, при этом в качестве дифференцирующего признака выступает, по ее мнению, язык-донор. В соответствии с этим для ксенизмов в качестве языка-источника выступает какой-либо европейский язык, а для экзотизмов – японский, один из тюркских языков, американский и т. п.; под ориентализмами понимаются башкиризмы, тюркизмы, чувашизмы и вкрапления грузинского происхождения; вводится термин проникновение для обозначения заимствований из славянских языков, а также термин макаронизм, что мотивируется особой функцией последнего [16, с. 27–28, 89–90].

В качестве терминов более общего характера, чем все названные выше, употребляются специальные наименования, имеющие форму словосочетания – иноязычное слово, иностранное слово, которые также трактуются неоднозначно. О.С. Ахманова, И.Г. Добродомов, Л.П. Крысин считают термин иностранное слово тождественным термину чужое слово (последний дефинируется в словаре как «неосвоенное заимствованное слово... отчетливо выделяющееся как иностранное» [1, с. 519]. Г.А. Хабургаев отмечает, что к «иностранным словам относятся не полностью освоенные заимствования», то есть заимствования, не утратившие признаки иноязычного слова, или маркированные заимствования» [14, с. 5].

Таким образом, термин иностранное слово в сравнении с термином иноязычное слово обозначает более узкое понятие; последний характеризует лексическую единицу только с точки зрения ее неисконного происхождения независимо от наличия или отсутствия следов этого происхождения, формальных или семантических, в самой лексеме. Однако известна и точка зрения, согласно которой понятие иноязычного слова отождествляется с понятием заимствованное слово: «под заимствованием следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов [15, с. 86]. В этом случае предлагается считать заимствованным всякое иноязычное слово, зарегистрированное в лексикографических справочниках. Если учесть методику словарной работы, все минусы лексикографирования, различия в принципах подачи материала в разных словарях, то названное предложение вряд ли можно принять.

В работах последнего времени появляется термин иноязычный концепт (например, франкоязычный концепт [4]. Появление названного специального наименования объясняется рассмотрением процесса заимствования с позиций когнитивистики. Различие понятий «франкоязычный концепт» и «галлицизм» заключается в следующем: галлицизм – слово конкретной тематики, моно- или полисемичное, с четкой семантической структурой; в концепте же нет четкой структуры; в нем выделяются два элемента – этноспецифический, понятийный и оценочный, субъективный; при заимствовании усваивается оценочный слой концепта, а этноспецифический слой, как отражающий своеобразие национальной культуры той или иной страны, в процессе заимствования не участвует [4, с. 5].

Таким образом, анализ системы специальных обозначений, представляющих современную теорию заимствования, выявляет отсутствие определенности в ее организации. Система терминов названной научной области номинативно перегружена, отличается неоднозначностью семантики составляющих единиц.

Правомерным представляется употребление в качестве родового наименования данного лексического пласта термина иноязычное слово, подчеркивающего существенную черту единиц рассматриваемой системы – генетическую связь с другими языками; дополнительно можно отметить, что именно данный термин предпочитается в названном смысле современными исследователями. Термин заимствование целесообразно применять к иноязычным словам, прошедшим адаптацию в языке-реципиенте. Таким образом, с точки зрения включения в систему неисконные слова делятся на иноязычные и заимствованные, а с точки зрения происхождения – на исконные и иноязычные.

Термины, обозначающие лакунарные явления в языке, правомерно именовать экзотизмами. Другие обозначения представляются, на наш взгляд, излишними, поскольку подчеркивают либо функциональное предназначение слова (вкрапление, варваризм), либо являются омонимами наименований других терминосистем (этнографизм, ориентализм), либо дублируют те или иные знаки из вышеназванных (ксенизм, проникновение).

Упорядочивание терминологии рассматриваемой научной области позволит более объективно оценивать современную языковую ситуацию, а типологию иноязычных слов выстроить на основе более четких параметров.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 519 с.
2. Ильина Л.А., Сычева О.В. Лексическое заимствование: переход иноязычий или внутриязыковое создание // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. – 1998. – № 4. – С. 91–96.
3. Калинин А.В. Лексика русского языка. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 320 с.
4. Калинин М.А. Эпидигматическое освоение галлицизмов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 19 с.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
6. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 495 с.
8. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 240 с.
9. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – СПб.: СПбГУ: Академия, 2005. – 304 с.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.
11. Мозовая И.Н. Теоретические предпосылки исследования заимствованной лексики в языке рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2013_1/33.pdf (дата обращения: 22.02.2018).
12. Реформатский А.Н. Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.
13. Фомина М.А. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.

14. Хабургаев Г.А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 4. – С. 3–9.

15. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

16. Шигина С.Ю. Заимствованная лексика на рубеже веков. – Владикавказ: Изд-во РИО, 2001. – 103 с.

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1966. – 519 s.
2. Il'ina L.A., Sycheva O.V. Leksicheskoe zaimstvovanie: perekhod inoyazychij ili vnutriyazykovoe sozdanie // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser.: Filologiya. – 1998. – № 4. – S. 91–96.
3. Kalinin A.V. Leksika russkogo yazyka. – M.: FLINTA, 2013. – 320 s.
4. Kalinina M.A. EНpidigmaticheskoe osvoenie gallicizmov v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2006. – 19 s.
5. Krysin L.P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. – M.: Nauka, 1968. – 208 s.
6. Krysin L.P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednih desyatiletij // Voprosy yazykoznanija. – 2002. – № 6. – S. 27–34.
7. Marinova E.V. Inoyazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI veka: problemy osvoeniya i funkcionirovaniya. – M.: EHLPIIS, 2008. – 495 s.
8. Marinova E.V. Teoriya zaimstvovaniya v osnovnyh ponyatijah i terminah: slovar'-spravochnik. – M.: FLINTA: Nauka, 2013. – 240 s.
9. Maslov YU.S. Vvedenie v yazykoznanie. – SPb.: SPbGU: Akademiya, 2005. – 304 s.
10. Mechkovskaya N.B. Social'naya lingvistika. – M.: Aspekt-Press, 1996. – 207 s.
11. Mozovaya I.N. Teoreticheskie predposylki issledovaniya zaimstvovannoj leksiki v yazyke reklamy [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2013_1/33.pdf (data obrashcheniya: 22.02.2018).
12. Reformatskij A.N. Vvedenie v yazykoznanie. – M.: Aspekt Press, 2006. – 536 s.
13. Fomina M.A. Sovremennyj russkij yazyk. Leksikologiya. – M.: Vysshaya shkola, 2001. – 415 s.
14. Haburgaev G.A. Zaimstvovanie kak problema leksikografii i istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. – 1989. – № 4. – S. 3–9.
15. SHanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Prosveshchenie, 1972. – 368 s.
16. SHigina S.YU. Zaimstvovannaya leksika na rubezhe vekov. – Vladikavkaz: Izd-vo RIO, 2001. – 103 s.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛА СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Статья посвящена анализу некоторых особенностей употребления пунктуации в современном английском языке на материале текстов художественной литературы и медиаизданий (онлайн версия газеты «The Guardian»). Цель статьи – указать на характерные особенности функционирования пунктуационных знаков, которые представляют собой определенную новацию по отношению к традиционным грамматическим и стилистическим функциям, отмечавшимся ранее. Среди выделенных в работе новых функциональных возможностей пунктуационных знаков описаны такие, как игровая функция, создающая различного рода иронический, комический, пародийный эффект в коммуникации, и экспрессивная функция, позволяющая выделить какой-либо элемент в коммуникативном пространстве. Значимость предпринятого анализа – показать актуальность изучения функционала пунктуационных знаков в английском языке с точки зрения современной теории коммуникации и медиалингвистики, а также в эмпирических целях преподавания грамматики английского языка.

Ключевые слова: пунктуация, пунктуационный знак, игровая (людическая) функция, графическая стилистика.

Известно, что правила пунктуации в английском языке сложны и запутаны. Кроме того, те, кто всерьез интересуется теорией английской пунктуации, с удивлением обнаружат, что в научной литературе, посвященной вопросам английской грамматики (а пунктуация призвана отражать грамматические отношения и связи между единицами языка), практической или теоретической, почти отсутствуют разделы, касающиеся описания правил и норм употребления знаков препинания. Более того, их нет ни в одном известном источнике по грамматике английского языка (см. напр.: [3; 4]). Описание некоторых принципов употребления знаков пунктуации можно найти в пособиях по письменной практике английского языка или пособиях по стилистике [1; 5], но и там эти разделы достаточно краткие, а сведения, излагаемые в них, далеко не системные и в целом ограниченные. Между тем от того, где и какой знак препинания стоит в высказывании, зависит его интерпретация, как, например, в предложении:

A woman, without her man, is nothing (Женщина без своего мужчины – ничто);

A woman: without her, man is nothing (Женщина: без нее мужчина – ничто) [18, с. 9].

В 2004 году Линн Трасс написала книгу (Lynne Truss. *Eats, Shoots & Leaves* [18]), которая посвящена правилам современной пунктуации в английском языке. В ней проблема современной письменной речи излагается с юмором, иронией и глубоким проникновением в грамматическую сторону вопроса. (В переводе на русский язык (перевод Н. Шаховой) она озаглавлена «Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации» [11]).

В качестве посвящения Линн Трасс написала: «*To the memory of the striking Bolshevik printers of St Petersburg who, in 1905, demanded to be paid the same rate for punctuation marks as for letters,*

and thereby directly precipitated the first Russian Revolution» (Посвящается памяти большевиков-печатников Санкт-Петербурга, которые в 1905 году устроили забастовку, требуя за знаки препинания той же платы, что и за набор букв, и тем самым ускорили первую русскую революцию) [18, р. VI]. Интересно, что ссылка на русскую пунктуацию символична не только как некий курьезный исторический факт, но и в том плане, что законы пунктуации в русском языке так же запутаны и несистемны, как и в английской. Об этом в свое время упоминал Л.В. Щерба: «Русская пунктуация, как и русское правописание, развивалась совершенно стихийно, и в настоящее время в конце концов остается неясным, что, собственно, она призвана выражать – непосредственно идеи или те или другие средства выражения этих идей. Трудность вопроса усугубляется еще тем, что разные средства выражения на практике нередко противоречат друг другу» [12, с. 128]. Таким образом, пунктуация и в русском, и в английском языках представляет собой достаточно запутанный и сложный вопрос, однако последствия расстановки пунктуационных знаков иногда могут быть драматичны, то есть иметь существенное значение для информационного смысла высказывания, изменяя его самым радикальным образом.

Так, в качестве заглавия для своей книги Л. Трасс взяла фразу из известного английского анекдота о том, как панда заходит в кафе, съедает бутерброд и, пальнув в потолок, направляется к выходу. «В чем дело?» – возмущается официант. Панда швыряет через плечо энциклопедию и уходит со словами: «Там все написано». Из-за ошибочно поставленной запятой статья в энциклопедии гласит: «Панда – крупное черно-белое млекопитающее, похожее на медведя; распространено в Китае. Ест, стреляет и уходит» (на самом деле запятую следовало поставить не после слова *eats*, а после *shoots*: *Panda eats shoots, and leaves* – панда ест побег

и листья). Для сохранения игры слов в названии книги переводчику Н. Шаховой пришлось пойти на замену английского анекдота знаменитым русским парадоксом: как выполнить приказ «казнить нельзя помиловать», если неизвестно, где стоит запятая?

Пунктуация – это система графических внеалфавитных знаков и правил, кодифицирующих нормы пунктуационного оформления письменного текста [6]. В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» пунктуация определяется как «1) система графических внеалфавитных знаков (знаков препинания), образующих вместе с графикой и орфографией основные средства письменного языка; главное назначение пунктуации – членение и графическая организация письменного (печатного) текста; 2) правила, кодифицирующие нормы пунктуационного оформления письменного текста, исторически сложившиеся для конкретного языка; 3) раздел языкознания, изучающий закономерности системы пунктуации и нормы употребления знаков препинания» [13, с. 406]. Общие функции знаков препинания в индо-европейских языках заключаются в следующем: 1) функция отделения (разделения), 2) функция выделения элементов текста или их групп. Различаются парные и одиночные пунктуационные знаки. Знаки могут служить для членения текста и/или предложения. С членением предложения связаны такие знаки, как запятая, точка с запятой, тире, двоеточие, многоточие, скобки, кавычки. С членением текста связаны такие знаки, как точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, скобки, кавычки. В индо-европейских языках пунктуация служит для оформления синтаксических отношений (конструкций), выражения смысловых связей внутри высказывания, указания на интонационный контур высказывания, выражения ритмики и мелодики речи, оформления коммуникативного членения речи и выражения экспрессивной функции высказывания.

Как справедливо отметила М.В. Дивакова, признавая множественность и разноплановость факторов, детерминирующих выбор и употребление знака, можно определить функциональную значимость знаков препинания. «Сделать это сложно, поскольку действующая система правил является одновременно и жесткой, строго регламентированной, и подвижной, открытой для вариативного применения. Принято считать, что пунктуационные правила, действующие в современном русском письме, в большей своей части факультативны. Именно это и является тем основным свойством пунктуации, которое дает возможность сообщать письменной речи точность, выразительность, логичность. Влияние контекста на выбор знака давно отмечено исследователями. Однако иногда выбор единственного возможного знака диктуется не лексическим составом предложения, а только

авторской установкой. В связи с этим встает задача уточнения разграничения факультативных знаков препинания и авторских знаков» [6, с. 2].

В английском языке система пунктуации представляет собой сложную и полифункциональную область. По мнению авторитетного исследователя английского языка, автора энциклопедии языка «Language» Д. Кристала, система пунктуации в английском языке имеет две основные функции: функцию членения письменного текста и функцию указания на ритмический и интонационный характер текста. Он выделяет две группы знаков: знаки, которые отделяют, и знаки, имеющие смысловыразительную функцию [15, с. 206]. К группе отделяющих, или разделительных, знаков относятся:

1) пробел (space) – отделяет друг от друга слова, параграфы;

2) точка (period, full stop) – указывает на конец предложения, оформляет сокращения;

3) многоточие (sequence of three periods) – указывает на незаконченность текста;

4) точка с запятой (semi-colon) – обозначает синтаксическую связь внутри сложносочиненного или сложноподчиненного предложения; передает последовательность членов предложения при перечислении;

5) двоеточие (colon) – обозначает, что последующая группа слов поясняет или объясняет смысл предшествующей синтаксической единицы;

6) запятая (comma) – имеет наиболее широкий функционал и может передавать следующие типы синтаксических отношений: обозначать последовательность синтаксических единиц, включенность какой-то синтаксической единицы в другую, передавать различные авторские способы членения (деления) (например, так называемая оксфордская пунктуация при перечислении – запятая, предшествующая союзу *and*: *apples, pears, and plums*);

7) скобки круглые (parentheses) и квадратные (brackets) – альтернатива запятой, указывают на включенность синтаксической единицы в другую единицу (в середине или в конце предложения);

8) тире (dash) – используется в функции парантезы подобно скобкам, чтобы выделить синтаксическую единицу, выражающую добавочный смысл, комментарий, пояснение и т. д., передает незаконченность высказывания, в неофициальной речи часто замещает другие пунктуационные знаки;

9) кавычки (quotation marks, inverted commas) – обозначают границы речевого акта, цитаты, заголовков или «специальное» значение словоупотребления. Различается употребление двойных и одинарных кавычек. Двойные кавычки более употребительны в письменной речи и печатных текстах, одинарные – в американском варианте языка;

10) дефис (hyphen) – обозначает части сложного слова, знак переноса слова, служит средством смысловоразличения в словосочетаниях

(e. g.: *pickled-herring merchant* vs. *pickled herring-merchant*).

Смысловыразительную функцию выполняют следующие пунктуационные знаки:

1) вопросительный знак (question mark) – оформляет выражение вопроса, однако может иметь и другую функцию – обозначать паузу, сомнение, неуверенность (e. g.: *This is an interesting (?) point*);

2) восклицательный знак (exclamation mark) – выражает восклицательность различной силы и степени (e. g. !!!); может передавать и другие оттенки смысла (e. g.: *John (!) was here*);

3) апостроф (apostrophe) – оформляет притяжательный падеж имени существительного в единственном и множественном числе (*cat's; cats'*), в некоторых словах обозначает усечение буквы (*o'clock, fish'n'chips*); употребление данного пунктуационного знака отличается большой вариативностью (e. g.: *St Johns vs St John's; Harrods vs Harrod's*) [15, p. 207].

Пунктуационные знаки, перечисленные выше, характеризуют стандартное, нормативное употребление литературной письменной речи. Сегодня под действием виртуальной электронной коммуникации (сайты, блоги, чаты, социальные сети и т. д.) нормы употребления пунктуации все чаще нарушаются, становятся более свободными и подвижными, что выражается в том, что некоторые пунктуационные знаки выполняют несвойственные им функции, то есть употребляются в необычном контексте, иногда ошибочно, иногда выполняя другие функции (например, людическую). Так, интересные примеры необычного употребления апострофа в современном английском языке приводит Л. Трасс, ср.:

Come inside for CD's, DVD's, VIDIO's and BOOK's [18, p. 1], где апостроф ошибочно употреблен в форме множественного числа существительных.

В другом примере неправильное употребление апострофа приводит к непониманию и искажению информации, так как в статье речь идет не о разбушевавшемся болельщике, а о толпе болельщиков, устроивших беспорядки, ср.: *FAN'S FURY AT STADIUM INQUIRY* [18, p. 2]. Исследователи отмечают, что нарушение норм употребления пунктуационных знаков может приводить к искажению смысла и, как следствие, к непониманию.

Однако иногда нарушение нормативного употребления пунктуации является преднамеренным и отражает людическую функцию [см.: 9, с. 45] пунктуации, призванную привлечь внимание читателя или слушающего. Как правило, такое употребление пунктуации характерно для рекламного дискурса, в котором необычная пунктуация призвана зацепить внимание «relying entirely on a visual association of ideas» (основываясь исключительно на зрительных ассоциациях образов) [15, p. 94].

Данная проблема получила развитие в исследовании Ю.В. Поповой, отметившей, что в настоящее время можно говорить о становлении особого направления в лингвистике – графической стилистике, призванной изучать графо-стилистические приемы языка, имеющие определенные признаки языковой игры на основе отнесенности к письменному и устному дискурсам [8, с. 112]. По мнению автора, отличительной чертой графо-стилистических приемов является то, что их понимание невозможно без визуального созерцания. «Графическая игра как выразительный прием – это шрифтовая, цветовая, пространственная, пунктуационная (кавычки, тире, скобки, дефис) актуализация компонента» [8, с. 112; 7]. Но при этом графическая игра, применяемая в сообщении, как бы «наслаивается» поверх вербального компонента высказывания, усиливая или ослабляя его. Игровой эффект может достигаться за счет использования апострофа в названии, напр.: *St'ile de Beaute*, или дефиса: *Bar-B-Q* (название бара барбекю); многоточия: *Jaguar. The art of performance. Grace... space... pace...* [8].

В.З. Санников отмечает, что иногда у авторов встречается намеренное нарушение правил пунктуации как прием пародирования стилистики другого автора [10, с. 58] ср.:

Во
!
Маяковский
тебе
не
икается
?
У
тебя
два
слова
на
строчку,
а
у
нас
уже
полагается
строчка
даже
на
точку.

(Г. Карейша)

В своей экспрессивной функции пунктуация может использоваться в целях усиления воздействия на адресата, для привлечения внимания читателя, подчеркивая необычность других выразительных средств языка. Данный прием использования механизмов пунктуационного варьирования представляет собой явление синграфемки [2] и предполагает употребление в заголовке или слове кавычек, дефиса, восклицательного знака или других знаков препинания. Очень часто данный прием экспрессивно-игрового употребления пунктуационных знаков используется в заголовках

медиатекстов, особенно на страницах британского онлайн-издания газеты «The Guardian», напр.: *Brit(ish) review – what does it mean to be black and British now?* [14] – (*Британский обзор – Что значит сегодня быть черным и быть британцем?*). В заголовке привлекает внимание написание слова *brit(ish)*, в котором суффикс выделен в скобках, эта необычная графика позволяет читателю задуматься о неоднозначном прочтении данного слова, в котором, очевидно, актуализируются два значения: британский как национальность и гражданство и значение, ассоциируемое с семантикой суффикса *-ish* (нечто вроде, подобный, примерно, приблизительно, то есть значение слова можно интерпретировать как «*нечто, похожее на британское*»). Таким образом, автор статьи заостряет внимание читателей на проблеме небелых жителей Британии, которые являются гражданами этой страны, но одновременно ощущают свою чужеродность.

Экспрессивно-выделительная функция пунктуации наблюдается не только в заголовках медиатекстов, но и внутри самих текстов, причем практически любые пунктуационные знаки характеризуются способностью к подчеркиванию дополнительных смыслов. См. пример из газеты «The Guardian» [16]. Заголовок статьи гласит: *Ignore the naysayers: the 2017 election youthquake wasn't a myth (Liam Young)* (Не обращайте внимания на противников: выбор слова «youthquake» словом 2017 года – это не миф). В данном случае с помощью двоеточия подчеркнуто противопоставление тезисов в составе первого и второго придаточных, что сообщает высказываемой мысли большую эмоциональную выразительность. Ниже в тексте статьи экспрессивные возможности пунктуации помогают расставить необходимые акценты: *Labour's surprise election result in 2017 changed all of that. Or so we thought. The team behind the British Election Study have now said that the largely reported "youthquake" (word of the year, don't you know) was a "myth"* (Выборы 2017 года, в которых победили лейбористы, удивили и все изменили. Или мы думали, что это так. Команда, занимавшаяся изучением британских выборов, сейчас заявляет, что обнародованное ранее слово «youthquake» (как слово года, если вы не знали) – это «миф»). Как видим, в данном фрагменте повышенная экспрессивность и эмоциональность иронии по поводу результатов выборов подчеркивается с помощью приема парцилляции (*Or so we thought*), в выражении которой участвует точка. Ключевое слово «youthquake» оформлено кавычками, чтобы подчеркнуть его новизну и особый статус. Наконец, дополнительный комментарий по этому поводу вводится в круглых скобках, где с помощью запятой добавлено еще одно ироничное замечание, обращенное к тем читателям, которые могли и не знать этого факта. При этом второе ключевое сло-

во – «*a myth*» – также заключено в кавычки, чтобы подчеркнуть эффект отстраненности автора статьи от данного мнения, которое, очевидно, как раз противоположно. Как видим, целая гамма оттенков и смыслов оформлена с помощью пунктуационных знаков, для объяснения которых в переводе, например, требуется достаточно развернутое изложение.

Другим ярким примером особой функции пунктуации в медиадискурсе может служить намеренное неупотребление кавычек для оформления чужой речи в заголовке газеты «The Guardian» [17]: *Russia is aiming to interfere in US midterm elections, warns CIA chief* (Россия планирует вмешательство в ход промежуточных американских выборов – предупреждает директор ЦРУ). Отсутствие кавычек в данном случае подчеркивает тот факт, что данное высказывание следует расценивать скорее как объективную информацию, а не как частное мнение отдельного человека, тем самым усиливая эмоциональное воздействие на читателя, убеждая последнего в верности мнения, исходящего от автора статьи. В подзаголовке статьи для передачи слов директора ЦРУ уже наблюдаем кавычки, чтобы подчеркнуть правдивость передаваемой информации и указать на ее источник: *Mike Pompeo says 'I have every expectation that they will continue to try' to meddle in House and Senate races in November* [17] («Я ожидаю, что они будут продолжать попытки вмешательства в выборы в Сенат в ноябре», – сказал Майк Помпео). И далее в статье говорится: *Mike Pompeo, director of the agency, told the BBC he had not seen a «significant decrease» in Russian activity and his concerns extend to the House and Senate polls in November* [17] (Майк Помпео, директор ЦРУ, рассказал BBC, что он не видит «существенного уменьшения» активности русских и озабочен ходом дальнейших ноябрьских выборов в конгрессе). В данном предложении в кавычках употребляется выражение «*significant decrease*» с целью подчеркнуть верифицируемость мнения и, с другой стороны, указать на его прецедентность, так как обсуждение «компаний вмешательства русских» уже неоднократно имело место в различных источниках.

Таким образом, изучение пунктуационных знаков в современном коммуникативном пространстве английского языка свидетельствует о появлении у них новых функциональных возможностей, связанных с выполнением экспрессивных, выделительных и игровых функций.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования): учеб. пособие. – Л.: Просвещение, 1973. – 303 с.
2. Бальшиева К.А. Языковая игра как средство создания экспрессии в заголовках британских медиа-текстов // Филологические науки: Вопросы те-

ории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6, ч. 1. – С. 54–58.

3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник. – М.: Высш. школа, 1994. – 381 с.

4. Вейхман Г.А. Современный английский язык: Новейший справочник по грамматике. Синтаксис. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – 606 с.

5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник. – М.: Высш. школа, 1977. – 332 с.

6. Дивакова М.В. Принципы пунктуации и нормы синтаксических построений русского литературного языка первой трети XX века (на материале произведений писателей и поэтов XX века): дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2005. – 209 с.

7. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 122 с. – Режим доступа: <http://www.journ-orel.ru/download.php?view.119> (дата обращения: 1.02.2018).

8. Попова Ю.В. Феномен языковой игры в рекламном дискурсе: лингвокультурологический и гендерный аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2014. – 188 с.

9. Рябова М.Ю. Формы и механизмы языковой игры // М.Ю. Рябова, В.А. Каменева, О.В. Валько. Коммуникация и культура: идеологическая деконструкция. – LAP: Lambert Academic Publishing, 2011. – P. 42–59.

10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.

11. Трасс Линн. Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации [Электронный ресурс] / пер. Н. Шахова. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=102204> (дата обращения: 1.02.2018).

12. Щерба В.Г. Теория русского письма. – Л.: Наука, 1983. – 134 с.

13. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

14. Brit(ish) review – what does it mean to be black and British now? [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2018/jan/29/british-by-afuahirsch-review-identity-race-nikesh-shukla> (дата обращения: 29.01.2018).

15. Crystal David. The Cambridge encyclopedia of language. – NY: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.

16. Ignore the naysayers: the 2017 election youthquake wasn't a myth (Liam Young) [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/29/naysayers-2017-election-youthquake-wasnt-myth-labour-surge> (дата обращения: 29.01.2018).

17. Russia is aiming to interfere in US midterm elections, warns CIA chief [Электронный ресурс] // Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/29/russia-is-aiming-to-interfere-in-us-midterm-elections-warns-cia-chief> (дата обращения: 30.01.2018).

18. Truss Lynne. Eats, shoots & leaves. The zero tolerance approach to punctuation. – London: Fourth Estate, 2007. – 209 p.

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka (Stilistika dekodirovaniya): ucheb. posobie. – L.: Prosveshchenie, 1973. – 303 s.

2. Balysheva K.A. YAzykovaya igra kak sredstvo sozdaniya ehkspressii v zagolovkah britanskih mediatekstov // Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2017. – № 6, ch. 1. – S. 54–58.

3. Bloh M.YA. Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazyka: uchebник. – М.: Vyssh. shkola, 1994. – 381 s.

4. Vejhman G.A. Sovremennyy anglijskij yazyk: Novejshij spravochnik po grammatike. Sintaksis. – М.: Astrel': AST, 2011. – 606 s.

5. Gal'perin I.R. Stilistika anglijskogo yazyka: uchebник. – М.: Vyssh. shkola, 1977. – 332 s.

6. Divakova M.V. Principy punktuacii i normy sintaksicheskikh postroenij russkogo literaturnogo yazyka pervoj treti HKH veka (na materiale proizvedenij pisatelej i poetov HKH veka): dis. ... kand. filol. nauk. – М.: 2005. – 209 s.

7. Kurganova E.B. Igrovoy aspekt v sovremennom reklamnom tekste: ucheb. posobie [EHlektronnyj resurs]. – Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2004. – 122 s. – Rezhim dostupa: <http://www.journ-orel.ru/download.php?view.119> (data obrashcheniya: 1.02.2018).

8. Popova YU.V. Fenomen yazykovoj igry v reklamnom diskurse: lingvokul'turologicheskij i gendernyy aspekt (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov n/D, 2014. – 188 s.

9. Ryabova M.YU. Formy i mekhanizmy yazykovoj igry // M.YU. Ryabova, V.A. Kameneva, O.V. Val'ko. Kommunikaciya i kul'tura: ideologicheskaya dekonstrukciya. – LAP: Lambert Academic Publishing, 2011. – P. 42–59.

10. Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. – М.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. – 544 s.

11. Trass Linn. Kaznit' nel'zya pomilovat'. Beskompromissnyj podhod k punktuacii [EHlektronnyj resurs] / per. N. SHahova. – Rezhim dostupa: <https://www.e-reading.club/book.php?book=102204> (data obrashcheniya: 1.02.2018).

12. SHCHerba V.G. Teoriya russkogo pis'ma. – L.: Nauka, 1983. – 134 s.

13. YAzykoznanie: Bol'shoj ehnciklopedicheskiy slovar' / gl. red. V.N. YArceva. – M.: Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 1998. – 685 s.

14. Brit(ish) review – what does it mean to be black and British now? [EHlektronnyj resurs] // The Guardian. – Rezhim dostupa: //https://www.theguardian.com/books/2018/jan/29/british-by-afuahirsch-review-identity-race-nikesh-shukla (data obrashcheniya: 29.01.2018).

15. Crystal David. The Cambridge encyclopedia of language. – NY: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.

16. Ignore the naysayers: the 2017 election youthquake wasn't a myth (Liam Young) [EHlektronnyj

resurs] // The Guardian. – Rezhim dostupa: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/29/naysayers-2017-election-youthquake-wasnt-myth-labour-surge (data obrashcheniya: 29.01.2018).

17. Russia is aiming to interfere in US midterm elections, warns CIA chief [EHlektronnyj resurs] // Guardian. – Rezhim dostupa: https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/29/russia-is-aiming-to-interfere-in-us-midterm-elections-warns-cia-chief (data obrashcheniya: 30.01.2018).

18. Truss Lynne. Eats, shoots & leaves. The zero tolerance approach to punctuation. – London: Fourth Estate, 2007. – 209 p.

К ВОПРОСУ ОБ АССИМИЛЯЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена вопросам, связанным с терминологическими заимствованиями англоязычного происхождения в русскоязычные терминологические системы в современных условиях глобализации и развитых коммуникационных технологий. Публикация содержит краткий обзор лингвистических подходов. Автор рассматривает ряд наиболее показательных случаев заимствований единиц специальной номинации в терминологические системы «нового времени» – экономику, бизнес, рекламу. Акцент сделан на необходимости разработки лексико-семантических критериев для определения целесообразности включения терминологических заимствований в сферу употребления и фиксации русскоязычной терминологии. Кроме того, в статье приводятся некоторые методологические рекомендации для разработки указанных критериев. Необходимость их разработки обосновывается, в частности, широкими деривационными возможностями принимающего языка для создания в некоторых случаях собственных эквивалентов новых терминов.

Ключевые слова: терминологические заимствования, лексико-семантические критерии, смысловая эквивалентность, объем понятия термина, поэтапная ассимиляция термина, смысловое пространство, заполнение переводческих лакун.

В данной статье мы рассмотрим некоторые способы ассимиляции терминов, заимствуемых из англоязычных терминологических систем в русский язык для специальных целей (languages for special purposes – LSP). Как правило, сигнификаты и соответствующие им термины заимствуются в иноязычные терминологические системы в тех случаях, когда в принимающих LSP появляются новые реалии и, как следствие, возникает дефицит языковых знаков для их обозначения.

В указанных условиях можно прибегнуть к нескольким способам заполнения понятийных и переводческих лакун. Так, в деловое общение проникает все большее количество терминологических единиц, образованных за счет переноса, конвергенции или заимствования – в основном из английского языка. Так, по наблюдению Л.Ю. Афанасьевой, одно из направлений развития английского языка как глобального – это «дальнейшая унификация с целью международного использования, которая приводит к сокращению лексических единиц и упрощению грамматических форм для того, чтобы он мог стать удобным средством международного общения» [7, с. 34]. Однако наряду с этой точкой зрения существуют и другие подходы к приоритетному положению английского языка в сфере специальной коммуникации. Так, председатель Международного комитета по унификации терминологических неологизмов З. Стоберский выступал с предложением «называть каждое новое открытие и техническое изобретение на языке страны-первооткрывателя» [10, с. 9]. Со своей стороны, выступая в защиту других национальных языков от «засилья англицизмов», классик современной англистики Д. Кристал предположил, что «если через пятьсот лет английский язык останется единственным, это будет самая величайшая

катастрофа, которую когда-либо знала наша планета» [9; цит. по: 8: с. 315].

Относительно влияния англоязычных терминологических заимствований на сферу русскоязычной коммуникации следует отметить, что заимствование большого ряда терминов вряд ли можно назвать удачным, поскольку в системе русского языка уже существуют приемлемые эквиваленты, способные войти в систему функционирования и фиксации единиц специальной номинации, – и этой альтернативой вряд ли стоит пренебрегать. К числу таких терминов принадлежат, к примеру, следующие языковые единицы: *ритейл* (вместо *розничная продажа*), *дистрибьютор* (вместо *распространитель продукции*), *байер* (вместо *помощник по закупкам*), *мерчендайзер* (вместо *товароукладчик*) и т. п. Для иллюстрации чрезмерного увлечения англоязычными заимствованиями можно привести опубликованный в газете «Аргументы и факты» анекдот: «Факторинг, лизинг, банкинг, консалтинг, франчайзинг, маркетинг, трейдинг – несуществующие формы ведения бизнеса в России. Их все заменяет ОТКАТинг» [11, с. 8].

Попутно отметим, что подобные заимствования, полученные за счет калькирования и транслитерации иноязычных слов, некоторые лингвисты не считают эквивалентами. Так, Р.Я. Рецкер отмечает, что «...наблизити – вместо рекламы, *истеблишмент* – вместо государственных устоев и т. п. – все эти слова-паразиты засоряют русский язык» [5, с. 17]. При этом Рецкер все же исповедует «оптимистический» подход к возможности заполнения переводческих лакун эквивалентными вариантами – в отличие, скажем, от Кэтфорда, который принципиально отрицает эквивалентность как возможность воссоздания слова исходного языка (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ) [8, с. 35].

В то же время словообразовательные возможности русского языка настолько, на наш взгляд, высоки, что позволяют ассимилировать многие заимствованные единицы специальной номинации без ущерба для развития принимающей языковой системы. К таким терминам можно отнести, к примеру, терминологические единицы из сферы юридического общения: *оферта* (от англ. *to offer* – «предложить»), *акцепт* (от англ. *to accept* – «принять») и др. Причем производные термины не обязательно переносятся в русскоязычную систему в «калькированном» виде. Например, юридический термин *counteroffer* имеет в русскоязычной терминосистеме эквивалент *встречное предложение* (а не «*контроферта*», как можно было бы ожидать). Показательным представляется также пример с поэтапной ассимиляцией термина *roadmap*, вошедшим в русскоязычную терминосистему бизнеса в начале XIX века в калькированном виде «*родмэп*» (в значении «стратегическое планирование»). Однако впоследствии «...этот термин приобрел форму *дорожная карта*, причем именно в таком, адаптированном, виде получил в LSP бизнеса, экономики и рекламы быстрое и повсеместное распространение» [4, с. 55].

В силу относительно недостаточного уровня развития некоторых терминологических систем, на начальном, или промежуточном, этапе термины, укоренившиеся в более развитой языковой системе, зачастую переходят в менее развитую систему не только в калькированном, но и в «описательном» виде. Например, такие юридические понятия, как *барристер* (от англ. *barrister*) и *соллицитор* (от англ. *solicitor*), в русскоязычной терминосистеме обычно функционируют в описательном виде или сопровождаются уточняющим комментарием: «*адвокат, имеющий право выступать в суде*» и «*поверенный адвокат*» соответственно. Однако на более поздних этапах развития соответствующего LSP описательная часть термина может исчезать, и терминологическая единица будет употребляться уже как самостоятельная единица, не требующая комментария. По нашему мнению, при поиске терминологического эквивалента для новой реалии или понятия «...следует также учитывать “закон обратного отношения”, действующий применительно к содержанию и объему понятия: чем больше содержание понятия, тем меньше его объем» [3, с. 312].

В отдельную категорию (весьма, по нашим наблюдениям, многочисленную) следует отнести термины, потенциальная возможность ассимиляции которых вызывает сомнения. Среди таких языковых единиц можно встретить, к примеру, термины: *бердвочинг* (от англ. *birdwatching* – «наблюдение за птицами»), *пэтчворкинг* (от англ. *patchworking* – «вид швейного рукоделия, шитье из лоскутов»), *квиллинг* (от англ. *quill* «перо» – «искусство изготовления конструкций из скрученной бумаги»), *ко-*

воркинг (от англ. *co-working* – «совместная работа, работа над общим проектом»), *бенчмаркинг* (от англ. *benchmarking* – «способ стратегического планирования на основании показаний конкурентов»), *фрилансер* – (от англ. *freelancer* – «свободный работник») и т. п.

Любопытно рассмотреть этимологию последних двух терминов. Так, термин *бенчмаркинг* в настоящее время присутствует в русскоязычном Интернете более чем на 140 сайтах. В словарь деловой коммуникации эта терминологическая единица была заимствована из терминосистемы геодезии (*benchmark*), где означала «*рэпер, база отсчета*». В русскоязычной же терминологической системе использование данного термина, на наш взгляд, вряд ли является целесообразным, так как в ней уже есть такие понятийные эквиваленты, как «*сравнительный анализ*» и «*сравнение с эталоном*».

Термин же *фриланс* (досл. «свободная пика, копье»), был введен в обиход Вольтером Скоттом в романе «Айвенго». Эта лексическая единица изначально применялась к «наемным рыцарям XIV–XVI вв., не имевшим фактического подданства и поднимавшим оружие за того короля, который платил больше денег» [12, с. 6]. В настоящее время понятие «*фриланс*» может относиться к представителям практически любой творческой профессии в случае, если они работают удаленно или не в штате.

Следует отметить, что, несмотря на изначальную «чужеродность» последнего заимствования для русскоязычной коммуникации, частотность его употребления свидетельствует о том, что он в значительной мере уже укоренился в русскоязычной системе LSP – во-первых, за счет того, что сама реалия (явление «фриланс») приобрела распространенный характер, а во-вторых, поскольку исконное русскоязычное понятие «вольнонаемный рабочий» относится к представителям «простых», а не творческих профессий – иными словами, до появления термина «*фрилансер*» в русскоязычной системе делового общения существовала терминологическая лакуна.

В целом, по причине высокой доли терминологических заимствований, – что связано с процессами глобализации и развитием коммуникативных технологий, – в настоящее время назрела, очевидно, необходимость во введении критериев, классифицирующих полезность и целесообразность заимствованных терминов для развития системы принимающего языка. Для того, чтобы разработать систему таких критериев, необходимо помнить о тесной связи между понятием и термином. Логично предположить, что заимствование имеет право на существование только тогда, когда в системе принимающего языка не существует дублета заимствуемой терминологической единицы, отвечающего ряду условий:

1) заимствуемый термин должен обладать той же лаконичностью, что и оригинальный термин;

2) заимствуемый термин должен в максимальной степени совпадать с оригинальным термином по объему понятия.

Кроме того, при определении «полезности» включения заимствованного термина в систему ПЯ следует, по нашему мнению, придерживаться следующего принципа: к заимствованию терминов через транслитерацию следует прибегать только в тех случаях, когда исчерпаны все другие способы для эквивалентного выражения нового понятия в системе принимающего языка.

Очевидно, что идеальными условиями для подбора эквивалента термина является та ситуация, при которой объем и содержание понятия в системах ИЯ и ПЯ находятся в отношениях *тождества*. При этом отношения межъязыкового тождества на практике встречаются относительно редко – гораздо чаще в сфере межъязыковой коммуникации мы имеем дело с отношениями *пересечения* или *подчинения*. Иными словами, в первом случае (отношения *тождества*) объемы понятия в ИЯ и ПЯ почти полностью совпадают; во втором случае (отношения *пересечения*) объемы понятия совпадают частично, а в третьем случае (отношения *подчинения*) объем понятия в ИЯ входит в объем понятия в ПЯ [3, с. 312]. Различие в объемах понятий в сфере терминологии проще всего объяснить, прибегнув к философским аспектам языкознания. В частности, известный лингвист А.Х. Султанов отмечал, что «...слово – это насквозь смысловая сущность... Как своими телесными глазами человек видит реальные материальные вещи, так же своим умственным взором он созерцает смысл вещей, а не создает его в своей фантазии...» [6, с. 42].

Далее лингвист утверждает, что «никакого прямого буквального перехода научных терминов в язык... происходить не может. Речь должна идти лишь о *частичном* проявлении в смысловой структуре слов тех семантических процессов, которые совершаются в терминологии...» [6, с. 55].

Очевидно, что в системах разных национальных языков «умственный взор» коллективного сознания различает неодинаковые «смысловые сущности», то есть те сущности, которые различаются как по объему, так и по содержанию понятия. Такое различие в подходах разных национальных языков к «дроблению» картины мира обусловлено, в первую очередь, общественно-историческими условиями развития нации. Так, в некоторых языках «...пока не выработалась сложная система абстрактных слов-представлений, слов-понятий... Недостаток в общих понятиях компенсируется огромным многообразием конкретных наименований... Языки же, находящиеся на более высокой стадии развития, располагают и более обширным словарем абстрактных понятий» [2, с. 25]. Причем

в движении от конкретных значений к абстрактным понятиям «термины играют огромную роль, так как они не только пассивно регистрируют понятие, но и воздействуют на него, уточняют, отделяют от смежных представлений» [2, с. 23].

При подборе термина для обозначения нового понятия или реалии следует, на наш взгляд, учитывать различие между словом из сферы общеупотребительного языка (LGP) и единицей из сферы специальной коммуникации (LSP), так как от последних требуется гораздо более высокая степень эквивалентности. Однако большое число терминов многозначно и полиэквивалентно, а зачастую, по мнению Я.И. Рецкера, «переводчику приходится иметь дело с безэквивалентной терминологией»... Для точности передачи значения иной раз приходится поступиться экономией языковых средств. Так, *brinkmanship* переводится как «балансирование на грани войны», а политический неологизм *sell-out* также требует развернутого перевода: «предательство национальных интересов»...» [5, с. 16].

В целом, процессы заимствования предполагают, что принимающий язык (через создателей научных текстов и других «пользователей» терминологическими единицами) естественным образом «фильтрует» языковые инновации, отбирая из них те, за счет которых он может в максимальной степени расширить собственное смысловое пространство. На наш взгляд, для минимизации отрицательного влияния большого количества англоязычных терминологических заимствований на систему русского языка, возможно, было бы полезным создание «шкалы ассимилированности и актуальности терминов, основанной на мониторинге публикаций, а также опросах носителей языка относительно восприятия ими исследуемого термина. Такая шкала, созданная на основе лексико-семантических критериев, очевидно, позволила бы найти формы количественного выражения степени ассимилированности «присвоенного» термина, а также оценить его «полезность» для системы принимающего языка.

Библиографический список

1. Афанасьева Л.Ю. Становление и развитие норм английского и итальянского языков. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 19 с.
2. Будагов Р.А. Слово и его значение. – М.: Добросвет, 2003. – 63 с.
3. Никулина М.А. Вариологический взгляд на терминологию, проблемы ее распространения и эквивалентности перевода в современных условиях. – М.: РУДН, 2009. – 370 с.
4. Никулина М.А. К вопросу о целесообразности англоязычных заимствований в русскоязычные терминологические системы «нового времени» // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 54–62.

5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2004. – 240 с.

6. Султанов А.Х. Слово и термин (пролегомены и философия имени). – М.: РУДН, 2007. – 205 с.

7. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 343 с.

8. Catford C. A Linguistic Theory of Translation. – Lnd., 1965. – 103 p.

9. Crystal D. English as a Global Language, 1997. – 212 p.

10. Stobersky Z. The Worldwide Process of Internization of Scientific Terminology // Neoterm. – 1984. – № 1. – p. 3–9.

11. Самый доходный бизнес в России – «откатинг»? Куда идет отечественная экономика [Электронный ресурс] // АиФ. –2009. – 29 сент. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/corruption/13771> (дата обращения: 29.01.2018).

12. Этимология терминов-неологизмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvaflavor.com> (дата обращения: 21.11.2017).

References

1. Afanas'eva L.YU. Stanovlenie i razvitie norm anglijskogo i ital'yanskogo yazykov. – М.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2006. – 19 s.

2. Budagov R.A. Slovo i ego znachenie. – М.: Dobrosvet, 2003. – 63 s.

3. Nikulina M.A. Variologicheskij vzglyad na

terminologiyu, problemy ee rasprostraneniya i ehkvivalentnosti perevoda v sovremennyh usloviyah. – М.: RUDN, 2009. – 370 s.

4. Nikulina M.A. K voprosu o celesoobraznosti angloyazychnyh zaimstvovaniy v russkoyazychnye terminologicheskie sistemy «novogo vremeni» // Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika. – 2014. – № 2. – S. 54–62.

5. Recker YA.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. – М.: R. Valent, 2004. – 240 s.

6. Sultanov A.H. Slovo i termin (prolegomeny i filosofiya imeni). – М.: RUDN, 2007. – 205 s.

7. Ter-Minasova S.G. Vojna i mir yazykov i kul'tur. – М.: Slovo, 2008. – 343 s.

8. Catford S. A Linguistic Theory of Translation. – Lnd., 1965. – 103 p.

9. Crystal D. English as a Global Language, 1997. – 212 p.

10. Stobersky Z. The Worldwide Process of Internization of Scientific Terminology // Neoterm. – 1984. – № 1. – p. 3–9.

11. Samyj dohodnyj biznes v Rossii – «otkating»? Kuda idet otechestvennaya ehkonomika [EHlektronnyj resurs] // AiF. –2009. – 29 сент.– Rezhim dostupa: <http://www.aif.ru/money/corruption/13771> (data obrashcheniya: 29.01.2018).

12. EHtimologiya terminov-neologizmov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.lingvaflavor.com> (data obrashcheniya: 21.11.2017).

Волкова Елена Борисовна

кандидат филологических наук

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

lenka@mail.mipt.ru

Ременникова Ирина Александровна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vladrem@list.ru

Вечеринина Елена Алексеевна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vealek@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ТЕКСТОВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА РУССКОМ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Стиль точных наук предполагает изложение материала строгим, подчеркнuto логичным языком, исключая какие-либо проявления образности, эмоциональности. Однако некоторые экспрессивные средства используются в текстах математических произведений и имеют свою специфику даже по сравнению с научными текстами из других областей знаний. В статье ставится задача исследовать экспрессивность текстов математических произведений на русском, английском и французском языках и проанализировать полученные результаты. Материалом для исследования послужили труды выдающихся современных математиков в области дифференциальной геометрии и алгебраической топологии. Этим авторам принадлежат фундаментальные результаты в указанных областях, их произведения, написанные безупречным стилем, служат основой для дальнейших исследований. Для адекватного восприятия сложного материала, автор должен сосредоточить внимание читателя на ключевых понятиях, на которых в дальнейшем строится доказательство, подчеркнуть важные моменты, убедить в правильности своих доводов. Рациональная расстановка акцентов способствует лучшему пониманию авторской мысли. Кроме того, в текстах математических произведений иногда рассматриваются различные подходы к решению той или иной проблемы, существующие точки зрения по некоторым вопросам. Автор должен ясно выразить и убедительно обосновать свою позицию. Здесь и нужны различные стилистические приёмы эмоционального воздействия на читателя. В текстах математических произведений на рассматриваемых языках наблюдаются как общие экспрессивные средства, так и специфические для отдельных языков. Выявленные стилистические особенности необходимо учитывать при работе с математическими произведениями на данных языках.

Ключевые слова: повтор, развёрнутый вариативный повтор, слова с усиительно-выделительной семантикой, вводные слова, риторический вопрос, эмфатический оборот, образная лексика.

Известно, что научному стилю, в особенности подстилю точных наук, свойственна логичность и объективность, обобщённость и отвлечённость [2, с. 57]. Кажется, что тексты математических произведений написаны строгим, «сухим» языком, лишённым образности и выразительности. Но это не так. В отличие от других стилей в научном стиле под экспрессивностью следует понимать «такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере» [5, с. 299]. Действительно, тексты математических произведений должны быть не только точно и логично написаны, но и адекватно поняты читателем. Излагая материал, автор должен каким-то образом заострить внимание адресата на важных моментах, подчеркнуть их и убедить читателя в истинности своих рассуждений. Кроме того, тексты математических произведений состоят не только из математических выкладок. В них может содержаться, например, история научного поиска по данной проблеме, сравнение различных подходов и пр., где автор должен выразить и обосновать свою позицию. Как отмечает Н.М. Разинкина «Специфичность элементов эмоционального плана в научной литературе состоит в том, что проявление индивиду-

ального, оценочного в научном изложении есть нечто допустимое, но ни в коей мере не органическое качество стиля. Элементы индивидуального вкрапливаются в текст научного изложения, оставаясь при этом иностильными... Причём стилистическая окраска эмоциональных элементов высказывания в научной литературе выступает особенно усиленно, контрастно, так как при перенесении языковых единиц в необычную обстановку их окрашенность начинает выступать с наибольшей отчётливостью и выпуклостью» [9, с. 9]. Однако стоит отметить, что подстиль точных наук является достаточно замкнутой областью для проникновения иностильных элементов. Консервативность данной сферы научной коммуникации поддерживается по ряду причин: устойчивость терминосистемы математических текстов; стереотипность и повторяемость «строевых» элементов данных произведений с целью облегчения восприятия сложного материала; традиция преемственности нового знания, имеющего прочную доказательную базу [2, с. 56]. Поэтому иностильные вкрапления в текстах математических произведений довольно редки.

Научная речь имеет свой набор ограниченно-актуальных эмоционально-экспрессивных средств и своё внутреннее распределение их по степени

активности. Они, как правило, включают в себя: усилительные частицы, местоимения, наречия, эмоционально-экспрессивную лексику, разного рода суперлативы, вводные слова и словосочетания, образные слова, риторические вопросы, разговорную лексику, экспрессивный порядок слов, лексические повторы, восклицательные предложения, книжно-торжественную лексику [4, с. 32–33].

Методом сплошной выборки из текстов математических произведений известных современных математиков Б.А. Дубровина [3], В.П. Маслова [6], С.П. Новикова [7], Л.С. Понтрягина [8], Б.В. Федосова [10], В. Beauzamy [11], G. Comte [12], R. Cont [13], S.K. Donaldson [14; 15], N.J. Hitchin [17; 18], J.P. Kahane [19], P. Lévy [22; 23], Yu.I. Manin [24], Yv. Meyer [26], P. Roger [27] на русском, английском и французском языках было извлечено по 1000 предложений с использованием эмоционально-экспрессивных средств и подсчитана их частотность.

Следует отметить, что в силу специфики текстов математических произведений, нам совсем не встретилась разговорная лексика, восклицательные предложения и книжно-торжественная лексика. Рассмотрим экспрессивные средства, которые были представлены в нашем материале.

1. Лексические повторы. Наиболее часто в русскоязычных текстах математических произведений в качестве эмоционально-экспрессивных средств высказывания привлекаются лексические повторы. Принятые в математике клишированные выражения, усиленные выделительно-ограничительной частицей *только*, *тогда* и *только тогда*, *в том* и *только в том случае*, *при том* и *только том условии* встречались наиболее часто. Аналогичная ситуация отмечается и в текстах математических произведений на английском и французском языках.

Напомним, что точность последовательности означает, что уравнение $a_i = u_i + 1$ относительно u_i разрешимо тогда и только тогда, когда $a_i + 1u_i + 1 = 0$ [10, с. 177]. An indecomposable holomorphic bundle ε over χ is stable if and only if there is a unitary connection on ε having constant central curvature $*F = -2\pi i\mu(\varepsilon) = 0$ [14, с. 269]. Même si le joueur n'est intéressé que par le nombre de numéros gagnants de sa grille, lui indiquer ce nombre ne lui révèle pas l'état de la nature sauf si bien sûr, il possède les trois numéros gagnants [12, с. 234].

2. Развёрнутые вариативные повторы. Кроме лексических повторов используются и так называемые развёрнутые вариативные повторы (РВП), когда вначале кратко сформулированный тезис затем повторяется, семантически развиваясь и углубляясь. Такой приём используется даже в рамках одного предложения, повтор вводится такими словосочетаниями, как *иными словами*, *то есть*, *иначе говоря* и т.п.

Счетная дискретная группа G , обладающая свойством L , распадается в прямую сумму конечной подгруппы и конечного или счетного числа свободных циклических подгрупп; иначе говоря, группа G имеет вид CZ , где z может принимать не только конечные значения, но и счетно-бесконечное значение [8, с. 270].

В англо- и франкоязычных текстах математических произведений наблюдается похожая картина.

We recall that one may divide the forms on the one hand into the even and odd forms (i.e., whether the form takes only even values) and on the other hand into definite and indefinite forms [15, с. 279]. In other words, the metric has constant sectional curvature [18, с. 66]. From a topological point of view, each invariant polynomial defines an invariant $(2di-1)$ -form on G and the exterior algebra generated by these is cohomology $H^(G; C)$. More algebraically, Kostant's principle three-dimensional subgroup breaks up the Lie algebra \mathfrak{g} into representation spaces of dimension $2di-1$ [17, с. 97].* В последнем примере автор рассматривает одно и то же высказывание с разных точек зрения: с топологической и с алгебраической. Он повторяет и уточняет основную мысль предыдущего предложения по-другому, более «алгебраически».

Ainsi, l'étude d'une population isolée dans un milieu produisant de la nourriture en abondance conduit au modèle suivant pour l'effectif x en fonction du temps $tx^1(t) = Kx(t)$ c'est à dire que l'accroissement de population $x^1(t)$ est, à chaque instant, proportionnel à la taille de la population $x(t)$ [16, с. 1]. В РВП с использованием клишированных выражений *in other words / ainsi, c'est à dire* наблюдаются очевидные повторы. Автор перефразирует ранее высказанную мысль, почти ничего не добавляя.

3. Слова с усилительной и ограничительной семантикой. В русскоязычных математических текстах широко используются усилительные и ограничительные частицы, местоимения, количественные наречия, например, *именно*, *всего*, *только*, *лишь*, *абсолютно* и пр. В общем случае доказательство проводится аналогично, нужно лишь повторить приведенные рассуждения для каждой координаты [3, с. 22].

В английских и французских математических текстах также встречаются слова с аналогичной усилительной или ограничительной семантикой: *precisely, exactly, only / aisément, clairement* etc.

In 1965 Narasimhan proved that the stable holomorphic vector bundles over a compact Riemann surface are precisely those arising from irreducible projective unitary representations of the fundamental group [14, с. 269], Thus solutions of $\delta A_s = 0$ correspond exactly to elements of $\text{Hom}(\varepsilon A, \varepsilon A')$. On voit aisément que la somme (7)... obéit aussi à la loi de Gauss réduite [23, с. 171]. Dans cette définition, on voit clairement la justification de la solution de la notion de tribu; une probabilité étant définie sur des

événements, il est nécessaire que \mathcal{A} soit stable par réunion dénombrable pour que (b) ait un sens [12, с. 5].

4. Вводные слова и словосочетания. В текстах математических произведений частотны вводные слова и словосочетания, например, *в самом деле, действительно, естественно/ naturally, indeed, in effect, as a matter of fact, in fact / en effet, naturellement* с помощью которых автор выражает свою позицию или акцентирует внимание на чём-то, упомянутом ранее.

Действительно, умножив эллиптический оператор A порядка m на эллиптический самосопряженный оператор $A-m$ с главным символом $|\xi|^m$, мы получим оператор порядка 0 [10, с. 175]. *В самом деле, допустим, что a не входит в M* [8, с. 64]. *This is a generalization of the theorem of Narasimhan and Seshadri that a stable bundle admits a canonical flat unitary collection. In fact, setting $\Phi=0$, we obtain their theorem (in the case of rank 2) as a corollary* [18, с. 60]. *En effet, l'information connue à un instant t détermine une sous-tribu de la tribu engendrée par les informations connues à une date, à condition toutefois de supposer que les agents n'oublient pas et que, de ce fait, les variables dont la valeur est connue en t le reste en $s > t$* [12, с. 9]. *Naturellement, cette base orthonormée de $L^2 [0,1]$ fournit également la base $W_n(t-k)$, $n = 0, 1, \dots$, $k = 0, +1, +2 \dots$ de $L^2(\mathbb{R})$* [26, с. 344].

5. Суперлятивы. В русскоязычных текстах математических произведений нечасто используются суперлятивы, например, *величайший, труднейший, простейший*.

Для трехмерных многообразий это доказал Мойс в начале 50-х гг., и это $0, 1 \dots, k$ – наиболее сильный результат, который можно здесь получить прямыми элементарными методами [7, с. 24]. *Фундаментальная группа топологического пространства является одним из важнейших его инвариантов* [8, с. 351].

В англо- и франкоязычных произведениях суперлятивы также не являются частотными: *the most obvious, the best, the simplest / le pire* и т.п.

The most obvious problem remaining in this area is to discover for which values of m, n the manifold constructed by Freedman corresponding to the form $\langle \dots \rangle$ can be smoothed [15, с. 280]. *The most trivial example is the case of the complex group $G=C^*$* [17, с. 96]. *Donoho introduit le risque minimax défini par $\inf \mathcal{G} \sup C E [I \mathcal{G} - I^2]$ où C désigne la connaissance a priori sur f , où \mathcal{G} est l'estimateur de f et où E est l'espérance mathématique relative au bruit aléatoire (la signification de ce minimax est que dans le pire des cas, l'estimateur \mathcal{G} doit donner un bon résultat* [26, с. 343].

6. Эмоционально-экспрессивная лексика. Она малочастотна в исследуемом материале: *колоссальное, прекрасный, замечательный / remarkable, beautiful, miraculously / des meilleurs* и пр.

По теории псевдодифференциальных операторов (n. d. o.) имеются прекрасные руководства,

к которым мы и отсылаем читателя [10, с. 173]. *Во второй половине 40-х годов – начале 50-х гг. Лере, Серр, А. Картан, Том, Борель создали и успешно применили цикл замечательных алгебраических методов для вычисления гомологий расслоенных пространств, основанных на так называемых “спектральных последовательностях Лере”* [7, с. 11].

It seems that the remarkable paper by Bost and Connes and its extensions furnish the right language to describe the arithmetic phenomena that interest us [24, с. 8]. *Somewhat miraculously, the dimension of this vector space is always equal to the dimension of the moduli space N , thus providing the n functions* [17, с. 91]. *One can also give a beautiful description of the total set of conjugates of $J(E_K)$ and the action of the Galois group on this set* [17, с. 5].

C'est cette approche au débruitage qui fournit des meilleurs résultats sur l'enregistrement “live” de Brahms réalisé sur un disque de cire fourni par Thomas Edison... [26, с. 345].

7. Средства словесной образности крайне малочастотны в текстах математических произведений. Иногда можно встретить такие образные слова как *картина, двери, ловушка, чёрный ящик, под одной крышей, кошка Шрёдингера, кузены, хрустальный гадательный шар* и др.

Однако при $n > 5$ картина меняется: основными величинами отличающимися гомеоморфизм от гомотопического типа являются интегралы от классов Понтрягина по циклам, топологическую инвариантность которых установил Новиков [7, с. 23]. *Это совершенно новое явление, и мы поставлены перед проблемой, которая никогда раньше не возникала: понять, что заключено в «чёрном ящике»* [6, с. 119]. *These disjoint results are collected under one roof, because they form pieces of a general picture, which could be called Real Multiplication of two-dimensional quantum tori, by analogy with the classical Complex Multiplication of elliptic curves* [24, с. 2]. *En effet, $\{v=t\} \in \mathcal{F}_1$, traduit le fait que sortir du marché à la date t ne peut se décider de liquidation se prend à l'aide de l'ensemble des variables économiques observable à cette date. On exclut donc la lecture dans une boule de cristale* [27, с. 12].

Однако Ж.П. Кахан отмечает тенденцию к проявлению эмоциональности в современном математическом дискурсе и словообразовании, которая наиболее ярко проявляется в образности математической терминологии *«Et par rapport à cet épisode de classicisme, l'époque actuelle est plutôt baroque. L'analyse non linéaire, la géométrie non communicative, le non-différentiable, l'analyse non standard n'ont qu'un trait commun, mais il est significatif: c'est le non. Il traduit bien la volonté d'un changement de point de vue radical, ce qu'exprime aussi des termes à forte valeur affective: la théorie des catastrophes, les groupes sporadique, les sphères exotiques, les attracteurs étranges, la géométrie*

fractales, le chaos moudre aux algédéterminale, la complexité, etc.» (Кахан 2000: 140). *Ainsi les nombres premiers ont des cousins dans des structures parentes de celles des entiers* [19, с. 134].

8. Риторические вопросы и вопросно-ответные комплексы. Они изредка использовались в исследуемом материале для того, чтобы показать ход дальнейшего рассуждения, эксплицировать движение мысли. Это своего рода сигнал, призывающий читателя к размышлению вместе с автором. Ш. Балли утверждал: «На самом же деле риторический вопрос – это вовсе не вопрос, и он не имеет никакого отношения к риторике; это просто косвенное экспрессивное средство, которое символизирует более или менее определённую группу чувств» [1, с. 308].

Возникает естественный вопрос: какие матрицы Римана B_{jk} являются матрицами периодов голоморфных дифференциалов на римановой поверхности? [3, с. 26]. Как же всё-таки обстоит дело с важнейшими инвариантами гладких и кусочно-линейных многообразий? [7, с. 26]. What are morphisms between noncommutative spaces considered as “spectra” of associative rings (perhaps, with an additional structure)? [24, с. 2]. Again, a natural question arises: can one see in noncommutative geometry Stark’s numbers of the cyclometric case? [24, с. 8] Peut-on prévoir ou quantifier le risque des événements extrêmes? Que peuvent les statistiques face aux événements rares? ... Après avoir rappelé les principes de base de la théorie statistique et retracé l’origine de la loi gaussienne, nous verrons que, pour étudier les événements rares ou extrêmes, il faut appeler à la rescousse d’autres outils statistique [13, с. 1]. De nombreuses questions se posent encore: π et e sont deux nombres transcendants mais sont-ils algébriquement indépendants ou bien existe-t-il une équation polynomiale à deux variables et à coefficients entiers dont le couple (π, e) soit une solution? La question est encore en suspens [21, с. 1]. Можно заметить, что «вопросительное предложение ... вовсе не является в данном случае вопросительным, это просто символ эмоционально окрашенной мысли» [1, с. 308].

8. Экспрессивный порядок слов. Это явление нам не встретилось в русскоязычных математических произведениях. Оно ярче должно проявляться в англо- и франкоязычных текстах с устойчивым порядком слов. Однако в исследуемых произведениях оно встречалось чрезвычайно редко, о чём будет сказано чуть ниже.

Все перечисленные стилистические средства были отмечены в исследуемых математических произведениях на русском, английском и французском языках, их частотность будет приведена ниже в конце статьи. В качестве специфических для англо- и франкоязычных текстов математических произведений отметим следующие:

1) использование эфатических (от слова *emphasis* – акцент, ударение) оборотов *it is/was ... that (which) / c’est ... qui/ ce sont ... qui; c’est ... que/ ce sont ... que; ce qui...*, *ce que*, который переводится как *именно, как раз*. Вместо многоточий ставится то слово (словосочетание), которому необходимо придать особую эмоциональную окраску.

It is the Prym variety of this curve which is a generic fibre in this case (Н 92). *Not all vector bundles produced from line bundles on S this way will be stable and it is the stable ones which determine the open set* [17, с. 101].

Во французском предложении эмоциональную окраску высказывания подчеркивает присутствие выделительных оборотов *C’est ... qui/ Ce sont ... qui; C’est ... que/ Ce sont ... que; Ce qui...*, *ce que...*, структура которых содержит в себе формы глагола *être* и относительных местоимений *qui/que*. Именно эти обороты при переводе с французского на русский язык опускаются или могут быть заменены словами *именно, как раз, значит*.

Ce qui apparait avec évidence aujourd’hui, c’est que cette interaction n’est pas à sens unique [19, с. 142]. *Traduction: Сегодня становится очевидно, что это взаимодействие может происходить в различных направлениях.*

2) редко – постановка вспомогательного глагола *to do*, который является излишним в утвердительном предложении, для усиления значения определённых моментов. Он, как правило, переводится как *всё-таки*:

Although J is not smooth, it does have the semi-continuity property [14, с. 271]. Во французском математическом дискурсе глагол *devoir* в этом значении практически не встречается.

3) в единичных случаях – намеренное изменение устойчивого порядка слов в предложении. *It is through irreducibility shall we prove the proposition, making use of Bertini’s theorem* [18, с. 71]. Здесь наблюдается сочетание усилительного оборота с вопросительным порядком слов с целью расстановки необходимых акцентов.

В нижеприведённом примере французское предложение построено с использованием повелительного наклонения, экспрессивная окраска выражается изменением порядка слов в предложении, так как личное ударное местоимение 3-го лица ж.р. ед.ч. «*la*» ставится после глагольной формы «*démontrons*», присоединяясь к ней дефисом. В предложении используется также усилительное наречие «*trivialement*» *La proposition est trivialement vraie si $K = 1$ car on a $\beta_r = \{\emptyset, \Omega\}$; supposons qu’elle soit vérifiée si $K = n - 1$ et démontrons-**la** pour $K = n$* [12, с. 3].

Во французском предложении также возможно изменение прямого порядка слов без употребления выделительных оборотов. В этом случае экспрессивный оттенок передаётся переносом за рамки предложения подлежащего, как правило, в предсто-

ящей подлежащему позиции с выделением в устной форме паузой, а в письменной – запятой. При этом последующая его замена соответствующим личным местоимением обязательна. В качестве примера приведём преобразование предложений 1-1а в предложение 2. 1: *Les méthodes de Runge-Kutta (подлежащее np. 1) sont des méthodes d'analyse numérique d'approximation de solution différentielles. Elles (подлежащее np. 1a) ont été nommées ainsi en l'honneur des mathématiciens Carl Runge et Martin Wilhelm Kutta lesquels élaborèrent la méthode en 1901* [25, с. 1] 2: *Les méthodes d'analyse numérique d'approximation de solution différentielles de Runge-Kutta, elles (подлежащее np. 2) ont été nommées ainsi en l'honneur des mathématiciens Carl Runge et Martin Wilhelm Kutta lesquels élaborèrent la méthode en 1901.*

Итак, результаты нашего исследования выглядят следующим образом (русский/ английский/ французский): различного рода повторы – 43%/ 47%/ 44%, усилительные частицы, местоимения, наречия – 43%/ 41%/ 40,6%, вводные слова и словосочетания – 4%/1,8%/2,7%, суперлативы – 2%/ 3,1%/ 2,4%, эмоционально-экспрессивная лексика – 0,8%/ 0,9%/ 1,5%, образные слова – 1,2%/ 0,9%/ 1,4%, риторические вопросы – 2,4%/ 1,2%/ 2,8%, экспрессивный порядок слов – 0%/ 0,2%/ 0,4%, усилительные обороты 2,3%/3,8%. Нужно отметить, что результаты исследования по разным языкам приблизительно сопоставимы, хотя имеются свои особенности использования экспрессивных средств в каждом из исследуемых языков. Соглашаясь с Ш. Балли, можно отметить, что «чем больше доля косвенных средств в выражении мысли, тем увереннее можно сказать, что данная мысль возникает под действием чувств и эмоций, которые и составляют её основное содержание; аффективные косвенные средства – это своего рода термометр, которым можно измерить душевный накал» [1, с. 308]. Привлекая внимание читателя к важным моментам излагаемого материала и для оживления стиля доказательной базы, авторы каждой из исследованных работ, написанных на русском, английском или французском языке, стремятся в той или иной мере привнести в математический дискурс элементы экспрессивности, сохраняя аутентичность языка, на котором изложено содержание конкретного математического явления, теоремы, леммы, уравнения и т.п.

Таким образом, в текстах математических произведений мы имеем дело не с эмоциональной, а с целенаправленной «интеллектуальной» экспрессией, связанной с подчёркиванием важности для автора той или иной мысли, усилением значения отдельных моментов повествования.

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

2. Волкова Е.Б. Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2016. – 212 с.

3. Дубровин Б.А. Тэта-функции и нелинейные уравнения // Успехи математических наук, 1981. – Т. 36. – Вып. 2 (218). – С. 11–80.

4. Кожина М.Н. К проблеме экспрессивности научной речи // Исследования по стилистике, 1971. – Вып. 3. – С. 32–33.

5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

6. Маслов В.П. Фазовые переходы нулевого рода и квантование закона Ципфа // Теоретическая и математическая физика. – 2007. – Т. 150. – № 1. – С. 118–142.

7. Новиков С.П. Алгебраическая топология // Современные проблемы математики. – М.: МИАН, 2004. – 46 с.

8. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520с.

9. Разинкина Н.М. О возможности сосуществования эмоционального и логического в английской научной литературе XIX века // Стилистико-грамматические черты научной литературы, 1970. – С. 9.

10. Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер. Современные проблемы математики. Фундаментальные направления, 1991. – Т.65. – С. 165–268.

11. Beauzamy B. Des mathématiques dans le monde réel. La Société de Calcul Mathématique // SCM, S.A. – Paris, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scmsa.eu/archives/BB_math_monde_reel.pdf (дата обращения: 23.01.2018).

12. Comte G., Merle M. Equisingularité réelle II: invariants locaux et conditions de régularité. Annales scientifiques de L'École normale supérieure, série 41, fascicule 2, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/0706.406.pdf> (дата обращения: 19.01.2018).

13. Cont R. Les statistiques face aux événements extrêmes. Pour la Science, N 385, Novembre 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pourlascience.fr/ewb_pages/a/article-la-statistique-face-aux-evenements-rares-23572.php (дата обращения: 20.01.2018).

14. Donaldson S.K. A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // Differential geometry, 1982. – No. 18. – P. 269–277.

15. Donaldson S.K. An application of gauge theory to four dimensional topology // Differential geometry, 1983. – No. 18. – P. 279–318.

16. Équation différentielle. p.1-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89quation_diff%C3%A9rentielle (дата обращения: 21.01.2018).

17. Hitchin N. Stable bundles and integrable systems // Duke mathematical journal. – 1987. – Vol. 54. – No. 1. – P. 91–114.

18. Hitchin N. The self-duality equations on a Riemann surface // Duke mathematical journal. – 1987. – Vol. 54. – No. 1. – P. 59–90.

19. Kahane J.-P. Les sciences mathématiques à l'aube du 21e siècle // Arch. Sci. Nat. Phys. Math. NS 45. – Luxembourg, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igds.lu/medias/pdf/ouvragesedites/-les_sciences_mathematiques.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

20. Le chat de Schrödinger. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Chat_de_Schrödinger (дата обращения: 20.01.2018).

21. Le nombre PI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/chat_3,14 (дата обращения 19.01.2018).

22. Lévy P. Le théorème fondamental de la théorie des erreurs. Annales de l'Institut Henri Poincaré, Paris, 1930, fasc/ II, vol. I, p 163-177. http://www.numdam.org/item?id=AIHP_1930__1_2_163_0 (дата обращения: 20.01.2018).

23. Lévy P. Sur certains processus stochastiques homogènes. Composito Mathematica, tome 7 (1990), p. 283-339. Fondation Composito Mathematica, 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.numdam.org/item?id=CM_1940__7_283_0 (дата обращения: 23.01.2018).

24. Manin Yu.I. Real multiplication and noncommutative geometry. – Bonn: Max-Planck-Institute für Mathematik, 2002. – 46 p.

25. Méthodes de Runge-Kutta. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Méthodes_de_Runge-Kutta (дата обращения: 20.01.2018).

26. Meyer Yv. Ondelettes et algorithmes concurrents // GRETST, Groupe d'Etudes du Traitement du Signal et des Images, 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.irevues.inist.fr/bistream/handle/20-42/11834/AR10pdf> (дата обращения: 20.01.2018).

27. Roger P. Mathématiques appliquées à la finance. Chapitre 5, Martingales à temps discret. Strasbourg, 2001.

References

1. Balli SH. Francuzskaya stilistika. 2-e izd., stereotipnoe. – M.: EHditorial URSS, 2001. – 392 s.

2. Volkova E.B. Slozhnopodchinyonnye predlozheniya neraschlenyonnogo tipa v nauchnom stile russkogo yazyka (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla): dis. ... kand. filol. nauk. – Vologda, 2016. – 212 s.

3. Dubrovin B.A. Tehta-funkcii i nelinejnye uravneniya // Uspekhi matematicheskikh nauk, 1981. – T. 36. – Vyp. 2(218). – S. 11–80.

4. Kozhina M.N. K probleme ehkspressivnosti nauchnoj rechi // Issledovaniya po stilistike, 1971. – Vyp. 3. – S. 32-33.

5. Kozhina M.N. Stilistika russkogo yazyka / M.N. Kozhina, L.R. Duskaeva, V.A. Salimovskij. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 464 s.

6. Maslov V.P. Fazovye perekhody nulevogo roda i kvantovanie zakona Cipfa // Teoreticheskaya i matematicheskaya fizika, 2007. – T. 150. – № 1. – S. 118–142.

7. Novikov S.P. Algebraicheskaya topologiya // Sovremennye problemy matematiki. – M.: MIAN, 2004. – 46 s.

8. Pontryagin L.S. Nepreryvnye gruppy. – M.: Editorial URSS, 2009. – 520s.

9. Razinkina N.M. O vozmozhnosti sosushchestvovaniya ehmocional'nogo i logicheskogo v anglijskoj nauchnoj literature HIH veka // Stilistiko-grammaticheskie cherty nauchnoj literatury, 1970. – S. 9.

10. Fedosov B.V. Teoremy ob indekse // Itogi nauki i tekhniki. Ser. Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya, 1991. – T.65. – S. 165–268.

11. Beauzamy B. Des mathématiques dans le monde réel. La Société de Calcul Mathématique // SCM, S.A. – Paris, 2000. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://scmsa.eu/archives/BB_math_monde_reel.pdf (data obrashcheniya: 23.01.2018).

12. Comte G., Merle M. Equisingularité réelle II: invariants locaux et conditions de régularité. Annales scientifiques de L'École normale supérieure, série 41, fascule 2, 2008. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://arxiv.org/pdf/0706.406.pdf> (data obrashcheniya 19.01.2018).

13. Cont R. Les statistiques face aux événements extrêmes. Pour la Science, N 385, Novembre 2009. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.pourlascience.fr/ewb_pages/a/article-la-statistique-face-aux-evenements-rares-23572.php (data obrashcheniya 20.01.2018).

14. Donaldson S.K. A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // Differential geometry, 1982. – No. 18. – P.269–277.

15. Donaldson S.K. An application of gauge theory to four dimensional topology // Differential geometry, 1983. – No. 18. – P.279–318.

16. Équation différentielle. p.1-3. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89quation_diff%C3%A9rentielle (data obrashcheniya 21.01.2018).

17. Hitchin N. Stable bundles and integrable systems // Duke mathematical journal, 1987, – Vol.54, No. 1. – P. 91–114.

18. Hitchin N. The self-duality equations on a Riemann surface // Duke mathematical journal, 1987, – Vol.54, No. 1. – P. 59–90.

19. Kahane J.-P. Les sciences mathématiques à l'aube du 21e siècle // Arch. Sci. Nat. Phys. Math. NS 45. – Luxembourg, 2000. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.igds.lu/medias/pdf/>

ouvragesedités/-les_sciences_mathematiques.pdf (data obrashcheniya: 20.01.2018).

20. Le chat de Schrödinger. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://fr.wikipedia.org/wiki/Chat de Schrödinger](http://fr.wikipedia.org/wiki/Chat_de_Schrödinger) (data obrashcheniya 20.01.2018).

21. Le nombre PI. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://fr.wikipedia.org/wiki/chat 3,14](http://fr.wikipedia.org/wiki/chat_3,14). (data obrashcheniya 19.01.2018).

22. Lévy P. Le théorème fondamental de la théorie des erreurs. Annales de l'Institut Henri Poincaré, Paris, 1930, fasc/ II, vol. I, p 163-177. [http:// www.numdam.org/item?id=AIHP_1930__1_2_163_0](http://www.numdam.org/item?id=AIHP_1930__1_2_163_0) (data obrashcheniya: 20.01.2018).

23. Lévy P. Sur certains processus stochastiques homogènes. Composito Mathematica, tome 7 (1990), p. 283-339. Fondation Composito Mathematica, 1990. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www>.

numdam.org/item?id=CM_1940__7_283_0 (data obrashcheniya: 23.01.2018).

24. Manin Yu.I. Real multiplication and noncommutative geometry / Yu. I. Manin. Max-Planck-Institute für Mathematik, Bonn. 2002. – 46 p.

25. Méthodes de Runge-Kutta. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http:// fr.wikipedia.org/wiki/Méthodes de Runge-Kutta](http://fr.wikipedia.org/wiki/Méthodes_de_Runge-Kutta) (data obrashcheniya 20.01.2018).

26. Meyer Yv. Ondelettes et algorithmes concurrents//GRETST, Groupe d'Etudes du Traitement du Signal et des Images, 1993. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://documents.irevues.inist.fr/bistream/handle/20-42/11834/AR10pdf> (data obrashcheniya: 20.01.2018).

27. Roger P. Mathématiques appliquées à la finance. Chapitre 5, Martingales à temps discret. Strasbourg, 2001.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НОВОЗЕЛАНДСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена комплексному исследованию ведущих направлений развития современной новозеландской лексикографии, которая стремительно развивается в настоящее время. Обосновывается идея о том, что ее развитие напрямую определяется общими тенденциями, характерными для лексикографической практики англоязычных стран в целом, среди которых следует выделить увеличение роли учебной лексикографии, публикацию специальных словарей различных предметных областей (экономика, политика и т. д.), развитие «развлекательной» отрасли лексикографии (Lexicography for Fun). Большое значение придается и словарям сленга, поскольку именно в данном слое лексики очень часто отражаются особенности современного функционирования лексических единиц в речи. Кроме того, немаловажное значение приобретают справочники языка маори, поскольку они позволяют сохранить язык и культуру коренного племени Новой Зеландии.

Ключевые слова: новозеландский вариант английского языка, специальные словари, учебная лексикография, словари для досуга, макроструктура, микроструктура словаря.

В настоящее время английский язык является языком международного общения. Он превалирует в бизнесе, экономике, образовании. Более 80 % информации в мире хранится на английском языке. Он является языком науки: 70–85 % научных работ публикуются сначала на английском языке [3, с. 442].

Однако в реальной межкультурной коммуникации участвуют многочисленные варианты английского языка, или так называемые «английские языки». В настоящее время в понятие «английский язык» включаются многочисленные разновидности, такие как пиджин инглиш, креольский английский и другие, на которых говорят более чем в 60 странах мира. Активное использование английского языка в культурных контекстах предоставляет лингвистам возможность зафиксировать языковую вариативность и изменения, происходящие в одном языке [7, с. 28].

Под вариативностью понимается общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. В.М. Солнцев рассматривает вариативность как один из факторов развития языка, которая проявляется на всех его уровнях [5, с. 71].

В центре данного исследования находится изучение основных направлений развития современной новозеландской лексикографии, в связи с чем предварительно следует рассмотреть особенности языковой ситуации в Новой Зеландии в целом.

С момента возникновения специфика новозеландского континента определяется тем, что он зарождается как колония британских колонизаторов. Аборигенами страны являются маори, прибывшие в Новую Зеландию в 1150–1200 гг. н. э. До появления британцев основным языком на континенте был язык маори.

Распространение английского языка в Новой Зеландии относится к 1769 г., когда ее берегов достиг Дж. Кук. Колонизаторская деятельность бри-

танцев оказала влияние на функциональное распределение языков в Новой Зеландии, способствуя выдвигению английского языка на господствующие позиции и локализуя использование языка маори [1, с. 33].

Итак, с момента колонизации Новой Зеландии английский язык занимает господствующее положение на континенте. До сих пор не существует единой точки зрения по вопросу происхождения новозеландского варианта английского языка. Однако наиболее распространенными являются следующие концепции.

Согласно первой теории, основу новозеландского варианта составляет язык кокни, низшего слоя населения Англии. Правомерность концепции объясняется следующим: одной из характерных особенностей языка кокни является рифмованный сленг, примеры которого также присутствуют в новозеландском варианте: babbling brook ‘cook’, pen and ink ‘drink’ и другие.

Согласно второй концепции, основу новозеландского варианта составляет австралийский английский, поскольку в обоих вариантах английского языка присутствуют общие лексические единицы: bludger ‘person who lives off the efforts of others’, corker ‘good’.

И наконец, еще одной версией происхождения новозеландского варианта является следующее: новозеландский английский – это обособленный вариант английского языка, поскольку большая часть англоговорящего населения Новой Зеландии – коренные жители новозеландского континента [8].

Лингвистический интерес к особому новозеландскому варианту английского языка возникает в конце XIX в. Публикуются следующие работы: А. Басгейт «Колониальные воспоминания» (1874); С. Макберни «Колониальное произношение» (1887).

Впоследствии, в XX в., публикуются еще несколько трудов по новозеландскому варианту:

Дж. Андерсен «Популярные названия новозеландских растений» (1926); А. Уолл «Родной язык в Новой Зеландии» (1936), Г. Тернер «Английский язык в Австралии и Новой Зеландии» (1966); Э. Гордон и Т. Деверсон «Новозеландский английский: введение в новозеландскую речь» (1985) [2, с. 62–63].

Зарождение лексикографической практики в Новой Зеландии происходит в XIX веке. Одной из ранних значительных работ стал труд “Grammar and Vocabulary of the Language of New Zealand” С. Ли и Т. Кендалла (1820 г.). В 1844 г. был издан словарь У. Уильямса “Dictionary of the New Zealand Language”. Входные единицы в справочнике представлены на языке маори, дефиниции даны на английском языке [6, с. 107].

Ключевым моментом в начале истории новозеландской лексикографии становится работа Э. Морриса “Austral English: A Dictionary of Australian Words, Phrases and Usages” (1898), в которой получили регистрацию не только австрализмы, но и лексические единицы новозеландского варианта.

В середине XX в. публикуются справочники, в которых получает регистрацию специальная лексика. Например, в 1937 г. в свет выходит словарь сленга “A Dictionary of Slang and Unconventional English” И. Пармиджа. Несколько лет спустя, в 1941 г., публикуется словарь сленговой лексики новозеландского варианта С. Бейкера “New Zealand Slang: a Dictionary of Colloquialisms”.

В 1979 г. был опубликован толковый словарь “Heinemann New Zealand Dictionary” под редакцией Г. Орсмана. В 1994 г. совместно с Э. Орсман Г. Орсман издает словарь “New Zealand Dictionary”. В 1997 г. выходит в свет первый словарь новозеландского языка жестов Дж. Кеннеди “A Dictionary of New Zealand Sign Language” [14].

В XXI в. лексикографическая практика в Новой Зеландии продолжает активно развиваться и достигает расцвета. Ее развитие определяется рядом тенденций, характерных для лексикографии англоязычных стран. Рассмотрим подробнее эти направления.

В настоящее время в мире наблюдается рост публикации *специальных словарей различных предметных областей* (биология: Thain M. “The Penguin Dictionary of Human Biology”, 2009; ботаника: Taylor P. “The Oxford Companion to the Garden”, 2006; география: Allaby M. “Oxford Dictionary of Earth Sciences”, 2008; авиация: Beck S. “Elsevier’s Dictionary of Civil Aviation”, 2002).

В Новой Зеландии также публикуются словари различных предметных областей, таких как кино (Moran A., Veith E. “Historical Dictionary of Australian and New Zealand Cinema”, 2005), политика (“A Dictionary of New Zealand Political Quotations”, 2000), медицина (Gray J. “Illustrated Dictionary of Midwifery. Australian and New Zealand version”, 2005), экономика (“A Biographical Dictionary of

Australian and New Zealand Economists”, 2007), юриспруденция (Hinde G.W. “New Zealand Law Dictionary”, 1979).

Особый интерес в мировой лексикографии наблюдается к такой области, как *сленг и коллоквиализмы*. В современном мире публикуются многочисленные справочники, в которых получает отражение данная группа лексики: Dalzell T. “The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English” (2008), Green J. “Chambers Slang Dictionary” (2010).

В Новой Зеландии также публикуются словари, в которых находит отражение сленговая лексика. К ним относятся: “A Dictionary of Modern New Zealand Slang” (1999), словарь Д. МакГрилла “The Reed Dictionary of New Zealand Slang” (2003), справочник Л. Кирквуда “The Official New Zealand Dictionary of Colloquialisms” (2015).

Особый интерес также наблюдается к публикации *энциклопедических словарей*, в которых получают регистрацию различные тематические группы лексики. К подобным справочникам относится словарь Дж. Хейворда и Р. Шоу “Historical Dictionary of New Zealand” [11]. Словник включает лексемы, которые можно сгруппировать по нескольким категориям: 1) имена выдающихся людей (Lettie Annie, M.P. Anderson, K.J. Philip); 2) исторические события (Annexation of New Zealand); 3) наименования организаций (Church Missionary Society, Colonial Bank); 4) названия народов и племен (Moriiori) и др.

Основная цель справочника – познакомить пользователей с культурой, общественной и политической жизнью страны. Многие зафиксированные лексемы обозначают явления, которые могут быть незнакомы пользователю, изучающему английский язык.

Интересным явлением, которое наблюдается в современной лексикографической практике, становится появление «развлекательной» области английской лексикографии (*Lexicography for fun*). Этот термин был предложен Карповой, главой Ивановской лексикографической школы [4, с. 81].

Публикация подобных справочников для досуга характерна для лексикографических практик многих англоговорящих стран. Например, в 2009 г. был опубликован словарь Дж. Миллера “The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases”. В этом словаре зафиксирован австралийский сленг и фразы, которые передают характер и особенности языка жителей Австралии. Еще одним примером подобного справочника развлекательного характера является словарь Н. Фанджа “An Australian Dictionary for North Americans” (2000).

Примерами подобных словарей в новозеландской лексикографии являются словарь М. Крайера “The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases” (2006), а также справочник

Л. Леланда “A Personal Kiwi-Yankee Dictionary for the New Zealand Traveler” (1998).

Макроструктура словаря М. Крайера представлена входными единицами различных тематических групп, таких как наименования еды и напитков (amber liquid, Anzac biscuits), названия праздников (Anzac Day), наименования флоры (bidly-bid) и некоторые другие [10].

Основным адресатом данного словаря, как следует из названия, являются путешественники, прибывшие в Новую Зеландию. Словарь в шуточной, веселой и непринужденной манере знакомит пользователя с реалиями новозеландской культуры, общественной и политической жизнью, традициями и обычаями.

Еще одним примером справочника развлекательного характера, изданием для досуга становится словарь Д. Пернелла “The New Zealand Crossword Dictionary” (1998), а также справочник П. Исаака “The New Gobbledygook: A New Zealand Dictionary and Guidebook” (2004).

Следует подчеркнуть особое значение таких словарей для современной лексикографической практики, поскольку их появление значительно увеличивает круг пользователей и привлекает новую аудиторию к обращению к тому или иному словарю.

Увеличение интереса к учебным словарям в современном мире определяется ростом потребности в изучении иностранных языков.

В английской лексикографии регулярно появляются печатные и электронные учебные справочники различных издательств: “Longman Essential Activator” (2004), “Collins School Dictionary” (2006), “New School Thesaurus” (2003), “Oxford Advanced Learners Dictionary” (2000).

В новозеландской лексикографии также наблюдается расцвет учебной лексикографии. Публикуются следующие справочники: “New Zealand Oxford Junior Dictionary” (fourth edition, 2011); “New Zealand Oxford Primary School Dictionary” (Intermediate level, fourth edition, 2009); “The New Zealand Integrated School Dictionary & Thesaurus” (2008).

Кроме того, появляются учебные словари, имеющие комбинированную лексикографическую форму, сочетающие в себе компоненты толкового словаря и тезауруса: словарь Д. Бардсли “The New Zealand Oxford Integrated School Dictionary & Thesaurus” (2008).

Поскольку в современном мире учебная лексикография приобретает огромное значение, отдельно рассмотрим пример подобного справочника в новозеландской лексикографии.

Словарь “Collins New Zealand School Thesaurus” [9] является незаменимым помощником для изучающих английский язык. Адресатом словаря являются школьники. Микроструктура включает входную единицу, дефиницию, грамматическую по-

мету (указание части речи), иллюстративный пример, помогающий понять функционирование лексемы в речи. Несомненным достоинством словарной статьи является введение в ее состав синонимов, к которым также даются примеры. В некоторых случаях микроструктура включает антонимы. Примеры словарных статей приведены ниже:

Label noun. A piece of paper or plastic attached to something for information. *He peered at the label on the bottle.*

sticker *She's got a disabled sticker on her car.*

Wealthy adjective. having plenty of money. *She came from a very wealthy background.*

affluent *living in an affluent neighbourhood.*

ANTONYM: poor.

Немалый интерес в настоящее время также вызывают *словари языка маори*. Несмотря на то, что основной язык на новозеландском континенте – английский, власти континента также проводят меры по популяризации языка маори. В 2002 г. язык маори начали изучать в некоторых дошкольных учреждениях. В 2000 г. в Новой Зеландии был снят первый фильм на языке маори «Te Tangata Whai Rawa o Weneti». В 2008 г. создается телеканал «Te Reo», вещание на котором осуществляется на языке маори [1, с. 35].

В XX в. также публикуются словари языка маори. Словарь П.М. Райана “Reed Dictionary of Modern Maori” (1995) представлен в двух направлениях: маори – английский, английский – маори и включает более 20000 лексических единиц.

Поскольку наблюдается рост интереса к языку маори как языку коренного населения Новой Зеландии, рассмотрим подробнее несколько справочных изданий, в которых зарегистрированы лексические единицы этого языка.

В 2007 г. вышла в свет энциклопедия С.-А. Ламберта “New Zealand Māori Word Encyclopedia” [12]. Словарь включает входные единицы на английском языке и их переводные эквиваленты на языке маори. Словник разделен на несколько тематических разделов (Perfume, Our people and others, Army or War Party with Purpose, Self-Possession и другие группы). Словарная статья включает лексему на английском языке и ее эквивалент на языке маори:

Leader/Commander ngārahu

A Messenger kaiwaew

Встречается большое количество словарей языка маори, представленных онлайн в сети Интернет в открытом доступе. Например, в справочнике “Maori Dictionary” [13] зафиксированы лексические единицы различных тематических групп, таких как флора и фауна, планеты, звезды. Словарь имеет две версии: английскую и маорийскую. В поисковой строке пользователь набирает лексему и получает подробную словарную статью:

ngutu roa

1. (noun) kiwi.

1. (noun) northern brown kiwi, North Island brown kiwi, kiwi feather, Apteryx mantelli and tokoeka, Apteryx australis – flightless, nocturnal endemic birds with hair-like feathers and a long bill...

Словарная статья включает входную единицу на языке маори, указание частеречной характеристики, переводной эквивалент и дефиницию на английском языке.

Таким образом, в настоящее время новозеландская лексикография претерпевает период активного развития. Тенденции, характерные для лексикографии англоязычных стран в целом, также отличают лексикографическую практику в Новой Зеландии. Среди них следует выделить публикацию специальных словарей различных предметных областей (политика, экономика, юриспруденция и др.), интерес к словарям сленга и коллоквиализмов (“A Dictionary of Modern New Zealand Slang”, 1999); появление энциклопедических словарей (“Historical Dictionary of New Zealand” Дж. Хейворда и Р. Шоу). Новаторским направлением современной лексикографии становится «лексикография для развлечения» (Lexicography for fun) (“The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases” М. Крайера).

Особое место в новозеландской словарной практике занимают учебные словари, что весьма закономерно в связи с расширением межкультурных контактов в мире и изучением иностранных языков (словарь “The New Zealand Oxford Integrated School Dictionary & Thesaurus” Д. Бардсли). Кроме того, немаловажное значение приобретают словари языка маори. Подобные справочники позволяют сохранить для современного поколения язык и культуру исконного племени новозеландского континента (“Maori Dictionary”).

Библиографический список

1. *Бекеева А.Р.* История развития языковой ситуации и языковой политики в Новой Зеландии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 31–41.
2. *Бекеева А.Р.* К вопросу об исследовании новозеландского национального варианта английского языка // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования. Коллективная монография. – Тамбов: Бизнес – Наука – Общество. – 2016. – С. 62–66.
3. *Жерновая О.Р., Латышева А.И., Лобанова Н.С.* Английский язык как язык международного общения: кому принадлежит английский язык сегодня? // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 4 (48). – С. 438–451.
4. *Карпова О.М.* Английская лексикография: учеб. пособие. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
5. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы: тез. докл. – М.: Наука, 1982. – Ч. 2. – С. 71–73.

6. *Трифанова С.С.* О лексикологическом и лексикографическом аспектах новозеландского лексического субстандарта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 106–112.

7. *Хомутова Т.Н.* Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 28–34.

8. *Bauer L.* Origins of New Zealand English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.victoria.ac.nz/lals/research/projects/grinze-archived/publications/Origins_of_NZ_English.pdf (дата обращения: 10.01.2018).

9. Collins New Zealand School Thesaurus. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2009. – 888 p.

10. *Cryer M.* The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases. – Auckland; N. Z.: Exisle Pub., 2006. – 242 p.

11. *Hayward J., Shaw R.* Historical Dictionary of New Zealand. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. – 470 p.

12. *Lamber S.-A.* New Zealand Māori Word Encyclopedia. – Auckland: WE International Ltd., 2007. – 814 p.

13. Maori Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maoridictionary.co.nz> (дата обращения: 14.01.2018).

14. New Zealand Lexicography [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.victoria.ac.nz/lals/centres-and-institutes/dictionary-centre/about-us/new-zealand-lexicography> (дата обращения: 15.01.2018).

References

1. *Bekeeva A.R.* Istoriya razvitiya yazykovoj situacii i yazykovoj politiki v Novoj Zelandii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. – 2014. – № 2. – S. 31–41.
2. *Bekeeva A.R.* K voprosu ob issledovanii novozelandskogo nacional'nogo varianta anglijskogo yazyka // Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye problemy prepodavaniya i issledovaniya. Kollektivnaya monografiya. – Tambov: Biznes – Nauka – Obshchestvo. – 2016. – S. 62–66.
3. *ZHernovaya O.R., Latysheva A.I., Lobanova N.S.* Anglijskij yazyk kak yazyk mezhdunarodnogo obshcheniya: komu prinadlezhit anglijskij yazyk segodnya? // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. – 2015. – № 4 (48). – S. 438–451.
4. *Karpova O.M.* Anglijskaya leksikografiya: ucheb. posobie. – M.: Akademiya, 2010. – 176 s.
5. *Solncev V.M.* Variativnost' kak obshchee svojstvo yazykovoj sistemy // Variantnost' kak svojstvo yazykovoj sistemy: tez. dokl. – M.: Nauka, 1982. – CH. 2. – S. 71–73.
6. *Trifanova S.S.* O leksikologicheskom i leksikograficheskom aspektah novozelandskogo

leksicheskogo substandarta // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – № 3. – S. 106–112.

7. Homutova T.N. Teoriya yazykovoj variativnosti: sociolingvisticheskiy aspekt // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 11. – S. 28–34.

8. Bauer L. Origins of New Zealand English [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.victoria.ac.nz/lals/research/projects/grinze-archived/publications/Origins_of_NZ_English.pdf (data obrashcheniya: 10.01.2018).

9. Collins New Zealand School Thesaurus. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2009. – 888 p.

10. Cryer M. The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases. – Auckland; N. Z.:

Exisle Pub., 2006. – 242 p.

11. Hayward J., Shaw R. Historical Dictionary of New Zealand. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. – 470 p.

12. Lamber S.-A. New Zealand Māori Word Encyclopedia. – Auckland: WE International Ltd., 2007. – 814 p.

13. Maori Dictionary [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.maoridictionary.co.nz> (data obrashcheniya: 14.01.2018).

14. New Zealand Lexicography [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.victoria.ac.nz/lals/centres-and-institutes/dictionary-centre/about-us/new-zealand-lexicography> (data obrashcheniya: 15.01.2018).

Захарова Мария Алексеевна

кандидат филологических наук
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград
forestwell@yandex.ru

Исакович Екатерина Александровна

кандидат педагогических наук
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград
k.isakovich@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМ *SUIT* И *COSTUME*, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РАЗНОВИДНОСТИ ОДЕЖДЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье сопоставляются лексемы *suit* и *costume*, принадлежащие к пластам англо-нормандской и французской лексики соответственно. Сопоставляется семантическая структура указанных единиц, при этом в качестве материала для анализа привлекаются данные нескольких одноязычных лексикографических источников. Рассматриваются наиболее яркие примеры семантической деривации, а также фразеологически связанные значения полисеманта *suit*. Привлекается к рассмотрению деривационный потенциал лексем *suit* и *costume*, позволяющий глубже понять отношения семантической мотивации, в которые вступают исследуемые единицы. При необходимости отмечается отнесенность некоторых составных наименований, включающих данные лексемы, к британскому или американскому вариантам английского языка. На основе проанализированного материала делается вывод о том, что в ходе семантической эволюции данных языковых единиц происходит сужение объема понятия лексемы *costume* и включение части ее лексико-семантических вариантов в состав семемы слова *suit*.

Ключевые слова: англо-нормандская лексика, французские заимствования, британский и американский варианты, семантическая деривация.

Одной из актуальных проблем частной лексикологии является изучение процессов семантической деривации, а также специфики взаимодействия лексических единиц внутри словарного состава языка. Предметом исследования настоящей работы являются функционально-смысловые различия между лексемой *suit* в тех ее значениях, которые связаны с обозначением специального костюма, и лексемой *costume*. Сопоставление семантических структур данных слов с привлечением лексикографических источников разных периодов позволяет сравнить указанные языковые единицы по нескольким параметрам: 1) времени появления в языке, 2) сложности семантической структуры, 3) разветвленности системных связей рассматриваемых единиц.

Анализируемые лексические единицы принадлежат к различным хронологическим пластам словарного состава английского языка. В частности, слово *suit* появляется в среднеанглийский период и восходит к англо-нормандской (англо-французской) лексеме *siwte* (также *siute*, *sute*, *suite*), которая через посредство старофранцузской формы *sieute* восходит к латинскому глаголу **sequere* 'follow' [11, p. 2073].

Слово *costume* было заимствовано английским языком в начале XVIII века из французского, в котором первоначально имело значение 'appareance extérieure réglée par la coutume' [3, vol. 1, p. 400] и, в свою очередь, являлось заимствованием из итальянского. Итальянское же слово *costume* имело значение 'custom, fashion, habit' и восходило к латинскому глаголу *consuetudo* [7, p. 324; 11, p. 402].

Объем понятия обеих лексических единиц существенно различался. Так, лексикографические источники, в которых за основу представления

семантической структуры слов взят исторический принцип, выделяют следующие блоки значений полисеманта *suit*.

1) Соблюдение феодальных правоотношений – **Feudal Law** (в результате действия экстралингвистических факторов отдельные значения рассматриваемого блока либо перешли в разряд историзмов, либо совсем исчезли из языка) [11, p. 2073].

2) **'Pursuit; prosecution, legal process'** [11, p. 2073]. На основе лексико-семантических вариантов, составляющих данный блок, сформировались современные значения слова *suit*, связанные с судопроизводством. Около половины значений данного блока утрачены современным языком [11, p. 2073].

3) **'Livery, garb; sort, class:** 1) a livery or uniform; also, in wider sense, a dress, garb (1633); *out of suits with*: out of favour with (*Shakespeare*); 2) kind, sort, class (1642)' [11, p. 2073]. Значения, объединенные данным семантическим компонентом, были утрачены современным английским языком [11, p. 2073], однако, как можно судить по приведенным выше дефинициям, отдельные лексико-семантические варианты могут рассматриваться как опорные для блоков, связанных с обозначением комплекта одежды (делового костюма), а также совокупности предметов определенного назначения.

4) **'Following, train, suite'** [11, p. 2073]. Одни лексико-семантические варианты, входящие в этот блок, маркируются в лексикографических источниках как архаические (*archaic*) или диалектные (*in dialect use*) [11, p. 2073], в то время как другие составили основу семантической структуры полисеманта *suite*, исторически родственного лексеме *suit* [11, p. 2074].

5) **'Set, series'** [11, p. 2073]. Значения лексемы *suit*, связанные с обозначением делового костюма

или костюма для определенных занятий, а также совокупности объектов, объединенных по назначению и/или функции (в частности, колоды игральные карты), являются результатом семантической деривации именно из данного значения.

6) **‘Sequence; agreement’** [11, p. 2073]. Значения, формирующие данный блок, практически не сохранились у существительного *suit* в современном английском языке. Следует, однако, отметить, что именно лексико-семантические варианты шестого блока составили основу семантической структуры глагольного конверсива *to suit* [11, p. 2074].

Семантическую структуру лексемы *costume* на протяжении XVIII – первой четверти XIX веков составляли значения, связанные с одеждой, отражающей стиль определенной эпохи, «местный колорит»: ‘1) in historical art: The costume and fashion proper to the time and locality in which a scene is laid (also in transferred use); 2) the mode of personal attire and dress belonging to a nation, class, or period (1802); 3) dress considered with regard to its fashion or style; garb (also in figurative use; 1818)’ [11, p. 402].

Первый и второй из приведенных выше лексико-семантических вариантов легли в основу современного значения слова *costume*: ‘a set of clothes in a style typical of a particular country or historical period. // A set of clothes worn by an actor or performer for a role’ [7, p. 324]: *The performers, in costume and make-up, were walking up and down backstage. In all, she has eight costume changes* [4, p. 346]. Второе значение анализируемого слова, датированное 1802 г., также реализуется в устойчивом выражении *national costume* (also *national dress*) ‘the clothes traditionally worn by people from a particular country, especially on special occasions or for formal ceremonies’ [2, p. 1014]. Заметим при этом, что лексическая вариативность указанного атрибутивного словосочетания, а именно употребление более широкого по значению слова *dress*, семантика которого конкретизируется прилагательным *national*, может свидетельствовать о дальнейшей специализации значения лексемы *costume*, закреплении ее исключительно за сферой сценического и экранного искусства.

Помимо процитированных выше значений, с 1839 г. слово *costume* (как в единственном, так и во множественном числе) употреблялось для обозначения женского костюма: ‘a complete set of outer garments; a woman’s gown, as the chief piece of her costume’ [11, p. 402]. В настоящее время данное значение рассматривается как принадлежащее к британскому варианту английского языка и устаревшее: *costume* ‘(British, dated) a woman’s matching jacket and skirt’ [7, p. 324]. Обозначение соответствующей реалии вошло в денотат лексемы *suit*: ‘A woman’s suit consists of a jacket and skirt, or sometimes trousers, made from the same fabric’ [6, p. 1103] (ср.: ‘A man’s suit consists of a jacket,

trousers, and sometimes a waistcoat, all made from the same fabric’: *a smart suit and tie* [6, p. 1103]).

В отличие от лексемы *costume*, значение которой основывается на идее следования традиции, предписанию, значение лексемы *suit* базируется на семах ‘set, series’. Этим внутренним фактором во многом обусловлено четкое семантическое разграничение анализируемых слов в сознании носителей современного английского языка.

Развитие семантической структуры лексемы *suit*, взятой в одном из значений (обозначение специального костюма), отличается большей сложностью. Обратимся к лексико-семантическому варианту ‘a set of garments or habiliments intended to be worn together at the same time’ [11, p. 2073], отличавшемуся разнообразием семантических оттенков: ‘a) of church vestments (1495): *One priestly cope, with the whole suite* (Evelyn), b) of men’s or boys’ outer garments; in full, *suit of apparel, of clothes* (late Middle English): *His light travelling suit* (1892); c) of women’s attire; in earlier use, an entire set of garments for wear at one time; in recent use, a costume (i.e. coat and skirt) (1761); d) of armour (1821); e) in transferred and figurative use, allusively (1593): *The redbreast’s sober suit* (1804), *If honour be your clothing, the suit will last a life-time* (1858)’ [11, p. 2073].

Отношениями семантической мотивации на основе метонимии связаны значение ‘a set of garments or habiliments intended to be worn together at the same time’ слова *suit* и одно из значений производного полисеманта *suiting*: ‘(verbal substantive; concretely, usually plural) trade name for: Material for making suits of clothes’ (1883) [11, p. 2074]. На базе лексемы *suit*, понимаемой как обозначение комплекта одежды, возникло сложное слово *suit-case*, значение которого постепенно расширилось: ‘a small rigid portmanteau originally designed to contain a suit of clothes’ [11, p. 2073] → ‘a case with a handle and a hinged lid, used for carrying clothes and other personal possessions’ [7, p. 1442].

Необходимо отметить также влияние лексико-семантического варианта ‘a set of garments or habiliments intended to be worn together at the same time’ на формирование одного из значений глагольного конверсива *to suit* ‘5) (transitive) to provide with a suit of clothes; to clothe, attire, dress (1577)’ [11, p. 2074], употребляемого преимущественно в форме страдательного залога и имеющего архаическую стилистическую окраску: *How odly he is suited, I thinke he bought his doublet in Italie* (Shakespeare; цит. по: [11, p. 2074]). С данным глаголом связано адеквативированное причастие *suited* ‘(participial adjective) with qualifying word: Wearing a suit or attire of a specified kind (1632)’ [11, p. 2074]. В современном английском языке в значении этого производного наблюдается семантический сдвиг: *suit* ‘(as adjective suited) appropriate or fitting’ [7, p. 1442], ‘right or appropriate for sb/sth’ [10, p. 800]: *She is uniquely suited*

to this task. A senior clinician may be ideally suited for this role. Geographers are particularly well suited to lend their expertise in this arena. This curriculum is especially suited to middle-grade students [10, p. 800]. Причиной такой трансформации послужило переосмысление адъективированного причастия *suited* как семантически мотивированного значением 'sequence, agreement'. Отметим также, что в американском варианте английского языка глагольный конверсив *to suit* также употребляется в значении 'put on clothes' [7, p. 1442].

В современном английском языке значение 'a set of outer clothes made of the same fabric and designed to be worn together, typically consisting of a jacket and trousers or a jacket and skirt' [7, p. 1442] (например: *a business suit, a pinstripe suit, a two- / three-piece suit* (of two / three pieces of clothing) [2, p. 1535]) является основным для лексемы *suit* и служит базой для развития дополнительных оттенков смысла: нейтрального 'a set of clothes for a particular activity: *a jogging suit*' [7, p. 1442] и стилистически маркированного '(informal) a high-ranking business executive' [7, p. 1442] (ср.: *suit* '(usually plural; informal) a person with an important job as a manager in a company or organization, especially one thought of as being mainly concerned with financial matters or as having a lot of influence' [2, p. 1535]).

Употребляемая в значении 'a set of clothes for a particular activity', лексема *suit* служит опорным компонентом атрибутивных составных наименований и сложных слов, которые с определенной долей условности можно разделить на следующие тематические группы.

1) Обозначения разновидностей костюма для деловых встреч: *dinner suit* (British English; also *tuxedo*, North American English, British English) 'a dinner jacket and trousers, worn with a bow tie on formal occasions' [2, p. 427; 7, p. 404], *lounge suit* (British English) a man's suit for ordinary day wear' [7, p. 844], 'especially in offices and on fairly formal occasions' [2, p. 913], *trouser suit* (British English; North American English *pantsuit; pants suit*) 'a pair of trousers and a matching jacket worn by women' [2, p. 1643; 4, p. 1678; 7, p. 1548].

2) Обозначения специальной одежды, отражающей специфику профессиональной деятельности человека: *boiler suit* (especially British English; North American English (*c*)*overalls*) 'a one-piece suit worn as overalls for heavy manual work' [2, p. 162; 6, p. 118; 7, p. 155], *spacesuit* 'a sealed and pressurized suit designed to allow an astronaut to survive in space' [7, p. 1382], *wetsuit* 'a close-fitting rubber garment covering the entire body, worn for warmth in water sports or diving' [7, p. 1641].

С определенной долей условности к данной группе можно отнести слово *jumpsuit* 'a garment incorporating trousers and a sleeved top in one piece (1940s: so named because it was first used to denote a

parachutist's garment)' [7, p. 770], 'worn especially by women' [2, p. 838].

На примере обозначений специального костюма можно проследить действие тенденции к экономичности, в частности к устранению смысловых дублетов – полных синонимов. Так, в современном английском языке сложносокращенное слово *swimsuit* употребляется для обозначения плавательного костюма носителями как британского, так и американского вариантов английского языка [2, p. 1553]. По этой причине соотносительное наименование *bathing suit* отмечается современными словарями как территориально маркированное или устаревшее (*chiefly North American English or old-fashioned*) [2, p. 115, 1553; 7, p. 114].

Тенденция к четкому смысловому разграничению лексем *suit* и *costume* находит отражение и в формально-содержательных изменениях, которые претерпевают составные наименования некоторых специальных разновидностей костюма. Так, наименования *bathing costume* и *swimming costume*, обозначающие плавательный (купальный) костюм ('swimsuit'), маркируются в лексикографических источниках как принадлежащие к британскому варианту английского языка [2, p. 115, 1553; 4, p. 118, 1583; 6, p. 1116; 7, p. 1456], при этом составное обозначение *bathing costume* квалифицируется как устаревшее (*old-fashioned*) [2, p. 115; 4, p. 118]. Общим для британского и американского вариантов английского языка является обозначение *swimsuit* 'a woman's one-piece swimming costume' [2, p. 1553; 7, p. 1457]. Таким образом, составные наименования с опорным словом *costume*, обозначающие виды одежды для определенных занятий, характерны для британского варианта английского языка и в настоящее время рассматриваются как устаревшие. Переоформление составных наименований специального костюма таким образом, что их опорным структурным компонентом становится исключительно лексема *suit*, служит наглядным примером действия закона аналогии в языке.

3) Обозначения костюма для спортивных занятий: *sweatsuit* (also *informal sweats*; both North American English) 'a suit consisting of a sweatshirt and sweatpants' [2, p. 1550; 7, p. 1455], 'for relaxing or playing sports in' [2, p. 1550], *tracksuit* (also *jogging suit*) 'a loose, warm outfit consisting of a sweatshirt and trousers, worn when exercising or as casual wear' [2, p. 1626; 7, p. 1528].

4) Обозначения неофициальной (неформальной) одежды для прочих форм проведения досуга: *leisure suit* (North American English) an informal suit consisting of a shirt and trousers / pants made of the same cloth, popular in the 1970s' [2, p. 879], *sailor suit* 'a suit of blue and white material resembling the dress uniform of an ordinary seaman, especially as fashionable dress for young boys during the 19th century' [7, p. 1267], *shell suit (shell-suit)* '(British

English) a casual suit (a loose pair of trousers/pants and matching jacket) which is made of thin nylon; often brightly coloured' [2, p. 1399; 4, p. 1437], '(British) a casual outfit consisting of a loose jacket and trousers with a soft lining and a shiny polyester outer shell' [7, p. 1327].

Лексема *suit* также служит опорным структурным компонентом фразеологического единства *in your birthday suit* (*informal, humorous or old-fashioned*) not wearing any clothes' [4, p. 146; 9, p. 30] (первоначально – атрибутивное словосочетание *birthday suit* '(jocular) the bare skin' [11, p. 2073], ср. в чем мать родила).

Обратимся к третьему значению лексемы *suit*, связанному с обозначением управляющего высокого ранга. Данный лексико-семантический вариант мог возникнуть на основе метонимического переноса, которым сопровождалась семантическая конденсация фразеологического сочетания *men in (grey) suits* 'powerful men within an organization who exercise their influence or authority anonymously' [9, p. 221] (ср.: *the men in (grey) suits* '(mainly British) the men who are in control of an organization or company and who have a lot of power' [5, p. 357]).

В "The Oxford Dictionary of Slang" отмечается, что анализируемое значение первоначально возникло у самостоятельной лексемы *suit* в американском варианте английского языка (первое подобное словоупотребление датируется 1979 г.) и обладало негативной оценочной коннотацией: *suit* '(derogatory) applied to a business executive, or to anyone who wears a business suit at work' [1, p. 197].

Отметим, что двойственное отношение к «серым кардиналам» корпораций прослеживается во многих примерах употребления как отдельной лексемы *suit*, так и идиомы *the men in (grey) suits*, представленных в различных лексикографических источниках: *A kid... eager to propel himself out of the mail-room, where he has a menial job, into the executive ranks ... of those who are called 'suits'* (TV Week, Melbourne, 1987, цит. по: [1, p. 197]). *Elsewhere in the system there is a clash between the interests of men in grey suits and those of the general public* [6, p. 1103]. *Critics also attacked the jargon employed to explain the reforms – and the men in suits brought in to oversee them* [5, p. 357]. *A lot of young people feel detached from older, stereotype politicians – the men in grey suits* [5, p. 357]. *He's a 'suit', not a 'creative'* [8]. *We can leave the detailed negotiations to the suits* [8].

В отличие от лексемы *suit*, слово *costume* не образовало разветвленного словообразовательного гнезда в английском языке, при этом часть этих немногих производных была постепенно утрачена лексической системой английского языка: *costumery* 'arrangement of costumes; costumes in the mass (rare)' [11, p. 402], *costumic* '(nonce-word) of or pertaining to costume; in costume' [11, p. 402]. Номи-

нативные производные *costumer* и *costumier* хоть и незначительно, но различались по семантике: *costumer* 'a dealer in costumes' [11, p. 402], *costumier* 'a dealer in costumes; especially one who sells or lets out on hire costumes and properties for actors, etc. (курсив наш. – М. З., Е. И.)' (1831) [11, p. 402]. В современном английском языке вариант *costumier* употребителен в британском варианте английского языка, в то время как *costumer* – в американском [2, p. 346; 7, p. 324]. Семантика данного слова практически осталась неизменной: *costumier* 'a maker or supplier of theatrical or fancy-dress costumes' [7, p. 324], 'a person or company that makes costumes or has costumes to hire, especially for the theatre: a firm of theatrical costumiers' [2, p. 346].

Глагольный конверсив-моносемант *to costume* сохранился в современном английском языке, однако в его значении можно наблюдать определенный семантический сдвиг: *to costume* 'to provide with a costume; to arrange the get-up of a theatrical piece' [11, p. 402] (дефиниция из лексикографического источника середины XX века) → *to costume* 'dress in a particular set of clothes' [7, p. 324] (дефиниция из современного словаря). Употребительным является и причастие *costumed* '(adjective, usually before noun) wearing a costume' [2, p. 346]. Относительная неразвитость словообразовательного гнезда с лексемой *costume* в качестве вершины (производящей базы) может рассматриваться как следствие ее функционально-смысловой ограниченности.

Лексема *costume* выступает в качестве атрибутивного компонента в составных наименованиях, которые связаны с обозначением театрализованных представлений или костюмированных вечеров, а также бутафории: *costume drama* 'a television or cinema production set in a historical period' [7, p. 324], *costume drama* 'a play or film / movie set in the past' [2, p. 346]; *a lavish costume drama set in Ireland and the US in the 1890s* [6, p. 245], *costume party* '(North American English) a party where all the guests wear special clothes, in order to look like a different person, an animal, etc.' [2, p. 346], *costume jewellery* 'jewellery made with inexpensive materials or imitation gems' [7, p. 324].

Подведем итоги. Одним из основных критериев, позволяющих выявить функционально-смысловые различия членов лексической пары *suit* – *costume*, является объем обозначаемого ими понятия. В частности, особенности семантической динамики блока значений лексемы *suit*, употребляемой для обозначения делового или специального костюма, связаны с расширением соответствующего понятия, включением в него представлений не только о мужском, но и женском деловом костюме. В отношении семантической структуры лексемы *costume*, наоборот, целесообразно говорить о сужении понятия и закреплении указанной номинатив-

ной единицы за сферой сценического и экранного искусства, а также театрализованных форм досуга. Приобретение составными наименованиями с опорным компонентом *costume* статуса территориально и темпорально маркированных лексических единиц, с одной стороны, и вытеснение в них опорного компонента *costume* компонентом *suit* – с другой, является проявлением общелингвистического закона аналогии.

Представляется перспективным дальнейшее изучение особенностей развития семантической структуры лексемы *suit* с выделением в качестве предмета исследования других крупных блоков значений.

Библиографический список

1. Ayto, John. The Oxford Dictionary of Slang. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2003. – 480 p. – (Oxford Paperback Reference).
2. Hornby A.S. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by Sally Wehmeier. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2005. – 1919 p.
3. Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. – Paris: Société de nouveau littré. – 1979. – Vol. 12174 p.
4. The Collins Cobuild Advanced Dictionary. – Glasgow: HarperCollins Publishers; Boston: Heinle Cengage Learning, 2009. – 1983 p.
5. The Collins Cobuild Idioms Dictionary / founding ed.-in-chief: John Sinclair. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 512 p.
6. The Collins Cobuild Learner's Dictionary: Concise Edition / founding editor in Chief: John Sinclair. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 1344 p.
7. The Concise Oxford English Dictionary / ed. by Angus Stevenson, Maurice Waite. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2011. – 1725 p.
8. The Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/suit_1?q=suit (дата обращения: 14.03.18).
9. The Oxford Dictionary of English Idioms / ed. by John Ayto. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2010. – 416 p. – (Oxford Paperback Reference).
10. The Oxford Learner's Dictionary of Academic English / chief ed.: Diana Lea. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2014. – 1023 p.
11. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / revised and edited by C.T. Onions. – Oxford: Clarendon Press, 1955. – 2516 p.

References

1. Ayto, John. The Oxford Dictionary of Slang. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2003. – 480 p. – (Oxford Paperback Reference).
2. Hornby A.S. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by Sally Wehmeier. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2005. – 1919 p.
3. Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. – Paris: Société de nouveau littré. – 1979. – Vol. 12174 p.
4. The Collins Cobuild Advanced Dictionary. – Glasgow: HarperCollins Publishers; Boston: Heinle Cengage Learning, 2009. – 1983 p.
5. The Collins Cobuild Idioms Dictionary / founding ed.-in-chief: John Sinclair. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 512 p.
6. The Collins Cobuild Learner's Dictionary: Concise Edition / founding editor in Chief: John Sinclair. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 1344 p.
7. The Concise Oxford English Dictionary / ed. by Angus Stevenson, Maurice Waite. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2011. – 1725 p.
8. The Oxford Advanced Learner's Dictionary [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/suit_1?q=suit (data obrashcheniya: 14.03.18).
9. The Oxford Dictionary of English Idioms / ed. by John Ayto. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2010. – 416 p. – (Oxford Paperback Reference).
10. The Oxford Learner's Dictionary of Academic English / chief ed.: Diana Lea. – Oxford [etc.]: Oxford Univ. press, 2014. – 1023 p.
11. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / revised and edited by C.T. Onions. – Oxford: Clarendon Press, 1955. – 2516 p.

Гаталова Мария Андреевна
Ивановский государственный университет
gatalova.mania1990@gmail.com

Карташкова Фаина Иосифовна
доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
kartashkova@rambler.ru

СПЕЦИФИКА НЕВЕЖЛИВОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ДЕЛОВОГО МУЖЧИНЫ

В настоящее время деловое американское общение хорошо известно представителям российских бизнес-кругов благодаря популярности современных американских фильмов. Данный факт предопределяет необходимость анализа и осмысления специфики этого вида коммуникации. Цель работы – установить особенности невербального поведения американского делового мужчины в конкретных актах коммуникации. Реализация исследовательских задач достигается путем анализа эпизодов невежливого коммуникативного поведения, собранных из современных американских художественных фильмов. Методологический потенциал включает: метод коммуникативно-прагматического анализа, позволяющий анализировать поведение американского делового мужчины в контексте межличностной коммуникации, а также контекстуальный анализ, обусловленный необходимостью учёта использования паралингвистических средств в различных коммуникативно-прагматических ситуациях. Рассмотрены особенности невежливого поведения американского делового мужчины в различных эпизодах интеракции. Установлены наиболее типичные виды невербальных знаков, маркирующие конфликтные ситуации. Отмечены специфические невербальные действия, сопровождающие речь американского делового мужчины. Выявлена специфика маскулинного невербального поведения с учётом гендерного фактора адресата. Изучение невежливого невербального поведения американского делового мужчины позволяет понять особенности маскулинного поведения в различных коммуникативно-прагматических ситуациях; установить невербальные знаки, маркирующие маскулинное невербальное поведение.

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации, невербальный этикет, невежливое коммуникативное поведение, эмоциональное состояние, американское деловое общение.

Еще полвека назад академик А.А. Реформатский указывал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной коммуникативной деятельностью, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [11].

В устной коммуникации роль жестов, мимики, поз и телодвижений трудно переоценить. Как справедливо отмечает Г.Е. Крейдлин, кинетические стороны поведения людей, такие как жесты и жестикуляция, способы, какими люди стоят или сидят, как располагаются друг по отношению к другу, как меняют позы во время беседы, как, наконец, они смотрят друг на друга, играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии. Комплексность и разнообразие знаковых форм невербального общения вполне соответствуют сложности и разветвленности частных наук, входящих в состав невербальной семиотики [7]. Одной из важнейших характеристик коммуникативного поведения человека является вежливость.

Вежливое поведение как важнейшая составляющая коммуникативного поведения человека уже давно находится в фокусе внимания гуманитарных наук: психологии, культурологии, лингвистики. В частности, лингвистами предложен ряд теорий вежливости. Здесь прежде всего следует упомянуть работу Г. Грайса «Логика и речевое общение» (1985), в которой приводится принцип кооперации и постулаты вежливости [4]. Дж. Лич

в своей работе «Принципы прагматики» сформулировал максимы вежливого поведения, соблюдение или нарушение которых маркирует вежливое или невежливое поведение участника коммуникации [15]. Соблюдение, равно как и нарушение, постулатов Грайса и максим Лича оказывается релевантным с точки зрения категорий вежливости и невежливости. С позиции вежливого и невежливого поведения рассматриваются и различные виды речевых актов, выделенные Дж. Остином (1986) и Дж. Серлем (1985).

В отечественной литературе описаны типовые вербальные и невербальные знаковые проявления вежливости, сформулированы нормы и принципы вежливого диалогического поведения. Отечественный ученый Н.И. Формановская связывает категорию вежливости с этикетом. При этом исследователь соотносит языковые средства выражения вежливости с реализацией функций этикета в устной и письменной коммуникации [12]. Понятие невербального этикета, выделение и систематизация его типов были предложены Г.Е. Крейдлиным [8] и Е.Б. Морозовой [10].

Невежливое поведение изучалось американскими социальными психологами П. Браун и С. Левинсоном [14], И. Гофманом [3]. Такая характеристика коммуникативного поведения человека, как невежливость, была детально описана в диссертационном исследовании Л.А. Хесед [13]. Автор выделяет признаки вежливости и невежливости, подвергает анализу ряд лексических единиц русского языка, принадлежащих семантическим полям «вежли-

вость» и «невежливость». В указанной работе рассматриваются некоторые невербальные показатели категории невежливости, в частности невежливые жесты русской культуры [13]. Рассмотрение вежливости/невежливости сквозь призму речевого этикета позволило многим ученым выявить проблемы, связанные с коммуникативным поведением человека [13]. Так, несоблюдение формул вежливости может привести к определенным коммуникативным провалам во время делового общения.

Вместе с тем проблемы невежливого невербального поведения практически не освещены в лингвистической литературе. При изучении невежливого поведения особое внимание должно быть уделено специфике невербальных компонентов коммуникации (далее НВК), которые отражают истинное эмоциональное состояние человека.

В настоящей статье рассматривается невежливое невербальное поведение делового американского мужчины. Изучение данного феномена представляется весьма актуальным в связи с тем, что американское деловое общение в известной степени (прежде всего благодаря широкой популярности американских художественных фильмов) служит паттерном для российских деловых людей.

В условиях делового общения очень важно соблюдать не только субординацию, но и уметь контролировать свои эмоции при возникновении напряженного диалога. Подавить или замаскировать свои отрицательные эмоции крайне сложно, так как процесс невербальной реализации идет впереди вербальной и зачастую автоматически раскрывает истинное состояние коммуниканта-мужчины, который не успевает контролировать свои невербальные действия.

Перейдем к конкретным эпизодам коммуникации, в которых имеет место маскулинное невежливое невербальное поведение. Рассмотрим кадр из фильма «Порочная страсть» (рис. 1).

Коммуникант-мужчина в речевом акте ссоры прерывает диалог со своим оппонентом и, чтобы не продолжать дальнейшее развитие конфликта, встает с места, смотрит прямо в глаза адресата и завершает диалог финальной фразой «Not your fucking problem», маркером невежливости которой служит употребление обценной лексики и резкий

Рис. 1. Иллюстрация мимики и визуального контакта

Рис. 2. Иллюстрация жестового НВК

выход героя фильма из кабинета. Прямой визуальный контакт, сокращение дистанции и напряженные черты лица манифестируют недружелюбное настроение коммуниканта-мужчины по отношению к собеседнику.

Заметим, что жестовые НВК в речи коммуниканта-мужчины весьма типичны и активно сочетаются с мимическими и миремическими. В качестве примера рассмотрим эпизод фильма «Джобз: Империя соблазна» (рис. 2).

Поза коммуниканта-мужчины в ситуациях, когда он подпирает щеку сжатыми в кулак пальцами, а указательный палец упирается в висок, имеет явно выраженный оценочный вектор. Говорящий теряет интерес к собеседнику, однако пытается выглядеть заинтересованным. При этом его поза изменяется: голова опирается на основание ладони; указательный палец направлен вертикально к виску, а большой палец поддерживает подбородок. Данные невербальные действия указывают на то, что коммуникант-мужчина критически относится к предмету сообщения. Во время напряженного диалога без открытого проявления агрессии в сторону собеседника деловой мужчина допускает применение жестов оценки оппонента, совершая тем самым невербальное давление на говорящего. Указанные НВК сопровождают следующий диалог коммуникантов¹:

К 1: The little Macintosh side project has gotten out of hand, Steve. Way beyond the pale. First you created a 10.000 \$ monstrosity with LISA, and now you're poured millions into what was supposed to be a minor diversion. You've missed multiple ship dates, and meanwhile, IBM is just purring along.

К 2: Steve, people don't use computers the way you think they do. How are we even supposed to market the Macintosh?

К 3: We don't. you give me 5 candidates for CEO. You're gonna let me choose. I say we choose someone with a marketing background to help us sell what's never been sold. Now, while I would like to run my own company, Mike has helped me understand that you don't think I'm ready.

К 1: Yes, because you're don't.

В данном эпизоде общения коммуникант-мужчина (герой фильма «Джобз: Империя соблазна») упрекает своего коллегу в ошибочных действиях. Его невербальное поведение имеет отрицательный вектор и соотносится с негативным тоном его высказываний.

Рис. 3. Иллюстрация жеста принятия решения

Рис. 4. Иллюстрация концентрации взгляда на собеседнике

В невербальной составляющей коммуникативного поведения американского делового мужчины присутствуют также жесты принятия решения, которые могут выступать в качестве своего рода контролера негативных реакций при диалоге с оппонентом (рис. 3). Иллюстрацией сказанного служит пример из фильма «Джобз: Империя соблазна» (рис. 3).

Жест принятия решения маскирует нервное состояние адресата и его общий негативный настрой: «I made my opinion perfectly clear. If you want to go sucking on the tailpipe of IBM, then I can't stop you. But I will not take the blame for the failures of some court jester». При этом коммуникант старается сдерживать себя, однако мимика, взгляд и тембр голоса эксплицируют его истинное эмоциональное состояние.

Следующий пример (эпизод фильма «Джобз: Империя соблазна») отражает ситуацию делового общения, в которой коммуникант пытается сдержать свои негативные эмоции. Коммуникант-мужчина в своей речи использует спокойный тон с редкими колебаниями в голосе. Характерно частотное использование пауз в одном предложении и выделение голосом определенных слов, которые несут для говорящего определенную смысловую

нагрузку: «Everything is a pressing issue. If we want to make the vision for LISA a reality, we gotta put in the hours and make something great». Агрессивный настрой делового мужчины помогает дешифровать его взгляд исподлобья и концентрацию взгляда на собеседнике (рис. 4).

В речевых актах ссоры для коммуниканта-мужчины типично нарушение личного пространства оппонента, что приводит к открытому конфликту. С другой стороны, попытка контролировать своё поведение позволяет избежать встречной агрессии со стороны адресата. Приведем пример из фильма «Джобз: Империя соблазна»:

К 1: Mike, I love everything Steve represents. You know that. But he is like a kid in a candy store, and we've given him the keys.

К 2: Yeah. But it's *his* candy store.

К 1: Mike, It's a problem. The bigger problem is that he is ridiculing IBM. Jobs took out a full page ad in the Wall Street journal taunting the biggest computer company on the planet. "Congratulations on your first personal computer".

Вербальная составляющая данного эпизода делового общения, имеющая негативный вектор, конгруэнтна невербальной составляющей (рис. 5).

В данном эпизоде общения коммуникант-мужчина использует предметный адаптор в своем невербальном поведении, пытаясь продемонстрировать свой высокий статус собеседнику. Тем самым он провоцирует адресата на негативную ответную реакцию. Однако реагирующее поведение адресата не агрессивно, поскольку оппонент не видит для себя никакой угрозы и находится в спокойном состоянии. С точки зрения проксемики, нарушение дистанции между говорящими не повлекло открытого конфликта между сторонами и тем самым заставило делового мужчину отступить.

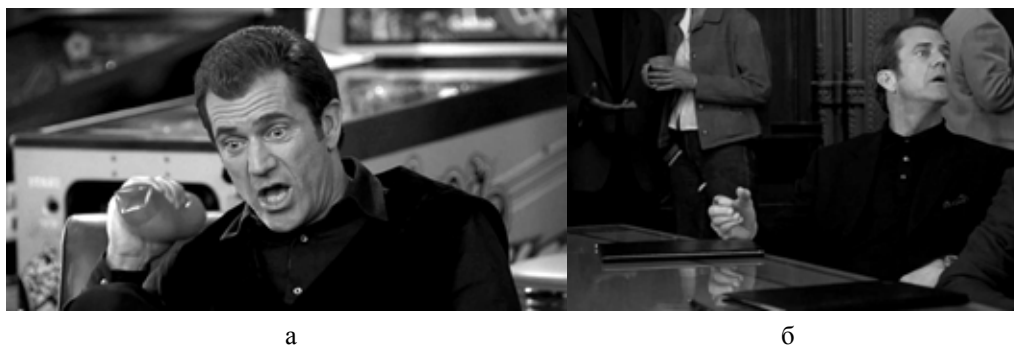
Особый интерес представляет изучение *специфических* невербальных действий (термин Ф.И. Карташковой) [6], которые сопровождают невежливую речь американского делового мужчины. Чаще всего специфические действия коммуниканта-мужчины направлены на демонстрацию презрительного, негативного отношения к адресату или своего доминирующего положения к последнему.

Вообще говоря, коммуниканту-мужчине свойственно осуществлять действия с предметными адапторами, что отражает его нервное состояние, которое раздражает окружающих.

В одном из эпизодов общения герой фильма «Чего хотят женщины» демонстрирует недоволь-

Рис. 5. Иллюстрация использования предметного адаптора

а б
Рис. 6. Иллюстрация специфических невербальных действий

Рис. 7. Иллюстрация использования предметного адаптора

ство тем, что его начальником является женщина (рис. 6, а). В другом эпизоде того же фильма (рис. 6, б) коммуникант также использует предметный адаптор (карандаш), испытывая эмоцию раздражения, и вербализует ее следующим образом: «My next headache». При этом его адресат пытается успокоить его: «Don't worry. We'll get through it».

Анализ одного из эпизодов фильма «Джобз: Империя соблазна» показал, что негативный настрой коллективного адресата (участников совещания) усиливает негативное эмоциональное состояние коммуниканта-мужчины, что приводит к использованию им предметного адаптора в качестве проявления своей агрессии в условиях делового общения (рис. 7). При этом коммуникант произносит фразу с обценной лексикой: «He's trying to start a war with IB fucking M».

Любопытно, что специфические невербальные действия коммуниканта-мужчины маркируют его желание подчеркнуть свою доминирующую роль в том или ином отрезке коммуникации. Однако адресат воспринимает роль своего собеседника несерьезно, так как не испытывает сильных негативных эмоций и предпочитает более конструктивный диалог.

Не менее интересными представляются случаи проявления маскулинного невежливого поведения по отношению к женщине. Так, нежелание внимательно выслушать коммуниканта-женщину в обсуждаемом отрезке коммуникации может провоцировать ряд специфических действий, направленных на то, чтобы, с одной стороны, показать своё пренебрежение к коммуниканту-женщине, а с другой стороны, попытаться привлечь к себе внимание других коммуникантов. Рассмотрим следующий эпизод делового общения из фильма «Чего хотят женщины» (рис. 8).

Здесь коммуникант-мужчина использует невербальные действия жестового (хрустит пальцами), респираторного (поперхнулся и закашлял) и миремического (попытка наигранного флирта взглядом) характера.

В ряде случаев имеет место «игра на повышение». При общении с коммуникантом-женщиной, которая занимает более высокое статусно-ролевое положение, коммуникант-мужчина старается выглядеть уверенным в себе и демонстрирует настрой на работу, выбирая позу «американская четверка», которую можно увидеть в следующем кадре из фильма «Чего хотят женщины» (рис. 9).

Однако, несмотря на демонстрацию уверенности и попытку обозначить свою доминирующую роль в коллективе, коммуникант-мужчина испытывает нервное напряжение, что проявляется в психофизиологической реакции дрожи (дергает ногой), маркирующей его невежливое поведение.

«Игра на повышение», осуществляемая с помощью специфических невербальных действий, имеет место даже в тех коммуникативно-прагматических ситуациях, когда стремление к доминированию одного из участников коммуникации над другими не подкреплено соответствующим соци-

Рис. 8. Иллюстрация «синтаксиса» невербальной коммуникации

Рис. 9. Иллюстрация невербального поведения в ситуации «игры на повышение»

Рис. 10. Иллюстрация демонстративного превосходства коммуниканта-мужчины

Рис. 11. Иллюстрация специфического агрессивного жеста

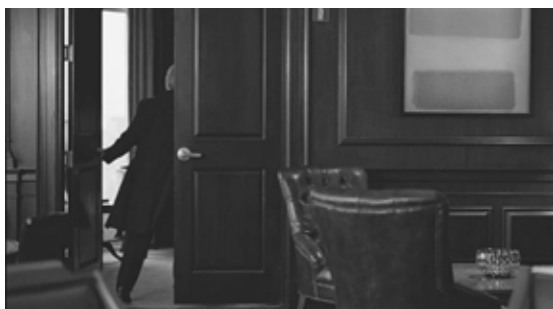

Рис. 12. Иллюстрация «финального жеста»

альным статусом. Жесты доминирования эксплуатируются коммуникантом, когда он нацелен на получение требуемого ресурса: внимания других людей, власти и т. п.

В рассматриваемом ниже эпизоде из фильма «Джобз: Империя соблазна» коммуникант-мужчина в ходе совещания ведет себя крайне неуважительно по отношению к своим коллегам, статус которых более высок, что провоцирует раздражение аудитории. Коммуникант-мужчина демонстрирует собравшимся своё превосходство, о чем свидетель-

ствует характерный жест (закладывает руки за голову) (рис. 10).

Специфические невербальные действия в маскулинном поведении имеют место также в ситуациях, когда коммуникант-мужчина проявляет агрессию в присутствии других участников деловой беседы, как это происходит в следующем фрагменте коммуникации (эпизод фильма «Порочная страсть») (рис. 11).

Согласно постулатам невербального этикета, указывать пальцем на какой-либо предмет невежливо, однако коммуникант (деловой мужчина) намеренно использует специфический агрессивный жест: указательный палец направлен на собеседника, по отношению к которому говорящий использует речевой акт упрека, предваряемый директивным речевым актом:

К 1: Stop it! You don't have to talk to me like that, Jeff.

К 2: I didn't get you into this mess! Remember when you were asking me...

К 1: You were a friend of mine!

Это ведет к нарушению зоны личного пространства адресата и способно спровоцировать конфликт.

Особо следует отметить такой «финальный жест», как хлопанье дверью (рис. 13), который характерен для ситуаций невежливого поведения американского делового мужчины. Например, в эпизоде фильма «Порочная страсть» (рис. 12).

Итак, анализ невежливого невербального поведения американского делового мужчины показал, что наиболее типичными видами контролируемых действий являются мимические, жестовые, пантомимические, проксеменные и фонационные. К специфическим видам невербального маскулинного поведения следует отнести разнообразные невербальные действия, главным образом респираторного и жестового характера, а также действия с артефактами. Изучение невежливого невербального поведения американского делового мужчины позволяет понять особенности маскулинного поведения в различных коммуникативно-прагматических ситуациях; установить невербальные знаки, маркирующие маскулинное невербальное поведение. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в тренингах по межличностному деловому общению в российском социуме.

Примечание

¹ В диалогах приведен аутентичный текст, в котором сохранены все орфографические и грамматические девиации коммуникантов.

Библиографический список

1. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. – М.: Менеджер, 2003. – 392 с.
2. Ганина В.В., Карташкова Ф.И. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. – Иваново: ИвГУ, 2006. – 205 с.

3. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной; под. ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2009. – 320 с.
4. Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
5. Карташкова Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 108–113.
6. Карташкова Ф.И. Психофизиологические реакции человека и их отражение в английском языке. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – 108 с.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2000. – 68 с.
8. Крейдлин Г.Е. Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания // Московский лингвистический журнал. – Т. 7. – № 2. – М.: РГГУ, 2003. – С. 53–66.
9. Мартынова Е.М. Аберрации невербального общения: монография. – СПб.: Алеф-пресс, 2015. – 367 с.
10. Морозова Е.Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным: дис. ... канд. филол. наук. – М.: РГГУ, 2006. – 183 с.
11. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 208–215.
12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
13. Хесед Л.А. Типы вежливого и невежливого поведения и их знаковые характеристики: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 252 с.
14. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
15. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 264 p.
2. Ganina V.V., Kartashkova F.I. Ehmocii cheloveka i neverbal'noe povedenie: gendernyj aspekt. – Ivanovo: IvGU, 2006. – 205 s.
3. Gofman E.H. Ritual vzaimodejstviya: ocherki povedeniya licom k licu / per. s angl. S.S. Stepanova, L.V. Trubicynoj; pod. red. N.N. Bogomolovoj, D.A. Leont'eva. – М.: Smysl, 2009. – 320 s.
4. Grajs G.F. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – М.: Progress, 1985. – Vyp. 16. – S. 217–237.
5. Kartashkova F.I. Verbal'nye i neverbal'nye komponenty kommunikacii v angloyazychnom hudozhestvennom tekste // Voprosy psiholingvistiki. – 2014. – № 3 (21). – S. 108–113.
6. Kartashkova F.I. Psihofiziologicheskie reakcii cheloveka i ih otrazhenie v anglijskom yazyke. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. – 108 s.
7. Krejdlin G.E. Neverbal'naya semiotika v ee sootnoshenii s verbal'noj: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2000. – 68 s.
8. Krejdlin G.E. Neverbal'nyj ehtiket: neverbal'nye privetstviya i proshchaniya // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. – T. 7. – № 2. – М.: RGGU, 2003. – S. 53–66.
9. Martynova E.M. Aberracii neverbal'nogo obshcheniya: monografiya. – SPb.: Alef-press, 2015. – 367 s.
10. Morozova E.B. Neverbal'nyj ehtiket v ego sootnoshenii s verbal'nym: dis. ... kand. filol. nauk. – М.: RGGU, 2006. – 183 s.
11. Reformatskij A.A. O perekodirovanii i transformacii kommunikativnyh sistem // Issledovaniya po strukturnoj tipologii. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 208–215.
12. Formanovskaya N.I. Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika. – М.: IKAR, 2007. – 480 s.
13. Hesed L.A. Tipy vezhlivogo i nevezhlivogo povedeniya i ih znakovye harakteristiki: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2013. – 252 s.
14. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
15. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 264 p.

References

1. Vazhenova I.S. Ehmocii, pragmatika, tekst. – М.: Menedzher, 2003. – 392 s.

Панкратова Мария Владимировна

кандидат филологических наук

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина

mariapankratova@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПИСЬМЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (в условиях интерференции)

В статье обсуждается круг вопросов, связанных с выявлением и анализом некоторых грамматических и лексических ошибок, появляющихся в результате языковой интерференции в английском письменном дискурсе студентов – носителей русского языка. Анализируемый материал прошел экспертную оценку экзаменаторов IELTS, являющихся нативными носителями английского языка. Выделяются и описываются характерные особенности письменного академического дискурса, обсуждается типология эссе в рамках IELTS. Автор сосредотачивает внимание на некоторых типичных лексических и грамматических ошибках, приводит примеры и дает правильные, по мнению экспертов, английские соответствия. Автор приходит к выводу о том, что систематизация подобного материала даст возможность разработать эффективную методику, направленную на преодоление большинства лексических и грамматических интерференционных ошибок, что позволит значительно повысить языковую компетенцию русскоязычных билингвов в англоязычном речевом общении в целом.

Ключевые слова: билингвизм, билингв, интерференция, дискурс, типы дискурса, письменный академический дискурс, международный экзамен IELTS.

Категория «дискурса» представляет собой одну из ключевых категорий современных наук гуманитарного цикла, которая всесторонне изучалась и продолжает изучаться как отечественными, так и зарубежными исследователями, что находит выражение в разнообразных трактовках этого феномена. В рамках заявленной проблематики статьи нам ближе всего определение дискурса, отгалицирующееся от идеи «текста». Вслед за известным ученым В.И. Карасиком «дискурс» понимается как «текст в ситуации реального общения», который «допускает различные измерения» [2, с. 31]. Так, «с позиций языкового материала, лексико-грамматической ткани текста можно анализировать дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст, и при таком имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа, с одной стороны, и возможных отклонений от этого типа – с другой, вплоть до таких коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать не представляется возможным» [2, с. 31]. Таким образом, учитывая проблематику статьи, перед нами стоит задача проанализировать «возможные отклонения» от «правильно построенного дискурса» как идеального типа.

При очевидном разнообразии типов дискурса самым общим выступает противопоставление устного и письменного дискурса. Письменный дискурс представляет собой «передачу информации (сообщения), осуществляющуюся в ситуации, обусловленной пространственными, временными и прочими обстоятельствами, и включает в себя писателя, читателя и текст» [5, с. 22].

В письменном дискурсе лексико-грамматическая интерференция проявляется в нарушениях

грамматических и лексических норм и правил изучаемого иностранного языка в результате процесса калькирования структур родного языка с последующим переносом их в систему неродного языка [4, с. 120].

К академическому письменному дискурсу можно отнести любую письменную речь, используемую в учебных (академических) целях. Вслед за А.Г. Мартыновой в данной работе эссе также определяется как один из продуктивных жанров академического письменного дискурса [3, с. 25], согласно которому автор дает аргументированное представление своей точки зрения на определенную проблему, при этом соблюдая типологические особенности академического эссе в рамках IELTS (основные виды эссе международного экзамена IELTS: advantages and disadvantages essay, opinion essay, problem and solution essay, discussion essay, direct question essay).

Среди общих особенностей академического эссе [6, с. 244–245] можно назвать следующие: подход к изложению материала (аналитический, объективный, рациональный и др.), тон изложения (серьезный, безличный, формальный), лексико-грамматические особенности (употребление пассивных глагольных конструкций, безличных предложений, сложных синтаксических структур и др.), отсутствие сокращений, ограниченное употребление фразовых глаголов, отсутствие разговорной лексики и сленга, ограниченное употребление местоимения первого лица единственного числа. Все особенности, перечисленные выше, можно в полной мере отнести к академическому эссе в рамках IELTS. К оцениваемым параметрам относится то, как экзаменуемый справился с поставленной перед ним коммуникативной задачей, осветил ли он все аспекты решаемой проблемы; какие средства когезии (связности) и когерентности (целостности),

закрывающиеся в последовательном и логичном использовании связующих элементов письменного академического дискурса, применил для реализации коммуникативной задачи; в какой мере используемые лексические единицы соответствуют адекватному стилистическому оформлению продуцируемого дискурса, а также насколько высок уровень вариативности, сложности и точности употребляемых в тексте грамматических структур.

Таким образом, все перечисленные выше параметры свидетельствуют в пользу того, что академическое эссе, как один из продуктивных жанров академического письменного дискурса, характеризуется довольно строгим алгоритмом, что в свою очередь не лишает его возможности проявления индивидуального авторского стиля письма. Так, ученые Д. Роудаут и Б. Петрич говорят о том, что «индивидуальный стиль включает понимание того, насколько уверенно можно заявлять свое мнение, знание того, как и где уместно показать себя экспертом или сослаться на авторитетное мнение, чувство форм и условностей письма...», приходя к выводу о том, что «...становление индивидуального стиля академического письма требует осознания как имеющихся стилистических альтернатив, так и высоко ценимых условностей (конвенций) академического письма» [7, с. 55].

Объектом исследования в данной статье выступает английский письменный академический дискурс носителей русского языка, а предметом исследования – допускаемые ими лексические и грамматические ошибки, в том числе как результат языковой интерференции. Лексические и грамматические ошибки и неточности были выявлены и отредактированы двумя англоязычными

экспертами IELTS, которые являются нативными носителями английского языка. Перед экспертами стояла задача выделить лексико-грамматические структуры, которые, по их мнению, «звучат не по-английски», то есть в их использовании прослеживается интерференция родного языка (в нашем случае русского) в систему неродного (английского), а также указать их правильный вариант в соответствии с нормами английского языка. Проанализированные эссе были оценены экспертами на 5,5 и 6 баллов по шкале IELTS, что в отношении лексической составляющей соответствует адекватному использованию авторами эссе лексики для выполнения коммуникативной задачи, стремлению употреблять лексику, соответствующую стилю научного изложения, но с некоторыми неточностями, наряду с наличием нескольких орфографических и/или словообразовательных ошибок, которые, тем не менее, не затрудняют коммуникацию. Что касается грамматической составляющей, то этот уровень оценки предполагает использование сочетания простых и сложных структур грамматики, при этом допускаются некоторые неточности их употребления, а также ошибки в пунктуации, но тем не менее они редко мешают восприятию основной коммуникативной задачи дискурса.

Обратимся непосредственно к анализу лексических и грамматических ошибок, выявленных англоязычными экспертами в английском письменном академическом дискурсе русскоязычных билингвов. Далее приводятся сводные таблицы (табл. 1, 2) частотных лексических и грамматических интерференционных ошибок в академических эссе носителей русского языка, отмеченных экспертами.

Таблица 1

Примеры частотных лексических интерференционных ошибок в академическом эссе ненативных носителей английского языка

Вариант ненативных носителей английского языка	Вариант англоязычных экспертов IELTS
1. Some part of car drivers.	1. A certain number of.
2. Progress in ... may <u>decline rate</u> of traffic jams.	2. Progress in ... may <u>reduce number</u> of traffic jams.
3. It can reduce the <u>magnitude</u> of pollution.	3. It can reduce the <u>rate</u> of pollution.
4. We should use a <u>complex method</u> .	4. We should use a <u>combination of approaches</u> .
5. Congested traffic.	5. <u>Traffic congestion</u> .
6. <u>Deficiency</u> of parking places.	6. <u>Shortage</u> of parking places.
7. The <u>velocity</u> of reading.	7. The <u>speed</u> of reading.
8. E-books have some benefits <u>in usability</u> .	8. E-books have some benefits <u>in terms of usability</u> .
9. Distance courses should be considered as a beneficial <u>movement</u> .	9. Distance courses should be considered as a beneficial <u>development</u> .
10. Students who prefer correspondence courses instead of <u>formal ones</u> ...	10. Students who prefer correspondence courses instead of <u>face to face ones</u> ...
11. <u>Teamwork capability</u> .	11. <u>The ability to work in a team</u> .
12. An <u>onward movement</u> .	12. A <u>progressive development</u> .
13. This drawback can easily be <u>improved</u> by...	13. This drawback can easily be <u>overcome</u> by...
14. <u>Everyday</u> cycling.	14. Cycling on a <u>daily basis</u> .

**Примеры частотных грамматических интерференционных ошибок
в академическом эссе ненативных носителей английского языка**

Вариант ненативных носителей английского языка	Вариант англоязычных экспертов IELTS
1. Popularization of cycling.	1. Making cycling more popular.
2. Using bicycles can extremely help us with dealing transport problems.	2. Using bicycles can be extremely helpful in dealing with transport problems.
3. Participants of an experiment who read printed material.	3. Participants in an experiment in which they read printed material.
4. There has been an increasing tendency of providing online courses by universities.	4. There has been an increasing tendency for universities to provide online courses.
5. Tackling such complicated issues like...	5. When tackling the complicated issues such as...
6. Students have an opportunity to connect to each other for team assignment to be sure they enhance their skills.	6. Students have an opportunity to connect to each other for team assignment in order to ensure they enhance their skills.

На основе приведенных в таблицах данных можно сделать вывод о том, что лексические и грамматические интерференционные ошибки, допущенные носителями русского языка в английском академическом письменном дискурсе (эссе), имеют весьма разнообразный характер. В результате анализа грамматических ошибок выявляется неправильное использование или неумение использовать неличные формы глагола (табл. 2, примеры 1, 2, 4–6), в частности герундий, который отсутствует в русском языке; также прослеживается интерференционный характер использования предлогов (табл. 2, пример 3). В целом, поскольку грамматический уровень работ довольно высокий, благодаря качественной языковой подготовке студентов ошибки в употреблении грамматических структур немногочисленны.

Что касается лексических ошибок, то они оказались значительно многочисленнее грамматических. Самой частотной из них стало нарушение коллокаций – синтаксически и семантически целостных единиц, где выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого (табл. 1, примеры 2, 3, 5–8, 13). В некоторых примерах, например, *deficiency of parking places, the velocity of reading*, предложенный экспертами вариант, согласно данным словарей, выступает полным синонимом, но при этом вариант, используемый русскоязычными билингвами, по мнению экзаменаторов, не является синтаксически правильным и маркируется как ошибка.

Предлагаемый анализ лексических и грамматических ошибок в английском академическом письменном дискурсе носителей русского языка дает возможность их детальной систематизации, что в свою очередь позволит разработать эффективную методику обучения английскому языку, направленную на преодоление языковой интерференции. Данный подход может значительно повысить уровень языковой подготовки студентов, обучающихся в ситуации аудиторного билингвизма, что, несомненно, имеет большое значение, так как «речь человека... несет информацию не только о духовности, но и об

уровне, или качестве владения коммуникативной компетенцией этой личности» [1, с. 62].

Библиографический список

1. Вишневецкая Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – 224 с.
2. Карасик В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013 (Февраль). – № 1 (21). – С. 31. – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528148.pdf> (дата обращения: 7.01.2018).
3. Мартынова А.Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе (на материале старших курсов языкового вуза): дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 163 с.
4. Панкратова М.В. Проявление лексико-грамматической интерференции в английском академическом письменном дискурсе носителей русского языка // Успехи современной науки. – Белгород, 2017. – № 4. – Т. 3. – С. 120–122.
5. Цымбал А.Ю. Интонационно-стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики устных презентаций: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2015. – 220 с.
6. Jordan M.P. Rhetoric of Everyday English Texts. – London: Allen and Unwin, 1984. – 254 p.
7. Rodeout D., Petric B. Samara Academic Writing Workshops. – 2001 (November). – P. 55.

References

1. Vishnevskaya G.M. Literaturno-hudozhestvennyj bilingvizm: lingvisticheskaya interpretaciya. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2011. – 224 s.
2. Karasik V.I. Rechevaya kommunikaciya: diskursivnyj aspekt [Elektronnyj resurs] // Grani poznaniya: ehlektron. nauch.-obrazovat. zhurnal Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013 (Fevral'). – № 1 (21). – S. 31. – Rezhim dostupa: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528148.pdf> (data obrashcheniya: 7.01.2018).

3. Martynova A.G. Obuchenie akademicheskomu pis'mennomu diskursu v zhanre ehkspozitornogo ehsse (na materiale starshih kursov yazykovogo vuza): dis. ... kand. filol. nauk. – Omsk, 2006. – 163 s.

4. Pankratova M.V. Proyavlenie leksiko-grammaticheskoj interferencii v anglijskom akademicheskom pis'mennom diskurse nositelej russkogo yazyka // Uspekhi sovremennoj nauki. – Belgorod, 2017. – № 4. – T. 3. – S. 120–122.

5. Cymbal A.YU. Intonacionno-stilisticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki ustnyh prezentacij: dis. ... kand. filol. nauk. – Ivanovo, 2015. – 220 s.

6. Jordan M.P. Rhetoric of Everyday English Texts. – London: Allen and Unwin, 1984. – 254 p.

7. Rodeout D., Petric B. Samara Academic Writing Workshops. – 2001 (November). – P. 55.

УДК 811.111'33

Маник Светлана Андреевна

кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
svetlana_manik@yahoo.com

Шамова Надежда Александровна

Ивановский государственный университет
sh941@mail.ru

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ УЧЕБНО-СПРАВОЧНОГО ПОСОБИЯ «CINEMATOGRAPHY» (на материале английского языка)

В статье рассматриваются основные этапы разработки и составления узкоспециализированного учебно-справочного пособия в соответствии с ключевыми направлениями развития современного терминоведения, терминологической лексикографии, корпусной лингвистики и методики. Работа основывается на актуальном лингвистическом материале специализированного периодического издания на английском языке «American Cinematographer» за последние два года. Новизна учебно-справочного пособия «Cinematography» заключается в том, что оно разработано на основе корпусных данных, в частности авторского корпуса, созданного на платформе «Sketch Engine» – аутентичного и современного материала. В статье аргументируется идеографическое построение справочника и кратко описывается структура учебно-справочного пособия. В работе показаны перспективы использования данной разработки. Статья представляет интерес для преподавателей английского языка и лексикографов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, учебно-справочное пособие, кинематограф, корпусные технологии, перспектива пользователя, учебный процесс, Sketch Engine, авторский корпус, LSP.

В XXI веке электронные корпуса текстов завоевывают все большую популярность, на их основе проводятся разнообразные лингвистические и лексикографические исследования, так как корпус – это компактное, систематизированное и упорядоченное расположение электронных данных, готовых для всестороннего научного анализа.

Электронные корпуса начали формироваться во второй половине XX века. В свою очередь корпусная лингвистика в современном ее понимании как науки, занимающейся созданием и анализом текстовых корпусов, зародилась в США и Западной Европе в конце 1960-х годов [10, с. 53]. «С ростом возможностей современных компьютерных технологий, с середины 1980-х гг., корпусная лингвистика получает бурное развитие, стали активно появляться корпусные проекты различных масштабов на разных языках и для разнообразных целей» [10, с. 53–54].

Первым электронным корпусом считается «Brown Corpus», цель создания которого состояла в том, чтобы отразить печатные тексты, выпускаемые в США в 60-х годах XX века. Корпус включал 15 наиболее популярных жанров американской прозы (рецензии, фантастику, биографию и т. д.) [11, с. 101].

В 1970-е годы был составлен «Lancaster-Oslo-Bergen Corpus» (LOB), состоящий из 1 млн слов. В 1980-е годы велись разработки по созданию Машинного фонда русского языка, специальной программы для проведения комплексных исследований.

Несмотря на заметный научно-технический прогресс, до 1980-х годов использование корпусных данных было проблематично, так как выбор корпусов был небольшим, а их размер и выборки были недостаточно представительными [4, с. 132].

В начале 1980-х годов появляются первые устные корпуса на материале американского варианта английского языка. Кроме того, возникают специальные координационные центры по сбору, хранению, распространению и созданию корпусов. Например, «Linguistic Data Consortium» (LDC), «Center for Spoken Language Understanding» (CSLU), «European Language Resources Association» (ELRA) [6, с. 82].

Важно подчеркнуть, что корпусная лингвистика как отдельный раздел языкознания полностью сформировалась в первой половине 1990-х годов XX века. К 1990 году уже было зафиксировано 600 компьютерных корпусов [5, с. 12]. Разработка разнообразных корпусов свидетельствует о большом научном интересе.

В 1990-х годах при участии консорциума издателей Оксфордского и Ланкастерского университетов, Британской библиотеки был составлен «British National Corpus» объемом 100 млн слов. Были также разработаны корпус латинских текстов «Персей», чешский корпус Карлова университета и ряд других [3, с. 45].

В конце XX века в связи с появлением более совершенной техники ученые многих стран все чаще старались применять научный потенциал корпуса в различных лингвистических исследованиях. В 1992 году была создана «Европейская корпусная инициатива» («European Corpus Initiative») – международная организация, занимающаяся созданием огромного многоязычного корпуса для научных целей. В настоящее время данный корпус включает более 50 корпусов разных языков [11, с. 102].

С.А. Маник отмечает следующую тенденцию составления корпусов: «В США и Европе крупнейшие лексикографические дома обратились к созданию корпусов литературного английского языка («Brown Corpus», «British National Corpus»,

«Collins Wordbanks Online English Corpus», «Cambridge English Corpus», «The Longman Learners' Corpus», «The Macmillan World English Corpus», «CORPORA», «Oxford English Corpus» и т. п.) для дальнейшего составления и издания словарей. В то же время российские лингвисты начали попытки систематизации и оцифровывания терминологии при помощи терминологических банков данных, а корпус национального русского языка появился только в начале XXI века» [9, с. 17].

В XXI веке электронные корпуса становятся все более совершенными, в результате они начинают завоевывать авторитет ученых и исследователей. В настоящее время популярными считаются следующие корпуса английского языка: «American National Corpus», «Bergen Corpus of London Teenage Language», «British Academic Spoken English Corpus», «Cambridge International Corpus», «Corpus of Spoken Professional American English», «International Corpus of Learner English», «The Longman Learners' Corpus», «The Macmillan World English Corpus» [16, с. 285–292].

Вместе с тем увеличивается количество узких корпусов для различных областей знаний («The EMCOR corpus», «The British Law Report Corpus», «Corpus of South African English», «Pretoria English Internet Corpus»). Например, вследствие необходимости изучения английской терминологии киноиндустрии XXI века был создан электронный корпус «Cinema» на платформе «Sketch Engine» [13].

Подчеркнем, что сфера применения корпусных данных достаточно широкая. Одно из назначений – использование в учебных целях в связи с активным введением новых методов обучения. Отметим, что корпуса существенно модернизируют и обогащают учебный процесс.

Акцентируем внимание на том, что существующие корпусные ресурсы позволяют исследовать не только составляющие языка, но и язык как систему, каждый элемент которой ценен и необходим. Не вызывает сомнения тот факт, что «системный подход к изучению и обобщению речевой практики обуславливает видение языка как специфического единства» [2, с. 5]. Получаемые сведения способствуют лучшему пониманию языка в целом и исследуемых единиц в частности. Подчеркнем, что корпус является незаменимым помощником при анализе современного терминологического пласта, в том числе предметной области киноиндустрии.

С.А. Маник справедливо указывает на то, что «корпусная лингвистика обеспечивает объективное представление языка, поскольку анализ корпусных сведений позволяет изучить практически любые языковые модели и структуры (лексические, грамматические, лексико-грамматические структуры, дискурсные модели, фонологические и морфологические обороты)» [8]. В одном из наших исследований особое внимание уделяется вы-

явлению и анализу дискурсных моделей предметной области киноиндустрия [15].

Важно отметить, что термины определенной области знания, в свою очередь, являются одним из компонентов дискурса данной области. Ученые занимаются изучением разных видов дискурса, в том числе кинодискурса. Благодаря выявлению своеобразия дискурса в определенной сфере можно установить характерные черты, свойственные конкретной предметной области. Изучение дискурса позволяет выявить языковые особенности языка в синхроническом и в диахроническом аспектах, поскольку дискурсу любой предметной области свойственны изменения.

Безусловно, языку присущи лексические изменения в результате разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов. Терминология кинематографа также меняется под влиянием ряда причин, в результате чего представляет собой достаточно подвижный пласт современной лексики. Замена одних слов другими в данной области происходит благодаря научно-техническому прогрессу и созданию более совершенной техники съемки. К терминологии киноиндустрии традиционно относят жанры, поджанры, типы и виды съемок, специальную технику, названия кинопрофессий, рейтинг фильмов. Например, «*scaper film*», «*courtroom drama*», «*foley artist*», «*bird's eye view*», «*cliffhanger*», «*sleeper*», «*moppet*», «*macGuffin*», «*chick flicks*», «*biopic*», «*over-the-shoulder shot*», «*guy movie*», «*noir*», «*key grip*» и т. д.

Как указывает С.А. Маник, употребление терминов не ограничивается только специализированной сферой. «Человеческая жизнь многогранна, хобби часто перерастают в профессиональное увлечение, работа занимает большую часть дня, общественно-политические события оказывают значительное влияние на людей через СМИ. Поэтому терминология все чаще входит в ежедневное непрофессиональное общение» [7, с. 227]. Действительно, термины, в том числе и термины киноиндустрии, начинают активно использоваться в повседневной жизни. Например, такие номинации, как «*дальний план*», «*общий план*», «*ракурс*», «*эпизодическая роль*», «*релиз*», ранее были исключительно терминами, употребляемыми профессионалами, а в последнее время наблюдается их активное использование в повседневной жизни. Это явление подчеркивает тот факт, что термины выходят за границы профессионального общения, поэтому они также находят свое отражение в корпусах национальных языков.

Для изучения и анализа особенностей кинодискурса, а также систематизации терминологии данной сферы был создан электронный корпус киноиндустрии XXI века на английском языке, на материале которого основывается предлагаемое авторское учебно-справочное пособие «Cinematography».

В основу корпуса английской терминологии киноиндустрии положено периодическое издание «*American Cinematographer*» издательства «*American Society of Cinematographers*» под редакцией Stephen Pizzello. Данное издание содержит реальные примеры языкового использования, но не регистрирует лингвистическую информацию. Вместе с тем оно является официальным журналом Американского общества кинематографистов, что подчеркивает авторитетность и солидность данного издания.

Для создания авторского корпуса был максимально использован высокий потенциал платформы «*Sketch Engine*». Отметим, что исследовательский корпус составляет 1 051 528 слов, что свидетельствует о большом охвате материала. В результате работы с авторским корпусом была осуществлена группировка представленных в журнале терминов в смысловые терминологические группы (виды съемки, жанры, поджанры, профессии, разновидность спецэффектов, техника для съемки) и была выявлена языковая специфика письменного кинодискурса при работе с функциями «*concordance*», «*word list*», «*word sketch*», «*thesaurus*», «*sketch-diff*». Благодаря корпусу мы выделили: особенности, закономерности и контексты употребления слов; наиболее употребительные слова; коллокации, устойчивые или фразеологические словосочетания, фразовые глаголы; синонимы; разницу в семантических категориях состава слов и выражений [15, с. 71–72].

Описание особенностей дискурса и терминологии определенной предметной области имеет большую практическую пользу, поскольку это является подготовительным этапом создания разнообразной справочной литературы, обеспечивающей потребность в унификации и стандартизации терминологии и в обобщении материала по узкоспециальной теме.

В последнее время разработка эффективных учебных изданий по разнообразным узкоспециальным темам становится частым объектом научного изучения. Цель, которую ставят перед собой ученые, заключается в создании современных и авторитетных пособий, имеющих значимую практическую пользу и отвечающих запросам потенциальных пользователей. Заметно увеличивается количество материалов для обучения иностранным языкам, отмеченных значком *corpus-based* (создано с использованием корпусных данных) [14]. Представляется необходимым подчеркнуть, что в основанные на корпусах учебные материалы включается аутентичный, живой современный язык, который постоянно подвергается изменениям.

Следует отметить, что подготовка современных специалистов в вузе осуществляется в условиях информационной образовательной среды, которая рассматривается как совокупность систематизирован-

ных современных образовательных ресурсов, в том числе современной учебной литературы [1, с. 75].

Не вызывает сомнения, что «создаваемое в университете учебно-методическое обеспечение должно быть ориентировано на достижение профессиональной компетентности студентов, отражать логику становления специалистов в области образования в условиях многоуровневого педагогического университета» [12, с. 16].

Акцентируем внимание на том, что в настоящее время тема «cinema» входит практически во все серии учебных пособий разных зарубежных издательств («*Cambridge University Press*», «*Pearson Longman*», «*Macmillan*»), например, УМК «*Real Life*», «*Laser*», «*Face2Face*», «*Close-up*», «*Inside Out*» и т. д. Вместе с тем не удалось найти современного учебно-справочного пособия на английском языке (основанного на корпусных данных), которое было бы целиком посвящено теме кино. Данный факт свидетельствует об актуальности и практической значимости проводимого нами исследования по созданию авторского англоязычного учебно-справочного пособия «Cinematography».

Указанное авторское пособие ориентировано на студентов языковых вузов, а именно студентов очной формы обучения направления подготовки 45.03.01 «Филология» Ивановского государственного университета. Пособие может быть использовано в рамках аудиторного обучения, а также для организации самостоятельной работы бакалавров на 3 курсе в рамках изучения темы «*Man and the Movies*» (в соответствии с рабочей программой дисциплины).

Содержание учебно-справочного пособия описывается на корпусную обработку данных (*corpus-based*), а также на проведенное анкетирование студентов разных факультетов ИвГУ, что одновременно подчеркивает аутентичность материала и ориентированность на нужды пользователя (*user's perspective*).

Подводя итог, подчеркнем, что основой для авторского пособия является электронный лингвистический корпус, поскольку он является авторитетной базой для составления разнообразных справочных пособий, в частности – по английскому языку. Достоверность материала обеспечивается анализом аутентичных текстов, которые содержат актуальную информацию о языке, а именно отражают реальный языковой пласт и лексические особенности.

Мегаструктура учебно-справочного пособия включает следующие компоненты: глоссарий, упражнения по лексическим темам, приложения.

Макрокомпозиция глоссария включает алфавитно-тематическое расположение словарных статей, что позволяет максимально раскрыть понятийную структуру термина и одновременно способствует быстрому поиску нужного слова.

Принципы отбора словарных единиц в глоссарий – частотность употребления и уровень владения языком у пользователя (Upper-Intermediate, Advanced).

Следует акцентировать внимание на том, что разработка данного пособия планируется в электронной форме. Электронная форма по сравнению с печатной формой имеет ряд преимуществ: распространение материала в таком виде экономически выгоднее; имеется возможность дополнения (изменения) содержания с учетом происходящих языковых изменений; реализуется функция поиска по любому компоненту запрашиваемого слова (многокомпонентного термина), что создает дополнительное удобство для пользователя (удобная система навигации); возможно использование разнообразных мультимедийных средств.

Перспективы использования данного учебно-справочного пособия заключаются в его применении при обучении теме «Man and the Movies», так как одна из целей издания – обогатить и расширить учебно-методическую базу по курсу практического английского языка на языковых специальностях. Вместе с тем мы надеемся, что пособие будет иметь не только академическую направленность, но также будет использоваться любителями кино и поклонниками киноиндустрии, которые будут иметь возможность участвовать в дополнении новой лексикой (Crowd-sourcing) одного из компонентов издания – глоссария.

Таким образом, предлагаемая концепция учебно-справочного пособия «Cinematography», которое имеет большую практическую пользу и отвечает требованиям современного образовательного стандарта, опирается на положения современной лингвистической науки и найдет свое применение в учебном процессе вуза.

Библиографический список

1. Балакирева Э.В., Власова Е.З. Электронный учебно-методический комплекс как средство обеспечения качества подготовки специалистов // Человек и образование. – 2012. – № 4 (33). – С. 75–80.
2. Баркович А.А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 5–13.
3. Волоснова Ю.А. Корпусная лингвистика: проблемы и перспективы // Лесной вестник. – 2006. – № 7. – С. 43–49.
4. Девель Л.А. Репрезентативность корпусов английского языка (данные учебных одноязычных словарей) // Корпусная лингвистика 2004: тезисы докладов междунар. конф. – СПб., 2004. – С. 131–137.
5. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
6. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Лингво-

дидактический потенциал корпусов иноязычных текстов. – Новосибирск, 2013. – С. 79–88.

7. Маник С.А. Новое в современной лексикографии и терминологии (рец. на кн.: Lexicography and Terminography: a World wide Outlooked. By O. Karpova, F. Kartashkova) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 223–227.

8. Маник С.А. Использование языковых корпусов в преподавании английского языка (на материале базы Sketch Engine) // Образовательный процесс в университете: реалии и совершенствование: сб. науч.-метод. статей. – Иваново, 2013. – С. 231–239.

9. Маник С.А. Современная корпусная лексикография: особенности и перспективы развития // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 17–20.

10. Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. – 2008. – № 4. – С. 53–59.

11. Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. – 2010. – № 1. – С. 99–111.

12. Тряпицына А.П. Перспектива создания учебной литературы нового поколения // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2006. – С. 16–18.

13. Шамова Н.А. К вопросу создания электронного корпуса английской терминологии киноиндустрии XXI века // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография 2015. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 265–272.

14. Шамова Н.А. Роль учебного корпуса в образовательном процессе XXI века // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов. – Иваново, 2016. – С. 72.

15. Шамова Н.А. Корпусные технологии при анализе кинодискурса (на материале авторского электронного корпуса кино) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.В. Вернадского. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 97–102.

16. O’Keeffe A., Mc Carthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. – Cambridge University Press, 2007 – 315 p.

References

1. Balakireva E.H.V., Vlasova E.Z. Elektronnyy uchebno-metodicheskij kompleks kak sredstvo obespecheniya kachestva podgotovki specialistov // Chelovek i obrazovanie. – 2012. – № 4 (33). – S. 75–80.
2. Barkovich A.A. Korpusnaya lingvistika: specifikaya sovremennyh metaopisanij yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 406. – S. 5–13.

3. Volosnova YU.A. Korpusnaya lingvistika: problemy i perspektivy // Lesnoj vestnik. – 2006. – № 7. – S. 43–49.
4. Devel' L.A. Reprezentativnost' korpusov anglijskogo yazyka (dannye uchebnyh odnoyazychnyh slovarnej) // Korpusnaya lingvistika 2004: tezisyy dokladov mezhdunar. konf. – SPb., 2004. – S. 131–137.
5. Zaharov V.P. Korpusnaya lingvistika: ucheb. posobie. – SPb.: SPbGU, 2005. – 48 s.
6. Kozlova N.V. Lingvisticheskie korpusa: opredelenie osnovnyh ponyatij i tipologiya // Lingvodidakticheskij potencial korpusov inoyazychnyh tekstov. – Novosibirsk, 2013. – S. 79–88.
7. Manik S.A. Novoe v sovremennoj leksikografii i terminologii (rec. na kn.: Lexicography and Terminography: a World wide Outlooked. By O. Karpova, F. Kartashkova) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2010. – № 1. – S. 223–227.
8. Manik S.A. Ispol'zovanie yazykovykh korpusov v prepodavanii anglijskogo yazyka (na materiale bazy Sketch Engine) // Obrazovatel'nyj process v universitete: realii i sovershenstvovanie: sb. nauch.-metod. statej. – Ivanovo, 2013. – S. 231–239.
9. Manik S.A. Sovremennaya korpusnaya leksikografiya: osobennosti i perspektivy razvitiya // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2016. – № 3. – S. 17–20.
10. Nagel' O.V. Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii // YAzyk i kul'tura. – 2008. – № 4. – S. 53–59.
11. Sysoev P.V. Lingvisticheskij korpus v metodike obucheniya inostrannym yazykam // YAzyk i kul'tura. – 2010. – № 1. – S. 99–111.
12. Tryapicyna A.P. Perspektiva sozdaniya uchebnoj literatury novogo pokoleniya // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta, 2006. – S. 16–18.
13. SHamova N.A. K voprosu sozdaniya ehlektronnogo korpusa anglijskoj terminologii kinoindustrii XXI veka // Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya 2015. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. – S. 265–272.
14. SHamova N.A. Rol' uchebnogo korpusa v obrazovatel'nom processe XXI veka // Molodaya nauka v klassicheskom universitete: tezisyy dokladov. – Ivanovo, 2016. – S. 72.
15. SHamova N.A. Korpusnye tekhnologii pri analize kinodiskursa (na materiale avtorskogo ehlektronnogo korpusa kino) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.V. Vernadskogo. – 2016. – T. 2 (68). – № 4. – S. 97–102.
16. O'Keeffe A., Mc Carthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. – Cambridge University Press, 2007 – 315 p.

О РУССКИХ АНТРОПОНИМАХ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Тексты художественных произведений Е.В. Честнякова являются источником изучения национально-культурного своеобразия личных имён собственных в русском языке в связи с их носителями и сферой употребления в различных контекстах живой речи. В его произведениях имена людей представляются нам в естественных обстоятельствах повседневного функционирования. Используемые в различных контекстуальных условиях, они наиболее полно обнаруживают свои семантические качества, восходящие к культуре, истории русского народа. Тексты художественных произведений писателя дают представление о составе русского антропонимикона, возрасте и происхождении имён, а также об их социальной окраске, стилевой принадлежности, территориальной локализованности и наличии живой внутренней формы антропонимов, что является особенно важным в рамках решения лингвострановедческих задач при обучении иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: лингвострановедение, русские традиции именования, антропонимы, христианские личные имена.

В рамках решения лингвострановедческих задач при обучении иностранцев русскому языку важным является обращение к такому пласту ономастической лексики, обладающей высокой культурно-исторической ценностью, как антропонимы. Несмотря на то, что антропонимы, как отмечает А.В. Суперанская, относятся к именованию людей и только людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имён, что связано с историей культуры, с традициями в жизни людей и многим другим [6, с. 174].

Среди антропонимов особое место занимают личные имена. Они разнообразны, многочисленны, высокочастотны и отличаются от других антропонимов характером индивидуализации объекта: каждый человек обязательно имеет имя, оно тесно связано с его носителем. В личных именах собственных наиболее полно и специализированно отражается история, традиции, обычаи, система взглядов, духовные ценности народа. Как пишет Н.И. Формановская, «у всех народов есть личные имена, так что имя универсально, однако национальная специфика и форм имён, и их употреблений велика» [8, с. 108].

Одним из источников изучения национально-культурного своеобразия антропонимов в связи с их носителями и сферой употребления в различных контекстах живой речи являются тексты художественной литературы. В произведениях писателей имена людей представляются нам в естественных обстоятельствах повседневного функционирования. Используемые в различных контекстуальных условиях, они наиболее полно обнаруживают свои семантические качества, восходящие к культуре, истории страны. Достоверными и информативными в этом плане оказываются произведения тех писателей, которые хорошо знали и реалистически точно воссоздавали в произведениях характерные черты жизни и быта народа, особенности его живой разговорной речи, неотъемлемой частью которой является антропоними-

ческая лексика. К числу этих писателей можно отнести так называемых писателей-«деревенщиков» (Виктора Астафьева, Фёдора Абрамова, Василия Белова, Василия Шукшина и других), чьё творчество, как отмечает Л.И. Зубкова, «достигло такого уровня, когда оно становится предметом изучения, так как неразрывно связано с русским народом, его бытом и традициями, в том числе традициями именования и речевого этикета. Оно обращает нас к незыблемым национальным основам русского народа» [4, с. 9–10].

В одном ряду с такими писателями-«деревенщиками» можно поставить Ефима Васильевича Честнякова (1874–1961 гг.), коренного жителя деревни Шаблово Кологривского района Костромской области, местного писателя, который в своих художественных произведениях отражал традиционный уклад жизни русской деревни. Описывая бытовые ситуации общения земляков, Е.В. Честняков достоверно воспроизводил также их личные имена во всем многообразии форм и особенностей функционирования в речи. Именной репертуар произведений костромского писателя создавался не как стилизация, а как органичное отображение именника поунженской деревни, самобытное своеобразие которого составляет часть национального антропонимикона. Тексты произведений писателя содержат богатый антропонимический материал и дают широкое представление о русских традициях именования.

На основе произведений Е.В. Честнякова в иноязычной аудитории может быть предъявлена следующая свойственная антропонимам национально-культурная информация, выделяемая нами вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: 1) возраст, 2) происхождение имён, 3) их социальная окраска, 4) стилевая принадлежность, 5) употребительность, 6) территориальная локализованность, 7) наличие живой внутренней формы [1, с. 98–101].

Так, антропонимическая система произведений Е.В. Честнякова представлена традиционными

христианскими личными именами собственными. Это те имена, которые получали при крещении в церкви все жители деревни Шаблово, родины писателя, равно как и других деревень Кологривского уезда Костромской области. Под влиянием церкви данные антропонимы имели широкое распространение в русской языковой среде в целом и до сих пор, несмотря на отсутствие обязательности прохождения обряда крещения для имянаречения, являются наиболее употребительными.

По происхождению это иноязычные имена, преимущественно древнееврейские, заимствованные русским языком в связи с принятием христианства из греческого через старославянский. Данные антропонимы подверглись переоформлению со стороны звучания, морфемной структуры, семантико-стилистических качеств в соответствии с внутренними законами развития языка-реципиента и приобрели специфичные для него черты. Являясь ранними и продуктивными лексическими заимствованиями в русском языке, они составляют основу личных имён собственных, зафиксированных в словарях, отражающих специфику национальной антропонимической системы [5; 7], и воспринимаются народным сознанием как исконные.

В результате приспособления к русской народной речевой стихии христианские имена приобрели многочисленные варианты, различные с точки зрения их употребительности и стилевой принадлежности. Так, каждое христианское личное имя имеет специальную, отмеченную в церковном календаре, каноническую форму, соответствующую законам преимущественно церковнославянского языка. Данная форма используется редко, в основном в связи с церковными обрядами: крещением, венчанием и т. п. Как отмечает Н.А. Петровский, лишь некоторые канонические антропонимы сохранились в живом употреблении [5, с. 11–12]. По характеру экспрессивно-стилистической окраски церковно-канонические формы христианских (крестильных) личных имён имеют общее значение книжности с оттенком торжественности, обусловленным сферой применения. Их можно отнести к группе антропонимов высокого стиля.

Для разговорной речи характерны народные формы христианских личных имён, специфичные для русского языка и его говоров. Как пишут Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «собственно, при крещении ребёнок получает только и исключительно церковное имя (например, Иоанн), но затем регулярно используется (если не считать записочек при поминании и обрядов венчания и отпевания) мирская форма, в том числе и в гражданской документации (например, Иван)» [1, с. 100].

Среди народно-разговорных форм христианских (крестильных) личных имён различают полные и образованные от них производные. Данные антропонимы также регламентированы с точки

зрения их употребительности и стилистической окраски. Так, полные, близкие к церковно-каноническим формы, образовавшиеся в живой народно-разговорной речи (типа церк.-канон. Иоанн – народно-разг. Иван), используются преимущественно в официальной обстановке, включая сферу делового общения. Они отличаются некоторой экспрессивно-стилистической приподнятостью, их также можно причислить к группе антропонимов высокого стиля. Производные антропонимы, образовавшиеся в живой народно-разговорной речи от основы христианского личного имени с помощью различных суффиксов, функционируют в неофициальной обстановке. Подобные дериваты употребляются в кругу семьи, между родственниками, друзьями, близкими знакомыми в непринуждённой речи. По характеру экспрессивно-стилистической окраски они могут быть отнесены к антропонимам сниженного, обиходно-разговорного или низкого стиля.

В произведениях Е.В. Честнякова, отражающих особенности речи жителей поунженских деревень, в том числе и в области антропонимии, христианские (крестильные) имена представлены в народно-разговорных формах, принятых в повседневном употреблении. Писатель передаёт специфику их функционирования в той или иной описываемой ситуации общения с учётом социального статуса и возраста именуемого, чувств говорящего к нему, а также ряда других экстралингвистических факторов.

Так, полные народно-разговорные антропонимы, характерные для официально-деловой речи, употребляются в стихотворении «Общинная земля» Е.В. Честнякова, где описывается собрание деревенской общины, на котором обсуждается вопрос, связанный с разделом земли между крестьянами. Для именованых героев, принимающих участие в принятии важного делового решения, используются крестильные имена высокого стиля в полных церковнославянской и народно-разговорной формах: *Власей, Тут, Лук, Афанасей*. В произведении Е.В. Честнякова сохранена книжная форма имени – *Тут*, церковно-канонические антропонимы Афанасий, Власий функционируют в народно-разговорных формах с конечным безударным сочетанием *-ей*: *Афанасей, Власей* (Афанасий > *Афанасей*, Власий > *Власей*), вместо церковного Лука употребляется форма *Лук*, характерная для живой разговорной речи. Христианские личные имена в полных формах использованы по отношению к взрослым людям, вызывающим уважение земляков. Их хозяйства приводятся в пример остальным: *Так у нас заведено с новой стройкою давно. Так же строилась Власей, Тут, Лук и Афанасей. А ты стройся у оврага, Там свои увидишь блага* [3]. Это показывает, что наряду с общей экспрессивно-стилистической приподнятостью полные формы христианских личных

имен содержат положительную оценку и выражают уважительное, почтительное отношение к именуемому, обычно взрослому человеку.

Использование данных форм для именования молодых людей также возможно в соответствующей речевой ситуации. Так, например, в стихотворении Е.В. Честнякова «Смотрины в хороводе» описаны народные обрядовые действия, особого типа официальная ситуация в деревенской среде, связанная со знакомством женихов с невестами. Каждая героиня называется полным крестильным именем: *Олёна, Матрёна, Татьяна, Маревьяна, Таисья, Онисья, Орина, Катерина, Тrefена, Ографена*. Данные антропонимы употребляются в соответствии с требованиями живой разговорной речи. Некоторые из них – с диалектным инициальным «О». Часть антропонимов сочетаются с отчеством или указанием на принадлежность к определённой семье с помощью широко распространенного в народных песнях и былинах обращения *свет (Марковеевна – свет Катерина, А Лукьяновна – свет Тrefена, Севастьяновна – свет Ографена)*, что подчеркивает уважительное отношение к девушкам-невестам:

... Увидишь ты тут лужки, –
 Девицы встанут во кружки.
 Кудрями потряхивают,
 Платками помахивают,
 Руками похлопывают,
 Ногами потопывают.
 А ты как будто невзначай
 Себе невесту примечай.
 А белая-та – Олена,
 А серая-та – Матрена,
 А русая-та – Татьяна,
 А рыжая-та – Маревьяна,
 Светлокудрая-та – Таисья,
 Чернокудрая-та – Онисья,
 Окулинина – свет Орина,
 Марковеевна – свет Катерина,
 А Лукьяновна – свет Тrefена,
 Севастьяновна – свет Ографена [3].

В сказках Е.В. Честнякова «Иванушко», «Сергиошко» описаны события, происходящие между близкими родственниками внутри семьи. Главными действующими героями произведений являются самые младшие её члены. Их называют крестильными именами *Иванушко, Сергиошко*. Данные антропонимы являются производными, образованными от полных именных основ с помощью суффикса *-ушк*. Различение конечных гласных формантов *-ушк(a)/-ушк(o)* для имён собственных, означающих лиц мужского (по 2 склонению имён существительных мужского рода типа дедушко) и женского пола, отражает диалектную черту поунженских говоров. Эти крестильные имена обладают сниженной обиходно-разговорной стилистической окраской и выражают нежное, ласковое отношение к младшим членам семьи, любимым и оберегаемым всеми: *Жил-был парнёк Сергеошко. Все ушли на работу, остался дома один. Сидит у окошечка... <...> Вы-*

шел Иванушко на крылечко красной весной. <...> Играет Иванушко с ребатами-лебедятами да с девицами-лебедицами, гуляет по садам и цветочкам, в ягодках разных... <...> Увидали Иванушко домашние – все обрадовались [1].

Отметим, что в произведениях Е.В. Честнякова представлено подобное функционирование дерииватов по отношению ко всем детям в деревне. Так, в стихотворении Е.В. Честнякова «Девоньке Оринке» описывается ситуация, когда деревенские девочки и молодые девушки получают подарки. В нём используются крестильные имена: *Оринка, Ксенечка, Марийка, Матрёнка, Настенька, Ульяшенька, Алёнка, Марфушенька*. Данные антропонимы являются производными, образованными от полных и сокращенных именных основ с помощью суффиксов: *-к(a), -ечк(a), -еньк(a)*. Они относятся к сниженному обиходно-разговорному стилю речи и имеют уменьшительно-ласкательное экспрессивное значение, что подчеркивают демиинутивы, употребляемые по отношению к именуемому (*бусеринка, колечко, пресленёк, игрушечка, куколка* и др.):

Девоньке Оринке
 Дарю бусеринку,
 Девушке Ксенечке –
 Колечко маленечко,
 Девушке Марийке –
 Пресленёк маленький,
 Матрёнке девоньке –
 Игрушечку гармонику,
 Девушке Настеньке –
 Гребешок частенький,
 Девоньке Ульяшеньке –
 Маленькую балалайку,
 Девушке Алёнке –
 Цветочек аленький,
 Девоньке Марфушеньке –
 Малую куколку [2].

В произведениях писателя также представлено употребление производных форм крестильных имён по отношению к взрослым людям. В поэме «Федорок» Е.В. Честнякова описывается ситуация, когда в непринуждённой беседе земляки-приятели обращаются друг к другу крестильными именами *Матюха, Сеня*. Данные антропонимы являются производными, образованными от сокращенных именных основ с помощью суффиксов *-ух(a)/-юх(a), -н(я)*. Они относятся к сниженному обиходно-разговорному стилю речи и содержат фамильярную эмоционально-экспрессивную окраску. Постпозитивное определение «брат», употребляющееся в речи персонажей наряду с личными именами, характеризует приятельские отношения между говорящими-именуемыми: *Говорили так пока / Увидали Федорка. / «Дождался, Матюха-брат: / Вон и главный акробат / Опускается сюда / Не без риска и труда». <...> «Так уж тихо, Сеня-брат: / Тиши мыши во сто крат». / «Хоть бы так-то добрался, / Чтоб не вышла сила вся. / И за все его труды / Не случилось бы беды...» [3].*

Христианские (крестильные) личные имена, широко представленные в произведениях Е.В. Честнякова, характеризуются отсутствием живой внутренней формы и относятся к именам, утратившим связи с корнями, от которых они произошли. Несмотря на то, что писатель знал значение имён или соотносимых с ними слов в языке-источнике, он не опирался на него при именовании своих героев, тем самым раскрывая специфику функционирования антропонимов в описываемой им крестьянской среде. Так, в стихотворении «Имя дали мне не ново...» он показал, что социальная значимость христианских (крестильных) личных имён в пределах русского онимического пространства связана не с внутренней формой антропонима, а с приближенностью его к народной, диалектной и потому «высокой» форме:

Имя дали мне не ново:
Евфимей – греческое слово.
По-русски значит добродушный,
Велению доброму послушный...
Имя среднее – Ефим,
Выше среднего – Ефимко.
А Ефимки выше – Фим,
Еще выше Фима – Фимко.
Фим-ко вовсе высоко [10].

Часть христианских (крестильных) имён в произведениях Е.В. Честнякова относится к устаревшим и активно в современном русском языке не функционирует. Некоторые из них имеют в словарях личных имён помету «редкое» (*Аграфена*, *Трифена* и др.), то есть с незначительным числом живых носителей [5]. Тем не менее данные антропонимы хранятся в памяти людей и отражают историю развития русского антропонимикона.

Таким образом, тексты произведений Е.В. Честнякова, отражающие своеобразие именника поунженской деревни начала – середины XX века, являются уникальным источником изучения национально-культурной информации, свойственной антропонимам, и позволяют рассмотреть специфику русских личных имён в иноязычной аудитории.

Библиографический список

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
2. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
3. *Ефим Честняков: Поэзия / сост., вступит. статья Р.Е. Обухова.* – М., 1999. – 336 с.
4. *Зубкова Л.И.* Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2009. – 476 с.

5. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 384 с.

6. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

7. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. – М.: Эксмо, 2006. – 544 с.

8. *Формановская Н.И.* Формы русского личного имени как традиция в культуре народа // В последнее время...: юбилей. сб. статей. – М.: Инф.-учеб. центр Гос. ИРЯ., 2012. – С. 107–115.

9. *Честняков Е.В.* Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева; отв. ред. Н.А. Дружнева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

10. *Честняков Е.В.* Сказки, сценки, стихи, пьесы [Рукопись] / сост. Е.В. Ярыгина [хранится в Областном доме народного творчества г. Костромы].

11. *Чудесное яблоко. Иванушко. Сергийушко: Сказки и рисунки Ефима Честнякова.* – СПб.: Медвежонок, 1914. – 26 с.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. YAzyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy / pod red. YU.S. Stepanova. – M.: Indrik, 2005. – 1040 s.

2. Gancovskaya N.S. ZHivoe pounzhenskoe slovo: Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E.V. CHestnyakova. – Kostroma: Kostromaizdat, 2007. – 225 s.

3. Efim CHestnyakov: Poehziya / sost., vstupil. stat'ya R.E. Obuhova. – M., 1999. – 336 s.

4. Zubkova L.I. Russkoe imya vtoroj poloviny HKH veka v lingvokul'turologicheskom aspekte (po proizvedeniyam F. Abramova, V. Astaf'eva, V. Rasputina i V. SHukshina): dis. ... d-ra filol. nauk. – Voronezh, 2009. – 476 s.

5. Petrovskij N.A. Slovar' russkih lichnyh imyon. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1966. – 384 s.

6. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M.: Nauka, 1973. – 352 s.

7. Superanskaya A.V. Slovar' russkih lichnyh imyon. – M.: EHksmo, 2006. – 544 s.

8. Formanovskaya N.I. Formy russkogo lichnogo imeni kak tradiciya v kul'ture naroda // V poslednee vremya...: yubilej. sb. statej. – M.: Inf.-ucheb. centr Gos. IRYA., 2012. – S. 107–115.

9. CHestnyakov E.V. Rus', uhodyashchaya v nebo...: Materialy iz rukopisnyh knig / sost. T.P. Suhareva; отв. red. N.A. Druzhneva. – Kostroma: Kostromaizdat, 2011. – 168 s.

10. CHestnyakov E.V. Skazki, scenki, stihy, p'esy [Rukopis'] / sost. E.V. YARYgina [hranitsya v Oblastnom dome narodnogo tvorchestva g. Kostromy].

11. CHudesnoe yabloko. Ivanushko. Sergiyushko: Skazki i risunki Efima CHestnyakova. – SPb.: Medvezhonok, 1914. – 26 s.

Зарубина Наталья Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
Ивановская государственная медицинская академия
natallyakirs@mail.ru

РОЛЬ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ

Исследование посвящено описанию лексических оценочных средств, участвующих в формировании образа России в западных СМИ. Анализируются статьи американских газет USA Today, Chicago Tribune, The New York Times и новостной ленты Bloomberg, а также британских газет The Guardian и Daily Mail, освещающих отстранение российской сборной от Олимпиады в 2018 году. Описываются фрагменты дискурса, содержащие номинации с положительным или отрицательным знаком оценки. Автор приходит к выводу о намеренном употреблении большого количества номинаций с отрицательным знаком оценки, которые создают негативный образ нашей страны и ее руководства. Так СМИ осуществляют языковое манипулирование сознанием и навязывают выводы о том, что Россия обманывает весь мир и что воздействовать на нее можно только с помощью давления и принятия санкций.

Ключевые слова: оценочная лексика, образ России, западные СМИ, допинг-скандал, отрицательная оценка, языковое манипулирование сознанием.

Современные средства массовой информации выполняют не просто информативную функцию. Сегодня СМИ используют язык как инструмент воздействия на общественное сознание. При создании текста происходит выбор конкретных языковых средств, которые оказывают влияние на мировосприятие, мышление, формирование стереотипов. Ключевая роль отводится подбору лексических выразительных средств, поскольку они обладают яркой иллокутивной силой и воздействуют на читателя с помощью ассоциативных образов, имеющих положительную или отрицательную окраску. Таким способом осуществляется языковое манипулирование сознанием, которое изучается не только в рамках лингвистики, но также и психологии, социологии, политологии [1–3]. Под языковым манипулированием мы понимаем, вслед за А.А. Даниловой, «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи, осуществленное на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом» [1, с. 12]. Огромную роль в таком манипулировании играет оценочная лексика. Именно знак оценки, присутствующий как в денотативном, так и в коннотативном значении номинации, и оказывает воздействие (как эмоционального, так и рационального характера) на адресата. Профессиональные журналисты могут интерпретировать факты как в позитивном, так и в негативном ключе, внедряя в массовое сознание определенные представления или образы, которые затем закрепляются и переходят в разряд стереотипов.

С помощью различных языковых средств воздействия журналисты формируют у адресата отношение к странам, политическим лидерам и известным фигурам в различных сферах жизни. Так создается и «образ страны», который зачастую не совпадает с образом, предлагаемым внутри самой страны. Всем известно, что на Западе уже давно сложился образ России, точнее еще Советско-

го Союза, как образ врага, несущего угрозу всему миру и попирающего все моральные каноны и устои. Западные СМИ усиленно подчеркивают негативные черты российской внешней и внутренней политики (нестабильность, непредсказуемость, коррупция и т. д.). Этот политический миф играет дестабилизирующую роль в отношениях между Россией и другими странами. Таким образом, за счёт специально подобранной эмоционально-оценочной лексики продолжает формироваться образ врага, и создаются стойкие негативные ассоциации.

В настоящей работе нам хотелось выявить, с помощью каких оценочных лексических средств формируется образ России в западных СМИ. Предметом исследования стала оценочная лексика в освещении событий, связанных с отстранением российских спортсменов от участия в Олимпиаде в феврале 2018 года. Материалом исследования послужили оценочные лексико-семантические единицы, отобранные методом сплошной выборки из статей американских газет USA TODAY, Chicago Tribune, The New York Times и новостной ленты Bloomberg, а также британских The Guardian и Daily Mail, вышедших в декабре 2017 года. Анализ лексико-семантического значения слов проводился по словарю Macmillan Dictionary Online [4].

Отправной точкой скандала с российскими спортсменами послужили сведения бывшего директора антидопингового центра Григория Родченкова и выход фильма «Икар» с его участием, после которого заговорили о спланированной на государственном уровне допинговой программе. В самих названиях статей уже прослеживается отрицательное отношение к России и злорадство по поводу отстранения ее от игр: «Do you believe in miracles? Russia finally banned for PED use», «It's time (again) to kick the Russians out of the Olympics», «The IOC must do its duty this time and ban Russia from Winter Olympics», «How do you say, 'Cheaters Never Prosper' in Russian?», «ENTIRE Russian team of 387 athletes will be banned from competing at the

Rio Olympics as punishment for their country's state-sponsored doping programme».

Как видно из заголовков, факт запрета/отстранения (ban) наших спортсменов является заслуженным наказанием (punishment) для обманщиков (cheaters), долгом (duty) всех честных людей и чудом (miracle), в которое уже не верилось. Номинации ban (to say officially that someone is not allowed to do something, to prohibit), punishment (the process of making someone suffer because they have done something against the law or against the rules), cheaters (people who behave dishonestly, or do not obey rules) несут отрицательный знак оценки, а положительная оценочность существительных duty и miracle указывает на правильность происходящих событий. Использование фразового глагола to kick off (informal to force someone to leave a place, to try to hit or attack someone suddenly and violently with your foot) подчеркивает негативное отношение автора к России. Также был выявлен термин – a state-sponsored doping program (допинг программа с господдержкой), имеющий несколько лексических вариаций, но несущий в себе ярко отрицательную окраску. Рассмотрим пример:

Russia has been suspended from the 2018 Winter Olympic Games in Pyeongchang, South Korea. The most diabolical state-sponsored doping machine of our time, and the worst since East Germany a generation ago, has finally received the punishment it deserves [9].

Само понятие «допинг» в современном мире уже имеет отрицательные коннотации, а в сочетании с номинациями diabolical (informal very bad, evil), state-sponsored (paid for by the state, with agreement of the state figures), machine (the people and things that are used for achieving a particular aim, the system) и the worst (something that is worse than all others, inferior) приобретает двойную эмоционально-экспрессивную отрицательную оценку. Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что данная оценка может иметь субъективный характер. Номинация state-sponsored имеет такие синонимы, как state-orchestrated, state-backed, state-engineered или state-supported, сами по себе имеющие нейтральный знак оценки, но в сочетании со словом doping они приобретают еще более негативную оценку, чем сама эта номинация, показывая масштаб совершаемого действия.

Среди словосочетаний наиболее распространенными являются intentional state-supported fraud/doping (умышленный обман/допинг с господдержкой), pervasive doping (всеобъемлющий допинг), corrupt-to-the-core Russian anti-doping system (коррупцированная насквозь российская антидопинговая система), systemic manipulation (системная манипуляция), unprecedented attack (беспрецедентная атака), the unprecedented scale of Russia's cheating (беспрецедентный масштаб обмана в России), the nation's institutionalized cheating/ conspiracy (инсти-

туционализированный, законный в стране обман/говор). Все они имеют негативный знак оценки:

The IOC ruled on Tuesday that there'd been "systemic manipulation of the anti-doping system in Russia," in what President Thomas Bach called "an unprecedented attack on the integrity of the Olympic Games." [4].

Интересен тот факт, что теперь само название «Российское антидопинговое агентство» получило статус дисфемизма и отрицательный знак оценки, потому как именно это агентство и «занимается допингом и сокрытием его результатов»:

The latest issue was whether the World Anti-Doping Agency was going to allow the Russian Anti-Doping Agency (an oxymoron worthy of a gold medal) to be reinstated into its good graces, which would mean the massive, state-sponsored doping machine that has corrupted the results of several Olympic Games would have cleaned up its act enough so the world's doping police believe the Russians are playing totally clean and by the book [9].

Под оксюмороном подразумевается образное сочетание противоречащих друг другу понятий, сочетание несочетаемого, то есть фраза приобретает полностью противоположное значение – «Российское агентство допинга» – и имеет отрицательную оценку.

То, каким образом происходила подмена результатов, описывается западными СМИ как шпионская сага:

Remember how the level of cheating in Russia was so developed in Sochi in 2014 that it read like a spy thriller? Testing wasn't enough then because the tests were flawed and counter-intelligence operatives were used to fudge the results [9];

He (McLaren) told us the 2014 Winter Olympics in Sochi was corrupted by an extraordinary ruse, in which steroid-ridden urine samples from Russian competitors were swapped for clean urine by using small metal rods to prise open supposedly tamper-proof bottles, which were then passed through a tiny hole in the dead of night. And he told us the Russian state, its security services, its sports authorities and anti-doping agency were all in on the grand deception [7].

Используемые номинации flawed (spoiled by something), fudge (to misrepresent, falsify), corrupt (to become dishonest, to debase, to deprave), ruse (an action intended to mislead, deceive, or trick), deception (dishonesty, the act of tricking someone by telling them something that is not true) означают неправомерные, нечестные, обманные действия и несут негативную оценку. Очевиден и тот факт, что до сих пор бытует мнение, что в нашем государстве все контролируется спецслужбами, и с их помощью осуществляются все основные события. Полагают, что спецслужбы выполняют чьи-то распоряжения. Западные СМИ считают главным вдохновителем и руководителем столь массового

обмана Министерство спорта, Олимпийский комитет России, в частности бывшего министра спорта Виталия Мутко:

Thomas Bach, president of I.O.C., has said he was perturbed not only by Russia's widespread cheating but by how it had been accomplished: by corrupting the Olympic laboratory that handled drug testing at the Games, and on orders from Russia's own Olympic officials [8];

Russia's deputy prime minister and Vladimir Putin's right-hand man is Vitaly Mutko, who is also the head of the World Cup organizing committee. And also, one of the primary figures implicated by Rodchenko as masterminding the extensive doping campaign [9].

Несомненно, такое участие высших государственных лиц бросает тень и на самого президента. Тем более что Виталий Мутко не лишился своего поста и так и остается вице-премьером РФ. Зарубежные СМИ трактуют этот факт причастностью президента, в то время как российская сторона объясняет это попыткой повлиять на выборы президента в 2018 году:

And, what a wonderful comeuppance this is for Russian President Vladimir Putin. ... Putin must have thought his \$51 billion had guaranteed him a lifetime of free passes from the IOC. ... He must have figured he could wiggle his way out of this one with threats and denials, just as he did a year and a half ago in Rio, when Russia avoided the punishment it deserved then. Putin was wrong. The IOC majestically stood up to him, and defied him [9];

Putin ... had earlier said that competing under a flag other than Russia's would be "humiliating." He suggested that the U.S. is using the issue as a means to influence the Russian presidential election in March [4].

Западные СМИ утверждают, что решение МОК об отстранении российских спортсменов и запрет на исполнение гимна и поднятие флага является самым справедливым решением за последнее время:

In the long, tangled history of the Olympics and performance-enhancing drugs, there has never been a finer moment. ... today's decision recognizes the power of clean athletes and the principle of fair play [9];

This solution – which was adopted by athletics for Rio – would serve justice and natural justice. Russia would be deprived of sporting glory but its innocent stars would still get to live out their dreams. It would show that a ban is not about vengeance but fair play [7].

Выявленные номинации с положительной оценкой (a finer moment, justice and natural justice, fair play) используются только для выражения одобрения принятого судом решения, то есть наказания России. Правильность принятого решения подтверждает тот факт, что «чистые» спортсмены будут участвовать в Олимпиаде под нейтральным флагом.

Таким образом, по материалам статей западных СМИ, освещающих отстранение российской ко-

манды от Олимпийских игр, сформирован отрицательный образ России и ее государственной власти. Номинации с положительной оценкой (wonderful, majestically, finer moment, dreams, fair) встречаются только при описании наказания для России, от которого западная пресса черпает заряд положительных эмоций и передает его читателю. Остальные же номинации несут в основном негативную оценку. Можно сделать вывод о том, что при чтении газетных высказываний относительно России (которые превращаются в клише и становятся стереотипами) происходит манипулирование сознанием адресата, а именно, адресату навязывают следующие выводы: Россия обманывает весь мир; в России все структуры власти коррумпированы и преступный сговор включает не отдельных лиц, а всю власть целиком; Россия никогда не признает своих ошибок и преступлений; наиболее результативным вариантом диалога с Россией является давление на нее и принятие санкций и всевозможных запретов. В дальнейшем мы надеемся проследить, будет ли изменяться оценочная лексика, формирующая образ России, и в силу каких причин.

Библиографический список

1. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет: Изд-во «КДУ», 2009. – 234 с.
2. Зелинский С.А. Манипулирование массовым сознанием с помощью СМИ: (Современные психотехнологии манипулирования) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/zln1.htm> (дата обращения: 05.01.2018).
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 864 с.
4. Bloomberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com> (дата обращения: 15.01.2018).
5. Chicago Tribune [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chicagotribune.com> (дата обращения: 10.01.2018).
6. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 15.01.2018).
7. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 10.01.2018).
8. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 10.01.2018).
9. USA Today [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com> (дата обращения: 10.01.2018).

References

1. Danilova A.A. Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoj informacii. – M.: Dobrosvet: Izd-vo «KDU», 2009. – 234 s.

2. Zelinskij S.A. Manipulirovanie massovym soznaniem s pomoshch'yu SMI: (Sovremennye psihotekhnologii manipulirovaniya) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://psyfactor.org/lib/zln1.htm> (data obrashcheniya: 05.01.2018).

3. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. – M.: Algoritm, 2000. – 864 s.

4. Bloomberg [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.bloomberg.com> (data obrashcheniya: 15.01.2018).

5. Chicago Tribune [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.chicagotribune.com> (data obrashcheniya: 10.01.2018).

6. Macmillan Dictionary [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.macmillandictionary.com> (data obrashcheniya: 15.01.2018).

7. The Guardian [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/international> (data obrashcheniya: 10.01.2018).

8. The New York Times [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nytimes.com> (data obrashcheniya: 10.01.2018).

9. USA Today [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.usatoday.com> (data obrashcheniya: 10.01.2018).

«ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ» И «ЯЗЫК НЕНАВИСТИ» В КОНТЕКСТЕ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ: ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается соотношение распространенных в современной научной парадигме терминов «вербальный экстремизм» и «язык ненависти», определяются их структурные характеристики и дискурсивная детерминированность. Выявляются особенности употребления в юрислингвистическом поле каждого понятия, а также исследуются существующие и возможные функциональные и семантические проблемы словоупотребления, связанные с имманентными характеристиками. В рамках терминологического анализа устанавливается принципиальная разница между отечественной и зарубежной интерпретацией термина «язык ненависти», сопряженная с его различным функционированием. Анализируются научные подходы к конструированию содержания изучаемых понятий, предлагаются собственные дефиниции. Представлена попытка родо-видовой классификации данных терминов в процессе их взаимообусловленного применения, исключающего противопоставление явлений, но предполагающего равноуровневую их природу как лингвистического, так и правового характера.

Ключевые слова: вербальный экстремизм, язык ненависти, язык вражды, юрислингвистика, терминологический анализ, термин, концепт.

Структура современного научного дискурса в силу поликонцепционного характера предполагает возможность наличия множества терминов, взаимозаменяемых в процессе бытования и взаимодополняемых по мере функционирования в различных контекстах. Наибольшую сложность представляет использование терминов, которые не имеют четких дефиниций и обладают полисемичностью. Именно к таким, не являющимся в полной мере конвенциональными, относятся «вербальный экстремизм» (далее – ВЭ) и «язык ненависти» (далее – ЯН), бытующих все активнее как в сфере научных исследований и правовой документации, так и в общебытовой коммуникации.

В работе мы рассматриваем бинарную оппозицию двух терминов, не включая сюда менее употребительные авторские окказионализмы и лексемы с затемненной семантикой, которые имеют характер не вполне терминологический, а экспрессивно-понятийный. Например, риторика ненависти, дискурс вражды и пр. При этом, установив границы диады, мы не исключаем из нее эквивалентные варианты. Так, к ВЭ (вербальный – от лат. *verbum*, что означает «слово») в качестве тождественного мы относим «словесный экстремизм», а к ЯН – «язык вражды», что отражает особенности перевода и словоупотребления, а не концептуальное отличие. Нужно отметить, что слова «ненависть» и «вражда» имеют разные оттенки значения («чувство одного человека» и «противостояние нескольких лиц»), на что указывают и психологи, и юристы. Однако в профильном Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», Уголовном кодексе РФ и судебных решениях они представлены как идиоматическое выражение, что обусловило нашу позицию возможного понимания «языка вражды» и ЯН в качестве дублетов.

Основными методами исследования являются терминологический и сравнительный анализ, которые позволяют синтезировать дефиниционные единицы и установить между ними формально-логические связи. Используемый в совокупности с указанными выше метод дифференцирования позволяет четко определить границы каждого рассматриваемого понятия и выделить уникальные элементы для каждого из них с учетом специфики бытования в различных дискурсах.

Формально оба этих термина относятся к лингвоправовой сфере, так как номинируют особый вид нарушения прав субъекта или их группы с помощью речевых средств в процессе коммуникации, указывая на факт совершения речевых преступлений, осуществляемых «посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. текстов» [11]. Можно утверждать, что семантические ядра терминов частично совпадают, однако в процессе анализа представляется возможным установить определенные отличия.

Структура обоих терминов свидетельствует о симметричном объединении характеристик юриспруденции (экстремизм, вражда) и лингвистики (слово и язык). При этом представлены различные типы связи слов в словосочетаниях: согласование и управление. Это указывает на прецедентную роль главного слова, которое смещает акцент в первом случае в сторону юриспруденции, во втором – лингвистики.

Вывод о сфере бытования лексем подтверждается доминированием в массовых источниках второго термина, в узкоспециальных – первого. Так, по данным Национального корпуса русского языка, в отношении ВЭ информация отсутствует, его вариант «словесный экстремизм» представлен в двух документах в основном корпусе. Однако ЯН (враж-

ды) представлен в газетном корпусе в 2 (6) документах; в основном – в 5 (5), в устном – не представлен. Однако в юридической деятельности (в судебной и экспертной практике) наблюдается противоположная ситуация: первый представлен значительно шире, второй – отсутствует. Так, в комплексной психолого-лингвистической экспертизе, проведенной М.А. Венгранович и С.В. Качаловой 15 декабря 2010 года (г. Тольятти), отмечается, что лингвисты определяют вербальное проявление экстремизма через понятие словесный экстремизм.

Таким образом, можем отметить, что термин ВЭ имеет четкую привязку к правовому полю, что обуславливает и его дефиниционные особенности: при определении характеристик явления исследователи обращаются к формулировкам правовых актов. ЯН больше распространен в массовой коммуникации и чаще представлен в интернет-поле, что обуславливает отсутствие необходимости формирования четкого значения, заменяемого контекстной семантикой. Как отмечает Г.В. Колшанский, контекст может быть выведен из языковой структуры и выполнять «роль интерпретатора высказывания» [6, с. 25–26]. Именно такой процесс в основном наблюдается при использовании словосочетания ЯН.

Несмотря на некоторую условность терминологических характеристик обоих словосочетаний, ученые все же заинтересованы в формировании дефиниций и придании им статуса полноценных терминов, поэтому мы обратимся к анализу исследований данных феноменов в отечественной и зарубежной научной литературе.

Первоначально рассмотрим ВЭ, который в силу взаимосвязи с правовым термином «экстремизм» имеет более верифицируемое значение, обусловленное не индивидуальными представлениями ученого об изучаемом феномене, а российской правовой базой. К этому термину (и его лексическим вариантам) обращаются такие ученые, как М.В. Аблин, О.В. Артемьева, М.С. Власов, Е.И. Галяшина, В.А. Грушихина, С.Н. Ильченко, Е.С. Кара-Мурза, В.А. Мишланов, Д. В. Мороров, Т.В. Романова, В.А. Салимовский, Н.А. Сергиенко, Н.Ю. Тяпугина и пр.

Как в процессе законодательной деятельности, так и при попытке охарактеризовать лингвистическую сторону явления возникают определенные проблемы, и ученые переходят к перечислению проявлений данного феномена, что затрудняет возможное создание лаконичной дефиниции. Так, Е.И. Галяшина дает подробную характеристику ВЭ: «целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые: призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую

или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)» [2]. Данное определение представляется вполне верифицируемым в правовом поле, поскольку указанные в нем характеристики вербальных проявлений экстремизма отсылают нас к статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и представляются вполне объективно сгруппированными.

Второе направление интерпретационных усилий исследователей может быть представлено в виде попытки установления связи с правовой терминологией. Необходимо отметить, что данный способ часто приводит к сужению или неоправданному расширению значения, но при этом сохраняется возможность установить истинность содержания термина в пределах правового поля. Так, Е.С. Кара-Мурза отмечает, что ВЭ локализуется в 280 и 282 статьях УК РФ [5], что исключает необходимость усложнять лингвистическое толкование заимствованными юридическими конструкциями. Одновременно автор исключает другие многочисленные статьи, которые также квалифицируют состав экстремистских правонарушений, что делает определение применимым только в ограниченной области исследований. В работе Н.Ю. Тяпугиной, наоборот, представлен расширенный перечислительный ряд правонарушений: «клевета, оскорбление, призывы к противоправной деятельности, насилию и агрессии, телефонный терроризм, угрозы, шантаж, вымогательство и иные проявления словесного экстремизма» [7]. Это значительно превышает правовые пределы экстремизма и расширяет границы лексемы, делая ее философско-лингвистической, а не юрислингвистической.

Трактовка ВЭ практически всегда ограничена юридическими дефинициями доминанты «экстремизм», что обуславливает исключение из семантического ядра субъективно-оценочных элементов. При этом есть работы, где термин имеет иной смысл и даже включает оценочные показатели. Так, С.Н. Ильченко характеризует его как «дискурс крепкого словца», «слова, обидные для многих национальностей, верующих, просто конкретных людей» [4], то есть автор характеризует больше не экстремизм, а оскорбление как видовое понятие, используя при этом не нейтральную лексику, а эмоционально окрашенную общебытовую («обидный», «крепкое словцо»). Такой подход чаще свойственен интерпретации ЯН, однако имеет место и в процессе выявления особенностей ВЭ. Таким образом, при научной интерпретации термина прослеживается тенденция к его юридизации, установлению связи между лингвистическим

и правовым пониманием с превалированием второго сегмента.

Использование термина ВЭ в зарубежных источниках не является тенденциозным, он встречается в основном в переводных российских работах, поэтому мы не будем обращаться к его анализу отдельно. В рамках же анализа содержания термина ЯН приоритетным становится обращение к первоисточнику, то есть англоязычным трактовкам, которые представлены как в политико-правовых документах, так и в научных трудах. Стоит понимать, что под термином «hate speech» при переводе семантическом подразумевается «разжигание вражды/ненависти», однако при дословном – «speech» понимается как «речь» или «язык», что и приводит к появлению рассматриваемого нами ЯН в русскоязычном варианте. Этот факт приводит к смещению акцентов при переводе и, как результат, к спорным толкованиям иноязычных источников: в официальных документах «hate speech» переводится как «разжигание ненависти», а не как ЯН, поскольку предполагает все формы «самовыражения», а не только речевые.

Русскоязычная калька «hate speech» во многом сохранила семантические акценты, расставленные в языке и культуре оригинала, что влияет на интерпретацию, но претерпела и ряд серьезных изменений. В отличие от русскоязычного эквивалента «hate speech» выполняет в большей степени функционал ВЭ, не имея его ограничений, то есть обеспечивает политико-юридическую сферу и широко используется в правовых документах. В Рекомендации № R (97) 20 Комитета министров Совета Европы термин «hate speech» определяется как «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями». Таким образом, это определение принципиально отличается от рассмотренных выше русскоязычных версий и не является лингвистическим. Несмотря на то, что в тексте определения речь в основном идет о разжигании ненависти на расовой или национальной почве, в разъяснениях Европейского суда по защите прав человека, сделанных в 2016 году по поводу этого термина, представлено расширенное толкование, включающее в себя понятия вражды по религиозным основаниям, а также ненависти в отношении сексуальных меньшинств, отрицание военных преступлений, угрозу демократическому порядку, демонстрацию флага с неоднозначными историческими коннотациями, оправдание жестокости, терроризма, оскорбление официальных лиц государства.

По мнению А. Вебер, концепция «hate speech» включает три основных понятия: разжигание расовой ненависти; разжигание религиозной вражды (в том числе между верующими и неверующими); иные формы вражды, основанные на нетерпимости [15]. Так, семантическое поле третьего понятия по факту включает широкий открытый список правонарушений, куда могут войти любые проявления нетолерантных действий по любому признаку. Содержательно такие действия могут быть направлены на ущемление прав как групп лиц, так и отдельной личности.

При этом в работе «Countering online hate speech» авторы совершенно справедливо номинируют «hate speech» семиотическим термином «пустое означающее», указывая на отсутствие конкретного содержания за данным знаком и его семантическую наполняемость в зависимости от контекста. В связи с этим термину «hate speech» предлагаются две альтернативы: «dangerous speech» («опасная речь»), то есть речевые акты, имеющие значительный потенциал в эскалации насилия одной группы в отношении другой) и «fear speech» («речь устрашения», включающая заявления, способные посеять страх среди целевой группы, в отношении которой планируется совершить насилие) [14, р. 54]. Поскольку оба термина также не имеют четкого значения и представляются достаточно метафорическими, то и в русском языке можно найти им соответствия в пласте фразеологии. Например, «вести опасные речи», то есть связанные с возможной ответственностью автора или нежелательными последствиями для каких-либо субъектов.

Таким образом, англоязычный вариант ЯН является частью недостаточно четкой, но все же терминологической системы, что обеспечивает его функциональность.

Под ЯН в России ученые понимают целый ряд явлений, но при этом практически все единодушны в лингвистическом понимании природы термина: от текста в целом до отдельных номинаций. А.М. Верховский при анализе ситуации в российских СМИ понимает всю совокупность текстов, «прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни» [1]. В подобном ключе рассматривает термин ЯН и А. Денисова, отмечая, что это «все языковые средства выражения резко отрицательного отношения “оппонентов” – носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости, гомофобии, а также сексизма» [3]. В.И. Макаров [8] осуществляет попытку не дать определение явлению, а перечислить все способы его репрезентации, включая в список как номинации с негативным

оценочным компонентом, представляющие, скорее, оскорбления, чем признаки экстремизма, так и бранную, негативную лексику, употребляющуюся в контекстах, содержащих ЯН.

При этом мы можем заметить и значительное сужение термина по отношению к ВЭ. В частности, в работе П.Н. Хроменкова [13] ЯН и «конфликтотенная лексика», «лексика вражды и конфликта», «язык конфликта» выступают в качестве синонимов, не учитывая антиправовую составляющую и актуализируя доминанту «критики». В узком смысле термин представлен и Г. Кожевниковой, автор отмечает, что ЯН – это «любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей» [10].

В исследовании А.В. Резниковой достаточно четко указывается на неюридический характер термина. Она отмечает, что «радикальные высказывания, носящие оскорбительный и унижающий честь и достоинство характер... принято относить к категории экстремистских, хотя зачастую высказывания такого рода не содержат призывов к чему-либо и носят исключительно номинирующий характер...» [12, с. 162–163]. Автор отмечает, что необходим ряд условий, при которых данная категория может получить правовую окраску.

Таким образом, можем заметить явно прослеживающиеся две противоположные тенденции в толковании термина ЯН, которые отвечают условиям его бытования: оригинальная и отечественная. Согласно первой термин в языке оригинала наделен всеми необходимыми юридическими характеристиками, которые обеспечивают его функционирование в широком смысле (не только лингвистическом) в сфере правоприменения и науки. Вторая – закрепляет в несколько искаженном переводе лингвистическую природу бытования «hate speech» и включает термин в пространство массовой коммуникации, где образность номинации имеет большее значение, так как позволяет реализовать ее персуазивный потенциал.

В нашем понимании оба рассматриваемых термина не характеризуют явления изолированные и не могут заменять друг друга в силу принципиальной разницы в значении и функциональной направленности. Исключая оригинальную трактовку «hate speech», где, безусловно, ВЭ является единичным проявлением в ряде всех остальных противоправных деяний за пределами речевой деятельности, мы апеллируем к пониманию терминов в пределах российской научной парадигмы. В связи с этим разделяем базовые положения концепции, представленной в работе Е.И. Галяшиной [2], где автор предлагает определить стадии развития конфликтных ситуаций: первичным проявлением представляется ЯН (некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп от криминальных до самых мягких), вторичным – ВЭ

как совокупность противоправных речевых деяний, являющихся следствием отсутствия мер противодействия первичному проявлению.

Мы считаем, что ЯН есть лишь одно из проявлений ВЭ, выступающего в качестве родового понятия. При этом ЯН в его лингвистическом понимании может и не относиться к противоправной деятельности и остаться видом проявления речевой агрессии, не преследуемой по российскому законодательству.

Подводя итоги, определим, что ВЭ включает в себя ЯН как более мелкую категорию, градуирующую только часть содержания понятия, поскольку служит для обозначения средств ведения экстремистской деятельности. ЯН при этом может не относиться к виду экстремистских правонарушений, выполняя функцию катализатора общественных идей. ВЭ может выражаться различными средствами от литературного языка и социолектов до ЯН. ЯН представляет определенное речевое поведение, необязательно противоправное, в процессе которого субъект стремится не нарушить закон, а номинировать нечто, используя речевую агрессию, разжигая тем самым вражду и ненависть в обществе или просто выражая нетолерантное отношение к представителям аутгруппы. ВЭ помимо ущемления прав определенной группы включает в свое содержание и другие виды деятельности: публичное оправдание терроризма, публичное заведомо ложное обвинение лица, подстрекательство и др. Следовательно, ВЭ семантически представляется более объемным.

ВЭ, как правило, используется в виде термина, поскольку авторы стремятся его определить, сформировать дефиницию, сделать его частью терминосистемы. ЯН чаще выступает в качестве некоего концепта, не имеющего связанной формулировки, а перечисляющего когнитивные признаки явления. Он представлен некоторым количеством конкретных образов, закрепленных в сознании индивида за номинацией, что «кодирует концепт для данного носителя языка» [9, с. 81], перенося часто незначительный с позиции общего содержания признак в ядро концепта. В данном случае чувственный образ и интерпретационное поле выходят на первый план, подавляя информационное содержание.

Таким образом, под ВЭ мы будем понимать вид речевого правонарушения, предполагающий использование комплекса языковых средств субъектом в процессе устной или письменной речи для осуществления экстремистской деятельности. Под ЯН – речевое поведение, выражающее нетолерантное отношение к представителям аутгруппы средствами речевой агрессии. Включение в правовое поле термина ЯН в силу образности его русскоязычной номинации невозможно, поскольку он отражает отношение использующего его субъекта к характеризованному явлению. Напротив, нейтральный термин ВЭ, имеющий связь с родовым право-

вым понятием «экстремизм», при создании четкой дефиниции может и должен стать частью юридической терминологии, что обеспечит однозначную интерпретацию содержания правоприменительных актов любым субъектом правовых отношений.

Библиографический список

1. *Верховский А.М.* Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – М.: Панорама, 2002. – 200 с.
2. *Галяшина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.
3. *Денисова А.* Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение // *We / Мы: Диалог женщин.* – 2003. – № 20 (36). – С. 31–36.
4. *Ильченко С.Н.* Вербальный экстремизм как дискурс развлекательного отечественного телевидения [Электронный ресурс] // *Экстремизм и средства массовой информации.* – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3911844/> (дата обращения: 04.09.2017).
5. *Кара-Мурза Е.С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // *Политическая лингвистика.* – 2009. – № 1 (27). – С. 47–72.
6. *Колианский Г.В.* Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 154 с.
7. *Культура профессиональной речи / под ред. Н.Ю. Тяпугиной.* – М.: ФЛИНТА, 2015. – 502 с.
8. *Макаров В.И.* Национальные прозвища в зеркале контекста // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* – 2015. – № 7 (90). – С. 141–145.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
10. *Прикладная конфликтология для журналистов.* – М.: Права человека, 2006. – 158 с.
11. *Ратинов А.Р.* Послесловие юриста: «Когда не стесняются в выражениях...» // *Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского.* – М., 2004. – С. 101–116.
12. *Резникова А.В.* Когнитивная близость концептов «экстремизм» и «радикализм» в контексте современной этноязыковой конфликтологии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2016. – № 9-3 (63). – С. 161–163.
13. *Хромиков П.Н.* «Язык вражды» и политического конфликта в современных периодических изданиях // *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики.* – 2016. – № 1 (13). – С. 65–74.
14. *Countering online hate speech.* – Paris: UNESCO, 2015. – 71 p.
15. *Weber A.* Manual on hate speech. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2009 [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/Hate_Speech_EN.pdf (дата обращения: 04.09.2017).

References

1. *Verhovskij A.M.* YAzyk moj... Problema etnitcheskoj i religioznoj neterpimosti v rossijskih SMI. – M.: Panorama, 2002. – 200 s.
2. *Galyashina E.I.* Lingvistika vs ehkstremitzma: v pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ehkspertam / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. – M.: YUridicheskij Mir, 2006. – 96 s.
3. *Denisova A.* YAzyk vrazhdy v rossijskih SMI: gendernoe izmerenie // *We / My: Dialog zhenshchin.* – 2003. – № 20 (36). – S. 31–36.
4. *Il'chenko S.N.* Verbal'nyj ehkstremitizm kak diskurs razvlekatel'nogo otechestvennogo televideniya [EHlektronnyj resurs] // *Ehkstremitizm i sredstva massovoj informacii.* – Rezhim dostupa: <http://www.studfiles.ru/preview/3911844/> (data obrashcheniya: 04.09.2017).
5. *Kara-Murza E.S.* Lingvisticheskaya ehkspertiza kak procedura politicheskoy lingvistiki // *Politicheskaya lingvistika.* – 2009. – № 1 (27). – S. 47–72.
6. *Kolshanskij G.V.* Kontekstnaya semantika. – M.: Nauka, 1980. – 154 s.
7. *Kul'tura professional'noj rechi / pod red. N.YU. Tyapuginoj.* – M.: FLINTA, 2015. – 502 s.
8. *Makarov V.I.* Nacional'nye prozvizhcha v zerkale konteksta // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. YAroslava Mudrogo.* – 2015. – № 7 (90). – S. 141–145.
9. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya lingvistika. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.
10. *Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov.* – M.: Prava cheloveka, 2006. – 158 s.
11. *Ratinov A.R.* Posleslovie yurista: «Kogda ne stesnyayutsya v vyrazheniyah...» // *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: Spornye teksty SMI i problemy ih analiza i ocenki yuristami / pod red. A.K. Simonova, M.V. Gorbanevskogo.* – M., 2004. – S. 101–116.
12. *Reznikova A.V.* Kognitivnaya blizost' konceptov «ehkstremitizm» i «radikalizm» v kontekste sovremennoj etnonyazykovoj konfliktologii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2016. – № 9-3 (63). – S. 161–163.
13. *Hromenkov P.N.* «YAzyk vrazhdy» i politicheskogo konflikta v sovremennyh periodicheskikh izdaniyah // *Uchenye zapiski Nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki.* – 2016. – № 1 (13). – S. 65–74.
14. *Countering online hate speech.* – Paris: UNESCO, 2015. – 71 p.
15. *Weber A.* Manual on hate speech. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2009 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/Hate_Speech_EN.pdf (data obrashcheniya: 04.09.2017).

ВЕРБАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕКА В ИДИОЛЕКТЕ А.К. ТОЛСТОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Брянской области в рамках научного проекта № 17-14-32001а(р)

Особенности поэтического идиостиля А.К. Толстого рассматриваются сквозь призму анализа ключевых лексем в его стихотворных произведениях. Представлен лексико-семантический анализ репрезентантов чувств человека как фрагмент индивидуальной картины мира автора. Особое внимание акцентируется на синонимическом ряде *грусть – печаль – уныние – кручина*. Рассмотрена частотность употребления лексем, их семантическая валентность, стилистическая функция, особенности авторского употребления. Анализ лексем проводится на фоне мировоззренческих и эстетических взглядов поэта. Автор приходит к выводу о высокой частотности не только самих номинативов, входящих в синонимический ряд, но и их производных. В поэтических текстах исследуемые лексемы организуют вокруг себя другие слова лексико-семантической группы с семантикой «чувство» (*радость, веселье, тоска и др.*), что позволяет представить характеристику языковой личности А.К. Толстого в различных психологических и эмоциональных состояниях. Сочетание лексем с прилагательными-эпитетами вносит семантические приращения смысла в значение исследуемых лексем.

Ключевые слова: поэзия А.К. Толстого, авторская картина мира, репрезентация чувств, синонимия, лексико-семантическая характеристика, *грусть, печаль, уныние, кручина*.

Антропоцентрический подход в лингвистике на первый план в изучении вывел человека. Его внутренний мир, переживания традиционно обращают на себя внимание психологов, лингвистов. Как замечает В.Н. Телия, «...отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное и эмоционально значимое» [4, с. 82].

Несомненный интерес вызывает исследование чувств и эмоций человека. Они отражают отношение человека к другим людям и миру в целом, позволяют оценить наши ощущения.

Известно, что субъективизм в художественной литературе позволяет определить некоторые особенности языка писателей и поэтов, связанные с их мировоззрением и эстетическими взглядами. В связи с этим интерес представляет выявление семантических и стилистических особенностей языка А.К. Толстого – писателя, поэта-романтика, тонкого лирика XIX века. «Решительное дарование, безыскусственность его творчества» отмечал В.Г. Белинский [6, с. 10]. Критика конца XIX – начала XX века говорит о религиозных основах поэзии, подчеркивая его «реализм духа». [6, с. 10].

До сих пор не утихают споры об особенностях лирики и драматургии А.К. Толстого, а это значит, что его творчество требует дальнейшего изучения.

Поэт рассматривал искусство как мост между земным и «иными» мирами, осознавая тоску по несбыточному, невозможному. Может быть, поэтому в его лирике так много эмотивной лексики. Разнообразные оттенки чувств передаются через синонимы, которые представляют собой своеобразные фрагменты картины мира автора.

Особенно частотны синонимы *грусть* и *печаль*, являющиеся частью синонимического ряда

грусть – печаль – уныние – кручина [3, с. 258]. Существительное *грусть* имеет 14 словоупотреблений, *печаль* – 39. Значительно и число производных от них. По мнению И. Ямпольского, это ключевые настроения и лексемы в лирике поэта [8, с. 17].

В «Этимологическом словаре» Н.М. Шанского [7] отмечено: «**Грусть**. Общеслав. Суф. производное от той же основы, что и *грудити* грызть, мучить»; «**Печаль**. Общеслав. <...> *Печаль* буквально то, что печет, жжет» (данные значения подчёркивают негативный характер исследуемых чувств); «**Грусть** – чувство печали, лёгкого уныния» [2, т. 1, с. 353]; «**Печаль** – чувство грусти и скорби, душевной горечи» [2, т. 3, с. 117].

Лексема *грусть* в лирике А.К. Толстого обычно передает состояние человека: «*О, если б эта грусть могла пройти порывом...*» [5, с. 105]. Это чувство в поэзии Толстого неразрывно связано с состоянием влюбленности: «*Быть может, грусть, страдания и годы... / Быть может, вихрь житейской непогоды / Меня с тобой надолго разлучит*» [5, с. 486].

Житейские трудности – это ничто по сравнению с грустью по заоблачным далям, где можно найти счастье, покой: «*Стремленья тайное к заоблачной отчизне, / Грусть безотчетная по неземной отчизне*» [5, с. 495].

В стихотворениях поэта практически нет характеристики самого чувства грусти с помощью прилагательных-эпитетов, которые бы помогли проникнуть глубже в семантику слова. Мы находим всего три примера употребления: *безотчетная, тяжкая* и *обычная*: «*Прикачнулася, привалилася / К сердцу сызнова грусть обычная*» [5, с. 86]; «*Грусть безотчетная по неземной отчизне*» [5, с. 495]; «*Радость и горе, волнение дум, / Сладостной мукой встревоженный ум, / Трепет восторга, грусть тяжкая вновь...*» [5, с. 424]. И если соче-

тание *безотчетная грусть* подчеркивает неосознанность чувства, неподвластность чувственного мира разуму и отражает негативный характер чувства, то в последнем примере контекст (*радость, сладостная мука, трепет восторга*) ослабляет семантику прилагательного *тяжкая*. Таким образом, возможно различная степень интенсивности данного чувства.

Это же подтверждает и активная валентность лексемы с глаголами. Среди них *рассеяться, расступаться, прикачнуться, привалиться, пробиваться, пройти*, глагольные сочетания *могла пройти порывом, мешается пополам со счастьем* и др. Например: «*Рассеивается, расступается / Грусть под думами под мозгучими*» [5, с. 86]; «*Росло души неясное желанье, / Со счастьем грусть мешалась пополам*» [5, с. 259]; «*О, если б эта грусть могла пройти порывом...*» [5, с. 105]. Одни глаголы обозначают интенсивность признака, другие, напротив, некоторую неполноту действия. Сочетание *мешается пополам* делает более актуальной сему «мера» в проявлении чувства. Употребление лексемы *грусть* с глаголом *пройти* и номинативом *порыв* предполагает актуализацию компонента «изменчивость», подчеркивает возможность, стремительность действия.

Краткая форма *обуян* в сочетании со словом *грусть* в косвенном падеже ассоциативно рождает в характеристике лексемы компонент «сила» (Ср.: «Обуять – охватить, овладеть с неудержимой силой» [2, т. 2, с. 573]): «*И стал я думать, грустью обуян: / “Нет, не поспеть мне вовремя в Къявенну...”*» [5, с. 278]. Примеры пассивной валентности лексемы *грусть* с предикативами в лирике А.К. Толстого немногочисленны.

Функционирование лексемы в контексте способно передать разнообразные чувства, их смешение, душевное смятение: «*И так глаза казались полны / Любви и слез, и грусти и надежды, / Таким горели сдержанным огнем, / Как я еще не видывал*» [5, с. 266]. Это смешение чувств, их нарастание находим в поэме «Садко». Главный герой тоскует по родной земле. Вспоминая Родину, он чувствует, что «*За сердце вот так и хватает! / ... От грусти... хочется плакать! / ...И сердце... / ...С тоски изнывает и чахнет!*» [5, с. 201].

Грусть имеет свое материальное, видимое проявление: она может оставлять свой особый след, отпечаток на лице человека, являться причиной слез: «*Но дверь отверзлась, и явился в ней / С лицом почтенным, грустию покрытым, / Лазоревый полковник. Из очей / Катились слезы по его ланитам*» [5, с. 364].

Многочисленны дериваты лексемы *грусть*. Так, лексема *грустный* употребляется в текстах 14 раз, глагол *грустить* – 8, наречие *грустно* – 7, немногочисленны случаи категории состояния – 4 словоупотребления. Большинство слов характе-

ризует лирического героя: «*А настоящий король меж тем одинокою серной / Грустно средь леса бродил*» [5, с. 472]; «*И о прежних я грустно годах вспоминал*» [5, с. 47]; «*Былое счастье вспоминая, / Грустней я делался*» [5, с. 310]; «*Казалось мне, что мне недаром / Грустить весною суждено*» [5, с. 311]. В качестве адресата часто выступает любимая женщина: «*Что ты голову склонила? / ...Иль грустишь о том, что было?*» [5, с. 72]; «*Но ты грустна; в тебе есть скрытое мученье, / В душе твоей звучит какой-то приговор*» [5, с. 99].

Лексема *грустно*, выступая в роли наречия или категории состояния, характеризует действия, состояния лирического героя: *грустно вспоминая, грустно бродил, грустно сидеть, грустно засыпать и т. д.*, а также передает состояние окружающего мира, созвучное настроению поэта: «*А в доме старинном так грустно / Среди непогоды ночной!*» [5, с. 49]. Однако грусть может быть настроением переменным: «*Но дайте погрустить, и, может быть, я вас / Еще опережу неудержимым смехом!*» [5, с. 306]; «*Утро настанет, и грусть с темною ночью пройдет!*» [5, с. 306].

Среди производных слов большое место занимают имена прилагательные. Как известно, субъективно-характеризующая функция позволяет им выступать в качестве эпитетов. Заметим, что в целом у поэта они традиционны, общеупотребительны. Может быть, в этой простоте скрыто их своеобразное очарование.

Часто прилагательные-эпитеты появляются на базе метонимического значения (*грустные ресницы – грустные очи – грустная улыбка – грустный смех – грустный вид*). Наиболее частотным является сочетание номинатива *очи* с прилагательным *грустный*. Например: «*Так он однажды сидел у входа пещеры, рукою / Грустные очи закрыв и внутренним звукам внимая*» [5, с. 235]. Необычно сочетание номинативов *ресницы* и *душа* (считается, что душа бестелесна, бесплотна) с прилагательными в примере: «*Горними тихо летела душа небесами, / Грустные долу она опускала ресницы*» [5, с. 97]. Среди других атрибутивных слово-сочетаний: *грустная обитель, грустная пустыня, грустная звезда*.

Таким образом, прилагательные могут выражать: чувства, состояния: «*Зачем твой ласковый всегда так робок взор / И очи грустные так молят о прощенье*» [5, с. 99]; «*...туманный образ брата, / С улыбкой грустною склоненный над тобой*» [5, с. 92]; определять производимое впечатление: «*Неспящих солнце грустная звезда, / Как слёзно луч мерцает твой всегда*» [5, с. 414]; «*В пустыню грустную и в ночь преобразуя / Все то, что я люблю*» [5, с. 92].

Особенностью употребления дериватов к существительному *грусть* является наличие их в одном контексте, в пределах фрагмента или стихотворе-

ния в целом. Это нагнетание усиливает эмоциональное восприятие состояния лирического героя. Так, интересно стихотворение, в котором в 12 строках поэт трижды употребляет лексемы с корнем *груст* (дважды номинатив и один раз предикативное слово). Это стихотворение об опустевшем доме и одиночестве в нем. И это одиночество и пустота рождают чувство грусти автора: «**Грустно** сидеть одному. Пусто в покое моем!» [5, с. 303]. Писатель надеется, что «Утро настанет, и **грусть** с темною ночью пройдет!» Но «Ночь прокатилась, и весело солнце на окнах играет, / Утро настало, но **грусть** с тенью ночной не прошла!» [5, с. 303] Контекст создает ощущение движения времени, но неизменности внутреннего состояния героя. В другом примере такие лексемы подчеркивают состояние душевного уныния: «**Бывшее счастье** вспоминая, / **Грустней** я делался; порой... / **Казалось** мне, что мне недаром / **Грустит** весною суждено, / **Что** неожиданным ударом / **Блаженство** кончиться должно» [5, с. 310].

Интересно явление «внутритекстовой» антонимии, создаваемой контекстом: «**Как** праздничный мне лик весны теперь несносен, / **Как грустен** без тебя **дерев зеленых вид!**» [5, с. 74]. Весна пробуждает жизненные силы природы, что создает картину радости и праздника (актуализируется сема «радость» сочетанием лексем *праздничный, весна, зеленый вид дерев*). Этому противопоставлена грусть автора без любимой женщины («без тебя...»), что создает противоположное настроение. С другой стороны, краткая форма прилагательного *грустный* говорит о непостоянстве признака, возможном изменении этого настроения.

Синонимом к слову *грусть* является существительное *печаль*. Оно имеет оттенок усилительности, так как в составе его значения наряду с «грустью» выделяются такие компоненты, как «скорбь» (*крайняя печаль, горесть, страдание*), «душевная горечь» (*горькое чувство от обиды, печали, разочарования*). С другой стороны, в синонимах *грусть* и *печаль*, на наш взгляд, отмечается некоторая «размытость» лексического значения (ср.: *грусть* – «печаль», «лёгкое уныние», *печаль* – «грусть», «скорбь», «душевная горечь»). Таким образом, полагаем, данные понятия можно определить как понятия «с нечеткими краями», у которых невозможно точно и полно определить содержание.

Субстантив *печаль* более частотен, чем *грусть*, следовательно, передает большую силу чувства, его интенсивность: «**Какая** сладость в жизни сей / **Земной печали** непричастна? / **Чье** ожиданье не напрасно, / **И где** счастливый меж людей?» [5, с. 237]; «**Зачем же** сердце так сжимается невольно... / ...**И каждая** твоя мгновенная **печаль** / **В душе** моей звучит так долго и так больно?» [5, с. 90]. Эпитет *мгновенная* актуализирует компонент «душевная горечь». В этом особенность синтагмати-

ческой связи прилагательного и существительного. Кроме того, этот эпитет, характеризующий чувства героини, наводит сему «легкая», противопоставляя состоянию героя – «звучит так долго и так больно». Местоимение *каждая* конкретизирует значение лексемы.

Эту же особенность находим в примере, где лексема *печаль* имеет производное значение «забота» (Ср.: «2. Разг. Забота, беспокойство» [2, т. 3, с. 117]) и конкретизируется усеченной формой местоимения *иной*: «**Чтобы** нам дума была лишь о родине... / **Ину ж печаль** мы закинем за синюю даль» [5, с. 305].

Причиной печали героя может стать человек, и тогда печаль получает грамматическое значение одушевленности, персонифицируясь: «**Кто** будет в той стране... **твоя забота** / **И кто** твоя **печаль?**» [5, с. 95].

Отметим случаи употребления существительного *печаль* в форме множественного числа, что нехарактерно для существительных этого лексикограмматического разряда. Известно, что при этом часто происходит «сдвиг» в лексическом значении слова: «**Словно** давние **печали** / **Разошлись** как туман...» [5, с. 198]; «**Бывшие радости!** **Забывтые печали!** / **Зачем** в моей душе вы снова прозвучали» [5, с. 111]; «**К твоим, царица, я ногам** / **Несу** и **радость** и **печали**» [5, с. 101].

Лексема *печаль* чаще употребляется с характеризующими определениями, чем существительное *грусть*. Например: «**В печали** великой по восточной крутой / **Царевна** взошла **молодая**» [5, с. 155]. Эпитеты, характеризующие существительное *печаль*, имеют более яркую эмоционально-экспрессивную окраску и подчеркивают оттенок усилительности в существительном: *неслыханная печаль, вечная печаль, земная печаль, великая печаль, забытая печаль, мгновенная печаль, горькая печаль, печаль жалобна и громка*. Прилагательные актуализируют различные компоненты в значении существительного: силу, изменчивость, временную характеристику и т. д.

Частотны сочетания лексемы *печаль* с притяжательным местоимением *мой(а), твой(а), свой(а)*: «...**И понятна** мне **твоя печаль**» [5, с. 66]; «**О, если б ты могла** хоть на единый миг / **Забывать** свою **печаль**» [5, с. 104]; «**Какова** моя **печаль**, / **То тебе** нетрудно **ведать**» [5, с. 392]. Такие сочетания подчеркивают личностный характер переживаний лирического героя или героини.

Валентность лексемы *печаль* с глаголами разнообразнее, чем у лексемы *грусть*. Печаль можно не только чувствовать, как любое чувство («**Всё** перечувствовал вместе с тобой, и **печаль** и надежды» [5, с. 58]), но и воспринимать конкретно разными органами чувств, например видеть: «**И смотрит** с **печалию** князь Ярослав / **На злую товарищю** долю» [5, с. 162]; «**Но если б** видеть

ты любящую душою / *Могла со стороны хоть раз свою печаль*» [5, с. 104]. Печаль способна звучать: «*И каждая твоя мгновенная печаль / В душе моей звучит так долго и так больно?*» [5, с. 90], что позволяет ее слышать: «*Не слышны им земной печали клики*» [5, с. 70]. Печаль может заполнять душу человека целиком, без остатка, что подтверждают слова *полный, исполнен* (ср.: *Исполненный* – «2. чего. Полный чего-либо, проникнутый чем-либо» [2, т. 1, с. 683]): «*Был мрачен владыки загадочный взгляд, / Как будто исполнен печали*» [5, с. 120]; «*Исполни дух молитвой и печалью*» [5, с. 232]; «*Обычной полная печали, / Ты входишь в этот бедный дом*» [5, с. 81].

Печаль, как и грусть, чувство преходящее («*Печали вечной в мире нет*» [5, с. 226]), ее можно забыть; таким образом, в значении лексемы актуализируется не только «чувственный», но и мыслительный, и волевой компонент: «*О, если б ты могла хоть на единый миг / Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды!*» [5, с. 104]. Возможность управлять этим действием показывает сочетание *на единый миг*.

Прилагательное *печальный*, выступающее в роли эпитета, более частотно, чем прилагательное *грустный*: *печальная душа, печальный вид, печальный взор, печальный обряд, печальный суд, печальная степь, печальная жизнь, печальный друг, печальное время, печальное лицо* и др.

В стихотворениях мы находим и примеры инверсии. Слово в препозиции приобретает более выразительное значение и акцентирует смысл фразы: «*Обычной полная печали, / Ты входишь в этот бедный дом*» [5, с. 81]; «*В неслыханной решились мы печали / Направиться обратно*» [5, с. 293]; «*Обряд печальный похорон / Собор отшельников свершает*» [5, с. 156].

Исследователи художественных текстов (Г.Ф. Степанян, А.Х. Сатретдинова, С.Г. Воркачев и др.) нередко отмечают явление синестезии («соощущения»), важной для стилистической организации художественной речи и выражения авторского мироощущения. Однако в стихотворениях А.К. Толстого применительно к лексике чувств синестезия встречается крайне редко. Как правило, синестезивные метафоры строятся по модели «оценочный признак + зрительный признак»: *грустная пустыня, грустная звезда, печальная степь*. Встречаются случаи и подобной «внутритекстовой» синестезии: «*Как грустен без тебя дерев зеленых вид!*» [5, с. 74]; «*Какая сладость в жизни сей / Земной печали не причастна?*» [5, с. 237]. Реже эти метафоры строятся по модели «оценочное восприятие + звук»: «*Но ты грустна... / ...В душе твоей звучит какой-то приговор*» [5, с. 99]; «*Не слышны им земной печали клики*» [5, с. 70], и даже комбинации «оценочный признак + осязание + зрительный признак»: «*Там покрасневший клен, / Еще зе-*

лennyй дуб и желтые березы / Печально на меня свои стряхают слезы» [5, с. 90].

Анализируя особенности функционирования лексем *грусть* и *печаль*, мы можем отметить синонимические и антонимические (синонимические и антонимоподобные) отношения в группе существительных в пределах одного фрагмента: *радость – печаль, печаль – тоска, грусть – печаль, скорбь – печаль*. Например: «*К твоим, царица, я ногам / Несу и радость и печали, / Мечты, что сердце волновали, / Веселье с грустью пополам*» [5, с. 101]; «*Былые радости! Забытые печали!*» [5, с. 111].

Лирическому герою свойственно разнообразие чувств, их смешение, смятение: «*То я весь в солнце, то в тумане, / Веселость у меня с печалью пополам, / Как золото на черной ткани*» [5, с. 306]. Неоднократность употребления наречия *пополам* в примерах напоминает о том, что чувства радости и грусти (печали) обладают, с одной стороны, поляричностью; с другой стороны, взаимообусловленностью, взаимозависимостью, способностью ко взаимопереходу друг в друга. Они «взаимоопределены, познаются в единстве, одно через другое» [1, с. 25], что, безусловно, связано с дихотомией положительного и отрицательного в целом, добра и зла.

На протяжении небольших четверостиший представлены разные слова семантической группы со значением «чувство». Например: «*Печали вечной в мире нет / И нет тоски неизлечимой!*» [5, с. 226]; «*Порою входит так в дом скорби и печали / В цветах красавица*» [5, с. 74]; «*Всё переживал вместе с тобой, и печаль и надежды*» [5, с. 58]; «*Грустно жить тебе, о друг, я знаю, / И понятна мне твоя печаль*» [5, с. 66]; «*Куда пала какая думушка, / Там всходила люта печаль-трава, / Выросло горе горючее*» [5, с. 63]. Из последнего примера видно, что Толстому свойственны стилистические приемы устного народного творчества (фольклорные мотивы, народные названия). Печаль-трава в народе – символ скорби, горечи, тоски.

Другие лексемы в синонимическом ряду *грусть – печаль – уныние – кручина*, а именно *уныние* и *кручина*, не столь частотны.

В стихотворениях поэта используется разговорный вариант – *унынье* (ср.: «Уныние – мрачное, подавленное состояние духа» [2, т. 4, с. 499]): «*Что ни день, как поломя со влагой, / Так унынье борется с отвагой*» [5, с. 87]. В основе этих строк лежит языковая и контекстуальная антонимия. В значении лексемы актуализируется сема «подавленность», что позволяет поэту противопоставить ее ассоциативной семе «душевный подъем» в слове *отвага* (ср.: «Отвага – храбрость, смелость, бесстрашие» [2, т. 2, с. 644]). Полагаем, такие единичные примеры употребления связаны с религиозностью поэзии А.К. Толстого, что не раз отме-

чали исследователи. Уныние в православии – это один из смертных грехов.

Народно-поэтическое слово *кручина* (Кручина – народно-поэт. Грусть, печаль, тоска» [2, т. 2, с. 140]) также не характерно для стихотворений поэта (всего 5 случаев словоупотребления): «*Чем окончится наш бег? / Радостью ль? кручиной? / Знать не может человек...*» [5, с. 55]. Лексема имеет при себе постоянный фольклорный эпитет – *горькая*: «*Сменила радость горькую кручину*» [5, с. 241].

Таким образом, синонимы в текстах А.К. Толстого представляют характеристику языковой личности поэта в различных психологических и эмоциональных состояниях.

Библиографический список

1. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2005. – 205 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.
3. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель, 2003. – 680 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
5. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 1. – [Л.]: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1984. – 640 с.
6. Федоров А.В. А.К. Толстой: проблемы изучения творческого наследия // А.К. Толстой и русская культура. – Брянск, 2008. – С. 7–19.

7. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymological.academic.ru/> (дата обращения: 29.03.18).

8. Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // А.К. Толстой. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – М.: Правда, 1980. – 496 с.

References

1. Mospanova N.YU. Konceptual'naya oppozitsiya «Dobro – Zlo» v fol'klornoj yazykovoj kartine mira (na materiale russkih narodnyh skazok): dis. ... kand. filol. nauk. – Kaliningrad, 2005. – 205 s.
2. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Russkij yazyk, 1981–1984.
3. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t. Т. 1 / pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Astrel', 2003. – 680 s.
4. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskiy, lingvokul'turologicheskij aspekty. – M., 1996. – 288 s.
5. Tolstoj A.K. Polnoe sobranie stihotvorenij: v 2 t. Т. 1. – [L.]: Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1984. – 640 s.
6. Fedorov A.V. A.K. Tolstoj: problemy izucheniya tvorcheskogo na-slediya // A.K. Tolstoj i russkaya kul'tura. – Bryansk, 2008. – S. 7–19.
7. SHanskij N.M., Bobrova T.A. SHkol'nyj ehtimologicheskij slo-var' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://etymological.academic.ru/> (data obrashcheniya: 29.03.18).
8. YAmпол'skij I.G. A.K. Tolstoj // A.K. Tolstoj. Sobranie sochinenij: v 4 t. Т. 1. – M.: Pravda, 1980. – 496 s.

**ДИСКУРС ИРОНИЧНОГО ДЕТЕКТИВА:
ИГРОВОЙ АТТРАКЦИОН ПОД МАСКОЙ ИРОНИИ**

В данной статье рассматривается дискурс ироничного детектива с точки зрения игры и иронии как доминант нарратива. На материале произведения Д. Донцовой «Смех и грех Ивана-царевича» показаны способы актуализации игрового аттракциона с помощью апелляции к различным языковым приемам (аллюзии, прецедентные феномены, оксюморонные сочетания), создающим ироничный оттенок. Инвариант структурно-семантической схемы детективного дискурса является матрицей для наложения иронии и игрового контекста. В результате игра автора с читателем, игра героев с героями на протяжении всего повествования смещают акцент с вопросов детективного жанра в плоскость изображения, описания и оценки событий. В статье делается вывод о том, что дискурс ироничного детектива – игра, реализация которой обеспечивается техническим действием иронии, особым лексиконом, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса.

Ключевые слова: языковая игра, ирония, дискурс, ироничный детектив, аттракцион, контекст, аллюзия, прецедентность, интертекстуальность, диалог, человек иронизирующий.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью акцентировать внимание на вопросах исследования дискурса ироничного детектива и рассмотреть его с позиций игры, сокрытой под маской иронии. Исследовательский интерес к данному явлению «подогревается» еще и тем обстоятельством, что сегодня произведения этого жанра широко представлены на рынке массовой литературы. Для нас важным представляется анализ языка ироничного детектива, анализ дискурсивных особенностей и лингвистических параметров, формирующих его контур.

В настоящее время «дискурс как основополагающее понятие когнитивно-коммуникативной лингвистики, учитывает две основополагающие функции языка – когнитивную и коммуникативную, где важной характеристикой остаётся изучение ментальной деятельности людей, фиксирующей в структурах знания и опыта, и осмысление человеком конкретных условий протекания речевого акта и происходящего события» [9, с. 111].

Дискурс ироничного детектива представляет собой специфическую область детективного дискурса. Некоторые его отличительные особенности указывались нами ранее – тотальность иронии, она пронизывает все уровни дискурса – стиль (диалоги, речь автора), сюжетные ситуации, персонажную систему [см. 7].

На читателя, впервые столкнувшегося с ироничным детективом, данный дискурс производит аттракционное воздействие. Аттракционным в этом случае представляется все то, что «нарушает определенный порядок, выделяется своими параметрами на общем обыденном фоне» [8, с. 11]. Понятие «аттракцион», впервые появившееся в приложении к театру и цирковому представлению, трактуется нами с позиций, которые были предложены в теории А.И. Липкова [8]. Высказанные идеи распространяют понятие «аттракцион» на широкую сферу бытования социальной действительности. «Обратившись к социальной практике, мы можем обна-

ружить в ней великое множество случаев, когда человеком или группой лиц намеренно провоцируется ситуация необычная, ломающая рамки признанного нормальным, обычным, нарушающая ожидаемое, с тем чтобы оказать психологическое, «аттракционное» воздействие на окружающих» [8, с. 12].

Диалогизм дискурса ироничного детектива направлен на смысловое и интерпретативное взаимодействие между автором и читателем. Автор, конструируя дискурс, трансформирует языковую модель классического детективного дискурса, формирует особые правила игры, где акценты смещаются в плоскость игры языка, интертекстуальности, прецедентности, ироничности повествования. Происходит «производство значений путем разыгрывания языковых структур и ломки штампов в процессе производства смыслов» [10, с. 240]. Игра (прежде всего языковая) переходит границу своей развлекательности и становится средством достижения определенных коммуникативных целей в диалогическом взаимодействии. Она приобретает универсальный структурный принцип, который определяет правила пользования языком [16].

Игра в современном коммуникативном, дискурсивном пространстве рассматривается как одна из главных стратегий. С помощью дополнительных игровых коннотаций, присваиваемых языковым единицам, происходит «удвоение смысла» в дискурсе адресанта – игра становится функцией, исполненной смысла [16, с. 23]. Поэтому «человек иронизирующий» (Ironiker) как субъект порождающий, воспроизводящий, ретранслирующий определенный дискурс – становится игроком, играя словом, смыслом и таким образом, он ведет игру с другими участниками диалога. Задачей остальных становится доминанта соблюдения правил игры, установленных автором, и интерпретация. В этом случае «слово выступает субъектом игры» [5, с. 402].

Понятия «игра» и «ирония» становятся конституирующими признаками ироничного детектива. Ироничность в настоящее время является обще-

признанным явлением художественного языка и лингвистики. Особое понимание ироничности как неотъемлемой сущности человеческого мышления актуализируется в постмодерне. Как отмечает Ю.А. Лень, «постмодерн представляет собой новый тип мироощущения. Он выражается, в первую очередь, в плюралистичности и ацентрированности сознания субъекта, который отказывается от любых однозначных оценок бытия, социума, себя» [6, с. 277]. Ирония постмодерна пронизывает дискурс, формируя его семантическую многоплановость, многоаспектность. Основными чертами, которые приобретает ирония, становятся проявление творческой свободы и неангажированность, особый художественный релятивизм, который акцентирует относительность и ограниченность установок и правил. Ироничность выходит за рамки узкого стилистического приема, трансформируясь в иронию-эффект, дискурсивную практику.

Под иронией, ироническим высказыванием, понимается значение, основанное на полярности семантики, на контрасте, при котором исключается возможность буквального понимания сказанного [4, с. 24]. Однако ироничность и способы ее образования в дискурсе трактуется нами шире, чем просто антифразис. Средства ее создания могут варьироваться в широком диапазоне и быть представлены на всех уровнях дискурса.

В качестве примера обратимся к произведению Д. Донцовой «Смех и грех Ивана-царевича». Произведения Д. Донцовой некоторые исследователи относят к такой разновидности детективного дискурса, как ироничный детектив [15]. Обращение к прецедентным феноменам в заглавиях направлено на то, что уже «первичное, т.е. досюжетное, восприятие обращено не к уму, как ирония, а к непосредственной рецепции внерационального характера – это почти подсознательная сфера, формирующаяся в детстве. Комизм и возникает на стыке современных реалий и сказочных образов (Царь Горох, Иван-царевич, гарпия, папа Карло)» [14, с. 15]. Таким образом, интрига смещается в плоскость желания понять, «кто и зачем так пошло-прозаически поступает со сказкой, которая не каждому выпадает в жизни, и главный вопрос не *кто?* (вопрос детективного жанра), а именно *зачем?* (вопрос судьбоносный не имеющий прямого отношения к криминалу, если только речь не идет о мотивации), ибо цель здесь не просто не ясна – она дискредитируется абсурдностью заглавного образа. Рецептивный интерес, спровоцированный заглавием, направлен на игровую стихию, а не на криминалистику. Но тем самым интерес с того, *что происходит*, переключается на то, *как об этом рассказывается*» [14, с. 15].

Апелляция к прецедентному имени Иван-царевич из фольклорной литературы создает собирательный образ, который в представлении рус-

ского человека обладает такими качествами как смелость, стойкость перед невзгодами, стремлением преодолеть все преграды, используя смекалку, догадку. Людишеское использование концепта прецедентного текста часто связано с применением скрытых, тщательно замаскированных реминисценций, представляющих собой загадки, разгадать которые предлагается адресату (о загадке как виде игры см.: [17, с. 124–138]). Вынесение имени Иван-царевич в заглавие, вкупе с сочетанием «смех и грех», которое придает отрицательную коннотацию, создает комический эффект – сыщик, который занимается расследованием данного преступления, во-первых, непрофессионал, простой секретарь, подыскивающий место дворцового, во-вторых, это мягкий по характеру герой, который никогда ни с кем спорить не будет, никому ничего не будет доказывать.

«Помнится, Антон Павлович Чехов писал, что он по капле выдавливал из себя раба. <...> Ведь я более не работаю у нее, не получаю зарплату, не живу в ее просторных апартаментах, не катаюсь на выданной ею машине. Иван Павлович Подушкин самостоятельный человек, никому ничем не обязаный. Но вот поди ж ты, едва услышал я голос госпожи Родионовой, как сработала старая привычка, и я тут же кинулся исполнять приказ бывшей работодателяницы. Похоже, из меня раб не выдавится никогда, он пустил во мне глубокие корни...» [1, с. 5].

Лексические единицы «госпожа», «раб», «работодательница», «приказ» вступают в логическое противоречие. Ироничный эффект основан на создании и обыгрывании смысловой неоднозначности.

С точки зрения анализа поверхностной структуры произведения в нем присутствуют все необходимые элементы или актаны (в терминах Греймаса), характерные для жанра детектива – сыщик, помощник, преступник, жертва, свидетель. Кроме того, в данном произведении присутствуют и изотопы места и времени (в терминах Греймаса). При этом время развития событий совпадает с настоящим, реальным. Обилие современных, находящихся на слуху, новых слов, таких как «эсэмэска», «фрилторский бизнес», «жилплощадь», «финансовая пирамида» и др. доказывает это. Обращает внимание и тот факт, что часто лексические единицы относятся к разным типам дискурса – «менталитет», «зоолог», «баба», «небось» и др. Это не противоречит тому, что для ироничного детектива характерной является тесная связь с социокультурным контекстом, который закладывает определенный код в тип мышления, в тип языкового отражения реального мира.

В следующем примере представлена ирония на социальную действительность, в которой пребывают герои.

« – Лично мне и без миллиардов Пятакова неплохо живется, пенсии за глаза хватает, одним

кефиром питаться могу, сто пар туфель, как Фиске, мне не надо.

– *А насчет твоей пенсии могу пояснить. Жалкие гроши, которые платит тебе государство, ты расходуешь на пустяки вроде драже в глазури, которое ешь тайком, но если тебе самому придется оплачивать коммунальные расходы, лекарства, еду...*» [1, с. 45].

Создание ироничного эффекта обусловлено контрастом между реальным положением дел и тем, как его представляет герой. Здесь ирония проявляется в тактике, которую можно охарактеризовать «вежливая критика» – собеседник повышает собственный статус среди участников диалога за счет понижения статуса другого участника. Кроме того, сочетание «пенсии за глаза хватит» – «жалкие гроши» устанавливают асимметричные отношения между пониманием героями действительного положения дел.

Сюжет произведения выдержан в логике жанра детектив, сохраняет всю его анатомию, однако детективная составляющая всего лишь графарет, убрав который и обозначив контур, автор уже не ограничен его рамками, здесь он уже свободен в своих «до» – домыслить, доделать, дорисовать, доработать.

В процессе повествования совершаются несколько преступлений. Все силы брошены на поиск преступников. Читатель пытается по ходу повествования понять мотивы героев и сделать собственные выводы относительно того, кто же злодей. Развязки становится для читателя полной неожиданностью – всё расследование и убийства были лишь игрой, театральной постановкой в стиле экспромт. Это ошеломляет и читателя и героя. Таким образом, автор вступает в игру и с читателем и с героем.

«А поделом ему, надо по тексту работать. – По тексту? – ошарашено повторил я. – По какому? – Написанному! – заржал поздний гость. – Я Анатолий Луганцев, главный режиссер и владелец театра «Экспромт». Надя – моя жена и ведущая актриса, очень талантливая. Да и остальные члены труппы тоже. Ваня, ты стал главным героем такой постановки. Элеонора сама написала сценарий...» [1, с. 172]

Итак, здесь обозначена метаязыковая игра иронии на уровне целого текста, она «раскрывается как совмещение вариаций рассказываемого события. Иначе говоря, событие возникает на пересечении нескольких повествований, дискурсивных плоскостей, и становится многозначным. Множественность смыслов, никак не зависящих от истины или лжи, возникающих в результате описания, образована техническим действием иронии» [10, с. 244].

Обратимся к следующему примеру.

«Едва устроившись на новом месте, Винивитинов изготовил статую «Рабочий у мартена»

и женился на юной Леночке, девушке из пролетарской семьи. С той поры жизнь его напоминает счастливую сказку. Например, Алексей изваял изумительную статую «Учительница и ребенок». Потом подарил ее одной московской школе. Естественно, о щедром жесте написали журналисты, которым «случайно» рассказала о презенте директор учебного заведения. Через неделю к Винивитинову приехали представители одной из союзных республик и попросили сделать для их ПТУ композицию «Мастер с учеником». Профессионально-технических училищ в том регионе было много, украсить хотели каждое ...» [1, с. 10].

В данном случае сигналами ироничного дискурса служит аллюзия к известной скульптуре «Рабочий и колхозница» В.И. Мухиной, которая позволяет создать комическую ситуацию. Под аллюзией мы понимаем прием, состоящий в том, что в дискурсе употребляются известные выражения и языковые единицы, которые содержат в себе намек на известное обстоятельство, факт, исторический или бытовой. Порождаемая с помощью этих механизмов ирония является истоком события, который порождает смысл, она также выступает контрастом ординарного и неординарного. Отбор лексических средств «изваял изумительную статую» наталкивает на мысль, что такое произведение достойно быть размещено в одном из музеев с мировым именем, однако дальше «одной из московских школ» статуе не нашлось места. А далее – *уровень ПТУ...* Как отмечает Г.Г. Слышкин, «смеховые произведения, с их тенденцией к иносказательности и намеку, когда адресат сам извлекает скрытый смысл, получая от этого удовольствие, широко используют в своих целях элементы культурной грамотности» [12, с. 54].

В приведенном ниже отрывке повествователь использует сказовую манеру диалога – у читателя подспудно возникает образ Царевича из сказки, где он просит: «Не надо мне ни золота, ни серебра...». Сигнал иронической интенции как раз и содержится в смене модуса повествования и возникает на уровне риторической организации текста.

«Ну согласись, Ваня, лучше ведь пресмыкаться и унижаться за солидную сумму, чем за гроши. А еще лучше... В общем, я ей сразу заявила: «Уважаемая Людмила, не надо нам, известным детективам, ваших денег. Не возьмем с Иваном Павловичем ни гонорара, ни большой суммы на расходы, которые всегда возникают во время расследования. В качестве оплаты хотим квартиру площадью метров сто пятьдесят с хорошим ремонтом, причем неподалеку от того места, где живу я. У вас, владелицы успешного риелторского бизнеса, не возникнет проблем при подборе жилплощади» [1, с. 8].

Ирония возникает в сочетании «нам, известным детективам», хотя читателю известно, что главный герой – простой дворецкий, в данный период

временно безработный. И здесь снова актуализируется тема рабства и зависимости – «*пресмыкаться и унижаться*». Кроме того, поднимается злободневная проблема общества капитала – власть денег – на что способен человек, если ему предложат пройти испытание деньгами «немалыми».

Ирония привносит в рациональное, в жесткое логическое охватывание жизни момент игры, момент несерьезного отношения к тому, что слишком серьезно задевает человека. При этом «ирония не усиливает какую-либо одну эмоционально-оценочную линию, а формирует специфический взгляд на изображаемое» [11, с. 301–302]. Например, в следующем фрагменте в фокусе внимания оказывается теща, которая является героем многих анекдотических ситуаций. Обыгрывание отношения к матери жены с привлечением сказочного сюжета создает негативное отношение говорящего.

«Небось, Иван-царевич, который нес домой в кармане жабу, сильно расстраивался из-за того, что посланная им стрела залетела на болото. Но его должно было хоть немного утешать то, что мать жены навсегда осталась в трясине и никогда не очутится с ним за одним столом» [1, с. 43].

Игровая ситуация всегда задает тон отбору языковых приемов – это могут быть оксюморонные сочетания, переосмысленные устойчивые сочетания, авторские неологизмы, необычное использование грамматики и грамматических форм, все это способствует познанию мира и его освоению.

Оксюмороны и гиперболизация в идиостиле Д. Донцовой занимают одно из ведущих мест при создании ироничного контекста. Сочетание «*яд с витаминами*», «*она по менталитету слон*» создают контраст в следующих примерах. При этом если человек поборник здорового питания, то и яд у него непременно должен быть с витаминами.

(1) *«Муж тебе построит семизвездочную гостиницу. Да, все ваши мечты исполнятся. Хорошо, что Сеня на кладбище вовремя отправился, а то ведь он вам дорогу к исполнению желаний перекрывал. Уперся, козел, не хотел усадьбу Пятакову на переделку отдавать, вот и помер. Чё вы ему в чай подсыпали, а? Эмма Геннадиевна, вы же у нас поборница здорового питания. Небось, приобрели для зятяка **яд с витаминами**?»* [1, с. 23].

(2) *«**Она по менталитету слон** – надвигается на вас и давит копытами. Хотя, пардон, есть ли у слона копыта? Зоолог из меня никакой»* [1, с. 6].

Таким образом, дискурс ироничного детектива существует «прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете, особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир”» [13, с. 44].

Итак, дискурс ироничного детектива может рассматриваться с точки зрения множественности конституирующих факторов – лингвистических, экстралингвистических, психологических, социокультурных и других. Реализация дискурса ироничного детектива как игрового аттракциона происходит в определенном (со)бытийном контексте, в который, как в узел, стянуты разнонаправленные «ментальности» участников диалога.

Библиографический список

1. Донцова Д.А. Смех и грех Ивана-царевича. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.
2. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. – Калуга: Изд-во КГПУ им. Циолковского, 2005. – С. 7.
3. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. – 382 с.
4. Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж, 2011. – С. 26–33.
5. Куницына Е.Ю. Лингвистические основы лингвистической теории художественного перевода: дис. ... д-ра филол. наук / Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2010. – 474 с.
6. Лень Ю.А. Эмпатия и ирония как основные концепты постмодернистской чувствительности // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. – Минск: Тесей, 2009. – С. 277–278.
7. Леонов В.А. Иронический детектив как особое дискурсивное пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://md.islu.ru/ru/journal/2013-4> (дата обращения: 28.03.2014).
8. Липков А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
9. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. – 2013. – № 1. – С. 100–118.
10. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. – 418 с.
11. Поспелов Г.Н. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1988. – 528 с.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
13. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.
14. Фадеева Н.И. Женский детектив как культурно-исторический феномен: принципы анализа и интерпретации. – Тверь: ТГУ, 2011. – 42 с.

15. Веселова Н. Донцова как Хмелевская: Модель жанра и автора иронического детектива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/sborniki.htm> (дата обращения: 09.11.2018).

16. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html> (дата обращения 05.01.2018)

17. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

18. Хёйзинга Й. Homo Ludens: В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В.В. Оимса. – М.: Прогресс. Прогресс-Академия, 1992. – 458 с.

19. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический, и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2014. – С. 117–146.

20. Greimas, Algirdas J. On Meaning. Selected Writings on Semiotic Theory. – London: Frances Pinter, 1987.

References

1. Doncova D.A. Smekh i grekh Ivana-carevicha. – М.: ЕНkсмо, 2013. – 320 с.

2. Ermakova O.P. Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka. – Kaluga: Izd-vo KGPU im. Ciolkovskogo, 2005. – S. 7.

3. Kashkin V.B. Paradoksy granicy v yazyke i kommunikacii / Seriya «Aspekty yazyka i kommunikacii». – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2010. – 382 s.

4. Klushina N. I. Ot stilya k diskursu: novyj povorot v lingvistike // YAzyk, kommunikaciya i social'naya sreda. – Вып. 9. – Voronezh, 2011. – S. 26–33.

5. Kunicyna E. YU. Lingvisticheskie osnovy lyudicheskoy teorii hudozhestvennogo perevoda: dis. ... d-ra filologicheskikh nauk. – Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. – Irkutsk, 2010. – 474 s.

6. Len' YU. A. EHmpatiya i ironiya kak osnovnyye koncepty postmodernistskoj chuvstvitel'nosti // Mezhekul'turnaya kommunikaciya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. – Minsk: Tesej, 2009. – S. 277–278.

7. Leonov V.A. Ironicheskij detektiv kak osoboe diskursivnoe prostranstvo [EHlektronnyj resurs]. –

Rezhim dostupa: <http://md.islu.ru/ru/journal/2013-4> (data obrashcheniya: 28.03.2014)

8. Lipkov A.I. Problemy hudozhestvennogo vozdejstviya: princip attrakciona. – М.: Nauka, 1990. – 240 s.

9. Manerko L.A. Struktury znaniy, predstavlenyye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2013. – № 1. – S. 100–118.

10. Pigulevskij V.O. Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. – Rostov-na-Donu: Foliant, 2002. – 418 s.

11. Pospelov G.N. Vvedenie v literaturovedenie. – М.: Vysshaya shkola, 1988. – 528 s.

12. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. – М.: Academia, 2000. – 139 s.

13. Stepanov YU. S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti // YAzyk i nauka konca 20 veka. – М.: In-t yazykoznanija RAN, 1995. – S. 35–73.

14. Fadeeva N. I. ZHenskij detektiv kak kul'turno-istoricheskij fenomen: principy analiza i interpretacii. – Tver': TGU, 2011. – 42 s.

15. Veselova N. Doncova kak Hmelevskaya: Model' zhanra i avtora ironicheskogo detektiva [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.proza.ru/sborniki.htm> (data obrashcheniya: 09.11.2018).

16. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html> (data obrashcheniya 05.01.2018)

17. Hyojzinga J. Homo ludens. CHelovek igrayushchij. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

18. Hyojzinga J. Homo Ludens: V teni zavtrashnego dnya / per. s niderl. V.V.Oimsa. – М.: Progress. Progress-Akademiya, 1992. – 458 s.

19. SHilihina K.M. Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij, i pragmaticeskij aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk – Voronezh, 2014. – S. 117–146.

20. Greimas, Algirdas J. On Meaning. Selected Writings on Semiotic Theory. – London: Frances Pinter, 1987.

Иванов Дмитрий Игоревич

кандидат филологических наук, профессор
Гуандунский университет международных исследований, г. Гуанчжоу, Китай
Ивановский государственный университет, г. Иваново
ivan610@yandex.ru

СПЕЦИФИКА «ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ» КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А. БАШЛАЧЕВА

В рамках авторских лингвокультурологических теорий (синтетической языковой личности (СЯЛ) и моделирования когнитивно-прагматических программ (КПП)) на материале творчества А. Башлачева и его КПП иррационально-«корневого» типа «истинный национальный поэт» рассматриваются общие механизмы формирования и функционирования подсистемы инструментальных когнитивно-прагматических установок (КПУ), которая представляет собой когнитивно-ментальную, динамичную/трансформирующуюся стратегию конкретных/абстрактных действий и интеракций личности, формирующуюся на базе целевой и самоидентификационной подсистем КПУ СЯЛ, выраженную в комплексе специфических принципов/установок, реализующуюся на разных уровнях и в различных семиотических зонах моделирования КПП.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность (СЯЛ), когнитивно-прагматическая программа (КПП), когнитивно-прагматическая установка (КПУ), инструментально-когнитивная стратегия, рок-культура, А. Башлачев.

Современные филологические (лингвистические [20], литературоведческие [10], лингвокультурологические [19] и другие) исследования убедительно доказывают, что на сегодняшний день наиболее актуальной является проблема создания особых когнитивных, полисемиотических, системных, комплексных теорий и методологий синтетического типа, позволяющих ученому выйти на качественно новый уровень осмысления и понимания как внутренних принципов моделирования личности (порождающего, креативного субъекта-источника – субъекта-интерпретатора во всем многообразии форм и проявлений), так и механизмов формирования/функционирования полидискурсивной текстуальной реальности культуры в целом.

В рамках данного направления нами было разработано несколько подобных теорий, а именно: а) *теория субъектности текста* [18]; б) *теория синтетической языковой личности (СЯЛ)* [16]; *теория моделирования когнитивно-прагматических программ (КПП)* [12]. Заметим, что ядром, ключевым, системообразующим компонентом, объединяющим все эти теории в единую метадисциплинарную методологию, получившую название *когнитивной гуманитарной семиотики* [16], является понятие КПП.

Подчеркнем, что КПУ обладает достаточно широким функциональным диапазоном и рассматривается нами, с одной стороны, «как особая концептуальная матрица» [17, с. 97], целостная, динамическая, жестко структурированная, иерархическая (по крайней мере в рамках логоцентрической системы координат) «система целевых, самоидентификационных (ролевых, инкарнационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок (КПУ)» [13, с. 35].

С другой – это «своеобразный целостный, динамический когнитивно обусловленный проект

судьбы (творческой и реальной биографии) каждого человека (писателя, художника, музыканта и просто развитой личности). Причем КПП, как «моделируемый человеком проект собственной судьбы», является достаточно гибкой и постоянно трансформируется, реагируя на все изменения (психофизиологические, духовные, когнитивные, социальные и многие другие)» [13, с. 35].

В рамках данной статьи на материале творчества А. Башлачева, который по праву считается одним из самых ярких представителей русской рок-культуры [11], мы более подробно рассмотрим специфику моделирования подсистемы инструментальных когнитивно-прагматических установок (ИКПУ), которая представляет собой *когнитивно-ментальную, динамичную/трансформирующуюся стратегию конкретных/абстрактных действий и интеракций личности, формирующуюся на базе целевой и самоидентификационной подсистем КПУ СЯЛ, выраженную в комплексе специфических принципов/установок, реализующуюся на разных уровнях и в различных семиотических зонах моделирования КПП*. Другими словами, подсистема ИКПУ – это некий когнитивный проект (план реальных/потенциальных, внутренних (духовных) / внешних (социально обусловленных) действий) субъекта-источника, направленный на успешную реализацию одной/нескольких стратегических целей КПП.

При этом можно выделить два основных типа когнитивно-инструментальных стратегий СЯЛ: «К первому типу относятся “эволюционные когнитивно-инструментальные стратегии”... Использование “когнитивных инструментов” этого типа значительно снижает риск формирования “когнитивных блоков”, но существенно снижает и энергетический потенциал КПП, от уровня которого зависит “заразительный” эффект КПП.

Ко второму типу относятся “революционные когнитивно-инструментальные стратегии”. В арсе-

нал когнитивных инструментов этого типа входят *бунт, война*, все типы бескомпромиссного духовного и социально-политического противостояния. Этот тип когнитивных инструментов обладает более высокой степенью оперативности, то есть ускоряет, динамизирует а) процесс развития когнитивного сознания субъекта-источника; б) процесс достижения основных целевых установок» [15, с. 103–104].

На наш взгляд, КПП А. Башлачева имеет четко выраженную иррационально-«корневую» направленность и строится на базе «сложившейся в русской культуре традиции представлений о поэте» [11, с. 32], основанной на следующих принципах: а) призвание поэта соотносится со служением воина; б) утверждается великая миссия поэта как преобразователя действительности; в) процесс поэтического творчества представляется как нечто независимое от воли человека, нисходящее на него свыше и порой доводящее до безумия; г) судьба и миссия поэта понимаются как нечто великое, но неизбежно трагическое [11, с. 32].

Можно говорить о том, что КПП А. Башлачева представляет собой успешно реализованный, сложившийся, закреплённый в культуре, целостный, формально законченный, но не завершённый метафизически (он продолжает жить (функционировать, развиваться) в пространстве современной культуры и в сознании субъектов-интерпретаторов (носителей и ретрансляторов данной КПП)) «когнитивный проект» моделирования судьбы русского национально-го поэта. Соответственно, с уверенностью можно говорить о том, что центральным (стратегическим), системообразующим самоидентификационным ядром КПП А. Башлачева является самоидентификационная инкарнация «поэт». Приведем несколько характерных цитат: «Поэты живут. И должны оставаться живыми. / Пусть верит перу жизнь, как истина в черновике. / Поэты в миру оставляют великое имя. / Затем, что у всех на уме – у них на языке» [5, с. 126–127]; «Не умею ковать железо я – / Ох, до носу мне черный дым! / На Второй Мировой поэзии / Призван годным и рядовым» [2, с. 114].

В соответствии со спецификой своей КПП, работавшая подсистему ИКПУ, А. Башлачев останавливается на единственно верной (для себя) внешне (формально) конструктивной эволюционной когнитивно-инструментальной стратегии, основанной прежде всего на постепенном, последовательном, непрерывном духовном самосовершенствовании личности, в основе которого лежит постоянная борьба с самим собой. Отсюда произрастает и особая исповедальность поэзии А. Башлачева («– Отпусти мне грехи! Я не помню молитв. / Если хочешь – стихами грехи замолю, / Но объясни – я люблю оттого, что болит, / Или это болит оттого, что люблю?» [6, с. 98]), и специфическое чувство стыда за несовершенство собственной души и мира, в котором она существует («Я сел,

белее, чем снега. / Я сразу онемел, как мел. / Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял. / Что смог дорисовать рога, / Что смог дорисовать рога он на моей иконе» [7, с. 129]; «Так слушайте, как же нам всем не стыдно? / Эй, ап – спасите ваши души! / Знаешь, стыдно, когда не видно, / Что услышал ты то, что слушал» [2, с. 114]), и особое позитивное отношение к боли как к одному из основных инструментов формирования собственного духовного опыта, генетически связанного с опытом коллективным: «Как только человек начинает чувствовать в себе боль (когда он начинает сознательную жизнь), он сразу начинает бояться этой боли. Это – талант, талант-то в нем режется, зубы-то в нем режутся, душа-то в нем режется для того, чтобы прорваться и ощутить себя частью целого! Не ощутить себя даже личностью – личностью почти каждый уже себя ощущает, по сути... Но надо, чтобы из тебя рванулось, и ты вдруг понял, что ты – часть целого! Часть всего! Всего, что в этом мире есть! И все это – ты» [3, с. 411].

Проще говоря, речь идет о внутренней работе, о воспитании своей собственной души: «Когда душа болит, значит, она работает. “Объясни – я люблю оттого, что болит, или это болит оттого, что люблю” – у меня есть такая песня. Невозможно объяснить, потому что это одно и то же. Это и есть работа души. Душа только таким образом и расширяется, растет, становится сильнее. Только так. А музыка – это работа души, стихи – это работа души, и жизнь – это работа души. Надо просто это всегда понимать. Ничего случайного в этом мире нет, и если ты, сознательно или бессознательно, на верном пути к цели, то ничего не пройдет зря и бесследно. Неважно, понимаешь ты то, что ты исповедуешь, ведаешь то, что исповедуешь, или не ведаешь, но все равно исповедуешь. Это не так важно. Всегда виден человек, у которого душа на месте, у которого душа работает. Это не обязательно на рациональном уровне, не обязательно он головой постигает то, что он делает» [3, с. 408–409].

Итак, представим систему основных инструментальных когнитивно-прагматических установок, актуализированных в рамках КПП А. Башлачева «Истинный национальный поэт».

ИКПУ 1. *Поэт должен быть честным, сохранить свою душу от лжи, притворства, не изменять самому себе*: «Душой не кривить перед каждой ямой, / И гнать себе дальше – все прямо да прямо, / Да прямо – в великую печь!» [9, с. 136].

ИКПУ 2. *Поэт должен всегда стремиться к свету через преодоление тьмы*: «Все, что впереди тебя, – это всегда свет. <...> Сначала ты пройдешь половину пути через тьму, а потом ты получишь ровно столько же света. Человек не расплачивается ни за что совершенно! <...> Человек ничего не получает авансом, в долг! Тень – она всегда сзади. Если ты обернешься – сзади всегда будет тьма,

а впереди свет. <...> Если ты шагнул, ты шагнул во тьму, но одновременно ты её и одолел, и болит у тебя. Тень всегда сзади, и главное – не оборачиваться» [3, с. 409–410].

ИКПУ 3. *Поэт не должен допускать «спекуляций», не должен предавать выбранную им цель:* «Но у каждой цели есть свой соблазн. Основное свойство любой цели – превратиться в самоцель. Тогда цель превращается в средство для достижения совершенно иной цели. Это и есть спекуляция» [3, с. 409].

ИКПУ 4. *Бытие поэта – это постоянное непрерывное духовное движение, самосовершенствование и самопознание:* «Да что тебе стужа – гони свою душу / Туда, где все окна не внутрь, а наружу. / Пусть время пройдет метлою по телу. / Посмотрим, чего в рукава налетело. / Чего только не нанесло! / Да не спрячешь души – беспокойное шило. / Так живи – не тужи, да тяни свою жилу, / Туда, где пирог только с жару да спылу, / Где каждому, каждому станет светло...» [9, с. 136].

ИКПУ 5. *Поэт не должен предавать однажды выбранный путь:* «Пока пою, пока дышу, любви меняю кольца, / Я на груди своей ношу три звонких колокольца. / Они ведут меня вперед и ведают дорожку. / Сработал их под Новый год знакомый мастер Прошка. / Пока влюблен, пока пою и пачкаю бумагу, / Я слышу звон. На том стою. А там глядишь – и лягу. / Бог даст – на том и лягу» [7, с. 128].

ИКПУ 6. *Поэт должен быть внутренне свободным в любых условиях и обстоятельствах:* «Была дорожка впереди. Звенели колокольца. / Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу, / В себе я многое глушу. Чего б не смуть плевка!? / Но этого не выношу. Ине стираю. И ношу. / И у любви своей прошу хоть каплю молока» [7, с. 130].

ИКПУ 7. *Поэт должен жить «магией языка», почувствовать её в себе, выразить её в своем творчестве и подарить людям:* «Пойми – ты простишь, / Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума, / Побегу по бумаге я. / Этот путь длиною в строку, да строка коротка. / Строка коротка. / Ты же любишь сама. / Когда губы огнем лижет магия, / Когда губы огнем лижет магия языка» [4, с. 148]; «Так слови свое Слово, чтоб разом начать все дела» [8, с. 132].

ИКПУ 8. *Поэт должен стремиться к национальным истокам, «корневым» формам духовности и творчества:* «Чтоб в исповеди быть с любовью на равных / И дар русской речи сберечь» [9, с. 136]; «В чистом поле – дожди косые. / Да мне не нужно ни щита, ни копья. / Я увидел тебя, Россия. / А теперь посмотри, где я» [2, с. 116]; «Отнесу ей черные сухари. Раскрошу да брошу до самых звезд. / Гори, гори ясно, гори, / По Руси по матушке – вечный пост» [1, с. 141].

ИКПУ 9. *Поэт должен оправдать каждую написанную им строчку своей собственной жизнью/смертью:* «Поэты в миру после строк ставят знак

кровоточия. / К ним Бог на порог. / Но они верно имут свой срам. / Поэты идут до конца. И не смейте кричать им – Не надо! / Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала. / И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада / Глядят ему в рот, разбегаюсь калибром ствола» [5, с. 127].

В заключение отметим, что это только основные системообразующие, стратегические ИКПУ, но именно они и определяют специфику реального процесса моделирования всей КПП А. Башлачева как на уровне субъекта-источника, так и на уровне субъекта-интерпретатора. Заметим, что выбранная А. Башлачевым инструментально-когнитивная стратегия не менялась на протяжении всего процесса развития КПП (с 1984 по 1988 гг.) и была успешно реализована. Причем результативность подсистемы ИКПУ подтверждена не только жизнью и творчеством, но и трагической смертью поэта (в феврале 1988 г. А. Башлачев покончил жизнь самоубийством).

Библиографический список

1. *Башлачев А.* Вечный пост // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 141–142.
2. *Башлачев А.* В чистом поле – дожди... // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 114–116.
3. *Башлачев А.* Интервью Борису Юхананову и Алексею Шипенко для спектакля «Наблюдатель» // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 381–417.
4. *Башлачев А.* Когда мы вдвоем // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 147–149.
5. *Башлачев А.* На жизнь поэтов // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 126–128.
6. *Башлачев А.* Посошок // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 97–99.
7. *Башлачев А.* Случай в Сибири // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 128–130.
8. *Башлачев А.* Слыша В.С. Высоцкого (Триптих) // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 130–134.
9. *Башлачев А.* Тесто // Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2010. – С. 134–136.
10. *Витковская Л.В.* Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века: учеб. пособие. – М.: КНОРУС; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. – 332 с.
11. *Доманский Ю.В.* «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. – Тверь: Изд-во Тверской гос. ун-та, 2000. – 109 с.

12. *Иванов Д.И.* Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // *Филологические науки: вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 12 (66): в 4 ч. Ч. 2. – С. 107–111.

13. *Иванов Д.И.* Опыт интерпретации понятия «биографический миф» и «когнитивно-прагматическая программа»: общие вопросы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 4 (70): в 2 ч. Ч. 1. – С. 34–37.

14. *Иванов Д.И.* Синтетическая языковая личность в русской рок-культуре: генезис, типология, структура, межкультурные связи. – Иваново: ПресСто, 2016. – 384 с.

15. *Иванов Д.И.* Стадиальная модель формирования когнитивно-прагматической программы субъекта-логоцентрика (на материале русского рока) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 3 (69): в 3 ч. Ч. 3. – С. 102–107.

16. *Иванов Д.И.* Теория синтетической языковой личности: в 2 т. / Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры) / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай), Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). – Иваново: ПресСто, 2016. – Т. 1. – 360 с.

17. *Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.* Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (65): в 3 ч. Ч. 3. – С. 96–100.

18. *Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.* Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. – Иваново: ПресСто, 2017. – 336 с.

19. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

20. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

References

1. Bashlachev A. Vechnyj post // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 141–142.

2. Bashlachev A. V chistom pole – dozhdi... // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 114–116.

3. Bashlachev A. Interv'yu Borisu YUhananovu i Alekseju SHipenko dlya spektaklya «Nablyudatel» // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 381–417.

4. Bashlachev A. Kogda my vdvoem // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 147–149.

5. Bashlachev A. Na zhizn' pohtov // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 126–128.

6. Bashlachev A. Pososhok // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 97–99.

7. Bashlachev A. Sluchaj v Sibiri // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 128–130.

8. Bashlachev A. Slysha V.S. Vysockogo (Triptih) // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 130–134.

9. Bashlachev A. Testo // Naumov L. Aleksandr Bashlachev: CHelovek poyushchij. – SPb.: Amfora: TID Amfora, 2010. – S. 134–136.

10. Vitkovskaya L.V. Kogniciya i obraz avtora v interpretacii smysla. Literaturovedenie XXI veka: ucheb. posobie. – M.: KNORUS; Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj lingvisticeskij universitet, 2016. – 332 с.

11. Domanskij YU.V. «Teksty smerti» russkogo roka: posobie k specseminaru. – Tver': Izd-vo Tverskoj gos. un-ta, 2000. – 109 с.

12. Ivanov D.I. Kognitivno-pragmaticeskaya programma sinteticheskoy yazykovoj lichnosti: obshchie voprosy // *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki.* – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 12 (66): в 4 ч. Ч. 2. – С. 107–111.

13. Ivanov D.I. Opyt interpretacii ponyatiya «biograficheskij mif» i «kognitivno-pragmaticeskaya programma»: obshchie voprosy // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 4 (70): в 2 ч. Ч. 1. – С. 34–37.

14. Ivanov D.I. Sinteticheskaya yazykovaya lichnost' v russkoj rok-kul'ture: genезis, tipologiya, struktura, mezhkul'turnye svyazi. – Иваново: ПресСто, 2016. – 384 с.

15. Ivanov D.I. Stadialnaya model' formirovaniya kognitivno-pragmaticeskoy programmy sub"ektalogoцентрика (na materiale russkogo roka) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 3 (69): в 3 ч. Ч. 3. – С. 102–107.

16. Ivanov D.I. Teoriya sinteticheskoy yazykovoj lichnosti: v 2 t. / Logocentricheskaya model' sinteticheskoy yazykovoj lichnosti: struktura i obshchie voprosy (na materiale russkoj rok-kul'tury) / Guandunskij un-t mezhdunar. issledovanij (Kitaj), Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). – Иваново: ПресСто, 2016. – Т. 1. – 360 с.

17. Ivanov D.I., Lakerbaj D.L. Antropocentricheskaya paradigma i teoriya sinteticheskoy yazykovoj lichnosti // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (65): в 3 ч. Ч. 3. – С. 96–100.

18. Ivanov D.I., Lakerbaj D.L. Teoriya sub"ektnosti teksta i russkaya poehziya HKH veka. – Иваново: ПресСто, 2017. – 336 с.

19. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

20. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ШУТКАХ КВН

В статье проанализировано использование эвфемизмов как инструмента создания комического эффекта в современном юмористическом дискурсе на примере игры КВН. Отмечается особое место КВН в системе современного российского юмора. Эвфемизмы, используя в шутках КВН, модифицируют свои функции: перестают быть актуальными такие общезыковые функции данного явления, как маскирующая, коммуникативная, эстетическая и функция политкорректности. Особенно активно нарушается требование политкорректности: высмеиваются люди с лишним весом, представители других национальностей и рас, люди нетрадиционной сексуальной ориентации, некрасивые, бедные и т. д. Используемые при этом эвфемизмы не маскируют данные явления, а делают их более ярко и контрастно выраженными. «Вызывающая нетолерантность» при этом парадоксально сочетается со своеобразной толерантностью: введение данных объектов в систему юмора показывает адекватное их восприятие как полноправных субъектов общения.

Ключевые слова: юмористический дискурс, юмор, КВН (Клуб весёлых и находчивых), комическое, эвфемизмы, эвфемия.

В современном российском юмористическом дискурсе КВН (Клуб весёлых и находчивых) занимает особое место; из телепередачи он превратился в широкое молодёжное движение, имеющее масс-медийное продолжение, в том числе в популярных телепередачах «Comedy Club», «Даёшь молодёжь!», «Наша Russia», «Comedy Баттл», «Comedy Woman» и др. Юмор КВН сформировался как особая жанровая разновидность юмора, заслуживающая внимательного изучения. Интерес к юмору КВН проявляют представители таких гуманитарных дисциплин, как социология [4; 8], культурология [5], философия [12], психология [1], педагогика [11] и др. Юмор играет огромную роль в развитии молодёжи, в становлении личности, так как «способствует процессу взросления, социализации, а позже – помогает языковой личности занять своё место в мире, адекватно оценивать происходящее, оптимистично воспринимать трудности и преодолевать их» [9, с. 139].

Юмор КВН требует лингвистического и стилистического исследования в первую очередь с точки зрения средств создания комического. Язык КВН вообще и языковые способы формирования шутки в репризах КВН в частности на данный момент исследованы, по нашему мнению, недостаточно. Можно обнаружить лишь отдельные публикации на эту тему. К примеру, Ю.В. Игошина рассматривает язык КВН и выделяет в нём такие черты, как склонность к языковой игре, обыгрыванию полисемии [7]. О языковой игре на уровне окказиональных образований в языке КВН говорит и Ф.С.Г. Бахшиева [3]. Н.В. Соломина затрагивает в кандидатской диссертации вопрос обращения кавээнщиков к интертекстуальным элементам [13].

Цель статьи – рассмотреть эвфемиию как часть языка КВН, служащую средством создания комического, сравнить специфику использования эвфемизмов в общезыковом употреблении и в языке КВН. Материалом для исследования стали шутки

разных команд КВН, которые прозвучали в телеэфирах разных лет [14].

Эвфемия представляет собой «...замену грубых или резких слов и выражений более мягкими, соответствующими конкретной ситуации общения» [6, с. 35]. В общезыковом употреблении эвфемизмы выполняют следующие функции: маскирующую (сокрытие информации, которая не может быть представлена эксплицитно); манипулятивную (вуалирование фактов и событий, «способных вызвать антипатию» [2, с. 3]); рекламно-экспрессивную (привлечение внимания потенциальных покупателей без оскорбления их чувств); коммуникативную (формирование удобного для обеих взаимодействующих сторон коммуникативного пространства); риторическую (украшение речи, придание ей торжественного звучания); функцию политкорректности (замена наименований, которые обозначают физические недостатки, умственные и психические расстройства, возраст, внешность, пол, сексуальную ориентацию и т. д. [10]); эстетическую (изъятие из текста некрасивого, грубого); игровую (создание с помощью эвфемизмов шутки).

В юмористическом дискурсе вообще и в языке КВН в частности некоторые функции эвфемизмов модифицируются. Естественно, основной остаётся игровая, присутствующая во всех шутках КВН, основанных на эвфемии. Эвфемизмы здесь выступают как средства создания комического, как языковой механизм формирования юмора. Эвфемизмы могут быть основаны на средствах всех языковых уровней (лексико-фразеологического, словообразовательного, фонетического, морфологического и синтаксического). В наибольшей степени востребованы в формате КВН шутки, основанные на синтаксической эвфемии, когда сокрытие некоторого смысла происходит при помощи всего предложения. Например: *Доктор технических наук проверил зажигалкой, есть ли утечка газа, и понял, что всю жизнь был гуманитарием* – передаётся информация: *Произошёл взрыв, так как зажигалкой про-*

верить утечку газа нельзя. Реприза КВН схожа по своей структуре с анекдотом, то есть в небольшом по объёму высказывании выражается одна идея, передаётся цельный юмористический смысл. Игра с эвфемизмами помогает кавээнщикам передать любые смыслы, к примеру, намекнуть на обценные ругательства: *Выпивший ведущий прогноза погоды одним словом объяснил, насколько плохая погода.*

Шутки КВН имеют свою тематическую специфику. При всём многообразии поднимаемых кавээнщиками тем выделяется ряд стандартных объектов юмористического высмеивания. Это определённый набор медийных персон (Никита Джигурда, Сергей Зверев, Сергей Мавроди и др.), профессий (фрезеровщик, сапёр, охранник и др.), организаций (Газпром, АвтоВАЗ, канал НТВ и др.). Мысли, выражаемые в шутках по поводу данных стандартных объектов, тоже стереотипны: к примеру, многократно обыгрывается недостаток пальцев на руках у фрезеровщика, женоподобие Сергея Зверева или непомерно высокая (в представлениях кавээнщиков) зарплата сотрудников Газпрома. Например: *Николай Валувев в детстве поджигал пакет, звонил в дверь и не убежал.* Подразумевается смысл: *Николай Валувев страшный, его все боятся.* Помогают оригинально передать эти стандартные смыслы оригинальные языковые средства создания комического, в том числе эвфемия.

Основная функция эвфемии, которая перестаёт быть актуальной в юмористическом дискурсе КВН – функция политкорректности. Кавээнщики словно протестуют против существования в языке слов, которыми требования толерантности диктуют заменить лексемы: *негр, еврей, гомосексуалист, инвалид, полный человек* и др. Для юмора КВН характерен отказ от данной функции эвфемизмов и значительное количество непolitкорректных шуток, в том числе с использованием эвфемизмов, которые помогают обыграть культурно запретный смысл. Например: *Когда вы видите парня с серёжкой в ухе, в первую очередь вы вспоминаете, в каком ухе носят ЭТИ.* С помощью указательного местоимения *эти* (морфологическое средство), звучащего пренебрежительно, происходит указание на лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Открыто вышучиваются люди с лишним весом: *120-килограммовая Людмила тратит на спуск в лифте чуточку меньше времени* – подразумевается: *От веса полной женщины лифт едет быстрее*; люди не европеоидного типа внешности: *Якутский шахматист умер во время партии, но об этом 40 минут никто не догадывался* – скрыт смысл: *Якуты узкоглазые, непонятно, открыты у них глаза или закрыты*; люди с низким материальным достатком: *В очень бедной семье мама отправляет сына в соседний огород за яблоками и параллельно за солью* – скрыт смысл: *В ребёнка стреляют из ружья зарядом с солью, её достают и используют в хозяйстве*;

некрасивые, внешне непривлекательные люди: *Часто, глядя утром на женщину, с ужасом понимаешь, что в том, что ты её вчера соблазнил, была не твоя, а её заслуга* – подразумевается: *Женщина некрасивая* и т. д. В последнем случае нейтрализуется эстетическая функция эвфемизмов. Шутки такого типа мы хотим охарактеризовать как «вызывающе нетолерантные», то есть намеренно, напоказ нарушающие правила политкорректности.

В нетолерантном юморе эвфемизмы могут использоваться в функции маскировки оскорбления, правда, маскировка является мнимой, а эвфемизмы служат в этом случае поиску изысканных способов оскорбления:

– *Я решила начать войну с жиром!*

– *М-м, я смотрю, ты его уже много в плен взяла.*

Подразумеваемый смысл: *Ты толстая.* В данном примере ярко видно несоответствие использования эвфемизма коммуникативной функции: с его помощью не устанавливаются позитивные отношения между субъектами общения, напротив, транслируется оскорбление, ещё более обидное для адресата в силу своего скрытого характера.

Эвфемия делает шутки такого типа (чаще всего сконструированные на синтаксическом уровне) своего рода загадкой, из которой адресат должен извлечь смысл. Декодирование становится своеобразной игрой, а её участники – кавээнщики и их зрители – приобретают качества соавторов.

Кавээнщики декларируют свою свободу в выборе объекта юмора, своё право шутить по любому поводу. Шутки такого типа выступают, во-первых, как протест против толерантности, без которой немисливо современное медийное пространство, а во-вторых, как способ самоутверждения и декларирования своего особенного места в российском юмористическом дискурсе. У шуток над представителями национальных меньшинств есть и ещё одно основание: они представляются кавээнщикам допустимыми с учётом интернационального характера игры, это как бы шутки над собой, а значит, они перестают быть злыми. Например: *Судились еврей с татариним. Судье дали пять лет* – скрыт смысл: *Евреи и татары – самые хитрые нации.*

Кроме того, хотя в шутках КВН открыто и уверенно опровергаются правила толерантности и нарушаются требования политкорректности, как ни странно, кавээнщикам удаётся остаться в границах специфической толерантности: шутки по поводу особенных людей, отличающихся чем-то от большинства, демонстрируют лояльность к ним, включение их в круг обычных, таких, как все, и именно поэтому подвергающихся вышучиванию.

Ещё одна особенность эвфемии в формате шуток КВН – сочетание данного языкового средства с другими языковыми и стилистическими приёмами. Например: *Игорь прочитал Библию, а потом сходил в церковь. И понял, что книга*

лучше – выражается скрытый смысл: *Церковь не оправдала ожидания героя*, причём эвфемия сочетается с прецедентным феноменом (ситуацией); затрагивается проблема: что лучше – экранизация или книга? Эвфемия выступает как приём комплексный, сочетаясь с каламбуром, парцелляцией, использованием фразеологических единиц, буквализацией и другими средствами и приёмами.

Итак, эвфемия в шутках КВН имеет ряд особенностей. С помощью эвфемизмов высмеиваются определённые медийные персоны, профессии или организации, причём эвфемия служит здесь своеобразной игрой, позволяющей оригинально транслировать стандартный для таких объектов смысл. Преобладают синтаксические средства эвфемии, при которых юмористический смысл передаётся целостно, всем предложением. Шутки «вызывающе нетолерантны», то есть в них намеренно нарушаются правила политкорректности и использования эвфемизмов, которые утрачивают свой смягчающий и маскирующий эффект. Эвфемия часто сочетается с другими языковыми и стилистическими орудиями, выступая как комплексное юмористическое средство. В юмористическом дискурсе КВН перестают быть актуальными такие функции эвфемизмов, выполняемые ими в языке вообще, как маскирующая, коммуникативная, эстетическая и функция политкорректности.

Библиографический список

1. *Артюхин И.Н.* О значении конфликта на сцене КВН // Научные основы современного прогресса: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Omega Сайнс, 2016. – С. 216–217.
2. *Баскова Ю.С.* Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.
3. *Бахшиева Ф.С.Г.* Языковая игра на уровне окказиональных образований в русском и азербайджанском языках // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2016. – С. 331–338.
4. *Будаев П.Е.* КВН-хронотоп: социокультурная характеристика: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.
5. *Букланс Д.Г.* КВН как феномен современной массовой культуры: коммуникативные аспекты: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Киров, 2010. – 19 с.
6. *Ванюшина Н.А.* Происхождение и генезис термина «эвфемия» // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8-1. – С. 33–35.
7. *Игошина Ю.В.* КВН-язык как маркер молодежных субкультурных форм // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – Т. 1, № 4. – С. 110–116.

8. *Ковалев М.Н.* КВН (Клуб веселых и находчивых) как социокультурное явление современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 24 с.

9. *Крылова М.Н.* Сравнение как средство конструирования юмористических высказываний // Филология и человек. – 2016. – № 4. – С. 139–146.

10. *Лазаревич Е.М.* Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 25–29.

11. *Петров С.В.* Использование педагогического потенциала КВН в вузе как инновационный подход в развитии конкурентных качеств личности // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2016. – № 2. – С. 115–118.

12. *Редкозубова О.С.* Смеховая культура студенчества как креативно-онтологический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2010. – 22 с.

13. *Соломина Н.В.* Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2008. – 25 с.

14. Шутки, шутки КВН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.shytok.net/shytki-99.html> (дата обращения: 06.12.2017).

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1966. – 519 s.
2. Il'ina L.A., Sycheva O.V. Leksicheskoe zaimstvovanie: perekhod inoyazychij ili vnutriyazykovoe sozdanie // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser.: Filologiya. – Novosibirsk, 1998. – № 4. – S. 91–96.
3. Kalinin A.V. Leksika russkogo yazyka. – M.: FLINTA, 2013. – 320 s.
4. Kalinina M.A. Ehpidigmaticeskoe osvoenie gallicizmov v russkom yazyke: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Volgograd, 2006. – 19 s.
5. Krysin L.P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. – M.: Nauka, 1968. – 208 s.
6. Krysin L.P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednih desyatiletij // Voprosy yazykoznanija. – 2002. – № 6. – S. 27–34.
7. Marinova E.V. Inoyazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI veka: problemy osvoeniya i funkcionirovaniya. – M.: EHLPIIS, 2008. – 495 s.
8. Marinova E.V. Teoriya zaimstvovaniya v osnovnyh ponyatiyah i terminah: slovar'-spravochnik. – M.: FLINTA: Nauka, 2013. – 240 s.
9. Maslov YU.S. Vvedenie v yazykoznanie. – SPb.: SPbGU: Akademiya. – 2005. – 304 s.
10. Mechkovskaya N.B. Social'naya lingvistika. – M.: Aspekt-Press, 1996. – 207 s.

11. Mozovaya I.N. Teoreticheskie predposylki issledovaniya zaimstvovannoj leksiki v yazyke reklamy [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://movoznastvo.com.ua/download/pdf/2013_1/33.pdf (data obrashcheniya: 22.02.2018).
12. Reformatskij A.N. Vvedenie v yazykoznanie. – M.: Aspekt Press, 2006. – 536 s.
13. Fomina M.A. Sovremennyy russkij yazyk. Leksikologiya. – M.: Vysshayashkola, 2001. – 415 s.
14. Haburgaev G.A. Zaimstvovanie kak problema leksikografii i istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya. – 1989. – № 4. – S. 3–9.
15. SHanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Prosveshchenie, 1972. – 368 s.
16. SHigina S.YU. Zaimstvovannaya leksika na rubezhe vekov. – Vladikavkaz: Izd-vo RIO, 2001. – 103 s.

Москвичева Светлана Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
moskvitcheva@mail.ru

Ли Сюэ

Российский университет дружбы народов, г. Москва
loveevelynlee@hotmail.com

ПУТУНХУА И СЫЧУАНЬСКИЙ ДИАЛЕКТ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОММУНИКАТИВНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВАХ ПРОВИНЦИИ СЫЧУАНЬ

В статье рассматривается проблема соотношения языка и диалекта в аспекте таких социолингвистических теоретических конструкторов как лояльность к языку и его социальный образ. Исследование сосредоточено на выявлении места и роли сычуаньского диалекта китайского языка в провинции Сычуань на юго-западе Китая по отношению к стандартному языку. Исследование основано на анализе результатов включенного наблюдения над коммуникативным поведением жителей города Чэнду и анализе результатов интернет-анкетирования. Путунхуа, безусловно, обладает высоким статусом и социальным престижем. Однако, несмотря на имеющиеся определенные институциональные ограничения в употреблении диалектов КНР, лояльность и их социальный образ остаются устойчиво положительными, что позволяет говорить о хороших перспективах витальности диалекта.

Ключевые слова: сычуаньский диалект, социальный образ, витальность, языковая лояльность, языковое разнообразие, социолингвистическая категоризация.

С лингвистической точки зрения Китайская народная республика представляет собой полиязычное пространство, на котором представлено более пятидесяти языков. Спецификой КНР является существование в коммуникативном пространстве собственно китайского (ханьского) языка множества диалектов, взаимопонимание между которыми либо не возможно, либо весьма затруднено. Если опираться на структурные критерии разграничения языка и диалекта языка, а также на критерий взаимопонимания, то вполне можно было бы трактовать часть диалектов, в частности, диалекты юга страны, как отдельные языки. Вместе с тем коммуникативное пространство Китая с глубокой древности было скреплено единой письменной традицией, в разные эпохи по-разному, но в целом осознанием политической и культурной общности страны. После Китайской революции 1949 года вектор языковой политики был направлен, прежде всего, на унификацию коммуникативного пространства и максимального продвижения стандартного кодифицированного варианта – путунхуа. Нельзя отрицать большой работы, проведенной в КНР по сохранению и поддержке миноритарных языков Китая, но долгое время исследования диалектов, если и проводились, то «для того, чтобы составить пособия для носителей диалектов, которые в конечном итоге должны были полностью перейти на путунхуа не только на работе, в общественных местах и при обучении в школе, но также и в повседневной жизни» [1, с. 86]. Мы полностью разделяем мнение О.И. Завьяловой о том, что политика по внедрению путунхуа во всех коммуникативных сферах и безразличное отношение к историческому лингвистическому наследию, возможно, были связаны с усилиями «по противодействию центробежным тенденциям, грозившим

ослабленной стране распадом по региональному, экономико-географическому и даже языковому принципам» [1, с. 86]. Предпосылки для это, безусловно, были. Необходимо вспомнить и травматический опыт последних десятилетий Империи, когда Китай, в сущности, попал в зависимость от иностранных держав, и все беды страны возлагались на чужую для ханьцев маньчжурскую династию, то есть, справедливо это или нет, но имело место ощущение двойного унижения национального достоинства. Революция 1911 года и последующие за ней события с точки зрения языковой идеологии также были направлены на унификацию коммуникативного пространства в целях создания единого сильного Китая.

Интерес к диалектам и признание их ценности как культурного наследия страны обозначился на рубеже XX и XXI веков. В законодательстве КНР нет специальных законов, посвященных диалектам китайского языка. Их использование регламентируется статьей 16 «Закона КНР о национальном языке и письменности» [3]. Согласно данной статье использование диалекта в публичных сферах возможно в следующих случаях:

- ситуации, при которых работники государственных учреждений вынуждены по необходимости, при выполнении служебных обязанностей их использовать [国家机关的工作人员执行公务时确需使用的];

- при получении разрешения соответствующих государственных органов для вещания [经国务院广播电视部门或省级广播电视部门批准的播音用语];

- в формах искусства для китайской музыкальной драмы, в кино и в других видах искусства [戏曲、影视等艺术形式中需要使用的];

- в печатных изданиях, при обучении, в различных исследованиях [出版、教学、研究中确需使用的].

Как мы видим, публичная сфера использования диалектов и их функциональная нагрузка весьма ограничена. Однако, как показало, в том числе и наше исследование, положение диалектов вне этих сфер остается устойчивым. Более того, такие важные показатели для идиом в миноритарной ситуации, как лояльность к языку, репрезентация языка в сознании носителей (социальный образ языка) и отношение к языку дают устойчиво положительную оценку. Хотя тенденция к языковой субституции, вытеснению диалектов очень сильна, о чем неоднократно писали как российские, так и китайские исследователи: «В ближайшие десятилетия ускорение процессов глобализации и потребности развития государственной экономики и политики будут способствовать распространению функционально сильных языков. Диалекты, находящиеся в слабом положении, будут уходить из экономической и общественной жизни народа, некоторые из них уже находятся под угрозой исчезновения. Во многих регионах дети не умеют говорить на родных диалектах, часть взрослых только понимает, но не говорит на них, а если и говорит, то на элементарном уровне» [6, с. 35].

Мы решили выяснить, насколько высока лояльность носителей диалекта по отношению к своему идиому, а также посмотреть, каковы основные параметры его социального образа. Наиболее оптимальными методами исследования в подобных ситуациях являются включенное наблюдение за языковым поведением говорящих, а также методы анкетирования и интервью. За неимением возможности провести крупномасштабное социолингвистическое обследование была предложена следующая методика. Один из авторов статьи осуществил включенное наблюдение за коммуникативным поведением продавцов и покупателей на рынках и в дорогих магазинах города Чэнду (провинция Сычуань). Было посещено порядка пятнадцати недорогих рынков, предназначенных для небогатых жителей квартала и торгующих продуктами питания, а также столько же престижных и люксовых

магазинов в городе Чэнду. Велось наблюдение языка общения (путунхуа или диалект) продавцов и покупателей. Данные записывались в таблицу, где была указана дата, место наблюдения, приблизительный возраст коммуникантов и язык коммуникации. Мы собрали данные по 251 актам микро-коммуникации (на рынках – 143, в магазинах – 108 человек). Для выяснения уровня лояльности к диалекту и путунхуа мы воспользовались данными анкеты [9].

Сычуаньский диалект (кит. 四川话) принадлежит юго-западному мандаринскому наречию. Он является наиболее распространенным диалектом китайского языка в провинции Сычуань, городе Чунцин и сопредельных районах. Количество носителей сычуаньского диалекта превышает девяносто миллионов человек.

Город Чэнду является административным центром провинции Сычуань, и соответственно, чэндунский диалект является образцовым с точки зрения произношения, например, для знаменитой сычуаньской оперы и других театральных постановок. Однако сам диалект не имеет стандарта и состоит из множества говоров и подговоров. В силу того, что «между сычуаньскими диалектами имеется высокая степень близости, люди, говорящие на разных вариантах, могут общаться друг с другом без затруднений, но сам сычуаньский диалект не имеет стандартного произношения» [5, с. 17].

Развитие сычуаньского диалекта делится на 3 периода: древний период, средневековье, и современность. С XI в. до н.э. по 361 г. до н.э. (Период Весны и Осени и Эпоха Сражающихся царств) в Сычуаньской котловине сосуществовали два царства: Шу и Ба. Эти два народа имели не только свои самостоятельные языки: язык древней Шу и язык древней Ба, но и собственную независимую систему письма ‘*Бау Тууй*’ (巴蜀图语). Языки древней Ба и древней Шу сильно отличались от языка Хуася (древнее название Китая).

После завоевания царств Ба и Шу царством Цинь (316 г. до н.э.), государственная и админи-

Таблица 1

Степень сходства сычуаньского диалекта с другими диалектам региона

Рейтинг	Группа/подгруппа китайских диалектов	Представитель диалекта	Процент сходства с сычуаньским языком
1	Юньнаньский диалект	Куньминский диалект	58,3%
2	Диалект Сян	Чаншаский диалект	54,9%
3	Мандаринское наречие Цянхуай	Янчжоуский диалект	52,7%
4	Диалект Гань	Наньчанский диалект	49,4%
5	Севернокитайские диалекты	Пекинский диалект	47,8%
6	Диалект У	Сучжоуский диалект	36,4%
7	Диалект Юэ	Кантонский (гуанчжоуский) диалект	27,4%
8	Диалект Хакка	Диалект уезда Мэй	27,2%
9	Диалект Минь	Сямэньский диалект	20,2%

стративная система Хуася Империи Цинь были распространены в район Ба-Шу. Завоевание также привело к массовой миграции населения империи Цинь в этот регион и росту интенсивности языковых контактов. В период династий Цинь (221–207 до н.э.) и Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) можно говорить о формировании сычуаньской разновидности ханьской народности.

К 1271–1279 годам, вследствие обширных миграционных движений и возросших языковых контактов, язык Ба-Шу постепенно превращался в современный сычуаньский диалект [7]. Таким образом, формирование сычуаньского диалекта продолжалось не одно столетие. Он сформировался как результат контактов с другими диалектами. В таблице 1 приведена степень родственной связи сычуаньского диалекта с другими диалектам [2, с. 131].

Как видно из таблицы 1, сычуаньский диалект наиболее близок к юньнаньским диалектом, также принадлежащим к юго-западному мандаринскому наречию. Однако в силу структурных различий населения в провинции Сычуань и провинции Юньнань имеется очень серьезное расхождение между двумя диалектами в области лексики. Кроме юго-западного мандаринского наречия, сычуаньский диалект тесно связан с диалектом Сян, что объясняется массовыми иммиграционными движениями населения из провинции Хунань в провинцию Сычуань. В процессе образования сычуаньского диалекта диалект Сян играл важную роль. Аналогичные причины лежат в основе сходства с диалектом Гань.

Перейдем к результатам наблюдения коммуникативного поведения продавцов и покупателей на рынках и магазинах Чэнду

Данные, представленные в таблице 2, дают представление о возрастных параметрах коммуникантов в двух основных местах наблюдения. Прак-

тически все они являются местными жителями. Возраст коммуникантов представлял для нас особый интерес, поскольку проводимая Китайской Народной Республикой политика по распространению путунхуа начала приносить свои плоды: молодое поколение в высокой степени владеет стандартным языком. Однако владение языком и коммуникативные предпочтения – это явления разного порядка. Не следует пренебрегать такими функциями языка, как интегративная и символическая. Наше исследование подтверждает, что несмотря на широкое распространение путунхуа и его безусловно высокий престиж и статус, диалекты (в нашем случае сычуаньский) устойчиво сохраняют свои позиции в ряде коммуникативных сфер.

Из таблицы видно, что возраст коммуникантов в престижных магазинах существенно ниже, чем на рынках. Современная китайская молодежь это, как правило, люди, получившие образование на путунхуа, безусловно принимающие этот язык и считающие его языком культуры и образования. Покупатели и продавцы на рынке и в дорогих магазинах отличаются также и по социальным параметрам. Наша гипотеза состояла в том, что в престижных общественных местах выбор языка будет в пользу путунхуа, при этом диалект будет сохранять высокий функциональный потенциал в обыденных ситуациях общения. Наше исследование полностью это подтвердило. Приведем две диаграммы, на которых представлены полученные нами результаты использования путунхуа и сычуаньского диалекта в названных общественных местах.

Согласно анализу наших наблюдений, из 143 человек (70 продавцов и 73 покупателя) только один человек (покупатель) говорил на путунхуа. Но и он оказался не местным жителем. Все же остальные говорили на диалекте. Причина такой

Таблица 2

Возрастное распределение опрошенных

	15–29 лет	30–49 лет	50–60 лет	70 и более лет
<i>Рынки Чэнду</i>				
продавцы	23%	51%	26%	0
покупатели	33%	33%	25%	9%
<i>Магазины Чэнду</i>				
продавцы	72%	50%	0%	0%
покупатели	48%	38%	2%	0%

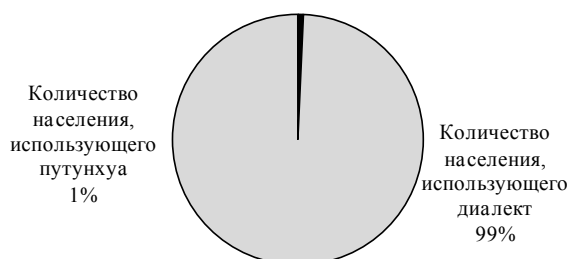

Рис. 1. Использование путунхуа и сычуаньского диалекта на рынках

диспропорции заключается в том, что, во-первых, продавцы на рынках обычно являются малообразованными и не владеют путунхуа. Во-вторых, и это очень важно, продавцы и покупатели в подавляющем большинстве являются местными жителями, и в привычных местах предпочитают употреблять диалект, который является их первым языком [第一语]. Говорить на диалекте с земляками по-прежнему представляется более удобным. Это создает атмосферу близости и непринужденности.

Однако в общественных местах с более высокой степенью престижа (в нашем случае современные торговые центры и дорогие магазины), положение ризительно отличается.

По нашим данным, среди 108 человек (54 продавца, 54 покупателя) только 8 человек (все покупатели) говорили на диалекте, остальные, все продавцы без исключения, говорили на путунхуа.

В статье 13 «Закона КНР о национальном языке и письменности» говорится, что «людям, работающим в сфере услуг, предлагается использовать путунхуа как язык общения». В связи с этим от продавцов требуется умение говорить на путунхуа. Следует учитывать тот факт, что посетители дорогих магазинов (или торговых центров) – это не только местные жители, но и приезжие (бизнесмены, туристы и др.), которые не говорят на сычуаньском диалекте. Если продавцы будут использовать диалект, то возникнет проблема непонимания. Путунхуа представляет собой общее средство коммуникации в КНР, предпочтительно используемое в публичной сфере.

Данные таблицы 2 и рисунков 1 и 2 свидетельствуют о том, что в общественных местах молодое поколение предпочитает использовать путунхуа.

Одной из причин такой ситуации является то, что после образования нового Китая (1949 г.) правительство постоянно прикладывало огромные усилия для распространения путунхуа по всей стране, что, естественно, привело к ограничению употребления диалекта как институционально, так и фактически. Под влиянием политики «Распространение путунхуа» современная молодежь использует диалект в основном дома или среди знакомыми. Во время учебы или в общественных местах она предпочитают путунхуа [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в повседневной жизни местные жители предпочитают использовать сычуаньский диалект, в официальных или престижных местах сычуаньский диалект употребляется редко, молодое поколение говорит в основном на путунхуа. Вместе с тем, сычуаньский диалект сохраняет высокие параметры лояльности со стороны носителей.

Перспективы витальности языка во многом определяются не количественными социально-демографическими данными, а факторами, имеющими психологическое измерение: отношение к языку, социальный образ языка и лояльность его носителей. Обратимся к анализу данных социолингвистического исследования, проведенного Исследовательским центром в Провинции Сычуань. Результаты данного исследования находятся в открытом доступе в Интернете [9]. Данные собраны в результате анкетного опроса [9].

Анкета состояла из трех групп вопросов:

1. Насколько для вас привычно использование диалекта в общении?
2. Считаете ли вы, что разговор на диалекте является примером вульгарного поведения?

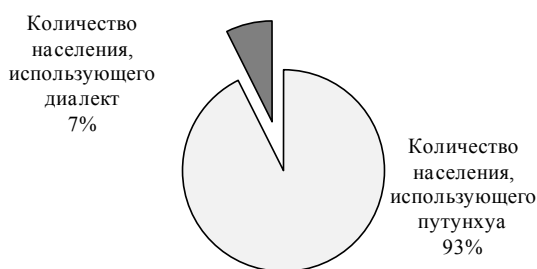

Рис. 2. Использование путунхуа и сычуаньского диалекта в престижных магазинах

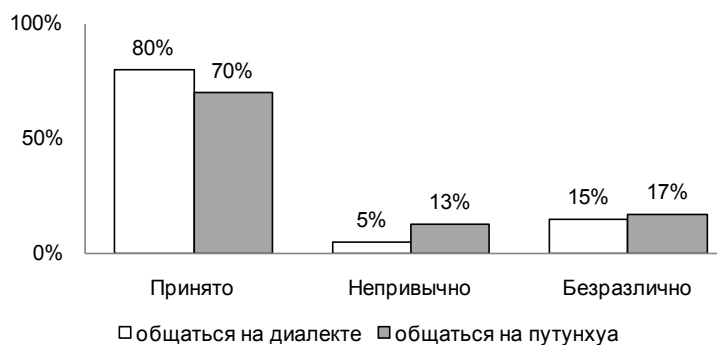

Рис. 3. Отношение говорящих к использованию путунхуа и диалекта

Рис. 4. Мнения местных жителей о влиянии путунхуа на диалект

3. Как можно оценить соотношения между путунхуа и диалектом?

Ответы на вопросы: «Как Вы чувствуете себя в том случае, когда чужой общается на диалекте?» и «Как Вы чувствуете себя в том случае, когда чужой общается на путунхуа?» могут быть представлены в следующем виде (см. рис. 3).

Данные рисунка 3 со всей очевидностью свидетельствуют о высокой лояльности как к сычуаньскому диалекту, так и к путунхуа, что говорит, с одной стороны, об успехах китайской языковой политики по распространению путунхуа в обществе, а, с другой стороны, об устойчивом положении диалекта.

Приведем еще одну схему, на которой представлены мнения местных жителей о взаимоотношениях путунхуа на диалект.

Данные анкеты свидетельствуют, что при положительном отношении к политике распространения путунхуа и высоком престиже его в китайском обществе, только 28% считают, что внедрение путунхуа во всех коммуникативных сферах является безусловным приоритетом. Большинство (67%) выступают за сохранение и защиту сычуаньского диалекта как культурного и исторического наследия провинции. В обществе существует понимание, что существование диалектных форм речи находятся под угрозой, и требуются срочные меры для сохранения культурного и языкового разнообразия региона. Сычуаньская культура развивалась и развивается на основе сычуаньского диалекта, и по мере его упадка традиционная культура, например, знаменитая сычуаньская опера и песенно-сказательное искусство, баллада-пение Сычуаня [四川清] также будет исчезать. Таким образом, защита сычуаньского диалекта представляется делом важным и необходимым [4].

На основании проведенного исследования и анализа источников можно сделать вывод о том, что в настоящее время сычуаньский диалект переживает кризисное состояние, вызванное политикой распространения и внедрения путунхуа во все коммуникативные сферы, отсутствием обучения на диалекте и диалекту, а также определенными институциональными ограничениями его функционирования в общественных сферах.

Вместе с тем, отношение местных жителей к сычуаньскому диалекту остается в целом положитель-

ным, он продолжает использоваться в неформальных, привычных сферах коммуникации. Носители диалекта стали обращать внимание на вопросы сохранения и развития диалекта, они осознают важность его защиты. Что же касается путунхуа, несмотря на его влияние на диалект и вытеснение последнего из престижных сфер коммуникации, жители провинции Сычуань поддерживают его распространение и считают путунхуа престижным и необходимым языком высоких сфер коммуникации.

Библиографический список

1. *Zav'yalova O.I.* Большой мир китайского языка. – М.: Изд-во Вост. лит., 2010. – 287 с.
2. *Cui Rongchang.* Sichuan dialect and Ba-Shu culture [崔荣昌四川方言与巴蜀文化]. – Sichuan University Press [四川大学出版社], 1996. – 254 p.
3. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language [中华人民共和国国家通用语言文字法]. – Pekin: Language & Culture Publishing House [语言&文化出版社], 2001.
4. *Shen Yiqing.* An initial survey of the language attitude [沈依青 语言态度初探]. – Tsinghua Science and Technology [清华大学学报], 1997. – P. 94–100.
5. *Zhang Shaocheng.* Basic introduction of Sichuan dialect [张绍诚巴蜀方言浅说]. – Chengdu: Bashu Publishing House [巴蜀书社], 2005. – 185 p.
6. *Zuo Xiulan, Lv Wenyu.* An investigation on dialect usage and attitude [左秀兰, 吕雯钰关于方言使用及态度的研究调查] // Journal Beijing International Studies University [北京第二外国语学院学报]. – 2016. – № 1. – P. 34–38.
7. Baidu Baike (Baidu online encyclopedia) [百度百科] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/四川话> (дата обращения: 04.05.2018).
8. Sina Blog [新浪博客] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_bef79e4b0101fsvr.html (дата обращения: 08.15.2018).
9. Sojump [问卷星] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wjx.cn/jq> 四川方言使用现状调查 (дата обращения: 05.05.2018).

References

1. *Zav'yalova O.I.* Bol'shoj mir kitajskogo yazyka. – M.: Izd-vo Vost. lit, 2010. – 287 s.

2. Cui Rongchang. Sichuan dialect and Ba-Shu culture [崔荣昌四川方言与巴蜀文化]. – Sichuan University Press [四川大学出版社], 1996. – 254 p.
3. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language [中华人民共和国国家通用语言文字法]. – Pekin: Language & Culture Publishing House [语言&文化出版社], 2001.
4. Shen Yiqing. An initial survey of the language attitude [沈依青 语言态度初探]. – Tsinghua Science and Technology [清华大学学报], 1997. – P. 94 – 100.
5. Zhang Shaocheng. Basic introduction of Sichuan dialect [张绍诚巴蜀方言浅说]. – Chengdu: Bashu Publishing House [巴蜀书社], 2005. – 185 p.
6. Zuo Xiulan, Lv Wenyu. An investigation on dialect usage and tattitude [左秀兰, 吕雯钰关于方言使用及态度的研究调查] // Journal Beijing International Studies University [北京第二外国语学院学报]. – 2016. – № 1. – P. 34 – 38.
7. Baidu Baike (Baidu online encyclopedia) [百度百科] [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://baike.baidu.com/item/四川话> (data obrashcheniya: 04.05.2018).
8. Sina Blog [新浪博客] [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://blog.sina.com.cn/s/blog_bef79e4b0101fsvr.html (data obrashcheniya: 08.15.2018).
9. Sojump [问卷星] [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.wjx.cn/jq>四川方言使用现状调查 (data obrashcheniya 05.05. 2018).

УДК 811.111'25

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Степанов Сергей Анатольевич

кандидат филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
sas68@mail.ru

Полубоярова Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
marina22@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу лексических проблем перевода сложных слов в современном английском языке. Авторы статьи подробно останавливаются на разграничении сложного слова и словосочетания. На многочисленных примерах неологизмов современного английского языка описывают причины появления новых слов и стадии их укоренения в языке, останавливаются на проблемах лексиколизации и социализации. В статье даны наиболее часто применяемые переводчиками способы и приемы перевода неологизмов. Особый акцент авторами статьи сделан на транслитерацию, прием прямого включения, калькирование и функциональную замену.

Ключевые слова: перевод, неологизм, транслитерация, прием прямого включения, калькирование, функциональная замена.

Перевод и переводоведение связаны со многими областями знаний, со всеми направлениями техники, науки, литературы и т.д. Очень сложно говорить о какой-либо области человеческой деятельности, где бы не нашел применение перевод как переводческая деятельность. Историческое и культурное достояние человечества базируется на переводческой деятельности, которая, несомненно, представляет собой как весьма необходимый и очень важный способ отражения реальной действительности, так и возможность распространения и передачи знаний.

Если говорить о гуманитарных областях человеческого знания, то перевод, в первую очередь, связан с такими дисциплинами, как лексикография, культурология, лексикология, история языка, межкультурная коммуникация, литературоведение, стилистика, контрастная лингвистика, сравнительная типология, когнитивная лингвистика и тому подобные языковедческие и культурологические области знаний. В нашей статье мы более подробно рассмотрим связь перевода со словосложением.

С точки зрения дескриптивизма, сложное слово, как и производное, представляет собой последовательность морфов. Что касается словосочетания, то оно также является последовательностью морфов. Следовательно, отличие структуры словосочетания и сложного слова, с одной стороны, и производного слова – с другой, снимается. Соответственно, это обстоятельство уменьшает и всю не такую простую проблематику, имеющую отношение к выявлению сложного слова.

В связи с тем, что лексическая единица любой структуры представляет собой мельчайшую единицу синтаксиса, тогда как словосочетание является

следующей единицей, более укрупненной, именно принципиальное разграничение слова и словосочетания представляется нам наиболее существенным. Отметим, что все служебные элементы в сложном слове, в отличие от словосочетания, как бы поглощены. Тогда как семантические и структурные связи между компонентами являются формально выраженными. Разные слова по-разному соотносятся со словосочетанием. Одни полностью синонимичны словосочетаниям, значения же других сложных слов не могут быть переданы словосочетаниями, составленными из основ сложного слова.

При переводе адекватность и коммуникативный успех обеспечивается не только безукоризненным знанием структурных особенностей языка, но во многом зависит от умения ориентироваться в стихии смыслового культурно-выразительного опыта языка. В основе любой коммуникации лежит общий код участников коммуникативного акта. Именно взаимное понимание языковых единиц лежит в основе такого взаимного кода.

Язык – это саморегулирующаяся динамичная система. Развитие средств массовой коммуникации, стремительное ускорение общественной жизни привели к появлению на свет огромного количества новых слов и значений. Когда появляется новое слово, оно проходит несколько стадий социализации (принятие ее в обществе) и лексиколизации (закрепление ее в языке). Когда появляется неологизм, он как бы проходит своеобразную проверку обществом, затем апробируется средствами массовой информации и закрепляются словарями.

После этого начинается процесс лексиколизации: приобретение навыков использования неологизма в общении, выявление условий и противопоказаний для его использования в различных

контекстах. В результате создается лексическая единица определенного структурного типа, которая может представлять трудности при переводе. Признак новизны зависит от того, насколько известна или неизвестна какая-либо языковая единица носителю языка. Кроме того, дух новизны зависит от степени ее употребительности. Н.Э. Котелова считает, что «многие новые слова сразу усваиваются говорящими и ощущение новизны быстро стирается» [1, с. 12].

Причина появления номинативных неологизмов связана с потребностью общества номинировать новый предмет или явление, которое появляется в таких областях знаний, как:

- экономика (*кредит, дебет, офшор, демпинг, лизинг*);
- политика (*праймериз, перезагрузка, омбудсмен, импичмент*);
- сфера новых технологий (*умные часы, гироскутер, хэндс фри*);
- интернет-пространство (*репост, делейт фолловер, хайп*);
- индустрия красоты, косметологии (*волурайз, шугаринг, мейкап, хайлайтер, барбершоп*);
- сфера искусства, моды, кино, индустрии развлечений (*шоу, тизер, перформанс, шоумен*);

Большой степенью новизны отличаются варваризмы, неассимилированные единицы, которые преобладают среди новых заимствованных слов. Например: *doice vita* (из итальянского) – сладкая жизнь; *gonzo* (из итальянского) – дикий, сумасшедший. К ним близки ксенизмы (заимствованные единицы, отражающие специфику быта страны-источника: *kung fu* (из китайского) – борьба кунг фу.

Лексический состав языка также может восполняться, если у уже существующих лексических единиц появятся новые значения, например, *egg* (*бомба, мина*), *bread* (*деньги*).

Что касается процесса перевода, то отметим, что лексические и грамматические трудности воспринимается переводчиками в неразрывной связи. Подобные сложности возникают из грамматических и лексических несоответствий единиц ИЯ (исходного языка) и ПЯ (языка перевода) при их конфронтации в процессе перевода [2, с. 90]. Для преодоления этих трудностей необходимо знать основные переводческие приемы и способы передачи информации конфронтруемого языка, т.е. исходного языка на другой язык – язык перевода. Говоря иными словами, важно знать основы, приемы и способы преобразования или трансформации речезыковых единиц на лексическом и грамматическом уровнях.

Знание значений новых слов, появляющихся в современном английском языке, а также их структурные особенности также способствуют снятию лексических и грамматических трудностей перевода.

Таким образом, далее мы рассмотрим сложные слова английского языка и их образовательные модели. Большое множество как сложнопроизводных, так и сложных и слов увидело свет с развитием компьютерной техники, например, ряд сложносокращенных слов: BASIC (Beginner's All-purpose Symbolic Instruction-code) – «Бейсик»; Fortran (Formula Translation) «Фортран»; сложные слова из области IT: *hardware* – жесткий диск, *software* – программа компьютера, *vapourware* – опытные образцы ЭВМ для выставок, но не для производства, *bogusware* – программа компьютера, составленная для разрушения программ компьютеров.

Среди сложных слов преобладают двухкомпонентные единицы. В первую очередь здесь нужно назвать такие модели, как N+N = N; A+N = N: имя существительное + имя существительное = имя существительное; имя прилагательное + имя существительное = имя существительное. Названные нами модели образования сложных слов не являются новыми в английском словообразовании. Эти способы были и по сей день остаются весьма продуктивными.

В современном английском языке сейчас активно образуется большое количество новых слов как в научном стиле, так и в общелитературном. Например, *energy crisis* – энергетический кризис; *satellite town* – новый город, город-спутник; *fast-food, software, moonwalk* – выход на поверхность Луны (о космонавтах); *spacewoman* – женщина-космонавт; *talkrock* – вид музыки рок-н-ролл с элементами народных мелодий.

Стоит подчеркнуть, что подчас в процессе словосложения происходит слияние более двух основ. Тогда появляются сложные многоосновные слова. В качестве примера можно привести такие сложные многокомпонентные слова, как а «boys-will-be-boys» – мужчина при любых обстоятельствах, а «bring-your-own» party – вечеринка, где каждый приносит с собой еду.

Возрастает количество сложнопроизводных единиц. Основным продуктивным способом является суффикс *-er*, который присоединяется к сложной основе, состоящей из основ прилагательного (существительного), глагола или словосочетания, например, *page-turner* – чрезвычайно интересная книга; *all-nighter* – нечто, длящееся всю ночь, например, занятие во время сессии; *wild-lifer* – человек, выступающий за сохранение природы и диких животных; *peace campaigner* – участник, сторонник борьбы за мир; *skyjacker* – человек, угнавший, захвативший самолет насильственным путем; *sit-downer* – участник сидячей забастовки. Сложнопроизводные существительные этого типа особенно продуктивны при обозначении различных социальных явлений.

Среди сложных единиц много слов, образованных при помощи частиц и наречий, что более характерно для прилагательных и глаголов.

В системе английского словосложения в последнее время все большую активность в образовании новых слов приобретают послелого. Говоря по-другому, речь идет о служебных словах, которые выполняют морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогу, но в отличие от последнего находящегося в постпозиции. Приведем такие примеры, как: *check-up* – осмотр, проверка; *hide-out* – укрытие, убежище.

В английском языке существуют пары сложных образований типа «составной глагол – сложное существительное»: *to break down* (сломать, разрушить, ухудшиться, потерпеть неудачу) – *break down* (авария, поломка, развал, распад, срыв); *to change over* – (переходить, меняться местами) – *change over* (переход, изменение).

Далее приведем примеры сложных слов, образованных причастием II: *laid-back* – расслабленный; *buttoned-down* – консервативный, традиционный; *spaced-out* – находящийся под влиянием наркотиков; *turned-on* – взволнованный; *switched-off* – отключенный, ничего не чувствующий; *taped-out* – безнадежный; *to think out* (продумать) – *thought out* (продуманный) – *plan (answer)*; *to tear up* – *torn-up* (разорванный, порванный) – *dress shirt, handkerchief*). Как видим, составные глаголы являются базой образования не только сложных существительных, но и прилагательных.

В современном английском языке есть большое количество прилагательных, образованных от составных глаголов. К примеру, составной глагол *to make up* имеет следующее значение: 1) составлять, устанавливать, выдумывать; 2) краситься, гримироваться. Соответствующее ему сложное прилагательное *made-up* имеет следующие значения: 1) собранный, установленный, приготовленный (*rules, medicine*); 2) выдуманный, продуманный (*story, incident*); 3) намазанный, покрашенный, подведенный (*face, eyes*).

Необходимо отметить, что сложные прилагательные этого типа весьма распространены и продуктивны в английском языке.

Разбирая неологизмы английского языка, образованные словосложением, необходимо сказать и о глаголах с упомянутыми нами выше послелогоми. Некоторые сложные существительные образованы по словообразовательной модели и не имеют соответствующих глагольных коррелятов. Например: *be-in* – встреча молодых людей в общественном месте для совместного времяпрепровождения; *learn-to* – сарай, навес. Соответствующих им глаголов *be in, learn to* в английском языке не существует. В сложных словах данного типа выделяется группа слов со вторым компонентом – *in*, который содержит следующие значения: «демонстрация протеста» и «встреча, собрание группы людей»: *teach-in* – собрание, демонстрация преподавателей и студентов; *sleep-in* – форма протеста,

при которой протестующие занимают фабрики, учреждения и проводят там ночь; *pray-in* – форма протеста, при котором протестующие собираются в церквях и слушают проповеди и т.д.

В США глагол с послелогом *to bliss out* означает «испытывать блаженное состояние» и употребляется среди молодежи. Ср: *to belly-up* – упасть, умереть; *to pig-out* – грубо поглощать пищу; *to fall about* – безудержно смеяться. Примером трехкомпонентного сложного слова являются *point-in-time* – конкретное время: *middle-of-the-road* – умеренный (в политике).

В последнее время очень употребительна многокомпонентная модель со словом *line*, которая находится на грани сложных слов и словосочетаний: *straight-line responsibility* – прямая ответственность; *bottom-line* – окончательный; *dotted-line responsibility* – ответственность, поделенная на двоих; *top-of-the-line* – самый лучший. Эта модель употребляется в неформальном общении в деловых кругах.

Широкое развитие в области словосложения получили сложные глаголы, которые распространены в научно-техническом и общелитературном стилях языка: *to roller-skate* – кататься на роликовых коньках; *to job-hunt* – искать работу.

Следующим высокопродуктивным способом образования новых слов в современном английском языке является образование сложных слов путем сокращения основ-компонентов сложного слова. Сокращения могут носить различный характер: 1) сокращается первый компонент слова: *medicare (medical care)* – медицинская помощь; 2) сокращается второй компонент слова: *Protest demo (protest demonstration)* – демонстрация протеста; 3) сокращаются оба компонента *Chunnel (channel tunnel)* – туннель под морским проливом; *comsat (communications satellite)* – спутник связи; *presage (protein sausage)* – колбаса из растительного протеина, не содержащая мяса.

Помимо традиционных моделей самыми продуктивными являются модели: а) *Abbr* (аббревиатура) + $N=N$, например, *B-chromosome* – лишняя хромосома. Данная модель используется в научно-технической сфере. Иногда в состав модели входят различного рода символы. К примеру, *T-microplasma* – микроорганизмы в форме буквы Т; б) $N+-N=meral=N$. К примеру, *day - 1* – начало, первый день чего-либо (неформальное общение); *tape A - 1* – поведение, характеризующееся напряженностью, что приводит к сердечным заболеваниям; *catch-22* – трудновыполнимое условие или требование, содержащее внутреннее противоречие, появившееся в языке после выхода известного сатирического романа Дж. Халлера «Catch-22» «Поправка-22». Для английского языка характерна такая модель, как *Particle+N=A*, например, *off-air* – передаваемый по кабельному каналу

телевидения. Иногда данная модель осложняется артиклем: *off-the-wall* – необычный, нетрадиционный (пример американского варианта неформального общения). Примером сложного слова, образованного по модели $N + Particle = A$ является прилагательное *hands-on* – практичный. Для образования сложного существительного используется такая модель, как $N + Prepositional Phrase + N$, например, *right-to-work-low*; *surface-to-air-missile*.

Таким образом, неологизмы – это слова окказиональные, временные, возникающие в только в данном контексте, но иногда и приобретающие свое постоянное место в языке. Для перевода их значений необходимо, прежде всего, понимать особенности их образования, так как словари, как правило, сразу же не в состоянии фиксировать подобные слова [3, с. 135]. Зная способы их построения, легко вывести их значение. Вместе с тем, необходимо отметить, что функционирование неологизмов в процессе речезыкового общения в условиях одноязычной и двуязычной ситуаций является одной из сложных интралингвистических и интерлингвистических проблем.

Для перевода неологизмов применяются самые различные приемы и способы, в том числе транслитерация. При использовании этого метода переводчику необязательно знать произношение английского слова, он может ограничиться его зрительным восприятием.

Прием прямого включения заключается в том, что в русском тексте сохраняется оригинальное написание английского слова. Чаще всего встречаются слова, состоящие из двух частей: английской и русской, например, *on-line-документ*, *веб-страница*, *технология Bluetooth*.

Калькирование представляет собой распространенный прием перевода сложных лексических единиц. При этом приеме слова переводятся по частям, а затем переведенные части соединяются. Приведем в качестве примера такие слова как, *mass culture* – *массовая культура* и *superpower* – *сверхдержава*. Достоинством приема калькирования

являются краткость и простота получаемого с его помощью эквивалента. Тем не менее, буквализм, характерный для этого переводческого приёма, не всегда раскрывает значение слова.

При функциональной замене применяемые при этом лексемы часто имеют характер генерализации, например, *scone* (*скон*) – это особый вид британского хлеба, обычно круглый по своей форме, который делается из пшеницы, ячменя или овсянки.

Таким образом, мы рассмотрели лексические сложности перевода на основе перевода сложных слов-неологизмов и пришли к выводу, что при переводе подобных лексических единиц часто применимы такие способы передачи, как транслитерация, прием прямого включения, калькирование и функциональная замена.

Библиографический список

1. Котелова Н.З. Новое в русской лексике. – М.: Русский язык, 1984. – 176 с.
2. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокommunikативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.
3. Popova T. G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. – Str. 86–96.

References

1. Kotelova N.Z. Novoe v russkoj leksike. – M.: Russkij yazyk, 1984. – 176 s.
2. Popova T.G. Nacional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sociokommunikativnye aspekty (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov). – M.: Izd-vo MGOU «Narodnyj ucitel'», 2003. – 179 s.
3. Popova T. G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. – Str. 86–96.

НОРМОТВОРЧЕСТВО В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИГНОРИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ РАЗВИТИЯ

В статье отмечается, что на разработку социально ориентированных, качественных по структуре, форме и содержанию, правовых по своей сущности нормативных актов влияют различные факторы деструктивного характера. Одним из таких факторов является игнорирование субъектами нормотворческих полномочий рекомендаций ученых, практических работников и представителей общественности по совершенствованию процесса разработки нормативных актов. В качестве второго деструктивного фактора выделяется низкий уровень профессионализма отдельных субъектов нормотворчества.

Высказывается суждение, что субъекты нормотворчества должны научиться признавать тот факт, что без помощи экспертов им не удастся эффективно нормативно отрегулировать большинство сфер жизнедеятельности современного общества. Двери нормотворческого процесса необходимо открыть для вхождения в них конструктивных инициатив нормативного характера от академической науки, общественности и правоприменителей.

В статье также указывается, что назрела необходимость разработки соответствующих государственных образовательных программ, а также определения организаций, которые по государственному заказу станут заниматься подготовкой будущих нормотворцев и научно-методическим обеспечением указанного процесса.

Ключевые слова: норма права, нормотворчество, источники норм права, профессионализм субъектов нормотворчества, факторы негативного воздействия на нормотворчество.

Измените представление о плохом законе как о чем-то абстрактном. А посмотрите на него как на средство влияния на человеческие жизни, и вы увидите, сколько страданий, болезней и даже смертей он принес.

Г. Спенсер

Как получить нормативные акты, которые можно будет считать социально ориентированными, эффективно регулируемыми общественные отношения, воспринимаемые большинством жителей определенного государства в качестве правовых по своему духу и содержанию? На этот вопрос уже длительное время пытаются ответить многие ученые-правоведы, иногда он обсуждается в СМИ, но чаще всего он на слуху у тех, кто постоянно сталкивается с необходимостью надлежащим образом реализовать свои права или выполнить обязанности, однако в силу пробельности нормативных актов, их противоречивости или отсутствия законов в угоду засилья ведомственного нормотворчества не может этого сделать. Как следствие – возникает социальная напряженность в обществе, утрачивается социальное доверие к власти имущим, формируется убежденность в том, что нормотворческий процесс – это поле для лоббирования только определенной группы интересов.

Вышеобозначенный вопрос уже стал относиться к категории «вечных». Но почему так происходит? Неужели он так сложно разрешим и нельзя найти действенных механизмов для получения удовлетворительных ответов на него? Полагаем,

что такие механизмы можно наработать и для этого не нужно прилагать особых титанических усилий. Загвоздка кроется, как нам кажется, в нескольких основных причинах. В данной статье мы обратим внимание на две из них. Сущность первой причины заключается в том, что субъекты нормотворчества очень редко (за исключением некоторых случаев) привлекают к разработке проектов нормативных актов (а также подготовке соответствующих экспертных заключений на последние) ученых, практиков и представителей от общественности. Вторая причина – это низкий уровень профессионализма отдельных субъектов нормотворчества, который крайне негативным образом сказывается на процессе создания источников норм права.

С момента распада СССР во многих постсоветских государствах стал наблюдаться эффект «закрытой корпоратизации» нормотворческого процесса. Несмотря на то, что этот эффект уже более 25 лет негативно влияет на демократическое развитие данных стран и их межгосударственных отношений, почему-то ни СМИ данных государств, ни их гражданская общественность, ни практики и даже академическая наука не заявляют активным образом о том, что пора допустить к реализации нормотворческих полномочий в законодательной

(а лучше во всей нормотворческой) сфере тот самый конституционно определенный единственный источник власти – народ. Но воз и ныне там, поэтому лишь отдельные ученые предпринимают попытки «докричаться» до субъектов нормотворческих полномочий [1; 4; 6] и донести им мысль о том, что при создании источников норм права важно: 1) учитывать мнение экспертного сообщества; 2) опираться на научные разработки, статистические и социологические данные, соответствующие прогнозы и экономические обоснования целесообразности принятия тех или иных нормативных новелл; 3) осуществлять мониторинг правоприменительной практики; 4) изучать прогрессивный зарубежный нормотворческий опыт.

Преодоление такой «многолетней глухоты» – задача не из простых, и только лишь малыми дозами научных вакцин ее не удастся разрешить. Поэтому нужны более действенные меры в борьбе с обозначенным недугом и важно, чтобы такие меры начали применяться уже в ближайшей перспективе. В том же случае, если развитие нормотворческого процесса в постсоветских государствах будет и дальше продолжаться по принципу «закрытого корпоративного действия», то это рано или поздно достигнет той точки бифуркации, когда разросшийся массив социально отторгаемых нормативных актов повлечет за собой разрушение не только правовых, но и морально-духовных скреп государственного механизма.

Из сказанного явствует, что субъектов нормотворчества нужно «побуждать» становиться более социально ответственными и открытыми, а также «научить» признавать тот факт, что без помощи экспертов-консультантов (не путать с лоббистами) им самим не удастся эффективно нормативно отрегулировать большинство сфер жизнедеятельности современного общества. Двери нормотворческого процесса в постсоветских странах необходимо полностью открыть для вхождения в них конструктивных инициатив нормативного характера от академической науки, общественности и правоприменителей. Это как раз и есть один из путей движения от утопии к реальному ПРАВОВОМУ государству, с социально ориентированными и эффективно действующими нормативно-правовыми актами.

Стоит отметить, что по такому вектору развития в 2014 г. попытались запустить нормотворческий процесс в Луганской Народной Республике (далее – ЛНР). Для реализации этих благих целей было создано более пяти экспертных групп, перед которыми поставили задачу подготовить в сжатые сроки на основе современных научных разработок, а также с учетом пожеланий сотрудников практических органов и представителей общественности соответствующие законопроекты. Большинство экспертных групп с поставленной задачей справились достаточно эффективно. В частности, одной

из таких групп удалось всего лишь за три месяца подготовить проект Кодекса об административных правонарушениях ЛНР, который получился качественным по структуре и содержанию, он также учел пожелания практиков и соответствующие рекомендации ученых Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко.

Не скрывая своего удовлетворения от проделанной работы, указанная экспертная группа надеялась, что в скором времени ее нормативная разработка превратится в действующий закон. Однако время шло, и она по-прежнему оставалась не востребованной. Отсутствие в республике одного из базовых нормативных актов стало приводить к тому, что простые обыватели начали ставить под сомнение законность применения мер принуждения органами государственной исполнительной власти и прокуратуры (суды до определенного времени дела об административных правонарушениях не рассматривали). Введенный же в действие на переходный период Кодекс Украины об административных правонарушениях уже не мог эффективно обеспечивать нормативное сопровождение практики противодействия административной деликтности на территории ЛНР.

Побудить государственные органы ЛНР к скорейшему разрешению сложившейся ситуации довелось главе республики. На одном из своих аппаратных совещаний он поставил перед законодателями и Министерством юстиции ЛНР категоричное требование о необходимости подготовки и принятия в течение двух недель соответствующего кодифицированного акта. Указанное распоряжение, как и предполагалось, было выполнено в установленные сроки, но опять же по пути наименьшего сопротивления – Министерство юстиции ЛНР при разработке соответствующего законопроекта взяло за основу текст Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, незначительно его подкорректировало и направило свое детище главе ЛНР, который внес его на рассмотрение Народного совета ЛНР [5]. 15 июля 2016 года данный законопроект приобрел статус Кодекса об административных правонарушениях ЛНР, в который еще до момента введения его в действие (1 октября 2016 г.) были внесены существенные изменения и дополнения несколькими законами.

Практика действовать «вдогонку» сохраняется и сейчас, поскольку принятый Кодекс об административных правонарушениях ЛНР содержит значительное количество пробелов, перегибов и несогласованностей с другими нормативными актами. В силу того, что были проигнорированы результаты работы экспертной группы, а действующий кодифицированный документ был подготовлен «на скорую руку», без участия ученых, практиков и общественности, это стало главной причиной появления такого «сырого» нормативного акта.

В постсоветских государствах на процесс создания источников норм права негативным образом влияет и другой фактор, а именно – низкий уровень профессионализма отдельных субъектов нормотворчества. Индикаторами, которые указывают на то, что субъекты, наделенные нормотворческими полномочиями в органах государственной власти и местного самоуправления, могут обладать низким уровнем профессионализма в сфере нормотворческого процесса, служат:

1. Принимаемые ими некачественные по содержанию, а иногда даже по структуре и форме нормативные акты.

2. Разросшийся аппарат (в основном у законодателей) разного рода помощников, которые зачастую и готовят проекты нормативных актов, выдаваемые впоследствии субъектами нормотворческих полномочий за свои разработки.

3. Отсутствие у большинства нормотворцев высшего юридического образования. Наблюдается также и другая картина: такие нормодатели не стремятся в своих государствах освоить даже базовые программы по направлению «Нормотворческий процесс» (в каждой конкретной стране данное направление может иметь и другие названия) на специальных семинарах, курсах повышения квалификации или переподготовки. Если посмотреть на субъектный состав только законодательных органов той или иной страны, то можно заметить, что в каждом созыве депутатов лишь незначительный процент от их количества имел (имеет) юридическое образование. В этой связи возникает закономерный вопрос – как такие народные избранники могут качественно подготовить определенный законопроект, если их собственное профессиональное правосознание находится на весьма низком уровне [4, с. 12]? Не лучшим образом ситуация развивается и в других органах государственной власти и местного самоуправления, в обязанности должностных лиц которых вменено разрабатывать подзаконные нормативные акты.

4. Наблюдаемый низкий уровень юридических знаний у отдельных нормотворцев, когда данные субъекты выступают в СМИ, на различного рода конференциях и круглых столах, в органах государственной власти и местного самоуправления, на встречах с гражданами.

5. Отсутствие у лиц, наделенных нормотворческими полномочиями, навыков и умений применения современных нормотворческих технологий.

6. Минимальная или даже «нулевая» нормотворческая активность таких лиц – то есть отсутствие нормотворческих инициатив с их стороны и др.

Можно ли изменить сложившуюся ситуацию? Полагаем, что это возможно, но только в том случае, если сами государства проявят в этом заинтересованность. Если такая заинтересованность возникнет, то нужно будет разработать соответ-

ствующие государственные образовательные программы, а также определить организации или учреждения, которые по государственным заказам станут на постоянной основе осуществлять: подготовку будущих нормотворцев, переподготовку и повышение квалификации действующих нормотворцев, научно-методическое обеспечение указанных процессов.

Итак, очень важно, чтобы «взращивание» высококвалифицированного профессионала нормотворческого процесса получило статус приоритетной государственной задачи. Естественно также и то, что решением указанной задачи придется заниматься основательно и ежедневно. Если развитие постсоветских государств пойдет в таком фарватере приоритетов, то это им позволит уже в ближайшей перспективе качественно улучшить профессиональную составляющую нормотворческой деятельности, а также получить от последней социально востребованные нормативно-правовые акты.

Стоит отметить, что подобные идеи не новы, они высказывались и ранее. Еще в 1884 году Г. Спенсером в очерке «Грехи законодателей» был поставлен вопрос о необходимости осуществления профессиональной подготовки законодателей. Приведя примеры того, как юридические законы наносили значительный ущерб интересам отдельных граждан и обществу, мыслитель заметил, что ответственность законодателей за «зло», которое они могут причинить принятыми ими законами, определяется с большим снисхождением. Государству и обществу почему-то в «голову» не приходит осуждать их за это [7, с. 130]. Поэтому, чтобы впредь не допускать появления подобных социально деструктивных нормативных документов, нужно идти, – как полагал Г. Спенсер, – путем постоянного обучения законодателей нормотворческим азам, а также предоставления им знаний по социальным наукам [2, с. 340–341].

Следует исходить из того, что нормотворчество – это разновидность творчества, а творить (особенно что-то социально полезное) не каждому дано. Поэтому Д.А. Керимов прав, когда утверждает, что законотворчество (по нашему мнению, все другие виды нормотворчества тоже) должно предполагать наличие у законодателей не только общей культуры, но и специальных знаний. Важно, чтобы последние смогли овладеть такими нормотворческими навыками, которые позволят им искусно формировать и формулировать законодательные акты [3, с. 3]. В этом залог того, что общество начнет получать социально ориентированные источники норм права.

Действительно, без обращения к специалистам от научного сообщества, практических органов и общественных организаций лишь высококвалифицированные субъекты нормотворчества (профессионалы) могут изложить правовой материал

особым юридическим языком, ориентированным на передачу правовой информации, удобным для нормореализации, не нуждающимся в дополнительном толковании и разъяснении. В силу наличия именно таких предпочтений одним из важных условий создания качественных и социально ориентированных правовых нормативных актов, собственно, и является возвращение профессионалов-нормотворцев. Некомпетентным (непрофессиональным по своим нормотворческим способностям) субъектам, наделенным нормотворческими полномочиями, должен оставаться только один путь, – поступать по совести и при разработке нормативных актов всегда прибегать к помощи высококвалифицированных ученых, специалистов из практических органов и представителей от общественности, обладающих знаниями и опытом практической работы в требующей нормативного регулирования сфере общественных отношений.

Библиографический список

1. Арзамасов Ю.Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 28–36.
2. Западно-европейская социология XIX века: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-е Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – 352 с.
3. Керимов Д.А. Законодательная техника: учеб. пособие. – М.: Изд-во «Норма», 2000. – 125 с.
4. Кибак И.А. Современные подходы к психолого-профессиональной подготовке депутатов парламента // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 4. – С. 12–16.
5. Кодекс об административных правонарушениях Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/2733/> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Лунеев В.В. Научные основы отечественного законотворчества // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 2. – С. 156–162.
7. Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 129–136.

References

1. Arzamasov YU.G. Vedomstvennoe normotvorchestvo: sovremennoe sostoyanie, problemy modernizacii // YUridicheskaya tekhnika. – 2012. – № 6. – S. 28–36.
2. Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX veka: teksty / pod red. V.I. Dobren'kova. – M.: Izd-e Mezhdunar. un-ta biznesa i upravleniya, 1996. – 352 s.
3. Kerimov D.A. Zakonodatel'naya tekhnika: ucheb. posobie. – M.: Izd-vo «Norma», 2000. – 125 s.
4. Kibak I.A. Sovremennye podhody k psihologo-professional'noj podgotovke deputatov parlamenta // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2009. – № 4. – S. 12–16.
5. Kodeks ob administrativnyh pravonarusheniyah Luganskoj Narodnoj Respubliki [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/2733/> (data obrashcheniya: 15.03.2018).
6. Luneev V.V. Nauchnye osnovy otechestvennogo zakonotvorchestva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2011. – № 2. – S. 156–162.
7. Spenser G. Grekhi zakonodatelej // Sociologicheskie issledovaniya. – 1992. – № 2. – S. 129–136.

**СОБСТВЕННОСТЬ И ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ:
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ**

В статье исследована актуальная проблематика отдельных общественных наук в сфере собственности и права собственности. На основе анализа многочисленной социогуманитарной литературы сделаны выводы о том, что плодотворность исследования феноменов собственности и права собственности в значительной степени зависит от уровня организации и проведения междисциплинарных исследований, в связи с чем достаточно логичным выглядит предложение о создании новой полидисциплинарной науки – пропетологии, которая, синтезируя достижения общественных наук и осуществляя глобальные философские обобщения социальных знаний, призвана выработать междисциплинарное понятие собственности и междисциплинарное учение о собственности. Выдвинута гипотеза о необходимости нового научного направления исследования собственности – этологии собственности. Автор приходит к выводу о том, что общее учение о праве собственности особенно нуждается в выработке междисциплинарного понятия собственности, что обусловлено не разрешенными до настоящего времени проблемами правопонимания и правоприменения собственности и отсутствием общепризнанных подходов к их исследованию.

Ключевые слова: феномен собственности, социогуманитарные науки, пропетология, междисциплинарное учение о собственности, общее учение о праве собственности.

Собственность – уникальная по важности и многоаспектности категория. В социогуманитарных (далее: социальных) (общественных), гуманитарных) науках все большее признание приобретает точка зрения о собственности как об объекте междисциплинарных исследований [13, с. 24; 19, с. 3–7]. Однако, как справедливо отмечает В.Е. Рубаник, до настоящего времени не выработано единое определение этого многогранного феномена, которое разделялось бы большинством ученых [19, с. 8].

Действительно, в современной социогуманитарной литературе используются понятия, отражающие разные стороны и аспекты собственности: «Собственность есть идеальное продолжение личности в вещах или ее перенесение на вещи» [20, с. 432]; «собственность – социально-экономическое явление действительности» [21, с. 96]; собственность – социальная функция [7, с. 905]; «собственность – определенное экономическое (фактическое) отношение, подвергаемое правовому оформлению» [12, с. 209].

Более того, по утверждению В.Н. Прокопьева, с которым трудно не согласиться, «в работах мыслителей, занимавшихся данной проблемой, можно легко найти прямо противоположные определения сущности собственности: собственность – это присвоение, и собственность – это отчуждение; собственность – это свобода, и собственность – бремя; собственность – право, и собственность – обязанность; собственность – труд, и собственность – кража» [18, с. 83–84].

На наш взгляд, указанная ситуация с исследованием этого многогранного феномена в общественных науках сложилась, главным образом, из-за недостаточного учета специфики сторон, аспектов собственности как предметов отдельных наук, смешении понятий собственности и права собственности, а также, как обоснованно отмечается в литературе, из-за сложностей и противоречий про-

цесса организации, становления и развития междисциплинарных исследований [5, с. 110–119].

В этой связи достаточно логично выглядит предложение А.М. Орехова и М.В. Скачко о создании новой научной дисциплины «пропетологии» (исходя, по их мнению, из того, что собственность на английском языке – «property») как полидисциплинарной науки, которая призвана исследовать собственность с самых различных направлений [15].

Действительно, если целью этой специальной науки является синтез всех достижений социальных наук, а также определение места и роли каждой конкретной науки в исследовании собственности, то можно значительно продвинуться в изучении этого сложного, многоаспектного феномена.

На наш взгляд, области научных знаний, относящиеся к сфере собственности, можно охарактеризовать следующим образом.

Философия собственности. Главная цель философии собственности – это глобальное осмысление всех знаний о собственности, поставляемых конкретными социальными науками. Также по своему назначению философия собственности одновременно призвана реализовывать методологическую функцию в междисциплинарных исследованиях феномена собственности.

Здесь важно подчеркнуть следующее. Несомненно, определение предметов, направлений и подходов к изучению общественных явлений и процессов – это прерогатива специалистов в области методологии научного познания, но для формирования позиции о понятии и сущности права собственности – юридической части междисциплинарного учения о собственности – необходимо высказать свое мнение о философской составляющей последнего (учения). По нашему предположению, философия собственности и философия права собственности – разные научные направления. Объектом познания философии собственности является собственность как единый, сложный, многоаспект-

ный общественный феномен. Такие понятия, как «первое явление свободы в окружающем мире есть собственность» [22, с. 85], собственность есть «помещение воли в вещь» [4, с. 103], «собственность, строго говоря, есть некоторое свойство самой личности» [2, с. 354] трудно отнести к философии права собственности. Кроме того, кладя в основу нашей гипотезы мысль Гегеля о том, что «понятие права по своему становлению трактуется вне науки права» [4, с. 60], мы приобретаем дополнительное методологическое основание отнесения указанных неправовых понятий собственности к предмету именно философии собственности, а не философии права собственности.

Вопросы исследования смысла права собственности, его сущности, ценности и значимости в жизни человека, правовой формы свободы как первоосновы права собственности, права собственности и справедливости, права собственности и равенства и т.д. – это проблематика философии права собственности. Целый ряд известных ученых-юристов посвящали свои работы философскому аспекту права собственности как относительно обособленной стороне многогранного феномена собственности. В.С. Нерсесянц, исследуя вопросы философии отрицания права и собственности, разделяет понятия «собственность» и «право» [14, с. 113]. Исходные философские начала собственности и права собственности исследовал С.С. Алексеев [1, с. 9–48]. Методология права, которую можно положить в основу подхода к пониманию философских аспектов права собственности, является предметом анализа Д.А. Керимова [9, с. 18–60]. Социальные основания права, исследуемые Г.В. Мальцевым, позволяют сформировать представления о философии собственности и философии права собственности как о разных научных направлениях [11, с. 38–116, 250–513].

Социология собственности. Социология собственности изучает социальную (социологическую) сторону собственности, или, иначе говоря, стабильную упорядоченность массового взаимодействия людей. Основная задача социологии собственности – понять природу собственности как социального института и место собственности в различных стратификационных, классовых и иных схемах. Необходимо отметить, что со времен Платона и Аристотеля собственность является важнейшим элементом социальной стратификации, благодаря которой индивиды обеспечивают себе потенциал для восходящей мобильности в высшие классы и страты. Здесь особо следует отметить работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», оказавшую значительное влияние на весь комплекс наук об обществе, а также работы Б.А. Кистяковского, посвященные социологическим аспектам права собственности [10, с. 9–417; 3, с. 19–185].

Экономика собственности. Собственность является предметом экономической науки с момента возникновения последней, но, как известно,

впервые она оказалась в центре исследования этой науки благодаря работам Карла Маркса. Именно он в своих трудах обратил внимание на дихотомию «частная собственность» – «общественная собственность» и придал ей идеологическую заостренность. У К. Маркса общественная собственность почти всегда оценивается в позитивном духе, а частная собственность – в негативном. В последствии в неоклассической экономической науке институт собственности оказался как бы «растворен» в других экономических категориях (труд, деньги, капитал и т.п.), лишь в 60–70-е гг. прошлого столетия собственность снова стала выходить на первый план, благодаря так называемой «экономической теории прав собственности», авторами которой были экономисты Р. Коуз, Д. Норт, А. Алчиан и др.

Антропология собственности. Антропология собственности нацелена на изучение природы субъекта, владеющего этой собственностью. По справедливому мнению А.М. Орехова и М.В. Скачко, антропология должна ответить на следующие вопросы: может ли быть собственником животное? Робот? Эмбрион в чреве матери? Умерший человек – это собственник или не собственник [15, с. 165]? Ответы на эти вопросы чрезвычайно важны для выявления антропологических свойств и признаков междисциплинарного понятия собственности.

Психология собственности. Психология собственности изучает природу психических свойств собственника. Главная цель психологии собственника – соотнести между собой ментальность собственника и объективные, внешние стратегии его поведения, выявить возможные несоответствия. Эти и другие аспекты психологии собственности и права собственности исследуются в известных работах Л.И. Петражицкого [17, с. 195–206].

Политическая теория собственности. Собственность, бесспорно, есть в своем роде и политический феномен, политическое явление, которому, на наш взгляд, политологи не уделяет должного внимания. Активизировать исследования собственности как политического концепта – одна из главных задач специалистов этого направления. Что касается центральной задачи политической теории собственности, то, по всей видимости, ею должна стать проблема «justification», т.е. проблема «оправдания владения собственностью», имеющая, бесспорно, не только политологическое, но и философское значение. «Проблема собственности, как это декларируется современной политической теорией, есть изначально проблема оправдания» [23].

История собственности. История собственности, по справедливому утверждению Р. Пайпса, трактуется с двух точек зрения: во-первых, как история реального института собственности и, во-вторых, как история представлений о собственности [16, с. 17]. Здесь важно иметь в виду, что рассматриваемые виды историй, как правило, не совпадают. Кроме того, если предметом истории будут экономические идеи и отношения собствен-

ности, то это экономическая история собственности, если правовые – юридическая.

Гендерная теория собственности. На наш взгляд, собственность может быть и предметом гендерных исследований. Чем, например, отличается собственность мужчины от собственности женщины? Какой специфической собственностью может обладать женщина? Чем отличается поведение женщины-собственника от поведения мужчины-собственника? На эти и другие подобные вопросы, по-видимому, должна дать ответ гендерная теория собственности.

Этология собственности. Как известно, этология вообще – это наука о нравах и обычаях животных и человека. Поэтому центральными проблемами этологии собственности должны быть инстинкты собственности у человека как «врожденные программы поведения» [6, с. 12], характер их влияния на правосознание, правоотношения собственности, нарушение законодательства о собственности и т.д. Эта проблематика – новое направление исследования собственности. Актуальность его очевидна, поскольку сегодня нет адекватных ответов на ключевые вопросы: почему отсутствие собственности у человека делает его «агрессивным, завистливым и вороватым» [6, с. 78]? Почему лишение собственности и даже ограничение владения ею деформируют психику человека, ограничивают свободу и ущемляют его достоинство? И многие другие вопросы.

Культурологическая теория собственности. Ключевая проблема здесь: что представляет собой собственность как культурная ценность? Попытки найти на этот вопрос адекватный ответ предпринимались еще со времен Сократа и Платона, есть они и в современной российской научной литературе [8]. Но продвижение вглубь этого аспекта феномена собственности пока что явно оставляет желать лучшего – нужны новые работы, новые исследования.

Юридическое учение о собственности (общее учение о праве собственности). Предметом общего учения о праве собственности является юридическая сторона многогранного феномена собственности. Здесь необходим поиск адекватных ответов на сложные дискуссионные вопросы: право собственности – это только воля законодателя и (или) продукт развития общества? Что является первоосновой права собственности и его основополагающими свойствами? Как соотносятся право собственности и экономика? Тожественны ли экономические и правовые отношения собственности? Совместимы ли основные типы правопонимания собственности? Есть ли иное, кроме конституционно-правового и цивилистического, понимание права собственности? Каков характер взаимозависимости правопонимания и правоприменения собственности? И многие другие.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие основные выводы.

Собственность – сложный многоаспектный общественный феномен. Этот феномен является объектом исследования целого ряда социогуманитарных наук. У каждой из этих наук есть свой специфический предмет – сторона, аспект собственности и свой набор методологических способов и приемов изучения этого предмета.

Плодотворность исследования феномена собственности в значительной степени зависит от организации и проведения междисциплинарных исследований, в связи с чем достаточно логичным выглядит предложение о создании новой полидисциплинарной науки – пропетологии.

Наука пропетология, синтезируя достижения социогуманитарных наук и осуществляя глобальные философские обобщения социальных знаний, призвана выработать как междисциплинарное понятие собственности, так и, в целом, междисциплинарное учение о собственности. Междисциплинарное учение о собственности, в свою очередь, откроет новые теоретические и методологические возможности для более глубокого исследования каждой социальной наукой своей проблематики с целью поиска ответов как на не получившие адекватного разрешения старые вопросы, так и на новые вопросы и вызовы.

Общее учение о праве собственности, как никакая другая часть междисциплинарного учения о собственности, нуждается в выработке междисциплинарного понятия собственности. Эта необходимость обуславливается проблемами правопонимания и правоприменения собственности и отсутствием общепризнанных подходов к их исследованию.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. – М.: Норма, 2007. – 238 с.
2. *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм // Русская философия собственности. – М., 1998. – 447 с.
3. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. – 649 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М., 1990. – 356 с.
5. *Губин В.Б.* Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки. – М.: Наука, 2006. Бюль. № 1. – С. 110–119.
6. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей – СПб.: Изд-во Петроглиф, Москва: Изд-во МЦНМО, 2009. – 346 с.
7. *Дюжи Л.* Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография т-ва И.Д. Сытина. 1908. – 1000 с.
8. *Захарова Л.Н.* Собственность как ценность и ценность собственности. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 135 с.
9. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – М.: изд-во

СГУ, 2008. – 520 с.

10. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1999. – 799 с.

11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – 799 с.

12. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. – М.: Юристъ, 1999. – 383 с.

13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2003. – 511 с.

14. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 647 с.

15. Орехов А.М., Скачко М.В. Философия собственности как предпосылка пропетологии // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2015. – № 1. – С. 163–175.

16. Пайнс Р. Собственность и свобода: Рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Пер. с англ. Pipes Richard. Property and Freedom. New York: Alfred A. Knopf, 1999. – М.: Моск. Школа полит. исслед., 2000. – 415 с.

17. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб.; 1907. С. VII.

18. Прокопьев В.Н. К вопросу о сущности собственности // Право собственности в России (Вопросы теории и практики). Сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Н.М. Коршунова, В.В. Маркина, Б.Н. Алейникова. – Пенза, 2006. – С. 83–85.

19. Рубаник В.Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии. В 3 т. Том 1. Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции права собственности. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 419 с.

20. Соловьев В.С. Оправдание добра / Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., Мысль, 1988. – 892 с.

21. Черноморец А.Е. Некоторые теоретические проблемы права собственности в свете Гражданского кодекса РФ // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 96–99.

22. Чичерин Б.Н. Философия права // Избранные труды. – СПб.: Наука, 1998. – 370 с.

23. Property (Ed. By J. Pennock and J. Chapman). – New York, 1980. – 298 с.

References

1. Alekseev S.S. Pravo sobstvennosti. Problemy teorii. – М.: Norma, 2007. – 238 с.

2. Alekseev N.N. Sobstvennost' i socializm // Russkaya filosofiya sobstvennosti. – М., 1998. – 447 с.

3. Veber M. Izbrannoe: Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma. – М.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ; Universitetskaya kniga, 2015. – 649 с.

4. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. – М., 1990. – 356 с.

5. Gubin V.B. Psevdosinergetika – novejschaya lzhenuka // V zashchitu nauki. – М.: Nauka, 206.

Byul'. № 1. – S. 110–119.

6. Dol'nik V.R. Neposlushnoe ditya biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptic, zverej i detej – SPb.: Izd-vo Petroglif, Moskva: Izd-vo MCNMO, 2009. – 346 с.

7. Dyugi L. Konstitucionnoe pravo. Obschaya teoriya gosudarstva. – М.: Tipografiya t-va I.D. Sytina. 1908. – 1000 s.

8. Zaharova L.N. Sobstvennost' kak cennost' i cennost' sobstvennosti. Tyumen': Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 1999. – 135 s.

9. Kerimov D.A. Metodologiya prava: predmet, funkcii, problemy filosofii prava. – М.: izd-vo SGU, 2008. – 520 s.

10. Kistyakovskij B.A. Filosofiya i sociologiya prava / Sost., primech., ukaz. V.V. Sapova. – SPb.: RHGI, 1999. – 799 с.

11. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. – М.: Norma, 2007. – 799 с.

12. Mattei U., Suhanov E.A. Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti. – М.: YUrist", 1999. – 383 с.

13. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. – М.: YUrist", 2003. – 511 с.

14. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov. – М.: Izdatel'stvo NORMA, 2001. – 647 с.

15. Orekhov A.M., Skachko M.V. Filosofiya sobstvennosti kak predposylka propetologii // Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya. – 2015. – № 1. – С. 163–175.

16. Pajps R. Sobstvennost' i svoboda: Rasskaz o tom, kak iz veka v vek chastnaya sobstvennost' sposobstvovala vnedreniyu v obshchestvennyuyu zhizn' svobody i vlasti zakona / Per. s angl. Pipes Richard. Property and Freedom. New York: Alfred A. Knopf, 1999. – М.: Mosk. SHkola polit. issled., 2000. – 415 с.

17. Petrazhickij L.I. Vvedenie v izuchenie prava i nrvstvennosti. Osnovy ehmocional'noj psihologii. – SPb; 1907. S. VII.

18. Prokop'ev V.N. K voprosu o sushchnosti sobstvennosti // Pravo sobstvennosti v Rossii (Voprosy teorii i praktiki). Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. N.M. Korshunova, V.V. Markina, B.N. Alejnikova. – Penza, 2006. – С. 83–85.

19. Rubanik V.E. Sobstvennost' i pravo sobstvennosti: yuridicheskie, filosofskie, sociologicheskie, ehkonomicheskie podhody v ih istoricheskom razvitii. V 3 t. Tom 1. Otnosheniya sobstvennosti i ih otrazhenie v vostochnoslavjanskoj tradicii prava sobstvennosti. – М.: Izdatel'stvo «YUrlitinform», 2010. – 419 с.

20. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra / Soch.: v 2 t. T. 1. – М., Mysl', 1988. – 892 с.

21. Chernomorec A.E. Nekotorye teoreticheskie problemy prava sobstvennosti v svete Grazhdanskogo kodeksa RF // Gosudarstvo i pravo. – 1996. – № 1. – С. 96–99.

22. Chicherin B.N. Filosofiya prava // Izbrannye trudy. – SPb.: Nauka, 1998. – 370 с.

23. Property (Ed. By J. Pennock and J. Chapman). – New York, 1980. – 298 с.

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ (на примере Канады)

Автор прослеживает становление международной деятельности провинций Канады в контексте эволюции территориально-государственного устройства. Формирование основ канадской государственности осуществлялось в условиях серьезной борьбы центра и регионов по отдельным аспектам функционирования федеративных отношений, в том числе и в сфере международной деятельности провинций. Тенденции на централизацию полномочий проявлялись на первоначальном этапе становления канадской государственности. Специфической чертой международной деятельности провинций Канады на данном этапе являлась их ранняя активность в международном пространстве, выражавшаяся в наличии связей, прежде всего с метрополией, в условиях отсутствия надлежащей конституционной практики. Однако уже в начале XX века складывались предпосылки к постепенной децентрализации полномочий между центром и регионами, значительная роль в которой отводилась решениям высших судебных инстанций, что в конечном счете позволило канадским провинциям интенсивнее развивать свои международные контакты. Автор обобщает практический опыт, накопленный провинциями в данной сфере.

Ключевые слова: международная деятельность провинций Канады, субъекты федераций, федеративное государство, территориально-государственное устройство, субъекты международного права.

В условиях глобализации повышенная активность субъектов федеративных государств в международном сфере наблюдается во всех регионах земного шара, в том числе и в Северной Америке.

Особенностью североамериканских федераций с момента их возникновения является ранняя стадия активности будущих субъектов этих федераций в международной сфере. В связи с этим В.Е. Шилю указывает на то, что «уже с первых лет существования федерации некоторые канадские провинции самым непосредственным образом участвовали в контактах на международной арене. Это объяснялось прежде всего тем фактом, что Доминион Канада возник на основе объединения бывших колоний Великобритании, каждая из которых в большем или меньшем объеме поддерживала постоянные связи с метрополией, а также с некоторыми близлежащими штатами США» [17, с. 29].

К числу старейших, так называемых «классических», федераций мира относится и Канада. Практика формирования и реализация федеративных начал в этом государстве имеет давнюю историю, которая, безусловно, обладает специфическими чертами. Особенность развития федерализма в данной стране, как отмечает Е.С. Сафонова, заключается прежде всего в усилении центробежных тенденций в рамках федеративного государства, что оказывает заметное влияние на всю совокупность отношений центрального правительства и субъектов федерации [12, с. 3]. Наличие этой особенности, сформировавшейся в контексте исторического развития территориально-государственного устройства Канады и ее конституционно-правового регулирования, позволило выработать особые способы взаимодействия центра и провинций по различным отношениям, в том числе и по таким наиболее приоритетным направлениям канадского

федерализма, как вопрос об осуществлении международной деятельности провинциями. Все это, а также иные аспекты современного канадского федерализма представляют особый интерес для современных исследователей [6; 13].

Создание Канады как федеративного государства осуществлялось в менее напряженной обстановке, чем, к примеру, в США. Так, в соответствии с Актом о Британской Северной Америке 1867 г. (официальное название – Акт о Конституции 1867 г., а с 1982 г. – Конституционный акт 1867 г.), принятым парламентом Великобритании, было провозглашено создание Доминиона Канада на основе объединения в федеративный союз оставшихся после образования США колониальных владений Великобритании в Северной Америке.

На сегодняшний день канадская федерация представлена десятью провинциями: Альберта, Британская Колумбия, Квебек, Манитоба, Новая Шотландия, Ньюфаундленд и Лабрадор, Нью-Брансуик, Онтарио, Остров Принца Эдуарда, Саскачеван, а также тремя регионами, выделившимися из северо-западных территорий: Нунавут, Северо-Западные территории, Юкон, которые вошли в её состав в разное время.

На момент подписания Акта о Конституции 1867 г. в первоначальный состав канадской федерации вошли четыре провинции: Квебек (франкоязычный), Нью-Брансуик, Новая Шотландия, Онтарио. Через четыре года (1871 г.) Акт о Конституции не только послужил подтверждением избранной формы государственного устройства, но и провозгласил, что «парламент Канады может время от времени учреждать новые провинции на любых территориях, образующих в данное время часть Доминиона Канада, но не включенных в какую-либо его провинцию...» [5, с. 15]. Впоследствии на основании и в соответствии с этим актом было

санкционировано включение в состав доминиона других провинций: Манитобы (1870 г.), Британской Колумбии (1871 г.), Острова Принца Эдуарда (1873 г.), Ньюфаундленда (1949 г.). А в 1905 г. были образованы две новые провинции – Альберта и Саскачеван. Позже в состав также вошли три территории – Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут.

Важно отметить еще один из немаловажных элементов канадского федерализма, каким является активная деятельность провинциального уровня в парламенте Канады. Благодаря данному фактору формирование взаимоотношений и взаимодействия между центром и провинциями по вопросам, касающимся сферы международных отношений, проходило поэтапно, что в конечном счете привело к укреплению позиций провинций и относительному сужению компетенций центральных органов власти.

Канадские провинции не суверенны. Это выражается, в частности, в отсутствии у них права выхода (сецессии) из состава федерации. Они имеют собственные конституции, а также высшие органы государственной власти.

Из всех конституционно-правовых документов, действующих в Канаде, именно Конституционный Акт 1867 г. (далее – Акт 1867 г.) выступает одним из двух центральных юридических документов, определяющих полномочие федерального центра и провинций.

Первоначальный этап распределения полномочий между центром и провинцией характеризовался высокой степенью централизации. Полномочия федерального центра согласно принятому Акту о Британской Северной Америке, по мнению В.Е. Сафонова, были достаточно обширны. К нему были отнесены: валютное обращение, федеральные налоги, мореплавание, рыболовство, лесное хозяйство, общеэкономические вопросы, таможенное дело, назначение и увольнение провинциальных лейтенант-губернаторов, а также сфера уголовного законодательства, политическая полиция и каторжные тюрьмы. В случаях расхождения провинциального законодательства с конституцией центральная власть вправе была аннулировать законы провинции, также она принимала законы, которые не были отнесены к провинциальным полномочиям [13, с. 301]. В целом же канадская федерация проделала путь от фактической конфедерации (до 1867 г.), затем сильного федеративного центра и слабых региональных правительств к более рациональному распределению властных полномочий [11, с. 126].

Конституционное положение об осуществлении международной деятельности провинциями Канады в Акте 1867 г. так и не было регламентировано. При этом прямое указание на то, что сфера внешнеполитической деятельности являлась ис-

ключительной прерогативой федерального правительства, отсутствовало, однако эта деятельность фактически ею осуществлялась.

Вопрос о выполнении иностранных договорных обязательств разрешался в соответствии со ст. 132 [8, с. 542–543]. Согласно данной норме, канадский федеральный парламент и правительство наделялись необходимыми полномочиями для выполнения по отношению к иностранным государствам обязательств, вытекающих из договоров, заключенных между Британской империей и этими иностранными государствами. В иных случаях, когда центром заключалось международное соглашение, затрагивавшее сферы, относящиеся по конституции к компетенции провинций, за их надлежащее исполнение отвечало непосредственно провинциальное правительство.

После принятия Вестминстерского статута в 1926 г. доминионы в Британской империи получили политическую независимость. Достижение Канадой значительных успехов в политической сфере позволило провинциям в 1920–1930-е гг. XX века активизировать деятельность по налаживанию международных связей за границей, прежде всего в сфере торговли. Им удалось образовать собственные министерства внешней торговли и, минуя центр и независимо друг от друга, выйти на мировой рынок, где провинции стремились заключить торговые и финансовые соглашения с иностранными державами. Вслед за канадскими посольствами в ряде государств – Великобритании, Соединенных Штатах, Франции, Японии, Австралии, Ирландии, Индии – появились экономические агентства канадских провинций. Раньше других это сделали Онтарио и Квебек. Затем по размаху зарубежной активности с ними сравнялись Британская Колумбия и Альберта [13, с. 302].

Несмотря на получение Канадой политической независимости, продолжали осуществляться поправки законодательства. Значимым событием для канадской государственности явилось принятие в 1982 г. Конституционного Акта (далее – Акт 1982 г.).

Реформирование конституционного законодательства, результатом которого явилось наделение Канадского доминиона возможностью осуществлять самостоятельные действия, в том числе и в области внешних сношений, никаким образом не подтверждалось ни конституционной практикой федерации, ни Актом 1867 г. или поправками к нему. В результате исполнительные полномочия Канады в области международных отношений юридически не подкреплялись законодательной инициативой в данной сфере, так как круг вопросов, очерченных ст. 92 Акта, оставался де-факто исключительной сферой юрисдикции провинций [9, с. 88–89]. Такая правовая конституционная неопределенность создавала угрозу основам территориально-государ-

ственного устройства и его устойчивому развитию. Тем не менее необходимо отметить, что спецификой канадского федерализма явилась способность разрешать внутренние противоречия мирным путем (в качестве иного примера можно привести опыт южного соседа – Гражданская война в США 1861–1865), при этом значительное место и роль по урегулированию подобных конфликтов отводилось таким судебным органам, как Судебный комитет Тайного совета и Верховный суд Канады. Этим судебными учреждениям не раз доводилось разрешать спорные вопросы, касающиеся прежде всего разграничения конституционных полномочий между центром и провинциями. Особые решения по вопросам, связанным с осуществлением провинциями международной деятельности, были приняты ими в 1920–1930-х гг., которые привели не только к перераспределению внутренних конституционных полномочий между центром и провинцией, результаты которого упрочили позиции провинций, но и, что особенно важно, оказали влияние на деятельность федерального правительства во внешнеполитической деятельности.

Так, к примеру, решение Верховного суда Канады от 1925 г. по делу об обращении Оттавы в 1924 г. в данный суд за получением разъяснений по вопросам, касающимся обязательств страны, вытекающих из международных конвенций (в частности посвященных международному регулированию труда) было вынесено в пользу провинций. Согласно данному решению, в случае если отнесение конвенций к юрисдикции того или иного уровня власти вызывает сомнения, то «соответствующими законодательными властями являются провинции, а не парламент Канады» [17, с. 42]. Это решение суда явилось первым прецедентом, который хотя и косвенно, но ограничивал действия федерального правительства и одновременно повышал роль провинций при заключении страной международных договоров и соглашений [17, с. 42].

Принятие в указанный период решений на различных уровнях судебной власти, в том числе Судебным комитетом Тайного совета, позволяют сделать вывод о том, что никакие международные обязательства, взятые на себя федеральным правительством на международной арене, не могут выступать достаточным основанием для осуществления вторжения федеральных органов власти в дела провинциальных правительств или иным образом ограничивать их юрисдикции.

Тем не менее, несмотря на официальную конфронтацию центра и провинций, Федеральное правительство Канады по вопросам разграничения компетенций в области внешних сношений занимало и продолжает занимать твердую и бескомпромиссную позицию. Оно считает, что внешние сношения являются исключительной прерогативой центра, и предоставление права участия в них

провинций, включая Квебек, резервирует за собой. При этом канадское правительство неоднократно разрешало провинциям участвовать во внешних сношениях, если предмет обсуждения входил в компетенцию провинций. К примеру, в декабре 1962 г. все провинциальные министры труда были приглашены участвовать в 47-й сессии Международной организации труда, проходившей в Женеве в июне 1963 г. В работе сессии в составе канадской делегации участвовали представители Новой Шотландии, Ньюфаундленда и Квебека. В практике центрального правительства принято, что если вопрос, затрагиваемый в международном документе, по мнению министра юстиции, частично относится к сфере федеральной, а частично – к сфере провинциальной юрисдикции, то в соответствии с обычной процедурой министр просит государственного секретаря послать текст документа лейтенант-губернатору каждой провинции с просьбой рассмотреть документ в компетентном законодательном органе [7, с. 317]. Такой сформированный механизм позволяет и по сей день достигать компромисса и находить приемлемое решение по этому вопросу между центром и провинцией, не нарушая при этом конституционные полномочия провинциальных правительств.

Активизация международной деятельности канадских провинций приходится на послевоенный период. Начиная с 1960-х гг. деятельность канадских провинций на международной арене приобретает глобальный характер. Первоначально наиболее экономически развитые провинции, такие как Квебек и Онтарио, устремились в международное пространство, а позже к ним присоединились Британская Колумбия и Альберта. Развитие международных связей осуществлялось по различным направлениям – от заключения международных соглашений и проведения встреч делегаций до открытия представительств на территориях иностранных государств по всему миру.

Для реализации полномочий в данной сфере провинции учредили свои специализированные структуры, отвечающие за международные связи. В 1967 г. создается Министерство межправительственных дел Квебека, в 1968 г. – Министерство торговли и развития Онтарио, в 1971 г. – отдел по международным отношениям в Министерстве торговли Британской Колумбии, в 1973 г. – Министерство федеральных и межправительственных дел Альберта.

Важность контроля таких отношений понимали и в федеральном центре. Поэтому для координации подобной деятельности в 1967 г. в структуре Министерства межправительственных дел Канады был образован специальный федерально-провинциальный координационный отдел. Целями и задачами созданного федерального отдела является поддержание и оказание содействия

провинциям в вопросах развития международных и внешнеэкономических связей, которые в конечном счете соответствовали бы общим целям внешней политики Канады.

Особым успехом у провинций пользовалась такая форма международной деятельности, как открытие представительств за рубежом.

Представительства способствовали интенсификации международных связей в части торговли, поиску рынка сбыта продукции, привлечению как инвестиций, так и иностранной квалифицированной рабочей силы. Все это содействовало укреплению экономического и финансового потенциала провинций внутри самой федераций.

Размещение провинциальных представительств за рубежом осуществлялось главным образом в городах США и Западной Европы. Вместе с тем с конца 1960–1970-х гг. география размещения провинциальных представительств стала существенно расширяться, охватив Японию, страны Карибского бассейна, Африку, Ближний Восток, а также Латинскую Америку и Юго-Восточную Азию (учитывая и специальных представителей провинций в аппарате посольств Канады в этих государствах) [17, с. 68].

К числу основных задач и направлений деятельности провинциальных представительств Канады можно отнести: а) консультирование, защиту и продвижение ключевых интересов канадских провинций за рубежом по различным сферам (транспорт, сельское хозяйство, экономика, культура, энергетика, а также вопросы безопасности); б) участие в мониторинге и анализе законодательных актов, принятых на территории иностранных государств и касающихся или затрагивающих, как правило, интересы провинций Канады; в) подготовку необходимых отчетов, аналитических справок, статистических данных, информационных брошюр, а также обеспечение информационной доступности посредством использования различных интернет-ресурсов о деятельности представительств за рубежом; г) разработку и принятие стратегических программ, направленных на установление ключевых контактов с законодательными и исполнительными органами власти на территории пребывания представительства, в том числе с организациями и ассоциациями; д) организацию и прием официальных и неофициальных делегаций в месте пребывания представительств.

По состоянию на 2018 г. провинциями открыто следующее количество провинциальных представительств: Квебек – 27 [14], Онтарио – 20 [15], Альберта – 12 [10], Британская Колумбия – 16 [16].

Передовой провинцией, а именно «локомотивом» в данной сфере, выступал и продолжает выступать Квебек. Обладая собственным провинциальным органом, Министерством международных отношений, ей удалось добиться значительных

успехов. Так, к 2018 г. открыто 27 зарубежных представительств на пяти континентах [14]. В настоящее время действует около 300 договоров и соглашений, заключенных Квебеком с зарубежными государствами и негосударственными территориальными акторами (в том числе российско-квебекское соглашение и Протокол о намерениях по сотрудничеству между Квебеком и Республикой Татарстан), а всего за последние 40 лет их было подписано более 550 [2, с. 127]. Квебек также является участником постоянной делегации Канады при ЮНЕСКО [14].

Необходимо отметить, что международная деятельность провинций осуществляется как непосредственно в рамках своих провинциальных полномочий, так и опосредованно через соответствующие федеральные органы, как правило отвечающие за внешнеполитическую функцию государства (МИД Канады). Последнее, выступая в качестве законного представителя на международной арене, периодически предлагало своим провинциям участвовать в работе международных организаций и конференций. Так, в подготовительном совещании к Стокгольмской конференции по вопросам охраны окружающей среды 1971 г. в составе канадской делегации было 18 представителей провинций [13, с. 315].

Важным направлением развития в 1980-е годы XX века для отдельных канадских провинций стало установление официальных контактов с советскими республиками. Такое положение дел, по мнению В.Е. Шило, определялось общностью формы государственного устройства (федерация) между Канадой и СССР (несмотря на коренные различия их социально-экономических систем) и известной самостоятельностью провинций на международной арене, что открывало дополнительные возможности для развития отношений между двумя странами [17]. К примеру, в последние годы СССР неоднократно посещали правительственные делегации провинций – Альберты, Квебека, Саскачевана, Манитобы, а также Северо-Западных территорий. В мае – июне 1985 г. советские делегации посетили провинции Альберта и Квебек, в ходе встречи обсуждались возможности развития сотрудничества в широком круге отраслей [4, с. 4].

Таким образом, исследуемая нами практика международной деятельности субъектов Канады позволяет говорить о следующих особенностях, которые продиктованы прежде всего спецификой эволюции самого канадского федерализма:

1. Практика осуществления канадскими провинциями международной деятельности имеет давнюю историю.

2. Международная деятельность провинций характеризуется особыми сложившимися отношениями и связями со штатами, прямыми контактами провинций с метрополией на ранних стадиях формирования основ канадской государственности.

3. Механизм осуществления такой деятельности провинциями на протяжении всей канадской истории никаким образом не подкреплялся конституционной практикой, что при определенных обстоятельствах создавало угрозу целостности самой федерации.

4. На сегодняшний день существующие механизмы в Канаде (к примеру, созданный на уровне специального федерально-провинциального координационного отдела при главном внешнеполитическом органе Канады), позволяет центру и провинциям разрешать проблемы в данной сфере.

5. Особая роль в стабилизации федерального законодательства по вопросам распределения полномочий между центром и провинцией принадлежит Судебному комитету Тайного совета Великобритании и Верховному суду Канады.

Библиографический список

1. *Акимов Ю.Г.* Внешнеполитическая деятельность субъектов федерации // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2014. – № 12. – С. 97–107.

2. *Акимов Ю.Г.* Канадские провинции на международной арене в конце XX – начале XXI в. (новые направления и тенденции) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – № 2. – С. 125–136.

3. *Акимов Ю.Г.* Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 4. – С. 48–56.

4. *Данилов С.Ю., Черкасов А.И.* Двенадцать лиц Канады. – М.: Мысль, 1987. – 302 с.

5. *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Политико-государственный механизм современной Канады: Сравнительно-историческое исследование. – М.: Наука, 1991. – 136 с.

6. *Ерёмина М.А.* Конституционно-правовые основы внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации и провинций Канады: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 228 с.

7. *Качанов К.А.* Участие канадских провинций в международных соглашениях и организациях // Советский ежегодник международного права, 1969. – М.: Наука, 1970. – С. 315–320.

8. *Маклаков В.В.* Конституции зарубежных государств. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 584 с.

9. *Надирадзе Н.А.* Федеративное устройство государств: международная правосубъектность субъектов Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 176 с.

10. Международные офисы провинции Альберта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economic.alberta.ca/933.asp> (дата обращения: 14.01.2018).

11. *Миронюк М.Г.* Современный федерализм: Сравнительный анализ. – М.: МГИМО (Универси-

тет) МИД России: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 279 с.

12. *Сафонова Е.С.* Внешнеполитическая деятельность канадских провинций в конце двадцатого века: 1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2005. – 194 с.

13. *Сафонов В.Е.* Государственное единство и территориальная целостность в судебных решениях: международные и конституционно-правовые аспекты. – М.: Российская академия правосудия, 2008. – 400 с.

14. Представительства провинции Квебек за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.international.gouv.qc.ca/fr/accueil#representations-qc> (дата обращения: 14.01.2018).

15. Торговые представительства Онтарио за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ontario.ca/page/grow-your-business-through-exporting> (дата обращения: 14.01.2018).

16. Торговое и инвестиционное представительство провинции Британской Колумбии за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britishcolumbia.ca/global/trade-and-investment-representatives/> (дата обращения: 14.01.2018).

17. *Шило В.Е.* Канадский федерализм и международные отношения. – М.: Наука, 1985. – 192 с.

References

1. Akimov YU.G. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' sub"ektov federacii // Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni. – 2014. – № 12. – S. 97–107.

2. Akimov YU.G. Kanadskie provincii na mezhdunarodnoj arene v konce HKH – nachale XXI v. (novye napravleniya i tendencii) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2006. – № 2. – S. 125–136.

3. Akimov YU.G. Kvebekskaya paradiplomatiya i poziciya federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2011. – № 4. – S. 48–56.

4. Danilov S.YU., Cherkasov A.I. Dvenadcat' lic Kanady. – M.: Mysl', 1987. – 302 s.

5. Danilov S.YU., Shilo V.E. Politiko-gosudarstvennyj mekhanizm sovremennoj Kanady: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1991. – 136 s.

6. Eryomina M.A. Konstitucionno-pravovye osnovy vneshneekonomicheskikh svyazey sub"ektov Rossijskoj Federacii i provincij Kanady: dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2010. – 228 s.

7. Kachanov K.A. Uchastie kanadskih provincij v mezhdunarodnyh soglasheniyah i organizacijah // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1969. – M.: Nauka, 1970. – S. 315–320.

8. Maklakov V.V. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv. – M.: Izd-vo BEK, 1997. – 584 s.

9. Nadiradze N.A. Federativnoe ustrojstvo gosudarstv: mezhdunarodnaya pravosub"ektnost' sub"ektov Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2000. – 176 c.

10. Mezhdunarodnye ofisy provincii Al'berta [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://economic.alberta.ca/933.asp> (data obrashcheniya: 14.01.2018).

11. Mironyuk M.G. Sovremennyj federalizm: Sravnitel'nyj analiz. – M.: MGIMO (Universitet) MID Rossii: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2008. – 279 s.

12. Safonova E.S. Vneshnepoliticheskaya deyatelnost' kanadskih provincij v konce dvadcatogo veka: 1990-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk. – SPb., 2005. – 194 s.

13. Safonov V.E. Gosudarstvennoe edinstvo i territorial'naya celostnost' v sudebnyh resheniyah: mezhdunarodnye i konstitucionno-pravovye aspekty. –

M.: Rossijskaya akademiya pravosudiya, 2008. – 400 c.

14. Predstavitel'stva provincii Kvebek za rubezhom [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.international.gouv.qc.ca/fr/accueil#representations-qc> (data obrashcheniya: 14.01.2018).

15. Torgovye predstavitel'stva Ontario za rubezhom [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.ontario.ca/page/grow-your-business-through-exporting> (data obrashcheniya: 14.01.2018).

16. Torgovoe i investicionnoe predstavitel'stvo provincii Britanskoj Kolumbii za rubezhom [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.britishcolumbia.ca/global/trade-and-investment-representatives/> (data obrashcheniya: 14.01.2018).

17. SHilo V.E. Kanadskij federalizm i mezhdunarodnye otnosheniya. – M.: Nauka, 1985. – 192 s.

Загидулин Равиль Абдулахатович

кандидат юридических наук, доцент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
zaqinew@mail.ru**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В работе проведен анализ организации образовательного процесса в России. Исследовано правовое положение субъектов образовательного процесса и их функций в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. По мнению автора, существующее доминирование административных структур, система «наукометрии» не способствуют повышению качества образования. Основная компетенция профессорско-преподавательского состава – высокий уровень знаний и педагогический профессионализм, в соответствии с которыми и должен оцениваться их труд. Руководство, управление, контроль и оценку их деятельности, обучение и научное руководство должны оценивать заведующие кафедрами и факультетами, а не вузовские «контролирующие» структуры. Основная функция вуза – создание условий для эффективной деятельности кафедр и преподавателей.

На основе анализа выявленных проблем разработаны рекомендации по структурированию компетенций субъектов системы образования. Необходимо радикально изменить существующую систему доминирования административных структур вузов, подчинив их деятельность созданию условий обеспечения эффективного труда профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: образовательный процесс, министерство образования и науки, образовательные учреждения, преподаватели, качество образования.

Изменение основ конституционного строя Российской Федерации обусловило закономерность тождественного реформирования всей системы образования, в том числе и образовательных учреждений. В новом правовом пространстве, в условиях формирования новых политических, экономических и социальных отношений требовалось комплексное изменение правового положения всех субъектов правоотношений: вузов, профессорско-преподавательского состава и студентов, структуры органов руководства и управления, порядка управления и контроля, образовательных стандартов, учебных планов и рабочих программ.

Базис любых изменений в правовом государстве должен строиться на научной основе, с учетом свободной воли всех субъектов данных правоотношений, финансовых и экономических возможностей, с предварительным регулированием новых общественных отношений нормативными правовыми актами.

Анализ эффективности действующей системы руководства и управления образованием, организации учебной и научной работы в вузах, установления нагрузки преподавателей, системы учета и отчетов о её выполнении, требований образовательных стандартов, порядок определения качества знаний студентов и многие другие аспекты образовательного процесса приводят к неутешительным выводам.

Опросы преподавателей вузов позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на значительное увеличение нагрузки, внедрение «наукометрии», многочисленной отчетности, дополнительных бюрократических процедур, качество обучения, уровень знаний студентов, посещаемость занятий снизились. Необходимо признать: несмотря на всю публицистичность, статья профессора В. Афа-

насьевой «Пять причин, по которым не следует становиться профессором» [2], констатирует объективные тенденции, сложившиеся в образовании.

Любая цель достигается посредством решения конкретных задач, которые, в свою очередь, требуют определения исполнителей и наделения их определенными функциями. Если для руководителей вузов основной целью является сохранение вуза, а не качество образования – они решают соответствующие задачи. Процессы обучения, научная работа, социальные вопросы будут вынесены за скобки решаемых в первую очередь задач.

На правовой основе проанализируем и определим, какие «новации» не позволяют российским вузам выйти на минимально необходимый и достаточный уровень подготовки специалистов высшей квалификации?

1. *Государственные образовательные стандарты.* Много лет профессорско-преподавательский состав вузов затрачивает силы и средства, время на деятельность по приведению учебных, рабочих и индивидуальных планов в соответствие с непрерывно изменяемыми стандартами. Эта работа отнимает сотни человеко-часов, требует значительных затрат бумаги, других материальных и моральных сил и средств. И эта деятельность должна осуществляться в условиях отсутствия финансирования и материального обеспечения? Простое изменение наименования ведомства, вуза обуславливает необходимость перепечатывания сотен документов!

Необходимо разработать окончательный вариант стандарта (ФГОС), не переводя вузы с ГОСТА на ФГОС-3, ФГОС-3+, ФГОС 3++, чтобы затем перейти на ФГОС-4... Эта «стандартная деятельность» осуществляется до сих пор, хотя для направления «юриспруденция» не разработан даже стандарт 3++. При этом само содержание программы принципи-

ально не изменяется, а в нее вносятся лишь второстепенные новации, «компетенции», реально не изменяющие процесса и содержания обучения.

Невозможно оценить весь урон, нанесенный образованию отвлечением преподавателей на деятельность по переработке формальных бумаг – учебных планов, рабочих учебных программ, учебно-методических комплексов, ФОСов (ФОС – фонд оценочных средств) и множества других документов. В реальности для преподавателей и студентов необходимы лишь рабочие программы дисциплин и перечень вопросов, которые должны знать обучаемые [1, с. 6–9, 6].

И если время на такую работу могут изыскать преподаватели, читающие курсы стабильных дисциплин (физика, математика и т.д.), то преподаватели, ведущие занятия по направлению «юриспруденция», его не имеют. Лавинообразное перманентное изменение законодательства требует значительных затрат времени на их изучение, внесение изменений в планы занятий, для того, чтобы не изучать нормы права, потерявшие актуальность.

2. *Отчеты профессорско-преподавательского состава.* Чтобы «отчитаться» в установленные сроки и полном объеме преподаватели вынуждены тратить время не на повышение уровня своих знаний и компетенций, подготовку к занятиям, а на предоставление формальных «бухгалтерских отчетов». От этого зависит выполнение «эффективного контракта», т.е. величина оплаты труда преподавателей, поэтому для них эта деятельность становится главной. Учитывая огромное многообразие имеющихся форм и видов обучения, преподавателям в пору нанимать бухгалтеров, которые будут вести учет их деятельности.

Необходимо восстановить идеологию высшего образования, в соответствии с которой оценка деятельности преподавателей была функцией научного и педагогического руководителя – заведующего кафедрой. Именно он, а не вузовский чиновник, знает и может реально оценить уровень знаний и качество проведения занятий педагогом. Функция вуза должна состоять в проверке реальности отчетов кафедр и институтов, а не каждого преподавателя.

3. *Особенности подготовки бакалавров и магистров.* Цели подготовки этих специалистов различны. Первые – это будущие руководители среднего звена руководства, вторые – высшего. Исходя из различных целей, необходимо с первого курса проводить обучение по различным учебным программам.

Бакалавров нужно обучать по более «прикладной» программе, сократив количество часов обучения по истории, философии, социологии, политологии и другим общенаучным и теоретическим дисциплинам, увеличив количество часов на профессиональную подготовку.

Обучение магистров с первого курса должно быть ориентировано на подготовку кадров для руководства и управления делами государства, судебную, образовательную и научную деятельность. В её основу должно быть заложено получение глубоких знаний по философии, истории, теории государства и права, политических и религиозных учений, политологии, социологии, конституционного и международного права [4; 7].

4. *Обучение по индивидуальным программам.* Количество сфер правового регулирования общественных отношений настолько увеличились и дифференцировались, что подготовка квалифицированных юристов возможна только по индивидуальной программе.

Даже по одному международно-правовому профилю целесообразно готовить специалистов дифференцированно, в зависимости от избранных сфер деятельности. Это обуславливает закономерность наделяния вузов более широкими правами для утверждения учебных планов по различным профилям обучения. Но на практике скорректировать учебный план невозможно, так как ФГОС и программа для всех профилей направления унифицированы, и приоритет отдан уголовному и гражданскому праву.

Необходимо перейти к подготовке узкопрофильных специалистов, знающих все о чем-то и что-то обо всем. Действующая система юридического образования построена по принципу подготовки специалистов, имеющих поверхностные знания по всем отраслям права.

5. *Деятельность филиалов вузов.* Одной из важнейших задач, которую необходимо решить Министерству образования науки Российской Федерации является упразднение многочисленных филиалов центральных вузов в регионах, которых имеются стационарные вузы [7]. Порочная практика деятельности филиалов обуславливает два процесса, разрушительных для образования.

Во-первых, вузы и филиалы вынуждены удерживать студента-договорника любой ценой, так как вместе со студентом будет утрачен и его взнос в бюджет вуза. Это приводит к значительному снижению требований к уровню подготовки обучаемых.

Во-вторых, преподаватели, особенно имеющие ученые звания и степени, начинают «работать» в двух и более вузах, в которых к ним предъявляются пониженные требования. Зачастую они читают курсы по различным отраслям права и, следовательно, не могут сохранять высокий уровень квалификации в условиях быстро изменяющегося законодательства, формально относятся к образовательной, научной и воспитательной работе.

В такой ситуации целесообразно:

– упразднить филиалы вузов в городах, где имеются региональные вузы;

– максимально ограничить возможность перехода студента, имеющего значительное число задолженностей, в другие вузы, упростить процедуру отчисления студентов, не посещающих занятия, не освоивших необходимый объем учебной программы;

– ограничить право работы профессорско-преподавательского состава более чем в двух вузах, а при проверке научного потенциала кафедр вузов число кандидатов и докторов наук учитывать только по месту основной работы.

6. *Курсовые и научные работы.* Учитывая стремление государства значительно повысить объем и уровень научной деятельности вузов, целесообразно отказаться от включения в учебные планы выполнения курсовых работ, заменив их необходимостью выполнения одной научной работы (научного исследования) в семестр по учебной дисциплине, избранной самим обучаемым. Это позволит значительно повысить уровень НИРС (научно-исследовательской работы студентов) и детерминировать преподавателей к постоянному повышению уровня своих знаний. Обучаемые должны быть наделены правом самостоятельного выбора темы и научного руководителя исследований, исходя из перспектив своей дальнейшей деятельности и профессионализма преподавателя [1; 8].

7. *Лицензирование и сертификация вузов.* Созданная многоуровневая система лицензирования, сертификации, проверки вузов превысила все разумные пределы. Проверки осуществляют Минобрнауки, общественные некоммерческие (Союз юристов России) и коммерческие организации. Это не только заставляет вузы тратить многие миллионы рублей из своих ограниченных бюджетов на оплату «деятельности» этих структур, но и затрачивать массу времени на подготовку и проведение проверок.

Особый вопрос возникает по поводу проверки системы менеджмента качества (СМК) вузов непонятной коммерческой организацией, зарегистрированной за рубежом. Сотрудники вузов уверены, что СМК – это узаконенная, но совершенно бесполезная процедура, предназначенная для обогащения определенных должностных лиц. Но руководство вузов вынуждено соглашаться на такую «помощь», так как в противном случае у вузов могут возникнуть проблемы при лицензировании и сертификации.

Целесообразно прекратить все излишествовавшие проверки, предусмотрев проведение одной комплексной проверки для сертификации и лицензирования. При этом федеральное министерство должно лицензировать федеральные вузы, а региональное – региональные. А в случае необходимости федеральное министерство может проверить деятельность регионального министерства.

8. *Публикационная деятельность.* Установление обязанности преподавателей публиковать

статьи в журналах ВАК, РИНЦ и особенно в Scopus и Web of Sciens вызывает многочисленные вопросы. Предложения о возможности публикации любой научной статьи в соответствующих журналах за соответствующую (высокую) плату размещены на множестве сайтов. Представляется, что такое требование установлено для получения прибыли учредителями журналов, которые одновременно наделены административно-властными полномочиями по установлению таких требований.

Любой ученый заинтересован в опубликовании результатов своей научной деятельности, своих исследований и научных трудов. Поэтому основным способом опубликования должно стать их размещение в соответствующем электронном журнале – наиболее доступном, демократичном способе информирования широкого круга специалистов в этой сфере науки. Одновременно это позволит значительно ограничить возможность плагиата – присвоения результатов чужих исследований. Проблема рецензирования здесь должна решаться по единым правилам, разработанным Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России в интересах этого сообщества.

8. *Контроль качества обучения.* Задачу осуществления контроля над качеством обучения, научной деятельности пытаются решить путем создания многочисленных административных структур учета, контроля и надзора.

Для оправдания своей необходимости эти иерархические бюрократические структуры создают геометрически прогрессирующую систему требований, отчетов, донесений, докладов. Необходимо восстановить принципу руководства и управления, при котором все эти функции исполняли заведующие кафедрами. Они осуществляли реальное планирование, контроль и надзор за учебным процессом, научной и иными видами деятельности. Учитывая количество юридических вузов и филиалов, действующих в одном городе, заведующие кафедрами любым способом пытаются удержать любого педагога, особенно имеющего ученую степень. Такое положение сводит к минимуму трудовую дисциплину, а, следовательно, и качество преподавания.

Подбор заведующих кафедрой – основная задача руководителя вуза. Именно заведующие знают и могут реально оценить уровень подготовки преподавателей, качество публикаций, отношение к проведению занятий, научной и воспитательной работы. Но установленные для кафедр требования в рамках «наукометрии» не оставляют руководителям времени на обучение преподавателей, организацию научной работы, изучение и объективное рецензирование учебно-методических и научных работ.

В погоне за выполнением «плана по науке» контроль над качеством и научностью публикаций утрачен практически полностью. Установление множества требований о необходимости подтверж-

дать наличие публикаций, представлять ксерокопии и другие подтверждающие документы не решают задачи повышения научности публикаций. Эта функция должна быть и правом, и обязанностью руководителя кафедры. В случае подлога, предоставления фиктивной отчетности он может привлекаться к юридической ответственности. Большинство «счетов-учетных отделов» вузов необходимо сократить, объединив их в один отдел планирования и организации учебно-научной работы.

Единая цель – повышение качества образования – определяет задачи, которые должны решать определенные субъекты, наделенные соответствующими функциями. Основными субъектами образовательного процесса являются:

– Министерство образования и науки РФ, осуществляющее руководство и управление, установление численности вузов, определение общих принципов и программ обучения. Главной целью Минобрнауки России должно стать решение задач по формированию эффективной системы образовательных учреждений и их достойное финансирование, а не деятельность по осуществлению контроля и надзора, лицензированию и сертификации вузов. Формирование эффективной, доступной, способной высокопрофессионально осуществлять образовательные функции, необходимой и достаточной системы образовательных учреждений государства – основная сфера деятельности министерства.

– Высшие учебные заведения, осуществляющие организацию, планирование и обеспечение учебного процесса. Основной функцией руководства вузов должна стать деятельность по всестороннему обеспечению деятельности кафедр и преподавателей.

– Кафедры, профессорско-преподавательский состав, непосредственно осуществляющие организацию и проведение воспитательной, учебной и научной деятельности. Основными функциями являются: повышение качества и уровня своей подготовки, организация и осуществление учебного процесса и научной деятельности, подготовка и издание научных, методических и учебных трудов, проведение воспитательной работы.

Необходимо изменить подход к функциям структур вузов: не кафедра, основной субъект образовательного процесса, должна исполнять бесчисленные требования множества вспомогательных структур, от отделов науки до библиотек, а наоборот: все отделы должны обеспечивать научное и методическое сопровождение деятельности кафедр. Кафедра должна представлять один комплексный отчет по окончании учебного года и не более, а основным «контролером» должен стать заведующий кафедрой, который и несет ответственность за достоверность представленных данных.

Преподаватель не должен согласовывать с библиотекой учебный план, исходя из наличия учеб-

ных пособий. Сам вопрос об обеспеченности литературой необходимо исключить из числа требований к вузам. Еще ни один студент не жаловался на то, что он не может освоить программу из-за отсутствия литературы. Интернет, ЭБС (Электронные библиотечные системы) полностью обеспечивают потребности студентов. Нет необходимости согласовывать учебный план с множеством структур, которые сами должны обеспечивать учебный процесс по требованию (заявкам) преподавателя.

Только вывод преподавателя на высокий социальный уровень, предоставление академических свобод, доверие позволят решить задачу повышения качества образования. Одновременно необходимо максимально повысить уровень требований профессиональной пригодности и трудовой дисциплины преподавателей.

Библиографический список

1. *Арутюнян М.П.* Наука в системе университета: традиции и современность. Проблемы высшего образования. Материалы международной научно-методической конференции. Хабаровск, 16–18 марта 2011 г. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011. – С. 6–9.

2. *Афанасьева В.* Пять причин, по которым не следует становиться профессором [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/blogs/3174> (дата обращения 17.04.2017).

3. *Гамалей А.А.* Система функций права: проблемы познания науки // Образование и право. – 2016. – №12. – С. 51–58.

4. Количество вузов в России сократится на 40 процентов – умный народ в России не нужен? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://migrants.ucoz.ru/news> (дата обращения: 20.10.2016).

5. *Загидулин Р.А.* Проблемы высшего образования: сборник научных трудов. – Хабаровск: Тихоок. гос. ун-т, 2006. – С. 170–173.

6. *Загидулин Р.А.* Проблемы выполнения письменных работ, как формы контроля знаний обучаемых. Алгоритм совершенствования программ и методики обучения в период глобализации. Научное обеспечение технического и социального развития Дальневосточного региона: сб. науч. ст. к 55-летию Тихоокеан. гос. ун-та. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – С. 411–414.

7. *Иванов Д.А., Митрофанов К.Г., Соколова О.В.* Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий. Учебно-методическое пособие. – М.: АПК и ПРО, 2003. – 98 с.

References

1. Arutyunyan M.P. Nauka v sisteme universiteta: tradicii i sovremennost'. Problemy vysshego obrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Habarovsk, 16–18 marta 2011 g. – Habarovsk. Izd-vo TOGU, 2011. – S. 6–9.

2. Afanas'eva V. Pyat' prichin, po kotorym ne sleduet stanovit'sya professorom [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.vzsar.ru/blogs/3174> (data obrashcheniya 17.04.2017).

3. Gamalej A.A. Sistema funkcij prava: problemy poznaniya nauki // *Obrazovanie i pravo*. – 2016. – №12. – S. 51–58.

4. Kolichestvo vuzov v Rossii sokratit'sya na 40 procentov – umnyj narod v Rossii ne nuzhen? [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://migrants.ucoz.ru/news> (data obrashcheniya: 20.10.2016).

5. Zagidulin R.A. Problemy vysshego obrazovaniya: sbornik nauchnyh trudov. – Habarovsk:

Tihook. gos. un-t, 2006. – С.170–173.

6. Zagidulin R.A. Problemy vypolneniya pis'mennyh rabot, kak formy kontrolya znaniy obuchaemyh. Algoritm sovershenstvovaniya programm i metodiki obucheniya v period globalizacii. Nauchnoe obespechenie tekhnicheskogo i social'nogo razvitiya Dal'nevostochnogo regiona: sb. nauch. st. k 55-letiyu Tihookean. gos. un-ta. – Habarovsk: Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2014. – S. 411–414.

7. Ivanov D.A., Mitrofanov K.G., Sokolova O.V. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii. Problemy, ponyatiya, instrumentarij. Uchebno-metodicheskoe posobie. – M.: APK i PRO, 2003. – 98 s.

**МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Статья посвящена исследованию института малозначительности в российском уголовном праве. Затронутая проблема особенно актуальна в настоящее время, что обусловлено тем, что институт малозначительности недостаточно изучен как в теоретико-научном, так и в практическом плане. Реализация института малозначительности является весьма затруднительной, поскольку конкретные правила, критерии их применения не только не получили законодательного закрепления, но и чётко не сформулированы даже наукой уголовного права. Целью исследования является изучение института малозначительности в динамике, выявление теоретических проблем определения содержания малозначительности и проблем её реализации в практической деятельности, а также решение вопроса о необходимости существования института малозначительности в российском уголовном праве.

Ключевые слова: малозначительность, малозначительное деяние, преступление, институт уголовного права, проблемы общей части уголовного права, практика применения норм о малозначительности.

Вопрос о сущности малозначительности деяния возник в науке уголовного права достаточно давно и остаётся дискуссионным по настоящее время.

Малозначительность как институт уголовного права имеет свою историю развития. В то же время её изучение позволяет отметить, что по мере появления новых источников права содержание норм о малозначительном деянии оставалось практически неизменным. Законодательная формулировка от появления норм о малозначительности и до сегодняшней редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [7] практически не изменилась, не говоря уже о коренных изменениях понятия, сущности и значения малозначительности.

В ч. 2 ст. 14 УК РФ закреплено, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Из данной нормы следует: деяние формально (внешне и несущественно) является преступным; отсутствует общественная опасность деяния, необходимая для признания его преступным; наличие умышленного деяния, совершённого с прямым конкретизированным умыслом, что позволяет говорить о существовании желания причинить именно незначительный вред.

Указанные условия позволяют сделать вывод о том, что малозначительность содержит объективную и субъективную стороны. Объективная сторона выражается в причинении именно мелкого вреда; субъективная – в желании лица (умысле) на причинение именно мелкого вреда.

Формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ является достаточно противоречивой: деяние, с одной стороны, содержит признаки состава преступления, однако, с другой стороны, преступлением деяние не признаётся. При этом уголовный закон содержит ремарку – «деяние, формально содержащее признаки состава преступления». Конструкция весьма запутанная. Малозначительность – это отсутствие

в деянии такого свойства преступления, как общественная опасность, необходимая для признания деяния преступным. Если отсутствует один из основных признаков любого из четырёх элементов состава преступления, то нет и самого состава преступления, то есть деяние не является преступным, и основание для привлечения лица к уголовной ответственности отсутствует.

Малозначительность как правовое явление представляет определённый интерес, обусловленный тем, что правовая природа данного явления остаётся малоизученной.

Представляется интересным обратиться к анализу законодательного регулирования малозначительности и разъяснений судебной практики Верховным судом Российской Федерации (далее – Верховный суд РФ).

Уголовный кодекс России, как было отмечено, закрепляет термин «малозначительность» в ч. 2 ст. 14. Однако законодатель ни в данной норме, ни в иных нормативных правовых актах не даёт точного определения данного понятия, что имело бы крайне важное значение для правоприменителей. В то же время разъяснение исследуемого термина всё же можно найти в судебных актах.

Примером является Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ст. 253, 256 УК РФ)» (далее – Постановление о рыболовстве) [5]. Согласно п. 12 Постановления о рыболовстве, основаниями для признания действий подсудимого малозначительными могут служить, например, незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных, ресурсов.

Таким образом, Постановление о рыболовстве содержит некоторые разъяснения по поводу того,

что следует понимать под малозначительностью, её последствиями применительно к данным составам преступлений, предусмотренных ст. 253, 256 УК РФ.

Категория малозначительности содержится и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [6] (далее – Постановление о необходимой обороне). В п. 5 Постановления о необходимой обороне определено: «...не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, причинившее вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но заведомо для лица, причинившего вред, в силу малозначительности не представлявших общественной опасности».

Малозначительность деяния в этом случае связывается также с отсутствием общественной опасности. Однако, исходя из формулировки, отсутствие общественной опасности и малозначительность не есть тождественные понятия. К тому же положение п. 5 Постановления о необходимой обороне имеет большее значение не для принятия решения о признании или непризнании деяния малозначительным, а для определения того, соблюдены ли условия правомерности необходимой обороны или нет. Но тогда естественным продолжением является постановка вопроса о том, а как же лицо, непосредственно находящееся в состоянии необходимой обороны, сможет определить, является ли деяние малозначительным или нет? Однако Постановление о необходимой обороне не даёт ответа на этот вопрос.

Проведенный анализ позволяет отметить, что круг правовых актов, разъясняющих и уточняющих сущность малозначительности, ограничен. Нет соответствующих разъяснений относительно термина «малозначительность» и в иных нормативных правовых актах. К сожалению, отсутствует единое толкование малозначительности как института уголовного права. Возможно, формулирование общих положений о малозначительности применительно ко всем составам преступлений является весьма проблематичным. Это обусловлено, в частности, спецификой некоторых составов.

Проблема малозначительности нашла отражение в ряде научных работ современных учёных. Так, проблемой малозначительности занимались многие учёные-правоведы, а именно: С. Базарова [1, с. 53–57], В.Н. Винокуров [2, с. 74–83], В.В. Мальцев [3, с. 17–21], Н.Э. Мартыненко, В.Ф. Цепелев [12, с. 53–57] и другие авторы.

Представляет интерес обращение к позициям ученых.

Так, С. Базарова в статье «Малозначительность деяния» отмечает, что «исследование института малозначительности в уголовном праве не просто актуально, но и насущно необходимо». Автор также считает, что отсутствие законодательного толкования понятия малозначительности и критериев, правил её применения «даёт свободу усмотрения правоприменителю». С. Базарова полагает, что необходимы изменения, касающиеся критериев и правил оценки малозначительности, которые должны быть выведены посредством учёта правоприменительной и судебной практики. С этим нельзя не согласиться, так как что хорошо для теории, не всегда хорошо для практики.

Другие авторы, В.Ф. Цепелев и Н.Э. Мартыненко, в статье «Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего» в качестве насущной проблемы указывают на разное понимание, «разное видение признаков малозначительности».

Первоисточником данной проблемы снова выделяется отсутствие легального определения термина «малозначительность», а её критерии «носят сугубо оценочный характер». Итогом исследования выступает мнение о необходимости «формализовать в Уголовном кодексе РФ понятие малозначительности».

Интересен также подход к определению сущности и значения понятия малозначительности в зарубежных странах, в частности в Казахстане, Белоруссии и Узбекистане.

Так, Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V [9] (далее – УК Казахстана) в ст. 10 содержит понятие малозначительности. В соответствии с ч. 4 ст. 10 «не является уголовным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Данное положение очень схоже с положением ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако, исходя из анализа данных положений, можно сделать вывод, что подходы к определению понятия малозначительности в уголовных кодексах Казахстана и Российской Федерации в принципе идентичны.

Основным источником уголовного права Белоруссии является Уголовный кодекс Республики Беларусь [8] (далее – УК Белоруссии). В соответствии с ч. 4 ст. 11 УК Белоруссии «не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое дея-

ние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

С точки зрения построения самой дефиниции, такая формулировка является наиболее правильной и обоснованной. В качестве достоинств нормативного закрепления исследуемого термина видится то, что данная норма содержит: определение понятия малозначительности; указание на отсутствие необходимого свойства преступления – общественную опасность; положение, указывающее на возможность действия норм иных отраслей права в отношении совершённого малозначительного правонарушения; указание на меры других видов юридической ответственности.

Несколько иной подход к малозначительному деянию находит отражение в уголовном законе Узбекистана.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан [10] (далее – УК Узбекистана) относит малозначительность деяния к обстоятельствам, исключающим преступность деяния (ст. 35 УК Узбекистана).

Более конкретно малозначительность как правовое явление раскрывается в ст. 36 УК Узбекистана: «не является преступлением действие или бездействие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом в качестве преступления, но не обладающее общественной опасностью в силу малозначительности».

Формулировка данной статьи имеет сходство с положением ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако природа правового явления малозначительности различна. Уголовный закон Республики Узбекистан рассматривает малозначительность как часть института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Причисление малозначительности к данной категории весьма интересно. Данный факт, вероятнее всего, обусловлен особенностями уголовно-правовой системы Республики Узбекистан, которая именно так определяет сущность малозначительности.

Несмотря на столь разные подходы к определению понятия и значения малозначительности как правового явления, все они имеют собственное обоснование. Каждое государство идёт по своему пути правового развития, который обусловлен историческим формированием государственной и правовой системы. Выявление отличий в правовом регулировании национальных правовых систем позволяет найти «рациональное зерно» в подходах к нормативному закреплению того или иного правового явления, а в определенных случаях использовать положительный опыт на основе анализа преимуществ и недостатков.

Как известно, если есть проблема в теории, то есть и проблема на практике. Теоретическая проблема института малозначительности, которая заключается прежде всего в том, что сущность мало-

значительного деяния не вполне раскрыта наукой уголовного права, является следствием вариативного, субъективного толкования данного правового явления в практической деятельности. К тому же наличие или отсутствие малозначительности как правового явления в уголовном праве должно влиять и на другие смежные, тесно взаимосвязанные отрасли права. Однако, к примеру, в уголовном процессе понятие малозначительности отсутствует вовсе. На стадии возбуждения уголовного дела, если в ходе рассмотрения сообщения о преступлении будет выяснено, что деяние является малозначительным, то уголовное дело не возбуждается в связи с отсутствием в деянии состава преступления, в итоге выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса РФ [11], далее – УПК РФ). Если же при разрешении уголовного дела, уже принятого к производству, выясняется, что деяние является малозначительным, то уголовное дело подлежит прекращению (ч. 1 ст. 212 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Уголовное дело в досудебном производстве не прекращается «по малозначительности» или же «в связи с малозначительностью», а прекращается за отсутствием в деянии состава преступления.

Проведенный анализ положений УПК РФ позволяет говорить о том, что такое основание прекращения уголовного дела, как малозначительность, в нём отсутствует.

Прекращение уголовного дела «по малозначительному деянию» возможно и в рамках судебного разбирательства. Так, прокурор, усмотрев отсутствие в деянии признаков состава преступления (малозначительность), отказывается от государственного обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. При этом у лица, необоснованно привлечённого к уголовной ответственности, появляется право на реабилитацию (ч. 2 ст. 212 УПК РФ).

Однако это отрицательный показатель работы органов предварительного расследования, так как привлечение лица к уголовной ответственности, получается, осуществлялось неправомерно, были нарушены его права, а также одна из целей уголовного судопроизводства, а именно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Весьма показательным примером является Определение Верховного суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1 [4], из которого следует, что в соответствующем уголовном деле принять решение о том, малозначительно деяние или нет, доста-

точно сложно. Это, в свою очередь, означает, что решение практически полностью зависит от усмотрения (субъективного мнения) правоприменителя и, в частности, суда.

Исходя из анализа существующей правовой действительности, можно выделить следующие проблемы категории малозначительности в уголовном праве. Так, формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ, посвящённая малозначительному деянию, является достаточно противоречивой; отсутствуют конкретные критерии (правила) выявления в деянии признака малозначительности; отсутствует в науке уголовного права единый подход к определению малозначительного деяния; существуют пробелы в законодательстве; имеет место субъективизм при определении того, является ли деяние малозначительным или оно таковым не является. Можно говорить об отсутствии самостоятельного значения малозначительности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что малозначительность как правовой механизм, по сути, «не работает». Первопричиной всего этого, как видится, выступает тот факт, что институт малозначительности в российском уголовном праве с момента своего появления и до настоящего момента не развивался, менялись лишь законодательные дефиниции, что, в свою очередь, говорит о невозможности применения норм о малозначительности в действующей правовой действительности.

На основе проведенного исследования видится целесообразным исключение малозначительности, что не повлечёт серьёзных изменений в законодательстве и системе уголовного права, а также смежных отраслях права, в уголовном процессе в частности.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что исключение института малозначительности представляется необходимым и оправданным, так как существующие недостатки в законодательном регулировании соответствующего понятия порождают проблемы теории и практики, разрешить которые не представляется возможным. Данный институт, по сути, утратил своё самостоятельное значение по мере развития отрасли российского уголовного права, а также смежных с ней отраслей права.

Библиографический список

1. Базарова С. Малозначительность деяния // *Законность*. – 2009. – № 1. – С. 53–57.
2. Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // *Журнал российского права*. – 2014. – № 4. – С. 74–83.
3. Мальцев В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // *Законность*. – 1999. – № 1. – С. 17–21.
4. Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1 [Электронный ре-

сурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=426290#05718832059136039>. (дата обращения: 12.03.2018).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (в ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2011. – № 1.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2012. – № 11.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Эталон-online: сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6361#> (дата обращения: 12.03.2018).

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 12.03.2018).

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug (дата обращения: 12.03.2018).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // *Собрание законодательства РФ*. – 2001. – № 52 (ч. 1).

12. Цепелев В.Ф., Мартыненко Н.Э. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // *Уголовное право*. – 2012. – № 3. – С. 71–74.

References

1. Bazarova S. Maloznachitel'nost' deyaniya // *Zakonnost'*. – 2009. – № 1. – S. 53–57.
2. Vinokurov V.N. Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovolnom prave: priznaki i formy // *ZHurnal rossijskogo prava*. – 2014. – № 4. – S. 74–83.
3. Mal'cev V.V. Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovolnom prave // *Zakonnost'*. – 1999. – № 1. – S. 17–21.
4. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 22.04.2015 № 51-UD15-1 [EHlektronnyj resurs] // *Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema*. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=426290#05718832059136039>. (data obrashcheniya: 12.03.2018).

5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.11.2010 № 26 (v red. ot 31.10.2017) «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti v sfere rybolovstva i sohraneniya vodnyh biologicheskikh resursov (stat'i 253, 256 UK RF)» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2011. – № 1.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2012 № 19 «O primeneniі sudami zakonodatel'stva o neobhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshogo prestuplenie» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2012. – № 11.

7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 31.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25.

8. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' [EHlektronnyj resurs] // EHtalon-online: sajt Nacional'nogo centra pravovoj informacii Respubliki

Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6361#> (data obrashcheniya: 12.03.2018).

9. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (data obrashcheniya: 12.03.2018).

10. Ugolovnyj kodeks Respubliki Uzbekistan [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug (data obrashcheniya: 12.03.2018).

11. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 31.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 52 (ch. 1).

12. Cepelev V.F., Martynenko N.EH. Maloznachitel'nost' deyaniya v sudebnoj praktike i interesy poterpevshego // Ugolovnoe pravo. – 2012. – № 3. – S. 71–74.

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ

Несмотря на расширение сферы применения в судопроизводстве системы видеоконференцсвязи (далее ВКС), в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют: чёткая регламентация процедуры и порядка оформления её использования; порядок взаимодействия судей при проведении видеоконференцсвязи; обязательность и процедура оглашения состава суда по месту нахождения свидетеля, потерпевшего и право сторон на заявление отводов данному составу суда; порядок участия адвоката и переводчика при допросе потерпевшего (подсудимого, свидетеля), их право на беседу и обеспечение её конфиденциальности; процедура проведения судебных действий следственного характера, таких как осмотр местности и помещения, осмотр вещественных доказательств, освидетельствование. В УПК РФ не закреплено право производить с использованием ВКС допросы специалиста, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, представителя (законного представителя) потерпевшего (подсудимого), педагога, психолога, не урегулирована процедура проведения допросов указанных лиц. Указанные пробелы в законодательстве создают проблемы в применении видеоконференцсвязи в судебной практике.

Ключевые слова: судебные действия следственного характера, видеоконференцсвязь, пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве.

Внедрение инновационных технологий в сферу уголовного судопроизводства, в том числе и использование видеоконференцсвязи, несомненно, преследует цель повышения результативности и качества производства по уголовным делам, соблюдения процессуальных сроков, применения новых методов сбора и закрепления доказательств по делу, обеспечения безопасности участников уголовного процесса при неукоснительном соблюдении их конституционных прав и свобод.

Правовой регламент различных сторон применения средств видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве суда первой и апелляционной инстанций содержится в ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством в судах, рассматривающих дело по первой инстанции, применение устройств видеоконференцсвязи для участия обвиняемого удалённо возможно при рассмотрении вопроса об изменении территориальной подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ).

В остальных случаях применение средств видеоконференцсвязи в судах первой инстанции ограничено производством отдельных процессуальных действий. На сегодняшний день это допрос свидетеля и потерпевшего при необходимости (ч. 4 ст. 240 УПК РФ).

Для суда апелляционной инстанции в отличие от суда первой инстанции законодателем значительно расширены возможности использования видеоконференцсвязи при рассмотрении дела. В частности, осуждённому, содержащемуся под стражей и желающему участвовать при рассмотрении апелляционной жалобы, обеспечивается его право участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ); суд

апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием систем видеоконференцсвязи (ч. 8 ст. 389.12 УПК РФ). При этом перечень доказательств, которые могут быть исследованы с использованием данных систем, законодателем не указан, что свидетельствует о том, что таким способом могут исследоваться любые доказательства. В суде же первой инстанции с использованием видеоконференцсвязи можно провести лишь допрос свидетеля и потерпевшего.

Рассмотрим, какие проблемы возникают у суда при исследовании доказательств путем использования систем видеоконференцсвязи.

Во-первых, Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит регламентации порядка принятия и исполнения решения об исследовании доказательств путем применения систем видеоконференцсвязи.

Так, например, непонятно, по чьей инициативе может ставиться вопрос о необходимости допроса потерпевшего (свидетеля) с использованием видеоконференцсвязи: по ходатайству сторон или по собственной инициативе суда. Должен ли суд выносить указанный вопрос на обсуждение сторон или принимает решение по данному вопросу без обсуждения.

Исходя из положений п. 23 и п. 25 ст. 5 УПК РФ, решение о проведении допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференцсвязи должно быть оформлено в виде постановления или определения. По смыслу ч. 2 ст. 256 УПК РФ указанное постановление (определение) может быть вынесено по усмотрению суда как в зале судебного заседания с занесением в протокол, так и в совещательной комнате путем изложения в виде отдельного процессуального документа. В том случае, если постановление (определение) суда будет вынесено без удаления

в совещательную комнату и, соответственно, составления отдельного процессуального документа, неясно, в каком виде должно быть оформлено поручение суду по месту нахождения свидетеля (потерпевшего, доказательств) об организации проведения видеоконференцсвязи: в виде простого письма-поручения или выписки из протокола судебного заседания. Не установлена легитимность указанных документов и, как следствие, обязательность их исполнения.

Во-вторых, УПК РФ детально не регламентирует порядок взаимодействия судей при проведении видеоконференцсвязи, порядок участия второго судьи (состава суда).

Содержание ч. 2 и ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ предполагает наличие двух составов суда (судей) при проведении видеоконференцсвязи – по месту рассмотрения дела и по месту нахождения свидетеля. При этом уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы: об оглашении состава суда (судьи) по месту нахождения свидетеля, процедуры его оглашения, о праве участников процесса заявить ходатайство об отводе указанному составу суда (судье). Также в УПК РФ не регламентирован промежуток времени, в течение которого суд по месту нахождения свидетеля должен находиться во время допроса – до окончания его допроса или только до конца разъяснения прав, обязанностей и ответственности. В данной части следует согласиться с мнением С.А. Краснопевцева о том, что «присутствие судьи в ходе всего допроса свидетеля в зале видеоконференцсвязи должно гарантировать соблюдение процессуальных прав как допрашиваемого лица, так и других участников судебного разбирательства, а поэтому его участие в процессе не должно быть ограничено лишь временем, необходимым для выполнения указанных в ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ действий» [1].

Что касается исследования путем использования систем видеоконференцсвязи других доказательств по делу (помимо допроса потерпевшего и свидетеля) в суде апелляционной инстанции (ст. 389.13 ч. 8 УПК РФ), то присутствие и полномочия суда по месту нахождения данных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве вообще не освещены. Неясно, каким образом должен быть организован, например, осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещения, освидетельствование; кто должен производить эти осмотры: председательствующий по делу суд или судья по месту нахождения доказательств. Отсутствие детальной регламентации порядка проведения указанных судебных действий следственного характера может повлечь за собой произвольное их исполнение.

В-третьих, нормами УПК РФ не урегулирован порядок участия адвоката и переводчика при допросе потерпевшего (подсудимого, свидетеля)

путем использования видеоконференцсвязи. В связи с изложенным у правоприменителей возникают сложности с определением места нахождения адвоката и переводчика – по месту рассмотрения дела или по месту нахождения потерпевшего (подсудимого, свидетеля). Не закреплены в нормах УПК РФ: обеспечение права потерпевшего (подсудимого, свидетеля) на согласование позиции с адвокатом, находящимся по месту рассмотрения дела; предоставление перерыва для их конфиденциальной беседы; время заявления ходатайства об этом; процедура обеспечения соответствующих технических условий для такой беседы. Указанная проблема освещена автором М.А. Сильновым в статье «Практика применения видеоконференцсвязи в уголовном процессе» [4], а также автором Е.В. Селиной в статье «Проблемы использования средств видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве» [3].

В-четвертых, на законодательном уровне не закреплено право суда производить с использованием системы видеоконференцсвязи допросы специалиста, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, представителя (законного представителя) потерпевшего (подсудимого), педагога, психолога и т. д. О наличии указанного пробела в действующем уголовно-процессуальном законодательстве указывал в своей статье С.А. Сумин [5]. Тем не менее потребность в допросе указанных лиц при удаленности их местонахождения у суда имеется. В настоящее время суды по своему усмотрению организуют допросы указанных лиц с помощью дистанционных технических средств связи. Об этом свидетельствует судебная практика Локтевского районного суда Алтайского края [2].

В-пятых, при проведении видеоконференцсвязи существуют проблемы технического характера, такие как некачественное звуко- и видеоизображение, их отсутствие, прерывание связи и т. п. В собственной судебной практике при участии в качестве защитника на рассмотрении уголовного дела № 10-9/2018 в отношении С. по ст. 291.2 ч. 1 УК РФ Верещагинским районным судом Пермского края в апелляционном порядке в феврале 2018 года возникла проблема проведения судебного заседания и конфиденциальной беседы защитников с осужденным при использовании ВКС по техническим причинам, а именно: на мониторе не было видно обвиняемого, поскольку камера видеоконференцсвязи не направлялась на ту часть зала судебного заседания, где он находился за защитным ограждением. В результате судебное заседание и конфиденциальная беседа с обвиняемым проходили без визуального контакта с ним председательствующего, защитников и государственного обвинителя. После того, как судья по месту нахождения обвиняемого удалился, на мониторе до окончания разбирательства было лишь изображение пустого зала

заседания. С учетом того, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не даёт определения понятия «видеоконференцсвязь», участники производства трактуют его произвольно, и мнения их по этому поводу могут быть диаметрально противоположными. В описываемом случае защитники возражали против продолжения судебного заседания в условиях отсутствия видимости их подзащитного, поскольку это не «аудиоконференцсвязь», а «видеоконференцсвязь», где визуальное восприятие участников уголовного судопроизводства, находящихся вне места рассмотрения дела, обязательно. Председательствующий судья по делу не нашёл в данном случае никаких нарушений действующего законодательства и продолжил рассмотрение дела в имеющихся условиях.

Таким образом, в настоящее время в связи с наличием пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве в части, регулирующей порядок организации и проведения исследования доказательств путем применения систем видеоконференцсвязи, суды вынуждены самостоятельно решать возникающие у них проблемы.

М.А. Сильнов в приведённой выше статье утверждает, что в этом случае «следует руководствоваться общими нормами, закрепляющими процедуру рассмотрения дел, а также судебной практикой, в структуре которой курс на расширение границ судейского усмотрения становится всё более очевидным» [4]. Также им высказана точка зрения, согласно которой решение вопроса о допросе неназванных в законе участников процесса с использованием видеоконференцсвязи целиком зависит от судебного решения на этот счет, и при условии согласия сторон, разъяснения прав допрашиваемому, соблюдения правил допроса нет правовых оснований для признания полученных таким образом доказательств недопустимыми.

Полагаем, что данная позиция автора не в полной мере соответствует основным положениям уголовно-процессуального закона, исключаящим любой произвол в действиях участников судопроизводства, в том числе и суда:

– в соответствии с ч. 2 ст. 1 УПК РФ порядок уголовного судопроизводства, установленный Уголовно-процессуальным кодексом РФ, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства;

– согласно ч. 3 ст. 7 УПК РФ нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Таким образом, применение в судебной практике процедур проведения судебных действий след-

ственного характера, прямо не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, является проявлением правового нигилизма, ведущего к формированию недопустимых доказательств.

Единственно правильным способом решения перечисленных в настоящей статье проблем проведения судебных действий следственного характера с использованием систем видеоконференцсвязи является устранение законодателем пробелов в Уголовно-процессуальном кодексе РФ при регламентации порядка их проведения и организации, в том числе путем:

– законодательного закрепления понятий «видеоконференцсвязь» и «система видеоконференцсвязи»;

– законодательного закрепления прав сторон заявлять ходатайства о проведении судебных действий следственного характера посредством видеоконференцсвязи;

– оформления решения о проведении судебного действия следственного характера с использованием видеоконференцсвязи в виде отдельного письменного постановления (определения), выносимого в совещательной комнате;

– законодательного закрепления порядка взаимодействия судей при проведении видеоконференцсвязи, порядка участия второго судьи (состава суда), право заявления отвода второму судье (составу суда);

– установления права суда первой и апелляционной инстанций на проведение осмотра вещественных доказательств, осмотра местности и помещения, освидетельствования, допросов специалиста, эксперта, законного представителя (представителей) потерпевшего (подсудимого), педагога, психолога, гражданского истца, гражданского ответчика путем использования систем видеоконференцсвязи и закрепления порядка проведения указанных судебных действий следственного характера;

– урегулирования порядка участия адвоката и переводчика при допросе потерпевшего (подсудимого, свидетеля) путем использования видеоконференцсвязи.

Библиографический список

1. *Краснопевцев С.А.* Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=3192&id=22> (дата обращения: 17.03.18)

2. Обобщение практики использования видеоконференцсвязи в суде в 2014 году – 1 квартале 2015 года (Локтевский районный суд Алтайского края) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loktevsky.alt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=413 (дата обращения: 17.03.18)

3. *Селина Е.В.* Проблемы использования средств видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/18783> (дата обращения: 17.03.18)

4. *Сильнов М.А.* Практика применения видеоконференцсвязи в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/poryadok-protsedur/item/723> (дата обращения: 17.03.18)

5. *Сумин С.А.* Применение систем видеоконференцсвязи при допросе защищаемых территориально удалённых лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве на стадиях предварительного и судебного следствия: проблемы реализации и повышение эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – № 2. – С. 67–72.

References

1. *Krasnopevcev S.A.* Ispol'zovanie sistem videokonferencsvyazi v ugolovnom processe [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=3192&id=22> (data obrashcheniya: 17.03.18)

2. *Obobshchenie praktiki ispol'zovaniya videokonferencsvyazi v sude v 2014 godu – 1 kvartale 2015 goda (Loktevskij rajonnyj sud Altajskogo kraja)* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://loktevsky.alt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=413 (data obrashcheniya: 17.03.18)

3. *Selina E.V.* Problemy ispol'zovaniya sredstv videokonferencsvyazi v ugolovnom sudoproizvodstve [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://otrasli-prava.rf/article/18783> (data obrashcheniya: 17.03.18)

4. *Sil'nov M.A.* Praktika primeneniya videokonferencsvyazi v ugolovnom processe [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/poryadok-protsedur/item/723> (data obrashcheniya: 17.03.18)

5. *Sumin S.A.* Primenenie sistem videokonferencsvyazi pri doprose zashchishchaemyh territorial'no udalyonnyh lic, uchastvuyushchih v ugolovnom sudoproizvodstve na stadiyah predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya: problemy realizacii i povyshenie ehffektivnosti // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2011. – № 2. – С. 67–72.

СТАТУС ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМИ ДОСУДЕБНОЙ САНАЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

В статье ставится задача определить правовой статус третьих лиц на стадии досудебной санации предприятий и организаций, находящихся на пороге банкротства. В этой связи анализируется понятие «досудебная санация» через призму участия на этой стадии финансовой помощи так называемых «третьих лиц». Высказывается мнение о смешении в современной доктрине конструкций «досудебная санация» и «оздоровительные процедуры». Предложено авторское понимание «досудебной санации» как одной из разновидностей санации и в целом оздоровительных процедур. Особое внимание посвящено исследованию различных форм участия третьих лиц в финансовом оздоровлении компаний. Рассмотрена судебная практика, касающаяся проблем досудебной санации. Приведен анализ планируемых изменений законодательства. В конце работы дается юридическое определение понятия «досудебный санатор».

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), статус третьих лиц, досудебная санация, третьи лица, оздоровительные процедуры, досудебный санатор.

Терминологическое определение санации как одного из элементов правового регулирования механизма предбанкротного состояния приведено сразу в двух нормах Закона о банкротстве: в абзаце 12 ст. 2 и ст. 31 [18].

Исходя из прямого толкования указанных правовых норм, санация представляет собой самостоятельную процедуру банкротства, включающую в себя ряд мероприятий, проводимых в первую очередь за счет внешней финансовой помощи и имеющих своей целью достижение восстановления хозяйственной деятельности организации, находившейся на грани банкротства, конечным результатом которой является то, что организация не признается банкротом и не ликвидируется. При этом следует отметить, что термин «санация» выбран не случайно. Фактически речь идет об оздоровлении (излечении) некогда слаженного организма, коим является организация или предприятие. Термин «санация» (лат. «sanare») как раз и означает «оздоровление» или «лечение». Вопросы, связанные с определением перечня мер, принимаемых с целью предупреждения банкротства с использованием, в частности, процедуры досудебной санации, равно как определение правового статуса третьих лиц на стадии досудебной санации, в настоящее время практически не исследованы. Однако установление круга этих третьих лиц и порядка их действия на стадии досудебной санации имеет существенное значение, поскольку из-за возникшей правовой неопределенности появляются трудности на практике, приводящие субъектов данной стадии процедуры, связанной с банкротством, в судебные органы, что противоречит самому духу именно досудебной санации. Кроме того, нередко оспаривается уже проведенная санация, что противоречит целям обеспечения правовой стабильности участников оборота.

Несовершенством правовой базы объясняется одна из ключевых доктринальных проблем конкурсного права – смешение конструкций «досу-

дебная санация» и «оздоровительные процедуры» («восстановительные процедуры», «восстановительные мероприятия», «оздоровительные мероприятия», «санационные процедуры», «санационные мероприятия»). Забегая вперед, отметим, что, согласно позиции автора настоящей статьи, представляется необходимым считать досудебную санацию разновидностью санации, которая может быть и судебной, осуществляясь на стадиях наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства. При этом санация является разновидностью оздоровительных процедур, направленных на недопущение возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве). Так, определяя временной промежуток такой оздоровительной меры, М.В. Телюкина охарактеризовала его следующим образом: «Период проведения мер, направленных на предупреждение банкротства, – период времени после того, как руководство должника осознало опасность и возможность банкротства, но до заявления в арбитражный суд о признании юридического лица банкротом» [17, с. 14].

Это обстоятельство позволяет говорить о так называемой «досудебной санации», хотя действующая ст. 31 Закона о банкротстве, в отличие от предыдущих редакций этой нормы, такого термина не содержит.

Вместе с тем стоит отметить, что законодатель все-таки упоминает именно о досудебной санации в ст. 191 Закона о банкротстве применительно к оздоровлению стратегических предприятий и организаций. Однако указанная норма отсылает нас вновь к ст. 31 Закона о банкротстве. Косвенно о досудебной санации кредитных организаций в связи с их финансовым оздоровлением во внесудебном порядке говорится в п. 1 ч. 1 ст. 189.9 Закона о банкротстве, в ее взаимосвязи с абзацем 12 ст. 2 и ст. 31 указанного закона [18].

При этом отметим, что в контексте кредитных организаций речь идет совсем о другом правовом

явлении, осуществляемом в административном, а не частно-правовом порядке. По сути, здесь мы сталкиваемся с общетеоретическим недостатком юридической техники построения законодательной регламентации, состоящим в том, что одним и тем же термином обозначаются разные по своей сути правовые явления. Поэтому необходимо дифференцировать санацию кредитной организации и санацию обычных субъектов гражданского оборота. Кроме того, на законодательном уровне может быть поставлен вопрос о внесении в Закон о банкротстве изменений, направленных на исправление указанного недостатка юридической техники.

Об осуществлении санации на досудебной стадии спора, связанного с несостоятельностью (банкротством), указывают и арбитражные суды [11; 13 и др.]. В доктрине проблеме развития и становления правового института санации, в том числе досудебной, также уделено внимание [1–3; 15; 17 и др.]. Рассмотрение полного спектра проблем, связанных с санацией, в том числе досудебной, выходит за рамки настоящей статьи. Целью данного исследования является выявление специфических особенностей досудебной санации через призму участия в ней третьих лиц. Субъектами санации в соответствии со ст. 31 Закона о банкротстве являются учредители (участники) должника, собственники имущества должника – унитарного предприятия, кредиторы и третьи лица.

Таким образом, выявим терминологическую проблему: с одной стороны, учредители (участники) должника, собственник имущества должника (унитарного предприятия) и кредиторы, согласно букве закона, не являются третьими лицами, то есть в качестве собственно третьих лиц рассматриваются иные субъекты, не относящиеся к какой-либо из названных категорий. С другой стороны, участвуя в санационных отношениях, указанные субъекты выступают не в том качестве, в каком они названы, а в качестве именно третьих лиц. Иначе говоря, кредитор, например, осуществляя санацию, не реализует свой кредиторский статус, то есть для целей санации не имеет значения, внесены его требования в реестр требований кредиторов или нет.

Важным аспектом, влияющим на правовое понимание статуса третьих лиц при осуществлении ими досудебной санации при банкротстве, является цель, а точнее сказать цели, с которыми эти третьи лица включаются в правоотношения. В данном случае следует отграничить собственные цели как должника, так и кредитора от целей, которыми руководствуются третьи лица на стадии досудебной санации.

Существенным обстоятельством является то, что по фактическим действиям досудебная санация представляет собой предоставление третьими лицами (различными юридическими и физическими лицами) в рамках мер по предупреждению бан-

кротства именно финансовой помощи должнику (предприятию, организации, страховой компании, банку, индивидуальному предпринимателю). В такой процесс по действующему законодательству может включиться практически неограниченный круг так называемых третьих лиц. В этом случае третьи лица, включившиеся в процесс досудебной санации должника, выступают в качестве досудебного санатора.

В связи с этим конечной целью настоящей статьи является обоснование необходимости введения в научный оборот термина «досудебный санатор», поскольку в доктрине такое определение отсутствует. В дальнейшем в настоящей статье мы будем использовать данный термин.

Необходимо отметить, что по смыслу ч. 2 ст. 31 Закона о банкротстве действия досудебного санатора – третьего лица должны носить исключительно финансовый характер. Следовательно, например, предоставление коммерческого либо товарного кредита, равно как и другого имущества, не может рассматриваться в качестве помощи на стадии досудебной санации. Однако, как будет видно далее, рассмотрение досудебной санации в столь узком понимании не является исчерпывающим. В этом смысле указанная норма Закона о банкротстве требует доработки. По своему объему помощь третьих лиц должна быть достаточна для погашения всех обязательств должника и полного восстановления его платежеспособности.

Анализируя действующий закон о банкротстве, следует констатировать, что он не содержит какого-либо перечня оздоровительных (санационных) форм (мер) на досудебной стадии банкротства. Следовательно, формы предоставления финансовой помощи именно третьими лицами могут быть различными. Исходя из природы существующих обязательств по действующему гражданскому законодательству, третьи лица могут, например, предоставить денежные средства организации-должнику по договору займа (кредита) на условиях, позволяющих ликвидировать имеющиеся финансовые задолженности должника (ст. 807–823 ГК РФ). Третьи лица могут также принять участие в переводе на них долга организации-должника с согласия кредиторов (ст. 391–392 ГК РФ). Некоторые ученые к таким мерам относят также заключение с третьими лицами на выгодных для должника условиях договоров, быстро и значительно повышающих его кредитоспособность. Один из таких примеров приводит М.В. Телюкина [17, с. 15]. Однако такую форму досудебной помощи все-таки вряд ли можно назвать действенной, исходя из целей досудебной санации, установленной Законом о банкротстве, поскольку нет никакой гарантии, что она позволит полностью восстановить платежеспособность должника. Кроме того, восстановление в данном случае может занять достаточное

количество времени, которого должник, стоящий на грани банкротства, фактически не имеет.

Третьи лица (контрагенты должника) могут пойти на пролонгирование погашения (отсрочку) платежей, ранее полученных ссуд. Вместе с тем в данном случае необходимо помнить, что в соответствии со ст. 317.1 ГК РФ на сумму денежного обязательства за период пользования денежными средствами подлежат начислению проценты в порядке, установленном этой статьей. Причем, как разъяснил Пленум ВС РФ в п. 53 своего Постановления от 24.03.2016 № 7, кроме процентов по ст. 317.1 ГК РФ в пользу этого третьего лица могут быть начислены проценты по ст. 395 ГК РФ, поскольку начисление с начала просрочки процентов по статье 395 ГК РФ не влияет на начисление процентов по ст. 317.1 ГК РФ [12]. Должнику важно в этой ситуации просчитать экономическую обоснованность пролонгации.

Еще одной формой досудебных мероприятий, позволяющей должнику привлечь дополнительные денежные ресурсы, является предоставление третьими лицами залога (п. 1 ст. 335 ГК РФ), поручительств (ст. 361–367 ГК РФ) и (или) банковских гарантий (ст. 368–379 ГК РФ) этому должнику. Однако, как считает М.В. Телюкина, с этим мнением следует согласиться, но с учетом необходимости все-таки отграничить такую меру от досудебной санации [17, с. 17]. Вместе с тем практика показывает возможность применения такой формы. Один из таких примеров приводит Е. Кузьмина, описывая ситуацию, связанную с санацией банка «Уралсиб» в контексте обеспечения части кредита, выданного АСВ Владимиру Когану (в 2015 году приобрел контрольный пакет акций банка «Уралсиб»), залогом банка БФА: «Таким образом, предоставлять имущество в обеспечение может как saniруемый банк, так и третьи лица. И хотя такой открытой и признанной практики – обеспечения по кредиту третьими лицами – нет, такая возможность законом предусмотрена. При этом если бы взыскание было обращено на залог, то у Владимира Когана возникли бы обязательства перед БФА» [8].

Конечно, следует признать, что правоотношения, связанные с банкротством кредитных организаций, регулируются специальными нормами законодательства, а также нормативными актами Банка России, и рассмотрение этих особенностей не входит в предмет исследования в рамках настоящей статьи. Но тем не менее вопросы, связанные с участием третьих лиц в санации кредитных организаций, не противоречат в целом общим правовым нормам. Причем события августа – сентября 2017 года, когда ЦБ РФ ввел процедуру по финансовому оздоровлению сразу в двух крупных банках, входящих в топ-15 финансового сектора, а именно «Открытии» и «Бинбанке», свидетельствуют о том, что банковская система России за-

частую нуждается в процедурах санации (которые, как отмечалось выше, существенно отличаются от санации в контексте обычных должников). На декабрь 2017 года, по словам заместителя председателя Банка России Ольги Поляковой, на санации в соответствии с кредитным механизмом находилось 26 кредитных организаций [14].

Ликвидировать свою задолженность перед кредиторами должник может и посредством заключения с контрагентами – третьими лицами договора финансирования под уступку денежного требования (ст. 824 ГК РФ).

Интересной в контексте выбора форм участия третьих лиц в санации является складывающаяся судебная практика относительно еще одной (по сути, основной) формы участия в санации третьих лиц: исполнении обязательств должника третьим лицом (ст. 313 ГК РФ, ст. 109, 113, 125 Закона о банкротстве) [9; 13]. При этом такая судебная практика касается в основном разрешения споров в рамках уже существующего дела о несостоятельности (банкротстве), а не стадии досудебной санации. Однако формирующиеся тенденции могут быть применены и на досудебной санации. Показательно в этом отношении, например, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2015 г. № 15АП-24146/2014 по делу № А53-18130/2010 [13].

Во всех вышеперечисленных формах третьи лица, участвующие на стадии досудебной санации, фактически становятся полноправными участниками вновь возникаемых правоотношений должник – третье лицо (санатор), где последний имеет свои права и обязанности в зависимости от юридической направленности и правового регулирования возникшего правоотношения. Этим и определяется правовой статус третьих лиц в таком досудебном санационном процессе.

Рассматривая формы участия третьих лиц на стадии досудебных мероприятий, следует отметить, что третьи лица, будучи включенными в процесс оздоровления предприятия-должника, могут также и опосредованно влиять на вновь возникающие в процессе досудебной санации правоотношения. Так, кредиторы должника в соответствии с правилами ст. 415 ГК РФ могут простить должнику долг. Долговое обязательство при этом прекращается освобождением должника кредитором от лежащих на должнике обязанностей, но только в том случае, если такое прощение долга не нарушает прав третьих лиц в отношении имущества должника. В данной статье не рассматривается позиция о том, что прощение долга иногда эквивалентно дарению, а дарение в отношениях между коммерческими организациями гражданским законодательством не допускается (п. 4 ст. 575 ГК РФ). Во-первых, дискуссия по данному вопросу не входит в предмет настоящей статьи. Во-вторых, арби-

тражные суды чаще всего придерживаются того универсального подхода, в соответствии с которым прощение долга в отношениях между коммерческими организациями имеет ту или иную деловую цель, а дарение – это исключение из общего правила, которое запрещено. Такого же подхода применительно к прощению долга коммерческими организациями во взаимных расчетах не как к договору дарения придерживался ныне упраздненный Президиум Высшего арбитражного суда РФ [7, п. 3]. Представляется, что в такого рода правоотношениях заинтересованные третьи лица, дающие согласие на прощение долга, также выступают на стороне санатора, поскольку от их волевого решения напрямую зависит возможность, что называется, простить долг либо выступить в качестве противника такого прощения.

Примером влияния правоотношений между кредитором и должником по прощению долга на права третьих лиц является ситуация, когда кредитор может простить должнику денежный долг по договору займа (на сумму предоставленного займа и процентов за пользование заемными средствами), но только в том случае, если не затронуты интересы кредиторов кредитора, которые как раз и будут выступать в этих правоотношениях прощения долга третьими лицами.

Еще одной формой досудебной санации В.Н. Белоусов называет виндикационный иск, хотя, как следует из сказанного выше, виндикация рассматривается скорее как досудебное восстановительное мероприятие [1]. Виндикация в данном случае представляет особый интерес, поскольку ставит владельца истребуемого имущества – третье лицо в процессе досудебной санации – фактически в позицию обязанного лица перед санируемым должником. Такой правовой статус третьего лица, с одной стороны, позволяет назвать владельца истребуемого имущества санатором, поскольку именно за счет имущества, находящегося у него, должник предполагает улучшить свое финансовое состояние и уйти от банкротства. С другой стороны, по смыслу абзаца 12 ст. 2 и ст. 31 Закона о банкротстве действия санатора не предполагают предоставление финансовой помощи предприятию, находящемуся в предбанкротном состоянии, в ущерб собственным интересам. Более того, по смыслу действующего Закона о банкротстве санатор должен обладать определенной волей, иметь намерение и желать принять участие в финансовом оздоровлении находящегося на грани банкротства предприятия. При виндикации ни одного из указанных волевых компонентов у третьего лица нет. Более того, воля, намерение и желание владельца истребуемого имущества будут практически всегда направлены против взыскателя имущества – то есть санируемого должника. Данный пример очень показателен как раз в целях обоснования необхо-

димости изучения вопросов, связанных с характеристикой правового статуса третьих лиц в досудебной санации при банкротстве.

Досудебная санация организаций, включающая в себя ряд антикризисных процедур, одной из форм финансового оздоровления предполагает также сокращение численности персонала предприятия-должника, замену его руководства. Полагаю, что в данном конкретном случае сокращаемых рабочих и служащих предприятия-должника также следует отнести к числу третьих лиц, участвующих в досудебной санации. Особенно это касается финансового оздоровления предприятий-гигантов. В этом случае правовой статус таких третьих лиц регламентируется трудовым законодательством (ст. 180, ч. 3 ст. 81 ТК РФ), а при угрозе массовых увольнений учитывается также мнение выборного органа первичной профсоюзной организации санируемого предприятия-должника, принимаются необходимые меры, предусмотренные как ТК РФ, так и иными федеральными законами, коллективным договором, соглашением, если таковые были приняты на санируемом предприятии.

Говоря о правотворческой деятельности, отметим, что правительство РФ в ноябре 2017 года внесло на рассмотрение Государственной думы три законопроекта, направленных на совершенствование законодательства о финансовом оздоровлении кредитных организаций [16]. Государственная дума РФ в первом чтении приняла законопроект, предусматривающий финансовое оздоровление банкротящихся страховщиков по аналогии с банками. В целом предлагаемая процедура санации страховых организаций почти полностью повторяет аналогичную процедуру, предлагаемую для кредитных организаций [5]. Кроме того, 13 декабря 2017 года Государственная дума в первом чтении одобрила законопроект о применении механизма реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц [4]. 22 февраля 2018 года Государственная дума в первом чтении одобрила законопроект о совершенствовании регулирования защиты прав работников, бывших работников должника в ходе дела о банкротстве [6].

Обобщая вышесказанное, следует констатировать, что статус третьих лиц на стадии досудебной санации при банкротстве вновь характеризуется многоаспектностью, как, впрочем, при определении статуса третьих лиц в других гражданско-правовых отношениях гражданского и конкурсного права. Выводя общую формулу, автор статьи предлагает следующее юридическое определение понятия «досудебный санатор», имея в виду стадию предупреждения банкротства и один из ее элементов – досудебную санацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в процессе возникновения досудебных процедур, связанных с их банкротством:

Досудебный санатор – это юридическое и (или) физическое лицо, которое либо в силу своей личной прямой или косвенной заинтересованности своими непосредственными волевыми действиями за счет собственных финансовых возможностей, либо в силу своей зависимости от санируемого лица, обусловленной трудовыми, обязательственными, деликтными и иными правоотношениями, опосредованно через действия, осуществляемые самим санируемым лицом, участвует в восстановлении функциональной деятельности и финансовой состоятельности (санации) такого санируемого лица, находящегося на грани банкротства, в целях восстановления его платежеспособности и удовлетворения требований его кредиторов.

Библиографический список

1. Белоусов В.Н. Специальные досудебные меры по предупреждению банкротства застройщика // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 5 (91). – С. 97–101.
2. Вдовин О.Ф. Банкротная практика Верховного суда // Арбитражный управляющий. – 2017. – № 3. – С. 26–29.
3. Гузанов К.А. К вопросу о механизме погашения долга третьим лицом в рамках применения Закона о банкротстве // Вестник арбитражной практики. – 2017. – № 1. – С. 47–50.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц: законопроект № 239932-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/239932-7> (дата обращения: 15.03.2018).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части санации страховых организаций: законопроект № 311128-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/311128-7> (дата обращения: 15.03.2018).
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части совершенствования регулирования защиты прав работников, бывших работников должника в ходе дела о банкротстве: законопроект № 340620-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vote.duma.gov.ru/vote/103325> (дата обращения: 15.03.2018).
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2018).
8. Кузьмина Е. По кредиту Владимиру Когану на санацию «Уралсiba» поручился банк БФА [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2016, 5 февр. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2016/02/05/626909-koganom-uralsiba-bfa> (дата обращения: 15.03.2018).
9. Определение ВАС РФ от 20 ноября 2013 г. № ВАС-15848/13 по делу № А59-2325/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
10. Определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 года № 305-КГ17-9802 по делу № А40-17830/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 мая 2017 г. по делу № А40-176350/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
12. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2018).
13. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2015 г. № 15АП-24146/2014 по делу № А53-18130/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
14. Рушайло П. Всем выйти из тени: (интервью с О. Поляковой) [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru (07.12.2017). – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3488270> (дата обращения: 15.03.2018).
15. Стасюк И.В. Исполнение обязательств третьим лицом за должника в преддверии банкротства: Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 16–20
16. В ГД внесены законопроекты, касающиеся финансового оздоровления банков [Электронный ресурс] // Российское агентство правовой и судебной информации (28.11.2017). – Режим доступа: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20171128/281108542.html (дата обращения: 12.03.2018).
17. Телюкина М.В. Способы предупреждения банкротства юридического лица // Адвокат. – 1999. – № 9. – С. 14–19
18. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2018).

References

1. Belousov V.N. Special'nye dosudebnye меры по предупреждению банкротства застройщика //

Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii. – 2013. – № 5 (91). – S. 97–101.

2. Vdovin O.F. Bankrotnaya praktika Verhovnogo suda // Arbitrazhnyj upravlyayushchij. – 2017. – № 3. – S. 26–29.

3. Guzanov K.A. K voprosu o mekhanizme pogasheniya dolga tret'im licom v ramkah primeneniya Zakona o bankrotstve // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. – 2017. – № 1. – S. 47–50.

4. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti procedury restrukturizacii dolgov v delah o bankrotstve yuridicheskikh lic: zakonoproekt № 239932-7 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/239932-7> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

5. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti sanacii strahovyh organizacij: zakonoproekt № 311128-7 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/311128-7> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

6. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» v chasti sovershenstvovaniya regulirovaniya zashchity prav rabotnikov, byvshih rabotnikov dolzhnika v hode dela o bankrotstve: zakonoproekt № 340620-7 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vote.duma.gov.ru/vote/103325> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

7. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 21.12.2005 № 104 [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 14.03.2018).

8. Kuz'mina E. Po kreditu Vladimiru Koganu na sanaciyu «Uralsiba» poruchilsya bank BFA [EHlektronnyj resurs] // Vedomosti. – 2016, 5 fevr. – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2016/02/05/626909-koganom-uralsiba-bfa> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

9. Opredelenie VAS RF ot 20 noyabrya 2013 g. № VAS-15848/13 po delu № A59-2325/2011 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

10. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 27 oktyabrya 2017 goda № 305-KG17-9802 po delu

№ A40-17830/2017 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 15 maya 2017 g. po delu № A40-176350/16 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

12. O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 (v red. ot 07.02.2017) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 14.03.2018).

13. Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 21 aprelya 2015 g. № 15AP-24146/2014 po delu № A53-18130/2010 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

14. Rushajlo P. Vsem vyjti iz teni: (interv'yu s O. Polyakovoj) [EHlektronnyj resurs] // Kommersant.ru (07.12.2017). – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3488270> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

15. Stasyuk I.V. Ispolnenie obyazatel'stv tret'im licom za dolzhnika v preddverii bankrotstva: Kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po ehkonomicheskim sporam VS RF ot 25.01.2017 № 305-EHS16-15945 // Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2017. – № 3. – S. 16–20

16. V GD vneseny zakonoproekty, kasayushchiesya finansovogo ozdorovleniya bankov [EHlektronnyj resurs] // Rossijskoe agentstvo pravovoj i sudebnoj informacii (28.11.2017). – Rezhim dostupa: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20171128/281108542.html (data obrashcheniya: 12.03.2018).

17. Telyukina M.V. Sposoby preduprezhdeniya bankrotstva yuridicheskogo lica // Advokat. – 1999. – № 9. – S. 14–19

18. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (v red. ot 07.03.2018) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 12.03.2018).

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ АВИАПЕРЕВОЗКЕ БАГАЖОМ ЖИВОТНЫХ НА ПРИМЕРЕ ПАО «АЭРОФЛОТ»

В статье автором рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая статус договора гражданских перевозок авиационным транспортом на примере ограничения права граждан на перевозку в качестве багажа домашних животных российской авиакомпанией «Аэрофлот». В конце 2016 года авиакомпания ввела запрет на перевозку собак определенных пород, при этом основанием для ограничений явился факт гибели одного животного, перевозимого в багажном отсеке. Каких-либо исследований, подтверждающих выводы, на основании которых авиакомпания ввела запрет, не представлено и не проводилось. В этой связи автором отмечается излишняя свобода договора, предоставленная авиаперевозчикам, которая позволяет ограничивать права граждан еще на стадии заключения договора авиаперевозки.

Ключевые слова: договор перевозки, свобода договора, «Аэрофлот», перевозка животных, багаж.

По причине развития рыночных отношений, внутреннего и внешнего туризма, миграции граждан за рубеж и работы в иностранных офисах международных компаний, а также с учетом территориальных особенностей и размеров нашей страны перевозки пассажиров авиационным транспортом сегодня составляют важное социально-экономическое значение. Для некоторых граждан авиационный транспорт фактически является единственно возможным. В этой связи количества пассажирских перевозок воздушным транспортом неумолимо растут из года в год, и, как следствие, возрастает число заключаемых договоров воздушной перевозки пассажиров, являющихся основанием возникновения гражданско-правовых отношений между гражданами и перевозчиками.

Не секрет, что с целью общения и получения положительных эмоций граждане заводят себе животных компаньонов, среди которых наиболее традиционными являются кошки и собаки. Одинокие люди таким образом социализируются, а для слепых и слабовидящих граждан собаки-поводыри являются необходимостью. Исходя из исследований, проведенных НАФИ, более 50 % россиян имеют домашних животных [7]. Со временем животные-компаньоны становятся неотъемлемой частью жизни граждан, и, соответственно, встает вопрос с разлукой на время отпуска, командировок и переезда.

Актуальность данного исследования в первую очередь подтверждается возрастающим числом ограничения прав пассажиров при осуществлении авиаперевозок и заключении договора соответственно.

Договор перевозки авиационным транспортом рассматривался многими учеными нашей страны, среди которых можно отметить труды В.В. Витрянского, Е.А. Ефремова, В.В. Залесского, С.С. Юрьева. Однако особого изучения в части ограничения прав пассажиров на транспортировку животных договор перевозки пассажиров воздушным транспортом не получил. Особое внимание в настоящем

труде уделяется проблеме свободы договора при авиационных перевозках животных и противоречивости норм.

В юридической литературе приводятся различные классификации гражданско-правовых договоров, которые относят договор воздушной перевозки к категории двусторонних (взаимных) договоров, предусматривающих взаимные права и обязанности сторон и являющихся по своей природе реальными договорами [6].

Понятие договора перевозки пассажира приводится в ст. 103 Воздушного кодекса Российской Федерации и 786 Гражданского кодекса Российской Федерации и определено как обязанность перевозчика перевести пассажира воздушного судна в пункт назначения с предоставлением ему места на воздушном судне, совершающем рейс, указанный в билете, а в случае сдачи пассажиром воздушного судна багажа – обязанность доставить багаж в пункт назначения и выдать пассажиру воздушного судна или управомоченному им на получение багажа лицу [4].

1 декабря 2016 года авиакомпания «Аэрофлот» ввела запрет на перевозку в качестве багажа в салоне самолета и в багажном отсеке (отделении) собак, относящихся к брахицефальным породам: бульдог (английский, французский, американский), мопс, пекинес, ши-тцу, боксер, грифон (бельгийский, брюссельский), бостон-терьер, бордосский дог, японский хин.

К брахицефальным породам принято относить собак с укороченной лицевой частью черепа – короткой и приплюснутой мордой, однако не все они испытывают проблемы со здоровьем, в том числе дыханием и сердцем.

Поводом к такому запрету послужил случай гибели собаки породы французский бульдог, произошедший 3 сентября 2016 года по маршруту из Дубая в Москву. В заявлении ПАО «Аэрофлот» особенно отмечается, что вины авиакомпании в этом нет, а собаки пород с приплюснутой мордой более чувствительны к перепадам температуры

и стрессу при перелетах, имеют повышенный риск асфиксии (удушья) по сравнению с собаками других пород [8]. Никаких объективных данных, подтверждающих это, авиакомпанией не приводится.

Как отмечает Росавиация, деятельность по продаже и бронированию воздушных перевозок в соответствии с воздушным законодательством не подлежит государственному урегулированию [11].

Право свободы договора перевозки предоставляется авиаперевозчикам в соответствии с нормами ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], а также п. 4 Федеральных авиационных правил [12] (далее – ФАП), в соответствии с которыми авиаперевозчику предоставлено право самостоятельно устанавливать свои правила воздушных перевозок. Однако этим же пунктом ФАП отмечается, что правила авиакомпаний не должны противоречить общим правилам воздушной перевозки и ухудшать уровень обслуживания пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей. А в соответствии со ст. 102 Воздушного кодекса Российской Федерации [2] авиакомпании при выполнении воздушных перевозок обязаны соблюдать общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа и грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей, устанавливаемые федеральными авиационными правилами.

Сами ФАП не содержат запретов на перевозку животных, а указывают лишь на необходимость согласовать перевозку с перевозчиком (пп. 21 п. 25 и п. 143).

Кроме того, перечисленные «Аэрофлотом» породы собак в силу пункта 140 ФАП не могут создавать угрозу безопасности других пассажиров и воздушному судну, официально зарегистрированы и разрешены всеми международными кинологическими организациями [15], участвуют в размножении и выставках. Здоровье животного не зависит от его породы. Например, мопсы в среднем живут 12–15 лет, что значительно больше, чем другие породы собак [1], первый клуб мопсов был создан в 1871 году, а упоминание о породе встречается с 1553 года.

При этом возможность замены меры запрета письменным отказом пассажира (владельца собаки) от ответственности при перевозке собак указанных пород ПАО «Аэрофлот» даже не рассматривается.

В силу пункта 143 ФАП владелец животного обязан предоставить на перевозимое животное документы, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Аналогичное требование содержится в пункте 5.4.4 Порядка перевозки животных в ПАО «Аэрофлот» РИ-ГД-372, утвержденном Приказом генерального директора ПАО «Аэрофлот» от 26.05.2017 № 216, который в открытом доступе по непонятной причине не приво-

дится, да и в принципе по своей природе является внутренним локальным актом авиакомпании. Перечень и формы таких документов, а также порядок их оформления утверждены Комиссией Таможенного союза [14] и Минсельхозом России [13]. В них, в частности, указывается порода животного.

Учитывая тот факт, что ветеринарные врачи не являются специалистами-кинологами и в их обязанности не входит проверка предоставляемых им данных, в ветеринарных документах порода животного записывается со слов владельца животного. А владельцы животных могут не предъявить врачу родословные документы и утаить истинную породу животного. Кроме того, собаки могут и не иметь родословных документов, так как многие граждане приобретают их в качестве домашних компаньонов и не участвуют в дальнейшем в разведении и экспонировании животных. В этой связи само по себе решение авиакомпании по ограничению списка пород собак, допускаемых к перевозке, выглядит малоэффективным, и фактически нивелируется.

Согласно мировой практике, не рекомендуется брать на борт воздушного судна собак брахицефальных пород, если температура в аэропорту отправления, прибытия либо трансфера будет выше +27 градусов (80,6 °F).

Справедливым будет отметить, что ряд международных авиакомпаний ввело полный запрет на перевозку животных своими рейсами. К ним, в частности, относятся British Airways, Cathay Pacific, Emirates, Swiss, Thai Airways, Qatar и др. В «Аэрофлоте» полный запрет на перевозку животных отсутствует, авиакомпания не запретила перевозку пород кошек с аналогичным описанием, к которым относится, например, экзотическая короткошерстная. Кроме того, «Аэрофлот» открыто предлагает перевозку собак брахицефальных пород своими агентами по перевозке грузов [10]. В этой связи такая выборочность является не чем иным, как ограничением прав владельцев собак конкретных пород, а не заботой о других пассажирах и самих животных.

Учитывая принятое «Аэрофлотом» решение, существует реальное ограничение прав граждан (владельцев собак) по пользованию (обороту) их имущества, это также создает неудобства пассажирам «Аэрофлота» – владельцам собак, что ведет к невозможности транспортировки собак на выставки и потере дохода авиакомпании, способствует негуманному отношению – избавлению от животного (фактически члена семьи) при смене места жительства, длительных поездках граждан.

Особый урон наносится жителям отдаленных регионов страны, авиасообщение с которыми осуществляется преимущественно авиакомпанией «Аэрофлот»: они оказались заложниками такого решения авиакомпании, так как возможность добраться до европейской части России и далее по

всему миру у них теперь ограничена. Между тем сегодня около 35 % рынка авиасообщений охватывает именно этой авиакомпанией [16].

На популярном портале change.org даже размещена петиция владельцев собак брацефальных пород, за которую проголосовали 3 900 человек. В ней владельцы собак прямо указывают на отсутствие каких-либо статистических данных о смертности и уязвимости данных пород при перелетах. Неучастие собак от России в международных соревнованиях и племенном разведении наносит существенный урон авторитету страны, ведет к ослаблению ее позиции на международной арене в области кинологии [5].

Россельхознадзор данная ситуация не затрагивает, поскольку вопросы ограничения прав владельцев животных и ограничения их племенного разнообразия не входят в полномочия данного органа [9]. Данный орган вправе лишь полностью ограничить ввоз и вывоз животных с территории Российской Федерации.

Среди российских авиакомпаний к перевозке животных, в том числе собак брацефальных пород, готовы AirBaltic, S7, UTAir, «Уральские авиалинии» и др., запрет на перевозку у них отсутствует.

В условиях такой правовой неопределенности, учитывая, что ситуация затрагивает права большого количества граждан, полагаю необходимым:

- 1) внесение изменений в ФАП ограничивающих права авиакомпаний на лимитирование пород животных, разрешенных к перевозке, без проведения соответствующих международных исследований;
- 2) внесение изменений в Положение о Россельхознадзоре с предоставлением права регулирования видов и пород животных, допускаемых к перевозке в виде багажа.

Также полагаю, что принимать решение о перелете животных должен дипломированный ветеринарный врач, осматривающий каждое животное перед вылетом в клинику, в аэропорту и выдающий справку (свидетельство), подтверждающую отсутствие болезней у животного, а также владелец животного, а не сама авиакомпания.

Это следует и из норм ст. 137 ГК РФ, согласно которым к животным применяются общие правила об имуществе и, соответственно, ограничение права пользования (оборота) возможно только по решению суда либо в иных определенных законом случаях. Закон таких прямых ограничений не содержит.

Библиографический список

1. Dogbuldog.ru: Все о домашних питомцах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dogbuldog.ru/sobaki/porody/skolko-zhivotnopsy-813/> (дата обращения: 25.03.2018).
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997, 24 марта. – № 12. – Ст. 1383.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ч. 1 // Собрание законодательства РФ. – 1994, 5 дек. – № 32. – Ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ч. 2 // Собрание законодательства РФ. – 1996, 29 янв. – № 5. – Ст. 410.

5. Change.org: Глобальная платформа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chn.ge/2GbUnJK> (дата обращения: 25.03.2018).

6. Маковский Ю.Б. Транспортное право: учеб. пособие. – М., 2010.

7. mResearcher: Маркетинговые исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mresearcher.com/2016/07/nafi-skolko-tratyat-rossiyane-na-domashnih-pitomtsev.html> (дата обращения: 25.03.2018).

8. Аэрофлот: Российские авиалинии: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/60114> (дата обращения: 25.03.2018).

9. Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 327 // Российская газета. – 2004, 15 июля. – № 150.

10. Письмо ПАО «Аэрофлот» от 20.06.2017 № 501-127 [Рукопись] // личный архив автора.

11. Письмо Росавиации от 09.06.2017 № Иск-2649/09-ОГ [Рукопись] // личный архив автора.

12. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей: приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 (зарегистрирован в Минюсте России 27.09.2007 № 10186) // Российская газета. – 2007, 10 окт. – № 225.

13. Об утверждении Ветеринарных правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов, порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов в электронной форме и порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях: приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 27.12.2016 № 589 (зарегистрирован в Минюсте РФ 30.12.2016 № 45094) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: Государственная система правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

14. О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономическом союзе: решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 317 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. – <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения: 30.06.2010).

15. Стандарт породы мопс FCI [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fci.be/nomenclature/>

Standards/253g09-de.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

16. Эксперт Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/03/12/kak-aeroflot-monopoliziruet-vnutrennij-ryinok/> (дата обращения: 26.03.2018).

References

1. Dogbuldog.ru: Vse o domashnih pitomcah [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dogbuldog.ru/sobaki/porody/skolko-zhivut-mopsy-813/> (дата обращения: 25.03.2018).

2. Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 19.03.1997 № 60-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1997, 24 marta. – № 12. – St. 1383.

3. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ. CH. 1 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994, 5 dek. – № 32. – St. 3301.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii ot 26.01.1996 № 14-FZ. CH. 2 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996, 29 yanv. – № 5. – St. 410.

5. Change.org: Global'naya platforma [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chn.ge/2GbUnJK> (дата обращения: 25.03.2018).

6. Makovskij YU.B. Transportnoe pravo: ucheb. posobie. – M., 2010.

7. mResearcher: Marketingovyе issledovaniya [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mresearcher.com/2016/07/nafi-skolko-tratyat-rossiyane-na-domashnih-pitomtsev.html> (дата обращения: 25.03.2018).

8. Aehroflot: Rossijskie avialinii: oficial'nyj sajt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/60114> (дата обращения: 25.03.2018).

9. Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'noj sluzhbe po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2004 № 327 // Rossijskaya gazeta. – 2004, 15 iyulya. – № 150.

10. Pis'mo PAO «Aehroflot» ot 20.06.2017 № 501-127 [Rukopis'] // lichnyj arhiv avtora.

11. Pis'mo Rosaviacii ot 09.06.2017 № Iskh-2649/09-OG [Rukopis'] // lichnyj arhiv avtora.

12. Ob utverzhdenii Federal'nyh aviacionnyh pravil «Obshchie pravila vozdushnyh perevozok passazhirov, bagazha, gruzov i trebovaniya k obsluzhivaniyu passazhirov, gruzootpravitelej, gruzopoluchatelej: prikaz Mintransa Rossii ot 28.06.2007 № 82 (zaregistririvan v Minyuste Rossii 27.09.2007 № 10186) // Rossijskaya gazeta. – 2007, 10 okt. – № 225.

13. Ob utverzhdenii Veterinarnyh pravil organizacii raboty po oformleniyu veterinarnyh soprovoditel'nyh dokumentov, poryadka oformleniya veterinarnyh soprovoditel'nyh dokumentov v ehlektronnoj forme i poryadka oformleniya veterinarnyh soprovoditel'nyh dokumentov na bumazhnyh nositelyah: prikaz Ministerstva sel'skogo hozyajstva RF ot 27.12.2016 № 589 (zaregistririvan v Minyuste RF 30.12.2016 № 45094) [Электронный ресурс] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii: Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

14. O primenenii veterinarno-sanitarnyh mer v Evrazijskom ehkonomicheskom soyuze: reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 18.06.2010 № 317 [Электронный ресурс] // Oficial'nyj sajt Komissii Tamozhennogo soyuza. – <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения: 30.06.2010).

15. Standart porody mops FCI [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fci.be/nomenclature/Standards/253g09-de.pdf> (дата обращения: 25.03.2018).

16. EHkspert Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/03/12/kak-aeroflot-monopoliziruet-vnutrennij-ryinok/> (дата обращения: 26.03.2018).

РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СУДЕБНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

В статье анализируются вопросы административной ответственности в сфере судебного администрирования. В этих целях автор рассматривает федеральное законодательство на предмет положений, устанавливающих финансирование судов. Также делается попытка проанализировать подходы, сложившиеся в научной дискуссии, к статусу самих судов как объектов проверок, осуществляемых органами государственного финансового контроля. В рамках статьи также кратко рассматриваются полномочия Счетной палаты Российской Федерации, которыми она наделена для обеспечения законности в финансово-хозяйственной деятельности проверяемых объектов. Автор анализирует полномочия администраторов судов. Автор приходит к выводу, что при наличии административных правонарушений в финансово-хозяйственной деятельности суда, меры административной ответственности должны применяться в отношении администраторов судов как лиц, не обладающих статусом судьи. Реализация предложения возможна посредством внесения соответствующих изменений в стандарт государственного аудита Счетной палаты Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный аудит, законодательство, судебная власть, председатель суда, статус судьи, административная ответственность, законопроект, государственная судебная служба, администратор суда, типовой должностной регламент.

По смыслу ст. 124 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 1 Федерально-го закона от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации», единственным источником финансирования деятельности судов Российской Федерации является федеральный бюджет. При этом следует отметить, что норм о финансировании других органов государственной власти (государственных органов) Конституция Российской Федерации не содержит.

Ст. 4 Федерального закона от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» за судами Российской Федерации закрепляется право самостоятельного распоряжения средствами, предусмотренными федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и иными федеральными законами на обеспечение их деятельности.

Несмотря на то, что судебные органы имеют свои особенности в части принципов финансирования, обусловленные статусом судебной власти, реализация указанного права самостоятельного распоряжения средствами не означает произвольного характера распорядительных действий, совершения их вне правовых рамок. Будучи наделенными статусом участника бюджетного процесса, судебные органы интегрированы в финансово-бюджетную сферу и наряду с другими органами государственной власти (государственными органами) подчиняются действию общих подходов в управлении бюджетными средствами, и с позиции ч. 1 ст. 266 Бюджетного кодекса Российской Федерации являются объектами государственного финансового контроля.

В научной дискуссии обсуждается проблема статуса самих судов как объектов проверок, осуществляемых органами государственного финансового контроля [1, с. 2–6]. Отдельные авторы под-

вергают сомнению возможность Счетной палаты Российской Федерации (далее – Счетная палата) осуществлять проверки финансовой деятельности судебных органов. Так, А.В. Мазуров утверждает следующее: «Положения статьи (ст. 7 «Гарантии деятельности Конституционного Суда Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 21 июля 1995 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» – 3.Г.) означают, что никакие органы не вправе проводить проверку финансово-хозяйственной деятельности Конституционного Суда, поскольку их полномочия определены Федеральными законами либо актами нижестоящей юридической силы, а комментируемая статья содержится в Федеральном конституционном законе, имеющим приоритет перед Федеральным законом в силу ст. 76 (ч. 3) Конституции» [8].

В научной дискуссии в качестве реализационного принципа государственного контроля выделяют «принцип недопустимости вмешательства контролирующего органа в оперативную деятельность проверяемого» [3, с. 107; 11, с. 23]. Реализация указанного принципа предполагает поиск надлежащего баланса между эффективной деятельностью подконтрольных публично-правовых субъектов (поддержание законности и правопорядка в соответствующей сфере общественных отношений) с одной стороны, и, с другой стороны, – осуществлением полномочий на основе самостоятельной и независимой правореализации [3, с. 107]. В этой связи представляется справедливой позиция авторов, считающих, что контроль за деятельностью судебных органов со стороны власти всегда будет минимальным и будет сводиться к контролю за хозяйственной деятельностью судов, а не за отправлением ими правосудия [7].

В целях логического завершения своей контрольной функции Счетная палата России наде-

ляется инструментарием для обеспечения законности в финансово-хозяйственной деятельности проверяемых объектов. В рамках осуществления полномочий по внешнему государственному финансовому контролю, исходя из требований ч. 2 ст. 268 Бюджетного кодекса Российской Федерации, Счетной палатой направляются объектам контроля представления, предписания, осуществляется производство по делам об административных правонарушениях.

Так, в соответствии с п. 3 ч. 5 ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), инспекторам Счетной палаты предоставлено право по составлению протокола об административном правонарушении, предусмотренного рядом статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.21, 15.1, 15.11, 15.14, 15.15, 15.16; ч. 1 ст. 19.4, ст. 19.4.1, ч. 20 ст. 19.5, ст. 19.6 и 19.7 КоАП РФ).

Также в инструментарий для обеспечения законности в финансово-хозяйственной деятельности проверяемых объектов входят предоставленные Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» полномочия Счетной палаты по направлению информационных писем, а также передаче соответствующих материалов в правоохранительные органы при выявлении данных, указывающих на признаки составов преступлений (п. 2 ч. 1 ст. 14).

В науке существует подход, согласно которому особенности в реализации контрольных полномочий Счетной палаты в отношении судебных органов отсутствуют [6]. Мы полагаем важным заметить, что реализация административной ответственности в судебном администрировании имеет свои ограничения, связанные с поиском баланса между самостоятельностью суда и ответственностью в сфере судебного управления. Основной проблемой в реализации вышеназванных мер воздействия Счетной палаты при выявлении нарушений в финансово-хозяйственной деятельности судебных органов является статус лиц, в отношении которых должен составляться протокол об административном правонарушении.

Руководителем суда как учреждения является председатель суда, осуществляющий ряд полномочий по организации работы суда и назначаемый на должность, как это следует из положений п. 6 и 7 ст. 6.1. Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Президентом Российской Федерации. Исходя из анализа действующего законодательства очевидно, что правовой статус председателя суда не ограничивается его полномочиями как руководителя учреждения. Председатель суда – носитель судебной власти – судья. На страницах научной литературы делается вывод о том, что функции председателя

суда – это круг его обязанностей как руководителя судебного органа, а полномочия председателя суда – это предусмотренные законодательством права и обязанности председателя, которые он выполняет как судья соответствующего суда [10, с. 67–71]. В этой связи, предлагается классификация функций (полномочий) председателя суда на организационно-управленческие и судебные [5, с. 32–35], процессуальные и управленческие [10, с. 67–71].

В целом, вопросы разграничения административно-правового аспекта статуса председателя суда и его статуса как представителя судебной власти не находят достаточного отражения в законодательстве и формируют проблемное поле для научных исследований [2, с. 26–29]. При этом отдельными авторами обращается внимание на проблемный характер ситуации, связанной с привлечением к административной ответственности председателей судов как руководителей государственных учреждений за несоблюдение соответствующего законодательства, регулирующего те или иные сферы деятельности государственного учреждения как такового [4, с. 20–25].

На первый взгляд, провести грань достаточно просто: председатель суда – судья, когда отправляет правосудие. В решении же вопросов организационных, административно-хозяйственных он является должностным лицом (ст. 2.4. КоАП РФ). Тем не менее, мы полагаем, что привлечение к административной ответственности председателя суда как руководителя учреждения, например, в случае выявления административных правонарушений в финансово-хозяйственной деятельности судов, невыполнение предписания Счетной палаты, формирует репутационные риски для председателя суда как судьи, что умаляет авторитет судебной власти. Указанная ситуация, по нашему мнению, не соответствует целям и задачам реформирования судебной системы, не способствует укреплению в обществе доверия к судебной власти в Российской Федерации.

В то же время допускаемые нарушения принципа законности в финансово-хозяйственной деятельности судов не могут оставаться «незамеченными» контрольным органом, иной подход говорил бы о деформации принципа законности в управлении государственными финансами. В этой связи мы также разделяем позицию Н.А. Саттаровой, утверждающей, что принцип законности в финансовом (бюджетном) праве, являясь основополагающим, имеющим общеправовое значение, обеспечивает единство законности, равенства всех участников финансовой (бюджетной) деятельности государства и муниципальных образований перед законодательством, неотвратимость ответственности [9, с. 96–106].

Учитывая изложенное, полагаем, что в ракурсе проблемы государственного аудита финансово-хо-

зайственной деятельности судов важным становится формирование такого механизма, реализация которого позволяла бы одновременно обеспечить действие принципов неотвратимости наказания за совершенные административные правонарушения в финансово-бюджетной сфере и принципов независимости и самостоятельности судебной власти.

Представляется, что задача формирования указанного механизма обуславливает необходимость концептуального переосмысления статуса субъекта, привлекаемого к административной ответственности за нарушения, выявляемые в ходе государственного аудита финансово-хозяйственной деятельности судов, посредством исключения возможности ее реализации в отношении председателей судов как должностных лиц, наделенных не только административными полномочиями, но статусом судьи.

Анализ правового регулирования судебного администрирования в части организации финансово-хозяйственной деятельности судов позволяет установить следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 и 16, ч. 3 ст. 17 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) осуществляется аппаратом Верховного Суда, общее руководство которым осуществляет Председатель Верховного Суда Российской Федерации. На Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент) возложено обеспечение деятельности федеральных судов общей юрисдикции в его организационной составляющей, предусматривающей в том числе мероприятия финансового и материально-технического характера.

При этом указанное организационное обеспечение также возлагается на аппарат суда, руководителем которого является председатель соответствующего суда, о чем указывают положения ч. 1 и 2 ст. 38 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Согласно п. 3.2. Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 21 декабря 2012 г. № 238 (далее – Положение: утверждено приказом от 21 декабря 2012 г. № 238, приказ от 21 декабря 2012 г. № 238), в задачи аппарата суда входит осуществление мероприятий по организации и ведению бюджетного (бухгалтерского) учета финансово-хозяйственной деятельности, контролю за использованием ресурсов федерального суда общей юрисдикции (кроме районных судов). В структуре суда выполнение указанной задачи возложено на

финансово-бухгалтерский отдел, в ряде направлений деятельности которого она конкретизируется.

Кроме того, приказом Судебного департамента от 21 декабря 2012 г. №238 закрепляются основные направления деятельности структурного подразделения, ответственного за достижение задач материально-технического обеспечения суда (п. 4.8.1. и 4.8.2. Положения, утвержденного приказом от 21 декабря 2012 г. № 238). К таким направлениям отнесены, в частности, обеспечение инвестиционной деятельности, связанной со строительством, реконструкцией, приобретением зданий судов и осуществляемой в форме государственных капитальных вложений; участие в размещении заказов в рамках процедур контрактной системы, предусматривающее подготовку документации, организацию исполнения обязательств и проведение контроля за исполнением государственных контрактов).

Также на Судебный департамент возложено обеспечение организационной составляющей деятельности арбитражных судов, предусматривающей, как и в случае с судами общей юрисдикции, мероприятия финансового и материально-технического характера.

При этом аналогично с судами общей юрисдикции организационное обеспечение также возлагается на аппарат арбитражного суда, руководителем которого является председатель соответствующего суда, что следует из положений ч. 1 и 2 ст. 45 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Следует отметить, что ранее в системе арбитражных судов руководство аппаратом арбитражного суда осуществлял администратор суда, должность администратора суда – руководителя аппарата суда – предусматривалась реестром должностей федеральной государственной гражданской службы. В настоящее время должность администратора соответствующего суда предусматривается в Перечне должностей по линии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Закрепленный ст. 17 – 19 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» статус администратора определяет перечень его полномочий, который является открытым, а также предусматривает его подчинение председателю соответствующего суда через закрепление обязанности выполнения администратором распоряжений председателя суда. Конкретизация законодательно установленных полномочий администратора суда происходит в типовых должностных регламентах администраторов судов в системе судов общей юрисдикции и арбитражных.

Анализ типовых должностных регламентов администраторов в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов, утвержденных соответ-

ствующими приказами Судебного департамента, также показывает, что полномочия администраторов судов сопряжены с принятием управленческих решений в части материально-технического обеспечения судов, участием в их финансово-хозяйственной деятельности.

Так, должностным регламентом администратора в системе арбитражных судов предусматривается его участие в организации, проведении и контроле в закупочных процедурах (разработка конкурсной документации для проведения тендеров, обеспечение контроля выполнения заключенных государственных контрактов), представление отчетности об использовании материальных ценностей, обеспечение контроля их сохранности. Отдельный условный блок формируют обязанности, связанные со строительством, ремонтом, эксплуатацией и техническим обслуживанием зданий (помещений) и сооружений арбитражного суда. В частности, указанные обязанности связаны с оформлением правоустанавливающих документов на недвижимость и земельные участки судов, подготовкой документации по обоснованию строительства, составлением задания на проектирование при строительстве зданий и сооружений в целях размещения арбитражных судов, участием в проведении конкурсов на выполнение соответствующих подрядных работ.

Вышеуказанные обязанности аналогичны должностным обязанностям администратора суда общей юрисдикции, что подтверждается п. 3.1.10. и п. 3.1.11. Типового должностного регламента администратора верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда, гарнизонного военного суда, утвержденного приказом Судебного департамента от 22 августа 2006 г. № 80.

Важно также заметить, что по результатам государственного аудита обнаруживаются отдельные нарушения, связанные с обозначенными сферами полномочий администраторов судов (например, в части полномочий, связанных с организацией строительства, ремонта, эксплуатации и технического обслуживания зданий (помещений) и сооружений судов).

В этой связи формируется риск возникновения несколько парадоксальной ситуации, когда за надлежащие результаты реализации полномочий, возложенных на администраторов судов, потенциально привлекается к ответственности председатель суда как руководитель учреждения.

КоАП РФ в качестве признаков должностного лица как субъекта административной ответственности определяет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, которые такое лицо выполняет в государственных органах (ст. 2.4 КоАП РФ).

Таким образом, в целях полноценного использования механизмов административной ответственности как гарантии реализации принципа законности в финансово-хозяйственной деятельности судебных органов предлагается в судебной системе в качестве субъекта, привлекаемого к административной ответственности на основании протокола об административном правонарушении, составленном должностными лицами Счетной палаты Российской Федерации, определить руководителей структурных подразделений в аппаратах судов (например, финансово-бюджетного отдела, отдела по материально-техническому обеспечению) и (или) администраторов судов, то есть лиц, не обладающих статусом судьи, полномочия которых сопряжены с принятием решений, касающихся бюджетной, финансово-хозяйственной деятельности судов.

Предпосылки для реализации указанного предложения посредством изменения существующего правового регулирования вопросов судебного администрирования уже созданы.

Так, постановлением Пленума Верховным Судом Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 15 принято решение о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с введением государственной судебной службы Российской Федерации».

Предлагаемые к принятию изменения направлены, в том числе на исключение должности администратора суда из системы Судебного департамента с одновременным введением должности «руководитель аппарата суда – администратора суда» в аппарате арбитражного суда, суда общей юрисдикции субъекта Российской Федерации, окружного (флотского) военного суда.

Важно заметить, что необходимость реализации данных предложений связывается с решением задач утвержденной Советом судей Российской Федерации Концепции реформирования института администраторов судов. Основным направлением указанной Концепции является формирование условий, позволяющих председателю суда заниматься исключительно отправлением правосудием, а не реализацией различного рода «хозяйствующих» полномочий.

Кроме того, реализация предложения в части исключения ситуации привлечения председателя суда к административной ответственности за нарушения, допущенные в финансово-хозяйственной деятельности судов, возможна, по нашему мнению, также посредством внесения соответствующих изменений в стандарты государственного аудита Счетной палаты.

В частности, в целях обеспечения принципа законности в финансово-хозяйственной деятельности с учетом исключения возможных репутаци-

онных рисков для судебной власти представляется целесообразным дополнить требования стандарта внешнего государственного аудита (контроля) «Общие правила проведения контрольного мероприятия» (СГА 101), регламентирующие действия инспектора Счетной палаты по оформлению протокола об административном правонарушении, следующими положениями: «В том случае, когда объектом контрольного мероприятия является орган судебной власти, инспектору Счетной палаты Российской Федерации при составлении протокола об административном правонарушении следует принять все необходимые меры к определению ответственных лиц, обратив внимание на статус лица, привлекаемого к административной ответственности, с позиции закрепленных в его должностном регламенте организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций, исключив, при наличии к тому правовых оснований, ситуацию привлечения к ответственности лиц, обладающих статусом судьи».

Библиографический список

1. Артамонов В.А. Финансовый контроль и судебная система России // Администратор суда. – 2011. – № 1. – С. 2–6.
2. Беспалов Ю. Проблемы независимости судебной власти и пути их решения // «Мировой судья». – 2008. – № 8. – С. 26–29.
3. Джагарян А.А. Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации. – М.; Формула права, 2008. – 175 с.
4. Ермошин Г.Т. Объединение высших судов: еще одна судебная реформа или реализация накопленного опыта? // Российский судья. – 2013. – № 11. – С. 44–47; № 12. – С. 20–25.
5. Золоторев В.Г., Лагутин И.Б. Административно-правовой статус должностных лиц судебной власти (на примере председателя федерального суда субъекта Российской Федерации) // Административное право и процесс. – 2012. – № 10. – С. 32–35.
6. Комментарий к Федеральному закону от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Дмитриев, А.Н. Борисов, С.И. Мельников и др.; под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Деловой двор, 2009. – 264 с.
7. Конституционная экономика / под ред. В.А. Двореченских. – М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2009. – 448 с.
8. Мазуров А.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Частное право, 2009. – 389 с.
9. Саттарова Н.А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эф-

фективного функционирования финансовой системы // Lex russica. – 2015. – № 8. – С. 96–106.

10. Филиппов Н.К. Полномочия председателя верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа: вопросы теории и практики // Российская юстиция. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

11. Фролова Е.Е. Государственный финансовый контроль в сфере денежного обращения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РУДН, 2011. – 23 с.

References

1. Artamonov V.A. Finansovyy kontrol' i sudebnaya sistema Rossii // Administrator suda. – 2011. – № 1. – S. 2–6.
2. Bepalov YU. Problemy nezavisimosti sudebnoy vlasti i puti ih resheniya // «Mirovoj sud'ya». – 2008. – № 8. – S. 26–29.
3. Dzhagaryan A.A. Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii. – M.; Formula prava, 2008. – 175 s.
4. Ermoshin G.T. Ob"edinenie vysshih sudov: eshche odna sudebnaya reforma ili realizaciya nakoplennoogo opyta? // Rossijskij sud'ya. – 2013. – № 11. – S. 44–47; № 12. – S. 20–25.
5. Zolotorev V.G., Lagutin I.B. Administrativno-pravovoj status dolzhnostnyh lic sudebnoj vlasti (na primere predsedatelya federal'nogo suda sub"ekta Rossijskoj Federacii) // Administrativnoe pravo i process. – 2012. – № 10. – S. 32–35.
6. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 11 yanvarya 1995 g. № 4-FZ «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) / YU.A. Dmitriev, A.N. Borisov, S.I. Mel'nikov i dr.; pod red. YU.A. Dmitrieva. – M.: Delovoj dvor, 2009. – 264 s.
7. Konstitucionnaya ehkonomika / pod red. V.A. Dvurechenskih. – M.: GOU VPO «REHA im. G.V. Plekhanova», 2009. – 448 s.
8. Mazurov A.V. Kommentarij k Federal'nomu konstitucionnomu zakonu «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (postatejnyj). 2-e izd., pererab. i dop. – M.: CHastnoe pravo, 2009. – 389 s.
9. Sattarova N.A. Mery gosudarstvennogo prinuzhdeniya v byudzhetnoj sfere kak faktor ehffektivnogo funkcionirovaniya finansovoj sistemy // Lex russica. – 2015. – № 8. – S. 96–106.
10. Filippov N.K. Polnomochiya predsedatelya verhovnogo suda respubliki, kraevogo, oblastnogo suda, suda goroda federal'nogo znacheniya, suda avtonomnoj oblasti, suda avtonomnogo okruga: voprosy teorii i praktiki // Rossijskaya yusticiya. – 2013. – № 2. – S. 67–71.
11. Frolova E.E. Gosudarstvennyj finansovyy kontrol' v sfere denezhnogo obrashcheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M.: RUDN, 2011. – 23 s.

ПРИМЕНЕНИЕ ВНУТРЕННИХ УСТАНОВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются особенности применения внутренних установлений религиозных организаций в гражданских правоотношениях. Внутренние установления религиозных организаций лишь недавно получили отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (в статьях 123.26 и 123.27). И если в рамках трудового законодательства и законодательства о свободе совести ранее были намечены определённые подходы к толкованию и применению указанного понятия, то в гражданских правоотношениях наука и практика еще лишь в начале данного пути. Автор предлагает возможный подход к определению внутренних установлений религиозных организаций в контексте Гражданского кодекса Российской Федерации, алгоритм их толкования и сопоставления с действующим законодательством, подчеркивает сложность и неоднозначность применения на практике исследуемой конструкции. Рассмотрение затронутой темы построено на системном изучении нормативных правовых актов и теоретических изысканий в области права.

Ключевые слова: религиозные организации, внутренние установления, торговля, гражданские правоотношения, коммерческая деятельность, толкование.

За последние несколько лет реформирования гражданского законодательства Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) пополнился немалым количеством новых понятий, одно из которых – внутренние установления религиозных организаций (п. 2 ст. 123.26 и п. 3 ст. 123.27 ГК РФ). Понятие это обособляется законодателем и от устава юридического лица (законодатель приводит устав наряду, но не в числе внутренних установлений), и от корпоративных норм (хотя бы в силу того, что религиозные организации не входят в число корпоративных юридических лиц) [10, с. 21–26]. Это позволяет рассматривать внутренние установления в качестве самостоятельного специфического элемента системы регулирования гражданских правоотношений, возникающих с участием религиозных организаций. Правоотношений, связанных именно с гражданским оборотом и проистекающими из ГК РФ правами и обязанностями, так как в соответствии с п. 6 ст. 50 ГК РФ, предусмотренные им правила не применяются к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности.

Но как применять внутренние установления религиозных организаций в гражданских правоотношениях? Каковы их особенности в сравнении с иными элементами системы регулирования, определяемой Гражданским кодексом РФ? Постараемся ответить на эти вопросы.

Прежде всего, отметим, что применение внутренних установлений религиозных организаций на практике осложняется отсутствием какого-либо нормативно закреплённого их определения. Наибольшее внимание этой конструкции уделяют исследователи трудового права, которые, как правило, предлагают понимать под внутренними установлениями нормы религиозного права положения локальных актов религиозной организации [12, с. 8], обычаи, традиции и правила поведения [5,

с. 567]. Но большая часть этих предложений была дана до введения конструкции внутренних установлений в Гражданский кодекс РФ и не учитывает применяемый им понятийный аппарат.

Например, отнесение к внутренним установлениям обычаев наводит на вопрос об их соотношении с понятием обычая, раскрываемым в ст. 5 ГК РФ (весьма сомнительным представляется тот факт, что законодатель в процессе оптимизации гражданского законодательства допустил наличие в кодексе двух понятий (внутренние установления и обычаи), одно из которых охватывает второе, но не имеет с ним достаточно очевидной взаимосвязи).

Тем не менее, учитывая подходы к дефиниции внутренних установлений, выработанные в теории трудового права, исходя из семантики рассматриваемого понятия, логичным представляется понимать под внутренними установлениями религиозной организации принятые в ней правила (например, статус внутренних установлений у мусульман имеет Книга правил [14, с. 353–370]), запреты, предписания и ориентиры, которые могут содержаться как в священных текстах, нормах религиозного права, локальных актах религиозной организации, так и в иных источниках. При этом закон не предъявляет никаких требований к форме таких источников, из чего можно сделать вывод о допустимости существования внутренних установлений как в письменной, так и в устной форме.

Согласно п. 2 ст. 123.26 Гражданского кодекса РФ религиозные организации действуют в соответствии со своими уставами и внутренними установлениями, не противоречащими закону. Иными словами, религиозные организации при участии в гражданском обороте, при совершении сделок, реализации прав и исполнении своих гражданских обязанностей в силу прямого указания закона следуют не только своему уставу, но и не противоречащим закону внутренним установлениям.

Это порождает закономерный вопрос: существуют ли принятые в религиозных организациях правила, запреты или предписания, которые существенно затрагивают совершаемые этими организациями юридически значимые действия в отношениях, регулируемых Гражданским кодексом РФ? Представляется, что ответ на этот вопрос далеко не очевиден для среднестатистического участника гражданских правоотношений. Как правило, внутренние установления религиозных организаций ассоциируются с регламентацией отправления культа, богослужений, духовных практик, взаимодействия верующих между собой и т.п. В действительности же круг вопросов, регулируемых внутренними установлениями, гораздо шире и затрагивает сферы деятельности, традиционно не связываемые большинством людей с какими-либо религиозными нормами.

Так, необходимость следования внутренним установлениям приобретает особое значение при осуществлении религиозными организациями торговой деятельности, так как практически каждая конфессия имеет свои собственные правила ведения торговли, запреты и предписания, предопределяющие поведение на товарном рынке. Из всех отраслей хозяйствования именно эта подвергается наиболее детализированной регламентации религиозными установлениями.

Например, в исламе внутренние установления прямо запрещают ряд торговых сделок (батил): купля-продажа так называемых «нечистот», узурпированных товаров, торговое дело, связанное с запретной, азартной игрой (кимар или кумар), сделки, в которых имеется момент ростовщичества (риба), продажа «смешанных» товаров, отделить которые друг от друга невозможно (например, масла, смешанного с другим жиром) и так далее [9]. В иудаизме запрещается продавать не евреям любую вещь, которая нужна им для отправления их культа, включая их собственные книги, связанные с их культом [1, с. 211], а также оружие (Тосефта, Авода зара, 2:1) [7]. А каноническое право Римско-католической церкви в вопросах ценообразования признаёт лишь справедливую цену, то есть цену, в которой соблюдено пропорциональное равенство, основанное на обмене эквивалентов.

Внутренние установления религиозных организаций могут ограничивать круг объектов, выступающих в роли товара, влиять на цену товара, предопределять выбор контрагента по сделке, запрещать те или иные способы обеспечения исполнения обязательств. Все эти правила в силу п. 2 ст. 123.26 ГК РФ следует учитывать, вступая в коммерческие отношения с участием религиозных организаций.

При этом учитывать внутренние установления религиозной организации необходимо с позиций принятых в этой организации правил толкования.

Так, при толковании канонов Римской католической церкви следует помнить, что она, по традиции римского права, не имеет обратного действия, кроме некоторых исключительных обстоятельств, когда действие, рассматриваемое в соответствии с ним, было еще не завершено в момент создания закона, и вдобавок законодатель однозначно заявил, что новый закон распространяется на совершаемые в соответствующий момент действия [8, с. 20]. При заключении договора с исламской организацией необходимо принимать во внимание, что ислам не поощряет концепцию *Caveat emptor* (покупатель действует на свой страх и риск), которую западные суды считали подходящим при рассмотрении многих судебных дел [4, с. 85]. Некоторые же канонические предписания оказываются фактически недействующими в современных коммерческих отношениях. Например, запрет заниматься излишним накопительством, выраженный в Новом завете словами «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои...» (Матф, 10:9), нивелируется возникшей после Второго Ватиканского собора преднамеренной дихотомией канонического права и таинства, правовых и пастырских структур, то есть противопоставлением Закона и Евангелия, берущим начало в дуализме *ecclesia abscondita o spiritualis* («сокрытой или духовной Церкви») и *ecclesia universalis o visibilis* («вселенской или видимой Церкви») [3].

Иными словами, субъект гражданских правоотношений, возникающих при участии религиозной организации, рискует столкнуться с весьма нетривиальными проблемами толкования, обременёнными религиозной традицией и богословской полемикой. Тем не менее, именно учёт внутренних и внешних взаимосвязей, существующих между предписаниями гражданско-правового и религиозного характера, является необходимым условием быстрой и правильной интерпретации внутреннего установления, находящегося в межсистемной связи с нормами гражданского права, определения приоритетности при их сопоставлении друг с другом, и, что самое главное, познания смысла интерпретируемой нормы. Реализации данной установки в гражданских правоотношениях с религиозными организациями может послужить транссистемное толкование внутренних установлений религиозных объединений и норм права России посредством следующей последовательности приемов (за основу нами принята общая классификация приёмов системного толкования норм права, приведённая Н.Л. Дворниковым [2, с. 20], расширенная и адаптированная к рассматриваемому вопросу с учётом алгоритма использования канонических норм, предложенного Чарльзом М. Уилсоном [15, с. 1–8], а также предложенного И.В. Цветковым деления влияющих на содержание договора норм на косвенно или прямо ограничивающие усмотрение сторон [11, с. 20]):

1) установление места внутреннего установления религиозной организации в системе религиозного права (то есть в одной из неюридических форм права, которой свойственны характерные для права организующего типа нормоустановление, правообеспечение и надзор [6, с. 26–30]);

2) установление иных норм, которые соотносятся с толкуемым установлением на основании различных взаимосвязей и зависимостей в пределах системы религиозного права;

3) установление иерархического положения двух и более внутренних установлений, в зависимости от принадлежности их к вышестоящим или нижестоящим актам в пределах системы религиозного права;

4) сопоставление двух и более внутренних установлений уже после того, как определена их соподчиненность, выявлено их отношение к близким по содержанию правовым институтам и отраслям или одному правовому институту (отрасли);

5) установление особенностей совместного применения двух и более внутренних установлений религиозной организации;

6) определение способа воздействия внутренних установлений на конкретное условие сделки (в случае если речь идёт о сделке): прямое или косвенное (то есть зависящее от наличия в сделке того или иного условия);

7) установление норм позитивного (светского) права, которые соотносятся с толкуемым внутренним установлением на основании различных взаимосвязей и зависимостей;

8) установление места соотносящейся с толкуемым внутренним установлением нормы в системе позитивного права;

9) установление иных норм, которые соотносятся с применяемой нормой позитивного права в пределах системы позитивного права;

10) установление иерархического положения двух и более юридических предписаний, в зависимости от принадлежности их к вышестоящим или нижестоящим нормативным правовым актам в пределах системы позитивного права;

11) сопоставление двух и более норм системы позитивного права;

12) установление особенностей совместного применения двух и более норм позитивного права.

13) сопоставление толкуемого с учётом выявленных взаимосвязей и зависимостей внутреннего установления религиозной организации с юридическим значением соотносящихся с ним норм позитивного права и (в отсутствие исключающего применения внутреннего установления противоречия между ними) установление особенностей их совместного применения.

Первые пять шагов направлены на то, чтобы определить, применимы ли религиозные нормы к конкретному правоотношению в рамках религи-

озной правовой системы. Шестой – на определение степени инициативной свободы сторон в обременении себя обязательством по соблюдению религиозных норм. Последующие шаги направлены на определение возможности применения внутренних установлений с учётом действующего законодательства и осуществляются в случае, если религиозные нормы имеют прямое действие или в интересах сторон применить их в силу косвенных факторов.

Необходимо отметить, что вектор толкования может быть направлен и в обратную сторону – на определение ситуативного смысла не религиозной, а светской правовой нормы путём сопоставления её буквального значения с правилами её применения, проистекающими из внутренних установлений религиозных организаций. Например, в силу ст. 329 Гражданского кодекса РФ, договором может быть предусмотрен любой способ обеспечения исполнения обязательств. Однако внутренние установления отдельных религиозных организаций могут препятствовать включению конкретных способов обеспечения исполнения обязательств в договор (к примеру, неустойки, выраженной в процентах, в исламе [13]). Таким образом, сопоставление светской правовой нормы с религиозной нормой позволяет выявить условия её применения в конкретной жизненной ситуации с учётом специфики регулирования деятельности религиозной организации.

Внутренние установления религиозных организаций проанализированы нами в контексте второго абзаца п. 2 ст. 123.26 ГК РФ, но этим место внутренних установлений в Гражданском кодексе РФ отнюдь не ограничивается. Уже следующий абзац того же пункта говорит о том, что внутренними установлениями определяется порядок образования органов религиозной организации и их компетенция, порядок принятия решений этими органами, отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в состав ее органов, а из содержания п. 3 ст. 123.27 Гражданского кодекса РФ следует, что внутренними установлениями определяется ещё и порядок, в котором учредитель (учредители) религиозной организации может выполнять функции органа управления или членов коллегиального органа управления данной религиозной организации. Все эти нормы достойны отдельного обстоятельного исследования и обсуждения, но даже приведённые нами в рамках настоящей статьи примеры демонстрируют, что применение внутренних установлений религиозных организаций в гражданских правоотношениях значительно осложняется такими факторами, как отсутствие чёткой дефиниции этого понятия, наличие ничем не ограниченной свободы в форме таких установлений, неоднозначность толкования соответствующих норм. Эти проблемы предопределяют направление соответствующих научных изы-

сканий, актуальной целью которых представляется выработка таких способов интеграции внутренних установлений в гражданские правоотношения, при которых будет обеспечена стабильность гражданского оборота при соблюдении интересов сообществ верующих.

Библиографический список

1. Ганиффрид Ш. *Кишур Шулхан Арух*. – Иерусалим: Шамир, 1994. – 688 с.
2. Дворников Н.Л. Системное толкование норм права: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 189 с.
3. Джероза Л. Каноническое право в католической церкви. – М.: Христианская Россия, 1996. – 379 с.
4. Ибрахим Р. Ислам и бизнес. – Казань: Издательство ОАО ПИК «Идел-Пресс», 2006. – 104 с.
5. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / отв. ред. Е.Н. Сидоренко. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – 752 с.
6. Лановая Г.М. Неюридические формы существования права организующего типа // История государства и права. – 2013. – № 12. – С. 26–30.
7. Ольман А. Торговля оружием с точки зрения Торы // Ежемесячный литературно-публицистический журнал и издательство ЛЕХАИМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lechaim.ru/ARHIV/213/olman.htm#_ftn1 (дата обращения: 11.12.2014).
8. Плешков Е.В. Каноническое право средневековой Европы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – 192 с.
9. Рахманов А.Р. Латибов И. Торговля и предпринимательство в исламском праве // Российское право в Интернете. – 2004. – № 1. – С. 9–22.
10. Сергеев П.В. Правовое значение внутренних установлений религиозных организаций в регулировании коммерческих отношений // Право и экономика. – 2016. – №9. – С. 21–26.
11. Цветков И.В. Воздействие публично-правовых требований на содержание внешнеторговых договоров: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2001. – 199 с.
12. Черняева Д.В. Регулирование труда работников религиозных организаций в РФ: проблемы решенные и нерешенные // Трудовое право. – 2003. – № 6. – С. 6–10.
13. Этика торговли в исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.din-islam.ru/forum/viewtopic.php?f=42&t=768> (дата обращения: 12.01.2015).
14. Яворчук Н.Н. Трудовой договор с религиозной организацией // Российский ежегодник трудового права. – 2007. – № 3. – С. 353–370.

15. Wilson C.M. Similarities Between Canon and Secular Law: Using Them to Our Advantage // *Christifidelis*. – 2006. – Vol. 24. №. 5. – P. 1–8.

References

1. Gancfrid SH. *Kicur SHulhan Aruh*. – Ierusalim: SHamir, 1994. – 688 s.
2. Dvornikov N.L. *Sistemnoe tolkovanie norm prava: dis. ... kand. jurid. nauk.* – Nizhnij Novgorod, 2007. – 189 s.
3. Dzherozha L. *Kanonicheskoe pravo v katolicheskoy cerkvi*. – M.: Hristianskaya Rossiya, 1996. – 379 s.
4. Ibrahim R. *Islam i biznes*. – Kazan': Izdatel'stvo OAO PIK «Idel-Press», 2006. – 104 s.
5. *Kommentarij k Trudovomu kodeksu RF / отв. red. E.N. Sidorenko*. – M.: YUrajt-Izdat, 2004. – 752 s.
6. Lanovaya G.M. *Neyuridicheskie formy sushchestvovaniya prava organizuyushchego tipa // Istoriya gosudarstva i prava*. – 2013. – № 12. – S. 26–30.
7. Ol'man A. *Torgovlya oruzhiem s tochki zreniya Tory // Ezhemesyachnyj literaturno-publicisticheskij zhurnal i izdatel'stvo LEKHAIM [EHlektronnyj resurs]*. – Rezhim dostupa: http://www.lechaim.ru/ARHIV/213/olman.htm#_ftn1 (data obrashcheniya: 11.12.2014).
8. Pleshkov E.V. *Kanonicheskoe pravo srednevekovoj Evropy: dis. ... kand. jurid. nauk.* – Stavropol', 2002. – 192 s.
9. Rahmanov A.R. Latibov I. *Torgovlya i predprinimatel'stvo v islamskom prave // Rossijskoe pravo v Internetе*. – 2004. – № 1. – S. 9–22.
10. Sergeev P.V. *Pravovoe znachenie vnutrennih ustanovlenij religioznyh organizacij v regulirovanii kommercheskih otnoshenij // Pravo i ehkonomika*. – 2016. – №9. – S. 21–26.
11. Cvetkov I.V. *Vozdejstvie publichno-pravovyh trebovanij na sodержание vneshnetorgovyh dogovorov: dis. ... kand. jurid. nauk.* — Moskva, 2001. – 199 s.
12. CHernyaeva D.V. *Regulirovanie truda rabotnikov religioznyh organizacij v RF: problemy reshennye i nereshennye // Trudovoe pravo*. – 2003. – № 6. – S. 6–10.
13. *EHtika torgovli v islame [EHlektronnyj resurs]*. – Rezhim dostupa: <http://www.din-islam.ru/forum/viewtopic.php?f=42&t=768> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
14. YAvorchuk N.N. *Trudovoj dogovor s religioznoj organizaciej // Rossijskij ezhegodnik trudovogo prava*. – 2007. – № 3. – S. 353–370.
15. Wilson C.M. Similarities Between Canon and Secular Law: Using Them to Our Advantage // *Christifidelis*. – 2006. – Vol. 24. №. 5. – P. 1–8.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются некоторые препятствия и ограничения, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, а именно: отказ в государственной регистрации в связи с непредставлением необходимых документов, форс-мажорные обстоятельства, проблема регистрации организаций в жилых помещениях, ограничение свободы предпринимателя договором, явления теневой экономики, недостаток профессиональных навыков начинающих предпринимателей. На основе изучения и анализа правовых норм и судебной практики в данной статье будет предпринята попытка определить причины возникновения препятствий и ограничений в предпринимательской деятельности, предложены возможные пути полного или частичного устранения данных причин. Также проведен сравнительный анализ уровня общей предпринимательской активности, активности ранних и устойчивых предпринимателей, сделан общий вывод о необходимости поддержки малых и средних предпринимателей путем сведения к минимуму негативного влияния вышеперечисленных препятствующих факторов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предприниматель, свобода предпринимательства, препятствия и ограничения, ограничивающие факторы.

В Российской Федерации (далее – РФ) каждому дано право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (что закреплено в п. 1 ст. 34 Конституции РФ) [7]. В определенных случаях законом предусмотрены ограничения прав и свобод – п. 3 ст. 55 Конституции РФ [7]. В предпринимательской деятельности ограничение прав и свобод сводится к определенным императивным требованиям. Например, как было сказано выше, согласно ст. 34 Конституции РФ право заниматься предпринимательской деятельностью дано каждому человеку [7]. Но в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) определено, что такой деятельностью может заниматься лишь лицо, зарегистрированное в качестве предпринимателя в установленном законом порядке [4]. Подобные ограничения нельзя назвать нарушающими права и свободы, напротив, они призваны установить определенный порядок, равноправие и законность при осуществлении предпринимательской деятельности.

Однако существует проблема, связанная с ситуациями, когда требования закона сформулированы недостаточно ясно, что порождает необоснованное нарушение прав и разногласия в судебной практике. Согласно классификации А.В. Малько, такие ситуации связаны с дефектами правовой системы и являются факторами, поддающимися управлению. К факторам, неподдающимся управлению, относятся не зависящие от воли человека явления (стихийные бедствия, катастрофы и т. д.) [8, с. 184].

Рассматривая факторы, поддающиеся управлению, предлагаем проанализировать несколько случаев несовершенства правовых норм и порождаемых этим проблем. Так, существует проблема отказа в государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЮЛ и ИП). В п. 1 ст. 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц

и индивидуальных предпринимателей» в качестве основания для отказа предусмотрено непредставление необходимых документов [16]. Е. Зорина отмечает, что часто документ об оплате судебной пошлины, составленный с техническими ошибками, рассматривался регистрирующим органом как не представленный [6]. Однако ситуация изменилась, когда Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа, рассмотрев дело № А42-3622/2006, в постановлении от 11.01.2007 г. установил, что неправильное указание в платежном поручении кода бюджетной классификации не может расцениваться как непредставление документа, подтверждающего уплату государственной пошлины, и не является основанием для отказа в государственной регистрации (при условии, что государственная пошлина фактически была уплачена) [10].

Е. Зорина также обращает внимание на то, что отказ в государственной регистрации ранее связывался и с опечатками в иных необходимых документах, например в заявлениях [6]. Арбитражный суд Волгоградской области по делу № А12-1065/2010 в решении от 10.02.2010 г. установил, что опечатка в документе не может служить поводом для отказа в государственной регистрации, так как в ст. 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» содержится закрытый перечень оснований для отказа в государственной регистрации [12].

Как отмечено Б.А. Романовым, распространенной категорией споров при регистрации юридических лиц также являлся и отказ в регистрации их в жилых помещениях. Причиной отказа в этом случае служила ссылка налоговых органов на п. 3 ст. 288 ГК РФ, согласно которому в жилых помещениях не могут размещаться производства, и п. 2 ст. 671 ГК РФ, определяющему, что юридическое лицо может использовать жилое помещение лишь для проживания граждан [13, с. 109–110]. Но Федеральный арбитражный суд Северо-Западного

округа по делу № А05-207/2007 в постановлении от 01.08.2007 г. установил, что, согласно пп. «в» п. 1 ст. 5 и п. 2 ст. 8 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», государственная регистрация осуществляется по месту нахождения указанного учредителями в заявлении о государственной регистрации постоянно действующего исполнительного органа. Следовательно, государственная регистрация может осуществляться по месту жительства генерального директора юридического лица, что не будет являться нарушением норм гражданского законодательства [11]. Как видим, несмотря на неверное толкование норм права регистрирующими органами, суды решили спорные ситуации в пользу юридических лиц, что впоследствии послужило основой для формирования единообразной судебной практики. Но, как известно, в РФ судебный прецедент не входит в систему источников права, следовательно, теоретически сложившаяся практика не мешает судам впоследствии вынести иное решение по аналогичным делам. По нашему мнению, в процессе законотворчества необходимо обращать особое внимание на правовые нормы с широким и неоднозначным толкованием. Неоднозначно можно истолковать пп. «а» п. 1 ст. 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», определяющий, что отказ в государственной регистрации допускается в случае непредставления необходимых документов [16]. Исходя из этого, считаем необходимым дополнить пп. «а» п. 1 ст. 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [16] положением о том, что документы, составленные с техническими ошибками и опечатками, не могут рассматриваться регистрирующим органом как не представленные. Также считаем необходимым дополнить п. 2 ст. 8 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [16] положением о том, что допускается регистрация ЮЛ в жилых помещениях, если их занимает лицо, осуществляющее функции исполнительного органа, либо оно уполномочено выступать от имени ЮЛ.

Воздействие факторов, не поддающихся управлению, думается, особенно остро отражается на крестьянских фермерских хозяйствах (далее – КФХ), эффективность деятельности которых напрямую зависит от благоприятных природных условий. Одной из возможностей снизить риски в деятельности КФХ в таких случаях выступает страхование посевов, техники, животных, что в настоящее время практикуется. Однако О. Павленко отмечает, что большинство руководителей КФХ считает, что страхование от форс-мажорных обстоятельств должно быть добровольным, а не обязательным. Приводится пример, когда страховая компания в догово-

ре предлагает страхование хозяйства от затопления и промерзания. Справедливо замечено, что если хозяйство находится на возвышенности, не имеет смысла в обязательном порядке страховать его от затопления. Кроме того, препятствием в страховании КФХ являются высокие страховые ставки, сложность получения выплат в результате наступления страховых случаев [9]. Как видим, на практике при страховании КФХ от форс-мажорных обстоятельств возникают проблемы, и требуется проведение комплекса законодательных и правоприменительных работ по совершенствованию данного института. Поэтому на настоящий момент согласимся с тем, что такое страхование должно быть правом, а не обязанностью для руководителей КФХ.

Несовершенство правовых норм и форс-мажорные обстоятельства являются далеко не исчерпывающими препятствиями, возникающими при осуществлении предпринимательской деятельности. Например, Е.В. Вавилин к числу препятствий и ограничений в предпринимательской деятельности относит установление пределов осуществления прав соглашением сторон [2]. Мы не вполне согласны с указанной точкой зрения, поскольку ст. 421 ГК РФ определяет принцип свободы заключения договора для граждан, ИП и ЮЛ [4]. Следовательно, стороны самостоятельно решают, какой договор будет заключен, на каких условиях (кроме случаев, когда содержание условий предписано законом) и заключать ли договор вообще. Любая из сторон определяет в договоре условия, выгодные для нее, а взамен соглашается на ограничения (требования другой стороны). Таким образом, достигается соглашение, в котором обе стороны заинтересованы. Если в договоре содержатся ограничения или требования, неприемлемые для стороны, она вправе его не подписывать, так как, по общему правилу, согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ, принуждение к заключению договора не допускается [4]. Кроме того, п. 2 ст. 450 ГК РФ допускает возможность расторжения договора в одностороннем порядке, что является способом защиты определенных договором прав и свобод [4]. Исходя из вышеперечисленного, считаем, что определение пределов осуществления прав договором не может рассматриваться в качестве препятствия или ограничения в предпринимательской деятельности.

А.В. Малько, помимо вышеуказанной классификации, предлагает также подразделять препятствия на связанные с наличием конкурирующих с управлением механизмов и с отсутствием необходимых для эффективного управления условий [8, с. 184]:

1. К первой категории относятся последствия так называемой «теневой экономики». Как отмечает А.М. Вагина, фактически теневая экономика имела место даже в советское время, где не признавалась рыночная экономика и законом отрицал-

ся институт частной собственности [3, с. 32]. Теневая экономика – долговременное и стойкое явление в предпринимательстве. С.Б. Чернов делит существующие на настоящий момент проявления теневой экономики на три группы. К первой относится неофициальная экономика (подпольные цеха, незаконное производство алкоголя и т. п.). Вторую группу составляет фиктивная экономика (зарегистрированная в установленном законом порядке организация совершает противоправные действия: уклонение от уплаты налогов, легализация криминального капитала и т. п.). Третья группа – черная экономика (производство и сбыт наркотиков, разбой, грабежи, кражи и т. п.) [20]. Безусловно, проявления теневой экономики оказывают негативное влияние на действия добросовестных предпринимателей и ставят последних в проигрышное положение при конкуренции с правонарушителями. Нелегальному производителю алкоголя не нужно соблюдать требования, предусмотренные законом (иметь лицензию либо сертификат, специальное оборудование и т. п.); неплательщик налогов получит большую прибыль, чем тот, кто их исправно уплачивает; занятия противоправной деятельностью в сфере наркоторговли способны принести очень высокий доход при минимуме затрат. Факторы теневой экономики подрывают нацеленность ИП и ЮЛ на честную и законную деятельность, формируя установку на то, что противоправным путем в предпринимательстве можно достичь большей выгоды, нежели законным.

По нашему мнению, для борьбы с теневой экономикой необходимо создавать условия, при которых предпринимателю будет комфортно эффективно осуществлять свою деятельность на легальных основаниях (снижение налогов, предоставление льгот и субсидий и т. п.). Кроме того, теневая экономика тесно связана с коррупцией (подкупы должностных лиц для вовлечения их в противозаконную деятельность, использование подкупленных лиц для установления контроля над предприятиями, в том числе государственными и т. п.). Следовательно, меры, направленные на борьбу с коррупцией, будут эффективны и против теневой экономики. Так, 25 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции» [17]; 17 июля 2009 г. – Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» [18]; 3 декабря 2012 г. – Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [19], а также иные нормативно-правовые акты (далее – НПА). М.В. Шедий, проводя анализ уровня коррупции, отмечает, что к 2010 г. коррупция стала еще более серьезной проблемой, чем ранее [21]. По итогам 2016 г. в индексе восприятия коррупции Россия заняла 131-е место из 176,

как и в 2015 г. [15]. Масштабная и системная законодательная работа не дала ожидаемых результатов, поэтому, думается, причина не в недостатках законов и подзаконных актах, а в их неисполнении либо ненадлежащем исполнении. Можем предположить, что данную проблему отчасти возможно решить путем усиления контроля органов государственной власти за исполнением НПА.

2. Ко второй категории препятствий, как мы уже упоминали, относится отсутствие необходимых для эффективного управления условий. На этот счет интересна позиция Е. Смирновой, которая отмечает, что большинство специалистов, работающих с молодыми компаниями, обращают внимание на отсутствие у самих предпринимателей (особенно у тех, кто впервые организует свое дело) достаточного уровня компетенций и знаний, необходимых для управления бизнесом. Для решения этой проблемы предлагается возложить обучение предпринимателей на образовательные институты. В пример приводятся совместные программы высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (далее – ВШМ СПбГУ) и фонда Citi. Первая двухгодичная программа – «Управление малым и растущим бизнесом» – завершилась в 2010 г.; в ходе работы были проведены тренинги по актуальным темам, прошли обучение более 140 человек (руководителей и собственников бизнеса). Вторая программа – «Управление проектами малого и растущего бизнеса» – являлась логическим продолжением первой [14, с. 34–35]. Она проводилась с 2010 г. по 2012 г. и также имела положительный результат. Р.В. Беляев (на тот момент член правления закрытого акционерного общества «КБ “Ситибанк”»), подводя итоги программ, отмечал, что кредитный портфель для среднего бизнеса в 2012 г. вырос на 13 % и под конец года превысил 130 млрд р. [5, с. 14]. На наш взгляд, такие данные подтверждают тот факт, что программа выступила эффективным инструментом для преодоления препятствий, вызванных некомпетентностью предпринимателей, а полученные предпринимателями навыки (например, в составлении проектов) впоследствии предоставили им шанс получить кредитование крупного банка.

Подводя итог вышесказанному, обобщим, что в данной работе нами были рассмотрены препятствия и ограничения в предпринимательской деятельности, связанные с:

- 1) дефектами правовой системы;
- 2) форс-мажорными обстоятельствами;
- 3) наличием конкурирующих с управлением механизмов;
- 4) отсутствием необходимых для эффективного управления условий.

Для решения проблем, связанных с дефектами правовой системы, считаем целесообразным внести предложенные нами оговорки и поправки в

Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Такие препятствия, как форс-мажорные обстоятельства, преодолеть особенно трудно и часто невозможно. Поэтому для сведения рисков к минимуму считаем возможным использовать добровольное страхование, так как страхование посевов, животных и техники окажется эффективным инструментом для защиты КФХ от влияния явлений, не зависящих от воли человека, только в том случае, если решение о нем будет приниматься исходя из целесообразности в конкретной ситуации.

Для нейтрализации конкурирующих с управлением механизмов необходимо принятие мер по борьбе с теневой экономикой. Считаем, что для большего эффекта меры должны применяться в комплексе, как меры по противодействию коррупции в сфере законотворчества и исполнения законов, так и меры по стимулированию предпринимателей к получению прибыли законным путем.

В целях обеспечения условий для эффективного управления, по нашему мнению, целесообразно осуществлять обучение и повышение квалификации предпринимателей на базе образовательных учреждений. Ранее были рассмотрены лишь программы ВШМ СПбГУ, но мы считаем необходимым стимулирование и финансирование проведения подобных программ и в других учебных заведениях.

Обозначенный перечень препятствий и ограничений, безусловно, не является исчерпывающим, а некоторые из предложенных решений проблем требуют временных и финансовых затрат. Однако в заключение хочется отметить положительный момент. В 2017 г. в ВШМ СПбГУ состоялась презентация национального отчета «Глобальный мониторинг предпринимательства», где было отмечено, что в период с 2006 по 2016 г. наблюдается возрастание уровня активности ранних предпринимателей с 4,9 % до 6,3 %; устоявшихся предпринимателей – с 1,2 % до 5,3 %; общей предпринимательской активности – с 5,6 % до 11,3 % [1]. Как видим, общая предпринимательская активность в РФ возрастает. Активность ранних предпринимателей хотя и не находится в состоянии стагнации, но возрастает в меньшей степени, чем устоявшихся. Думается, оказание помощи ранним предпринимателям в преодолении необоснованных препятствий и ограничений в осуществлении своей деятельности со стороны государства даст им шанс преодолеть трудности, возникающие на начальных этапах предпринимательской деятельности, будет выступать стимулом роста активности и предоставит возможность дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в РФ.

Библиографический список

1. *Александрова Е.А., Богатырева К.А., Верховская О.Р.* [и др.] Предпринимательская ак-

тивность // Национальный отчет: Глобальный мониторинг предпринимательства: Россия 2016–2017. – СПб., 2017. – С. 28.

2. *Вавилин Е.В.* Препятствия и ограничения в предпринимательской деятельности // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2011. – № 12. – С. 98.

3. *Вагина А.М.* Механизм правовой охраны и защиты прав в предпринимательской деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 32.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 1994, 8 дек. – № 238–239.

5. *Джанибекова А.* Кому еще не хватает поддержки // Деловой Петербург. – СПб. – 2013. – № 10. – С. 14.

6. *Зорина Е.* Актуальные проблемы регистрации юридических лиц: обзор судебной практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regforum.ru/posts/61_aktualnye_problemy_registracii_yuridicheskikh_lic_obzor_sudebnoy_praktiki/ (дата обращения: 7.10.2017).

7. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 2009, 21 янв. – № 7.

8. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект: монография. – Саратов: Изд-во СГУ, 1994. – 184 с.

9. *Павленко О.* Аграриев заставят страховать посевы от непогоды [Электронный ресурс]. – <http://www.insur-info.ru/press/78839/> (дата обращения: 5.10.2017).

10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-3622/2006 от 11.01.2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=72306#0> (дата обращения: 9.10.2017).

11. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А05-207/2007 от 01.08.2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=80200#0> (дата обращения: 9.10.2017).

12. Решение Арбитражного суда Волгоградской области по делу № А12-1065/2010 от 10.02.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/N1h5fFnhjINv/> (дата обращения: 9.10.2017).

13. *Романов Б.А.* О регистрации юридических лиц в России // Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал. – М., 2009. – № 4. – С. 109–110.

14. *Смирнова Е.* Перерастаи потолок // Эксперт Северо-Запад. – СПб., 2011. – № 1. – С. 34–35.

15. Индекс восприятия коррупции – 2016: положение России не изменилось [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/indeks->

vospriyatiya-korrupsii-2016-polozhenie-rossii-ne-izmenilos.html (дата обращения: 11.10.2016).

16. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (в ред. от 30.10.2017) // Российская газета. – 2001, 10 авг. – № 153.

17. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 1.08.2017) // Российская газета. – 2008, 30 дек. – № 266.

18. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. от 21.10.2013) // Российская газета. – 2009. – 22 июля. – № 133.

19. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (в ред. от 3.11.2015) // Российская газета. – 2012, 5 дек. – № 280.

20. Чернов С.Б. Теневая экономика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10525/> (дата обращения: 10.10.2017).

21. Шедий М.В. Коррупция в современной России: проблемы противодействия // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 244.

References

1. Aleksandrova E.A., Bogatyreva K.A., Verhovskaya O.R. [i dr.] Predprinimatel'skaya aktivnost' // Nacional'nyj otchet: Global'nyj monitoring predprinimatel'stva: Rossiya 2016–2017. – SPb., 2017. – S. 28.

2. Vavilin E.V. Prepyatstviya i ogranicheniya v predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: YUridicheskie nauki. – 2011. – № 12. – S. 98.

3. Vagina A.M. Mekhanizm pravovoj ohrany i zashchity prav v predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 2. – S. 32.

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. ot 03.07.2016) // Rossijskaya gazeta. – 1994, 8 dek. – № 238–239.

5. Dzhanibekova A. Komu eshche ne hvataet podderzhki // Delovoj Peterburg. – SPb. – 2013. – № 10. – S. 14.

6. Zorina E. Aktual'nye problemy registracii yuridicheskikh lic: obzor sudebnoj praktiki [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://regforum.ru/posts/61_aktualnye_problemy_registracii_yuridicheskikh_lic_obzor_sudebnoj_praktiki/ (дата обращения: 7.10.2017).

7. Konstituciya Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. – 2009, 21 yanv. – № 7.

8. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: Teoretiko-informacionnyj aspekt: monografiya. –

Saratov: Izd-vo SGU, 1994. – 184 s.

9. Pavlenko O. Agrariev zastavyvat strahovat' posevy ot nepogody [EHlektronnyj resurs]. – <http://www.insur-info.ru/press/78839/> (дата обращения: 5.10.2017).

10. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severno-Zapadnogo okruga po delu № A42-3622/2006 ot 11.01.2007 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=72306#0> (дата обращения: 9.10.2017).

11. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga po delu № A05-207/2007 ot 01.08.2007 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=80200#0> (дата обращения: 9.10.2017).

12. Reshenie Arbitrazhnogo suda Volgogradskoj oblasti po delu № A12-1065/2010 ot 10.02.2010 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sudact.ru/arbitral/doc/N1h5fFnjhjINv/> (дата обращения: 9.10.2017).

13. Romanov B.A. O registracii yuridicheskikh lic v Rossii // Biznes v zakone: EHkonomiko-yuridicheskij zhurnal. – M., 2009. – № 4. – S. 109–110.

14. Smirnova E. Pererasti potolok // EHkspert Severo-Zapad. – SPb., 2011. – № 1. – S. 34–35.

15. Indeks vospriyatiya korrupcii – 2016: polozhenie Rossii ne izmenilos' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/indeks-vospriyatiya-korrupsii-2016-polozhenie-rossii-ne-izmenilos.html> (дата обращения: 11.10.2016).

16. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (в ред. от 30.10.2017) // Rossijskaya gazeta. – 2001, 10 avg. – № 153.

17. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 1.08.2017) // Rossijskaya gazeta. – 2008, 30 dek. – № 266.

18. Ob antikorrupcionnoj ehkspertize normativnyh pravovyh aktov i projektov normativnyh pravovyh aktov: Federal'nyj zakon ot 17 iyulya 2009 g. № 172-FZ (v red. ot 21.10.2013) // Rossijskaya gazeta. – 2009. – 22 iyulya. – № 133.

19. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (в ред. от 3.11.2015) // Rossijskaya gazeta. – 2012, 5 dek. – № 280.

20. Chernov S.B. Tenevaya ehkonomika [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10525/> (дата обращения: 10.10.2017).

21. SHedij M.V. Korrupciya v sovremennoj Rossii: problemy protivodejstviya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 2. – S. 244.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Проблема дискриминации определённых категорий граждан по отношению к другим категориям всегда вызывала особый интерес, поскольку она затрагивает совершенно все без исключения сферы жизни общества, но именно в сфере труда дискриминация получила наибольшее распространение. Поэтому одним из главнейших принципов как зарубежного, так и отечественного трудового права является принцип запрета дискриминации в сфере труда. В статье дан анализ дефиниций дискриминации, приведены наиболее часто встречающиеся виды дискриминации в сфере труда, к ним даются разъяснения, приводятся примеры из судебной практики, авторитетные мнения отечественных исследователей, указываются причины возникновения, статистика. Приведены нормы российского и зарубежного законодательства, закрепляющие запрет дискриминации в сфере труда.

Ключевые слова: дискриминация в сфере труда, трудовые отношения, понятие дискриминации, критерии дискриминации, виды дискриминации.

Вот уже не первое столетие в любой стране нашего мира было, есть и, без сомнения, будет существовать такое понятие, как «дискриминация». Это уродливое для человечества явление может иметь место абсолютно в любой сфере общественной жизни: политической, экономической, социальной и т. д. Несомненно, одной из самых актуальных современных проблем трудового права в России является дискриминация в сфере труда, так как именно здесь она получила наибольшее распространение.

Слово «дискриминация» в наше время у каждого на слуху, поэтому прежде всего нужно четко понять сущность данного понятия. Произошло это слово от лат. *discriminatio*, что означает «ущемление, различие». В Большом юридическом словаре дискриминация определяется как общеправовой термин, обозначающий ущемление прав государства, юридических и физических лиц (по сравнению с другими государствами, юридическими и физическими лицами) [4, с. 171]. В общем понимании термин «дискриминировать» означает ограничивать в правах, лишая равноправия.

Источком закрепления принципа запрещения дискриминации в сфере труда является Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий». В нашей стране данная Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1961 г. В п. «а» ч. 1 ст. 1 Конвенции закреплено понятие дискриминации. Под дискриминацией в международном праве понимается «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий» [10]. В п. 2 этой же статьи уточняется, что «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определенной работой, не считаются дискриминацией» [10].

Антидискриминационное законодательство нашей страны носит лишь фрагментарный характер, использует понятие «дискриминация», но не раскрывает его значения. Юрист АНО «Центр социально-трудовых прав» Анна Гвоздицких, проанализировав Трудовой кодекс Российской Федерации [18] (далее ТК РФ), определила понятие дискриминации следующим образом: это «установление работодателем не обоснованных деловыми качествами работников каких-либо ограничений прав работников либо предоставление им преимуществ, если только эти ограничения или преимущества не обусловлены свойственными данному виду труда требованиями или особой заботой государства» [2, с. 15].

Таким образом, дискриминация в сфере труда – это ущемление прав граждан, а именно личности, по какому-либо признаку (возрасту, расе, полу, социальному положению и т. п.) работодателем в установленных законодательством трудовых правах.

В нашей стране дискриминация в сфере труда изучена и проанализирована на недостаточно высоком уровне. Этому способствовало множество факторов, даже господствующая в прошлом веке идеология исключала подобную дискриминацию при социализме. За рубежом же ситуация обстоит иным образом, во многих европейских странах дискриминация в сфере труда давно является приоритетом в деятельности правозащитных органов и организаций.

Ст. 3 ТК РФ включает в себя следующие критерии (они же виды) дискриминации в сфере труда: пол, раса, цвет кожи, национальность, язык, происхождение, имущественное, семейное, социальное и должностное положение, возраст, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность или непринадлежность к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Данный перечень является открытым. Несмотря на это, Совет Европы и Международная организация труда (далее МОТ) критикует российское законодательство за отсутствие прямого указания на такие критерии, как состояние здоровья и инвалидность, а также сексуальную ориентацию, поскольку считают, что закон должен акцентировать внимание на особо значимых критериях [1, с. 76].

Согласно проведенному JOB.RU опросу, в РФ лидирует дискриминация по возрастному признаку – 61,7 % опрошенных. Далее, 11,6 % – по полу, 8,8 % – по семейному положению, 2,4 % – по принадлежности к профсоюзным организациям [9].

Назовем особо значимые, проблемные и часто встречающиеся виды дискриминации в сфере труда:

1. Дискриминация по возрастному признаку. Чаще всего данному виду дискриминации подвержены молодежь, а также люди предпенсионного и пенсионного возраста. Работодатели опираются на то, что молодым работникам не хватает багажа знаний и опыта. К тому же дискриминация лиц, совмещающих работу с обучением, и сотрудников, не достигших возраста 18 лет, в большинстве своем связана с законодательно закрепленной обязанностью работодателей предоставлять таким работникам определённый пакет льгот, например: укороченный рабочий день, более продолжительный отпуск по сравнению с остальными работниками. Член ОП РФ, руководитель Центрального штаба МООО «Российские студенческие отряды» М. Киселёв отмечает, что многие работодатели в связи с отсутствием трудового стажа у недавнего выпускника вуза снижают ему размер оклада» [7].

К категории лиц предпенсионного возраста относятся граждане старше 45 лет. По мнению консультанта по управлению ГК «А-Консалтинг» Анны Гулимовой, «работодатели считают, что в таком возрасте люди уже слишком ригидны, маломобильны, труднее поддаются обучению, хотя это далеко не всегда является правдой». Самыми распространенными причинами того, что работодатель не желает рассматривать кандидатов в должности граждан этого возраста, являются следующие факторы: 1) сотрудники в большинстве своём хуже обучаются новым технологиям; 2) имеют проблемы со здоровьем; 3) их квалификация попросту оказывается выше, чем у начальника, что не каждому нравится.

Так, в судебном заседании Баунтовского районного суда установлено, что в районной газете «Витимские зори» было размещено объявление местной администрации о замещении вакантной должности специалиста по физической культуре. В требованиях к кандидатам, в частности, устанавливались пороги возраста – от 25 до 45 лет, в связи с чем 56-летней Л.М. Никитиной было отказано в возможности участия в конкурсе на замещение вакантной должности. Предпочтение администрации было отдано 21-летнему гражданину, несмотря на то, что оба кандидата не соответствовали заявленным требованиям по возрастному признаку и находились в равном положении. Вследствие этого суд признал отказ местной администрации в замещении вакантной должности по мотивам несоответствия возраста требованиям конкурса дискриминационным по возрастному признаку [14].

Многие исследователи (например, руководители направления по связям с общественностью портала

JOB.RU Анна Чуксеева и Анна Гулимова) считают, что иногда дело вовсе не в возрасте гражданина. Кандидату может казаться, что он дискриминирован по возрастному критерию, но на самом деле ему может быть отказано в приеме на работу по причине недостаточности профессиональных навыков, например в качестве пользователя компьютером.

2. Дискриминация в сфере оплаты труда. Так, ст. 132 ТК РФ устанавливает, что заработная плата каждого без исключения работника зависит от его квалификации, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного труда. При этом какая бы то ни было дискриминация при установлении и изменении условий оплаты труда строго запрещается. Таким образом, дискриминация в сфере оплаты труда проявляется в том, что работники, обладающие равными вышеперечисленными характеристиками, получают разную заработную плату за выполнение одной и той же работы, в одной и той же сфере экономики и даже организации.

За всю историю развития трудовых правоотношений сложились так называемые «традиционные» подвиды дискриминации различных групп работников по уровню заработной платы: дискриминация работников с темной кожей по сравнению с белой кожей, приезжих по сравнению с местными жителями, женщин по сравнению с мужчинами. Так, вице-спикер Совета Федерации Российской Федерации (далее СФ РФ) Г. Карелова в ходе обсуждения проекта Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. подчеркнула, что средняя заработная плата женщин в России практически повсеместно отстает от зарплаты мужчин – она составляет 72 % от мужской. При этом зарплата женщин в 2011 г. составляла 67,9 % от средней зарплаты мужчин, в 2013 – 74,2 % [17]. Действительно, если обратиться в официальной статистике Федеральной службы государственной статистики, то можно убедиться в том, что заработная плата у женщин в одной и той же сфере деятельности может значительно отличаться от мужской. Президент общероссийского объединения профсоюзов «Конфедерация труда России» Б. Кравченко объясняет это сохранившимся патриархальным отношением к семье, а именно тем, что женщина должна заботиться о детях и о доме [5].

В судебной практике немало примеров, когда суд встает на сторону истца, устанавливая факт наличия дискриминации в оплате труда. Так, сотрудница обратилась в суд, где заявила о допущении работодателем факта дискриминации в сфере оплаты труда. Указав, что работники на одинаковых должностях выполняющие одновременно одну и ту же работу, с тем же объемом, сложностью, характеристиками, получают за равный труд разную заработную плату в зависимости от того, какая система оплаты труда предусмотрена их трудовыми договорами. При этом никаких других различий между указанными работниками не имеется. Суд принял сторону истицы, поскольку установление ответчи-

ком различий в условиях оплаты её труда от других работников, замещающих аналогичные с ней должности и выполняющих аналогичную работу, носит признаки дискриминации [3].

3. Дискриминация по полу. Гендерной дискриминации в основном подвергаются женщины в детородном возрасте (до 28–33 лет) или имеющих маленьких детей, детей-инвалидов. Таким работникам по законодательству предоставляются дополнительные гарантии и льготы, но в условиях сложившейся экономической ситуации в стране работодатели стремятся избежать каких-либо дополнительных затрат. Данный вид дискриминации напрямую связан с дискриминацией в сфере оплаты труда, так как выше уже отмечалось, что заработная плата женщин меньше, чем у мужчин, занимающих ту же должность. Немало случаев, когда и мужчина подвергается дискриминации по половому критерию. Так, в городе Новый Уренгой одно из предприятий после прокурорской проверки было оштрафовано за дискриминацию по половому признаку. Выяснилось, что мужчине было отказано в трудоустройстве по причине отсутствия регистрации, а также по половому признаку (требовались кондукторы женского пола) [13].

Некоторые эксперты называют проявлением дискриминации и список профессий, которыми запрещено заниматься женщинам, закрепленный Постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин», среди них – машинист паровоза, плотник и т. д. Юрист консорциума, адвокат коллегии адвокатов г. Москвы «Московский юридический центр» М. Давтян считает это одним из ярчайших проявлений стереотипного отношения к женщинам: «Этот список должен быть отменен. Женщины могут сами принимать решение о том, где и как им работать», – убеждена она [7]. Однако следует учитывать, что по законодательному замыслу внешне дискриминированные меры направлены не против женщины, а на защиту их интересов.

4. Дискриминация при найме на работу. Этот вид дискриминации достаточно распространен в наше время. Ему обычно подвергаются некачественно подготовленная или же без опыта работы молодежь, инвалиды, иностранные граждане, граждане, освободившиеся из мест лишения свободы. Ущемление в трудовых правах при найме возможно также и в связи с возрастом работника, расовой, религиозной, этнической и иной принадлежности.

Дискриминация при найме на работу чаще проявляется в объявлениях о найме на работу. Работодатели распространяют в СМИ информацию о вакансиях, содержащую ограничения дискриминационного характера, например: устанавливают возрастные рамки, отдают предпочтение гражданам без детей, христианам, людям славянской внешности, с наличием прописки и т. п.

Так, 19 июля 2017 г. Министерством труда, занятости и миграционной политики Самарской области установлено, что директор предприятия Ю.В. Кучапин распространил в сети Интернет информацию о свободных рабочих местах и вакантных должностях, имеющую дискриминационный характер, указав, что требуется «менеджер по работе с клиентами (выездной агент)» – «мужчина 25–40 лет на авто», что не относится к деловым качествам, в связи с чем был признан виновным в совершении административного правонарушения [15].

4. Дискриминация при продвижении по службе тех, кто уже работает в организации. Чаще всего подобной дискриминации подвергаются женщины, иммигранты, национальные меньшинства, инвалиды. Этим лицам сложнее достичь успехов в карьере, их неохотно продвигают по служебной лестнице, не назначают на ответственные должности.

5. Профессиональная сегрегация, то есть неравномерное распределение женщин и мужчин в экономике. Профессиональную сегрегацию можно разделить на горизонтальную и вертикальную. Горизонтальная сегрегация связана с неравным распределением женщин и мужчин по профессиям и отраслям. Исследователи отмечают, в частности, что на 15–17 % сократилась доля женщин в таких ранее высокофеминизированных отраслях, как торговля, общественное питание, кредитование, финансы, страхование. Одновременно в вышеперечисленных отраслях за прошедшие годы отмечается наиболее быстрый прирост заработной платы [11]. К вертикальной сегрегации относят низкую доступность для женщин высокооплачиваемых престижных профессий и должностей, связанных с ответственностью и принятием важных решений. Возможно, такое явление связано прежде всего со стереотипизацией женщин и исторически-ми предпосылками.

6. Дискриминация в образовании и профессиональной подготовке. Конвенция ООН «О борьбе с дискриминацией в области образования» [10] слово «образование» относит ко всем формам и этапам образования и включает такие параметры, как доступ к нему, уровень и качество обучения, а также условия, в которых оно ведется [6]. Дискриминация в этой сфере в настоящее время не так часто встречается, как раньше, особенно по причине незнания государственного языка, наличия иностранного гражданства и т. д. Но, например, человеку, родившемуся в семье с низким заработком, может просто не хватить денег для обучения на желаемую профессию, получение дополнительного профессионального образования.

Кандидат юридических наук Т.М. Москвичева считает, что необходимо на законодательном уровне запретить прием в образовательные учреждения для обучения по профессиям, связанным с использованием потенциально опасных химических веществ, лиц женского пола [12, с. 29]. Мы считаем,

что нельзя лишать женщин на уровне закона права выбора. Разумнее предоставить желающим женщинам полную информацию о последствиях их выбора, а выбор оставить за ними.

7. В последнее время достаточно распространены случаи дискриминации инвалидов в сфере труда. Согласно ст. 13 Федерального закона от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» и ст. 20 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» отказывать в заключении трудового договора инвалиду, направленному на трудоустройство в порядке квотирования рабочих мест, запрещено. Однако по сложившейся судебной практике можно сделать вывод, что на рынке труда все же наблюдается дискриминация в отношении данной категории граждан. Так, например, по результатам плановой документальной проверки ЗАО «Колос» были выявлены нарушения законодательства в части квотирования рабочих мест для инвалидов. В частности, на предприятии было выделено 4 квотируемых рабочих места, фактически на квотируемых рабочих местах работают 3 инвалида. Таким образом, размер невыполненной квоты – 1 единица. В ходе проверки установлено, что невыполненное квотируемое рабочее место охранника для трудоустройства инвалидов является вредным по условиям труда. Генеральный директор ЗАО «Колос» признали виновным совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.42 КоАП РФ [16].

Международная организация труда выделяет также такие критерии дискриминации в сфере труда, как заболевание ВИЧ/СПИД, сексуальная ориентация, членство в профсоюзе и т. д.

Все перечисленные виды дискриминации очень актуальны. Они тесно связаны между собой и усиливают друг друга. Например, дискриминация определенной группы людей снижает уровень ее доходов и возможность инвестировать в человеческий капитал, а это в свою очередь затрудняет доступ к высокооплачиваемым профессиям и, как результат, укрепляет профессиональную сегрегацию.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что дискриминация может иметь место абсолютно в любой сфере общественной жизни, но особую значимость в наше время приобрела проблема дискриминации гражданина именно в сфере труда. На современном этапе развития общества выделяется достаточно большое количество видов дискриминации в данной сфере, что подтверждает сложившаяся судебная практика. В нашей стране эта проблема достаточно актуальна, следовательно, требует детального изучения и всеобщей борьбы с ее проявлениями во всех сферах общественных отношений.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / Д.В. Черняева, Ф.О. Сулейма-

нова, Н.Л. Лютов и др., отв. ред. Н.Л. Лютов. – М.: Проспект, 2017. – 76 с.

2. Гвоздицких А. Юристы за трудовые права: бюллетень. – 2016 (август). – № 36. – 15 с.

3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.09.2016 по делу № 33-15733/2016 [Электронный ресурс] // РосПравосудие: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 10.11.2017).

4. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир, 2017. – 171 с.

5. Гостренко А. В России женщины получают заработную плату меньше, чем мужчины [Электронный ресурс] // Независимый информационный портал России и Белоруссии. – Режим доступа: <http://svopi.ru/econom/133581> (дата обращения: 10.11.2017).

6. Деменова Н.А. Дискриминация в сфере образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 01.10.2017).

7. Добрикова Е. Дискриминация в сфере труда, или Власть стереотипов [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/1127456/> (дата обращения: 08.10.2017).

8. О занятости населения в Российской Федерации: закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (в ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2017).

9. Кир И.Р. Все равны, но некоторые равнее? [Электронный ресурс] // JOB.RU: интернет-ресурс по поиску работы и подбору персонала. – Режим доступа: <https://www.job.ru/seeker/career/article/46188-verniz-ya-zaplachu.html> (дата обращения: 01.11.2017).

10. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов (извлечение). – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 143–149.

11. Мезенцева Е. Женщины в сфере занятости и на рынке труда: некоторые итоги «десятилетия реформ» // Информационно-аналитический бюллетень. – 2014. – 31 марта. – № 1.

12. Москвичева Т.М. Особенности правового регулирования приема на работу женщин и лиц с семейными обязанностями // Трудовое Право. – 2015. – № 6 (40). – С. 29.

13. Предприятие Нового Уренгоя улучшили в дискриминации по половому признаку [Электронный ресурс] // Россия: государственный интернет-канал. – Режим доступа: www.vesti-yamal.ru (дата обращения: 01.10.2017).

14. Решение Баунтовского районного суда (Республика Бурятия) по делу № 2-41/2016 от 30.04.2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.10.2017).

15. Решение мировой судьи судебного участка № 50 Советского судебного района г. Самары Самарской области по делу 5-241/2017 от 29 августа 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.10.2017).

16. Решение мировой судьи судебного участка № 189 Павловского района Краснодарского края по делу 5-395/2017 от 28 августа 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.10.2017).

17. Средняя зарплата женщин в России составляет 72 % от мужской [Электронный ресурс] // РИА-Новости (Москва). – 2017, 31 янв. – Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 01.10.2017).

18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.10.2017).

19. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (в ред. от 30.10.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2017).

References

1. Aktual'nye problemy trudovogo prava: uchebnik dlya magistrów / D.V. Chernyaeva, F.O. Sulejmanova, N.L. Lyutov i dr., отв. red. N.L. Lyutov. – М.: Prospekt, 2017. – 76 s.

2. Gvozdickih A. YUristy za trudovye prava: byulleten'. – 2016 (avgust). – № 36. – 15 s.

3. Apellyacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 14.09.2016 po delu № 33-15733/2016 [EHlektronnyj resurs] // RosPravosudie: spravochno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <https://rospravosudie.com/> (data obrashcheniya: 10.11.2017).

4. Borisov A.B. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. – М.: Knizhnyj mir, 2017. – 171 s.

5. Gostrenko A. V Rossii zhenshchiny poluchayut zarobotnyuyu platu men'she, chem muzhchiny [EHlektronnyj resurs] // Nezavisimyj informacionnyj portal Rossii i Belorussii. – Rezhim dostupa: <http://svopi.ru/econom/133581> (data obrashcheniya: 10.11.2017).

6. Demeneva N.A. Diskriminaciya v sfere obrazovaniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/> (data obrashcheniya: 01.10.2017).

7. Dobrikova E. Diskriminaciya v sfere truda, ili Vlast' stereotipov [EHlektronnyj resurs] // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/article/1127456/> (data obrashcheniya: 08.10.2017).

8. O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii: zakon RF ot 19.04.1991 № 1032-1 (v red. ot 29.07.2017) [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 14.11.2017).

9. Kir I.R. Vse ravny, no nekotorye ravnee? [EHlektronnyj resurs] // JOB.RU: internet-resurs po poisku raboty i podboru personala. – Rezhim dostupa: <https://www.job.ru/seeker/career/article/46188-vernissya-zaplachu.html> (data obrashcheniya: 01.11.2017).

10. Konvenciya o bor'be s diskriminaciej v oblasti obrazovaniya // Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dokumentov (izvlechenie). – М.: YUridicheskaya literatura, 1990. – S. 143–149.

11. Mezenceva E. Zhenshchiny v sfere zanyatosti i na rynke truda: nekotorye itogi «desyatiletiya reform» // Informacionno-analiticheskij byulleten'. – 2014. – 31 marta. – № 1.

12. Moskvicheva T.M. Osobennosti pravovogo regulirovaniya priema na rabotu zhenshchin i lic s semejnymi obyazannostyami // Trudovoe Pravo. – 2015. – № 6 (40). – S. 29.

13. Predpriyatie Novogo Urengoya uluchili v diskriminacii po polovomu priznaku [EHlektronnyj resurs] // Rossiya: gosudarstvennyj internet-kanal. – Rezhim dostupa: www.vesti-yamal.ru (data obrashcheniya: 01.10.2017).

14. Reshenie Bauntovskogo rajonnogo suda (Respublika Buryatiya) po delu № 2-41/2016 ot 30.04.2016 g. [EHlektronnyj resurs] // RosPravosudie: spravochno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <https://rospravosudie.com/> (data obrashcheniya: 01.10.2017).

15. Reshenie mirovoj sud'i sudebnogo uchastka № 50 Sovetskogo sudebnogo rajona g. Samary Samarskoj oblasti po delu 5-241/2017 ot 29 avgusta 2017 g. [EHlektronnyj resurs] // RosPravosudie: spravochno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <https://rospravosudie.com/> (data obrashcheniya: 01.10.2017).

16. Reshenie mirovoj sud'i sudebnogo uchastka № 189 Pavlovskogo rajona Krasnodarskogo kraja po delu 5-395/2017 ot 28 avgusta 2017 g. [EHlektronnyj resurs] // RosPravosudie: spravochno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <https://rospravosudie.com/> (data obrashcheniya: 01.10.2017).

17. Srednyaya zarplata zhenshchin v Rossii sostavlyayet 72 % ot muzhskoj [EHlektronnyj resurs] // RiaNovosti (Moskva). – 2017, 31 yanv. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru> (data obrashcheniya: 01.10.2017).

18. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (v red. ot 29.07.2017) [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 08.10.2017).

19. O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ (v red. ot 30.10.2017) [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 14.11.2017).

Коломникова Ярослава Владимировна
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
slavka.xxx@mail.ru

Моргунова Наталья Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Тихоокеанский государственный университет,
Дальневосточный университет путей сообщения, г. Хабаровск
morgonv@mail.ru

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В миграционном плане на сегодняшний день одним из наиболее привлекательных государств является Российская Федерация. В современной России остро стоит проблема использования иностранной рабочей силы. С одной стороны, экономика России нуждается в иностранных работниках, с другой стороны, иностранная миграция способна деформировать структуру занятости, вызвать дисбаланс в социальной сфере и спровоцировать национальные конфликты, в частности, обострить криминогенную обстановку. В данной статье рассматриваются такие понятия, как мигрант и трудящийся мигрант. Авторами оцениваются проблемы современной миграционной ситуации в России, затрагиваются вопросы нелегальной трудовой миграции, проблемы незаконной миграции и возможные пути их предотвращения, рассматривается правовое регулирование миграционных процессов и совершенствование миграционного законодательства.

Ключевые слова: мигранты, трудящиеся мигранты, нелегальные трудящиеся мигранты, внешняя трудовая миграция, миграционная политика, миграционные процессы, миграционное законодательство, патент, разрешение на работу.

Миграция в России уже давно стала естественным процессом. Объясняется это довольно просто. Россия входит в пятерку тех государств, которые наиболее благоприятны для осуществления заработка. В миграционном процессе выгоду получают обе стороны: государство получает дешевую рабочую силу, а мигранты – возможности для развития и улучшения условий своей жизни, помощи родственникам, ведь заработок, который они получают в России, гораздо выше заработка на их Родине [1, с. 250]. На сегодняшний день ситуация ухудшается: по данным Росстата за 2017 года, число иностранных граждан, въехавших на территорию России для получения постоянного места жительства, составляет около шести миллионов человек.

Опираясь на данные статистики, можно сказать, что около 60% иностранных граждан прибывают в страну нелегально или по истечению срока действия разрешающего документа. Все это, с одной стороны, требует более жесткого контроля над потоками мигрантов, с другой стороны, внесения поправок в законодательство для упрощения регулирования миграционных потоков.

По данным статистики ООН, около 9% населения России составляют мигранты, а большинство из них находятся в стране незаконно. В последние годы среди прибывших нелегальным путем мигрантов возникало множество проблем, связанных со сложностями их взаимодействия с местными жителями, с незнанием ими русского языка и норм права России. За последние несколько лет также возросло число преступлений, совершенных гражданами других государств, временно проживающих на территории Российской Федерации и приехавших в страну с целью заработка. К таким преступлениям относятся: воровство, вандализм,

мошенничество, несоответствие миграционных документов. Большой сложностью являются и значительные потоки мигрантов, нередко являющиеся причиной нехватки рабочих мест для ряда граждан России. По прогнозам экспертов, в следующем году численность мигрантов еще увеличится, это обусловлено сложной экономической и политической ситуацией в мире [5, с. 145–146].

Нелегальная миграция связана и с рядом социальных проблем. Например, нередки случаи возникновения замкнутых сообществ, где люди живут по своим законам и правилам. Это может привести к вытеснению коренного населения, очень негативно сказаться на культурной и политической целостности страны [5, с. 147].

Для предотвращения незаконных действий в Концепцию государственной миграционной политики в 2017 году были внесены следующие поправки [3]:

- 1) наличие загранпаспорта;
- 2) определенный срок на регистрацию;
- 3) указание причины приезда и места будущей работы;
- 4) получение обязательного патента;
- 5) обязательная сдача экзаменов (русский язык, история России, основы законодательства РФ);
- 6) оформление медицинского и социального страхования;
- 7) упрощенная подача документов для студентов.

Определенные изменения коснулись и патентов. Так, согласно Федеральному закону №357-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» были внесены изменения, которые вступили в силу 1 января 2015 года, где указано, что для граждан безвизового режима достаточно единого документа на все виды деятельности (как для физических, так и для юриди-

ческих лиц). Оформляется разрешение на один год, после чего требуется переоформление [8].

Закон обязывает всех мигрантов, желающих получить разрешение на работу в России, пройти комплексный тест на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ. Стоимость экзаменов составляет порядка 4,9 тыс. рублей, а для мигрантов, желающих получить вид на жительство или разрешение на временное проживание, стоимость составляет 5,3 тыс. рублей [3].

С каждым годом число мигрантов, нелегально находящихся на территории России, становится все больше, и власти Российской Федерации стараются усовершенствовать методы контроля въезжающих в страну иностранных граждан, что позволило бы более просто, но вместе с тем более эффективно осуществлять контроль за мигрантами и распространять его в таких направлениях, как патентная система, привязка работника к работодателю и упрощенное налогообложение.

МВД предлагает выдворять из России мигрантов, работающих не по трудовому договору. В настоящее время ведется работа по внесению ряда изменений в ст.18.10 Кодекса об административных правонарушениях «Незаконное осуществление иностранными гражданами или лицом без гражданства трудовой деятельности», в том числе в ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Распространенным явлением проблемы нелегальной миграции является применение санкций к работодателю. С применением ужесточения миграционного контроля страны, которые действительно заинтересованы в притоке трудовых мигрантов, повышают требования к квалификации иностранцев, к знанию языка и т.д., а для тех мигрантов, которые им действительно подходят, создают благоприятные правовые условия.

Рассмотрев ситуацию регулирования трудовой миграции в Российской Федерации, мы можем выделить основные проблемы:

1. Легализация. Во многих странах регулярно объявлялись амнистии для нелегалов, которые проживают в стране более трех лет, что позволяло вывести из тени и обложить налогами их заработки. Данным методом в России не спешат пользоваться. Возможно, он имеет ряд недостатков, но при этом он был бы способен сократить число нелегально проживающих мигрантов на территории РФ.

2. Защитные меры. К началу 2017 года была повышена стоимость оформления документов в Федеральной миграционной службе; с трех до десяти лет увеличен срок, в течение которого разоблаченным нелегалам запрещено пересекать границы России.

3. Квоты. В 2017 году было отменено квотирование рабочих мест, которые успешно использовались во всем мире для ограничения числа мигрантов. Механизм урезания квот был наиболее

актуален в моменты переживания страной экономического спада, но, несмотря на падение рубля в России, потоки мигрантов не уменьшались, а, напротив, увеличивались.

4. Патенты. Раньше патенты выдавались только тем работникам, которые устраивались на работу к частным лицам, причем получение этого патента не вызывало больших усилий. Тысячи мигрантов устраивались на работу в крупных городах, фактически нарушая законодательство и работали там, где придется. Сейчас порядок получения данного документа изменился. Теперь, чтобы получить патент, необходимо сдать экзамены на знание русского языка, истории России, основ законодательства РФ, приобрести полис обязательного медицинского страхования. Все эти процедуры не бесплатные, способствуют поступлению дохода в казну и должны обеспечить сокращение количества желающих приехать на заработки в Россию. Если мигрант не получит патент по истечении месяца, он обязан вернуться на Родину.

5. Программы. Отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими и другими социокультурными характеристиками, способные успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество.

К сожалению, на сегодняшний день нет механизмов контроля, которые отслеживали бы исполнение нововведений в законодательстве. Если раньше мигранту могли отказать в разрешении на работу на том основании, что закончилась квота, то теперь данный процесс ничем не ограничен, кроме финансовых возможностей самих мигрантов.

Для регулирования миграционного потока были введены новшества для граждан других стран:

1. Согласно Указу Президента РФ от 28.11.2015 №583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» (указ вступил в силу с 01.01.2016), работодателям РФ запрещено принимать на работу турок, что связано с резким обострением политических отношений с этим государством. Если же предприниматели желают заключить трудовой договор с турецкими гражданами, то они должны получить особое разрешение и быть включены в официальные списки Министерства РФ [7].

2. Президентом Узбекистана был подписан Указ, который вступил в силу 1 января 2016 года. В нем утверждается, что каждый гражданин Узбекистана обязан иметь юриметрический паспорт. Без данного биометрического паспорта невозможно получение патента или миграционного раз-

решения. Такой паспорт состоит из микросхемы, в которую ФМС вшивает фотографию владельца и все необходимые данные. Лица, которые не поменяют документ, не смогут попасть на территорию РФ, а те, что уже находится в России без соответствующего документа, будут депортированы.

3. Для граждан Таджикистана готовится закон о миграционной амнистии, охватывающий, что те трудовые мигранты, которые попали в черный список ФМС из-за предыдущих нарушений законодательства РФ, будут исключены из него.

4. Российское МВД объявило о том, что начиная с 1 июля 2019 года они планируют брать отпечатки пальцев и фотографировать всех иностранных граждан, которые въезжают в Российскую Федерацию. Данная процедура позволит создать единую базу приезжих, которые находятся на территории РФ.

Библиографический список

1. *Зайчонковская Ж.А.* Трудовая миграция в Россию. – м.: Юрайт, 2016. – 250 с.
2. *Конonenко В.М., Прутулина О.В.* Свобода трудового договора в контексте российского законодательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9-2. – С. 217–219.
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 17.03.18).
4. *Новиков А.В.* Возможности РФ и ЕАЭС в регулировании трудовой миграции // SCIENCE TIME. – 2015. – № 5 (17). – С. 298.
5. *Понарина Н.Н.* Глобализация и проблемы нравственной безопасности России // Материалы международной научно-практической конференции: в 3 ч. / отв. ред. Н.К. Понарина. – 2016. – С. 145–147.
6. Трудовая миграция в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://visasam.ru/russia/migraciya/trudovaya-migraciya-v-rossii.html> (дата обращения: 17.03.18).
7. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой

Республики: Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/11/28/turciya-site-dok.html> (дата обращения: 17.03.18).

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70804216/> (дата обращения: 17.03.18).

References

1. *Zajchonkovskaya Zh.A.* Trudovaya migraciya v Rossiyu. – m.: YUrajt, 2016. – 250 s.
2. *Kononenko V.M., Pritulina O.V.* Svoboda trudovogo dogovora v kontekste rossijskogo zakonodatel'stva // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – №9-2. – S. 217–219.
3. *Koncepciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF)* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (data obrashcheniya: 17.03.18).
4. *Novikov A.V.* Vozmozhnosti RF i EAEHS v regulirovanii trudovoj migracii // SCIENCE TIME. – 2015. – № 5 (17). – S. 298.
5. *Ponarina N.N.* Globalizaciya i problemy npravstvennoj bezopasnosti Rossii // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 3 ch. / otv. red. N.K. Ponarina. – 2016. – S. 145–147.
6. *Trudovaya migraciya v Rossii* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://visasam.ru/russia/migraciya/trudovaya-migraciya-v-rossii.html> (data obrashcheniya: 17.03.18).
7. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2015/11/28/turciya-site-dok.html> (data obrashcheniya: 17.03.18).
8. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/70804216/> (data obrashcheniya: 17.03.18).

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРОПАГАНДЫ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В статье определена необходимость формирования позитивного правосознания молодежи для реализации целей молодежной политики в России. Указывается на то, что основным источником формирования правосознания молодежи выступает правовое воспитание, которое реализуется через паровое обучение, правовую пропаганду и позитивные юридические практики. Автором проанализированы отдельные способы правовой пропаганды: взаимодействие молодежи с социальными лидерами, правовая пропаганда в институте наставничества и правовая пропаганда в сети Интернет, а также их значение для правового воспитания молодежи. В работе выявляются актуальные проблемы в использовании каналов правовой пропаганды. Автор статьи считает, что для осуществления эффективной деятельности по реализации государственной молодежной политики необходимо разработать и закрепить план мероприятий, предусматривающий теоретическое и методическое описание основных методов и способов гуманитарного и правового просвещения.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая пропаганда, молодежная политика, каналы правовой пропаганды.

Современный глобальный и высокотехнологичный мир диктует общественным институтам правила развития и условия конкурентной борьбы. Скорость обновления среды существования человека достигла максимальных показателей за всю историю развития современной цивилизации. В быстро меняющемся мире обществу необходимо активно использовать потенциал молодежи, готовой к адаптации и внешним вызовам.

Исторически в нашей стране является востребованным позитивный жизненный пример представителей молодого поколения для создания мотивационных ценностей в обществе. На примерах молодых ученых, спортсменов, людей искусства и рабочих профессий выросло не одно поколение. Молодежь стала символом освоения новых пространств для жизни, роста экономики и безопасности Родины.

На современном этапе стремительного развития государству и обществу необходимо уделить особое внимание не только вопросам формирования профессиональных и лидерских качеств у молодежи, но и обеспечить формирование ее позитивно ориентированного мировоззрения. В первую очередь, в вопросах социального взаимодействия. Одной из главных проблем современной молодежи является низкий уровень личной социализации, вызванной глубоким проникновением в жизнь человека дистанционных способов общения и работы [3, с. 4–5].

29 ноября 2014 года Правительством Российской Федерации были утверждены Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Одной из целей государственной молодежной политики является совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие

успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны [6]. Достижением указанной цели должно служить решение задач по формированию системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодежи, знающей и ответственно реализующей свои конституционные права и обязанности, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей, проявляющей знание своего культурного, исторического, национального наследия и уважение к его многообразию, а также развитие в молодежной среде культуры созидательных межэтнических отношений [6].

При этом в план мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2015 г. №2570-р, был включен только один пункт 16, который предусматривает организацию и проведение мероприятий, направленных на развитие гуманитарного и правового просвещения молодежи. Ответственность за выполнение этих мероприятий была возложена на Росмолодежь и федеральные органы исполнительной власти. Данный подход, основанный на отсутствии конкретного комплекса мероприятий и круга ответственных лиц, обладающих необходимыми навыками в этой сфере, свидетельствует о неполном осознании государственной властью значения высокого уровня правового и гуманитарного развития молодежи в России.

Для решения выявленной проблемы необходимо использовать все средства правового воспитания, к которым относятся правовое обучение, правовая пропаганда и юридическая практика [2, с. 98–100].

На сегодняшний день в нашей стране в рамках государственных образовательных стандартов ут-

верждены и реализуются мероприятия по правовому обучению как на школьном уровне в курсах «Обществознание» и «Граждановедение», так и на уровне среднеспециального и высшего не юридического образования в курсах «Правоведение», «Основы права» и т.д. Реализация юридической практики в отношении молодежи в нашей стране, как правило, проявляется в деятельности по пресечению правонарушений и привлечению к юридической ответственности. Последнее время в рамках правового обучения получило развитие такое направление, как проектная деятельность, в ходе которой обучающиеся вовлекаются в особый вид юридической практики, целью которого является не только образовательный процесс, но и получение некоего жизненного опыта и формирование прикладных навыков.

Правовая пропаганда и пропаганда права, в отличие от правового обучения, являются процессами добровольными и связаны с формированием позитивного правосознания, как у отдельного индивида, так и в обществе в целом [4, с. 261–263]. В рамках современных общественных отношений сформировались типичные формы правовой пропаганды: это просветительские лекции, различные тренинги знатоков права, носящие популяризационный характер, размещение правовой информации в СМИ и сети Интернет. Несмотря на то, что пропаганда права – это явление не однозначное с точки зрения его оценки специалистами, общее заключается в том, что правовая пропаганда в правовом государстве – это активная деятельность государства и общественных институтов, направленная на внушение истинно научных правовых идей и правовых теорий [3, с. 5–6].

В России сегодня используются различные формы правовой пропаганды как постоянного характера (печатные издания популяризирующие право, телевизионные и радио передачи), так и периодического или временного характера (правовая пропаганда, осуществляемая избирательными комиссиями в процессе проведения избирательных кампаний).

Молодежь представляет собой особую часть населения и для эффективного решения задач молодежной политики в России в части формирования позитивно ориентированного правосознания необходимо подбирать соответствующие каналы правовой пропаганды, которые могут в значительной степени меняться от территории проживания, возраста и личных интересов.

Использование классических устных и письменных средств пропаганды не дает должный результат, поскольку в молодежной среде низкий уровень интереса к таким средствам массовой информации как печатные издания, телевидение и радио, а обеспечить участие молодежи в мероприятиях, имеющих своей целью личную устную

пропаганду, возможно только с участием или знаковых личностей, или молодежных лидеров, что является сдерживающим фактором для подобного формата пропаганды, поскольку организация и проведение подобных мероприятий требует значительных ресурсов и затрат. При этом нужно отметить, что канал устной правовой пропаганды с участием молодежных лидеров следует активно внедрять в отношениях с молодежным активом. Это позволит достичь сразу двух целей: с одной стороны, повысит стремление молодежи занимать активную жизненную позицию для получения доступа к подобным формам общения с лидерами общества, а с другой стороны, молодежный актив будет ретранслировать полученную информацию в адрес остальной части молодежи. Ярким примером эффективности подобной формы пропаганды стал XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который прошел в октябре 2017 года в России. В рамках фестиваля на различных дискуссионных площадках перед слушателями выступили государственные деятели, политики, ученые, бизнесмены, которые делились своими знаниями с молодежью и давали наставления и советы.

Новым направлением в достижении целей молодежной политики стало возрождение института наставничества. В рамках подготовки к форуму «Россия-страна возможностей», который прошел в марте 2018 года, Агентство стратегических инициатив запустило конкурс лучших практик наставничества. По результатам этого конкурса определены наиболее эффективные практики наставничества в следующих номинациях: наставничество на производстве, в бизнесе, в социальной сфере, в образовании и кружковом движении, а также в номинации «Дети учат детей». Данный социальный институт может стать прекрасной основой для осуществления правовой пропаганды, целью которой станет выработка не просто эффективных практик наставничества с целью формирования профессиональных навыков у молодежи, но и позитивно ориентированного правосознания. Четкая убежденность в том, что ни одна профессиональная деятельность не может находиться в конфликте с правом, должна стать фундаментом для любого наставника. Для этого необходимо не только вести жесткий отбор наставников, но проводить среди них дополнительную работу, направленную на укрепление позитивно ориентированного правосознания.

Еще одним важным каналом правовой пропаганды для современной молодежи выступает глобальная сеть Интернет. Сейчас власти вынуждены бороться с ресурсами, которые пропагандируют терроризм, суицид, употребление наркотиков и пользуются определенной популярностью среди молодежи, обусловленной желанием преодолеть запреты, сформированные в обществе, и стремится выделиться из общей массы, но Интернет необхо-

димо использовать во благо обществу [1, с. 70–72]. Самым сложным в использовании данного канала является поиск эффективных методов пропаганды права в сети. Необходимо создать систему мотивации молодёжи для обращения к ресурсам, ориентированным на правовую пропаганду. В настоящее время сетевые ресурсы, нацеленные на пропаганду права, очень часто создаются на ресурсах государственных и муниципальных органов власти и не являются привлекательными для молодежи [5, с. 166–168].

Решение подобной проблемы возможно в использовании развлекательных, интерактивных и познавательных ресурсов с учетом интересов молодежи. Уже сейчас отдельные интернет-ресурсы пытаются воплощать подобные идеи в жизнь, проводя конкурсы социальной рекламы, направленной на пропаганду правомерного поведения в обществе, интернет-олимпиады, предоставляют площадки для дискуссий по правовым вопросам и позволяют формировать позитивно ориентированное отношение к праву в соответствующей социальной среде. Сложности в более активном продвижении правовой пропаганды в сети Интернет связаны с поиском баланса между общим контекстом ресурса, пользующегося популярностью у молодежи и содержанием правовой пропаганды, которая должна реализовываться в целях формирования позитивного правосознания, но в этом вопросе необходимо использовать все доступные каналы правового воспитания, о которых мы говорили выше: правовое обучение, правовая пропаганда и позитивные юридические практики. Кроме того, к решению этой проблемы также необходимо привлекать молодежный актив, который должен обладать позитивным правосознанием и понимать цели и задачи правовой пропаганды в сети Интернет.

Учитывая проведенный анализ, мы считаем, что для осуществления эффективной деятельности по реализации государственной молодежной политики в области гуманитарного и правового просвещения в целях формирования позитивно ориентированного правосознания молодежи необходимо разработать и закрепить план мероприятий, предусматривающий теоретическое и методическое описание основных методов и способов гуманитарного и правового просвещения. Указанный документ должен предусматривать четкое распределение ответственности в вопросах разработки и реализации мероприятий в этой сфере между органами государственной власти. Это позволит избежать размытия ответственности и даст возможность осуществлять постоянный контроль за выполнением предусмотренных мероприятий.

Библиографический список

1. Агафонова Н.Н., Брылева Е.А. Интернет как средство правового воспитания и правовой пропа-

ганды // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 70–72.

2. Адаева О.В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 6. – С. 98–100.

3. Бондарев А.С. Правовая пропаганда и обучение - формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2008. – № 1. – С. 4–16.

4. Титова Е.А. Правовая пропаганда как форма профилактики правонарушений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-2. – С. 261–263.

5. Харольский В.А. Роль органов внутренних дел в профилактике экстремизма в молодежной среде // Право и образование. – 2015. – №6. – С. 166–171.

6. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r> (дата обращения: 23.02.2018).

References

1. Agafonova N.N., Bryleva E.A. Internet как sredstvo pravovogo vospitaniya i pravovoj propagandy // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2011. – № 3. – S. 70–72.

2. Adaeva O.V. Osnovnye formy pravovogo vospitaniya v sovremennoj Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2016. – № 6. – S. 98–100.

3. Bondarev A.S. Pravovaya propaganda i obuchenie - formy pravovogo vospitaniya: ponyatie i sredstva vozdejstviya // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. – 2008. – № 1. – S. 4–16.

4. Titova E.A. Pravovaya propaganda kak forma profilaktiki pravonarushenij // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2017. – № 15-2. – S. 261–263.

5. Harol'skij V.A. Rol' organov vnutrennih del v profilaktike ehkstremitizma v molodezhnoj srede // Pravo i obrazovanie. – 2015. – №6. – S. 166–171.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 №2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r> (data obrashcheniya: 23.02.2018).

Мельников Иван Николаевичкандидат юридических наук
Костромской государственной университет
Melnikk44@gmail.com**Кукушкина Любовь Анатольевна**кандидат педагогических наук
Костромской государственной университет
lub-kuku@mail.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье представлен анализ актуальных проблем правовой культуры современного российского общества в аспекте оценки электоральной культуры. В качестве основных причин низкого уровня электоральной активности населения указываются пробелы в области знания собственных электоральных прав гражданами и негативные последствия, связанные с нарушением общих принципов избирательного права. В качестве путей преодоления этих проблем автор предлагает усилить популяризацию избирательных прав населения и осуществлять эту деятельность на постоянной основе, модернизировать систему законодательства в области повышения электоральной культуры: разработать и закрепить конкретный комплекс мероприятий, направленных на развитие правовой культуры участников избирательного процесса, определить круг ответственных лиц за их реализацию, а также обеспечить неукоснительное соблюдение принципов избирательного права.

Ключевые слова: правовая культура, электоральная культура, права и свободы человека.

Российскому демократическому обществу уже более четверти века. Конституция РФ содержит нормы, закрепляющие положения о том, что наша страна правовое государство, но это не стало спасением для России [2]. Мы по-прежнему находимся в процессе строительства гражданского общества и продолжаем обсуждать вопросы становления институтов демократии, без которых немисливо превратить нашу страну в развитое государство с высоким уровнем правовой культуры населения. Знания правового характера, осознание жизненной ценности права, активное участие населения в деятельности государства, как путем прямых демократических способов, так и опосредовано, – все это свидетельствует о закреплении в обществе стандартов правомерного поведения и развития демократических принципов в государстве. Реализация этих начал позволит достичь результата в формировании правовой культуры как с позиции общества, так и с позиции государства. В рамках настоящей статьи планируется провести анализ одного из направлений проявления правовой культуры общества – состояния и уровня электоральной культуры современного гражданина нашей страны. Актуальность этой работы не вызывает сомнений, поскольку в настоящее время у населения России продолжается процесс формирования отношения к выборам как единственно возможному способу воспроизводства власти в демократическом государстве.

В правовой фундамент современного избирательного права России заложены международные принципы избирательного права; под их воздействием и с учетом российского опыта в нашей стране создана целая отрасль законодательства, в которую включены нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, а также акты, принятые органами местного самоуправления.

Наличие значительного правового инструментария позволяет с уверенностью говорить о высокой значимости избирательного права с точки зрения формирования основ правового государства в нашей стране. Помимо законодательной деятельности в качестве самостоятельного направления развития электоральной культуры стоит также отметить работу избирательных комиссий, одной из основных задач которых, в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3], является обеспечение реализации и защиты избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Выполнение данной задачи представляется крайне важным элементом в свете того, что любой избирательный процесс может быть признан легитимным только при соблюдении всего комплекса избирательных прав [1, с. 57].

В результате анализа системы законодательства и наличия независимой системы избирательной власти можно было бы предположить, что в нашей стране сформированы необходимые условия для существования у населения должной электоральной культуры, но оценивая уровень отношения населения к выборам как форме проявления демократии, мы получаем совсем иную картину. Явка избирателей на выборах депутатов Государственной думы шестого созыва, которые состоялись в 2011 году составила 60,21%, на выборах Президента РФ в 2012 году 65,34%, а на выборах депутатов Государственной думы седьмого созыва в 2016 году явка составила уже 47,88%. Отчасти радуют цифры, представленные ЦИКов по факту выборов Президента Российской Федерации состоявшихся 18 марта 2018 года: явка избирателей на этих выборах составила 67,47%.

Тем не менее, население не всегда осознает собственную роль и значимость в реализации демократии в нашей стране, а часто не верит в реальность существования демократических процессов при формировании органов государственной власти.

В основе первой причины лежит общий уровень правовой культуры населения, который не позволяет большей части современного российского общества обладать необходимыми знаниями для понимания основ демократии, в рамках которой данное человеку право участвовать в формировании органов управления напрямую влияет на возможность обеспечения его прав и свобод. Говоря о личных правах и свободах, таких как право на жизнь или частную собственность, каждый человек стремится к максимальной защите этих прав, как самостоятельно, используя различные инструменты, так и требуя защиты этих прав от государства. Но как только речь заходит о политических правах, многие утрачивают всякий интерес к их реализации и защите, зачастую не понимая, что только при условии реализации политических прав мы можем рассчитывать на защиту своих личных прав, поскольку только демократический государственный режим, который основан на воле народа, в котором органы власти подотчетны народу, может быть гарантом защиты прав и свобод.

Для преодоления подобной проблемы в современном российском обществе необходимо осуществлять активную популяризацию электоральных прав не только в период избирательных кампаний, но и между ними. Для этой деятельности стоит привлекать общественные организации и политические партии и движения. Они будут демонстрировать свою активность в вопросе доступа к власти и в аспекте активной работы по защите прав населения. Популяризация политических прав в нашей стране должна быть ориентирована на интересы граждан, а не нацелена на создание образа политических прав в отрыве от реальных ценностей. Человеку необходимо демонстрировать зависимость его личных благ от выполнения его общественной, политической функции.

Выстраивание ориентиров для формирования электоральной культуры в российском обществе должно учитывать отсутствие у населения исторического и социального фундамента в области демократии. Это в значительной степени затрудняет процесс осознания собственной роли в политической жизни страны у старшего поколения. Указом Президента РФ от 28 февраля 1995 года № 228 была утверждена Федеральная целевая программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации. В рамках реализации целей и задач программы предусматривалась выполнение комплекса мероприятий по повышению правовой культуры избирателей в период с 1995 по 1999 годы, в число таких меро-

приятий были включены образовательные и пропагандистские мероприятия. Данная программа дала положительный эффект, о чем свидетельствует стабильно высокий уровень явки на выборах Президента РФ в 1996 г. и выборах депутатов Государственной думы 3-го созыва в 1999 г. В дальнейшем исполнение программы осуществлялось лишь частично в рамках деятельности Центральной избирательной комиссии и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в России реализуется Молодежная электоральная концепция, утвержденная постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 марта 2014 года № 221/1429-6 [4]. В рамках концепции реализуются новые подходы и способы работы с молодыми избирателями в возрасте от 18 до 35 лет, направленные на повышение правовой культуры и электоральной активности молодых избирателей, внедрение различных форм взаимодействия организаторов выборов с общественными и молодежными организациями. Начиная с 2008 года, в соответствии с постановлением Центральной избирательной комиссии России от 28 декабря 2007 года № 83/666-5 «О проведении Дня молодого избирателя», избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации проводятся дни (декады, месячники) молодого избирателя с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных, в том числе молодежных организаций, а также организаций, осуществляющих образовательную деятельность, учреждений культуры, СМИ [5]. Данная работа представляется крайне важной как с точки зрения текущего эффекта, выражающегося в привлечении молодежи к политической жизни в стране уже сейчас, так и с точки зрения перспективного эффекта, который позволит формировать электоральную культуру новых поколений с заранее заложенными основами демократии. В то же время хотелось бы обратить внимание на недостатки, выявленные нами в существующей системе повышения правовой культуры избирателей в России:

1. Действующая система охватывает ограниченный круг участников. Данный фактор является сдерживающим в вопросах повышения правовой культуры избирателей, поскольку процесс правового воспитания должен носить непрерывный характер и не быть нацеленным только на молодежную аудиторию. Полагаем необходимым вернуться к комплексному подходу по повышению правовой культуры избирателей всех возрастных групп, сохранив приоритет в вопросах формирования правовой культуры молодых избирателей, а также разработать и внедрить комплекс мероприятий по поддержанию должного уровня правовой культуры избирателей иных возрастных групп. Указанные

мероприятия необходимо осуществлять на постоянной основе.

2. Система не использует полный комплекс инструментов в вопросах правового образования, правовой пропаганды и информационного освещения избирательных прав граждан. Номинально в Молодежной электоральной концепции закреплены основные направления работы по ее реализации, а также ее организационно-методическое и информационное обеспечение. При этом на практике мы сталкиваемся с тем, что реальное исполнение основных направлений работы реализуется крайне слабо и зачастую лишь формально. Это выражается в невыполнении основных направлений работы в части образовательной и просветительской деятельности и в части привлечения молодежи в сферу реализации отдельных избирательных прав – работа в избирательных комиссиях, работа наблюдателями. Для устранения данной проблемы требуется разработка и правовое закрепление периодического плана-графика реализации мероприятий в рамках концепции с установлением круга ответственных лиц.

Что касается второй проблемы, связанной с неверием в реальность существования демократических процессов при формировании органов государственной власти, то ее решение находится исключительно в плоскости чистоты и легитимности самого избирательного процесса. Принципы избирательного права должны находиться над нормами права и неукоснительно соблюдаться не только государством, но и обществом в целом. Например, соблюдение принципа альтернативности в избирательном праве обеспечивает каждому избирателю возможность выбора при голосовании. В нашей стране с 2006 г. на федеральных и региональных выборах запрещено использовать в избирательных бюллетенях графу «Против всех», сторонники этой позиции мотивируют положительный аспект от подобного решения тем, что данная графа – это не что иное, как протестное голосование. Но, с другой стороны, почему человек, осуществляющий свой выбор, не имеет права на политический протест? Как минимум, этот протест носит цивилизованный и правовой характер. Другой принцип – периодичность проведения избирательных процедур – также претерпел определенное воздействие. В результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы», были увеличены сроки полномочий Президента РФ и депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ. Подобные изменения увеличили промежутки между выборами и тем самым негативно отразились на электоральных правах граждан.

Таким образом, для достижения положительного результата в формировании электоральной

культуры современного российского общества необходимо:

- модернизировать систему законодательства в области повышения электоральной культуры, для этого требуется разработать и законодательно закрепить конкретный комплекс мероприятий, направленных на развитие правовой культуры участников избирательного процесса и определить круг ответственных лиц за их реализацию;

- усовершенствовать деятельность государственных органов, обеспечивающих избирательный процесс, в целях повышения их роли и ответственности в вопросах формирования правовой культуры избирателей и иных участников избирательного процесса;

- строго соблюдать фундаментальные принципы демократии в вопросах правотворчества и право применения.

Библиографический список

1. Загородский В.В. Правовая культура в контексте права избирать и быть избранным // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 56–61.

2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014, № 2-ФКЗ, от 21.07.2014, № 11-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF> (дата обращения: 20.03.2018).

3. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12062002-n-67-fz-ob> (дата обращения: 20.03.2018).

4. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 марта 2014 г. № 221/1429-6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70512050> (дата обращения: 20.03.2018).

5. Постановление Центральной избирательной комиссии России от 28 декабря 2007 года № 83/666-5 «О проведении Дня молодого избирателя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6284554> (дата обращения: 20.03.2018).

References

1. Zagorodskij V.V. Pravovaya kul'tura v kontekste prava izbirat' i byt' izbrannym // Obshchestvo i pravo. – 2010. – №1. – S. 56–61.

2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 №6-FKZ, ot 30.12.2008, №7-FKZ, ot 05.02.2014, №2-FKZ, ot 21.07.2014, №11-FKZ [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

<http://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

3. Federal'nyj zakon ot 12 iyunya 2002 goda № 67-FZ «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12062002-n-67-fz-ob> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

4. Postanovlenie Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii ot 12 marta 2014 g. № 221/1429-

6 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70512050> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

5. Postanovlenie Central'noj izbiratel'noj komissii Rossii ot 28 dekabrya 2007 goda № 83/666-5 «O provedenii Dnya mladogo izbiratelya» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6284554> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

Иванова Владлена ВладиславовнаКостромской государственной университет
iavnova98@bk.ru**Кукушкина Любовь Анатольевна**кандидат педагогических наук
Костромской государственной университет
lub-kuku@mail.ru

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЮРИДИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

В статье рассматривается проблема правовой грамотности и правосознания молодёжи, раскрываются основные формы проявления деформированного правосознания: правовой инфантилизм и правовой нигилизм. Основное внимание акцентируется на формировании правосознания студентов неюридических направлений подготовки, которые после окончания образовательных учреждений не могут в полной мере осуществлять профессиональные обязанности, основанные на нормах права. На основании проведённых нами опроса и тестирования студентов неюридических направлений подготовки выявлены некоторые недостатки в правовом воспитании студентов и выдвинуты определённые пути их решения.

Ключевые слова: правосознание, студенты неюридических направлений подготовки, правоведческие дисциплины, формы проявления деформированного правосознания, правовой инфантилизм, правовой нигилизм, справочно-правовые системы, Ассоциация юристов.

В современном мире, как никогда, человеку необходимо владеть знаниями в области права. Студентам, как будущим специалистам, это необходимо в их профессиональной деятельности. В связи с формированием правового государства и гражданского общества каждому человеку необходимо принимать участие в различных политико-правовых событиях, в частности, в выборах, массовых манифестациях, политических движениях. И самое важное состоит в том, что это участие должно быть осознанным, человек должен осознавать, что для нахождения правильных решений во множестве сложных ситуаций, ему необходимо руководствоваться нормам права.

Участие в разнообразных профессиональных и социальных правовых отношениях немислимо без формирования правосознания студентов. В.Н. Карташов определяет правосознание как «совокупность идей, теорий, представлений, эмоций и т. п., выражающих оценку людей к ранее действовавшим, ныне существующим и желаемым юридически значимым явлениям, служащую внутренней детерминантой любой юридической деятельности (практики)» [2, с. 213]. Ещё в 2011 году Президентом РФ издан Указ об основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [7]. Однако проблема правовой грамотности и правосознания остаётся на сегодняшний день одной из важнейших для нашей страны.

Как известно, существуют основные формы проявления деформированного правосознания — это правовой инфантилизм и правовой нигилизм.

Правовой инфантилизм проявляется в низком уровне правовых знаний, неспособности принимать правильные правовые решения, в совершении ошибок при исполнении профессиональных обязанностей [3, с. 60]. Правовой нигилизм выража-

ется в негативном отношении к праву, в отрицании и игнорировании законов в качестве источников регулирования конфликтных отношений [6, с. 32].

Причиной таких проявлений деформации правосознания является недостаток в правовом образовании и воспитании студентов. Необходимо обратить внимание на то, что студенты не часто сталкиваются с ситуациями, требующими правового регулирования, по причине их возраста. Следовательно, они не до конца понимают значение права.

Проведённый нами тест-опрос студентов неюридических институтов КГУ (институт гуманитарных наук и социальных технологий, институт искусства и культуры, институт автоматизированных систем и технологий) выявил, что многие студенты данных направлений подготовки не в полном объёме уяснили тонкости принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также функции правоохранительных органов. Среди студентов присутствует в большом объёме правовой нигилизм, многие учащиеся некорректно используют знания о получении правовой информации.

Выводы ученых, проводивших исследование по проблеме повышения уровня правового сознания, подтверждают, что при надлежащем уровне правового воспитания у личности формируется высокий уровень правового сознания.

Выявленные нами недостатки требуют дополнительных путей их решения. М.В. Кручинина определяет следующие цели профессиональной подготовки студентов неюридических специальностей в области права:

1. Развитие правовых знаний будущего специалиста в конкретной сфере его профессиональной деятельности;
2. Воспитание гражданской ответственности и уважения к правам и свободам другого человека, правопорядку;

3. Усвоение системы знаний о принципах, нормах и институтах права, необходимых для ориентации в российском нормативно-правовом материале;

4. Овладение умениями, необходимыми для реализации своих прав, и способами их осуществления;

5. Формирование способности и готовности к сознательному и ответственному поведению в правовой сфере и к оценке событий с точки зрения соответствия закону [5, с. 18].

Осуществлению этих целей в профессиональных учебных заведениях способствует изучение дисциплины «Правоведение». Сейчас эта дисциплина, дающая основу правовых знаний, изучается на 1 курсе. Существуют некоторые ее особенности для студентов экономических, психолого-педагогических, военных и других направлений. Например, студенты психологических специальностей изучают семейное право, право в сфере образования, а студенты-программисты изучают правовые основы в области информационных технологий.

На наш взгляд, дисциплина «Правоведение» должна изучаться не только на 1 курсе, а в течение первых двух лет обучения и последнего года обучения. Как считает В.С. Романенко, при изучении общеобязательных правовых тем юридические дисциплины, связанные с профессиональной деятельностью, растворяются среди них в учебном процессе [8].

Для формирования готовности к ответственному поведению в своей будущей деятельности необходимо и на завершающем курсе изучать практикоориентированные вопросы, связанные с выполнением профессиональных обязанностей и осуществлением защиты своих прав. Итоговый курс дисциплины «Правоведение» предполагает увеличение практических занятий по тем отраслям права, которые регулируют их сферу деятельности. Необходимо способствовать развитию интереса у студентов к данному предмету путём *бесед* с представителями правоохранительных и судебных органов, особое внимание уделить *проектной деятельности, работе в командах по решению интеллектуально-правовых задач*, которые включали бы в себя вопросы по правовым аспектам действующего законодательства РФ и отражали бы их связь с профессиональной деятельностью студентов.

Одним из важных вопросов является проблема источника получения правовой информации. Студентов-юристов обучают пользованию справочно-правовыми «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс». Нынешнему студенту более привычно и комфортно чувствовать себя в интернет-среде, нежели с книгой в руках. На наш взгляд, необходимо научить пользоваться этими ресурсами не только студентов-юристов, но и студентов других направлений подготовки, поскольку актуальная и достоверная правовая информация нужна и им.

Для преодоления правового нигилизма и инфантилизма необходимо шире использовать различные формы просвещения. При реализации совместной проектной деятельности студентов разных направлений подготовки осуществляется работа в команде над проектом, таким образом, происходит обмен информацией в определённой области знаний данных студентов. Студенты-юристы старших курсов могут проводить для студентов неюридических направлений подготовки во внеаудиторной деятельности факультатив по оказанию правовых консультаций по процедуре защиты своих прав. Ещё Марк Туллий Цицерон говорил: «Обязанность юриста – просвещать собственный народ». В просвещении граждан существенную роль может сыграть Ассоциация юристов, поскольку одной из её задач является юридическое обучение граждан и разъяснение им действующего законодательства. Большую помощь в выборе модели поведения или того или иного решения оказывают обывателям юридические клиники, осуществляющие работу по оказанию правовой помощи гражданам.

Таким образом, в целях повышения уровня правосознания студентов неюридических направлений подготовки необходимо, во-первых, учебным организациям скорректировать учебные планы и ввести на старших курсах правовую дисциплину с учётом особенностей их будущей профессиональной деятельности, во-вторых, шире использовать внеаудиторные формы работы по разъяснению правовых вопросов и преодолению правового инфантилизма и нигилизма. На наш взгляд, это позволит студентам в дальнейшем достаточно хорошо ориентироваться в правовых вопросах их профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. *Вопленко Н.Н.* Правосознание и правовая культура: учеб. пособие. – Волгоград: ВГУ, 2000. – 52 с.
2. *Карташов В.Н.* Теория государства и права: учебное пособие для бакалавров. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 274 с.
3. *Киселёва Л.А.* Правовой инфантилизм и правовой нигилизм // Российская повседневность: история, современное состояние и перспективы развития. – Екатеринбург: УГЛТУ. – 2013. – С. 59–61.
4. *Кручинин М.В., Кручинина Г.А.* Кейс-технологии в профессионально-правовой подготовке студентов вуза в условиях информатизации образования // Приволжский научный журнал. – 2010. – № 1. – С. 206–212.
5. *Кручинин М.В., Кручинина Г.А.* Моделирование процесса формирования профессионального правосознания студентов неюридических специальностей в высшем образовании // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3(1). С. 17–24.

6. Лагун Д.А. Кризис и деформация правосознания // Право и демократия: сб. науч. трудов. – Вып. 26. – Минск. – 2015. – С. 22–37.

7. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – 14 июля.

8. Романенко В.С. Правоведение и другие дисциплины: методика преподавания в рамках учебной программы специальности «Таможенное дело» // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 4–9.

References

1. Voplenko N.N. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura [Tekst] : ucheb. posobie. – Volgograd: VGU, 2000. – 52 s.

2. Kartashov V.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya bakalavrov. – Yaroslavl': YArGU, 2012. – 274 s.

3. Kiselyova L.A. Pravovoj infantilizm i pravovoj nigilizm // Rossijskaya povsednevnost': istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. – Ekaterinburg: UGLTU. – 2013. – S. 59–61.

4. Kruchinin M.V., Kruchinina G.A. Kejs-tehnologii v professional'no-pravovoj podgotovke studentov vuza v usloviyah informatizacii obrazovaniya // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. – 2010. – № 1. – S. 206–212.

5. Kruchinin M.V., Kruchinina G.A. Modelirovanie processa formirovaniya professional'nogo pravosoznaniya studentov neyuridicheskikh special'nostej v vysshem obrazovanii // Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. – № 3(1). S.17– 24.

6. Lagun D.A. Krizis i deformaciya pravosoznaniya // Pravo i demokratiya: sb. nauch. trudov. – Vyp. 26. – Minsk. – 2015. – S. 22–37.

7. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 28 aprelya 2011 g. № Pr-1168) // Rossijskaya gazeta. – 2011. – 14 iyulya.

8. Romanenko V.S. Pravovedenie i drugie discipliny: metodika prepodavaniya v ramkah uchebnoj programmy special'nosti «Tamozhennoe delo» // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 1. – S. 4–9.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.161.1'374

Неганова Галина Дмитриевна

кандидат культурологии
Костромской государственной университет
cultland@yandex.ru

Верба Ирина Павловна

кандидат филологических наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
verba.ir@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ: К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Г. МЕЛЬНИЧЕНКО

10–11 апреля 2018 года в Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского прошла III Всероссийская научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур». В рамках конференции была организована секция «Региональная лексикография как средство презентации языка народной культуры», посвящённая 110-летию со дня рождения Г.Г. Мельниченко – основателя ярославской диалектологической школы. В статье даётся обзор научных докладов, с которыми выступила на секции группа исследователей – И.П. Верба, Е.Г. Веселова, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Е.В. Цветкова, представляющих костромскую диалектологическую школу Н.С. Ганцовской, во главе с руководителем.

Ключевые слова: III Всероссийская научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур», 110-летие со дня рождения Г.Г. Мельниченко, костромская диалектологическая школа Н.С. Ганцовской, научный доклад, лексикология, лексикография.

10–11 апреля 2018 года в Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского прошла III Всероссийская научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур». В рамках конференции была организована секция «Региональная лексикография как средство презентации языка народной культуры», посвящённая 110-летию со дня рождения Г.Г. Мельниченко – основателя ярославской диалектологической школы, научного редактора Ярославского областного словаря. В работе секции приняла участие группа исследователей – И.П. Верба, Е.Г. Веселова, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Е.В. Цветкова, представляющих костромскую диалектологическую школу Н.С. Ганцовской, во главе с руководителем.

В основе выступлений – воспоминания о многогранной деятельности Григория Григорьевича Мельниченко не только на благо отечественной русистики, но и, в первую очередь, ярославского и костромского края. Связям Г.Г. Мельниченко с костромским краем и его научным трудам, многочисленным научным и просветительским проектам был посвящён доклад Н.С. Ганцовской «Г.Г. Мельниченко и А.В. Громов: научные и человеческие связи». Непосредственной темой её выступления явился мотив научных и человеческих отношений между ярославским учёным и костромским учителем из г. Мантурова Костромской области Александром Вячеславовичем Громовым.

А.В. Громов, выпускник Костромского учительского института имени Н.А. Некрасова, затем Ярославского педагогического института имени К.Д. Ушинского, никогда не терял связи со своим научным руководителем. Под его руководством

он создал свои знаменитые словари, написал качественные научные статьи, полевым методом обследовал весь поунженский край. В свою очередь он оказал большую консультативную поддержку коллективу составителей Ярославского областного словаря при подготовке к изданию ряда его выпусков. Г.Г. Мельниченко высоко ценил костромского краеведа и тонкого знатока ярославско-костромских говоров и в человеческом плане – за его трудолюбие, приветливость, верность избранному пути и честность при исполнении своих трудовых обязательств на стезе науки, общественной и учительской деятельности, за его недюжинный ум. В то же время А.В. Громов активно помогал и костромским диалектологам: десять лет успешно руководил диалектной практикой студентов Костромского пединститута, постоянно был в научном и деловом контакте с костромичами. В докладе Н.С. Ганцовской отношения Г.Г. Мельниченко с А.В. Громовым раскрываются в их научном диалоге в течение почти полувекового периода.

В докладе Г.Д. Негановой «Г.Г. Мельниченко и костромские тексты» рассмотрены вошедшие в «Хрестоматию по русской диалектологии» Г.Г. Мельниченко тексты, записанные в Костромской области. Подробно исследован образец диалектной речи, записанный А.В. Громовым в Поунжье. Он сопоставлен с другим текстом, также записанным этим костромским диалектологом-полевиком, – текстом, представленным в учебном комплексе Н.С. Ганцовской «Костромские говоры», в разделе «Хрестоматия костромских говоров». Оба текста анализируются в аспекте внутреннего диалектного членения говоров Костромской области, разработанного Н.С. Ганцовской.

Говоры деревень, в которых записаны тексты, находятся на пограничье между северо-западными, имеющими признаки центральных и периферийных костромских говоров, и восточными говорами, в которых преобладают черты говоров периферийного типа. В представленных образцах народной речи выявлены такие архаические черты, свойственные восточным костромским говорам, как мягкое цоканье; наличие долгих твёрдых шипящих *иши* и *жжс*; изменение твёрдого *л* в позиции конца слова и перед согласными в *ў* неслоговое, сходное по звучанию с *в* губно-губным. Наблюдаются также явления, характерные для Костромской группы северного наречия: предупредительный вокализм после мягких согласных, близкий к неразличению гласных; ёканье – переход *е* в *о* перед твёрдыми согласными и на конце слова; произношение *-тё* в безударном окончании глаголов множественного числа повелительного наклонения; склонение притяжательных местоимений в форме женского рода по типу местоимения *та*; произношение долгих мягких согласных в соответствии с сочетанием согласных *с j* и др.

Ярославский областной словарь, результат многолетней научной деятельности Г.Г. Мельниченко, представляет особый интерес для костромских диалектологов не только в силу общего культурно-исторического прошлого регионов, но и потому, что в него вошли материалы многих говоров современной Костромской области. К материалам Ярославского областного словаря обращаются в своих выступлениях Е.В. Цветкова и П.П. Виноградова.

Внимание П.П. Виноградовой привлекла группа наименований выпечных изделий с начальным *ол-*: *олелюха*, *олелюшка*, *олякиши*, *облякиши*, *олятиши*, *оляпыши*, *олятиши*; все эти лексемы в той или иной степени включают объединяющие семы – ‘маленький’, ‘наскоро испечённый’ и ‘неудавшийся, непропечённый хлеб’. Результаты исследования семантики, этимологии и географии этих слов представлены в докладе «Названия выпечных изделий с начальным *ол-* в Ярославском областном словаре: к вопросу о представлении лексико-фонетических вариантов в диалектных словарях». Определяя ареальное распространение лексем на *оля-/оля-*, докладчик с уверенностью говорит о северной их локализации, где они имеют и большее распространение, и большую степень варьирования.

Обращение к «Словарю экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л.П. Михайловой позволяет исследователю предположить, что рассматриваемые лексические единицы подверглись модификации вследствие иноязычного влияния. Вместе с тем утрата начальной согласной могла произойти иным образом: возможна этимология, восходящая к праславянскому корню **klekь* (Т.В. Карасёва, 2017). Если же производить *олякиши*, *оляпыши* от *ляпать* ‘делать что-либо на-

спех, кое-как, небрежно’, то возникновение гласного в начале слова можно объяснить действием плавного *л*, что могло привести на иноязычной почве к возникновению протетического гласного. В костромских говорах, приходит к заключению П.П. Виноградова, модификация, которой подверглись слова этой группы названий выпечных изделий, свидетельствует об иноязычном освоении ряда лексем, результатом чего явилась «переплата» их формы и семантики, которые затемняют исходные лексемы.

В докладе Е.В. Цветковой «Слова с корнем *-болот-* в костромской микропонимии и Ярославском областном словаре» представлены результаты исследования апеллятивной и проприальной (топонимии) лексики с корнем *-болот-*. Костромские микропонимы с корнем *-болот-* и ставшие основой для их образования апеллятивы сопоставлены с соответствующими им лексикографическими материалами по ярославским говорам. Рассматривается, с какими значениями лексема *болото* бытует в говорах Костромской области, при этом особое внимание обращено на наблюдаемые семантические смещения ‘болото’ → ‘грязь’, ‘болото’ → ‘низина’ и т. п. По наблюдениям исследователя, практически все значения слова *болото* нашли отражение в микропонимии костромского края.

Многочисленны в костромских говорах производные от данного географического термина, имеющие разнообразные значения. Наиболее распространённым, в том числе и в качестве микропонима, является термин *болотина*. Обращение к Ярославскому областному словарю и Дополнениям к нему позволило Е.В. Цветковой предположить, что некоторые иллюстрации, представленные в словарных статьях этих лексикографических трудов, могут содержать сведения о ярославской микропонимии, возникшей на основе апеллятивов *болотечко*, *болотина*, *болотовина* (пастбище), *болотняк* и др.

В русле проблем региональной лексикологии и лексикографии, которыми занимался Г.Г. Мельниченко, находятся исследования И.П. Вербы и Е.Г. Веселовой.

В докладе И.П. Вербы «Говоры верхневолжской историко-культурной зоны и их отражение в Словаре русского народного языка А.Н. Островского» рассмотрена представленность лексики говоров Верхнего Поволжья в Словаре А.Н. Островского. Особый интерес представляет ценное наследие о традиционных занятиях жителей Верхней Волги, которое оставил А.Н. Островский, участвовавший весной – летом 1856 г. и весной – летом 1857 г. в экспедиции по Волге с целью изучения быта, нравов и языка жителей. Результатом исследовательской работы писателя в ходе экспедиции стал «Опыт волжского словаря. Собрание слов, употребляемых на Волге и её притоках – относи-

тельно дна, берегов, заливов и прочее. Относительно судоходства, судостроения и других речных и береговых промыслов», материалы которого наряду с другими наблюдениями впоследствии составили основу Словаря русского народного языка А.Н. Островского. В лексический состав говоров верхневолжской историко-культурной зоны, представленный в Словаре А.Н. Островского, вошла прежде всего лексика судоходства, рыболовства, а также названия частей реки и берегов, другие тематические группы слов. Терминология, связанная с деревянным судостроением, в основном вышла из употребления, так же как и названия профессий лиц, занятых судоходством и судостроением на Волге, в отличие от слов тематического ряда «Рыболовство», как менее подверженных изменениям.

Особое внимание в докладе уделено говорам юго-западной части бывшей Костромской губернии, носящей название «земли Островского». Во времена Островского эта территория была единой, жизнь населения, проживавшего здесь, писатель хорошо знал. На территории Костромской губернии исследователи народной культуры XIX – первой четверти XX в. выделяли довольно большое количество особых историко-этнографических зон (Д.Н. Жбанков, 1891; В.В. Чичеров, 1948; О.А. Терновская, 1984). Этнографическое своеобразие населения юго-западной части Костромской губернии подчёркивали ещё в начале XX в. этнографы, изучавшие население Московско-Промышленной области, в состав которой входила Костромская губерния (Д.А. Золотарёв, 1925). В докладе описан состав лексики говоров Верхнего Поволжья, содержащейся в Словаре русского народного языка А.Н. Островского, выделены те-

матические группы, выполнен структурно-семантический анализ ряда лексем, выявлены особенности их лексикографического описания. Лексика говоров, распространённых на территории Верхневолжского поречья, прежде всего на юго-западе бывшей Костромской губернии, характеризует эту территорию как достаточно обособленную в языковом плане, а верхневолжскую историко-культурную зону – как устойчивую.

В докладе Е.Г. Веселовой «Тексты Е.В. Честнякова как источник изучения костромских говоров: произведения разных жанров» самобытный колотливый художник и писатель предстает знатоком и ценителем народного слова. Рассматривается, как в литературных текстах Е.В. Честнякова, относящихся к различным жанрам, отражено лексическое богатство народной речи поунженских крестьян конца XIX – первой половины XX в. Наблюдения показали, что в произведениях Е.В. Честнякова широко представлены диалектизмы различных тематических групп: «Природа», «Человек», «Пища», «Производственная деятельность», «Обрядовая лексика и лексика народных развлечений», «Устройство жилища, утварь, посуда, одежда», «Демонология» и др. В центре внимания – устойчивые народные выражения, придающие выразительность и экспрессию произведениям Е.В. Честнякова, а также проприальная лексика – топонимы и антропонимы. Сравнивая тексты рукописных книг Е.В. Честнякова и опубликованные, исследователь обращает внимание на то, как в результате редакторских правок сокращалось количество диалектизмов в его «словесностях». В заключение доклада отмечается ценность произведений Е.В. Честнякова для изучения поунженских диалектов.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Andrey Yu. Butin
Kostroma State University
igumenantoniy@mail.ru

On founding of the town of Nerekhta

This article discusses the problem of the thoroughness of the date of founding of the town of Nerekhta, and the reasons for that major construction project. The author, relying on known facts and sources, gives them a new interpretation. He focuses on the place names, on geographical features of the surroundings, on the reflection of the historical process of the development of the North-Eastern territories of Rus' in the 12th—13th centuries on the emergence and development of this town. Referring to the known archaeological data, the author rejects the established version of the existence of a Merya settlement in the territory of Nerekhta. He comes to a conclusion that Nerekhta was laid by the Russian men-at-arms of Prince Yuri Dolgorukiy as a craft settlement specialising in salt industry. The author describes the cause of the settlement as the detection of salt deposits when laying roads from the capital of Vladimir Principality to the border outskirts. In substantiation of the conclusion, the author for the first time relies on the data of archaeological investigation of 2015.

Keywords: Nerekhta, Kostroma, Merya, township, River Solonitsa, Yuri Dolgorukiy, Suzdal, salina, site of ancient settlement, road.

Gennadiy A. Meshcheryakov
Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University
mga-2014@yandex.ru

The creation of the Don military flotilla in 1733—1735

The article considered the unexplored facts laying the new combat and transport ships in the shipyards on the Don – decrees of Peter I in 1723, and Anna of Russia in 1733. The author reveals the reasons for the failure of the first expedition of the Don 1723—1724. Considerable attention is paid to the study of the totality of the reasons why Empress Anna recreated the Don military flotilla – on Azov operational direction in 1733. We investigated two-year period of laying and the construction of new combat ships and retrofitting previously built vessels at the shipyards in Tavrov – 1733 to 1735, the launching them and leading them to Pavlovsk with the help of special boats from the shipyards on the Don tributaries. In conclusion, the degree of combat readiness of the Don military flotilla by the beginning of the Russo-Turkish war in 1735 is analysed.

Keywords: Don military flotilla, Don expedition, vice-admiral Matija Zmajević, Admiralty Board, Tavrov Admiralty, Pavlovsk, Cabinet of Ministers.

Vyacheslav P. Bartov
Eurasian theological seminary, Moscow
bartov-vp@yandex.ru

A critical overview of the results of religious activities of Count Aleksey Bobrinskiy in Tula Province in the late 19th century

The purpose of the article is to survey the influence of Count Aleksey Bobrinskiy's personality on the spread of ideas of Vasilii Pashkov (the founder of the Russian baptist church) in Tula Province in the late 19th century. Study of the facts collected by the missionary department of the Russian Orthodox Church regarding sectarianism in Tula Province, permits the following conclusion to be drawn. The Count was indeed actively engaged in preaching while he lived in his estate in the town of Bogoroditsk. After the Count moved to live abroad however, his religious activities aimed at spreading protestant ideas was not continued by his proponents. This resulted in no followers of the doctrine of Vasilii Pashkov in about 20 years after the Count had left the country. Thus, the role played by Aleksey Bobrinskiy in inculcating protestant ideology among local population is erroneously overestimated by present-day protestants.

Keywords: Granville Waldegrave (Baron Radstock), Count Aleksey Bobrinskiy, Countess Vera Gagarina, Konstantin Pobedonostsev, Russian Orthodox Church, Tula Province, missionary, Vasilii Pashkov, sectarians, Protestants.

Yelizaveta A. Dzhagaryan
Russian State University for the Humanities
lorelei-s@mail.ru

Moscow periodicals as a historical source for the study of the image of Moscow in the last third of the 19th—the early 20th century

The article presents the history and typification of Moscow periodical press of the last third of the 19th—the early 20th century. The author identifies the main trends of its development, examines the emergence of capitalist publishers, technical progress in the printing trade; she analyses the features of formation of Newspapers and magazines, etc. Examples of the most influential and mass publications of the last third of the 19th—the early 20th century are given. The periodical press is considered to be a historical source for studying the image of Moscow.

Keywords: printed media, city image, Moscow modernisation, trading houses, public transport.

Vyacheslav K. Romanovskiy
Nizhny Novgorod Education Development Institute
vkroman@mail.ru

On Nikolay Ustryalov's stay in Perm

This article focuses on Nikolay Ustryalov's life in Perm in the period from autumn 1918 to winter 1919. Also, the reasons for the move of the politician, publicist and private Associate Professor of Moscow State University to Perm are revealed. Some aspects of his activity on the new place are reviewed: his working

at the university, the search for source of living and overcoming domestic hardships in conditions of War Communism, his thoughts about Motherland, his discussions with Dmitriy Boldyrev and other colleagues about the ways of overcoming crisis in Russia and maintaining the homeland. The article also pays attention to the election of Nikolay Ustryalov to the position of Professor at the Department of State Law, in Perm State University. In the author's view, Perm experience played an important role in Nikolay Ustryalov's decision to take part in the anti-Bolshevik movement in the East of Russia.

Keywords: Nikolay Ustryalov, Perm State University, thoughts about motherland, discussions about crisis in Russia, Dmitriy Boldyrev.

Yelena N. Abovyan

*Bryansk State Technical University
abovyan-elena@rambler.ru*

Valeriy V. Dzuban

*Institute of World Civilisations, Moscow
bryanskstudzuban@mail.ru*

Use of the potential of the occupied territory of Bryansk Region in the struggle between the Soviet and the German leadership in 1941—1943

In the millennial history of Russia, the events of the Axis War against the USSR have become one of the most severe tests for the Russian state. Victory, which claimed millions of lives, was won only thanks to the unity of the whole society. In the course of military operations, not only military equipment and the talent of commanders played a big role, but also patriotism. The article discusses the use of the regional potential of the occupied territory of Bryansk Region by the Soviet and the German leadership in the struggle between 1941 and 1943. The merits of Bryansk Region in the World War II can be estimated by two factors: the front and the guerrilla movement behind enemy lines. This article analyses the role of the partisan movement, whose main achievement was the disruption of the plans of the German army for maneuvering along the front lines in the most difficult moments of the fighting.

Keywords: World War II East Front, partisans, partisan movement, collaborationism, resistance, occupation, victory.

Vladimir A. Pecherskiy

*Khakas scientific research institute of language, literature and history, the City of Abakan, Khakasia autonomy, Russia
volody75.75@mail.ru*

Fight against banditry in Siberia during the Great Patriotic War

The article deals with the issues related to reasons that gave rise to the spread of banditry in the USSR in 1941—1945 and fighting it, when the majority of enforcers were mobilised and fought the Nazis in the lines. Such phenomena as desertion from the army and from industrial enterprises are analysed. Each deserter was considered as a potential bandit. Thus the fight against desertion received no less attention than the fight against banditry. The widespread circulation

of weapons – every month law enforcement officers seized thousands of machine-guns, automatic and assault rifles, revolvers – contributed to the spread of banditry, too. Banditry, taking place in the hinterland of Siberia, did not acquire such wide scale as in the lines and in liberated areas, however, the mobilisation of many People's Commissariat for Internal Affairs officers to acting army and a large number of deserters led to considerable difficulties in the process of fight against banditry in the region.

Keywords: Siberia, World War II (East Front), banditry, fight against banditry, desertion, crime, weapons.

Movla K. Osmayev

*Chechen State University, City of Grozny,
Chechnya autonomy, Russia
osmaev.movla@yandex.ru*

On the issue of the training of skilled workers in the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War

The article is devoted to the poorly researched problem of supplying the industry of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic (hereinafter Chechen-Ingush ASSR) with personnel during the Axis War against the Soviet Union. The reasons that gave rise to a steady shortage of skilled workers included: mobilisation in the Red and Labour armies; evacuation measures; interruptions in the work of special educational institutions engaged in the training of workers. Importance of training qualified workers directly in production using different forms of training: Stakhanov schools, various courses, schools of masters of labour, production seminars, individual training. In addition, Communist Party and Soviet and economic bodies of Chechen-Ingush ASSR intensified their efforts to involve representatives of indigenous nationalities in industrial production. However, these efforts were crossed out by the deportation of the Chechens and the Ingushs in February 1944, which further exacerbated the shortage of personnel for industry.

Keywords: Chechen-Ingush ASSR, training of industrial workers.

Ol'ga N. Nekrylova

*Bunin Yelets State University, the City of Yelets, Lipetsk Region
nekrylova_80@mail.ru*

Yevgeniy S. Dobrovol'skiy

*Cherepovets State University, the City of Cherepovets,
Vologda Region
jেকেdee@mail.ru*

The concept of "Christian socialism" in the first programme documents of the Christian Democratic Union in West and East Germany

The German post-war subject is traditionally complicated concerning extent of influence of allies on the German policy and in questions of the choice by parties of these or those political priorities. In the article, the concept of "Christian Socialism" and its influence on programmes of the Christian Democratic Union in the Western and Eastern occupational zones of Germany is analysed. A unifying link in ideological formation

of the CDU in the first post-war years, considering distinction of social and economic development of both territories, there was a choice of “Christian Socialism” as an ideological vector. However, contradictions between the former Allies of World War II could not but affect party political system of Germany. Studying of history and the analysis of a role of the CDU in formation of political climate of the Eastern and the Western zones of Germany promotes full understanding modern policy of the union of Christian democrats as programme installations of the first post-war years leave a mark on policy of the CDU up till now.

Keywords: Christian and Democratic Union, “Christian socialism”, East and West Germany, occupational mode, Konrad Adenauer, Jakob Kaiser.

Anton V. Karpov

*Cherepovets State University, the City of Cherepovets,
Vologda Region
antonkarpov1993@yandex.ru*

Development of housing and communal services of Vologda Region in 1945—1953

The article is devoted to the research of condition and development of housing and communal services in Vologda Region in 1945—1953. The availability of housing and household infrastructure is considered in the article. The author comprehensively analyses condition of housing and communal services. Providing the population with a living area, the condition of the housing stock and communal infrastructure, the pace of construction of new home and housing affordability among the population is considered in the article. The author paid attention to numerous problems of the housing and communal services development: the absence of water supply and sewerage, interruption of electricity and space heating, greater deterioration of the housing stock. In conclusion, the author underlines that some positive changes did happen in the sphere of housing and communal services in Vologda Region from 1945 to 1953. However, a lot of problems remained unsolved. The main reason for the weak development of housing and communal services and the poor state of social infrastructure in the cities and towns of Vologda Region was the lack of necessary funding by the regional authority and the departments.

Keywords: post-war period, social development, housing and communal services, living conditions.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63.12@gmail.com*

The state of clergy and the believers in the parishes of the Russian Orthodox Church in 1958—1988 as an indicator of religiosity of the USSR population (based on press materials of Central Russia)

The article analyses the state of religiosity of the USSR population in 1958—1988 on the basis of the official secular and Church chronicle and archival data. It is rightly pointed out that the administrative pressure on the Church and the strengthening of anti-religious

propaganda since the mid-1950s caused the movement of an unorganised resistance to the authorities, which tried to eliminate the “religious narrow-mindedness lag” in a limited part of the population. However, the high degree of religiosity seen by the authorities among the general population showed infertility and futility of further struggle against religion. The Church, which was neutral in opinion about the policy of the authorities, fought for the internal discipline of clergy and the believers, and this work yielded results by increasing the national authority of the Church and the priesthood. The policy of the authorities aimed at the liquidation of the Church was gradually leveled by the liberation processes in the country, which came after the abandoning of the Soviet ideological system, and developed further.

Keywords: hierarchy, priest, religion, press, atheism, believers, religiosity.

Natal'ya I. Gorlova

*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
gorlovanat@yandex.ru*

Memoirs of public activists as a historical source of formation and development of natural volunteer movement in 1960s—1980s

The article reveals the significant potential of memoirs of social activists for studying the history of formation and emergence of volunteerism in the field of environmental protection in the 1960s—1980s. The greatest rise in the student movement in the field of environmental protection falls on the period of the so-called Khrushchev's thaw. An important milestone in the social ecological movement was the emergence of students' environmental protection squads on the basis of the biological, soil-science and geographical faculties of the Soviet higher education institutions. Involvement of this layer of documents of personal origin, firstly, significantly enriches the source base on the issues under consideration, successfully solving, therefore, of one of the most topical tasks of this direction; secondly, significantly increases the level of work in this research area on the history of environmental volunteer movement in the specified chronological framework. In the memoirs of voluntary public figures, topical issues of the Russian history of the development and establishment of institutionalised volunteer practices in concrete historical epochs are reflected, and in this sense the source complex is a valuable, unique historiographic source. The memories that we considered represent an extremely valuable and informative source, providing an opportunity to take into account many details not recorded in official documents. Many years after the events described in the memoirs, we have the opportunity to recreate the atmosphere of the era, the internal organisation of an environmental protection squad, the psychology and personal motivation of volunteer activists of the environmental volunteer movement.

Keywords: memories, volunteers, volunteer nature protection activity, volunteer work, environmental protection squads, public activists, eyewitnesses.

Svetlana A. Kuskova
Lomonosov Moscow State University
kuskova.svetlana@gmail.com

Press-coverage of Nikita Khrushchev's first trip to the USA by American and Soviet newspapers (on the example of "The New York Times" and "Pravda")

The author analyses about hundred articles from June to October 1959 in "Pravda" and "The New York Times" in order to reveal how Soviet and American newspapers covered the first visit of the Soviet Leader Nikita Khrushchev to the United States. The study of such historical fact is necessary for a full understanding of communicative practices in the media during the Cold War. The author considers chronological order of the visit, so that it helps to identify the methods used by newspapers in covering events better. In the end, the author concludes that the "The New York Times" presented readers with a more objective reflection of events than "Pravda", that covered the trip based on the ideological views of the Communist Party and often ignored inconvenient incidents or intentionally interpreted them in a different meaning.

Keywords: Nikita Khrushchev, first visit to USA, "Pravda", "The New York Times", propaganda, Khrushchev Thaw.

Yekaterina N. Ionova
The Stoletovs Vladimir State University
kricity_en@mail.ru

The Issue of Latin-Americans' education in the context of their assimilation (on the base of hearings in the US Congress in the early 1980s)

The article is devoted to the question of education of Latino children in the USA on the base of hearings in the US Congress. The governmental attention to the issue of the Latino children adaptation appeared in the mid 1960s after widespread protests of minorities for their Civil Rights. The government with the Democratic Party initiated educational programmes to help Latino children. They experienced illegal status (most of their parents prevented them from been hired even on the jobs that paid the least). Owing to this the children gave up studying without getting a school-leave certificate. Without it, it was almost impossible to be admitted to any college of higher education. Such vicious circle was tried to be broken by Hispanic public and political organisation. Under the influence of public opinion in the mid 1980s private Funds began to work the aim of which was to promote talented Latino children and help them to enter colleges and universities. Exact at the moment of transfer from secondary to higher education Latino students came most suffered from difficulties. Less prepared children in the number of subjects came from low-income families' ad without governmental and help from colleges could not count on getting higher education. Being poor trained was connected with under financing of bilingual education programmes which were so necessary to non-English speaking Latino children. The author comes to the conclusion that the contradiction of Democratic and Republican parties in the ques-

tion of Latino education resulted in adoption of compromise law of "Bilingual Education" of 1984. Ronald Reagan's administration insisted on enactment English only education, while democrats and Hispanic caucus in Congress promoted bilingual education programmes.

Keywords: bilingual education, Latino, Congress, Civil Rights, private and federal Funds, assimilation, higher education.

Nikita S. Danyuk
Russian University of Peoples' Friendship, Moscow
danyuk@isip.su

Yevgeniy V. Semibratov
Russian University of Peoples' Friendship, Moscow
e-semibratov@mail.ru

Approaches of Russia and the Western nations to appraisal of the Ukraine crisis events (2013—2014)

In the article, the authors analyse events of anti-presidential coup d'état (the so-called "Euromaidan") which entailed the considerable human victims in the territory of the Ukraine and led to serious transformation of regional security system in Europe. On the basis of the studied actual material, the authors compare positions of Russia and the Western nations (in particular the USA and the European Union) and also reveal differences in approaches of the parts to crisis events in the Ukraine in 2013—2014. During the conducted research, conclusions which allow understanding disadvantage of those events for Russia are drawn and that has led to the most acute crisis in the relations between Russia and the West since the end of "Cold War".

Keywords: Ukraine, Russia, USA, European Union, "Euromaidan", coup d'état, Ukrainian crisis, foreign policy, international relations, diplomacy.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya V. Yatsenko
Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University
of Telecommunications
toma345@yandex.ru

Old English poem "Daniel": peculiarities of the genre of Christian epic

The article deals with the basic genre peculiarities of the Old English poem "Daniel" as a Christian epic that is the epic narrative using the ideas and forms of the Christian culture. The specificity of the genre is described as the result of the co-influence of the traditional oral and Christian poetics. Orientation to the Christian culture is seen at different levels of the text: its semantic integrity (based on the idea of moral revival), composition (based on the principle of exempla), poetics of repetition (the use of parallel constructions, symmetry, contrast, anaphora and epiphora), topoi (that of the Earthly City and translatio imperii) and special character of the citations from the New Testament. The genre of the Christian epic implies the reevaluation of the traditional Old English means of the poetic text organisation (alliteration, metrics and structure of the poetic line) as well as the use of them in the narrative organisation of particular chapters.

Keywords: Christian epic, Old English poem "Daniel", genre, oral and written tradition.

Irina V. Sofronova

*Ulyanov Chuvash State University, the City of Cheboksary,
Chuvashia autonomy, Russia
muxtar2@yandex.ru*

Chuvash heroic epic “Ulyp”: history and poetics

Representatives of the Chuvash intelligentsia at different times appealed to the creation of the author’s heroic epic. The first epic works are lyric-epic poem, describing the history of the origin of the genus, native village, distant past of the Chuvash people. Some authors use knowledge of the epic traditions of oriental, Turkic people, obtained through written, scientific literature, other well know folklore of the neighbouring Turkic peoples. Interest to create a national epic increases in times of rising national consciousness of the ethnic group. In the 1920s—30s, poets and writers gathered legends about Ulyp, wrote lyro-epic poems using the themes of stories. In the 1990s, the full reprinted version of the author’s epic (“Ulyp” by F. Suyin) appeared. It is a story about the heroic fate of a giant named Ulyp, a fighter for the happiness and freedom of the Chuvash people. We identified that the author had a good command of the material of the Chuvash folklore, was able to combine it with the traditions of the Turkic heroic epic. The article concluded, a manifestation of the influence of traditions of oriental, Turkic literature is connected with the appearance to him of special interest, which increases in times of rising national consciousness.

Keywords: epic tradition, motives, hero image, F. Suyin, folklore, lyro-epic, similarity, intensity, legend, legend.

Sergey V. Zhilyakov

*Belgorod National Research University,
Branch in the City of Stary Oskol
szhil@list.ru*

Archetype of the single combat image of in Old Rus’ literature: the example of “The Tale of the Battle of Kulikovo”

The article deals with the problem of archetypal image of a single combat in Old Rus’ literature on the example of “The Tale of the Battle of Kulikovo”. We confirmed the idea that it is not only intertextual ties which influenced the creation of the image of a single combat with ancient Rus’ literary works, folklore and Christian traditions, but also mythopoetic methods of transforming an artistic text, including a symbolic reflection of reality. On the basis of comparison of Old Testament prototypes images, their structural-semiotic analysis of the “Tale...”, it is concluded that the corresponding epic background, heroic themes and mythopoetics of artistic images of the work created an appropriate perception of historical reality, conditioned by the mythical expectation of transition to an updated state structure. Against this backdrop, figurative parallelism, semantic polyphonism, ideological monumentalism, symbolisation and allegorisation of the name, concluded in mythological archetypalisation, ritual constitutions and allusions, contributed and set up recipients for the symmetrical genre apperception prepared by the author and tradition.

Keywords: archetypal image, image, single combat, symbolism, Old Rus’ literature, perception.

Kirill A. Chekalov

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

“Immortals in our country” Novels by Xavier de Montépin and their Russian Translations

The article analyses the novels, written by Xavier de Montépin, the famous representative of the French popular literature of the 2nd half of the 19th century. His works were usually very depreciatingly evaluated by the critics but were very popular in the Tsarist Russia. They are published widely enough in the post-Soviet Russia; at the same time, today Montépin’s works do not attract the attention of French publishers at all. The article draws attention to the interaction of the different thematic variants of the novel-feuilleton in Montépin’s work. Montépin’s most famous novel – “La Porteuse de pain”, known as “Лучше умереть!” (literally “Wouldn’t Be Caught Dead!”) in modern Russian translation, – is analysed minutely in the present article. Some features of both old and new translations of novels by Montépin and publishers’ paratexts are discussed as well.

Keywords: novel, feuilleton novel, popular literature, translation, title, cliché, detective fiction, abbreviation, publisher.

Yuliya S. Patronnikova

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow State University of Civil Engineering
yulia.patronnikova@gmail.com*

Carolina Invernizio: some features of artistic manner (on the example of the novel “Dead Woman’s Kiss” (1896))

The paper is concerned with some important themes and images of Carolina Invernizio’s novel “Dead Woman’s Kiss” (1896), which exemplifies Invernizio’s writings and is considered an important work of mass literature from historical perspective. The range of the novel’s topics is manifold: adventures, melodrama, family secrets, devastating love, moralising, horror. The two features of the novel are taken to be most important. On the one hand, Invernizio showed a clear interest in the horrible and desired to frighten the reader by portraying cadavers, cemeteries with the “undead”. On the other, her novels – including the novel in question – gave strong support to the traditional moral values, such as family and marriage, despite the portrayal of the strange and the controversial. The originality of the novel consists in the fact that the order is restored by a strong, inventive woman, who is ready for almost anything for her family’s sake.

Keywords: Carolina Invernizio, “Dead Woman’s Kiss”, female novel, mass literature, death theme, family theme.

Grigoriy V. Tokarev

*Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
grig72@mail.ru*

Leo Tolstoy's ideas about religion vs faith

The article discusses the conceptual field “Religion” in Leo Tolstoy’s world view. The author determines the content of related concepts “religion” – “faith” – “God” – “church”. The philosophical works by Leo Tolstoy reflect a scientific reasoned approach to the definition of religion. An individual is a part of God. Such aspect of religion as the subordination of the individual is conceptualised. The main condition of religion is the equality between people. Its main function is a regulatory one. Leo Tolstoy looks upon religion as a phenomenon of human culture. Religion and faith are treated as related phenomena: religion is external, faith is internal. Faith is actional: it manifests itself in deeds and actions. Actional aspect of faith is based on the understanding of the meaning of life, on the golden rule of ethics and nonviolent resistance to evil. The basis of faith is the realisation of the meaning of life and human destiny. This knowledge may be acquired by the execution of the will of God. God is interpreted by Tolstoy as the ideal, as love. Tolstoy expresses his understanding of religion vs faith with reliance on an indirect nomination. The writer separates the true religion from the church contemporary to him, moreover he contrasts these phenomena. According to the writer, the church departs from the commandments of Christ.

Keywords: Leo Tolstoy, religion, faith, understanding, conceptualisation, categorisation, concept.

Andrey P. Dmitriyev

*Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
apdspb@gmail.com*

Nikolai Leskov and Nikita Gilyarov-Platonov: moments of unanimity and disagreement in the journalism of contemporaries

The article touches on the topic of research of creative contacts of Nikolai Leskov with religious and public figures and reconstructs the creative dialogue of the writer with Nikita Gilyarov-Platonov, a theologian and publicist of the Slavophile direction. Based on newspaper and partly archival materials from 1860s—1880s. The issues (theological, historical, literary), which brought together Nikolai Leskov and Nikita Gilyarov-Platonov in the press, are clarified. They include: the controversy about Old Believer schools, publicity in relation to the sect of the Skoptsy, post-mortem assessment of Alexander Herzen and Prince Alexander Suvorov, the shortage of catechist priests in the schools and the ways to solve this problem, the fight against public immorality, a look at the manifestations of religious radicalism among Old Believers who did not recognise the priesthood. It turns out that the cases of polemical confrontation in communication of the two writers they were explained by psychological motives or misunderstandings rather than by differences in their positions of principle, but and they

were balanced by moments of unanimity on important ecclesiastical and social issues.

Keywords: Nikolai Leskov, Nikita Gilyarov-Platonov, Alexander Herzen, journalism, publicity, Old Believers, creative dialogue, journalistic polemics.

Andrey Ye. Kunil'skiy

*Petrozavodsk State University, the City Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
aek31@mail.ru*

Theme of “life” in Russian literature of the second half of the 19th century

The article is part of a larger work of its author. Discusses the existence of the concepts “life” and “living life” in Russian literature of the second half of the 19th century. The popularity of these concepts is confirmed by the fact that they were used by the poets which were associated with romanticism (Aleksy Konstantinovich Tolstoy, Fyodor Tyutchev) and the radical Benthamites (Nikolay Chernyshevsky) and representatives of realistic art (Alexander Ostrovsky, Fyodor Dostoevsky). Semantic content of these concepts were different – from the designation of natural human needs to the ambivalent image of its habitat, from the “struggle for existence” to the connection with Eternity. A comparison of the ideas of Fyodor Dostoevsky and his characters with the characters of Alexander Ostrovsky shows that these ideas were not an esoteric and were known not only to the intellectual elite but also to the ordinary people and could be the object of parody and profanation.

Keywords: Russian literature of the second half of the 19th century, concepts “life”, “living life”.

Ol'ga V. Belopukhova

*Kostroma State University
klepa3367@mail.ru*

Ivan Turgenev and music. Horst-Jürgen Gerigk's article about Ivan Turgenev

The article analyses the study of Horst-Jürgen Gerigk “Turgenev and music. Comparison with Dostoevsky and Tolstoy” (2017), in which he addressed the theme of the role of music in the works of Ivan Turgenev. In his article, the German scientist analyses the worldview difference between Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky and Leo Tolstoy’s positions in relation to music. Ivan Turgenev, a follower of Arthur Schopenhauer, feels the connection of music with infinity, it replaces his religion. Musical theme in the works of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky becomes one of the methods for creating moods, conveying the emotions and emotions of the heroes (Leo Tolstoy), it is a sad contrast to the sad reality (Fyodor Dostoevsky). Two different positions are contrasted: transcendence and religion. Ivan Turgenev attracted as a writer the universal character of music, captivating the whole person, highlighting the strengths and weaknesses of the human character. The culture of depicting the spiritual foundations of love is inseparably linked with Ivan Turgenev, with the musical sketches of his novels.

Keywords: Ivan Turgenev, Horst-Jürgen Gerigk, music in Ivan Turgenev's works.

Yekaterina A. Murtuzaliyeva

*Dagestani State University, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
fiona70@mail.ru*

**The West European neo-romanticism
and its assessment in Dmitry Merezhkovsky's
work "Neo-Romanticism in the Drama"**

Dmitry Merezhkovsky's work "Neo-romanticism in the drama" becomes object of the literary analysis in article. The purpose of our article is to give the characteristic to Dmitry Merezhkovsky's work, having stopped on its typological and genre status, to track as the author estimates the West European dramatic art and dramaturgic experiences of the German, Belgian and French neoromantics. Dmitry Merezhkovsky's research has theoretical character, is accurately structured and very intertextual, and the intertextuality comes to more scientific level, and is more objective. Dmitry Merezhkovsky attracts big historical and theoretical material to the purposes, significantly supplementing the methodological tools: to descriptive functionally and structural descriptively to a method are added cultural and historical and elements of a comparative-historical method. At the same time, work has abstract character, and estimates stated by Dmitry Merezhkovsky bear in themselves symbolist implication. In Dmitry Merezhkovsky's work, two tendencies are distinctly traced: to give an objective assessment to contemporary West European dramatic art in the light of its innovation in comparison with the theory of the drama which developed in antiquity and to bring the reader to idea of futility of claims of neo-romanticism for "the new word" in dramatic art. The researcher does an exception only for Maurice Maeterlinck, symbolics of the dramas imposing Dmitry Merezhkovsky symbolist. In the genre plan work "Neo-Romanticism in the Drama" represents literary research interpretation.

Keywords: neo-romanticism, literary research interpretation, objectivity, subjectivity, research methodology, German dramatic art, French dramatic art, Belgian dramatic art, symbolism.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

**Stylisation of tradition of E. T. A. Hoffmann
in Aleksey Konstantinovich Tolstoy's novella
"The Vampire": (on the issue
of E. T. A. Hoffmann's reception in the Russian
literature of the 19th—the early 20th centuries)**

The article is devoted to the complex study of perception of E. T. A. Hoffmann's traditions in the Russian literature on the example of the novella of Aleksey Konstantinovich Tolstoy "The Vampire", which was an important step in the process of formation of the phenomenon of E. T. A. Hoffmann's complex. The general features of Aleksey Konstantinovich Tolstoy's novella "The Vampire" and some of E. T. A. Hoffmann's works are described in the work. Community

issues (real and imaginary worlds, the theme of the family curse, the theme of the animated portrait, alter ego), some images (the man in dominoes, the image punch) and their implementation has much in common with E. T. A. Hoffmann. E. T. A. Hoffmann's game with the reader and an ironic beginning and reception of the "undead" were the part of Aleksey Konstantinovich Tolstoy's artistic method.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, Aleksey Konstantinovich Tolstoy, E. T. A. Hoffmann's complex, duality, family curse theme, romantic irony, "undead".

Denis S. Lukin

*Tver State University
lukin_denis@mail.ru*

**"War's Burden" by Leonid Andreyev
in the context of his oeuvre**

The article provides comparative and problematic analysis of "War's Burden", the story by Leonid Andreev, aiming at finding out ties between this story and the writer's earlier texts. It allows tracing the evolution of the writer's views on the conflicts of human life (war, loneliness, endless suffering, etc.) from denying the possibility of their optimistic resolution to the statement the importance of searching for exit from them, to question the opinion about Andreev as about an incorrigible pessimist and to attract readers and researchers to this unjustly deprived attention story. In the story "War's Burden", Leonid Andreev, unlike in the "Life of Basil Thebes", uses the Old Testament story of the long-suffering Job, in a new way decides the fate of hero-individualist typical of his works and steps back from the position of the categorical rejection of any war, that clearly and categorically stated in the "Red Laugh", shifted his attention from the phenomenon of war as such to the attitude of individuals towards it.

Keywords: Leonid Andreev, Bible, war, diary, fin de siècle, individualism, reconsideration.

Aleksey V. Mishin

*Lomonosov Moscow State University
futurum2006@yandex.ru*

**A traveller as a politician and an analyst.
Western authors about 1920s—1950s Russia**

The subject of analysis in this article is the diaries of a journey to Russia, written by Western intellectuals in the 1920s—1950s. The chronology is determined by meaning of the first fifty years of the 20th century as critical ones in the Russian and the Western history. Author conceptions about Russia, political views, genre special aspects of diaries, its place in the creative work of the authors are investigated in this article. A resume is made that a traveller becomes not only a beholder but also a politician and an analyst. The diaries of English, German and American authors are researched. "A Russian Journal" by John Steinbeck and "To Russia and Elsewhere" by Wolfgang Koeppen have never before been the objects of attention of Russian scientists. The article is a result of a researching of Russia's image created by foreign travellers.

Keywords: diary of journey, Western intellectuals, Russian originality, political pilgrims, deception and self-deception, liberation from illusions.

Stepan A. Kuznetsov
Gorky World Literature Institute, Moscow
stepan.kusnetsov@yandex.ru

Body and face: corporality as a factor of human identity in the prose of Herta Müller

The article reveals the views the winner of literature Nobel prize Herta Müller for the shaping of human corporality and phenomenology of human body and their role in the transmission of existential position and creation of the identity of the individual. The identity of the person, according to Herta Müller, is not equal to itself, it is constantly in its own formation. Its contradictoriness and ambivalence is largely based on to the structure of human body, which consists of symmetrical parts and the gap between. The body becomes a kind of space, in which relation is built the personality, that is constantly threatened by the objectification of the power tyranny, spaces and things. The article focuses on the ability of images of corporality in the prose of Herta Müller and makes it a point to represent the existential condition of the person primary in relation to its psychological organisation and the social status.

Keywords: body, corporality, appearance, face, existence, identity, objectification, Herta Müller.

Аполлинариya S. Avrutina
Saint Petersburg State University
a.avrutina@spbu.ru

“Mahur Beste” trilogy by Ahmet Hamdi Tanpınar as an artistic unity

This article is devoted to interpretation of the trilogy by Ahmet Hamdi Tanpınar as the artistic whole. Being a modernist, Ahmet Hamdi Tanpınar it is recognised to be one of the most difficult for understanding and interpretation among authors: such saturated and various language of his symbols is. The novel “A Mind at Peace” by Ahmet Hamdi Tanpınar, which was recently translated into Russian, is by right considered to be one of the greatest current Turkish novels. We try to show in the article that, thanks to a musical theme, which is very thinly and carefully realised, as well as thanks to dramatic modes involved in creation of the artistic worlds and connecting all three novels in a whole, and as well as thanks to the author’s peculiar experiments with time, Ahmet Hamdi Tanpınar manages to create “Mahur Beste” trilogy, imparting special sounding to each of the novels within the general whole of the trilogy. The author of article emphasises that both various elements of culture of the perished Ottoman Empire and modern culture elements are mentioned in the “musical” trilogy “Mahur Beste”, and it is synthesis of these elements which, together with application of modernist methods, allow the author to create such a saturated text. Special attention is paid by the author of the article to the issues of periodisation and of the sequence of novels within the trilogy.

Keywords: Ahmet Hamdi Tanpınar, Turkish novel, Turkish prose, “A Mind at Peace”, “Mahur Beste”, makam, dastgāh, maqāmāt, makam tradition, modernism.

Sergey L. Strashnov
Ivanovo State University
sstrashnov@yandex.ru

Verses in the mass-culture system

The poetic production is rarely considered in mass-culture research. And this is not accidental: poetry indeed remains in the shadow of novels or TV-shows. Nevertheless, the problem exists, and it deserves attention at least as a preliminary review. In this work, not only philological, but also sociological and communicative approaches are utilised. The author distinguishes three large periods of the interaction between verse-makers and public perception. First, the 19th through the early 20th century, when the cruel romance with elevated emotionality, content stereotypeness and stylistic clichés, was dominating. Second, a post-revolutionary era, when popular writings were either turning to communal (Soviet mass song of 1930s) and official (hymns) models or deviating from them (in some texts of the war years, students’, tourists’ and author’s songs of “Khrushchev Thaw” and “Brezhnev Stagnation” periods). Third, the contemporaneity, characterised by the success of chanson and poetic greetings, even among members of the middle class. This manuscript further considers the relationship of the mass-culture verses with poetry and the possibility of updating the latter relative to trivial art.

Keywords: mass culture, elite art, folklore, post-folklore, poetry, verses, romance, Soviet song, chanson.

Fariza F. Safarchiyeva
Ivanovo State University
afarizza@mail.ru

Genre-terminological aspect of the theory of the modern Russian travelogue: travelogue vs “travel literature”

This article is devoted to the problems of the theory of modern Russian travelogue. The author makes an attempt to clarify the genre-terminological essence of the travelogue, including by comparing it with related narrative practices, such as “travel literature”, “travel”, etc. A fundamental question is raised as to either these concepts are identical or the travelogue is a completely different type of texts deserving a separate discussion about themselves. The article also examines the dynamics of the development of the perception of space by travel writers in past centuries and nowadays by the example of several works of modern Russian literature. The existing views on the travelogue as a phenomenon of literature are analysed, and an original concept is formed, according to which, a traveller appears as a unique meta-genre structure that exists within the framework of the extensive travel-discourse. The author reveals the specific features of this structure, formulates its definition of travelogue.

Keywords: travelogue, “travel literature”, narrative, space, meta-genre, discourse, text.

Andrey A. Raskin
Lomonosov Moscow State University
andreyandreevich993@gmail.com

Technique of the analysis of the leading German newspapers raising an immigration issue in Germany, on the example of publications about the Russian immigrants of the Internet version of the newspaper “Frankfurter Allgemeine Zeitung”

The article is an attempt to conduct a comprehensive analysis of the coverage of the topic of refugees and immigration into Germany in three top-class German Newspapers, tending to three different political forces: “Frankfurter Allgemeine Zeitung” (a newspaper, tacitly supporting the policy of the CDU (right-wing), “Die Zeit” (a centrist newspaper, tending to the policy of right-wing parties) and “Süddeutsche Zeitung” (a centrist newspaper, tending to the policy of left-wing parties). However, often the editorial quality of German Newspapers are trying to claim its non-partisan status, i.e. to adhere to the most politically neutral position. The topic of refugees and immigration into Germany has gradually become a key topic among all other topics of German internal policy, the volume of publications on this topic has exceeded the volume of other publications on internal policy issues; and even issues of internal political struggle have been considered in the context of this topic. Analysis of publications indicates that the publication still try to adhere to moderate and politically neutral approach, which continues to emphasise qualitative status of the newspapers.

Keywords: refugees, immigration, Germany, top-class newspaper, analysis, stylistics.

SCIENCE OF LANGUAGE

Kseniya V. Pospelova
Lomonosov Moscow State University
pospelova1990@gmail.com

Compounding and derivation in Old Frisian: synonymous terms and their features

The paper analyses Old Frisian terms with synonymous meaning, all of them formed with different means of word-production. The dependency of the formal level on the level of meaning is demonstrated basing on two lexical groups. One of them is characterised by a genre-based and territory-based consistency, the other one is comparable on a chronological basis. The first group includes Old Frisian terms denoting “the cattle”; the head components in these compounds are synonyms as independent words. The other group includes derivate items and compounds denoting “a glazier”. The choice has been conditioned by a large number of synonymous terms denoting these concepts. Based on the two compact lexical examples we aim to illustrate some principles of word-formation that can be, apparently, applied to the Old Frisian lexical system in general.

Keywords: Germanic, Old Frisian, lexicology, word-formation, compounding, derivation.

Viktoriya G. Lebedinskaya
North Caucasian Federal University,
the City of Pyatigorsk, Krasnodar Land
lebedinskaya2012@rambler.ru

Vocabulary of the “Arkhangelsk Dress Book” of Archangel Michael Monastery

“Arkhangelsk Dress Book” is one of the most interesting and cognitive sources for the history of everyday life and economy of the sources of the 17th century. The monument is basically cursive, dating from 1695—1696. This article discusses the lexical level of the book. The lexical analysis is based on the frequency of word usage in the text. Materials of historical and other dictionaries are involved in the analysis. Despite the relatively narrow target setting (post issuance household items, etc.), the monument captures bright palette that existed during the period under the names of species of boots and gloves, many of which are still observed in the dialectic Russian expeditions to the North.

Keywords: Russian language history, household vocabulary, dress books, cursive monument, frequency of use, dialectology.

Nina S. Gantsovskaya
Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru
Daniil I. Alekseyev
Kostroma State University
alekseeff@bk.ru

Jefim Ćestnjakov’s painting as video sequence to his texts: ethnodialect aspect

The article is devoted to considering connections of Jefim Ćestnjakov’s painting and literary works as an important means of reflecting the ethnodialect peculiarities of Kostroma territory along the River Unzha. One of the best author’s art works is chosen for comparison – the big multi-figure painting of complicated narrative compositional construction “Welfare Town”, where the characters and decor elements of the town and village are contrasted. To characterise the artistic conception we relied on culturological, artistic and linguistic works of a number of researchers, mainly from Kostroma. Description of the content of the painting is based on the ethnodialect and lexicographical analysis of some groups of lexis, reflecting the phenomena of material and spiritual culture of the Unzha countryside, from Jefim Ćestnjakov’s works of different genres: fairy tales, rhymes, plays, poems, ethnographical sketches and others. One of the painting fragments is specifically analysed. Everything shown there can be divided into several topics, which constituents are matched the nominations from the texts of Jefim Ćestnjakov’s works. In the first topic there is analysis of words беседки, девушки, девоньки, девицы, девки, парнёк, беседовать and others, in the second topic – покои, окошко, окнышко, лавки, in the third one – лапти, шоптанники, берестяники, ступни, кафтаны, оборы, оборки, обдирки, in the fourth one – ковш, черпак, сладень, валовушка, in the fifth one – лепёха, лепёшка, пряжьё, пряженики. The authors come to conclusion that consideration of the research object in the context of interrelationship

of the word and the image will help to discover new meanings in Jefim Čestnjakov's works understood as a whole, to put accents in a more accurate way in interpretation of his paintings and more clearly get the idea of the everyday life of Kostroma countryside, of its lexical richness.

Keywords: Jefim Čestnjakov, Kostroma territory along River Unzha, ethnodialect aspect of lexis description, video sequence.

Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Grigoriy Mel'nichenko and Kostroma texts

According to the internal dialect partitioning developed by Nina Gantsovskaya in dialects of Kostroma Region, three groups are allocated. Language features of patois of peripheral type prevail in east Kostroma patois, features of patois of the central type prevail in southwest patois, in northwest patois there are signs of the central and peripheral patois. In the article, two dialect texts, which were put down by the dialectologist Aleksandr Gromov in Manturovo and Kologriv districts of Kostroma Region in the 1980s, are considered. The first text was included into the manual "Anthology of the Russian Dialectology" by Grigoriy Mel'nichenko (1985), the second text is included in the manual "Kostroma Dialects" of Nina Gantsovskaya (2018). Patois of hamlets in which texts were put down are on a border zone between northwest and east Kostroma patois. The author analyses such archaic language features peculiar to east patois as the lack of distinction between the sounds [ts] and [tʃ], existence of the long hard hushing sounds revealed in texts, change of a hard sound of [l] in a position of the end of a word and before concordants in [o]. Also in texts the phenomena which are characteristic of patois of other areas of Kostroma Region are revealed. This includes pretonic vocalism after soft consonants, transition of the letter e in the letter o before hard consonants and on the end of a word, pronunciation of [-të] in the unaccented termination of verbs of plural of an imperative mood, pronunciation of long soft consonants instead of combinations concordant with j, etc.

Keywords: Grigoriy Mel'nichenko, Aleksandr Gromov, Nina Gantsovskaya, internal partitioning of Kostroma Region patois, anthology, Kostroma text.

Tat'yana V. Gorlova
Kostroma State University
ospd.ksu@yandex.ru

Toponymics of a small provincial town of central Russia as a source of studying the processes of ethnogenesis and glottogenesis (by the example of the toponymic system of the town of Nerekhta, Kostroma Region)

The article is dedicated to reviewing the processes of proprietary nomination on the material of toponymy of the town of Nerekhta in Kostroma Region, which can be considered a typical provincial town of central Russia from historical, social, economic and ethno-

linguistic points of view. An attempt to study Nerekhta toponyms in diachrony using four synchronous samples allows tracing the tendencies in toponymic nomination of this area, beginning with the first mention of the settlements existing here at the place of confluence of the River Nerekhta and the River Solonitsa and finishing with present time. Making a significant share of lexis, proper names contain valuable and plentiful material for linguistic, historic and ethnographic research. Moreover, being an important source for studying the history of the language, toponyms are able to shed light on the processes of ethnogenesis and glottogenesis of Nerekhta territory as part of the region of Kostroma Povolzhye.

Keywords: toponymy, urbanonymy, Nerekhta, dialects, patois, free settlements, names of streets, glottogenesis.

Polina P. Vinogradova
Kostroma State University
vpp.home@gmail.com

Kostroma territory vocabulary of lexis describing home-made bread (a project)

The principles of the dictionary of names of baked products from flour (bread, pies, etc) in Kostroma Region's patois, developed by the author, are presented in the article. Purposes, content and structure of the dictionary are defined, examples of references are given. The dictionary is characterised as a topical, regional, explanatory one, one of a full type (non-differential one). The special attention has been given to the appendix of the dictionary which contains the word-list of lexis which organised by the thematic principle, as well as to reading-book of texts within the chosen subject on each district of Kostroma Region. The dictionary allows to reveal volume, structure, semantic content of poorly studied Kostroma territory lexis layer which has a long history that opens ample opportunities for lexico-semantic, lingual-geographic and historic-ethnographic observations.

Keywords: lexicography, lexicology, local history from lingual point of view, dialectology, Kostroma Regional patois.

Lyudmila A. Dmitruk
Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru

Folklore and ritual vocabulary in Kostroma patois (based on Aleksandr Gromov's dictionary "Lexicon of flax growing, spinning and weaving in Kostroma patois along the River Unzha")

In the article, folklore and ritual vocabulary is examined on the basis of the dictionary by Aleksandr Gromov, "Lexicon of flax growing, spinning and weaving in Kostroma patois along the River Unzha". The given dictionary by its type is the branch regional dictionary describing the lexicon connected with processes of cultivation and processing of flax. In the lexicographic source studied against the background of terminological vocabulary, words characterising the process of labour from the point of view of its belonging to the circle of actions traditionally accompanied by Slavic

ritual, are noticeable. Most of the stable expressions in their genesis go back to the Slavic beliefs on the whole, but some of them are of North Russian origin and existence. Stable expressions, paremias recorded in Aleksandr Gromov's dictionary, are characterised (against the background of data from other dialectal dictionaries) by structural and stylistic variability, but they remain stable in relation to their space-time coordinates and ethno-cultural ties.

Keywords: language of folklore; folklore and ritual vocabulary; vocabulary of Aleksandr Gromov; vocabulary of flax growing, spinning and weaving; Kostroma patois, Kostroma territory along River Unzha.

Yelena V. Sen'ko

*Khetagurov North Ossetian State University,
the City of Vladikavkaz, North Ossetia autonomy, Russia
senkoelena@yandex.ru*

Aida S. Chekoyeva

*Khetagurov North Ossetian State University,
the City of Vladikavkaz, North Ossetia autonomy, Russia
tchekoewa.aida2012@yandex.ru*

The modern theory of loanwords: a terminological aspect

The article discusses the modern theory of loanwords in terms of terminology; examines the special case of equivalent and non-equivalent titles of foreign language vocabulary. It is argued that the terminology of the scientific field called nominative overloaded, will be found by you as the ambiguity of the semantics of legal units. The streamlining of terminology will allow a more objective assessment of the current language situation, and the typology of foreign words to build on clearer parameters. It is stated that from the point of view of inclusion in the system, non-dictionary words can be divided into foreign language and loanwords, and from the point of view of origin, into native and foreign language words. Terms referring to lacunar phenomena in language, are advisable to be called the exoticism. Other designations seem redundant, because stress or functional purpose of words, or are homonyms or doublets of other characters.

Keywords: language development, language contact, loanwords, terminology, foreign language word, lexical borrowing, nonequivalent vocabulary.

Marina Yu. Ryabova

*Kemerovo State University
mriabova@inbox.ru*

Some actual characteristics of English punctuation functions

The article deals with the analysis of some characteristics of punctuation functioning in modern English based on the language material of literary and media texts (on-line site of The Guardian). The aim of the paper is to reveal new functional characteristics of punctuation signs compared with their traditional syntactic and stylistic ones. The following new functional usage of punctuation signs are described: the playing (ludic) function (creating an ironic, comic or parody effect in communication) and the expressive function emphasising an element in a communicative context. The impor-

tance of the undertaken analysis is to show the necessity of studying the English punctuation functions from the point of view of modern theory of communication and media linguistics as well as with an empirical educational purpose of teaching the English grammar.

Keywords: punctuation, punctuation sign, playing (ludic) function, graphic stylistics.

Marina A. Nikulina

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow
nikulinoj.marine@mail.ru*

On the assimilation of terminological borrowings in modern conditions

The article considers issues, connected with current processes of borrowing of new terms and their further assimilation in the system of Russian terminology. The paper contains a brief review of different linguistic approaches to English as a "global language", which results in a high level of penetration of English units of special nomination into modern Russian languages for special purposes (LSP). The most illustrative cases of borrowed terms (with their etymology) are given to show the algorithms of borrowing into terminological systems of economy, business and advertisement. In conclusion the author offers some principles of working out certain criteria which could become a successful instrument in assessing "new-borrowed" terms as "useful" or "harmful" for further development of modern Russian terminology. The necessity of such criteria is mainly explained by the wide derivative potential of the Russian language to coin its own equivalents for new terms and notions.

Keywords: terminological borrowings, lexicosemantic criteria, equivalence of sense, "step-by-step" assimilation of a term, sense-containing space, volume of notion of term, ways of filling translation lacuna.

Yelena B. Volkova

*Moscow Aviation Institute (national research university)
lenka@mail.mipt.ru*

Irina A. Remennikova

*Moscow Aviation Institute (national research university)
vladrem@list.ru*

Yelena A. Vecherinina

*Moscow Aviation Institute (national research university)
vealek@mail.ru*

Comparative analysis of expressiveness of the texts of mathematical works in Russian and Romano-Germanic languages

The style of exact sciences supposes stating the material in the emphatically logical way, excluding any manifestations of figurativeness and emotionality. However, some expressive means are used in the texts of mathematical works and have their own peculiarities even in comparison with scientific texts from other fields of knowledge. The objective of the article is to research the expressiveness of the texts of mathematical works in Russian, English and French and to analyse the received results. The works of outstanding modern mathematicians in the field of differential geometry and algebraic topology served as a material for the research. These authors achieved fundamental

results in the above stated fields; their works written in an irreproachable style serve as the basis for further studies. For the difficult material to be apprehended properly the author should concentrate the reader's attention on the key notions which the further proof is based on, stress the important points, convince the reader in correctness of his arguments. Efficient emphasising facilitates better understanding the author's idea. Moreover, the texts of mathematical works sometimes deal with different approaches to solving one or another problem, existing points of view on some issues. The author ought to express clearly and substantiate convincingly his stand on the matter. It is here where various stylistic techniques of emotional impact on the reader are needed. In the texts of mathematical works in the considered languages there are both general expressive means and the peculiar ones for individual languages. The stylistic peculiarities found out should be taken into account when dealing with the texts of mathematical works in these languages.

Keywords: repetition, expanded variable repetition, words with intensifying and emphasising semantics, parenthetical words, rhetorical question, emphatic construction, figurative lexis.

Yekaterina M. Grigor'yeva
Ivanovo State University
greekat@yandex.ru

Main development tendencies of modern New Zealand lexicography

The article is devoted to the comprehensive research of the most important development directions of modern New Zealand lexicography that is flourishing nowadays. The following idea is proved here: general tendencies of modern English-speaking countries' lexicography influence on New Zealand lexicography. These tendencies include the role of learner's lexicography, publications of special purpose dictionaries (economy, politics), lexicography for fun. Much attention is paid to the slang dictionaries as the main peculiarities of modern word usage are reflected in slang. Moreover, dictionaries of the Māori language are of much importance as they contribute to keeping the culture and language of the aboriginal tribe of New Zealand.

Keywords: New Zealand English, special purpose dictionaries, learner's lexicography, lexicography for fun, dictionary macrostructure, microstructure.

Mariya A. Zakharova
Volgograd State Institute of Arts and Culture
forestwell@yandex.ru

Yekaterina A. Isakovich
Volgograd State Institute of Arts and Culture
k.isakovich@mail.ru

The semantic structure of the lexemes "suit" and "costume" denoting different types of clothes: a comparative analysis

The article is devoted to the comparative analysis of the semantic structures of the words "suit" and "costume", which belong to Anglo-Norman lexis and French borrowings respectively. The analysis is carried out on the basis of the information presented in

several monolingual dictionaries of the English language. The article also considers phraseologically bound meanings of the lexeme "suit", as well as the most prominent examples of semantic derivation within its sememe. The derivational potential of the lexemes in question is also brought into clear focus, which contributes to a deeper understanding of their semantic interrelations with their derivatives. When necessary, compound nouns incorporating the lexical units "suit" or "costume" are defined as belonging to British or North American English. The comparative analysis undertaken in the paper makes it possible to define the applicability of the lexeme "costume" as restricted in comparison with that of the lexeme "suit", the latter incorporating some of the earlier semantic usages of the former.

Keywords: Anglo-Norman lexis, French borrowings, British English, North American English, semantic derivation.

Mariya A. Gatalova
Ivanovo State University
gatalova.mania1990@gmail.com

Faina I. Kartashkova
Ivanovo State University
kartashkova@rambler.ru

Impolite non-verbal behavior of American businessmen

Today communicative behaviour of American businessmen is perfectly well-known to Russian businessmen via American films and may be treated as a pattern of corresponding behaviour for their Russian counterparts. The aim of the work is to state the main peculiarities of impolite non-verbal behaviour of American businessmen in modern society. The realisation of research objectives has been achieved through analysis of different episodes of impolite non-verbal behaviour taken from American films. Methodological potential includes the communicative-pragmatic analysis which enables us to discuss the behaviour of American businessmen from the angle of interpersonal communication and the contextual analysis predetermined by the necessity to take into consideration non-verbal means of communication in different situations of interaction. The authors research the peculiarities of impolite non-verbal behaviour of American businessmen in different episodes of interaction. The authors point out the most typical non-verbal signs marking the situations of non-cooperative communication. The article takes into account the gender aspect of the addressee in the situations under discussion. The study of impolite non-verbal behaviour of American businessmen enables us to understand the peculiarities of masculine behaviour in different situations of interaction and to determine the non-verbal signs which serve as markers of masculine non-verbal behaviour.

Keywords: non-verbal components of communication, non-verbal etiquette, impolite communicative behaviour, emotional state, American business communication.

Mariya V. Pankratova
Lenin Ivanovo State Power University
mariapankratova@mail.ru

**Grammatical and lexical interference mistakes
 in English written academic discourse
 of Russian bilinguals**

The given article reveals a number of problems connected with the analysis of lexical and grammatical mistakes observed in English academic written discourse of Russian bilinguals due to the process of language interference. These mistakes have been assessed and corrected by IELTS experts, native speakers of English. Specific features of written academic discourse produced by Russian bilingual students have been pointed out and characterised, IELTS essay types have been discussed in the article. The author brings into focus a few frequent lexical and grammatical mistakes, illustrating them with examples and pointing out the type of errors marked by the IELTS English experts. The author comes to a conclusion that systemising such data enables English language teachers to develop an effective methodology and evaluation that are assigned to overcome most lexical and grammatical mistakes caused by language interference. This approach can considerably enhance bilinguals' language skills in English academic written discourse.

Keywords: bilingualism, bilingual, interference, discourse, types of discourse, written academic discourse, international exam IELTS.

Svetlana A. Manik
Ivanovo State University
svetlana_manik@yahoo.com
Nadezhda A. Shamova
Ivanovo State University
sh941@mail.ru

**On creating learner's
 reference book "Cinematography"
 (case study of the English language)**

The main stages of the development and compilation of the specialised learner's reference book are described in the article in accordance with the key tendencies of the development of modern terminology, terminological lexicography, corpus linguistics and methodology. The work is based on the up-to-date linguistic material of the specialised periodical "American Cinematographer" in English for the last 2 years. The novelty of the present manual is stipulated by the authors' attempt to work out and create the learner's reference book "Cinematography" in English on the basis of the corpus data, (corpus-driven), in particular the authors' corpus, created on the platform "Sketch Engine". The ideographic structure of the manual is explained and justified, as well as the composition of it is described. The perspectives of the usage of this manual are illustrated. The article is of interest to English teachers and lexicographers.

Keywords: corpus linguistics, learner's reference book, cinematography, corpus technologies, learner's perspective, learning process, Sketch Engine, author's corpus, LSP.

Ol'ga A. Obratsova
Kirov Academy for Military Medicine, Saint Petersburg
obrazsova.olga@mail.ru

Russian anthroponyms within the foreign audience

Works of the writer Jefim Ćestnjakov are the source of studying national and cultural identity of personal proper nouns in Russian language in connection with their owners and the sphere of their use in different contexts of real-life speech. His works show us how the names function in ordinary life situations. Being used in various contexts they most fully reveal their semantic qualities ascended to the culture and history of Russian people. The works of the writer provide insight into the composition of Russian anthroponymic system, age and the origin of the names, their social colouring, style context, territorial localisation and the existence of underlying forms of anthroponyms. This is very important for solving culture-oriented linguistics problems while teaching Russian language to foreigners.

Keywords: area studies from lingual point of view, Russian traditions of personal identity, anthroponyms, Christian personal names.

Natal'ya Ye. Zarubina
Ivanovo State Medical Academy
natalyakirs@mail.ru

**The role of evaluative vocabulary in creating
 the image of Russia in the Western mass media**

The study is devoted to the description of evaluative vocabulary which forms the image of Russia in the Western mass media. The author gives analysis of the American media USA TODAY, Chicago Tribune, The New York Times, Bloomberg News, and British press The Guardian and Daily Mail covering the ban of the Russian team at 2018 Olympics. The discourse parts containing nominations of positive and negative value are described. The author comes to the conclusion that mass media intentionally use a large number of negative nominations which create a negative image of Russia and its leaders. Thus mass media practice a linguistic manipulation of mass consciousness and impose conclusions that Russia cheats the whole world, and that it should be banned and penalised to bring influence upon.

Keywords: evaluative vocabulary, image of Russia, Western mass media, doping scandal, negative value, linguistic manipulation of consciousness.

Natal'ya S. Gromova
The Urals Institute of Commerce and Law,
the City of Yekaterinburg
gromovans@mail.ru

**"Verbal extremism" and "hate speech"
 in the context of juridical linguistics functioning:
 the experience of the terminological analysis**

The article considers the ratio of the terms "verbal extremism" and "hate speech" common in the modern scientific paradigm, determines their structural characteristics and discourse determinism. It identifies the specific use of juridical linguistic field of each concept, and examines existing and possible functional and se-

mantic problems of word usage related to its intrinsic characteristics. In the framework of terminological analysis, the article establishes a fundamental difference between Russian and foreign interpretation of the term “hate speech”, coupled with its various functioning. The author analyses the scientific approaches to the design of the content of studied concepts, offers her own definitions. An attempt of a generic-specific classification of the given terms in the course of their interdependent use is made, excluding contrasting effects, but involving their multilevel nature of both linguistic and legal nature.

Keywords: verbal extremism, hate speech, juridical linguistics, terminological analysis, term, concept.

Natal'ya Y. Mospanova

*Academician Petrovsky Bryansk State University
mo_nati76@mail.ru*

Verbal reflection of human feelings in the Aleksey Konstantinovich Tolstoy's idiolect

Aleksey Konstantinovich Tolstoy's poetic idiolect features are examined through the prism of the analysis of main lexemes in his poetic works. The lexico-semantic analysis of representatives of human feelings as a fragment of an individual picture of the author's world is presented. Particular attention is focused on the synonymic row of “sorrow-sadness-gloom-grief”. The frequency of use of lexemes, their semantic valence, stylistic function, peculiarities of author's use is considered. Analysis of lexemes is considered due to the poet's worldview and aesthetic views. The author comes to a conclusion about the high frequency of not only the nominatives entering into the synonymic rows, but also their derivatives. In the poetic texts, the lexemes under study organise around themselves other words of the lexico-semantic group with the semantics “feeling” (joy, fun, melancholy, etc.), which allows us to present the characterization of Aleksey Konstantinovich Tolstoy's language personality in various psychological and emotional states. The combination of lexemes with adjectives-epithets introduces semantic increments of meaning into the meaning of the lexemes studied.

Keywords: Aleksey Konstantinovich Tolstoy's poetry, author's picture of world, feelings representation, synonymy, lexico-semantic characteristics, sorrow, sadness, gloom, grief.

Vasiliy A. Leonov
*Irkutsk State University
leonov.vasilij@mail.ru*

Discourse of ironic detective story: wordplay attraction under a mask of irony

This article reviews the discourse of an ironic detective story in terms of play and irony as the dominant elements of the narrative. Through an analysis of Darya Dontsova's work “Tsarevich Ivan Makes a Cat Laugh”, the author illustrates methods of evoking the wordplay amusement attraction by means of various linguistic techniques (allusions, precedent phenomena, oxymoron combinations), creating an ironical tinge.

The invariant of the structural-semantic schema of the detective discourse is the matrix onto which irony and the context of play are imposed. As a result, the game between the author and the reader and the game between heroes throughout the narrative shift the focus from issues of the detective genre to the plane of image, description, and assessment of events. The author concludes that the discourse of the ironic detective novel is a game owing its realisation to the technical action of irony, a special lexicon, and special rules of usage and syntax.

Keywords: language game, irony, discourse, ironic detective story, attraction, context, allusion, precedence, intertextuality, dialogue, Ironiker.

Dmitriy I. Ivanov

*Guangdong University of Foreign Studies, China
Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru*

The specificity of “instrumental” cognitive-pragmatic attitudes of Alexander Bashlachev's synthetic lingual personality

The general mechanisms of formation and functioning of a subsystem of instrumental cognitive-pragmatic attitudes (CPAs) which subsystem represents the cognitive and mental, dynamic and (or) transforming strategy of specific and (or) abstract actions and interactions of the personality which strategy is formed on the basis of target and self-identification subsystems of CPAs of a synthetic lingual personality which manifests itself in a complex of the specific principles and (or) attitudes implemented at the different levels and in various semiotic zones of modelling of CPAs; those mechanisms are considered within the author's linguoculturological theories (synthetic lingual personality (SLP) and modelling of cognitive-pragmatic programmes (CPPs)) on material of creative work of Alexander Bashlachev and his CPP of irrational-“primary” type “a true national poet”.

Keywords: synthetic lingual personality (SLP); cognitive-pragmatic programme (CPP); cognitive-pragmatic attitude (CPA), instrumental-cognitive strategy; rock culture; Alexander Bashlachev.

Xu Mingyuan

*Moscow Pedagogic State University
xumingyuan0208@sina.com*

Euphemisms as a means of creating comic in jokes of the KVN (“Club of the Funny and the Inventive”)

The article analyses the use of euphemisms as a tool for creating a comic effect in contemporary humorous discourse on the example of the KVN (“Club of the Funny and the Inventive”) game show. It is noted that the KVN has a special place in the system of modern Russian humour. Euphemisms, used in the jokes of the KVN, modify their functions: such general language functions of the given phenomenon as masking; communicative, aesthetic and political correctness function cease to be relevant. What is currently particularly actively violated, is the requirement of politi-

cal correctness: overweight people, representatives of other nationalities and races, people of non-traditional sexual orientation, with deformities, low income, etc. are made fun of. Euphemisms used in this case do not mask these phenomena, but make them more vivid and contrasting. “Defiant intolerance” is paradoxically combined with a peculiar tolerance: the introduction of these persons into the system of humour shows an adequate perception of them as full-fledged subjects of communication.

Keywords: humorous discourse, humour, KVN (Club of Funny and Inventive), comic, euphemisms, euphemia.

Svetlana A. Moskvichyova
People's Friendship University of Russia
moskvitcheva@mail.ru

Li Xue
People's Friendship University of Russia
loveevelynlee@hotmail.com

Putonghua and Sichuan dialect: interaction in communicative and social media of Sichuan Province

This article deals with the problem of the relationship between language and dialect in the aspect of sociolinguistic theoretical constructs such as loyalty to language and its social image. The research focuses on clarifying the place and role of the Sichuan dialect of the Chinese language in Sichuan province in South-western China in relation to the standard language. The study is based on the analysis of the results of the included observation of the communicative behaviour of the residents of Chengdu and the analysis of the results of the Internet survey. Putonghua, without doubt, has a high status and social prestige. However, despite certain institutional limitations in the use of the Chinese dialects, loyalty and their social image remain steadily positive, which allows talking about brilliant prospects for the vitality of the dialect.

Keywords: Sichuan dialect, social image, vitality, language loyalty, linguistic diversity, sociolinguistic categorisation.

Tat'yana G. Popova
*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow*
tatyana_27@mail.ru

Sergey A. Stepanov
*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow*
sas68@mail.ru

Marina V. Poluboyarova
Moscow State Linguistic University
marina22@yandex.ru

Lexical problems of translation in modern English, connected with the translation of compound words

The article is devoted to the analysis of lexical problems of translation in modern English, connected with the translation of compound words. The authors of the article dwell in detail on defining between a compound word and word combination. On numerous examples of neologisms of modern English language, the reasons for the appearance of new words and their stage of rooting in the language, dwelling on the problem of

lexicolisation and socialisation. The article gives the most frequently used methods and techniques of translating neologisms. A special emphasis of the authors of the article is on transliteration, direct inclusion, word-to-word translation and functional replacement.

Keywords: translation, neologism, transliteration, direct inclusion, word-to-word translation and functional replacement.

JURAL SCIENCES

Sergey I. Sayenko
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
sergeisaenko@rambler.ru

Rulemaking in the post-Soviet states: the results of ignoring the expert and professional foundations of development

The article notes that various factors of destructive nature influence the development of socially-oriented, quality-structured, form and content, legal in nature, normative acts. One of such factors is the ignoring by the subjects of norm-setting powers of the recommendations of scientists, practitioners and members of the public to improve the process of developing normative acts. As the second destructive factor, the low level of professionalism of individual subjects of rulemaking is singled out. It is argued that subjects of rulemaking must learn to recognize the fact that without the help of experts they will not be able to regulate effectively most of the spheres of vital activity of modern society effectively. The doors of the rule-making process need to be opened to enter into them constructive normative initiatives from academic science, the public and law enforcement. The article also indicates that there is a need to develop appropriate state educational programs, as well as to identify organisations that, under state orders, will be engaged in the preparation of future norm-makers and with scientific and methodological support for this process.

Keywords: rule of law, rulemaking, sources of legal norms, professionalism of normative actors, factors of negative impact on rulemaking.

Anastasiya B. Aleynikova
Penza State University
a-aleynikova@list.ru

Property and property right: sociohumanitarian approaches to research

The article examines the actual problems of some social sciences in the field of property right and property. On the basis of the analysis of numerous social and humanitarian literature, conclusions are drawn that the fruitfulness of research into the phenomena of ownership and property rights largely depends on the level of organization and conduct of interdisciplinary research, and therefore the proposal to create a new multidisciplinary science – prophetology – seems logical enough, achievements of social sciences and carrying out global philosophical generalisations of social knowledge, is designed to develop both interdisciplinary and, in general, an interdisciplinary doctrine of property. A hypothesis is advanced on the need

for a new scientific direction of property research – the ethology of property. It was also concluded that the general doctrine of property right especially needs to develop an interdisciplinary concept of property, which is caused by problems of understanding and enforcement of property that have not been solved yet, and the absence of generally accepted approaches to their study.

Keywords: multifaceted social phenomenon of property, social and human sciences, propetology, interdisciplinary property doctrine, general doctrine of property right.

Gor A. Manukyan

*The Stoletovs Vladimir State University
gor_manukyan91@mail.ru*

Experience of international activity of subjects of Federal States of North America (by the example of Canada)

The author traces the formation of the international activity of the provinces of Canada in the context of the evolution of the territorial-state structure. The formation of the foundations of Canadian statehood was carried out in the context of a serious struggle between the centre and the regions on certain aspects of the functioning of federal relations, including in the field of international activities of the provinces. Trends in centralisation of authority was manifested at the initial stage of the formation of the Canadian state. A specific feature of the international activity of the provinces of Canada, at this stage, was their early activity in the international space, expressed in the presence of links, especially with the metropolis in the absence of good constitutional practice. However, in the early 20th century there were prerequisites for gradual decentralisation of powers between the centre and the regions, a significant role in which was assigned to the decisions of the higher courts, which ultimately allowed the Canadian provinces to develop their international contacts more intensively. The author summarises the practical experience gained by the provinces in this field.

Keywords: Canadian provinces international activities, subjects of federation, federal state, territorial-state structure, subjects of international law.

Ravil' A. Zagidulin

*State University on the Pacific Ocean, the City of Khabarovsk
zaqinew@mail.ru*

Improvement of organisational and legal bases education in the Russian Federation

In this work, there is analysis of the organisation of educational process in Russia. We researched the legal status of subjects of educational process and their functions, in accordance with applicable regulations. The current dominance of administrative structures, the system “scientometrics” do not contribute to improving the quality of education. The core competence of the teaching staff is a high level of knowledge and pedagogic professionalism, in accordance with which, they should be assessed by their work. Leadership, management, monitoring and evaluation of their ac-

tivities, training and scientific guidance are the functions of the head of the Department and the faculty, not of the University “controlling” structures. Functions of the University include the creation of conditions for effective activities of departments and teachers. Based on the analysis of identified problems, we developed recommendations on the structuring of competences of actors in the education system. It is necessary to radically change the existing system of domination of the administrative structures of universities, subjecting their activities to create conditions for effective work of the teaching staff.

Keywords: educational process, Ministry of education and science, educational institution, teachers, quality of education.

Marina S. Matasova

*Kostroma State University
maramatasova44@yandex.ru*

The insignificance in the Russian Criminal Law: evaluation of the efficacy at the contemporary stage

The article is dedicated to the research of the institution of the insignificance in the Russian Criminal Law. The problem touched in the article is especially topical nowadays, which is due to the fact that the institution of the insignificance is insufficiently studied and worked over both in the theoretical-scientific and practical aspects. The realisation of the insignificance institution is highly complicated as long as the specific rules, criteria of its application have not only achieved the legislative establishment but also have not been sharply formulated even by the Criminal Law science. This research is aimed at studying the insignificance institution in dynamics; the exposure of the theoretical problems of defining the insignificance content and the problems of its realisation in the practical activity; and also the solution of the issue of the insignificance institution presence necessity in the Russian Criminal Law.

Keywords: crime, Criminal law institutions, Criminal law Common part, insignificance, insignificant act, practice of applying insignificance rules.

Yuliya S. Kurochkina

*Udmurt State University, the City of Izhevsk,
Udmurtia autonomy, Russia
Perm Cooperative College
planetavolodi@mail.ru*

Problems of forensic investigative procedures with the use of video conferencing

Despite the expansion of the scope of the proceedings from the videoconferencing system in the criminal procedure law contains no clear regulation of the procedures and order processing; order of interaction of the judges in conducting video conferencing; the necessity and procedure of announcement of the composition of the court in the location of the witness, the victim and the right of the parties to the statement of taps the composition of the court; the participation of a lawyer and interpreter during the interrogation of the victim (defendant, witness), their right to interview and ensuring its confidentiality; the procedure of court

investigative procedures, such as inspection of areas and premises, examination of evidence, examination. In the code of criminal procedure does not stipulates the right to produce using videoconferencing interrogation specialist, expert, civil claimant, civil defendant, representative (legal representative) of the victim (the defendant), the teacher, the psychologist, the procedure of interrogation of these persons. These gaps in the legislation create problems in the application of videoconferencing in judicial practice.

Keywords: judicial investigation of character, videoconferencing, gaps in criminal procedure legislation.

Svetlana V. Stefanishina

*Law Office of Lawyer Chamber of Kostroma Region
stefanishina_sve@bk.ru*

Status of third-parties when they perform pre-trial sanitation in bankruptcy

The aim of the article is to determine the legal status of third parties at the stage of pre-trial sanitation of enterprises and organisations that are on the verge of bankruptcy. In this context, the concept “pre-trial sanitation” through a prism of participation at this stage of the financial help of so-called “third parties” is analysed. Offers opinion on mixture in the modern doctrine of designs “pre-trial sanitation” and “improving procedures”. The author’s understanding of “pre-trial sanitation” as one of the types of sanitation and, in general, improving procedures is offered. Particular attention is devoted to the study of various forms of third party participation in the financial recovery of companies. Judicial practice concerning pre-trial sanitation issues is considered. The analysis of the planned changes of the legislation is provided. At the end of the work, a legal definition of the concept “pre-trial sanator” is given.

Keywords: insolvency (bankruptcy), third parties status, pre-trial sanitation, third parties, improving procedures, pre-trial sanator.

Stanislav P. Styopkin

*Russian State Social University, Moscow
stepkin.sciences@gmail.com*

Problems of freedom of the agreement at air transportation of animal baggage by the example of PJSC Aeroflot – Russian Airlines

In the article, the author considers the legal framework regulating the status of the contract of civil transportations by air transport on the example of restriction of the right of citizens for transportation as baggage of pets by the Russian airlines “Aeroflot”. By the late 2016, the airline has imposed a ban on the carriage of dogs of certain breeds, with the reason for the restrictions was the fact of the death of one animal transported in the luggage compartment. No studies confirming the conclusions on the basis of which the airline has imposed a ban have been submitted or conducted. In this regard, the author notes the excessive freedom of contract granted to air carriers, which allows limiting the rights of citizens at the stage of conclusion of the contract of air transportation.

Keywords: contract of carriage, freedom of contract, PJSC Aeroflot – Russian Airlines, carriage of animals, luggage.

Zoya Ye. Gromova

*Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
zoya_gromova@mail.ru*

Realisation of administrative responsibility in the field of judicial administration

The article analyses the issues of administrative responsibility in the field of judicial administration. To this end, the author analyses the Federal legislation for provisions establishing the financing of courts. An attempt is also made to analyse the approaches developed in the scientific discussion to the status of the courts themselves as objects of inspections carried out by the state financial control bodies. The article also briefly examines the powers of the accounts chamber of the Russian Federation, which it is endowed with to ensure legality in the financial and economic activities of the inspected objects. The author analyses the powers of court administrators. The author concludes that in the presence of administrative violations in the financial and economic activities of the court, the measures of administrative responsibility should be applied against the administrators of the courts as persons who lack for status of judge. Implementation of the proposal is possible by making appropriate changes to the standard of state audit of the accounts chamber of the Russian Federation.

Keywords: state audit, Federal law as of 10 / 02 / 1999 # 30-ФЗ “On financing of courts in Russian Federation”, law on judicial power, President of court, status of judges, administrative responsibility, bill, state judicial service, court administrator, typical official regulations.

Pyotr V. Sergeev

*Lomonosov Moscow State University
litigator2015@yandex.ru*

Application of internal statutes of religious organisations in civil legal relations

The article contains an analysis of the specifics of the application of internal regulations of religious organisations in the regulation of civil legal relations. The internal regulations of religious organisations has only recently been reflected in the Civil Code of the Russian Federation (in articles 123.26 and 123.27). And while in the framework of labour legislation and legislation on freedom of conscience certain approaches to the interpretation, and application of this concept were previously outlined, in civil relations science and practice are however only at the beginning of this path. The author suggests a possible definition of the internal regulations of religious organisations, an algorithm for their interpretation. The article highlights the complexity and ambiguity of the application of the studied concept. The consideration of the topic is based on a systematic study of normative legal acts and theoretical research in the field of law.

Keywords: religious organisations, internal regulations, trade, civil relationship, commercial activity, interpretation.

Marina V. Prokhorova
Kostroma State University
m89159092166@gmail.com

Stonewalling and certain ceilings on entrepreneurial activity

The article deals with some obstacles and restrictions, arising in connection with the implementation of entrepreneurial activity, namely: refusal to state registration due to non-submission of the required documents; force majeure; problematic registration of organisations in living quarters; restriction of entrepreneur's liberty by a treaty; phenomena of the shadow economy; lack of emerging entrepreneurs' skills. By examining and analysing the legal norms and jurisprudence, an attempt will be made to determine the reasons for the obstacles and restrictions in entrepreneurial activity, and propose possible ways to eliminate them completely or partially. The comparative analyses of entrepreneurship's general activity level and emerging and established entrepreneurs' activity were also conducted; the overall conclusion was drawn on the need to support small and medium-sized entrepreneurs by minimising an adverse influence of the above-mentioned obstacles.

Keywords: entrepreneurial activity, entrepreneur, free enterprise, obstacles and restrictions, limiting factors.

Nikolay A. Redkov
Kostroma State University
redkov0202@yandex.ru

Discrimination in the working sphere

The problem of discrimination of certain categories of citizens in relation to other categories has always been of particular interest, since it affects absolutely all spheres of society without exception, but it is in the sphere of labour that discrimination has become most widespread. Therefore, one of the main principles of both foreign and Russian labour law is the principle of prohibition of discrimination in the world of work. The article analyses the definitions of discrimination, gives the most common types of discrimination in the sphere of work, gives examples, explanations, jurisprudence, authoritative opinions of Russian researchers, causes of origin, statistics. The norms of the Russian and foreign legislation stipulating the prohibition of discrimination in the sphere of work are given. The colossal importance of the issue of prohibiting discrimination in the sphere of work is due to the novelty of such study.

Keywords: discrimination in work sphere, labour relations, discrimination concept, criteria for discrimination, types of discrimination.

Yaroslava V. Kolomnikova
State University on the Pacific Ocean, the City of Khabarovsk
slavka.xxx@mail.ru

Natal'ya V. Morgunova
State University on the Pacific Ocean, the City of Khabarovsk
Communication Lines University of the Russian Far East,
the City of Khabarovsk
morgonv@mail.ru

Labour migration: main problems and ways of their decision

As for migration, what is today one of the most attractive states, is the Russian Federation. The problem of use of foreign labour is particularly acute in modern Russia. On the one hand, the economy of Russia needs foreign workers, on the other hand, foreign migration is capable to deform structure of employment, to cause an imbalance in the social sphere and to provoke the international conflicts and also to aggravate a criminogenic situation. Such concepts as the migrant and the migrant worker, are considered in this article. Modern migration situation problems in Russia are considered by the authors, questions of illegal labour migration, problems of illegal migration and possible ways of their prevention are mentioned, legal regulation of migration processes and improvement of the migration legislation is considered.

Keywords: migrants, migrant workers, illegal migrant workers, external labour migration, migration policy, migration processes, migration legislation, patent, work permit.

Ivan N. Mel'nikov
Kostroma State University
melnik44@gmail.com

The importance of legal propaganda for the implementation of youth policy in Russia

The article defines the necessity of forming a positive sense of justice for young people for the purposes of implementing youth policy in Russia. It is pointed out that the main source of youth's legal consciousness is legal education, which is realised through steam education, legal propaganda and positive legal practices. The author analysed some methods of legal propaganda and their significance for the legal education of youth. In particular, the right propaganda channels such as interaction of youth with social leaders, legal propaganda in the mentoring institute and legal propaganda on the Internet are investigated in the work, as well as topical problems in the use of these channels of legal propaganda which are revealed.

Keywords: legal education, legal propaganda, youth policy.

Ivan N. Mel'nikov
Kostroma State University
melnik44@gmail.com
Lyubov' A. Kukushkina
Kostroma State University
lub-kuku@mail.ru

The legal culture of modern Russian society and its role in the formation of electoral culture

The article presents an analysis of the topical problems of the legal culture of modern Russian society in the aspect of evaluating electoral culture in Russia.

The authors cite gaps in the field of knowledge of their own electoral rights as the citizens' and the negative consequences associated with violation of the general principles of electoral law as the main reasons for the low level of electoral activity of the population. As ways to overcome these problems, the authors propose to increase the popularisation of the electoral rights of the population and to carry out this activity on an ongoing basis, as well as to ensure strict observance of the principles of the suffrage.

Keywords: legal culture, electoral culture, human rights and freedoms.

Vladlena V. Ivanova
Kostroma State University
iavnova98@bk.ru

Lyubov' A. Kukushkina
Kostroma State University
lub-kuku@mail.ru

Ways to raise legal awareness among students of non-law departments

The article deals with the issue of legal competence and legal awareness of the young people. This issue arouses interest and a wide discussion in the university community and in general public. Youth forums and workshops aimed at improvement of economic and legal awareness among the young people are held in Russia annually. The article reveals the main forms of distorted legal competence manifestation: legal infantilism and legal nihilism. The article focuses on the formation of legal awareness among undergraduates of non-law departments who face up difficulties performing their professional responsibilities which involve legal knowledge. The survey conducted among the students of Kostroma State University reveals some gaps in their legal competence and the article proposes the ways to solve a problem.

Keywords: legal awareness, students of non-law departments, jurisprudential disciplines, forms of distorted legal competence manifestation, legal infantilism, legal nihilism, legal information systems, law society. Association of lawyers.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Irina P. Verba
Yaroslavl Higher Military Institute of Air Defence
verba.ir@mail.ru

Regional lexicography as a means of presentation of the language of folkish culture: the 110th anniversary of the birth of Grigoriy Mel'nichenko

On the 10th and the 11th April 2018, Ushinsky April, 2018, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, the III All-Russian scientific conference "Yaroslavl text in the medium of the dialogue of cultures" was held. Section "Regional lexicography as a means of presentation of the language of folkish culture", which was dedicated to the 110th anniversary of the birth of Grigoriy Mel'nichenko – the founder of Yaroslavl dialectological school, – was organised. The review of scientific reports, with which the group of researchers – Irina Verba, Yelena Veselova, Polina Vinogradova, Galina Neganova, Yelena Tsvetkova, which represent Kostroma dialectological school of Nina Gantsovskaya, lead by the head herself, participated in the section, is given in the article.

Keywords: III All-Russian scientific conference "Yaroslavl text in the medium of the dialogue of cultures", Grigoriy Mel'nichenko's birth 110th anniversary, Nina Gantsovskaya's Kostroma dialectological school, scientific report, lexicology, lexicography.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствии с требованиями транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Теля В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск: М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2018 – Т. 24 – № 2

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 17.05.2018.
Дата выхода в свет 29.06.2018.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 47,3.
Уч.-изд. 49,0 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 137.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна